МОРСКИЕ БИОРЕСУРСЫ – ИСТОЧНИК ВОСПРОИЗВОДСТВА ОСНОВНЫХ ФОНДОВ В РЫБНОЙ ОТРАСЛИ

Васильев А.М.
доктор экономических наук,
заведующий отделом экономики морской деятельности в Арктике
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассматривается состояние промыслового флота, возможности строительства новых судов в России и за рубежом, и использования квот ценных биоресурсов в качестве источника финансовых средств для оплаты строительства и залога.

Ключевые слова: Океаническое рыболовство, флот, морские водные биоресурсы, строительство судов.

SEA BIORESOURCES – A SOURCE OF REPRODUCTION OF FIXED ASSETS IN THE FISHING INDUSTRY

Vasiliev A.M.
Doctor of economic sciences
head of department of economy of marine activities in the Arctic
Luzin Institute of economic issues
Kola Science Centre of RAS

Abstract

There are considered the condition of the fishing fleet, possibilities for building new vessels in Russia and abroad and using the quotas for valuable biological resources as a financial source for paying the construction and guarantee.

Key words: ocean fishing, fleet, sea water biological resources, vessel building.

Океанический промысловый флот Мурманской области в 2008г. состоял из 182 единиц, в том числе из 11 ед. (6,0%) супертраулеров, 16 ед. (8,8%) больших морозильных траулеров (БМРТ), 122 ед. (67,0%) средних морозильных судов, 14 ед. (7,7%) средних рефрижераторных траулеров, 12 ед. (6,6%) ярусоловов, 6 ед. (3,3%) краболовов и 1 ед. (0,6%) гребешколовов (таблица 1).

Таблица 1

Состав океанического промыслового флота Мурманской области

Тип судна	Длина наиб., м	Кол-во, ед.			
		1980	1990	2007	2008
1. Крупные суда	113,3-120,4	12	27	11	11
1.1 Рыболовный траулер морозильно-консервный-супер типа «Моонзунд» (РТМК-С)	120,4	-	10	10	10
1.2 Рыболовный траулер морозильно-консервный-супер типа «Горизонт» (РТМ-С)	111,3	12	17	1	1
2. Большие морозильные рыболовные траулеры разных типов (БМРТПТ)	81,0-107,0	141	118	16	16
3. Средние морозильные траулеры	45,0-69,0	10	61	131	122
3.1 Средний рыболовный траулер	54,0-69,0	10	41	87	83

морозильный разных типов (СРТМ)					
3.2 Траулер-сейнер морозильный типов «Оболонь» и «Орленок»	62,25	-	20	22	19
3.3Морозильный траулер типа «Баренцево море» (МТ)	69,8	-	-	3	2
3.4 Средний рыболовный траулер проекта 2198	45,0	-	-	4	4
3.5 Сейнер-траулер типа «Альпинист» модерн.		-	-	11	11
3.6 Бербоут-чартерные	45,0	-	-	4	3
4 Средние рефрижераторные траулеры	43,7-69,0	75	63	14	14
4.1 Посольно-свежьевой траулер типа «Баренцево море» (ПСТР)	59,0	13	38	7	6
4.2 Сейнер-траулер рефрижераторный типа «Альпинист» (СТР)	53,7	15	14	-	-
4.3 Рыболовные траулеры разных типов (РТ), средние рыболовные траулеры типа «Океан», «Бологое», «Саргасса» (СРТ)	43,7-59,2	-	-	5	7
4.4 Наливные	69,2	-	-	2	1
4.5 Бербоут-чартерные		47	11	-	-
5 Ярусоловы	47,0-59,0	-	-	13	12
6 Краболовы		-	-	4	6
7 Гребешколовы	80,5	-	-	1	1
Всего		238	269	190	182

Кроме этого в эксплуатации находится 78 малых судов разного типа для прибрежного промысла.

Средний возраст океанических судов Мурманской обл. составляет ~ 24,6 лет. Если сравнивать с северными странами с развитым рыболовством, то различие незначительное: в Норвегии и Дании флот старше, соответственно, на 1,6 и 4,5 года, в Великобритании и Исландии – моложе на 4,6 и 3,1 года. Однако, производительность промысла (вылов на 1 рыбака, в названных странах выше, чем у мурманских рыбаков; в Дании – в 2,2 раза, в Исландии – в 3,9 раза, в Норвегии – в 2,4 раза, а если сравнивать с общероссийским уровнем, то различие достигает 7-12 раз. Таким образом, при примерно равном возрасте, рыболовный флот северных стран Европы, работающий в примерно равных условиях, намного эффективнее российского. Следовательно, основные причины низкой эффективности эксплуатации российских судов заключаются в другом.

Основным фактором превосходства зарубежных рыболовный судов названных стран является наличие модернизационных ремонтов, в ходе которых на многих из них были заменены главные двигатели, добывающие комплексы, рыбоперерабатывающие и радионавигационное оборудование. Об этом свидетельствуют траулеры, приобретенные мурманскими судовладельцами в последние годы. Поэтому многие из этих 45 судов солидные по возрасту корпуса, но относительно молодые по оборудованию.

Следующим по значимости фактором, влияющим на производительность судов, по нашему мнению, является «распыление» квот ценных биоресурсов среди многочисленных судовладельцев, вследствие чего промысловый потенциал добывающего флота используется в среднем не более, чем на 70% [1]. Например, на Северном бассейне 98 судовладельцев из 175 имеют 1 траулер, 43 – имеют по 2 судна (в действительности ситуация несколько иная, так как в прежние годы крупные и средние организации искусственно дробились в целях получения льготы по налогу на прибыль. Однако факт имеет место).

Сказывается на уровень использования судов расположение районов промысла от мест реализации уловов, а также вид используемых орудий лова и структура флота. Ввиду больших затрат времени на переходы, российские траулеры на Европейском Севере меньшую часть рейсооборота используют на лову. Что касается орудий лова, то российские суда не используют кошельки, которые на добыче массовых пелагических видов рыб в несколько раз выгоднее тралов. С помощью ярусов добывается лишь около 5% общих объемов трески и пикши (за рубежом 40% и более).

Изложенная ситуация с добывающим флотом не мешает наращивать общий вылов морских гидробионтов как в целом по стране, так и на Северном Бассейне. Этому способствует хорошее состояние промысловых стад трески и пикши на Северном Бассейне, лососевых, минтая и других видов рыб на Дальнем Востоке. Однако, на Европейском Севере два года подряд не освоены квоты мойвы (2009-2010гг.), что послужило причиной их уменьшения для России; почти не ведется добыча сайки. Эти объекты при использовании имеющихся судов и орудий лова низкорентабельны и мало интересуют владельцев судов. Кроме этого, сайка трудно реализуема. На Дальнем Востоке также наблюдается не освоение промысловых запасов сайры, трески и других видов рыб.

Неудовлетворительное состояние флота, не полное освоение промысловых запасов вызывает тревогу у руководства Федерального агентства по рыболовству. Основной довод в необходимости массового обновления флота – его старение. Судовладельцы тоже не возражают против строительства новых судов, хотя и заявляют, что «железа» для обеспечения уловов на нынешнем уровне хватит до 2020 года.

В сложившихся условиях, когда и «верхи и низы хотят, но не знают как», ведется дискуссия по поводу типов новых судов, мест строительстве (в России или за рубежом), финансовых схем оплаты и других вопросов, в том числе изложенных в «Проекте Концепции обновления рыбопромыслового флота на 2010-2020 годы», разработанной ОАО «Гипрорыбфлот» [1]. Различные предложения обсуждаются на совещаниях под эгидой Росрыболовства в целях включения их в «Стратегию развития рыболовного судостроения в Российской Федерации на период 2010-2020гг.».

Поскольку основным источником финансовых средств для оплаты строительства судов являются доходы от добычи биоресурсов, то одним из острых вопросов является разработка финансового механизма их целевого аккумулирования и использования. В Западных странах существуют различные схемы поддержки судостроения – субсидии, гарантийные фонды, лизинг, льготные кредиты и тому подобное, но основным плательщиком является заказчик, в качестве которого выступает будущий судовладелец.

Правительство России, по нашему мнению, намеревалось также идти по этому пути. В целях создания благоприятных финансово-экономических условий для инвестирования с 1 января 2008г. Были уменьшены ставки за пользование водными биологическими ресурсами (ВБР) со 100% до 15%, а для организаций доставляющих рыбопродукцию на территорию Российской Федерации – до 10%. С 1 января 2009г. Налоговая ставка по налогу на прибыль уменьшена с 24% до 20%.

В соответствии с Федеральным Законом №333-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов" с 1 января 2009г. рыбодобывающие организации, численность работников которых не превышает 250 чел., получили право перехода на Единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) [5]. Принятие закона позволяет уплачивать единый налог в размере 6% с полученной прибыли, заменяющий налог на прибыль, имущество и ЕСН. Кроме этого, организации и индивидуальные предприниматели, являющиеся налогоплательщиками ЕСХН, не признаются налогоплательщиками налога на добавленную стоимость. Проведенный нами анализ выявил, что налоговые платежи в бюджетную систему РФ от предприятий, основной вид деятельности которых «Рыболовство рыбоводство» в 2009г.

уменьшились, по сравнению с 2007г., на 45%. Это при том, что общий вылов увеличился на 10,7%, в том числе трески и пикши – на 24,0%.

Важным для улучшения инвестиционного климата является увеличение с 2009г. периода наделения долями квот с 5 до 10 лет и обещание довести его до 15 лет.

Предпринятые меры по стимулированию процесса воспроизводства основных фондов пока результатов не дали (таблица 2)

Таблица 2

Инвестиции в основной капитал организаций[1)] по видам экономической деятельности

	2005	2006	2007	2008	2009
Миллионов рублей					
Рыболовство	669,2	773,4	644,3	367,6	208,1
Рыбоводство	9,8	1,4	0,3	0,8	15,4
Переработка и консервирование рыбо- и морепродуктов	22,2	5,1	11,4	45,7	16,0
В % к общему объему по области					
Рыболовство	3,8	3,6	2,7	0,9	0,5
Рыбоводство	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
Переработка и консервирование рыбо- и морепродуктов	0,1	0,0	0,0	0,1	0,0

[1)] *Без субъектов малого предпринимательства, а также без затрат на приобретение имущества на условиях финансового лизинга.*

Основными причинами отсутствия должной реакции на мероприятия Правительства по стимулированию инвестиционного процесса, по нашему мнению, являются:

Во-первых, наличие еще достаточных добывающих мощностей, обеспечивающих высокую рентабельность промысла в созданных экономических условиях. В докладе Губернатора Мурманской области Дмитриенко Д.В. при визите Президента РФ Медведева Д.А. в Мурманск в 2010г. названа цифра в 38,6% в 2009г. (по данным Облстата рентабельность рыболовства в 2009г. составила 22,4% [3]). Эффективность добычи трески и пикши в 2-3 раза выше.

Во-вторых, большой риск не окупаемости финансовых вложений как со стороны природных факторов, так и со стороны институциональных. Известно, что запасы трески изменяются с периодичностью в 11-12 лет и срок их уменьшения в приближается. Возможно, что он отодвинется в связи с потеплением Океана, но такая вероятность существует. Вторая причина риска – у владельцев квот нет уверенности, что Правительство РФ не предпримет каких-либо мер по изменению порядка наделения биоресурсами. Например, существует мнение, что Правительство может начать выделять квоты под вновь строящиеся суда. В этом случае объем долей значительно уменьшится [4].

В третьих, большинство судовладельцев находится в ожидании прояснения ситуации с возможностью строительства траулеров за рубежом. Пока это не поощряется, но и не наказывается и Росрыболовство не объявляло о возможности использования каких-либо мер против организаций, строящих суда за границей, или о стимулировании строительства в России. Однако понятно, что в такой ситуации большинство предпочтет строить траулеры в других странах: стоимость, по крайней мере, не выше; сроки – короче, качество выше, ставки кредитов – ниже, залоговое имущество не требуется. И пока суть да дело, строительство 3-4 траулеров за рубежом уже началось.

В четвертых, для получения кредита в банках России, как правило, требуется залоговое имущество, которого большинство рыбодобывающих фирм не имеет. Выход из тупикового положения предлагается в придании долям биоресурсов залогового (стоимостного) качества. Например, М.С. Минасян предлагает выписывать на доли

ценные бумаги – сертификаты, которые можно продавать и покупать на фондовом рынке, а также закладывать в банки [2]. Такой точки зрения придерживается большинство владельцев судов. Однако, сложность осуществления этого предложения заключается в том, что биоресурсы принадлежат государству, а рыбодобывающие организации сплошь частные. Вторая причина невозможности придания долям залогового качества кроется в том, что натуральный и денежный объемы долей ежегодно меняются в зависимости от состояния биоресурсов. За 5-ти, 10-ти летний период строительства и окупаемости судна долевые сертификаты могут потерять свою ценность.

В пятых, для получения и обслуживания кредита требуется иметь минимальный объем квот: для строительства малого судна – 1000-1500 т. ценных гидробионтов, среднего - ~ 5000 т. также ценных видов рыб и для приобретения большого траулера для добычи пелагических видов рыб – 10000-15000 т. Добывающих организаций, наделенных квотами около 5 тыс.т. и более на Северном бассейне насчитывается около 9, а в Мурманской области 7.

Самым проблемным вопросом, по нашему мнению, в настоящее время, является налаживания строительства траулеров в России. И в решении его не обойтись без «кнута и пряника».

Выше было сказано, что Правительство РФ уже много сделало для создания благоприятных условий для функционирования российского рыболовства. Например, налоговое бремя (без учета ЕСН) составляет в среднем 4-6 коп./руб. и является одним из самых низких в стране. (Этот уровень налогообложения сопоставим с норвежским). Однако полагаем, что налоговое реформирование надо довести до логичного конца, предоставив возможность переходить на ЕСХН и крупным организациям. Как правило, именно они занимаются добычей пелагических (менее ценных и выгодных) видов рыб и поэтому находятся в худших экономических условиях. Рентабельность промысла (отношение валовой прибыли к себестоимости) у них в сравнении с добычей трески и пикши, в 2-3 раза ниже. Кроме этого, существующее ограничение для перехода на ЕСХН (численность не более 250 человек) препятствует укрупнению организаций, в чем рыболовство крайне нуждается. Наличие в океаническом рыболовстве предприятий с одним траулером типа СРТМ и квотой в 300-500 т недопустимо. Они или должны уйти на прибрежный промысел, приобретя малое рыболовное судно, или объединиться в альянс и оптимизировать соотношение: рыбодобывающая мощность (потенциал) – наличие квот. Этот процесс целесообразно срочно стимулировать, запретив освоение квот арендуемыми судами.

Наряду с льготным налогообложением и снижением платы за биоресурсы, при строительстве судов в России будут осуществляться субсидирование кредитных ставок, льготный лизинг, обнуление пошлин на импортное оборудование [1].

Анализ условий строительства судов за рубежом и в России показывает, что этого для привлечения инвесторов (владельцев квот) на российские верфи будет недостаточно. Вероятно потребуются дополнительные меры по стимулированию и принуждению. Из них можно рассматривать дополнительное наделение квотами при строительстве судов в России и увеличение платы за биоресурсы до 100% для тех, кто будет строить траулеры за рубежом. Состояние запасов трески и пикши в Баренцевом и Норвежском морях в ближайшие годы, по данным ПИНРО, будет хорошим, что позволит дополнительные объемы квот направить на стимулирование строительства судов в России.

В заключении остановимся на вопросах промыслового вооружения на новых судах. Как известно, океанические рыболовные суда Северного бассейна ~ 95% общего лова осуществляют с помощью тралов. В других странах Европейского Севера, в том числе в Норвегии, широко применяются нетраловые методы лова. В свете рекомендаций FAO и Фонда Дикой природы использование большинства нетраловых орудий лова можно считать перспективным направлением. Поэтому при строительстве новых судов целесообразно предусматривать многоцелевое промысловое вооружение. Это актуально и

с точки зрения ведения промысла в Норвежской экономической зоне и в Медвеженско-Шпицбергенском районе. Ибо существует вероятность того, что норвежские власти будут ограничивать ведение промысла с помощью тралов.

Литература

1. Краткое изложение основных положений концепции обновления рыбопромыслового флота на 2010-2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fishnews.ru/rubric/obnovlenie-flota/2285
2. Минасян М.С. Рыбный бизнес и власть: пора договариваться // Рыбные ресурсы. – 2004. - №1(6).- С. 2-7
3. Рыбохозяйственный комплекс Мурманской области / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области / Мурманскстат, 2010 – 36 с.
4. Совещание в Российском Союзе промышленников и предпринимателей // Рыбные ресурсы. – 2010. - №4. – С. 34-38
5. Федеральный закон о внесении изменений в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nalog.consultant.ru/doc82297.html

References

1. Brief description of the main principles of the conception of the fishing fleet renovation for 2010-2020 [Electronic resource]. – Access mode: http://fishnews.ru/rubric/obnovlenie-flota/2285
2. Minasyan M.S. The fishing business and the power: time to agree // Fishing resources. – 2004. – No. 1 (6) – P. 2-7
3. The fishing complex of the Murmansk region / Federal service of state statistics, the territorial body of the Federal service of state statistics in the Murmansk region / Murmanskstat, 2010 – 36 p.
4. Meeting in the Russian Union of industrialists and entrepreneurs // Fishing resources. – 2010. – No.4. – P. 34-38
5. Federal law on changes in the Federal law “On Fisheries and conservation of water biological resources” and other legislative acts of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: http://nalog.consultant.ru/doc82297.html

СОГЛАШЕНИЕ О РАЗДЕЛЕ ПРОДУКЦИИ ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ

Зерщикова Н.И.,
кандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела экономической политики
и хозяйственной деятельности в Арктике и районах Крайнего Севера
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН

В статье рассматриваются особенности использования соглашений о разделе продукции. Выявлены позитивные факторы применения соглашений в сложных добычных условиях. Представлена оценка преимуществ реализации соглашений на основе предоставления преференций.

Ключевые слова: соглашения, месторождения, инвестиции, преференции.

AGREEMENTS ON PRODUCTION SHARING ABROAD AND IN RUSSIA

Zershchikova N.I.,
Ph.D. (Econ.), Docent,
senior researcher of department of economic policy
and economic activities in the Arctic and regions of the High North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The article discusses the specificity of using production sharing agreements. Positive factors of using the agreements under complicated mining conditions are revealed. Evaluation of advantages of realization of the agreements on the basis of giving preferences is presented.

Key words: agreements, deposits, investments, preferences.

Одной из стран, впервые сформировавших концепцию раздела продукции в сфере добычи полезных ископаемых, была Индонезия. Закон 1899 г. "О добыче полезных ископаемых в Индии" определял права недропользования в Индонезии на основе концессионных соглашений. Концессии могли выдаваться на период до 75 лет, однако в практике этот период времени составлял 40 лет. Максимальное налогообложение прибыли от добычи полезных ископаемых равнялось 20%. Иностранные предприниматели, которые доминировали в сфере добычи нефти, также могли являться владельцами концессий. Особенности применения концессионных соглашений зарубежных стран представлены в табл. 1 [1].

Таблица 1

Особенности применения концессионных механизмов зарубежных стран

В странах СНГ
• слабо развитая законодательная база (во многих странах единый закон); • закон регламентирует отношения исключительно (в ряде стран) в области инфраструктурных концессий, концессии в области недропользования являются предметом регулирования соответствующего горного законодательства. (Украина и Казахстан); • разработка ряда нефтяных месторождений ведется на основании имеющих силу законов соглашений о разделе продукции, заключенных правительством фактически без опоры на какую-либо нормативную базу; • уровень развития нормативной инфраструктуры препятствует их успешной реализации соглашений; • в ряде стран концессии заключаются только с иностранными партнерами; • порядок заключения и функционирования концессий в области недропользования регулируется Указами Президента; • при исполнении концессионного соглашения приоритет отдается местным кадрам, в т.ч. в использовании оборудования и материалов; • концессионеры обязаны страховать предпринимательские и экологические риски; • используются типовые тексты концессионных соглашений (так называемые модельные контракты).
В развивающихся странах
• для реализации концессионного соглашения создается государственная компания, сочетающая в себе функции органа государственной власти и коммерческой организации (три участника - государство, компания, концессионер); • условия каждого концессионного соглашения рассматриваются парламентом и принимаются в форме специального закона; • концессионные проекты обеспечивают приоритетные сферы деятельности; • отсутствуют потребности в каких-либо прямых государственных гарантиях; • при использовании высокотехнологичного оборудования создается кадровая база из местных граждан, для передачи им необходимых знаний и навыков.
В развитых странах
• высоко развитая система законов, правовой инфраструктуры и государственных институтов; • "концессия" имеет исключительно административно-правовую природу и высокую степень вмешательства административных органов власти в деятельность концессионера;

- законодательство в области недропользования складывается как из ряда федеральных законов, так и из регионального законодательства;
- имеется возможность существования частной собственности на недра. Однако данная частная собственность является предметом большого числа изъятий и ограничений;
- проводится сертификация месторождения в административном органе (например, Геологическое управление), которое рекомендует размеры ренты, роялти и связанные с ними платежи;
- концессионер с согласия соответствующего органа может переуступить возможность осуществления прав по концессии (фактического осуществления добычи) специализированной добывающей компании, сохранив за собой часть доходов от добычи;
- может присутствовать требование о том, что добытые жидкие углеводороды должны оставаться на собственной территории (США);
- осуществляется контроль над соблюдением многочисленных норм в области экологии, охраны труда.

В 1949 г. Индонезия в результате подписания Гаагского договора приобрела государственный суверенитет, который распространялся и на полезные ископаемые территории. Правоотношения в сфере добычи полезных ископаемых регулировали поиск и добычу твердых минеральных полезных ископаемых, а также поиск и добычу нефти и природного газа.

На смену концессии приходят договоры подряда. Индонезийская нефтедобыча того периода находилась в тяжелейшем состоянии: инфраструктура большинства месторождений была практически полностью разрушена во время Второй мировой войны. Остро ощущался дефицит инвестиций в эту сферу народного хозяйства. Ограниченно применялись новые технологии в сфере поиска и добычи нефти. Нефтедобыча проводилась исключительно для государственных нужд. Первые нефтяные договоры двух иностранных компаний (американской и канадской) заключались не между государством и иностранным инвестором, а между инвестором и компанией "P.T. Permina". В дальнейшем было подписано первое СРП со стороны государства и иностранными компаниями.

Иностранные предприятия инвестировали средства в проект, в обмен на это они получали оговоренную договором часть добытой продукции. Механизм раздела продукции сохранял сырьевой национализм. В СРП предусматривалась возможность раздела продукции уже после компенсации подлежащих возмещению сумм. Инвестор обязывался вносить в государственную казну платежи за каждую добытую единицу сырья, а также часть прибыли за вычетом понесенных затрат и остатка дебита предыдущих лет. Правительство, в свою очередь, могло потребовать от инвестора вместо уплаты вышеобозначенных платежей часть добытой нефти, если у государства на тот момент возникала потребность в данном виде сырья. Такая замена осуществлялась только в строго определенных случаях и при определенных условиях. Раздела продукции не происходило, а практика развивалась по пути уплаты инвестором определенных денежных сумм в казну государства. Компетенция по организации и осуществлению мероприятий по разработке и оформлению СРП передавалась Правительству. Министр горной промышленности подписывал соглашения по разрешению Правительства. Правила игры оговаривались в проекте СРП.

В 1966 г. между государственным предприятием "Permina" и "ПАРСО" было подписано соглашение о разделе продукции, в котором речь шла о реализации проекта в северо-западной части шельфа моря Ява. Это был первый проект на шельфе Индонезии. Данное соглашение заключалось на 30 лет и содержало оговорку, что оно может быть расторгнуто со стороны инвестора, если в течение 10 лет не будет обнаружено месторождения нефти (отменительное условие). Если в том была необходимость, обе стороны договора получали возможность расторгнуть соглашение в письменном виде в течение 90 дней.

Эксплуатационные расходы могли при этом ежегодно возмещаться в пределах, не превышающих 40% ежегодной добычи. Превышение эксплуатационных расходов компенсировалось в последующие годы, до тех пор, пока сумма компенсации не достигала 40% от добытой в том году нефти (так называемой прибыльной нефти). Добытая нефть, которая использовалась для погашения эксплуатационных расходов, получила название "компенсационная нефть". Прибыльная нефть распределялась следующим образом: "ПАРСО" получала 35%, "Permina" - 65%. Составлялся план транспортировки. "ПАРСО" получала право в соответствии с соглашением на часть добытой нефти. Раздел осуществлялся в процессе транспортировки.

В некоторых соглашениях предусматривался бонус от произведенной продукции, который инвестор обязан был уплачивать государственной нефтяной компании в случае достижения определенного объема добычи нефти в течение определенного периода. Бонус при достижении определенного уровня добычи должен был уплачиваться не чаще одного раза в год.

Компенсационный бонус уплачивался в пользу государственной нефтяной компании за предоставляемую инвестору геологическую информацию. Фактически это был бонус, уплачиваемый в момент подписания соглашения. Сумма бонусов была предметом переговоров и закреплялась в соглашении. Первоначально платежи осуществлялись в долларах США, позднее предусматривалась возможность уплаты платежей и в других валютах.

Если месторождения нефти обнаружены не были, по соглашению предусматривался отказ стороны от четверти территории предоставленной для разведки после трех и шести лет после заключения договора. Отсрочка добровольного отказа была возможна посредством выплаты бонуса. Данное условие препятствовало прекращению действий поиска и разведки полезных ископаемых после обнаружения месторождения. Механизмом гарантирования инвестиций в соглашениях выступала оговорка о третейском суде. Президент Женевского земельного суда должен был назначить третейского судью. Стабилизационная оговорка не была предусмотрена в индонезийских договорах СРП.

СРП в Индонезии представляло собой пример договора, который испытывал на себе влияние национального индонезийского законодательства, вследствие чего он не был совершенным. На основании одинаковых интересов государства и инвестора на первое место выходила реализация проекта, т.е. в интересы обеих сторон входило начало работ по добыче полезных ископаемых в самые ближайшие сроки. Несовершенства соглашения должны были быть учтены в последующих СРП и не должны были препятствовать реализации проекта в целом [10].

В мировой практике существует масса исторически сложившихся и, как следствие, разработанных впоследствии методов и принципов раздела продукции, которые при всех достоинствах и недостатках направлены на урегулирование интересов государства и инвестора, решение различных экономических проблем. Среди форм согласования интересов хозяйствующих субъектов выделены и классифицированы наиболее значимые исторически сложившиеся СРП. Виды зарубежных СРП, классификация раздела прибыли представлены в табл. 2 [2].

Таблица 2

Виды зарубежных СРП		
прямой раздел	двухступенчатый раздел	трехступенчатый раздел «индонезийская» модель СРП
1. раздел всей продукции в определенных пропорциях	1. первая ступень - деление добытой продукции на компенсационную и прибыльную, 2. вторая ступень - деление прибыльной продукции между государством и инвестором	1. выделение из добытой нефти компенсационной, **2.** раздел прибыльной нефти, **3.** обложение корпоративным налогом доли инвестора в прибыльной нефти.
Типы СРП и классификация раздела прибыли		
Индонезийский	Перуанский	Ливийский
1. соотношение 65:35 принималось для концессий с добычей менее 100 тыс. баррелей в сутки (около 5 млн. т. в год), **2.** при более высоком уровне добычи нефть делилась в пропорции 67,5:32,5. **3.** в более поздних контрактах, например в соглашении с австрийской компанией «Пека ойл», применялось соотношение 73,75:26,25, в некоторых других контрактах - 70:30.	1. условия контрактов были в основном идентичны, 2. различия касались пропорций деления добычи, которые колебались в зависимости от уровня добычи (компания «Петроперу»): - 50:50 при добыче ниже 100 тыс. барр./сут.; - 49:51 при добыче от 100 до 200 тыс. барр./сут.; - 48:52 при добыче свыше 200 тыс. барр./сут.	1. для месторождений суши установлено соотношение 85:15, 2. для моря - 81:19.

С начала рыночных реформ в России было практически полностью обновлено все законодательство о природных ресурсах. Основой правового регулирования использования и охраны каждого вида природных ресурсов являются либо один базовый законодательный акт, либо несколько таких актов. Об условиях регулирования горных правоотношений в Российской

Федерации были принят федеральный закон: « Об иностранных инвестициях в РСФСР" в 1991 г. Основу законодательства о недрах (горного законодательства) составляют Закон Российской Федерации "О недрах", принятый 21 февраля 1992 г. и Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. "О соглашениях о разделе продукции". Поскольку в России весьма активно ведется эксплуатация полезных ископаемых недр континентального шельфа и исключительной экономической зоны, то 30 ноября 1995 г. был принят Федеральный закон "О континентальном шельфе Российской Федерации", а 17 декабря 1998 г. – Федеральный закон "Об исключительной экономической зоне Российской Федерации".

В историческом развитии фактических соглашений в России можно выделить определенные этапы. Первый этап (зарождения), начался с появлением системы «откупов» в средние века; следующий этап – с 1918 г. до 1940 г., ознаменовавшийся действием в России концессионных соглашений, предусматривающих раздел продукции; в период с 1940 г. до 1991 г. советское государство фактически отменило действие отношений, связанных с частной собственностью; с 1991 г. по сегодняшний день – современный этап. Последний период характеризуется тем, что отношения в сфере раздела продукции на данном этапе урегулированы нормами специального законодательства и представляют собой правовые отношения по заключению и исполнению соглашений о разделе продукции.

Мировой опыт в сфере недропользования находит отражение в России и имеет свои российские особенности, среди которых необходимо отметить особенность следующего порядка. По оценкам специалистов, в 90-х годах численность производственного персонала в нефтедобывающей отрасли России выросла в два раза, в то время как добыча нефти снизилась более чем на 40%. Численность персонал а ExxonMobil составляет 120 тыс. человек, примерно столько же, сколько и в крупнейших российских компаниях. При этом ExxonMobil добывает нефти в два-три раза больше, а перерабатывает раз в 10 больше. Нефтяная скважина в США дает нефти в среднем приблизительно 1,5 т в сутки, в России — 8-10 т. Вместе с тем затраты на добычу нефти в Штатах лишь немногим больше, чем у нас [6].

Россия, вступив в начале 90-х годов прошлого века в условиях рыночной экономики, разработала не только специальное инвестиционное законодательство, но и специальный правовой режим добычи полезных ископаемых, прежде всего с привлечением иностранного капитала. Российская Федерация повторила путь развития стран, где, начиная с 60-х гг. XX в., в практике привлечения иностранных инвестиций в сферу освоения естественных ресурсов широкое распространение получили соглашения о разделе продукции, которые пришли на смену традиционным концессиям - предоставление иностранному инвестору специального, более благоприятного, а то и льготного режима хозяйствования при добыче полезных ископаемых, что объясняется стремлением стран-реципиентов обеспечить широкий приток капиталов извне. Соглашение о разделе продукции некоторыми специалистами признается разновидностью договора концессии в силу того, что оно является одновременно классической формой допуска частного капитала в сферу деятельности, исключительное право заниматься которой принадлежит государству, так как оно имеет суверенное право распоряжаться природными ресурсами.

Федеральный закон «О соглашениях о разделе продукции», вызывавший в недавнем прошлом многочисленные, зачастую излишне политизированные споры, перешел, наконец, в сферу практической реализации. Уже не стоит вопрос, нужен или не нужен Закон, решаются задачи привлечения инвестиций на базе предоставленных Законом широких возможностей. Расширяется перечень утвержденных законодательством объектов, по которым возможно заключение соглашений о разделе продукции [11].

При создании совместных предприятий активная роль отводится государству, как участнику соглашений о разделе продукции (СРП). На начальном этапе, когда месторождение мало изучено, отсутствует транспортная инфраструктура и технологии, подавляющее число государств создает специализированную национальную компанию. Эта компания принимает участие на всех этапах подготовки и реализации проектов. Впоследствии, по мере развития добычи, госкомпании постепенно теряют часть своих полномочий и приватизируются.

Развитие организационно-экономического механизма реализации совместных (и с иностранными инвесторами) проектов (прежде всего, в нефтедобыче) обуславливается формами раздела продукции: прямой, двух/трех ступенчатый раздел; индонезийский / перуанский / ливийский тип СРП; концессии. Правовое обоснование принципов совместной деятельности при

всех достоинствах и недостатках направлено на урегулирование интересов государства и инвестора в решении различных экономических проблем.

Любое государство старается установить свои приоритетные направления в развитии отдельных отраслей экономики, исходя из уровня экономического развития наиболее насущных целей и задач повышения благосостояния общества. Для Российской Федерации, находящейся с начала 90-х годов XX века в тяжелом социально-экономическом кризисе, в общем-то не было выбора в поисках привлечения крупных зарубежных капиталовложений. В тот период крупные иностранные инвесторы не хотели, да и сегодня не хотят заключать концессионные договоры, более предпочтительной формой освоения крупных месторождений они считают соглашения о разделе продукции.

Законы распространяют действие на российских и иностранных инвесторов. Иностранные инвесторы получают право пользования недрами на основании лицензии, полученной в результате участия в конкурсе или аукционе. Большая часть нефтегазовых месторождений на территории РФ осваивалась на основе системы лицензионного договора. Собственником полезных ископаемых в Российской Федерации является государство. Видами пользования недрами применительно к нефтегазовому сектору в соответствии с Законом являются поиск, разведка и добыча полезных ископаемых. Отношения между пользователем недр и государством, опосредованные лицензией, носят административный характер, что влечет за собой возможность одностороннего изменения их законодательной основы со стороны государства. Инвестор добывает полезные ископаемые и платит при этом налоги, к которым относится также так называемый НДПИ, т.е. налог, уплачиваемый за единицу добытой продукции. Устанавливается одинаковый правовой режим для иностранных и российских инвестиций с предоставлением иностранным инвесторам определенных преференций по сравнению с российскими инвесторами [11].

Президентом были изданы специальные указы: 1993 г. "О правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы в Российской Федерации", "Вопросы соглашений о разделе продукции при пользовании недрами", которыми обеспечивалось заключение соглашений о разделе продукции между иностранными инвесторами и Российской Федерацией в сфере поиска, разведки и добычи полезных ископаемых. Сохранность инвестиций гарантировалась введением оговорки о третейском суде и стабилизирующей оговорки. Добытая продукция, за вычетом сумм обязательных платежей и сборов, подлежала разделу между инвестором и РФ в процентном соотношении, установленном соглашением. Инвесторы при этом освобождались от уплаты разных налогов. На основании специальных указов Президента были заключены три СРП: "Сахалин-I", "Сахалин-II" в Охотском море и "Харьяга" в НАО. Указы прекращали свое действие с принятием специального закона, который был принят 30 декабря 1995 г. - Федеральный закон «О соглашениях о разделе продукции» и подписан Президентом РФ, в январе 1996 г. Закон с момента опубликования вступил в силу. Законом предусматриваются обязанность государства выдать лицензию и возможность передачи лицензии иностранным компаниям. Прежде государство имело право отказать в выдаче лицензии даже после подписания соглашения [3].

Для согласования отношений в системе недропользования между законом «О недрах» и заключенных СРП вносятся изменения в федеральный закон о СРП (1999 г. ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон « О соглашениях о разделе продукции»»). Только 30% разведанных и учтенных государственным балансом запасов полезных ископаемых подлежало разработке в рамках СРП. Правительство и Государственная Дума согласно поправкам в Законе принимает федеральный закон о перечне участков недр, право пользования которыми может быть предоставлено на условиях раздела продукции. За период с 1997 по 2003 год в перечень участков недр право пользования которыми может быть предоставлено на условиях раздела продукции вошло более тридцати месторождений нефти и газа, из которых значительную часть занимают месторождения морских территорий России.

В соответствии с Законом предусматривалось обязательство инвестора по размещению заказов на изготовление оборудования, технических средств и материалов, необходимых для геологического изучения, добычи и первичной переработки полезных ископаемых, в объеме не менее 70% общей стоимости таких заказов между российскими юридическими лицами или иностранными юридическими лицами, осуществляющими соответствующую деятельность и зарегистрированными в качестве налогоплательщиков на территории РФ. Требования к приоритетному использованию оборудования и технических средств, изготовленных в Российской

Федерации российскими компаниями, были ужесточены, что должно было способствовать развитию российской экономики и технологий [5].

Поправки, внесенные в Федеральный закон «О СРП» в январе 1999 г. наделяют органы власти субъектов Российской Федерации более широкими полномочиями по участию в соглашениях о разделе продукции. По небольшим месторождениям нефти (до 25 млн т), газа (до250 млрд мз), коренного золота (до 50 т), россыпного золота (до 1т), месторождениям иных полезных ископаемых, не относящихся к стратегическим или «валютным», нет необходимости принимать федеральный закон для включения этих месторождений в перечень объектов, по которым возможен раздел продукции. Достаточно решения Правительства РФ и органа власти субъекта Федерации [9].

В 2001 г. одним из основных изменений закона о СРП становится метод "прямого раздела" продукции, в соответствии с которым вся добытая продукция, без вычета компенсационной продукции, подлежала разделу между государством и инвестором согласно закрепленным соглашением пропорциям. Введение данной нормы должно было способствовать активизации процессов заключения СРП. Неуверенность инвестора при признании затрат, понесенных вследствие реализации проекта, была устранена, а возможность государства оказывать влияние в этой сфере была ограничена.

В июне 2003 г. в Налоговый кодекс РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми в Кодексе появилась новая глава 26.4 "Система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции". Выделение налогообложения СРП в отдельную главу еще раз продемонстрировало, что СРП является особым налоговым режимом. Принцип регулирования налогообложения и сборов в Российской Федерации посредством издания федеральных законов предусмотрен ч. 3 ст. 75 Конституции РФ. Под действие этого принципа подпадает также и налогообложение СРП. При этом речь идет об особом налоговом режиме, нормы которого не совпадают с общими принципами налогообложения. Но эти нормы не являются окончательными, как это следует из п. 1 ст. 13 ФЗ "О СРП". Данная статья отсылает не только к Налоговому кодексу РФ, но также и к другим нормам, регулирующим налогообложение в России. Некоторые правовые понятия определяются и конкретизируются не ФЗ "О СРП", а Налоговым кодексом РФ. Так, например, налоговый период, указанный в п. 1 ст. 8 ФЗ "О СРП", определяется в п. 1 ст. 55 Налогового кодекса РФ.

Отношения, возникающие в связи с геологическим изучением, использованием и охраной недр территории РФ устанавливаются на основе Закона РФ "О недрах", особенности отношений недропользования на условиях СРП устанавливаются ФЗ "О СРП". При этом ФЗ "О СРП" классифицируется как специальный закон по отношению к общему законодательству о недрах, состоящему преимущественно из Закона РФ "О недрах". Отношения, не урегулированные ФЗ "О СРП", регулируются законодательством РФ о недрах, другими законами и нормативными правовыми актами РФ. Данная норма еще раз демонстрирует специальный характер ФЗ "О СРП" по отношению к законодательству о недрах РФ.

В соответствии с изменениями законодательства 2004 г. согласительная комиссия по заключению соглашения создавалась не ранее чем через 6 месяцев после проведения аукциона на право пользования участком недр, указанном в перечне участков недр, право пользования которыми может быть предоставлено на условиях раздела продукции.

Необходимость привлечения иностранных инвестиций в индонезийскую экономику и, прежде всего в разведку полезных ископаемых, а также обеспечение гарантированных предпринимательских отношений развивает концессионные отношения в сфере недропользования до уровня подряда. В договорах подряда, содержащих в себе условия по осуществлению добычи полезных ископаемых, возможность ограничения права государства на полезные ископаемые значительно уже по сравнению с СРП, в которых наряду с добычей полезных ископаемых за собственный счет и на свой собственный риск предусмотрен также раздел продукции. Для договора подряда требуется ратификация парламента, для СРП также необходима ратификация парламента, однако на практике ратификация СРП не всегда являлась обязательной. Парламентом Индонезийской Республики не ратифицировано ни одного СРП. Развитие взаимоотношений в системе поиска, разведки и добычи полезных ископаемых в стране шло по пути четко установленных правил игры с повышением значимости национальных интересов.

Такова тенденция прослеживалась и в России. После кризиса 90-х в период ослабления российской экономики отношения в системе недропользования стали более лояльными по отношению к иностранным инвесторам. В этот период на основании Указа Президента N 2285

были заключены три СРП: "Сахалин-I", "Сахалин-II" в Охотском море и "Харьяга" в НАО. Эти меры способствовали укреплению российской экономики после кризиса. Был принят закон о СРП. Последующие изменения в ФЗ «О СРП» (1999г. - 2004г.) должны были способствовать активизации процессов заключения СРП. Однако, в соответствии с действующим ФЗ "О СРП" и последующими поправками в законодательстве, в последующие периоды времени ни одного соглашения заключено не было.

Поддержание и расширение, особенно энергетической базы в любой стране являются весьма дорогостоящим делом, требующих привлечения значительных средств для организации крупномасштабных поисковых работ, связанных с риском добычи и переработки нефти и газа, строительства электростанций и угольных карьеров, сооружения нефтегазопроводов, грузовых терминалов и линий электропередач; с развитием огромной обслуживающей инфраструктуры и финансированием смежных отраслей по обеспечению ТЭК достаточным количеством металлопроката, труб, цемента, машин, оборудования, средств транспорта и пр.

Необходимость поиска, разведки и добычи энергетических полезных ископаемых и переходом возможностей и реализацией потребностей их на территориях морей, шельфа и исключительной экономической зоны предполагает использование новых и более сложных отношений государства и бизнеса. Одним из основных направлений развития мировой цивилизации в третьем тысячелетии будет освоение пространств и ресурсов Мирового океана [4]. Это связано с тем, что разведка и добыча в таких работах отличается особыми технологическими решениями и повышенными издержками, что требует принятия соответствующих экономических режимов. В связи с чем, интересен опыт развития и становления соглашений о разделе продукции, как за рубежом, так и в Российской Федерации.

С одной стороны, освоение Арктических зон, прежде всего углеводородного сырья потенциала арктических морей, становится приоритетным направлением мирового развития в XXI веке и связано с обеспечением национальной безопасности страны, как в экономическом, так и оборонном плане. **С** другой стороны отмечается изменение политики по отношению к Северу, заключающееся в снижении компенсационности [8]. Поставки газа и нефти за рубеж способствуют формированию единого энергетического пространства на Европейском континенте. Проблема энергообеспечения приобрела глобальный характер, и эффективное ее решение невозможно без широкого международного сотрудничества, без усиления интеграционных процессов в Европе и мировом сообществе. Рентабельность извлечения нефти и газа на арктических месторождениях с большими глубинами и сложной ледовой обстановкой при современном технико-технологическом уровне требует тщательного анализа [7].

Добыча газа и нефти на базовых промыслах закономерно падает. Для поддержания добычи газа на действующем уровне должны быть введены месторождения в новых районах Арктики и на шельфе северных морей. Освоение их потребует больших инвестиций. Дешевым этот газ не будет, но эти ресурсы есть. При определении приоритетных направлений и первоочередных объектов дальнейших поисково-разведочных работ, следует учитывать, что освоение оставшихся запасов углеводородов на ранее открытых месторождениях также требует значительных капитальных вложений за счет применения наукоемких и дорогостоящих методов и может быть дороже, чем выявление и подготовка новых объектов, в том числе и в районах шельфа.

Осуществление таких огромных затрат выходит за пределы возможностей бюджетного финансирования. Недостаточными оказываются и возможности местного промышленного и банковского капитала. Таким образом, в условиях дефицита средств, мобилизуемых из местных источников, страны, встающие на путь осуществления крупных энергетических проектов, особенно в нефтяном и газовом секторе, обычно прибегают к внешним заимствованиям и привлечению прямых и портфельных инвестиций из-за границы. Это является общепринятой практикой не только для развивающихся государств, стран с переходной экономикой, но и для ведущих промышленно развитых держав.

В связи с чем, можно говорить о тенденции в применении СРП, которые связаны с:

- развитием соглашений о разделе продукции к использованию природных ресурсов, прежде всего энергетического плана в условиях привлечения капитала, в том числе иностранного;
- формированием соглашений о разделе продукции на основе благоприятного, а то и льготного режима хозяйствования с учетом усложняющихся горно-геологических условий, в том числе для освоения шельфовых высокозатратных месторождений, а также месторождений Арктического шельфа;

- выстраиванием нормальных по международным стандартам, взаимоотношений между государством - владельцем недр и частным предпринимателем, что, например, заметно по смене тенденции по существующим месторождениям острова Сахалин, где отмечается усиление роли государственных компаний со знаком прогресса для России.

Процесс заключения СРП, в основе которого имеются возможности преференций и ясность предпринимательских отношений состоит из множества этапов и является достаточно продолжительным. Развитие его предоставляет дельнейшую реализацию его в системе недропользования, особенно в проектах на континентальном шельфе и (или) исключительной экономической зоне Российской Федерации, сложных добычных условиях.

Литература:

1. Зерщикова Н.И. Особенности применения концессий в недропользовании зарубежных стран Север и рынок: формирование экономического порядка. – Апатиты: Изд. КНЦ РАН. - №1/ 2008(20)/ - с.102
2. Зерщикова Н.И., Селин В.С., Терещенко Е.Б. Соглашения о разделе продукции в освоении арктического шельфа – Апатиты: изд. Кольского научного центра РАН, 2008. – с. 22
3. Конопляник А.А., Субботин М.А., Швембергер Ю.Н. Создание Закона "О СРП". С. 7, 10.
4. Николаева А.Б. Особые портовые экономические зоны а арктическом направлении морской стратегии России. Север и рынок: формирование экономического порядка. – Апатиты: Изд. КНЦ РАН. - №2/ 2009(23)/ - с.63
5. Платонова Н.Л. Законодательство о разделе продукции: проблемы применения // Хозяйство и право. 1999. N 5. С. 51.
6. Сайт компании Развитие бизнес систем РБС. Режим доступа: http://www.rbsys.ru/print.?page=30&option=media
7. Селин В.С., Орлов Н.А. Проблемы и перспективы разработки месторождений углеводородного сырья арктического шельфа Север и рынок: формирование экономического порядка. – Апатиты: Изд. КНЦ РАН. - №2/ 2009(23)/ - с.76
8. Скуфьина Т.П. Специфика современного Севера // Экономические науки. – 2009. - №9. – С.185.
9. Соглашение о разделе продукции Production Sharing Agreemen. www.miripravo.ru/forms/sovmest/psa/psa_com5.htm
10. Стругов А.Ф., Гудков С.В. Дальнейшее развитие законодательства о соглашениях о разделе продукции Журнал Минеральные ресурсы России. - 2009. - №6. - С. 47
11. Теплов О.М. Развитие федерального законодательства о недрах // Журнал российского права. 2003. N 3. С. 27 - 30.

ЛЕСНЫЕ ПОЖАРЫ 2010 ГОДА – ОЧЕРЕДНАЯ ПРИЧИНА ИЗМЕНЕНИЙ В ЛЕСНОМ КОДЕКСЕ

Л.В. Иванова,
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
сектора экономического механизма природопользования
отдела экономики природопользования на европейском Севере
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассматриваются вопросы совершенствования лесного законодательства Российской Федерации. Проводится анализ изменений, внесенных в действующий Лесной кодекс в динамике со времени его принятия в 2006 году, а также их направленности. Сделан вывод о недостаточной эффективности процесса реформирования, вследствие отсутствия четкого видения путей решения перманентных проблем лесного хозяйства и, следовательно, единой направленности реформ.

***Ключевые слова**:* лесное хозяйство, лесные пожары, совершенствование лесного законодательства

FOREST FIRES OF 2010 – THE NEXT REASON TO CHANGE THE FOREST CODE

L.V. Ivanova,
Ph.D. (Econ.), Senior Researcher of the
Sector of economic mechanism of nature management
Department of nature management economics in the European North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre RAS

The article considers issues of improvement of the forest legislation in the Russian Federation. Changes of the acting Forest Code and their direction are analyzed from 2006 when the Code was adopted. It is concluded that the reformation process has not been efficient due to lack of clear understanding of how to solve the permanent problems of the forestry, and, consequently, lack of a single reforms' orientation.

***Key words**:* forestry, forest fires, improvement of the forest legislation

Леса Российской Федерации представляют собой один из наиболее ценных природных ресурсов страны. Подавляющая часть лесных ресурсов страны входит в лесной фонд, общая площадь земель которого превышает 1.1 млрд га. Однако управление и использование этого богатейшего потенциала нельзя назвать эффективным.

Законодательная база управления лесами и лесопользования в стране на протяжении длительного времени подвергается реформированию. Этот процесс особенно интенсифицировался со вступлением в действие с начала 2007 года нового Лесного кодекса. Новый закон внес значительные коррективы в распределение функций по управлению лесами между федеральным и региональным уровнями с передачей широкого ряда функций последнему.

Однако уже в процессе его подготовки ныне действующий Лесной Кодекс подвергался резкой критике со стороны различных участников лесных отношений. В течение первого года действия Кодекса большинство его статей и положений в той или иной степени проходило проверку на практике. Именно этим объясняется тот факт, что за 2007 год в Кодекс не было внесено никаких изменений. Однако в процессе практического применения нового закона опасения, высказывавшиеся специалистами еще на этапе разработки кодекса, подтвердились. Стало очевидно, что главный лесной закон не только не способствует решению основных проблем отрасли, но усугубляет некоторые из них. Поэтому уже в 2008 году, было внесено пять, а в 2009 – четыре поправки к Лесному кодексу [1].

Впоследствии необходимость внесения изменений в действующее лесное законодательство с целью устранения выявленных недостатков неоднократно обсуждалась, и до сих пор продолжает обсуждаться на различных уровнях власти, а также среди деловых структуру и, особенно, неправительственных экологических организаций. Отражена эта необходимость также и в принятой в 2008 году «Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года».

За непродолжительный период действия Лесного кодекса 2006 года Государственная Дума приняла уже шесть наборов поправок к нему. На всем протяжении процесса совершенствования главного лесного закона каждый раз необходимость внесения поправок сводилась к тому, что существующее регулирование управления и использования лесных ресурсов не приносило желаемого результата.

Поправки нацелены на решение наиболее насущных проблем лесного хозяйства в качестве которых чаще всего упоминаются:

- низкая эффективность системы воспроизводства лесов;
- недостаточная защищенность лесов от пожаров и насекомых вредителей;

- неэффективный контроль за использованием лесов;
- экономически нерентабельные объемы заготовок лесохозяйственных предприятий;
- неразвитость сети лесных дорог;
- недостаток лесохозяйственной техники;
- снижение уровня специального образования и др.

Однако масштабы природной катастрофы лета 2010 года, в очередной раз подчеркнув несовершенство действующего лесного законодательства, вывели ситуацию с лесными пожарами на первый план при принятии новых решений по его улучшению.

Пожары являются одной из серьезнейших нерешенных проблем российских лесов. То, что они наносят огромный ущерб признается на всех уровнях управления лесным хозяйством. По данным российской официальной статистики, лесные пожары в год могут уничтожить до 70 миллионов куб. м древесины (в 2002 г.) и до 700 тыс. гектаров лесных насаждений 2 (в 2000 г.). По некоторым оценкам, в 2009 г. погибло более 800 тыс. гектаров лесов. Реальный ущерб, наносимый лесными пожарами значительно выше.

Источник: http://apocalypse-2012.com/eye/p-blokov.html

При этом информация о лесных пожарах, используемая государственными органами противоречива и не всегда соответствует действительности. Например, сведения о площади лесов, пройденной пожарами летом 2010 года, очень сильно разнятся: от 1 млн гектаров согласно информации, предоставленной Рослесхозом и МЧС до 10-12 млн га по данным Всемирного центра мониторинга пожаров, основанным на снимках из космоса [2]. Затраты на борьбу с лесными пожарами крайне малы как по сравнению с затратами в США и Канаде, так и со странами СНГ.

Ситуация с пожарами в лесах также усугубляется отсутствием эффективного законодательного регулирования. Во мнении о том, что, принятый в 2006 году Лесной кодекс, не сможет обеспечить должной организации пожарной безопасности лесов, специалисты в этой сфере сходились задолго до критического лета 2010 года. Общепризнанным оказался тот факт, что сложившаяся в настоящее время система государственного управления лесами не способна эффективно противостоять лесным пожарам при высокой пожарной опасности (продолжительной засухе при аномально высоких температурах, сильных ветрах). В частности, реформа управления лесной отраслью привела к серьезному сокращению штата лесников и сотрудников ранее существовавшей системы авиационной охраны лесов от пожаров (Авиалесоохраны).

С разрушением единой Авиалесоохраны российское лесное хозяйство лишилось возможности при необходимости оперативно перемещать квалифицированные силы и необходимые технические средства из одного региона в другой, в зависимости от уровня пожарной опасности. Элементы старой системы охраны лесов от пожаров, поделенные между субъектами Российской Федерации, оказались полностью или частично неспособными выполнять свои функции в силу целого ряда причин - из-за отсутствия координации работ, проблем с лицензированием, задержек в финансировании и материально-техническом обеспечении, потери кадров. Лишь относительно влажный летний период 2007 переходного года позволил избежать

катастрофы в масштабах страны, тогда серьезно пострадали лишь некоторые регионы. Тем не менее, по данным Федерального агентства лесного хозяйства (Рослесхоза), количество пожаров, ликвидированных в день обнаружения, сократилось на 18%.

В Лесном кодексе 2006 года были определены зоны ответственности при обеспечении пожарной безопасности в лесах. Так, за подготовку к пожароопасному сезону и тушение природных пожаров ответственность теперь должны нести субъекты РФ, на территории которых находились леса. Раньше этим занимались федеральные структуры. Функции Рослесхоза, согласно Кодексу, включают "контроль и надзор" за переданными субъектам Федерации полномочиями. До начала практической реализации Кодекса такое распределение функций не внушало серьезных опасений.

Однако со временем недостатки системы, выстроенной Лесным кодексом 2006 года, становились все более явными. Выяснилось, что согласно Кодексу, МЧС России организует государственный пожарный надзор и организацию тушения пожаров на природных территориях только в случае, если они начинают угрожать близлежащим населенным пунктам. Кроме того, тушение лесных и, особенно, торфяных пожаров является специфическим для подразделений Министерства видом деятельности, в отношении которого отсутствует необходимый опыт. Как показала практика, машины и оборудование, которыми располагают подведомственные МЧС структуры, зачастую просто непригодны для работы на тушении лесных пожаров. В лесах, прилегающих к дорогам, техническим и инфраструктурным сооружениям, за пожарную безопасность несут ответственность соответствующие организации.

Кроме того, существует и другая проблема, касающаяся участия в решении проблемы арендаторов участков лесного фонда: по закону они обязаны обеспечить тушение пожара, но не тушить его. Опять же согласно законодательству за борьбу с огнем отвечают региональные структуры, выигравшие аукцион на ведение противопожарных работ. Но, в реальности, в силу специфических в каждом конкретном случае обстоятельств сложилась такая ситуация, что во многих регионах таких структур просто нет, также как и представителей лесных служб. Таким образом, оказалось, что основные территории лесных массивов, по сути, остались бесхозными в плане пожарной безопасности.

Серьезные проблемы сложились и с финансированием тушений лесных пожаров. По некоторым данным, среди занятых на тушении пожаров 80% людей - это работники леса, часто работающие на голом энтузиазме. Также, что еще в 2007 году в МЧС отмечали, что после того передачи полномочий по охране лесов и борьбе с лесными пожарами на уровень субъектов федерации оказалось, что в некоторых из них попросту отсутствовала законодательная база по тушению лесных пожаров. Кроме того, уже тогда отмечалась высокая степень изношенности противопожарной техники и оборудования лесопожарных подразделений, не говоря уже о дефиците запасов топлива и горюче-смазочных материалов для авиационной техники. Таким образом, очевидно, что ситуация в сфере охраны лесов от пожаров не могла измениться в лучшую сторону. Предпосылки для ситуации, возникшей летом 2010 года, складывались постепенно [3].

Первый тревожный сигнал, гласящий о несовершенстве системы, прозвучал летом 2008 года. По информации тогдашнего главы Рослесхоза А. Савинова, на охрану лесов в 2008 году было выделено 17 млрд рублей, что на 5 млрд рублей превышало объем финансирования 2007 года. Однако при этом число пожаров не уменьшилось, а резко увеличилось – в два раза. Стало ясно, что без кардинальной перестройки системы охраны лесов не обойтись.

На уровне Правительства РФ было принято решение о разработке политики, позволяющей четко разграничить полномочия федерального, регионального, муниципального уровней, а также установить конкретные полномочия на уровне арендных отношений. При этом подчеркивалась важность исключения дублирования полномочий и установления высокого уровня ответственности, поскольку в качестве одного из недостатков упоминалось наличие большого количества контролирующих органов и явный недостаток структур, способных реально бороться с пожарами.

Тогда же в 2008 году на уровне Правительства РФ было озвучено предложение создать централизованную систему управления охраной леса, включающую крупные межрегиональные авиационные центры. Однако эта задача не была решена вследствие разразившегося финансового кризиса.

Сохраняющиеся проблемы лесного хозяйства стали, в частности, предметом обсуждения на заседании Президиума Государственного совета Российской Федерации (Госсовета, совещательного органа при Президенте РФ) по вопросам совершенствования

государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды, которое состоялось 27 мая 2010 года. По итогам заседания Госсовета Правительству РФ было поручено в срок до 1 ноября 2010 года представить предложения по стимулированию эффективного управления лесами [4].

В своем отклике на принятые Госсоветом решения представители неправительственных экологических организаций, приветствуя политическую волю государства по изменению лесного законодательства, настаивали на сотрудничестве с независимыми организациями и экспертами, диалоге с профессиональным сообществом, всестороннем и открытом обсуждении с общественностью во избежание новых ошибочных решений [5]. При этом подвергалась сомнению возможность грамотного выполнения поручений по подготовке законодательных инициатив правительственными структурами в установленные предельно сжатые сроки (до 1 ноября 2010 г).

Очередное осознание настоятельной необходимости срочных изменений в ситуации с охраной лесов пришло в результате аномальной ситуации с лесными пожарами в РФ летом 2010 года. В конце августа 2010 года Президентом РФ был подписан Указ о переводе Рослесхоза в прямое подчинение Правительству РФ. Кроме того, Президент призвал провести тщательную инвентаризацию всего лесного законодательства, в том числе, Лесного кодекса.

8 сентября 2010 года состоялось совещание по лесному хозяйству, на котором Президент РФ поручил разработать и внести в Государственную Думу проекты федеральных законов, которые предусматривают меры по повышению эффективности управления лесным комплексом, противопожарной безопасности, восстановлению лесной охраны. Проекты законов направлены на установление порядка взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, совершенствование системы подготовки кадров для лесного сектора, ужесточение ответственности должностных лиц за ненадлежащее исполнение обязанностей по управлению лесами и нарушение правил пожарной безопасности в лесах. Изменения направлены на совершенствование деятельности по использованию, воспроизводству и охране лесов, они предусматривают существенное усиление мер противопожарной безопасности: наблюдение и контроль за состоянием лесов, патрулирование лесов, а также профилактические работы по обустройству лесов и обеспечение территорий, на которых располагаются леса, средствами предупреждения и тушения пожаров. К обязательным работам по предупреждению лесных пожаров относятся прокладка просек и противопожарных разрывов, устройство пожарных водоемов, гидромелиорация, очистка лесов от хвороста и сухой травы и многие другие. Поправки обязывают органы государственной власти и органы местного самоуправления ограничить или запретить пребывание граждан в лесах в периоды повышенной пожарной опасности. Органы государственной власти также обязаны разработать и утвердить планы тушения лесных пожаров.

В предложениях к новой редакции Лесного кодекса было законодательно закреплено полномочие по установлению перечня должностных лиц, осуществляющих пожарный надзор в лесах. Поправки обязывают органы государственной власти и органы местного самоуправления ограничить или запретить пребывание граждан в лесах в периоды повышенной пожарной опасности. Органы государственной власти также обязаны разработать и утвердить планы тушения лесных пожаров. В действовавшей на момент принятия поправок редакции кодекса эти нормы отсутствовали [6].

В декабре 2010 года новый набор поправок в Лесной кодекс был принят Государственной Думой в третьем чтении с внесением изменений в другие взаимосвязанные законодательства. По некоторым подсчетам это двадцать второй за последние десять лет федеральный закон, вносящий изменения в Лесной кодекс Российской Федерации, и одиннадцатый федеральный закон, вносящий изменения в Лесной кодекс, принятый в 2006 году.

В связи с уточнением положений Лесного кодекса были внесены изменения в целый ряд других связанных с ним законодательных актов. Среди них, в частности, законы «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», «О пожарной безопасности» и кодексы – Уголовный, об административных правонарушениях и Земельный. Например, изменения, внесенные в Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях, предусматривают

усиление уголовной и административной ответственности за нарушение правил противопожарной безопасности в лесах. Существенно возрастают штрафные санкции за неосторожное обращение с огнем на лесных территориях, а за намеренное уничтожение или повреждение лесных насаждений (поджог) предусмотрено наказание в виде лишение свободы на срок до десяти лет [7].

Объем текста внесенных поправок сопоставим с объемом текста действующего Лесного кодекса. Поэтому по-видимому, можно говорить о том, что, после утверждения законопроекта Советом Федерации и подписания документа Президентом РФ, с 2011 г. В России фактически будет действовать Лесной кодексом, который пока можно назвать «новейшим».

Безусловно, совершенствование действующего лесного законодательства является необходимой мерой, и его нужно продолжать. Ряд принятых недавно поправок оценивается специалистами как существенный шаг к обеспечению современного и грамотного управления лесами. Однако, к сожалению, в целом на основе анализа процесса лесной реформы складывается впечатление, что ее авторы, осознавая проблемы, с которыми постоянно сталкивается лесное хозяйство, не совсем четко себе представляют возможные пути их решения, чем зачастую м вызвана разнонаправленность их действий. Примеров тому много, касается это и недавно принятого набора поправок к Лесному кодексу. В частности, по мнению Первого Председателя Правительства РФ В. А. Зубкова, высказанному в 2010 году, опыт реализации Лесного кодекса говорит о целесообразности рассмотрения вопроса о передаче на федеральный уровень полномочий по обеспечению государственного лесного контроля, надзора и госпожнадзора в лесах, что «должно усилить государственное управление лесами как федеральной собственностью». Однако в конце того же 2010 года после катастрофических лесных пожаров Правительство РФ и Рослесхоз расширили полномочия регионов по управлению лесами, полагая, что данная мера будет способствовать повышению эффективности ухода за лесом, его состоянием и использованием, а также усилению пожарного надзора [8].

В целом, по мнению специалистов, принятие новых поправок к Лесному кодексу - это важный шаг к грамотному управлению лесами. Согласно оценкам, высказываемым на Лесном форуме Гринпис России, законопроект в целом существенно лучше проработан, чем сам Лесной кодекс 2006 года и предыдущие наборы поправок к нему. Некоторые ошибки, присутствовавшие в промежуточных версиях законопроекта, были исправлены. При этом подчеркивается определенная условность положительных оценок. Поправки к Лесному кодексу могли бы быть вполне приемлемыми, при наличии ряда условий, которые, к сожалению, пока не соблюдаются. К основным таким условиям можно отнести:

1. Пригодность концептуальной основы Кодекса к современным условиям (данный законопроект ее практически не затрагивает);
2. Согласованность смежного с Лесным кодексом законодательства;
3. Разобщенность структур, ответственных за вопросы лесного хозяйства, и высокий уровень бюрократизма.

И все-таки анализ мнений различных специалистов показывает, что в целом отношение к новым изменениям Лесного кодекса достаточно скептическое. Поправки предусматривают принятие Правительством РФ и уполномоченными федеральными органами исполнительной власти множества новых нормативно-правовых актов, касающихся в основном охраны лесов от пожаров. Однако с учетом опыта последних лет, возникает сомнение в том, что все эти акты будут приняты к началу нового пожароопасного периода.

Также высказываются опасения, что, с учетом уже имеющегося опыта применения Лесного кодекса 2006 года и итогов проведенных на его основе реформ, не оказавших положительного эффекта на работу лесного хозяйства, можно практически с уверенностью утверждать, что и новые поправки работать не будут и ситуацию в лесном секторе принципиально не изменят. Кроме того, очевидно, что, как и при любой другой трансформации, введение в действие многочисленных новых требований к органам

управления лесами и их работникам на местах может на некоторое время фактически парализовать функционирование лесного хозяйства, что особенно драматично в ситуации, когда такое негативное влияние, скорее всего, придется как раз на начало пожароопасного сезона нынешнего года, или даже на весь пожароопасный сезон.

В обнародованном центром ФОБОС рейтинге наиболее сильных природных потрясений 2010 года российские лесные пожары признаны одним из самых страшных стихийных бедствий. В результате стихии более 50 человек погибли, 1900 домов были разрушены, свыше 3500 человек остались без крова [9]. По некоторым данным в 2010 году на территории России возникло 23 900 пожаров, что превышало показатель горимости за аналогичный период прошлого года на 24 %. В связи с этой удручающей статистикой, а также, учитывая отсутствие четкого видения возможных путей решения назревших проблем со стороны властных структур, и естественной в такой ситуации разнонаправленности мнений и действий по совершенствованию законодательной базы лесоуправления, в частности, системы организации охраны лесов от пожаров на данном этапе трудно предсказать будут ли принятые поправки к Лесному кодексу способствовать тому, чтобы ситуация с лесными пожарами в нынешнем году не повторилась.

Литература:

1. Л.В. Иванова. Институциональные изменения в управлении лесным хозяйством и перспективы лесопользования в Мурманской области. //Леса России в XXI веке. Материалы третьей международной научно-практической интернет-конференции. – СПб.: СПБЛТА, 2010. – с. 323-325.
2. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/social/2010/09/14/3419595.shtml
3. А.Ю. Ярошенко. Годовщина Лесного кодекса: время подводить первые итоги, ставить диагноз и решать, что делать дальше. Режим доступа: http://ecoportal.su/news.php?id=26067
4. 4.Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?f=9&t=7022&view=unread
5. Г.Н. Харитонова, Л.В. Иванова. Интенсификация использования лесных земель в районах европейского севера России. // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. Материалы V Международной научно-практической конференции. - Новосибирск, 2010. - с. 199-204.
6. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.forest.ru/rus/news/index.php?id=991.
7. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.lrnews.ru/news/full/25286/
8. В. А. Зубков. Роль государства в развитии лесного комплекса России. Вопросы экономики № 6, 2010- с. 118-126.
9. Электронный ресурс. Режим доступа: http://altapress.ru/story/62419/.

References:

1. L.V. Ivanova. Institutional changes in forestry management and forest use prospects in the Murmansk region. // Forest of Russia in the XXI century. Proceedings of the third international scientific-practical Internet conference. – St. Petersburg: SPBLTA, 2010 – p. 323-325.
2. Electronic resource. Access mode: http://www.gazeta.ru/social/2010/09/14/3419595.shtml
3. A.Yu. Yaroshenko. The first year of the Forest Code: the time to conclude, diagnose, and decide what to do. Electronic resource. Access mode: http://ecoportal.su/news.php?id=26067.
4. Electronic resource. Access mode: http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?f=9&t=7022&view=unread

5. G.N. Kharitonova, L.V. Ivanova. Intensification of forest lands' use in regions of the Russian European North. //Modern trends in economy and management: the new vision. Proceedings of the V International scientific- practical conference. - Novosibirsk, 2010. p. 199-204.
6. Electronic resource. Access mode: http://www.forest.ru/rus/news/index.php?id=991.
7. Electronic resource. Access mode: http://www.lrnews.ru/news/full/25286/
8. V. A. Zubkov. Role of the state in the forestry sector development in Russia. Economy Issues No.6, 2010, p. 118-126.
9. Electronic resource. Access mode: http://altapress.ru/story/62419/.

УДК 338.14:622.242.4

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ И АВАРИЙ НА МОРСКИХ НЕФТЕГАЗОРАЗРАБОТКАХ

Калашник Н.А.,
научный сотрудник лаборатории геодинамики освоения нефтегазовых месторождений
Горный Институт Кольского научного центра РАН

В статье рассмотрены особенности морской нефтегазодобычи. Приведены данные по чрезвычайным ситуациям и авариям и соответствующему ущербу по основным регионам добычи, а также по объектам: платформы, трубопроводы, скважины и др. Выполнен анализ экономических последствий чрезвычайных ситуаций и аварий на морских нефтегазоразработках. Предложены методические подходы к экономической оценке последствий аварийных ситуаций и ожидаемой прибыли нефтегазопромысла с учетом риска чрезвычайных ситуаций и аварий.

Ключевые слова: морская нефтегазодобыча, чрезвычайные ситуации и аварии, экономические последствия, подходы к оценке

ECONOMIC CONSEQUENCES OF EMERGENCY SITUATIONS AND ACCIDENTS AT SEA OIL AND GAS PRODUCTIONS

Kalashnik N.A.
researcher of the laboratory of geodynamics of developing oil and gas fields
Mining Institute of the Kola Science Centre of RAS

The specificity of sea oil and gas productions is considered. Data on emergency situations and accidents and the corresponding damage are given by the main production regions as well as by objects; platforms, pipelines, boreholes etc. Economic consequences of emergency situations and accidents at sea oil and gas productions are analyzed. Methodical approaches to economic evaluation of consequences of emergency situations and expected profits from oil and gas productions are proposed with risks of emergency situations and accidents taken into consideration.

Key words: sea oil and gas productions, emergency situations and accidents, economic consequences, approaches to evaluation

Морская (шельфовая) нефтегазодобыча в мировом объёме превысила 30% и в перспективе должна увеличиться до 50% [1]. Ежегодные суммарные затраты на освоение ресурсов нефти и газа на шельфе морей превышают 80 млр. долл., из которых около 25% идут на поисково-разведочные работы, до 60-80% - на содержание и установку платформ, буровое и эксплуатационное оборудование, строительство скважин, строительство подводных трубопроводов. При этом экономический эффект от разработки морских месторождений в США и Мексиканском заливе составляет до 10 долларов на каждый затраченный доллар при сроках окупаемости капитальных вложений от 1 до 3 лет. Для арктических условий, по мнению авторов работы [1], срок окупаемости увеличивается до 10-20 лет.

Вместе с тем, на морских нефтегазопромыслах по разным причинам возникают чрезвычайные ситуации и аварии, которые приводят к непредвиденным сверхпланируемым экономическим затратам и ущербу. Это обусловлено прежде всего особенностями освоения шельфовых и морских нефтегазовых месторождений, среди которых можно выделить следующие.

- Используются специальные сооружения (платформы различных видов, эстакадные площадки, специальные суда, плавучие эксплуатационные палубы, подводные модули и другие) и технические средства, обеспечивающие функционирование нефтегазопромысловых объектов, добычу, временное хранение и трубопроводное транспортирование углеводородного сырья по дну моря.
- Нефтегазопромысловые объекты постоянно подвергаются значительным внешним нагрузкам: движение воды (течения, волны, приливные явления), ветровые нагрузки, ледовые нагрузки и айсберги (для арктических морей), природные и вызванные извлечением нефти/газа деформационные процессы, сейсмические явления и др., которые могут создавать чрезвычайные ситуации, вплоть до аварий.
- Весь комплекс нефтегазопромысловых работ концентрируется в жестко ограниченном пространстве (например, на платформе) и выполняется в стесненных условиях в автономном, зачастую весьма удаленном от обеспечивающих береговых структур, режиме.

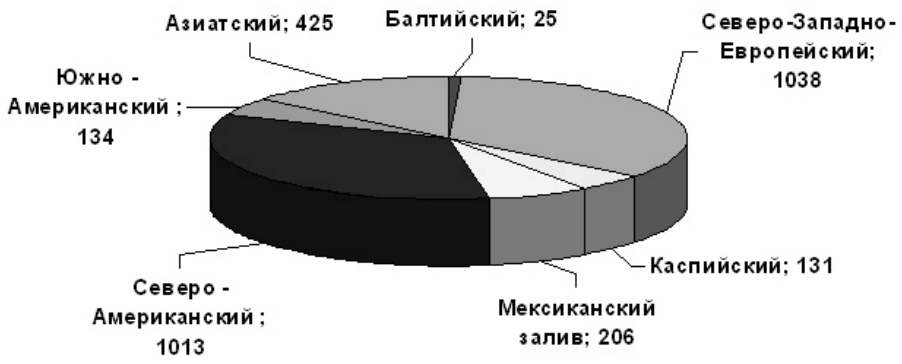
К основным геологическим рискам возникновения чрезвычайных ситуаций и их катастрофических последствий можно отнести следующие [3]:

- природные, индуцированные и природно-техногенные землетрясения;
- Крупномасштабные проседания морского дна;
- Глубинные подвижки геологических блоков пород
- Оползни, сдвижения придонных слоев пород и грунтов;
- Нефтегазовые фонтаны и выбросы на скважинах.

Эти природные и природно-техногенные явления могут быть как «спусковым механизмом» для вторичных собственных проявлений, так и для внезапного разрушения несущих конструкций буровых установок и платформ, технологического оборудования и трубопроводов, деформированию, смятию и разрушению скважин и т.п.

Накопленный к настоящему времени мировой опыт морских (шельфовых) нефтегазовых разработок [2, 3] показывает, что количество аварийных ситуаций на платформах, сооружениях для добычи и хранения нефтеуглеводородов, скважинах, трубопроводах и др., составляет около 3000 случаев (рис. 1), а экономический ущерб превысил 43000 млн. $ (рис. 1).

а)

б)

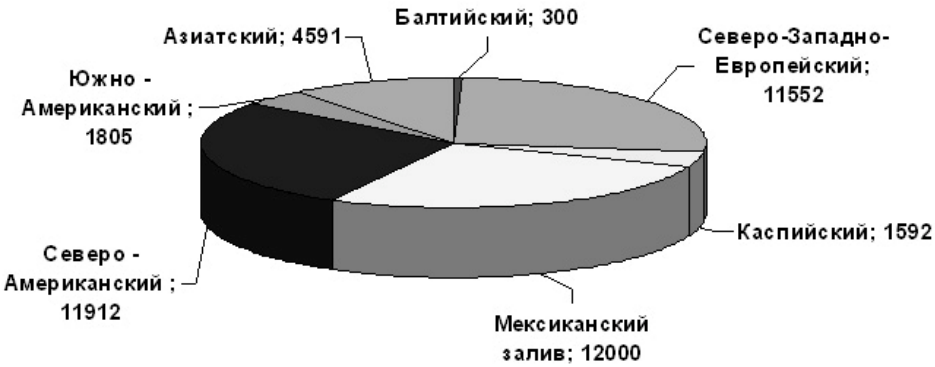

Рис. 1. Количество аварий (а) и объемы убытков ($ млн) (б) от аварий по регионам морских нефтегазовых разработок

Анализ влияния различных факторов на возникновение аварийных ситуаций на морских нефтегазоразработках показывает, что наибольшее число аварий произошло за счет потери устойчивости, повреждений и разрушений конструкций (36%), тяжелых погодных условий (7%), удара (5%) и др. факторов. При этом отмечено, что фактически по каждой пятой и более аварийной ситуации причина неизвестна (22%).

Наиболее ярким примером является месторождение Экофиск, разрабатываемое в Северном море, на котором за более чем 30 лет добычи произошло проседание морского дна над центральной частью месторождения на глубину более 7 м, приведшее к значительным техническим и экономическим последствиям. Вследствие этого проседания морского дна, основания ряда платформ и внешняя стенка нефтехранилища оказались недопустимо низкими по отношению к уровню моря, и потребовалось провести работы по наращиванию и подъему оснований платформ и возведению дополнительной, более высокой, внешней стены нефтехранилища. Значительное проседание дна моря также привело к деформации и повреждениям уложенных на дне моря трубопроводов и конструкций. За несколько лет было выполнено более 70 повторных ремонтных работ на эксплуатационных скважинах, направленных на ликвидацию разрывов в зонах цементирования, сплющивания или разрушения обсадных труб. По разным оценкам, затраты на выполнение этих работ превысили 400 млн. долл. США [3].

Другой характерный пример, получивший широкую мировую огласку и приведший к огромным экологическому и социально-экономическому ущербам – авария в Мексиканском заливе на платформе Deepwater Horizon, принадлежащей британской компании British Petroleum.

Платформа Deepwater Horizon представляла собой буровую установку 5-ого поколения, RBS-8D дизайна, предназначавшуюся для сверхглубоководного морского бурения на перспективном слое Макондо в 80 км от юго-восточного побережья Луизианы. Установка должна была произвести начальное бурение, после чего другие установки должны были быть использованы для добычи нефти из этой скважины. Платформа обслуживалась экипажем из 130 человек. 20 апреля 2010 г. произошел выброс из скважины и взрыв метана, в результате чего буровая загорелась. Попытки потушить пожар были неудачными и 22 апреля после 36 часового пожара Deepwater Horizon затонула и опустилась на дно залива на глубину 1500 м в 400м к северо-западу от пробуренной скважины. Вследствие аварии 11 человек погибли, 17 получили ранения. В воды залива из скважины вытекло почти 5 миллионов баррелей нефти. На поверхности воды образовалось нефтяное пятно, которое постепенно достигло береговой линии всех пяти штатов, расположенных на побережье Мексиканского залива. На сегодняшний день убытки British Petroleum составили уже 12 млрд долларов на ликвидацию последствий экологической катастрофы и компенсации потерпевшим. Образовавшийся в результате разлив нефти был признан самой масштабной экологической катастрофой в истории США.

Более трети от общего числа аварий произошло на платформах, но в силу более дорогостоящего оборудования и самой платформы суммарный объем убытков превысил 50% от общего объема (рис. 2)

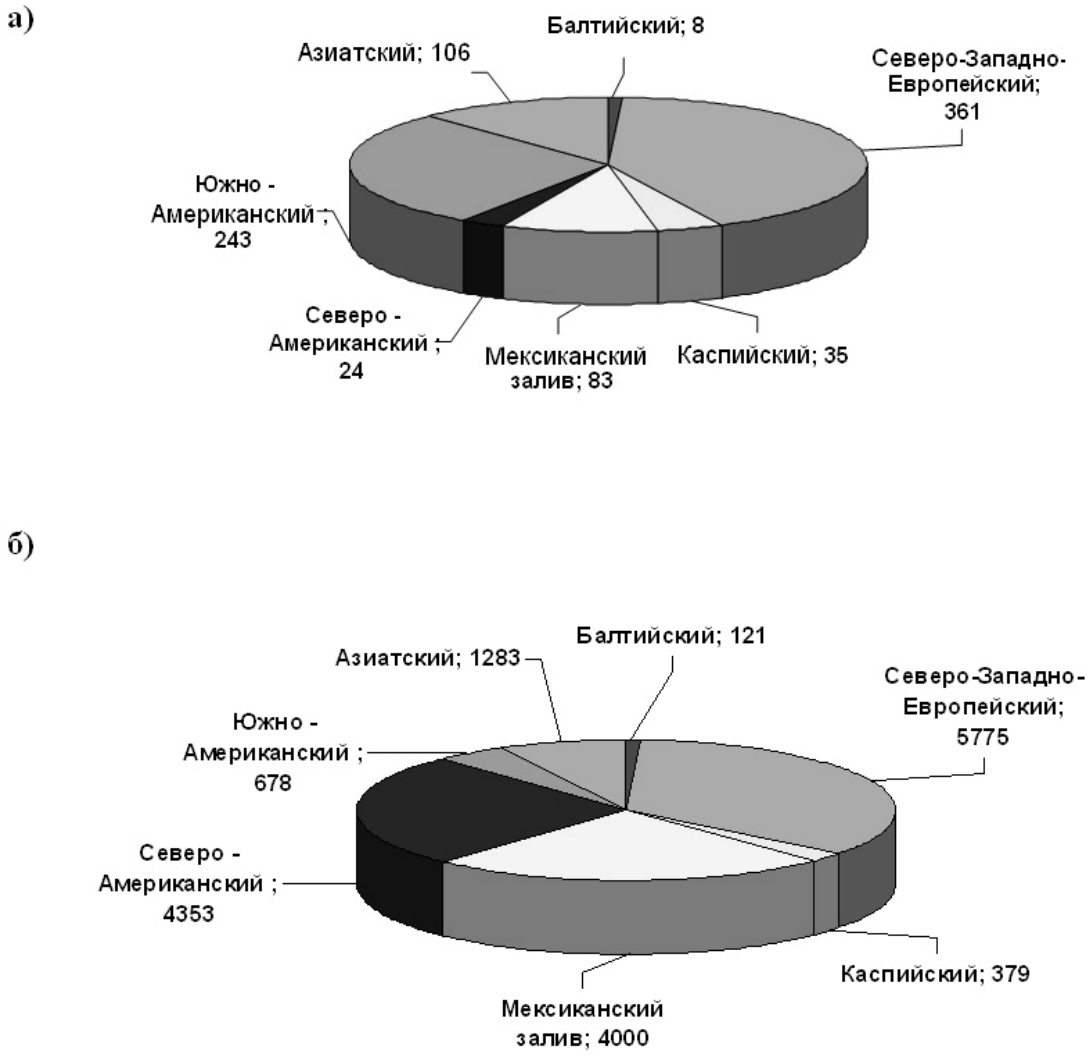

Рис.2. Количество аварий на платформах (а) и объемы убытков ($ млн) (б) по регионам морских нефтегазовых разработок

Аварии на трубопроводах являются довольно частыми явлениями (свыше 25% от общего числа), а суммарный объем убытков составил около 18% (рис. 3).

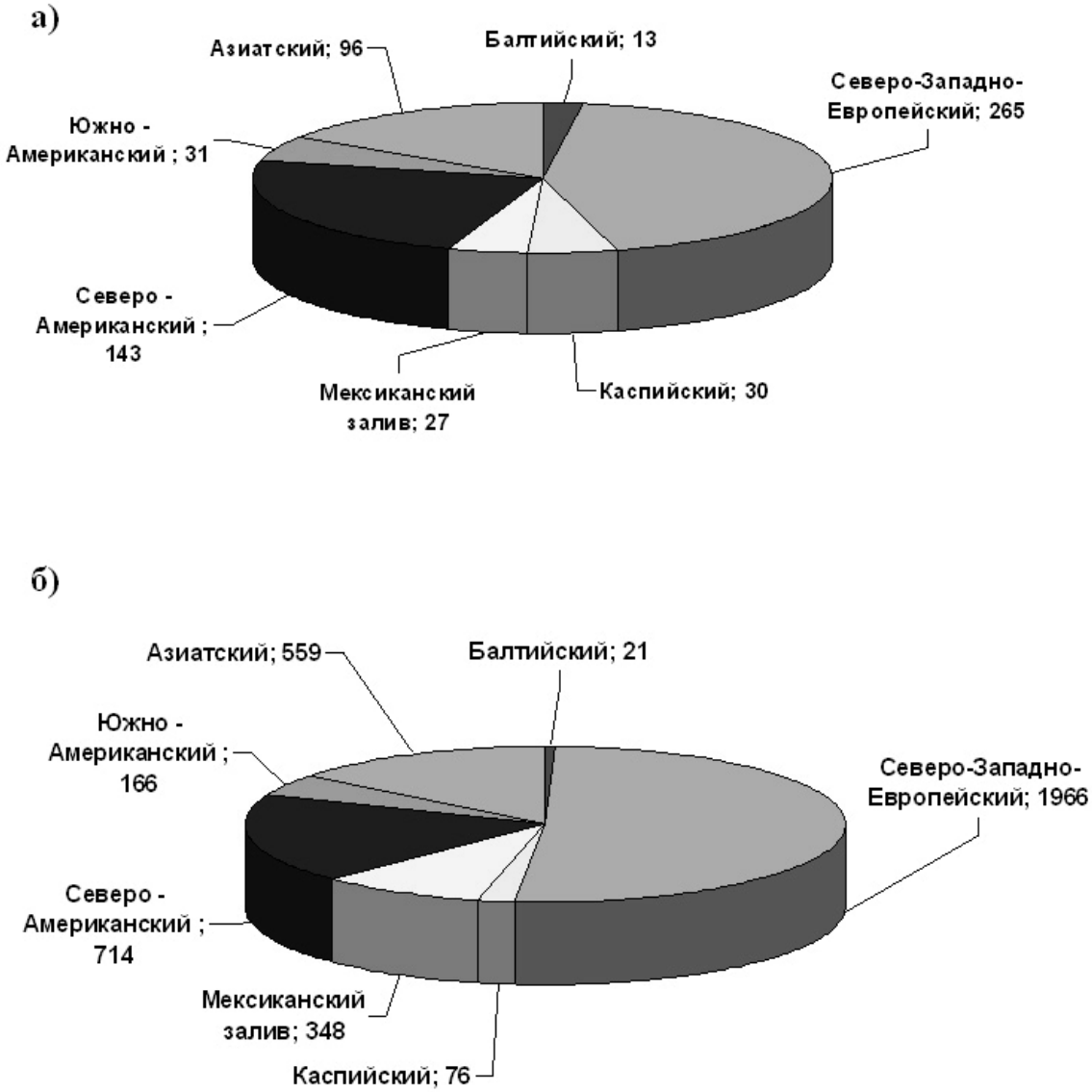

Рис. 3. Количество аварий на трубопроводах (а) и объемы убытков ($ млн) (б) от аварий на трубопроводах по регионам морских нефтегазовых разработок

Анализ аварий, произошедших на морских промыслах Северо-Западно-Европейского региона, показал, что наибольшее число случаев произошло на платформах (34%) и на трубопроводах (25%). Также подвержены чрезвычайным ситуациям и авариям скважины, в особенности те, которые оснащены устьевым оборудованием (19%). Здесь уместно отметить, что скважины, являясь ключевым элементом добычи углеводородного сырья, представляют собой наиболее уязвимый элемент нефтепромысла. На бурение скважин различного назначения разведывательными и нефтегазодобывающими компаниями ежегодно тратится около 20 миллиардов долларов [5]. Значительная часть этих средств, порядка 15%, уходит на разрешение возникающих осложнений (проблем) при бурении: потери раствора и оборудования, потеря устойчивости стенок скважин и пр. Убытки, которые терпят нефтегазовые компании, вследствие неустойчивости стенок скважин, оцениваются в 1 млрд. долларов ежегодно [5]. В среднем (в расчете на одну скважину) убытки от простоев, связанных с потерей её устойчивости, составляют около 1,5 млн. долларов, достигая в экстремальных случаях (Deepwater Horizon) 12 млрд.

долларов. Прогноз и предотвращение этих нежелательных осложнений позволят значительно сократить непроизводительные затраты на бурение и ремонт скважин.

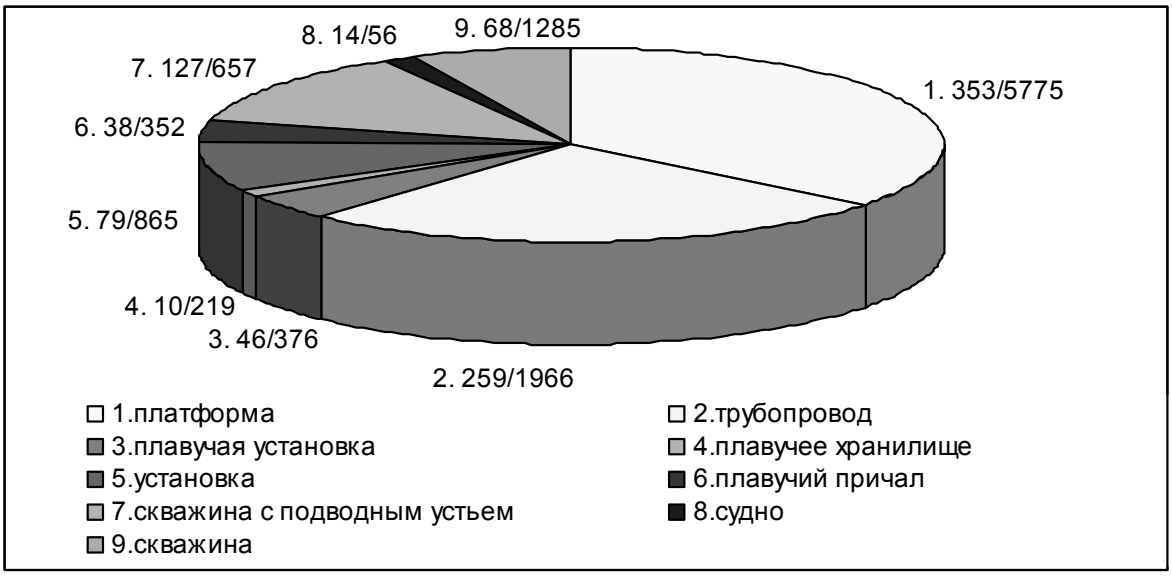

Рис. 4. Количество аварий/объемы общих убытков ($ млн) от аварий различных категорий в Северо-Западно-Европейском регионе

Убытки вследствие аварий на морских нефтегазопромыслах в общем виде включают в себя пять основных групп: 1) убытки, связанные непосредственно с разрушением объектов промысла и оборудования; 2) убытки за счет вылившихся нефтепродуктов, в том числе приводящих к потере извлекаемых запасов; 3) убытки вследствие недопоставки нефтепродуктов, в т.ч. за время ремонтно-восстановительных работ; (так называемое «недополучение прибыли»); 4) убытки, обусловленные вынужденными затратами на ремонтно-восстановительные работы; 5) убытки, обусловленные вынужденными затратами на устранение (ликвидацию) последствий.

Объём убытков может быть рассчитан по формуле, последовательно слева направо включающей в себя перечисленные выше группы убытков:

$$\sum Уб. = \sum C_o \cdot V_o + \sum C_н \cdot q_н^в \cdot t_a + \sum C_н \cdot q_н^н \cdot t_{ap} + \sum C_в \cdot V_в + \sum C_л \cdot V_л$$

где *Уб.* –- суммарные убытки вследствие чрезвычайной ситуации или аварии;

C_o - удельная стоимость поврежденных объектов промысла и оборудования;

V_o - объём повреждений объектов и оборудования;

$C_н$ - удельная стоимость нефтепродуктов;

$q_н^в$ - объём вылившихся (потерянных) нефтепродуктов;

t_a - время от начала аварии до прекращения утечки;

$q_н^н$ - объём недопоставленных нефтепродуктов;

t_{ap} - время от момента начала аварии до возобновления работы объёкта и оборудования;

$C_в$ - удельная стоимость ремонтно-восстановительных работ;

$V_в$ - объём ремонтно-востановительных работ;

$C_л$ - удельная стоимость работ по ликвидации последствий;

$V_л$ - объём социально-экологических последствий.

Реальные убытки могут быть определены только на основе фактических затрат, но определенные прогнозные оценки могут быть выполнены, в частности, на основе методических подходов, изложенных в данной работе и в работе [4].

Исходя из вышеизложенного, для оценки ожидаемой прибыли нефтегазопромысла с учетом риска чрезвычайных ситуаций и аварий может быть предложена следующая зависимость:

$$Пр_{ож.} = Д_{ож.} - З_{кап.} - З_{тек.} - P_p \sum Уб.$$

где $Пр_{ож.}$ - ожидаемая прибыль;

$Д_{ож.}$ - ожидаемый доход;

$З_{кап.}$ - капитальные затраты;

$З_{тек.}$ – текущие затраты;

$P_{р.}$ – вероятность риска;

$\sum Уб.$ - суммарные убытки вследствие чрезвычайной ситуации или аварии.

Таким образом, в данной работе рассмотрены экономические последствия чрезвычайных ситуаций и аварий на морских нефтегазоразработках, знание которых является важным для принятия проектных и технологических решений по освоению нефтегазовых месторождений шельфа Баренцева и Карского морей. Предложены методические подходы к экономической оценке последствий аварийных ситуаций.

Литература

1. Вяхирев Р.И., Никитин Б.А., Мирзоев Д.А. Обустройство и освоение морских нефтегазовых месторождений. 2-е изд. доп. – М: Изд. Академии горных наук, 2002. – 420с.
2. Кайзер М.Дж., Пулцифер Алан Г. Риски и потери при морской добыче // Oil &Gas Journal. - 2007. - №6. - С. 96-105.
3. Мельников Н.Н., Калашник А.И. Шельфовые нефтегазовые разработки: геомеханические аспекты. - Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2009. - 140 с.
4. Дунаев В.Ф., Шпаков В.А., Епифанова Н.П. и др. Экономика предприятий нефтяной и газовой промышленности. - М.: 2004. - 372с.
5. Алдрид У., Горайа Ш., Плам Д. и др. Управление риском в бурении // Нефтегазовое обозрение, Шлюмберже, весна 2001. - С.12-29.

References

1. Vyakhirev R.I., Nikitin B. A., Mirzoev D.A. Arrangement and development of sea oil and gas deposits. 2nd edition additional. – Moscow: Publishing house of the Academy of mining sciences, 2002. – 420 p.
2. Kaizer M.J., Poultsifer Alan G. Risks and losses at marine resources exploitation // Oil &Gas Journal. - 2007. – No.6. - P. 96-105.
3. Melnikov N.N., Kalashnik A.I. Shelf oil and gas mining: geo-mechanical aspects. – Apatity: Publishing house of the Kola Science Centre of RAS, 2009. – 140 p.
4. Dunaev V.F., Shpakov V.A., Epifanova N.P., et. al. Economy of enterprises of oil and gas industry. – Moscow: 2004. – 372 p.
5. Aldrid U., Goraya Sh., Plum D. et. al. Management of risks in drilling // Oil and gas review, Schliumberge, spring 2001. – P. 12-29.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

И РАСТЕНИЕВОДЧЕСКИХ ОТРАСЛЕЙ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

Марецкий Ю.А.,
кандидат экономических наук,
заведующий сектором социально-экономических
проблем продовольственной безопасности
Марецкая В.Н.,
научный сотрудник сектора социально-экономических
проблем продовольственной безопасности
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

Аннотация. Рассмотрены особенности ведения земледелия в условиях Кольского Севера. Выявлены проблемы, связанные с поддержанием плодородия почв. Предложены основные организационно-экономические меры, направленные на развитие земледелия и растениеводческих отраслей в условиях Мурманской области.

Ключевые слова: земледелие, плодородие, растениеводство, кормопроизводство.

PROBLEMS OF AGRICULTURE AND PLANT-GROWING DEVELOPMENT IN THE MURMANSK REGION

Maretskiy Yu.A.
Ph.D. (Econ.)
head of sector of socio-economic problems of food safety
Maretskaya V.N.
researcher of sector of socio-economic problems of food safety
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Sceicne Centre of RAS

Abstract. The specificity of agricultural production in the Kola North is considered. Problems connected to sustaining soil fertility are revealed. The main organizational-economic measures directed to development of agriculture and plant-growing industries in the Murmansk region are proposed.

Key words: agriculture, fertility, plant-growing, fodder production

Для сельского хозяйства в качестве одного из главных средств производства выступает земля, которая при правильном ее использовании, не снашивается и, более того, улучшает свои качественные параметры. Другим основным средством производства выступают живые организмы – животные и растения. Определяющими при этом являются условия окружающей среды, параметры которых варьируют в довольно узком диапазоне, что, в свою очередь, предопределяет зональное размещение сельскохозяйственных отраслей и высокие требования к соблюдению технологии производственных процессов.

По схеме агроклиматического районирования страны, Мурманская область входит в полярно-тундровую, холодную, избыточно-влажную под зону тундровых почв и северо-таежную умеренно-холодную, преимущественно избыточно-влажную под зону глеево-подзолистых почв,

[1] Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие рынка земли в регионах европейского Севера России» 10 –02 - 43206 а/с.

где недостаток тепла и избыток влаги ограничивают распространение сельскохозяйственных угодий и выращиваемых культур.

В силу особенностей рельефа (каменистые почвы, крайне мало пойменных лугов, продуктивность суходольных в естественном состоянии невелика) основная часть пашни располагается на болотных массивах, имеющих лучшую планировочную характеристику и, самое главное, благодаря наличию торфа, обладает лучшими исходными характеристиками для формирования плодородия, чем минеральные земли.

По состоянию на начало 2009 года 96% площади пашни располагалось на осушенных землях, имеющих открытую дренажную систему, эксплуатация которой требует регулярного проведения комплекса работ по текущему, капитальному и аварийному (противопаводковые мероприятия) ремонту сети, для поддержания осушенных земель в рабочем состоянии. Кроме того, мелиорируемые земли области характеризуются низким плодородием и требуют проведения комплекса мероприятий по окультуриванию этих земель, включающих, прежде всего, известкование и внесение удобрений. Так, по результатам мониторинга плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения, по степени кислотности на 01.01.2010 года 60% пашни имеют повышенную кислотность. Причем кислотность старопахотных почв с течением времени имеет тенденцию увеличиваться, при отсутствии работ на этих площадях по внесению нейтрализующих веществ. Поэтому известкование является важнейшим средством улучшения физико-химических свойств почвы, создающим необходимый фон для эффективного применения удобрений и, в конечном счете, получения высоких и устойчивых урожаев сельскохозяйственных культур.

Содержание легкоусвояемых растениями питательных веществ (азота, фосфора и калия) в почвах крайне низкое, следовательно, успешное выращивание сельскохозяйственных культур возможно только при ежегодном систематическом применении минеральных удобрений. Низкое естественное плодородие почв требует так же внесения повышенных доз органических удобрений, что обеспечивает образование и закрепление в почве гумусовых веществ, улучшает физико-химические свойства почв.

В соответствии с системой ведения сельского хозяйства Мурманской области, разработанной Полярной опытной станцией ВИР, для бездефицитного баланса гумуса, в условиях Крайнего Севера необходимо ежегодно вносить не менее 50 т/га органических удобрений, до 380 кг/га действующих веществ минеральных удобрений, что объясняется пониженным температурным фоном, при котором усвояемость растениями питательных веществ снижается [1].

Анализ применения удобрений в хозяйствах общественного сектора свидетельствует о том, что их вносится значительно меньше чем необходимо. Так если в 1990 году вносилось минеральных удобрений 63%, органических – 58% к норме, то 2009 году вносилось соответственно в 3,7 и 3,1 раза меньше необходимого количества. Это прямым образом отразилось на урожайности кормовых культур, которая снизилась примерно в 1,5 раза по сравнению с 1990 годом и составила в 2009 году по однолетним травам 118 ц/га зеленой массы, при потенциально возможной урожайности и соблюдении агротехники 250 – 300 ц/га, по многолетним травам урожайность составила 72 ц/га, при возможной 120 -150 ц/га (табл. 1.).

Таблица 1

Внесение удобрений, известковых материалов и урожайность кормовых культур в сельскохозяйственных организациях Мурманской области

	Ед. изм.	1990	1995	2000	2005	2009	по норме
Внесение удобрений и известкование почв							
минеральные удобрения	кг/га	241	124	210	125	104	380
органические удобрения	т/га	29	16	11	12	16	5
известковые материалы	т/га	7,0	5,0	1,9	3,3	3,5	10
Урожайность кормовых культур							
однолетние травы на зеленый корм многолетние травы на зеленый	ц/га	169	127	114	120	118	х

корм ц/га	ц/га	129	93	90	74	72	х

Источник: по данным Мурманскстат.

Неудовлетворительная работа по поддержанию плодородия почв объясняется, прежде всего, недостатком у сельскохозяйственных предприятий средств на эти цели. Кроме того, вывоз на поля торфокомпостов, своевременное внесение минеральных удобрений и известковых материалов сдерживается недостатком в хозяйствах соответствующей техники, а имеющаяся в дореформенный период сеть предприятий по мелиоративному и агротехническому обслуживанию сельского хозяйства, прекратила свою деятельность. В результате, вместе со снижением плодородия почв, растет количество площадей с нарушенной эксплуатационной планировкой, заболоченных, засоренных камнями.

Таким образом, для ведения эффективного земледелия необходимо ежегодное проведение комплекса мероприятий по поддержанию плодородия, которые должны включать агрохимическое обследование почв, реконструкцию осушенных земель, комплекс работ по торфу, известкование кислых почв, внесение органических и минеральных удобрений.

Для проведения выше перечисленных работ в области до недавнего времени реализовывались программы, направленные на повышение плодородия почв. Последняя такая программа была рассчитана на 2009-2010 годы и предусматривала мероприятия, направленные на сохранение и улучшение почв, агроландшафтов и экосистем. В ходе ее проведения, на основе мониторинга и анализа динамики уровня плодородия почв были определены стратегические направления и научно-обоснованные подходы к устранению причин сложившегося снижения плодородия сельскохозяйственных земель, нарушения экосистем. Но практические мероприятия, предусмотренные этой программой, как и предшествующие, были фактически сорваны из-за недофинансирования, в результате чего была нарушена комплексность работ и, тем самым, значительно снизилась эффективность предусмотренных мероприятий [2].

В настоящее время в области отсутствует целевая программа, направленная на поддержание плодородия почв, а в реализуемой ведомственной целевой программе «Развитие сельского хозяйства Мурманской области на 2011-2013 годы» в перечне мероприятий не предусмотрено финансирование агротехнических работ по мелиорации и химизации сельскохозяйственных земель [3]. Поэтому, неизбежное снижение качественных характеристик пахотных угодий и их плодородия, приведет к дальнейшему падению урожайности кормовых трав, сведет на нет мероприятия по интенсификации кормопроизводства

Важным фактором природной среды, во многом определяющим размещение и отраслевую структуру сельского хозяйства, являются климатические ресурсы, которые в целом могут быть охарактеризованы как неблагоприятные, главным образом из-за недостатка тепла, возможности заморозков в любом месяце. Тем не менее, опыт развития растениеводства в Мурманской области показывает, что и в условиях Крайнего Севера на основе подбора видового и сортового состава культур, создания перспективных сортов местной селекции, использования разработанной в соответствии с зональными условиями агротехники возделывания культур, а также при условии выполнения в полном объеме работ по поддержанию плодородия почв, можно получить высокие и стабильные урожаи. Например, выведенные Полярной опытной станцией ВИР скороспелые сорта картофеля позволяют получать урожай клубней свыше 300 центнеров с 1 гектара. Возможны устойчивые и высокие урожаи белокочанной капусты, зеленных овощных культур (укропа, сельдерея, петрушки, щавеля).

По состоянию на 01.01.2010 года, общая площадь сельскохозяйственных угодий в Мурманской области составляет 27,2 тыс. га, из них 78%, приходится на пашню, 11% на многолетние насаждения, 10% на естественные сенокосы и 1% на пастбища. Существенным отличием данной структуры от других регионов является низкий удельный вес сенокосов и пастбищ, что объясняется технологическими особенностями ведения молочного животноводства в условиях Севера. Региональная специфика так же в значительной степени влияет на развитии растениеводческих отраслей. В 1990 году 97% посевных площадей составляли кормовые культуры, площади под картофелем и овощами открытого грунта были не значительны (табл. 2.).

Таблица 2

Основные показатели растениеводства Мурманской области

	1990	1995	2000	2005	2009
Посевные площади сельскохозяйственных культур,					

тыс.га	24,8	16,0	12,1	9,1	9,1
картофель	0,4	2,5	2,1	2,2	2,2
овощи открытого грунта	0,05	0,3	0,2	0,2	0,2
кормовые культуры	24	13,1	9,8	6,7	6,7
Валовой сбор сельскохозяйственных культур, тыс.т	3,5	31,0	29,1	21,9	19,6
картофель	0,2	1,2	2,1	1,7	1,5
овощи открытого грунта	7,0	3,3	3,2	1,5	1,4
овощи защищенного грунта					

Источник: Мурманскстат.

К концу 90-х годов хозяйства общественного сектора полностью отказались от производства растениеводческой продовольственной продукции открытого грунта, что объясняется, прежде всего, высокой трудоемкостью производственных процессов и низкой конкурентоспособностью по сравнению с завозной продукцией. Поэтому, в современных условиях биоклиматические условия в определенной степени отходят на второй план, а рыночные факторы становятся во многом определяющими.

В условиях экономического кризиса 90-х годов, в целях социальной поддержки населения, в регионе были реализованы мероприятия по выделению всем желающим в безвозмездное пользование земельных участков для садоводства и огородничества. В результате к 2000 году более 57 тыс. семей получили земельные наделы общей площадью около 5 тыс. га. В этот же период получило развитие и фермерское движение. Количество зарегистрированных фермерских (крестьянских) хозяйств к 1995 году достигло 71, число которых сохраняется на данном уровне по настоящее время.

Все это отразилось на изменении структуры посевных площадей сельскохозяйственных культур в части увеличения площадей под картофелем до 2,2 тыс. га, что составляет 24% от общей посевной площади, под овощами открытого грунта до 200 га (2%). Соответственно возросло производство данных видов культур – картофеля в 5,6 раза, овощей в 7,5 раза.

Следует отметить, что, несмотря на многократный рост, товарность продовольственной продукции растениеводства, произведенной в хозяйствах населения, остается крайне низкой и в целом не решает проблему обеспечения региона данной продукцией за счет местного производства. Тем не менее, сохраняется довольно стойкое мнение о высокой эффективности мелкотоварных хозяйств, продолжаются попытки под предлогом развития многоукладности в сельском хозяйстве, отдать приоритеты фермерству и подсобным хозяйствам населения.

В отличие от средних и крупных сельскохозяйственных предприятий, у мелкотоварного сектора отсутствуют соответствующие материальные и финансовые ресурсы для поддержания качества земельных угодий, возможность применения прогрессивных технологий, наличие необходимой инфраструктуры сбыта и др.

Таким образом, очевидно, что декларируемая поддержка мелкотоварного сектора в условиях несовершенных рыночных отношений, наличие множества факторов, негативно влияющих на деятельность сельскохозяйственных предприятий, не позволяют эффективно развиваться мелкотоварным организационным формам, о чем свидетельствует неуклонное снижение урожайности культур и низкий удельный вес (1 – 2%) в общем объеме товарной продукции, а так же устойчивое сокращение числа хозяйств населения с 58 тыс. ед. в 2003 году, до 37 тыс. ед. 2008 году.

Как уже отмечалось, основную часть пахотных угодий занимают кормовые культуры, площадь которых к 2009 году, по сравнению с 1990 годом, сократилась в 3,6 раза, что было обусловлено снижением поголовья крупного рогатого скота за тот же период в 5,5 раза и, соответственно, потребности в кормах. В настоящее время имеющиеся в области кормовые угодья полностью обеспечивают потребности молочного животноводства в зеленых кормах и силосе. Основной же проблемой кормового баланса является обеспечение отрасли грубыми кормами и, прежде всего, сеном.

В настоящее время потребность в сене на 80% удовлетворяется за счет закупки в регионах Северо-Запада России. Ориентация отрасли на покупные корма сопряжена со значительными рисками, связанными с неустойчивостью рынка со стороны предложения и цен, из-за возможного

неурожая, ввиду неблагоприятных погодных условий. Следует так же учитывать, что заготовка кормов и, прежде всего, сена в большинстве хозяйств сверх необходимого для собственного поголовья производится, как правило, в страховых целях, а не на продажу. Поэтому, для укрепления кормовой базы молочного животноводства, необходима диверсификация источников поступления грубых кормов, в первую очередь, за счет производства их на территории Мурманской области. С этой целью в 2000 году была разработана Программа «Восстановление плодородия сельскохозяйственных земель в Терском районе Мурманской области на 2001-2006 годы». За шесть лет по этой программе были выполнены работы по культуртехнической мелиорации на 89 гектаров старопахотных земель, что позволило произвести 2,7 тыс. тонн сена (или 40 % от общего объема заготовки) и около 2 тыс. тонн силоса. За годы действия программы в муниципальном предприятии «Совхоз Умбский» была создана соответственная техническая база, наработан опыт кормопроизводства, в два раза увеличены объемы заготовки кормов для хозяйств области.

Учитывая положительные результаты данной программы, в целях дальнейшего увеличения производства на базе МУСП «Совхоз Умбский» грубых и сочных кормов для животноводства области, была реализована, как продолжение предыдущей, ведомственная целевая программа «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов в Терском районе Мурманской области на 2007-2009 годы» [4]. Ее осуществление позволило значительно повысить обеспеченность поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах области сеном, а так же сохранить в депрессивном районе производственные мощности и рабочие места, тем самым, способствуя снижению социальной напряженности

Проведенный обзор и анализ развития земледелия и растениеводческих отраслей сельского хозяйства в Мурманской области показал, что в регионе имеются значительные незадействованные природные и биологические ресурсы, использование которых могло бы дать прирост продукции, повысить эффективность производства. Для успешного ведения земледелия и получения высоких урожаев сельскохозяйственных культур, требуется постоянно действующая региональная целевая программа, направленная на сохранение и повышение плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и включающая в себя ежегодный комплекс следующих мероприятий:

- мониторинг качества сельхозугодий, для определения необходимого ежегодного объема работ;
- проведение известкования кислых почв;
- заготовку и внесение органических удобрений (в том числе торфа);
- приобретение и внесение минеральных удобрений;
- культуртехнические работы на пахотных землях;
- выполнение работ по ремонту и содержанию мелиоративных систем.

Реализация комплекса данных мероприятий позволит предотвратить выбытие из оборота сельскохозяйственных угодий, обеспечит сохранение и повышение плодородия почв, будет способствовать росту урожайности сельхозкультур.

Для успешной реализации программ, направленных на поддержание плодородия почв, необходима эффективная государственная поддержка за счет бюджетов всех уровней, которая должна обеспечить в полном объеме весь комплекс предусмотренных мероприятий. Необходимо также на межхозяйственной основе восстановить специализированное предприятие по агрохимическому, культуртехническому и мелиоративному обслуживанию сельскохозяйственных земель.

Конечной целью всех этих мер, должно стать достижение устойчивого развития агропромышленного комплекса области, повышения его эффективности и конкурентоспособности, обеспечение, в конечном счете, на более высоком уровне продовольственной безопасности региона.

Литература

1. Система ведения сельского хозяйства в Мурманской области / Под редакцией И.А. Чемисова. Мурманск. 1983.- 231 с.

2. Ведомственная программа «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов в Мурманской области на 2009-2010 годы». Режим доступа: http://gu.gov-murman.ru/index.php
3. Ведомственная целевая программа «Развитие сельского хозяйства Мурманской области на 2011 -2013 годы» Режим доступа: http://agricul.gov-murman.ru/laws/files/local_program-20101014.pdf
4. Ведомственная целевая программа «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов в Терском районе Мурманской области на 2007-2009 годы» Режим доступа: http://www.terskyraion.ru/joomla/atrfiles/2009/sovet_deputatov_documents/

References:

1. The system of running agriculture in the Murmansk region / Edited by I.A. Chemisov. Murmansk. 1983. – 231 p.
2. Departmental program “Conservation and restoration of soil fertility of agricultural lands and agro-landscapes in the Murmansk region for 2009-2010”. Access mode: http://gu.gov-murman.ru/index.php
3. Departmental target program "Development of agriculture in the Murmansk region fpr 2011-2013". Access mode: http://agricul.gov-murman.ru/laws/files/local_program-20101014.pdf
4. Departmental target program "Conservation and restoration of soil fertility of agricultural lands in Terskiy district of the Murmansk region for 2007-2009" Access mode: http://www.terskyraion.ru/joomla/atrfiles/2009/sovet_deputatov_documents/

ПРОБЛЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫХ ЗАТРАТ МНОГОНОМЕНКЛАТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ПРИМЕРЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Наумова М.В.,
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассмотрены особенности методики распределения затрат и определения себестоимости продукции на примере горнопромышленных предприятий Мурманской области с комплексной переработкой многокомпонентного сырья и предложен научно-методический подход к ее оптимизации.

Ключевые слова: горнопромышленные предприятия, многокомпонентное сырье, распределение затрат, калькулирование себестоимости продукции.

M.V. Naumova
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

PROBLEMS OF DISTRIBUTION OF COMPLEX COST IN MULTINOMENCLATURE PRODUCTION ON THE EXAMPLE OF MINING ENTERPRISES OF THE MURMANSK REGION

The paper highlights the features of cost distribution methodology and determination cost of production on the example of mining enterprises of the Murmansk region with a complex multi-

component processing of raw materials and proposes a scientific and methodical approach to its optimization.

Key words: mining enterprises, multi-component raw materials, the distribution of costs, calculation of the cost of production.

Многие предприятия минерально-сырьевого комплекса имеют такой тип производства, когда в результате единого технологического процесса вырабатываются различные виды продукции. К ним относятся горнодобывающие компании, перерабатывающие многокомпонентное сырье, содержащее различные виды минералов, извлекаемых в промышленных масштабах.

В рассматриваемом случае производство одного продукта может повлечь производство других, то есть будет иметь место совместное производство, когда по окончании одного цикла выходят два или более продукта. Все совместно производимые продукты невозможно идентифицировать до определенной стадии производства, точки разделения [1]. Данная особенность затрудняет распределение затрат между отдельными видами продукции, так как многие понесенные затраты являются общими для всего комплекса вырабатываемых продуктов. Поиск научно обоснованного метода их распределения относительно какой-либо базы и включения в себестоимость конкретных продуктов является одной из важнейших задач экономики подобных производств.

В научной литературе, посвященной данной тематике [2] выделяют четыре исторически сложившихся научных подхода к распределению затрат между продуктами горнодобывающих предприятий, перерабатывающих многокомпонентное сырье:

Дискриминационный, который основывается на выделении одного из продуктов в качестве основного, целевого, на себестоимость которого относятся все издержки на добычу и переработку сырья за вычетом стоимости всех остальных извлекаемых ценных компонентов, считающихся побочными (попутными, сопутствующими);

Бухгалтерский, рассматривающий процесс комплексного использования любого многокомпонентного сырья в рамках бухгалтерской науки и задачи как единый процесс с распределением общих затрат на производство между всеми товарными продуктами пропорционально одному из экономических параметров (себестоимости, цене, капитальным вложениям и т.д.);

Технократический, отрицающий возможности использования для распределения общих косвенных затрат экономических параметров и категорий и основывающийся на особенностях и технических параметрах исходного многокомпонентного сырья, технологии его переработки и вырабатываемых продуктов;

Нигилистский, отрицающий принципиальную возможность обоснованного распределения косвенных расходов.

Приверженцев последнего подхода можно, в основном, встретить среди иностранных исследователей, затрагивающих вопросы экономики совместного производства продукции. Согласно данной теории, достоверно известно только одно: совокупный размер совместных затрат и общая рентабельность производства. Д. Киз, например, делает такой вывод: «если точность отнесения издержек настолько слаба, что это отнесение не будет полезно для принятия решения и не существует законодательных требования для распределения издержек) – тогда вообще не стоит распределять эти издержки». [3]

Проф. Н.Г. Чумаченко, проводивший исследование распределения затрат совместного производства горной промышленности в США, отмечает, что ряд американских авторов считает безуспешными поиски способов определения обоснованной себестоимости каждого продукта: «Правильная себестоимость может быть собрана, но эта себестоимость не может быть точно

распределена между несколькими продуктами. Если такое распределение требуется, то оно может быть произвольным и настолько приемлемым, насколько это возможно». [4]

Д. Каплан [5] также говорит о нецелесообразности распределения, если речь идет о принятии управленческих решений, так как:

1. Распределение комплексных затрат не влияет на производственный процесс, изменить который, равно как и количество получаемых совокупных продуктов, в принципе, не возможно, так как относительное количество продукции присуще самому производственному процессу вне зависимости от предпочтений управленческого персонала
2. Распределение не влияет на ценообразование совместных продуктов, так как предприятия в большинстве случаев самостоятельно устанавливают цены, и если наблюдается падение спроса, то определение оптимального сочетания цены и объема производства зависит, прежде всего, от переменных издержек, и расчет будет выполнен для всех совместных продуктов одновременно, поэтому необходимость самого распределения отпадает.
3. Распределение совокупных затрат не влияет на прибыльность производства как такового.

Однако, другие авторы (Дж. Блокер) замечают, что хоть для ценообразования процесс распределение общих затрат и не имеет значение, так как на свободном рынке производитель продает свою продукцию по цене, которая определяется факторами спроса и предложения. И все же каждый производитель заинтересован в увеличении дохода, а, следовательно, в увеличении объема производства наиболее прибыльных товаров. При этом производство менее прибыльных позиций также не будет приостановлено до тех пор, пока их продажа покрывает часть расходов на производство, увеличивая тем самым совокупный доход. Поэтому особенно важно знать как с наибольшей точностью, какая доля совокупных расходов относится к каждому из совместно производимых продуктов [6]. Как утверждают Р. Вэйл и М. Маэр, если для управления производством процесс распределения комплексных затрат не представляет особой ценности, то для нужд финансовой и налоговой отчетности, он необходим, даже, если он будет неизбежно носить произвольный характер [7].

Таким образом, нигилистский подход, который в теории хоть и имеет право на существование, не представляется возможным для практического применения в современных экономических условиях, когда комплекс затрат горнодобывающего предприятия весьма значителен, а различные виды продукции, получаемые в конце единого технологического цикла, пользуются различным спросом на рынке и имеют различные темпы реализации

В рамках дискриминационного подхода действует метод отключения затрат на побочную продукцию. Анализируя данный способ можно сделать заключение, что он практически не дает никакой информации о себестоимости произведенного так называемого «попутного» продукта, и, кроме того, дает лишь искаженное представление о стоимости производства основной продукции. Безусловно, что то или иное распределение комплексных затрат не изменяет конечного финансового результата в целом по предприятию, однако производство нерентабельного продукта или неэффективное ценообразование, произведенное из-за отсутствия необходимой управленческой информации о себестоимости продукции может привести к общему снижению финансовых показателей деятельности, которого можно было бы избежать, применяя какой-либо из других учетных методов.

Основными недостатками методов отключения затрат на попутную продукцию, независимо от вида ее оценки, в настоящее время признаются следующие:

- условность деления продукции на основную и попутную, поскольку для общественного производства и потребления все продукты равноправны;
- все изменения показателей производства отражаются на себестоимости только основного продукта, себестоимость попутных продуктов, по существу, не выявляется;
- при большом объеме попутной продукции себестоимость основной продукции может оказаться равной нулю или даже отрицательной.

Возможность применения методов отключения затрат большинством экономистов ограничивается теми случаями, когда объем (по стоимости) «попутной» продукции незначителен (3-5%), и применение более точных, но и сложных методов лишено смысла [8].

Таким образом, наиболее теоретически обоснованными представляются бухгалтерский и технократический подходы, в рамках которых можно говорить о приблизительно 30 методах определения себестоимости продукции, выработанной из многокомпонентного сырья, не считая значительного количества комбинированных методов, которые основываются на использовании различных принципах распределения отдельных групп затрат[4,9]. В наиболее общем виде они представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Методы косвенного распределения.

Подход	**Критерий распределения**	**Особенности определения величины критерия распределения**
1	**2**	**3**
Бухгалтерский	Себестоимость	Средняя в индивидуальном производстве, эквивалентных заменителей, условная, искомая
	Цена	Компонентов в сырье, готовых продуктов, эквивалентных заменителей, расчетная (дифференцированная), мирового рынка, равная платежеспособному спросу
	Удельные капиталовложения	Средние по отрасли
Технократический	Физические параметры сырья или готовых продуктов	Вес готовых продуктов, содержание компонентов в сырье, содержание органической массы, теплотворная способность, эксергия, стехиометрические соотношения, совокупность физических критериев

Один из наиболее простых – это способ распределения комплексных затрат пропорционально какому-либо физическому параметру. Данный способ имеет серьезные ограничения для использования. Необходимым условием является единообразие единиц измерения получаемых продуктов. Кроме того, такой метод распределения используется при производстве продуктов с одинаковым спросом на них на рынке. При использовании данного метода предполагается, что каждый из произведенных продуктов вызывает у предприятия одинаковые затраты живого и овеществленного труда и одинаковые доходы. В соответствии с этим, на производство каждого вида продукции относится доля издержек, определенная исходя из его удельного веса в натуральном измерении и в общем объеме производства. Если возникает ситуация, что на какой-то из произведенных продуктов спрос и цена реализации будет выше, чем на другие (что и наблюдается в рассматриваемом случае), то использование этого метода может привести к искажению в определении финансового результата деятельности. Такой метод целесообразно использовать при производстве новых продуктов, цены на которые на рынке еще не сложились. Подавляющее большинство экономистов подчеркивает неадекватность соотношений физических параметров и экономических показателей [2,4,9]. В качестве главного доказательства этого можно отметить неизменность во времени и пространстве соотношений физических (натуральных) параметров любых химических элементов и нестабильность экономических параметров, стохастическая зависимость последних от изменения рыночной конъюнктуры, уровня цен на используемые ресурсы, зональные различия и т.д. Сказанное свидетельствует о несоответствии методов распределения на основе физических (технических) критериев требованиям теории стоимости.

Теории стоимости наиболее соответствуют методы распределения на основании экономических параметров. В целом, можно согласиться с тем, что в точке разделения получаемые продукты являются равнорентабельными [4,9], так как до этого все ценные компоненты находятся в одном продукте (сырье), их физико-химические особенности никак не проявляются, не используются, не влияют на уровень затрат. Дальнейшая же индивидуальная специфическая финишная доработка каждого из выделенных промежуточных продуктов (полупродуктов) до товарного вида может осуществляться с разной эффективностью, так что

рентабельность конечных товарных продуктов комбинированного и комплексного производства в общем случае теоретически будет различной.

Законодательной базой для распределения затрат совместного производства на горно-химических предприятиях в российской практике являются «Методические рекомендации по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) на предприятиях химического комплекса [10] и Методические рекомендации по планированию, формированию и учету затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) предприятий металлургического комплекса [11]. Данные документы посвящены общим вопросам о составе затрат, включаемых в себестоимость продукции, их классификации, особенностям учета, анализа и планирования и не содержат подробного рассмотрения проблемы распределения комплексных затрат многономенклатурного производства.

Затраты, относящиеся одновременно к нескольким видам совместно вырабатываемой продукции рекомендуется распределять следующими методами:

- по рассчитываемым коэффициентам прямого отнесения компонентов исходного сырья на отдельные виды выпускаемой продукции;
- по условному соотношению между сырьем и продуктом, выраженному в натуральной форме, например произведенному весовому соотношению (определяемому по условным коэффициентам);
- путем исключения затрат. При этом один из получаемых продуктов принимается за основной, а остальные считаются побочными, стоимость которых вычитается из общих затрат по технологическому процессу по принятым для них условным измерителям. Разница между общей суммой затрат и стоимостью попутных продуктов представляет собой в этом случае затраты на производство основного продукта. Этот метод применяется при преобладающей части основного продукта и небольшой доле попутной продукции, оцениваемой либо по аналогии с ее затратами при обособленном производстве, либо по цене реализации за вычетом средней прибыли;
- распределением затрат по одновременно получаемым продуктам, приводимым к единому измерению с помощью переводных коэффициентов, в качестве которых используются стоимость полезных веществ, находящихся в сырье, и другие показатели.

В целом, в законодательных и нормативных документах перечисляются многие из известных методов распределения, а предприятие наделяется правом выбора наиболее подходящих для него. Таким образом, определение метода учета затрат и калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг) для отдельного хозяйствующего субъекта обусловливается многими факторами и зависит непосредственно от особенностей предприятия, а эффективность использования выбранного метода определяется степенью достижения целей, поставленных на этапе планирования производства.

Характерным примером, иллюстрирующим проблему калькулирования себестоимости продукции комплексного производства, являются горнопромышленные предприятия Мурманской области. Руды, разрабатываемые одним из них, неоднородны по составу и по строению. К их главным компонентам относят магнетит, форстерит, апатит и кальцит, промышленное извлечение которых позволяет получать три вида товарной продукции: железорудный (ЖРК), апатитовый (АПК) и бадделеитовый (БК) концентраты. Принципиальная схема процесса производства представлена на рисунке 1.

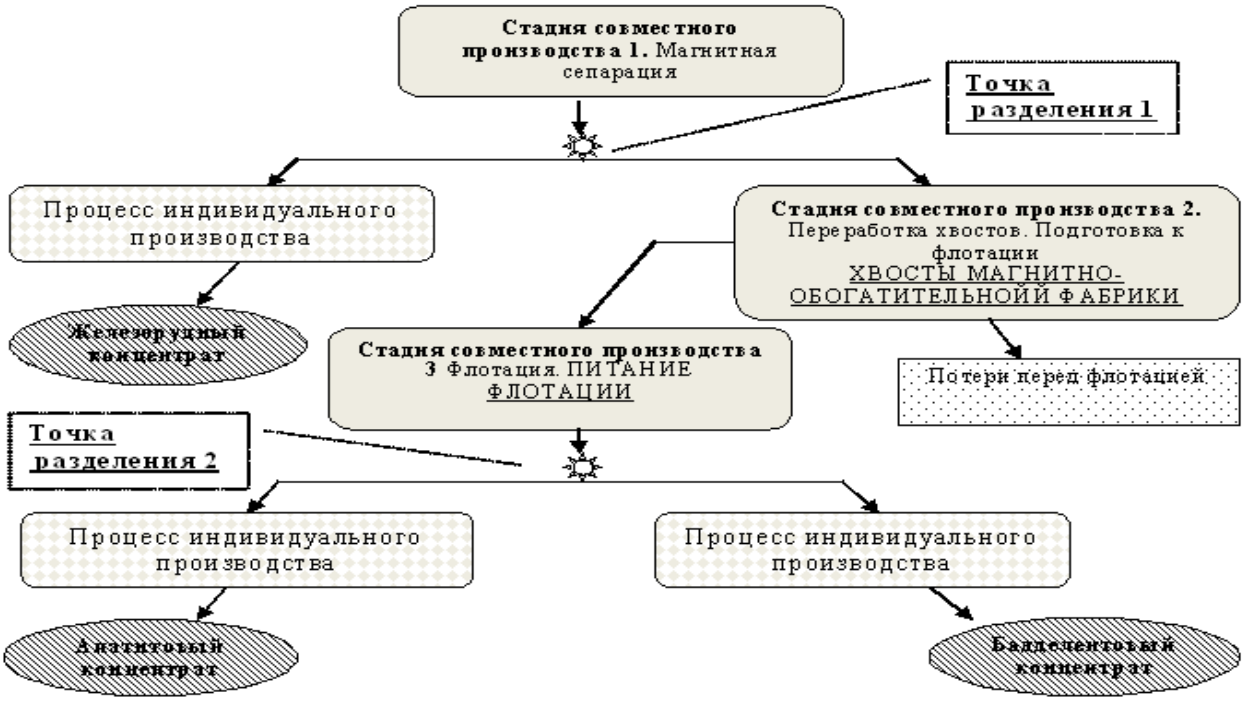

Рисунок 1. Схема производственного процесса предприятия

Метод распределения затрат, применяемый на практике в рассматриваемом случае, основан на учете физических параметров сырья. За основу взят такой специфический показатель как сокращение рудного потока.

Сокращение потока (СП) рассчитывается отдельно для каждого конкретного продукта с учетом количества сырья, которое необходимо переработать для получения конечного концентрата. Так, согласно производственной схеме, для выработки железорудного концентрата проходит переработку только первичное сырье – руда (стадия 1, рисунок 1). Для получения апатитового концентрата необходимо переработать сначала первичную руду (стадия 1, рисунок 1), затем обработке подвергаются хвосты магнитно-обогатительной фабрики (стадия 2, рисунок 1) и питание флотации (стадия 3, рисунок 1).

Таким образом, сокращение потока рассчитывается по формулам:

СП(ЖРК) = сухой вес руды/ сухой вес ЖРК (1)

СП (АПК) = (сухой вес руды + сухой вес хвостов магнитно - обогатительной фабрики + Сухой вес питания флотации) / сухой вес АПК (2)

Учетной политикой предприятия предусмотрено, что в из-за незначительности объемов бадделеитового концентрата, принято отношение затрат на его производство в размере 0,02%. Остальные 98% подлежат распределению между двумя оставшимися продуктами на основе выбранной базы распределения.

Тогда общие затраты совместно произведенных продуктов распределятся следующим образом: ЖРК – 13,49%; АПК – 86, 49%; БК – 0,02%.

Применяемый метод имеет существенные недостатки:

- В качестве основного принципа распределения косвенных затрат принята степень сокращение материальных потоков в технологических операциях по получению разных концентратов.
- Принцип распределения распространяется только на два из производимых продуктов, необоснованно игнорируя третий.

- Отсутствует рациональное обоснование отнесения именно 0,02% общих косвенных затрат на бадделеитовый концентрат.

Таким образом, применяемый метод может давать весьма приближенное представление о реальной себестоимости каждого конкретного из производимых концентратов, а, следовательно, вывод об экономической эффективности их выработки сделать нельзя.

На основе анализа способов распределения комплексных затрат можно рекомендовать следующую методику определения себестоимости продукции многономенклатурного производства:

1. Все разнообразные виды сопряженной продукции (ценные компоненты в них), получаемой из многокомпонентного сырья на любой стадии, операции производства, пользующиеся спросом на рынке, являются равноправными.

3. Прямые затраты, непосредственно связанные и неизбежно возникающие при организации производства конкретного продукта (ценного компонента) из многокомпонентного сырья, относятся только на себестоимость этого продукта прямым счетом

4. Косвенные затраты целесообразно распределять между всеми полезно используемыми компонентами сырья пропорционально возрастанию их стоимости в рамках этой операции, так как точке разделения получаемые продукты являются равнорентабельными в связи с тем, что до этого момента все ценные компоненты находятся в одном продукте (сырье) и их физико-химические особенности никак не проявляются, не используются, не влияют на уровень затрат.

Таким образом, предложенный научно-методический подход к распределению комплексных затрат многономенклатурного производства позволит обоснованно определить себестоимость отдельных совместно произведенных продуктов, что может служить надежной базой для оценки их рентабельности, регулирования в области ценообразования, осуществления стратегического планирования и будет являться залогом успешного развития предприятия в долгосрочном периоде.

Литература:

1. Адамов Н.А. Адамова Г.А. Особенности учета затрат комплексного производства// Консультант бухгалтера, 2007, № 5. С.40-45
2. Ларичкин Ф.Д. Научные основы эффективности комплексного использования минерального сырья. Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2004, 252 с.
3. Keyes, D. E. and R. J. Lefevre. 1995. Departmental activity-based management. Management Accounting (January)
4. Ларичкин Ф.Д. Особенности учета затрат и калькулирования себестоимости продукции в комплексных производствах. Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2003, 106 с.
5. Caplan Dennis. Management Accounting: Concepts and Techniques/ Режим доступа: http://classes.bus.oregonstate.edu.
6. Blocker John J. Essentials of Cost Accounting/ Режим доступа: http://books.google.ru.
7. Weil Roman L,Michael Maher. Handbook of Cost Management/ Режим доступа: http://books.google.ru.
8. Кузнецов Г.Д. Калькулирование себестоимости продуктов переработки комплексного сырья. - М.: Экономика, 1964.
9. Ларичкин Ф.Д. Теория и практика стоимостной оценки полезных компонентов в минеральном сырье и продуктах его комплексной переработки. М.: НП НАЭН, 2008, 88с.
10. Методические рекомендации по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) на предприятиях химического комплекса. - М. Минэкономики РФ, 1998.
11. Методические рекомендации по планированию, формированию и учету затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) предприятий металлургического комплекса. – Министерство промышленности и энергетики Российской Федерации. - М., 2004.

References:

1. Adamov N.A., Adamova G.A. Features of costs accounting of complex production / Consultant Accountant, 2007, № 5. P.40-45.
2. Larichkin F.D. Scientific basis of the effectiveness of integrated use of mineral resources. Apatity: Izd RAS, 2004, 252.
3. Keyes, D. E. and R. J. Lefevre.Departmental activity-based management. Management Accounting (January), 1995.
4. Larichkin F.D. Features of cost accounting and calculation of production costs in complex industries. Apatity: Izd RAS, 2003, 106.
5. Caplan Dennis. Management Accounting: Concepts and Techniques/ Mode of access: http://classes.bus.oregonstate.edu.
6. Blocker John J. Essentials of Cost Accounting/ Mode of access: http://books.google.ru
7. Weil Roman L,Michael Maher. Handbook of Cost Management/ Mode of access: http://books.google.ru.
8. Kuznetsov G.D. Calculation of the cost of processing products of complex materials. - Moscow: Economics, 1964.
9. Larichkin F.D. Theory and practice of valuation of mineral components in mineral raw materials and products of its complex processing. MM: NP NAEN, 2008, 88s.
10. Methodical recommendations on planning, accounting and calculation of the cost of goods (works, services) in the chemical industry. - M. Economy Ministry of Russia, 1998.
11. Methodical recommendations on planning, and accounting costs for production and sale of goods (works, services) of enterprises of the metallurgical complex. - Ministry of Industry and Energy of the Russian Federation. - M., 2004.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В МИРОВОЙ АРКТИКЕ

Николаева А.Б.,
кандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела экономической политики
и хозяйственной деятельности в Арктике и районах Крайнего Севера
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН

Аннотация. В Арктике находятся одни из самых крупнейших запасов нефти и газа, а также целый ряд полезных ископаемых. В статье рассматривается экономическая политика различных стран, проводимая ими в мировой Арктике.

Ключевые слова: Мировая Арктика, экономическая политика, международное законодательство, углеводороды.

STATE ECONOMIC POLICY IN THE WORLD ARCTIC

Nikolaeva A.B.,
Ph.D. (Econ.), Docent,
senior researcher of department of economic policy and economic activities in regions of the High North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

Abstract. Some of the largest oil and gas reserves as well as a number of other valuable mineral fields are located in the Arctic. The article discusses economic policy of various countries carried out in the world Arctic.

Key words: The world Arctic, economic policy, international legislation, hydrocarbons.

Последние годы Арктике уделяется все большее внимание. Главная причина всплеска интереса со стороны самых разных государств очевидна: в арктических «кладовых» хранятся богатства углеводородов, залежи золота, серебра, алмазов, платины, олова, марганца, никеля, свинца и вольфрама.

В настоящее время в основных добывающих провинциях страны уже серьезно выработаны наиболее крупные месторождения, наблюдается естественное сокращение приростов запасов, и планируется соответствующее снижение уровней добычи. В этих условиях для отечественной экономики, в значительной мере опирающейся на добычу углеводородов, особое значение приобретают вопросы освоения ресурсов новых высокоперспективных регионов. Одним из таких регионов является Арктика, в том числе шельфы северных морей [3].

Этот регион обеспечивает сегодня более 10 процентов национального дохода России. Здесь создается более 20 процентов объема общероссийского экспорта [5]. Несомненно, с освоением этого региона связано развитие отраслей, ориентированных на развитие биоресурсов, прежде всего рыболовства. Конечно, наибольший интерес представляют углеводороды. Российская Федерация давно претендует на часть арктического шельфа. Кроме того, существуют пять основных участников, которые рассчитывают расширить свои экономические интересы в Арктике. Помимо Российской Федерации, это Канада, США, Дания и Норвегия. Каждый из них имеет свои способы для укрепления собственных позиций и свою стратегию по продвижению собственных интересов в регионе.

По мнению ряда отечественных аналитиков, именно Россия выступила катализатором крупнейшей геополитической интриги вокруг будущего Арктики, заявив свои права на часть богатого углеводородами арктического шельфа (части подводной окраины материка, примыкающей к суше и характеризующейся общим с ней геологическим строением). Что же касается международного законодательства, то исчерпывающего ответа на вопрос о будущем Арктики в нем нет. В 1982 году 119 государств подписали международную Конвенцию по морскому праву. Правда, и четверть века спустя она ратифицирована еще не всеми. Не сделали этого и Соединенные Штаты. Документ ввел понятие территориального моря (территориальных вод), под которым понимается примыкающий к сухопутной территории или внутренним водам государства морской пояс шириной до 12 морских миль. Он входит в состав прибрежного государства, суверенитет которого распространяется на территориальное море, его дно и недра дна, на воздушное пространство над территориальным морем. Внешняя граница территориального моря является государственной границей [4].

Прибрежные государства обладают правом на исключительную экономическую зону (ИЭЗ) – район, находящийся за пределами территориального моря и прилегающий к нему. Но ширина ИЭЗ не должна превышать 200 морских миль (370 км). В ИЭЗ прибрежные государства обладают ограниченным суверенитетом, что подразумевает исключительные права на рыбную ловлю, разведку и добычу полезных ископаемых, но запрещает препятствовать проходу кораблей других стран. Конвенция устанавливает границы шельфа в 200 морских миль, то есть границы исключительной экономической зоны и шельфа совпадают. Однако государство имеет право претендовать на шельф, простирающийся за 200-мильную зону. Для этого необходимо подать заявку в комиссию ООН по границам континентального шельфа. Если ее признают обоснованной, государство может расширить границы шельфа. В этом случае расширяется именно континентальный шельф, а не ИЭЗ: за 200-мильной зоной прибрежное государство имеет право регулировать добычу минеральных ресурсов, но не может ограничивать права третьих стран на

рыболовный промысел. Вот за это «право регулировать добычу минеральных ресурсов» на международной арене разворачивается борьба. «По оценкам экспертов, континентальный шельф Арктики может содержать около четверти всех шельфовых запасов углеводородов в мире, и использование этих ресурсов – залог энергобезопасности России в целом», – заявил на состоявшемся 17 сентября 2008 года Совете безопасности президент РФ Дмитрий Медведев. По итогам заседания он поручил правительству подготовить план реализации основ государственной политики в Арктике до 2020 года. Не менее решительно настроены и лидеры других государств. Как заметил генеральный директор Института стратегических оценок и анализа Вагиф Гусейнов, «за время, прошедшее с момента возвращения полярной экспедиции Чилингарова, более 20 стран заявили о своей готовности участвовать в разработке полезных ископаемых в Арктике. США, КНР, Германия, Швеция и Канада объявили о разработке национальных программ по развитию ледокольных флотов».

Борьба идет и за морские пути. К лету 2007 года часть океана, покрытая льдом, сократилась более чем на миллион квадратных миль, и, таким образом, площадь ледяного покрова Центральной Арктики сейчас вдвое меньше, чем 50 лет назад. Впервые открылся для судоходства Северо-Западный проход – легендарный морской путь в Азию, который европейские мореплаватели тщетно искали в течение многих веков. Даже если международному сообществу удастся в ближайшем будущем существенно замедлить темпы изменения климата, процесс потепления в определенной степени необратим. Вопрос уже не в том, откроется ли Северный Ледовитый океан для регулярных морских перевозок и исследования богатых запасов полезных ископаемых, а в том, когда это произойдет. В конце августа 2008 года Канада приняла решение о распространении своего законодательства о загрязнении вод в Арктике на 200-мильную зону на севере. Прежде его действие ограничивалось 100-мильной полосой. Это решение имеет большое геополитическое значение и касается не только Канады. Премьер-министр Канады Стивен Харпер не скрывал, что «отдельные страны могут проявить недовольство». Дело в том, что канадский закон о загрязнении арктических вод нарушает консенсус, сложившийся по поводу статуса Северо-Западного прохода (морского пути между Атлантическим и Тихим океанами через моря и проливы Канадского Арктического архипелага). Северо-Западный проход является кратчайшим морским путем между рядом отдаленных регионов планеты. К примеру, протяженность маршрута от Роттердама до Токио по Суэцкому каналу составляет 21 110 км, а по Северо-Западному проходу – 15 900 км. Причем с каждым годом период навигации в нем удлиняется. По прогнозам ученых, к 2050 году в условиях глобального потепления он может стать незамерзающим. Канада запустила спутник с наблюдательной системой на борту, который отслеживает нарушения ее территориальных вод. Соответственно контроль над Северо-Западным проходом дает большие материальные и геополитические преимущества. Поэтому Оттава настаивает на том, что Северо-Западный проход является территориальными водами Канады. Дания хочет «поделить» проход с Канадой. США и прочие страны считают пролив международными водами.

Конкуренцией в вопросе о статусе Северо-Западного прохода отношения между США и Канадой не исчерпываются. США и Канада организовали совместную экспедицию в Северном Ледовитом океане. Целью этой миссии является сбор сведений, которые могут определить протяженность континентального шельфа США в Ледовитом океане, при этом не уточняется, где именно американцы рассчитывают найти окончание своего шельфа. Экспедиция собралась пройти примерно на тысячу километров на север от Аляски.

В настоящее время американцы содержат Военно-морской флот, равный по величине флотам 17 следующих за ними стран (с точки зрения размеров их ВМС), вместе взятым. В то же время у Америки есть лишь один ледокол, годный для океанского плавания. Ввиду этого, Америка собирается значительно увеличить военный флот в Арктике. В свою очередь Оттава намерена строить военные объекты в стратегически важных пунктах Северо-Западного прохода. К примеру, постоянный гарнизон будет развернут в поселке Йеллоунайф. Кроме того, Канада провела в Арктике военные учения «Нанук-2008» и выделяет средства на строительство новых патрульных

судов для Северного Ледовитого океана, глубоководного порта и тренировочного центра по подготовке к работе в условиях холодного климата вдоль Северо-Западного прохода. Главком ВМФ России Владимир Высоцкий заявил о планах по созданию авианосных групп на Северном и Тихоокеанском флотах.

Дания и Норвегия, которым принадлежат соответственно Гренландия и архипелаг Свальбард (Шпицберген), также заявляют о своих правах на Арктику. Норвегия в 2006-м подала заявку на владение дополнительными ресурсами в Арктике. Между Оттавой и Копенгагеном сейчас имеются разногласия относительно принадлежности необитаемого острова Ханс, который представляет собой голые камни, но расположен в богатых ресурсами водах в проливе Нарес между канадским островом Элсмир и островом Гренландия.

В 2001 году российское правительство подало заявку в Организацию Объединенных Наций на права в отношении 460 тыс. квадратных миль акватории Северного Ледовитого океана, богатой природными ресурсами. Это примерно территория штатов Индиана, Калифорния и Техас, вместе взятых. ООН не признала эти притязания, имеющие далеко идущие последствия.

В настоящее время Россия выступает за секторный метод раздела Арктики. При этом границы должны проходить от Северного полюса параллельно меридианам так, чтобы охватывать крайние точки береговой линии той или иной страны. Этот принцип был декларирован еще постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 года. По нему «русский треугольник» в Арктике был образован Чукоткой, Северным полюсом и Кольским полуостровом. Однако, ратифицировав в 1997 году Конвенцию ООН по морскому праву, Россия отказалась от претензий на полярные владения Советского Союза. Теперь, чтобы оставить за собой сектор СССР в Арктике, предстоит убедить в обоснованности этих претензий членов комиссии ООН.

Как уже говорилось, Арктический регион не управляется никакими многосторонними нормами или правилами, поскольку никогда не предполагалось, что водное пространство Арктики станет судоходным, а ее территория будет местом крупномасштабных коммерческих проектов. Поэтому решения, которые будут приниматься арктическими государствами в последующие годы, существенным образом определят будущее региона на предстоящие десятилетия [4].

Эксперты стараются точно определить, сколько нефти и газа находится под полярными льдами. Результаты первых изысканий показывают, что там могут находиться последние еще не разведанные запасы углеводородных ресурсов на Земле. По оценкам Геологической службы США и норвежской компании StatoilHydro, в Северном Ледовитом океане спрятано до 25 % еще не открытых запасов нефти и газа. Некоторые предприниматели, занимающиеся разведкой нефти там, где нет подтвержденных запасов, полагают, что по мере накопления знаний о геологии региона данная цифра существенно возрастет. Вытянутый континентальный шельф Северного Ледовитого океана – это еще один показатель наличия здесь запасов нефти и газа, доступных для коммерческой добычи. По образцам, взятым в толще льда, ученые, занимающиеся вопросами изменения климата недавно установили, что когда-то в Северном Ледовитом океане были представлены все разновидности органических веществ, которые, находясь под сильным давлением морского дна на протяжении тысячелетий, возможно, образуют огромные залежи органического топлива. Самые большие запасы обнаружены в Северном Ледовитом океане у побережья России. Государственная компания «Газпром» уже сейчас занимается разработкой приблизительно 113 трлн кубических футов газа (3,164 трлн куб. м.) на принадлежащих ей месторождениях в Баренцевом море. По подсчетам российского Министерства природных ресурсов, территория, на которую претендует Россия, может содержать до 586 млрд баррелей нефти, хотя существование этих месторождений не доказано. Для сравнения: все ныне доказанные нефтяные запасы Саудовской Аравии (в которые, правда, не входят неисследованные и предполагаемые ресурсы) составляют лишь 260 млрд баррелей. Геологическая служба США впервые начала изучение природных богатств Арктики. Первые территории, которые будут изучены, – это котловина у побережья Восточной Гренландии площадью 193 тыс. квадратных миль. Согласно первым сейсмическим данным, здесь могут находиться месторождения нефти

объемом 9 млрд баррелей и газа объемом 86 трлн кубических футов (2,408 трлн куб. м.). Общие запасы нефти на побережье Аляски, омываемом Северным Ледовитым океаном, составляют по меньшей мере 27 млрд баррелей. К 2015 году добыча нефти в море может составлять около 40 % всей мировой добычи.

Пока решение не найдено, страны Арктического региона, вероятно, будут захватывать как можно больше территорий и осуществлять суверенный контроль над новыми морскими путями где только возможно. На этой ничьей – в правовом смысле – территории приполярные государства преследуют свои узкие национальные интересы, устанавливая гидролокационные сети и снаряжая ледоколы для защиты своих притязаний.

Вероятно, способом управления Арктикой могла бы стать разработка всеобъемлющего договора, гарантирующего организованный коллективный подход к добыче природных богатств региона [6].

Главная цель США и их союзников по НАТО – расширить экономическое присутствие в районах Севера, добиться интернационализации Северного морского пути и в конечном итоге попытаться вытеснить Россию из региона. Судя по информации российского Совбеза, в Арктике уже создается и развивается военная инфраструктура. В частности, в США принято решение о строительстве двух новых передовых баз береговой охраны на Аляске в Барроу и в Номе. Рассматриваются возможности обеспечения постоянного присутствия в Арктике авианосной группы и выделения дополнительных патрульных кораблей. Наращиваются усилия по противолодочной обороне и обеспечению глубоких десантных операций.

Минобороны США уже на практике готовит подразделения сухопутных войск к действиям в Арктике. Начались поставки в войска специально адаптированных для действий в суровых климатических условиях многоцелевых вертолетов «Блэк Хок». В арктическом секторе государственной границы и на приграничной территории Российской Федерации активизировалась деятельность спецслужб США и их союзников по НАТО. Используются новейшие радиотехнические средства. Над акваторией Баренцева моря зафиксированы полеты разведывательных самолетов. Походы в Баренцево море в разведывательных целях совершают боевые корабли и атомные многоцелевые подводные лодки ВМС США.

К ведению разведки привлекаются научно-исследовательские суда Норвегии. Используются различные международные неправительственные организации, в особенности – экологические. Присутствие иностранных исследователей отмечается в районах архипелага Новая Земля и в горле Белого моря – там, где мы проводим испытания своих атомных подводных лодок. В Норвегии говорят о планах изменения демилитаризованного статуса Шпицбергена, завершается разработка концепции применения национальных вооруженных сил в Арктическом регионе.

Канада объявила о планах создания к 2012 году арктических военно-морских сил, включающих 6 – 8 боевых кораблей ледового класса. Годовой военный бюджет, где арктический сегмент фигурирует в качестве приоритетного, увеличивается к 2025 году с 18 до 36 миллиардов канадских долларов. Евросоюз формирует собственные военные структуры в Северной Европе и наращивает военное присутствие в Арктике. Это делается в рамках совершенствования европейской политики безопасности и обороны на арктическом направлении.

Россия пока лишь наблюдает за этими шагами наших арктических соседей. Ведется мониторинг ситуации, из конкретных планов пока заявлено об усилении контроля за воздушным пространством и наращиванием радиолокационного поля на побережье Северного Ледовитого океана. В этом и заключается усиление группировки войск и сил, дислоцированных в Арктической зоне России.

Проблемы освоения Российской Федерацией арктических территорий имеют для Российской Федерации стратегическое значение. Арктика на длительную перспективу является не только важнейшей ресурсной базой России, опорным регионом для наращивания ее транзитного потенциала, но и узлом пересечения долгосрочных национальных интересов нашей страны и основных зарубежных стран в международной, оборонной и экологической сферах.

Существующая система государственного управления в Арктической зоне Российской Федерации недостаточно скоординирована. Несовершенство мер государственного регулирования в экономической и социальной сферах привело к критическому состоянию базовой транспортной, промышленной, пограничной, информационной, научной и социальной инфраструктур. Нарастают диспропорции регионального развития. Для реализации транзитного потенциала России важной является задача обеспечения эффективного использования Северного морского пути. Объем перевозок по трассе СМП за 15 лет уменьшился в 2,5 раза. На этом направлении уже в ближайшие годы необходимо решить вопросы государственной поддержки строительства судов ледокольного, аварийно-спасательного и вспомогательного флотов, а также береговой инфраструктуры, реализовать комплекс мер по гидрометеорологическому и навигационному обеспечению транспортного сообщения в Арктической зоне Российской Федерации. Реализация этих мер позволит не только восстановить масштабы перевозок по Северному морскому пути, но со временем превратит его в глобальную мировую транспортную артерию, соединяющую Европу и Азию. Что касается международного нормативно-правового закрепления позиций в Арктике, здесь на первый план выходит проблема формирования до 2012 года доказательной базы для международно-правового оформления внешней границы континентального шельфа России в Арктике.

США, Норвегия, Дания и Канада проводят единую и скоординированную политику недопущения России к богатствам шельфа. Выдвигаются идеи, что к Арктике надо подходить как к общему наследию человечества, имея в виду открытие этого региона для международных нефтегазодобывающих компаний. Высказываются предложения подписать международный договор об Арктике, устанавливающий международный режим управления по аналогии с Договором об Антарктике. Наращивается военное присутствие зарубежных стран в этом регионе, форсируется реализация планов по созданию современных ледокольных флотов.

Вполне очевидно, что многое не совпадает с экономическими, геополитическими и оборонными интересами России и представляет системную угрозу ее национальной безопасности [1].

В системном виде целостную картину ситуации «Россия в Арктике» сегодня трудно представить, поскольку в настоящее время в этой сфере разобщены усилия учёных, практиков-руководителей, ресурсы разных ведомств и научных направлений. А значительное число различного рода концепций, доктрин, других документов носят отраслевой характер и не связаны между собой. К тому же по проблемам российской Арктики нет ни одного федерального закона, в целостном виде дающего правовое обеспечение её развития во внешнем и международном плане. Поэтому в июне 2010 года был создан Экспертный совет по Арктике при Председателе Совета Федерации.

Программным документом, направленным на развитие региона, сегодня являются «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», утверждённые Президентом страны 18 сентября 2008 года. В Основах определены национальные интересы Российской Федерации в Арктике, главные цели государственной политики, её стратегические приоритеты, основные меры по их реализации. Среди главных задач в документе названы социально-экономическое развитие, военная безопасность, защита и охрана государственной границы Российской Федерации, пролегающей в Арктической зоне, экологическая безопасность, информационные технологии и связь, наука и технологии, международное сотрудничество. Исходя из этого определены и основные задачи Экспертного совета. Это анализ российского законодательства и правоприменительной практики по вопросам реализации государственной политики России в Арктике, подготовка предложений Совету Федерации о внесении изменений в законодательство с целью реализации государственной политики в этом регионе, участие в экспертизе крупных российских и международных проектов, осуществление мониторинга реализации государственной политики в Арктике. Экспертный совет должен перейти к выработке комплексных, взаимоувязанных на федеральном, региональном уровнях рекомендаций по разрешению накопившихся проблем с учётом взятых на себя Россией международных обязательств и международного права. Мы должны выработать на примере Арктики методику научно-экспертного сопровождения процессов подготовки государственных

решений, принятия и реализации государственной политики с прогнозированием возможных последствий. Важность проблем настоящего и будущего Арктической зоны России обусловливает необходимость именно такого подхода [2].

Деятельность Экспертного совета должна внести позитивный сдвиг в разрешение Россией проблем в Арктике, сохранение и усиление исторических позиций России в этом регионе.

Литература

1. Борисов Т. Без боевых пингвинов. Российская газета, 30.03.09
2. Говердовский Ю. Холодный край становится ареной жаркой борьбы// Парламентская газета, №31-32, 18.06.2010
3. Зерщикова Н.И. Организационно-правовые особенности эффективного недропользования// Север и рынок. - №2. - 2007. - С.114-120.
4. Морской бизнес-атлас 2008. Информационный сайт INTERNET. Режим доступа: www.morprom.ru
5. Никодим Унтов. Арктика уже всем мозолит глаза. Полярная правда 14.01.11
6. Россия в глобальной политике. Информационный сайт INTERNET. Режим доступа: www.globalaffairs.ru

References

1. Borisov T. Without fighting penguins. Rossiyskaya gazeta, 30.03.09
2. Goverdovskiy Yu. The cold region becomes an arena for hot fighting // Parlamentskaya gazeta, No. 31-32, 18.06.2010
3. Zershchikova N.I. Organizational-legal specificity of efficient use of mineral resources//North and Market. – No. 2. – 2007. – P. 114-120.
4. Sea business-atlas 2008. Information site INTERNET. Access mode: www.morprom.ru
5. Nikodim Untov. The Arctic is eyesore to everybody. Polyarnaya Pravda 14.01.11
6. Russia in the global policy. Information site of INTERNET. Access mode: www.globalaffairs.ru

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Харитонова Г.Н.,
кандидат экономических наук, доцент,
заведующая сектором экономического механизма природопользования
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье в историческом аспекте рассматриваются недостатки действующего института государственной экологической экспертизы и анализируются их причины; доказывается, что отсутствие технических регламентов в области охраны окружающей среды и региональных стандартов качества окружающей среды является основной причиной, препятствующей совершенствованию эколого-экспертного процесса в стране и в регионах; анализируется проект федерального закона, направленного на восстановление экологической экспертизы для экологически опасных объектов.

Ключевые слова: государственная экологическая экспертиза, реформа управления охраной окружающей среды, технические регламенты

PROBLEMS OF IMPROVING THE INSTITUTE OF ECOLOGICAL EXPERTISE

Kharitonova G.N.
Ph.D. (Econ.), Docent

head of sector of economic mechanism of nature management
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre RAS

The article considers shortcomings of the existing institute of state ecological expertise in the historical aspect and analyses their causes; it is proved that the lack of technical regulations in the field of environmental protection and regional standards of the environment quality is the main reason hampering improvement of the ecological-expert process in the country and the regions; the draft federal law aimed at restoration of ecological expertise for environmentally dangerous objects is analyzed.

Key words: state ecological expertise, reform of environmental management, technical regulations

Экологическая экспертиза является наиболее значимым инструментом в системе административных методов управления охраной окружающей среды (ООС). Другие инструменты, такие как: лицензирование, штрафные санкции, приостановка деятельности, имеют меньший вес по разным причинам: они или менее развиты, или у них менее широкий круг субъектов, или они редко применяются.

Экологическая экспертиза отличается от многих методов управления ООС, в том числе и от экономических (экологические платежи, страхование, субсидии, налоговые льготы), тем, что ее применение является прямым гарантом обеспечения экологической безопасности. Она позволяет предотвратить экологический ущерб или значительно его ослабить. Большинство других инструментов хозяйственного механизма ООС менее эффективно выполняют функцию предотвращения экологических нарушений. Например, в настоящее время все крупнейшие загрязнители окружающей среды исправно перечисляют экологические платежи в бюджеты разных уровней и не предпринимают кардинальных мер для экологической модернизации производства и, следовательно, для снижения причиняемого ущерба.

Экологическая экспертиза как метод управления ООС существовала не всегда, в природоохранной практике СССР она стала применяться только в семидесятых годах прошлого столетия. Только с 1974 г. природоохранные меры стали составной частью перспективных и годовых планов развития народного хозяйства по всем министерствам, ведомствам и по стране в целом. Большинство действующих ныне промышленных предприятий, например, на территории Мурманской области, были построены значительно раньше, т.е. не проходили процедуру экологической экспертизы. Неоспоримым достижением советского периода природоохранной деятельности является тот факт, что за счет государственных капитальных вложений удалось впервые создать основные природоохранные фонды на действующих предприятиях, т.е. начать защищать окружающую среду техническими и технологическими методами. В результате в период с 1965 г. по 1990 г. объем выбросов в атмосферу от стационарных источников промышленными предприятиями Мурманской области был снижен на 85%, а, например, у производственного объединения «Апатит» этот показатель достиг 95%.

В тоже время предприятия продолжали развиваться, и экологическая экспертиза, уже на основе действующего природоохранного законодательства, проводилась по всем новым проектам. Поэтому требуется объяснение существованию ныне предприятий – загрязнителей окружающей среды, которые подвергались официальной процедуре экологической экспертизы.

Причины кроются в приоритете экономического интереса государства над экологическим и в несовершенстве эколого-экспертной процедуры. При плановой системе хозяйства экологическая экспертиза проводилась Государственным плановым комитетом СССР (Госплан) и Государственным комитетом СССР по науке и технике. Главной задачей Госплана СССР и всей системы территориального планирования было обеспечение экономического роста за счет развития производительных сил, которое осуществлялось, в основном, на экстенсивной основе, т.е. за счет создания новых производств и развития действующих. Показатели прироста производственных мощностей и валового выпуска продукции были основными контрольными показателями планов всех уровней: от государственного до плана предприятия, и в соответствии с концепцией долгосрочного планирования должны были иметь только положительный тренд. При этом объективность заключений экологической экспертизы зачастую рассматривалась как

сдерживающий фактор для создания новых производств. Более того, экспертные заключения лишь согласовывались с государственными природоохранными органами, а в случае отказа подписать положительное заключение, для согласования привлекался другой сотрудник природоохранного ведомства или, в лучшем случае, проект отправлялся на корректировку.

Заключение государственной экологической экспертизы после его подписания членами экспертной комиссии приобретает силу юридического документа, что означает недопустимость внесения в него и в реализуемый проект каких-либо изменений. Проконтролировать реализацию проекта не всегда удается органам, ответственным за экологический контроль, что является еще одной из существенных причин экологических нарушений уже после получения положительного заключения экологической экспертизы.

Таким образом, если ранжировать причины появления экологически опасных предприятий, несмотря на прохождение ими обязательной экологической экспертизы, то на первое место следует поставить, доминирование в стране экономических приоритетов над экологическими, наблюдаемое на протяжении длительного времени. Вторую группу причин составят недостатки экологической экспертизы как объекта управления, контроля и надзора.

Анализ институциональных изменений в период трансформации модели хозяйства с плановой на рыночную показал, что совершенствование института «экологической экспертизы» осуществлялось не в направлении повышения рациональности и эффективности, т.е. более эффективного соответствия намерений целям, и лучшей способности обеспечить конечный результат, а, по-прежнему, определялось приоритетом экономического интереса в государственной экологической политике. Доказательством низкого приоритета экологической политики служат уменьшение соотношения величин расходов на природоохранные цели и ВВП; свертывание федеральных целевых экологических программ (с 2006 г. не принято ни одной новой программы); превышение величины налоговых доходов от пользования природными ресурсами и платежей за загрязнение окружающей среды над расходами на природоохранную деятельность; отмена экологических фондов; сохранение института «временно согласованных выбросов/сбросов».

Федеральный закон № 174 «Об экологической экспертизе» был принят в конце 1995 г., т.е. спустя 5 лет с начала реформирования экономики на рыночную модель. За прошедшие 14 лет в него 14 раз вносились изменения. В настоящее время научной и экологической общественностью обсуждается проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части включения в перечень объектов экологической экспертизы проектной документации экологически особо опасных объектов)», подготовленный по поручению Президента РФ по итогам заседания государственного совета, посвященного совершенствованию управления ООС (май 2010г.) [2].

Внесение изменений, прежде всего, обусловлено необходимостью решения экономических задач, например, по реализации национальных проектов, снижению административной нагрузки на бизнес, и постоянно идущим процессом разграничения полномочий между федеральным центром и регионами. Наличие большого круга, как объектов, так и субъектов эколого-экспертного процесса также является причиной постоянных изменений закона.

Экологическая экспертиза подразделяется на два вида - государственную и общественную, неравноценных по условиям осуществления и величине финансирования. Перечень объектов государственной экологической экспертизы (ГЭЭ) устанавливается законом и может быть изменен в сторону сокращения или расширения только путем внесения изменений в него. В течение действия федерального закона изменения, которым он подвергался, постоянно сокращали перечень объектов, подлежащих обязательной государственной экспертизе.

В действующей ныне редакции закона из перечня его по сравнению с первоначальной редакцией исключены проекты правовых актов РФ и субъектов РФ нормативного и ненормативного характера, все виды градостроительной документации и материалов, предшествующих разработке прогнозов развития и размещения производительных сил на территории, кроме проектов целевых программ; материалы по созданию организаций горнодобывающей и перерабатывающей промышленности, предусматривающие использование природных ресурсов, которые находятся в ведении РФ; проекты международных договоров; проекты технической документации на новые сертифицируемые товары и услуги, в том числе на закупаемые за рубежом товары; проекты схем охраны и использования водных, лесных, земельных и других природных ресурсов, находящихся в ведении РФ; документация на изменение функционального статуса, вида и характера использования территорий федерального значения, в

том числе материалы, обосновывающие перевод лесных земель в нелесные, материалы обоснования лицензий на осуществление деятельности по сбору, использованию, обезвреживанию, транспортированию, размещению отходов и др. [3].

Положения об экологической экспертизе содержатся в земельном, водном, лесном законодательстве, законодательстве о недрах, об охране окружающей среды, т.к. само законодательство об экологической экспертизе является составной частью законодательства об охране окружающей среды. Кроме того, они содержаться в «Градостроительном кодексе РФ», который регулирует порядок государственной экспертизы проектной документации объектов, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт и результатов инженерных изысканий. Этим, в частности, объясняется сокращение перечня объектов государственной экологической экспертизы, которая для исключенных объектов стала регулироваться не законом об экологической экспертизе, положением о порядке и административным регламентом ее проведения, а нормативно-правовыми актами других видов природоохранного и градостроительного законодательств.

Например, после отмены государственной экологической экспертизы горнопромышленных проектов она стала проводиться как часть государственной экспертизы запасов полезных ископаемых на базе технико-экономических обоснований (ТЭО), в которых должны быть учтены и оценены все технические, экономические и экологические аспекты. В соответствии с Положением о государственной экспертизе запасов полезных ископаемых заключение государственной экспертизы должно содержать вывод «о геологической, технологической и экономической обоснованности предельных значений кондиций для подсчета запасов полезных ископаемых в недрах, обеспечивающих наиболее полную и рациональную отработку (выработку) запасов месторождений при соблюдении экологических требований» [1]. Приведенная цитата не оставляет сомнений в том, что соответствие объекта этой экспертизы экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области ООС, не является главной целью государственной экспертизы запасов полезных ископаемых.

При проведении экспертизы проектов схем охраны и использования водных, лесных, земельных ресурсов в других природоохранных ведомствах приоритет также имеет рациональное и комплексное использование природного ресурса, а не его охрана от антропогенного воздействия.

Значительно ослабило государственную экологическую экспертизу (ГЭЭ) внесение федеральным законом от 18 декабря 2006 г. N 232-ФЗ изменений в Градостроительный кодекс РФ, который был введен в действие с 1 января 2007 г. Из объектов ГЭЭ практически полностью была исключена документация, обосновывающая градостроительную деятельность, а именно документы территориального планирования, и практически все объекты строительства [4]. От обязательной проверки на соответствие экологическим стандартам были освобождены не только проекты строительства жилых зданий, торговых центров и автозаправок, но и строительство атомных электростанций, масштабных гидротехнических сооружений, нефтепроводов, химических и металлургических предприятий, экологическая опасность которых не вызывает сомнений.

До принятия новой редакции Градостроительного кодекса РФ экологическая оценка проектов включала в себя оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС), которая в обязательном порядке проводится инвестором и затем становится предметом общественных слушаний, и государственную экологическую экспертизу, выполняемую независимыми специалистами. Также федеральный закон об экологической экспертизе предоставлял возможность провести общественную экологическую экспертизу (ОЭЭ), заключение которой учитывается в ГЭЭ. После внесения изменений различные экспертизы, которые проводились при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства, такие как: санитарно-эпидемиологическая, пожарная, государственная экспертиза в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, экспертиза промышленной безопасности, государственная экспертиза условий труда, государственная историко-культурная экспертиза, в том числе и государственная экологическая экспертиза (ГЭЭ) были сведены в единую государственную экспертизу проектной документации. Другими словами, экологическая экспертиза остается сегодня лишь как одна из составных частей строительной экспертизы. Также был отменен институт общественных слушаний по проблемам застройки.

Поправки в Градостроительный кодекс были приняты, чтобы снизить административные барьеры для строительства жилья, в частности, для реализации национального проекта «доступное жилье». До их принятия для одобрения проектной документации при строительстве в крупном городе нужно было провести не менее 13 разных экспертиз, которыми занимались до 15 разных ведомств, на что у потенциального инвестора уходило не менее двух лет. Экологическая экспертиза проекта выполнялась в среднем три месяца, и для строительных фирм ее прохождение было еще и сопряжено с взятками, особенно в крупных городах, некоторые из которых получили широкую огласку. Сведение различных экспертиз в строительстве в единую экспертизу, проводимую на основе технических регламентов, позволило сократить процедуру получения разрешения на строительство до нескольких месяцев.

Как известно, против принятия поправок в Градостроительный кодекс РФ выступили общественные экологические организации, комитет Госдумы по экологии, некоторые руководители Росприроднадзора, Общественная палата РФ, Московская городская Дума и представители ОАО «Норильский никель» и ОАО «Лукойл»; проводились пикеты и митинги. Включение ГЭЭ в состав единой строительной экспертизы проектной документации расценивался как ее отмена.

Забегая вперед, следует отметить, что удалось добиться принятия нового Федерального закона от 16 мая 2008 г. N 75-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об экологической экспертизе" и статьи 49 и 54 Градостроительного кодекса Российской Федерации", который расширил перечень объектов ГЭЭ за счет тех, строительство, реконструкцию и капитальный ремонт которых предполагается осуществлять на землях особо охраняемых природных территорий федерального значения, и особо опасных, технически сложных и уникальных объектов, объектов обороны и безопасности, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт которых предполагается осуществлять на землях особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения, регионального и местного значения.

На заседании президиума Государственного совета по вопросам совершенствования государственного регулирования в сфере ООС в мае 2010 г. опять было озвучено предложение о необходимости восстановлении института государственной экологической экспертизы для экологически особо опасных объектов, которая сегодня сохранилась только на объектах, расположенных на землях особо охраняемых природных территорий, морских водах и шельфе. Министр природных ресурсов и экологии РФ заверил, что законопроект согласован с федеральными органами исполнительной власти и направлен на заключение в Министерство юстиции РФ [2]. Законопроект уже получил одобрение Российского союза промышленников и предпринимателей, который выражает интересы крупнейших холдингов страны. Исключение из объектов ГЭЭ инвестиционных проектов с участием иностранных граждан и иностранных юридических лиц, технико-экономических обоснований и проектов хозяйственной деятельности, «которая может оказывать воздействие на окружающую среду сопредельных государств, или для осуществления которой необходимо использование общих с сопредельными государствами природных объектов, или которая затрагивает интересы сопредельных государств, определенные "Конвенцией об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте", а также проектов межгосударственных инвестиционных программ, в которых участвует РФ, негативно сказывается на стратегических планах и имидже российских компаний. В настоящее время только в двух государствах мира - в Гондурасе и в Зимбабве - отсутствует институт государственной экологической экспертизы технико-экономических обоснований и проектов хозяйственной деятельности.

Восстановление института ГЭЭ и его совершенствование является важным элементом предстоящей реформы государственного управления окружающей средой, т.к. в совокупности с экологическим контролем оно определяет успех по всем другим направлениям реформы. Особенно тесная взаимообусловленность существует между ГЭЭ и системой экологического нормирования, в которую предполагается внести кардинальные изменения в ходе реформы.

Анализ законопроекта представляет интерес, прежде всего, в ответе на вопрос: насколько он повысит эффективность государственной экспертизы по предупреждению возможных

неблагоприятных воздействий хозяйственной деятельности на окружающую природную среду и связанных с ними социальных, экономических и иных последствий реализации объекта экологической экспертизы.

В законопроекте вводится новая формулировка понятия «экологическая экспертиза». «Экологическая экспертиза - установление соответствия документов и документации, обосновывающей планируемую (проектируемую) хозяйственную и иную деятельность, требованиям законодательства в области охраны окружающей среды, оценка достаточности мероприятий по охране окружающей среды и определение допустимости намечаемого воздействия на окружающую среду» [2]..

Новая формулировка понятия «экологическая экспертиза», дополненная оценками достаточности и допустимости намечаемого воздействия, расширяет цель и функции эколого-экспертной деятельности, которые в действующей редакции этого понятия сводились к установлению соответствия объекта экспертизы экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области ООС.

Для того чтобы установить это соответствие, можно не прибегать к услугам группы экспертов, обладающих научными и практическими знаниями в области охраны окружающей среды и природопользования. Другими словами, сравнение показателей объекта экспертизы с требованиями экологического законодательства и параметрами технических регламентов является более простой деятельностью, чем работа квалифицированной экспертной комиссии даже с учетом определенной доли субъективизма в ее работе. Однако, в результате подобного упрощения, которое, в частности, происходит при сведении нескольких видов экспертиз в единую, не всегда может быть достигнута цель по предупреждению возможных неблагоприятных воздействий хозяйственной деятельности на окружающую среду.

Это обусловлено тем, что объект экспертизы может соответствовать установленным нормативам качества окружающей среды и оказывать негативное воздействие на нее. Только группа экспертов может определить виды и степень негативного воздействия, которые возможны и при полном соответствии требованиям технологических регламентов, т.к. практика гораздо сложнее любого набора норм и нормативов. Также только экспертная комиссия может установить достоверность показателей экологической части ТЭО особенно на сложных объектах, т.к. в ее состав входят наряду со специалистами по экологическому праву, представители различных эколого-экономических наук, инженеры – экологи и технологи – экологи.

По нашему мнению, сравнением с действующими экологическими нормами, в основном, это стандарты качества окружающей среды (предельно допустимые концентрации загрязняющих веществ) невозможно установить следующие виды негативного воздействия в конкретном регионе, в результате которых объект экспертизы будет экологически опасным:

1) отрицательный синергический эффект от различных загрязнителей, в том числе от тех, которые поступают в окружающую среду от предприятий, расположенных на одной площадке;
2) негативное воздействие загрязнителей, для которых не разработаны ПДК, или они давно не пересматривались;
3) последствия экстремальных климатических явлений для функционирования природоохранного оборудования;
4) допустимое воздействие на региональные экологические системы, степень и интенсивность которого не учитывается в национальных нормативах качества окружающей среды;
5) появление в результате производства и природоохранной деятельности новых загрязняющих веществ, для которых отсутствуют нормативы качества окружающей среды и др.

Следует отметить, что разработчики ОВОС для конкретного ТЭО, добросовестно его составляющие, оставляют эти возможные виды негативного воздействия без внимания. Не будет преувеличением сказать, что перед ними обычно стоит не менее сложная задача: обосновать для предлагаемой технологии показатели воздействия на окружающую среду, например, объемы выбросов и сбросов различных загрязняющих веществ и природоохранные меры, т.к. в большинстве технических и технологических проектов они отсутствуют, несмотря на требование законодательства об обязательности их определения на этапе проектирования. Последнее обстоятельство является отражением низкого приоритета, а иногда и отсутствия научных представлений об экологизации производства, у разработчиков новых технологий, техники,

материалов и видов продукции. Нельзя также не отметить, что не последнюю роль играет и стремление удешевить как разработку проекта, так и его реализацию. Во многом по этой причине по данным Росприроднадзора РФ об объектах ГЭЭ по состоянию на 18.02.2011 г. более половины материалов были возвращены, т.к. были не комплектны, и в них отсутствовала достаточная проработка вопросов в части оценки воздействия на окружающую среду и разработки мероприятий по минимизации воздействия объектов хозяйственной деятельности на окружающую среду. Попытки побудить сознательное отношение организаций к тому, что требования технических регламентов на продукцию и связанные с ней процессы изготовления и эксплуатации могут как положительно, так и отрицательно влиять на окружающую среду путем принятия нормативно-правовых актов, например, национального стандарта РФ «Экологический менеджмент. Руководство по включению аспектов безопасности окружающей среды в технические регламенты. ГОСТ Р 14.07-2005", не дали результата. По нашему мнению, переход на наилучшие доступные зарубежные технологии будет являться более эффективным средством побуждения российских разработчиков новой техники и технологий, а также инвесторов к всестороннему учету экологических последствий и их минимизации, т.к. иначе они не смогут конкурировать на рынке инноваций.

Также объект экспертизы может соответствовать установленным нормативам качества окружающей среды и оказывать негативное воздействие на нее по причине их несовершенства или отсутствия. Например, проект федерального закона «Об общем техническом регламенте «Об экологической безопасности», который определяет основные положения технического регулирования в области экологической безопасности и устанавливает общие требования к обеспечению экологической безопасности процессов производства, хранения, перевозки, утилизации продукции, был разработан Министерством природных ресурсов и экологии РФ еще в 2005 г., и до сих пор не принят.

После принятия закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием разграничения полномочий" в декабре 2005 г., полномочия государственной экспертизы результатов инженерных изысканий были переданы субъектам федерации. В настоящее время региональные органы власти, ответственные за организацию и проведение ГЭЭ, постоянно отмечают проблему отсутствия объективных критериев оценки воздействия на окружающую среду в виде утвержденных нормативных и инструктивно-методических документов, касающихся экологических нормативных требований, которые должны основой для принятия решений о допустимости реализации объектов ГЭЭ. Система экологических нормативов, на которую следует опираться экспертам, лишь описана в федеральном законе «Об охране окружающей среды» (2002 г.), из 5 видов нормативов, представленных в нем, на практике существуют только предельно допустимые нормативы выбросов/сбросов загрязняющих веществ и нормативы загрязнения почв некоторыми веществами, большинство из которых было разработано еще при плановой экономике. О необходимости разработки региональных нормативов качества окружающей среды наряду с проведением оценки экологического состояния территории, как об актуальных задачах регионального управления, отмечалось в Послании Президента РФ Федеральному собранию на 2011г.

Разработка технических регламентов в области охраны окружающей среды и экологической безопасности позволит решить проблему однозначного или более полного определения категорий и понятий, используемых в природоохранном законодательстве и в процессе эколого-экспертной деятельности. Например, в новом законопроекте «Об экологической экспертизе» перечень объектов ГЭЭ предлагается расширить за счет «экологически особо опасных объектов», понятие которых не определено в действующем законодательстве, также нет единого мнения по содержанию понятия «интегральные показатели совокупного воздействия на окружающую среду». В связи с этим на важный вопрос, какие объекты подлежат обязательной государственной экспертизе, пока нельзя дать однозначный ответ. По нашему мнению, это обстоятельство не может служить причиной отклонения законопроекта, т.к. возможно принятие паллиативного решения. До введения в действие национального технического регламента об экологической безопасности на основе параметров наилучших доступных технологий можно руководствоваться критериями отнесения объектов хозяйственной и иной деятельности к видам экологически особо опасных объектов, в соответствии с которыми правительство РФ сегодня определяет их перечень.

Литература

1. Постановления Правительства РФ от 11 февраля 2005 г. №69 "О государственной экспертизе запасов полезных ископаемых, геологической, экономической и экологической информации о предоставляемых в пользование участках недр, размере и порядке взимания платы".
2. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части включения в перечень объектов экологической экспертизы проектной документации экологически особо опасных объектов)».- Интернет-ресурс. http://www.mnr.gov.ru
3. Федеральный закон от 23 ноября 1995 года N 174-ФЗ "Об экологической экспертизе" Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, N 48, ст. 4556; 2004, N 35, ст. 3607; N 52, ст. 5276; 2006, N 1, ст. 10; N 50, ст. 5279; N 52, ст. 5498
4. Федеральный закон от 16 мая 2008 г. N 75-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об экологической экспертизе" и статьи 49 и 54 Градостроительного кодекса Российской Федерации". - // "Российской газета" от 20 мая 2008 г. N 106, в Собрание законодательства Российской Федерации от 19 мая 2008 г. N 20 ст. 2260.

References

1. Decree of the RF Government of February 11, 2005 No. 69 “On state expertise of mineral reserves, geological, economic and ecological information on plots of lands given for use and payments regulation”.
2. Draft Federal law “On changing some legislative acts of the Russian Federation (regarding including projecting documentation of environmentally especially dangerous objects in the list of objects of ecological expertise)”. – Electronic resource. Access mode: http://www.mnr.gov.rur
3. Federal law of November 23, 1995 No. 174-FZ “On ecological expertise”. Collection of legislation of the Russian Federation, 1995, No. 48, article 4556; 2004, No. 35, article 3607; No. 52, article 5276; 2006, No. 1, article 10; No. 50, article 5279; No. 52, article 5498.
4. Federal law of May 16, 2008 No. 75-FZ “On changing the Federal law “On ecological expertise” and articles 49 and 54 of the Urban Development Code of the Russian Federation”. - //”Rossiyskaya gazeta” of May 20, 2008 No. 106 in the Collection of legislation of the Russian Federation of May 19, 2008. No. 20 article 2260.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКЕ

Акулов И.В.,
аспирант Петрозаводского государственного университета

В статье рассмотрен вопрос определения оптимального размера экономического субъекта в электроэнергетике через призму реформирования и сделан вывод о том, что в условиях низкой концентрации спроса, большого размера страны и незрелости частных инвесторов наиболее эффективной формой организации является максимально централизованная система, находящаяся в государственной собственности, при наличии единого регулирующего органа.

Ключевые слова: монополия, конкуренция, рынок, государственное регулирование, перекрестное субсидирование, экономически обоснованный тариф.

ORGANIZATION OF AN EFFICIENT ECONOMIC MANAGEMENT IN POWER ENGINEERING

Akulov I.V.,
Ph.D. student of Petrozavodsk State University

The article discusses identification of an optimal size of an economic unit in the power engineering in the light of the reforming and it is concluded that under the conditions of low demand concentration , big size of the country and immaturity of private investors the most efficient organization form is a maximally centralized system being owned by the state with a single regulating organ.

Key words: monopoly, competition, market, state regulation, cross-subsidizing, economically reasonable tariff.

В начале 2011 года завершился переходный период реформирования электроэнергетики, в результате чего монополия ОАО РАО «ЕЭС России», на которую до 2003 года приходилось более 72% установленной мощности всех электростанций России, 96% протяженности всех линий электропередач, не менее 70% выработки электроэнергии и около 30% в производстве тепла, прекратила свое существование[2]. При этом на базе одной фирмы было создано несколько десятков независимых компаний. Произошло разделение на потенциально конкурентные (производство и сбыт электроэнергии, ремонт и сервис) и естественно-монопольные виды деятельности (передача электроэнергии и оперативно-диспетчерское управление).

Окончание процесса реформирования дает возможность сравнения двух различных моделей: вертикально интегрированной монополии и потенциально конкурентного рынка, а также в рамках разных рыночных структур позволяет оценить способность решения ключевых проблем электроэнергетики. А именно: старение и выбытие основных фондов, наличие перекрестного субсидирования, низкий уровень инвестиций и инвестиционной привлекательности, неудовлетворительное состояние платежной дисциплины при расчетах за электрическую энергию и высокий уровень ее воровства.

В условиях вертикально интегрированной компании основной причиной вышеуказанных проблем была низкая инвестиционная привлекательность отрасли, которая в свою очередь была обусловлена недостаточным уровнем тарифа и социальным характером товара электрическая энергия. Проблема обеспечения социальной стабильности в регионах, стимулирования экономического роста и недопущения развития в экономической системе инфляционной спирали ограничивала рост тарифов и была тормозом развития электроэнергетики. Таким образом, отрасль за счет необоснованно заниженных тарифов дотировала экономику России и поддерживала социальный баланс.

Проблема низкого уровня платежной дисциплины при расчетах за электрическую энергию была обусловлена вторичным характером деятельности по сбору денежных средств с потребителей в рамках единой фирмы по сравнению с непосредственным производством и распределением электрической энергии.

Реорганизация электроэнергетики с последовательным разделением вертикально интегрированной компании по сферам деятельности и выделением потенциально конкурентных видов деятельности не позволила решить вышеуказанные проблемы. Несмотря на наличие большого количества положительных примеров реорганизации электроэнергетики в Западных странах[3] в России попытка формирования рынка электроэнергетики и создание конкуренции носили скорее искусственный характер. Существенное повышение тарифов в условиях множества независимых компаний не привело к качественному улучшению функционирования электроэнергетики. Уровень инвестиций и инвестиционной привлекательности в отрасли практически не изменился, так как частный бизнес оказался не готов к долгосрочным вложениям с низким уровнем доходности даже при условии гарантированного их возмещения. Основным инвестором в электроэнергетике осталось государство через принадлежащие ему компании (Группы «Газпром» и «Интер РАО ЕЭС», государственная корпорация по атомной энергии

[2] РАО «ЕЭС России» [Электронный ресурс]: РБК. Режим доступа: http://www.rbc.ru/companies/raoees.shtml

[3] Подробнее см. Тукенов А.А. Рынок электроэнергии: от монополии к конкуренции / А.А. Тукенов – М.: Энергоатомиздат, 2007. – С. 263-378

«Росатом», ОАО «Русгидро», ОАО «ФСК ЕЭС» и ОАО «Холдинг МРСК»). Для частных инвесторов электроэнергетика стала источником получения спекулятивного дохода.

В связи с этим проблема старения и выбытие основных фондов осталась нерешенной, а мировой финансовый кризис, снижение ВВП и как результат снижение электропотребления способствовали затягиванию процесса реализации инвестиционных проектов. За период с 2003 по 2010 гг. установленная мощность электростанций выросла менее чем на 5%[4].

Проблема перекрестного субсидирования тоже не была решена, а в некоторых субъектах даже усугубилась. Например, в Республике Карелия за период с 2007 по 2011 год тариф для населения вырос в 2 раза, в то время как для юридических лиц, получающих электрическую энергию на тех же условиях и уровне напряжение в 3,3 раза. Стоимость энергии в 2011 году для них в 3,8 раза выше, чем для населения[5].

Достижение положительных сдвигов в росте уровня платежной дисциплины при расчетах за электрическую энергию можно считать единственным преимуществом дезинтегрированной отрасли. Усиление позиций сбытовых компаний привело к смещению интересов с производства к сбыту, как результат произошла активация работы с потребителями, что выражается в снижении убытков, связанных с уходом от платежей потребителями, а также к улучшению платежной дисциплины в целом, а значит снижению процентных расходов, связанных с возникновением кассовых разрывов.

Однако данный позитивный сдвиг не стоит переоценивать, так как проблема неплатежей может быть решена и в рамках единой компании за счет изменения структуры ключевых показателей эффективности в виде роста доли уровня реализации в нем и как результат повышении мотивации высших менеджеров и росту платежной дисциплины.

Помимо того, что разделение ОАО РАО «ЕЭС России» по видам деятельности не позволило разрешить вышеуказанные системные проблемы, оно привело к росту стоимости трансакций внутри ранее единой компании. В электроэнергетике одной из наиболее острых проблем остается низкая культура ее учета и масштабное воровство, в связи с этим ключевым становится вопрос определения величины потерь. Если в единой организации данная проблема решалась на уровне начальников подразделений через механизм трансфертного ценообразования, то независимые юридические лица оспаривают данные величины и возникает классический «эффект запирания»[6,7] разрешение которого в рамках отношенческого контракта не представляется возможным.

Как результат необходимость разрешение споров в судебном порядке, применение которого сопряжено со следующими недостатками. Во-первых, для ряда споров применение судебного порядка улаживания конфликтов становится недопустимым из-за отсутствия возможности объективной проверки. Во-вторых, осуществление судебной процедуры сопряжено с существенными затратами временных и финансовых ресурсов. Величина разногласий в электроэнергетике зачастую составляет несколько сотен миллионов рублей. В-третьих, в условиях недостаточного развития институциональной базы и отсутствия системы прецедентного права судебное решение является слабопрогнозируемым. В связи с этим возникает возможность манипуляции судебным решением, используя механизм влияния и давления. В-четвертых, применение судебного порядка улаживания споров в определенных ситуациях становится одним

---

[4] Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991 - 2009гг. [Электронный ресурс]: Федеральная служба государственной статистики». Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1270707126016

[5] Рассчитано автором на основе информации «Карельской энергосбытовой компании»

[6] Подробнее см. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996, С. – 702.

[7] Фуруботн Э. Институты и экономическая теория / Пер. с англ. под ред. В. Катькало, Н. Дроздовой // Э. Фуруботн, Р. Рихтер. СПб: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.

из методов реализации оппортунистического поведения, то есть участник экономических отношений может использовать механизм судебного арбитража для минимизации возможных потерь через затягивание принятия решения.

Создание множества субъектов электроэнергетики в совокупности с формированием института рынка привело к росту числа регулирующих организаций, взгляд которых на перспективы и направления развития отрасли существенно отличается. На данный момент в регулировании электроэнергетики активно участвуют Совет рынка, Федеральная антимонопольная служба и Министерство энергетики. Наличие трех субъектов регулирования ведет к отсутствию системности реформ, и как результат к снижению диапазона прогнозирования.

Рост числа независимых хозяйствующих субъектов в совокупности с увеличением числа контролирующих организаций привел к снижению надежности энергоснабжения. Нештатные ситуации, подобные авариям на электроподстанции «Чагино» и Саяно-Шушенской ГЭС присутствовали и ранее, но за счет запаса мощности и единства энергосистемы их последствия не были столь разрушительными. Приход экономистов к управлению энергосистемой привел к росту краткосрочной прибыли и снижению надежности. Как результат, только одна реконструкция Саяно-Шушенской ГЭС будет стоить экономике России около 40 млрд. руб.

Также необходимо отметить, что на практике в условиях наличия инвестиций в трансакционно-специфические активы и большого размера страны формирование конкуренции в электроэнергетике не представляется возможным. В стадии производства из 29 зон свободного перетока электрической энергии в 26 имеет место высокий уровень концентрации товарного рынка, когда единственный производитель обеспечивает основные потребности потребителей. Для появления конкуренции в данном секторе необходимо наличие развитой сетевой инфраструктуры и высокой территориальной концентрации спроса, что в условиях размера нашей страны маловероятно. На стадии сбыта электроэнергии обеспечение конкуренции приведет к тому, что обслуживанием наиболее ликвидных и платежеспособных групп потребителей будет заниматься частный бизнес, в то время как убытки работы с населением и предприятиями ЖКХ придется национализировать государству. Выделение подразделений по ремонту и обслуживанию электрических сетей и оборудования в отдельный бизнес спровоцировало оппортунистическое поведение руководства отдельных компаний, когда тендеры начали выигрывать не специализированные службы, а фирмы близкие к руководству компаний. Как результат снижение надежности оборудования и энергосистемы в целом.

Таким образом, в условиях низкой концентрации спроса, большого размера страны и незрелости частных инвесторов *основой организации эффективного хозяйствования в электроэнергетике становится максимально централизованная система, находящаяся в государственной собственности, при наличии единого регулирующего органа.*

Такая форма, во-первых, позволяет формулировать цены на долгосрочную перспективу, что ведет к повышению качества прогнозирования и формированию ожиданий в обществе, во-вторых, обеспечивает приоритет надежности над краткосрочной выгодой, в-третьих, позволяет решать политические вопросы, в-четвертых, предоставляет возможность использования долгосрочных ресурсов пенсионной системы внутри страны, через установление сроков окупаемости и доходности вложенного капитала, в-пятых, максимально ускоряет процесс принятия решения без существенного отвлечения ресурсов, и, наконец, позволяет осуществлять строительство объектов инфраструктуры в районах и сроки, где и когда это действительно наиболее необходимо.

Литература

1. Тукенов А.А. Рынок электроэнергии: от монополии к конкуренции / А.А. Тукенов – М.: Энергоатомиздат, 2007. – С. 416
2. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996. – С.-702

3. Фуруботн Э. Институты и экономическая теория / Пер. с англ. под ред. В. Катькало, Н. Дроздовой // Э. Фуруботн, Р. Рихтер. СПб: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.
4. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991 - 2009гг. [Электронный ресурс]: Федеральная служба государственной статистики». Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1270707126016
5. РАО «ЕЭС России» [Электронный ресурс]: РБК. Режим доступа: http://www.rbc.ru/companies/raoees.shtml
6. Внутренняя информация «Карельской энергосбытовой компании»

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ТЕРРИТОРИИ: СУЩНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Березиков С.А.,
кандидат экономических наук, научный сотрудник
отдела промышленной и инновационной политики
Цукерман В.А.,
кандидат технических наук, заведующий отделом промышленной и инновационной политики
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассматривается сущность и экономическое содержание конкурентоспособности территории. Показана необходимость формирования единого понятийного и методического аппарата для согласования интересов субъектов различных уровней в процессе принятия решений по повышению конкурентоспособности территорий.

Ключевые слова: Конкуренция, конкурентоспособность, территория, регион

COMPETITIVENESS OF TERRITORY: THE ESSENSE AND ECONOMIC CONTENT

Berezikov S.A.,
Ph.D. (Econ.), researcher of
department of industrial and innovation policy
Luzin Institute for economic studies
Kola Science Centre of RAS
Tsukerman V.A.
Ph.D. (Engineering), head of
department of industrial and innovation policy
Luzin Institute for economic studies
Kola Science Centre of RAS

The article discusses the essence and economic content of the territory competitiveness. The necessity of forming the single conceptual and methodical apparatus for conciliation of interests of subjects of different levels in the process of decision making on raising competitiveness of territories is shown.

Key words: Competition, competitiveness, territory, region

Ключевое воздействие на долгосрочные перспективы социально-экономического развития оказывает конкуренция, вынуждающая организации и предприятия развивать производство товаров и услуг. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года отмечается, что одним из основных долговременных системных вызовов, стоящих перед российской экономикой в середине текущего десятилетия, является «усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национального управления, поддержки инноваций, развития человеческого потенциала» [5]. Дальнейшее развитие глобальной конкуренции дополнится усилением геополитического соперничества за контроль над сырьевыми, энергетическими, водными и продовольственными ресурсами.

Несмотря на ускорение технологического прогресса и ужесточение условий конкуренции между регионами, по мнению экспертов, методология исследования конкурентоспособности территорий в настоящее время не сформирована [см. 8, 9] . В этих условиях становится очевидной необходимость уточнения сущности и содержания понятия «конкурентоспособности территории», а также совершенствования методических подходов к ее оценке.

Конкурентоспособность – многогранное понятие, его содержание может значительно отличаться в зависимости от объекта приложения. В.В. Окрепилов [4] указывает на тот факт, что: «…до сих пор термин «конкурентоспособность» не стандартизирован, хотя приняты на международном уровне стандартизированные термины и определения в области метрологии, управления качеством, подтверждения соответствия и др.». З.А. Васильева [1] обращает внимание на негативные последствия отсутствия единого понятийного аппарата: «разнообразие методологических подходов к исследованию конкурентоспособности и изолированное рассмотрение того или иного субъекта независимо от его места в иерархии понятий в данный момент не позволяют:

– выработать систему типовых управленческих решений тактического и стратегического характера социально-экономическими системами более высокого уровня (отрасль, регион, государство) для повышения уровня и наращивания потенциала конкурентоспособности предприятия, продукции;

– согласовать механизмы взаимодействия различных субъектов рынка при формировании конкурентных преимуществ и усилении позиций на различных видах рынков (региональных, межрегиональных, международных)».

Стоит отметить, что необходимо различать конкуренцию между территориями (или конкуренцию территорий) и конкуренцию на территории.

Конкуренцию между территориями Т.В. Сачук [7] определяет как «соперничество территорий друг с другом с целью привлечения к себе внимания потребителей территориального продукта, что выражается в притоке на территорию человеческих, финансовых, материальных, инновационных и других ресурсов». Достаточно близкое по содержанию определение представлено в [3]: «конкуренцию территорий в целом можно определить, как соревнование между регионами в их стремлении завоевать различные целевые группы потребителей местных ресурсов и условия жизнедеятельности».

При этом, как отмечает Ю.В. Савельев [6], «в конкурентных условиях у территорий появляются побудительные мотивы вести себя так же, как и микроэкономические субъекты». Следует принимать во внимание существование территориальной специализации у каждого региона. В этом случае территориальная конкуренция может проявляться лишь в тех сферах, где происходит столкновение интересов территории с интересами других территорий–конкурентов. «На практике приходится наблюдать, что конкурентные отношения между территориями … строятся, в большей степени, на основе модели монополистической конкуренции» [6].

Л.И. Ушвицкий и В.Н. Парахина [8] определяют региональную конкурентоспособность «как способность региона в условиях свободной конкуренции производить товары и услуги, удовлетворяющие требованиям рынка, реализация которых увеличивает благосостояние региона, страны и отдельных ее граждан».

Б.А. Чуб [10] рассматривает конкурентоспособность региона как «его роль и место в экономическом пространстве России, способность обеспечить высокий уровень жизни населения и возможность реализовать имеющийся в регионе экономический потенциал (финансовый, производственный, трудовой, инновационный, ресурсо-сырьевой и др.)». Потенциал региона реализуется в результате функционирования регионального рынка, вовлекающего в воспроизводственный процесс все имеющиеся в регионе ресурсы и эффективно их использующего. Подобный взгляд на проблему устанавливает тождественность конкурентоспособности и экономической эффективности.

Базирующийся на «продуктивности (производительности) использования ресурсов» методологический подход к формулированию понятия конкурентоспособности территории позволяет определить уровень использования имеющихся региональных ресурсов в конкретный момент времени [2]. Тем не менее, скорость трансформаций в мировой экономике и изменение значимости факторов, влияющих на экономический рост, вызывают необходимость уточнения понятия конкурентоспособности территории. Необходимо отметить, что инновационные, интеллектуальные и инвестиционные ресурсы приобретают наибольшее значение для повышения уровня конкурентоспособности территории.

Особую актуальность повышение конкурентоспособности территории приобретает в связи с развитием рыночных отношений, усилением конкуренции и интеграционных процессов между территориальными образованиями. Возникает потребность в определении сильных сторон региона, способных оказывать существенное влияние на его социально-экономическое развитие и повышение конкурентных преимуществ. Оценка формы и масштабов участия территорий межрегиональной экономической интеграции позволяет выявить негативные факторы, препятствующие данным процессам и, как следствие, снижению конкурентоспособности регионов. Подобные оценки регионального развития и возможностей территорий по обеспечению территориальной конкурентоспособности позволяют получить маркетинговые исследования региональных рынков.

По существу, конкурентоспособность территории – это взаимосвязь элементов социально-экономической системы, свойства которых образуют множество функций, определяющих способность данного региона к конкуренции. Таким образом, в качестве индикаторов конкурентоспособности территории могут использоваться показатели уровня жизнеобеспечения населения на основе международных и национальных стандартов.

Можно согласиться с выводами З.А. Васильевой [1] в отношении современных определений понятия «конкурентоспособность», «которые:

– модифицируются в зависимости от целей и задач исследователей, требований субъектов рыночных отношений (потребителей, конкурентов, инвесторов, партнеров) и масштабов деятельности (внутренние, внешние рынки);

– чаще всего ориентированы на оценку уровня на текущий момент времени без учета факторов, определяющих потенциал роста конкурентоспособности;

– не имеют строгой иерархии по уровням управления (предприятие, отрасль, регион, государство) в связи с изолированностью исследований, и отсутствием понимания значимости конкурентоспособности субъектов рынка более высоких уровней управления при решении задач усиления рыночных позиций на внешних рынках;

– для отдельных субъектов рынка не соответствуют методикам ее оценки, что приводит к несопоставимости параметров и критериев, искажающих реальный уровень конкурентоспособности».

Первый и второй выводы можно отнести не только к определениям понятия «конкурентоспособность», но и к определениям понятия «конкурентоспособности территорий» существующим сегодня в экономической литературе. Стоит отметить, что такое положение дел не может считаться нормальным. Требуется унификация понятия «конкурентоспособность территории», поскольку, на наш взгляд, существование большого количества различных определений одного и того же явления вносит методологическую путаницу в формирование целостной теории конкурентоспособности и затрудняет реализацию практических рекомендаций.

В процессе разработки и принятия решений по вопросам повышения конкурентоспособности территорий потребуется согласование интересов субъектов различных уровней управления, с этой целью в рамках законодательного акта должен быть сформирован единый понятийный и методический аппарат. Его возможности должны позволить производить оценку конкурентоспособности субъектов рынка, как изолированно друг от друга, так и системе иерархии уровней управления.

Учитывая высокий уровень неоднородности экономического пространства России, для каждого из ее регионов требуется индивидуальный подход к решению обусловленных его спецификой проблем повышения конкурентоспособности. Однако, по нашему мнению, научное обоснование решения этих проблем должно осуществляться с использованием единого понятийно-методического аппарата.

Литература

1 Васильева З.А. Иерархия понятий конкурентоспособности объектов рынка // Маркетинг в России и за рубежом. – 2006. – № 2(52). – С. 83 – 89.

2 Портер М. Конкуренция: Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – 608 с.: ил. – Парал. тит. англ.

3 Производственные кластеры и конкурентоспособность региона [Текст]: монография / колл. авт. под рук. Т.В. Усковой. – Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2010. – С.13.

4 Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы / Институт проблем региональной экономики РАН; отв. ред. Е.Б. Костяновская. – СПб.: Наука, 2006. – С.315.

5 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2008 г. №1662-р (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 08.08.2009 №1121-р) «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

6 Савельев Ю.В. Управление конкурентоспособностью региона: от теории к практике / Институт экономики КарНЦ РАН. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. – с.22.

7 Сачук Т.В. Территориальный маркетинг. – СПб.: Питер, 2009. – с.153.

8 Ушвицкий Л.И., Парахина В.Н. Конкурентоспособность региона как новая реалия: сущность, методы оценки, современное состояние // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Экономика», 2005, №1. [Электронный ресурс] - URL http://science.ncstu.ru/articles/econom/14/01.pdf (дата обращения 28.02.2011)

9 Чайникова Л.Н. Методологические и практические аспекты оценки конкурентоспособности региона: монография – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – С.5.

10 Чуб Б.А. Управление инвестиционными процессами в регионе. – М.: БУКВИЦА, 1999. – 188 с.

References

1 Vasilieva Z.A. Hierarchy of concepts of market object // Marketing in Russia and abroad. – 2006. – No. 2(52). – P. 83 – 89.
2 Porter M. Competition: Translation from English. – Moscow: Publishing house «Williams», 2005. – 608 p.: il. – Parallel title English.
3 Production clusters and competitiveness of the region [Text]: monograph / group of authors led by T.V. Uskova. – Vologda: Institute of socio-economic development of territories of RAS, 2010. – P.13.
4. Development of Russian regions: new theoretical and methodological approaches / Institute of problems of regional economy of RAS; managing editor E.B. Kostyanovskaya. – St.Petersburg.: Nauka, 2006. – P.315.
5. Order of the Russian Federation Government of November 16, 2008 No. 1662-r (edition of the Order of the RF Government of 08.08.2009 No.1121-r) "On the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period to the year of 2020" access from "Consultant Plus"
6. Saveliev Yu. V. Management of competitiveness of the region: from theory to practice / Institute of economics of the Karelian science centre of RAS. – Petrozavodsk: Karelian science centre of RAS, 2010. – p. 22.
7 Sachuk T.V. Territorial marketing. St. Petersburg: Piter, 2009. – p. 153.
8 Ushvitskiy L.I., Parakhnina V.N. Competitiveness of the region as a new reality: essence, evaluation methods, present condition // Proceedings of the Northern Caucasian state technical university. Series "Economics", 2005, No. 1 [Electronic resource] - URL http://science.ncstu.ru/articles/econom/14/01.pdf 9 Chainikova L. N. Methodological and practical aspects of evaluation of the region's competitiveness: monograph – Tambov: publishing house of Tambov state technical university, 2008. – P.5.
10 Chub B.A. Management of investment processes in the region. – Moscow: BUKVITSA, 1999. - 188 p.

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ

Васильев В.В.,
кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник
отдела экономической политики и хозяйственной деятельности
в Арктике и районах Крайнего Севера
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН

В статье рассматриваются методические, исторические и правовые аспекты выделения арктической зоны России и возможности закрепления ее границ в федеральном законе «Об арктической зоне России». На этом основании предложен комплексный подход, учитывающий географические, природно-климатические и экономические особенности, а также некоторые дополнительные факторы дискомфортности условий жизнедеятельности.

***Ключевые слова**:* Арктика, география, ресурсы, экономика, зоны, границы, методики, нормативные правовые акты, регионы, субъекты РФ.

SCIENTIFIC BASES FOR IDENTIFYING BORDERS OF THE RUSSIAN ARCTIC ZONE

V.V.Vasilev,
Ph.D. (Geography), leading researcher of department of economic policy
and economic activities in regions of the High North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The article considers methodical, historical and legal aspects of determining the Russian Arctic zone and possibilities of fixing its borders in the federal law “On the Arctic Zone of Russia”. Basing on this a comprehensive approach was suggested taking into consideration geographical, natural-climatic and economic specificities as well as some additional factors of vital activities.

Key words: the Arctic, geography, resources, economics, zones, borders, methods, normative legal acts, regions, RF subjects.

В обеспечении национальной и экономической безопасности и обороноспособности страны важная роль отводится Арктике. В этой геополитической зоне российского Севера сконцентрированы стратегические и экономические интересы страны, обусловленные крупнейшими природными ресурсами, и благоприятными условиями для размещения российского оборонного потенциала морского базирования сил общего назначения. В географическом плане особенностью арктической зоны для целей управления является то, что она представляет собой широтный геотаксон огромной протяженности и площади с обширной водной акваторией. На ее территории проживают десятки коренных малочисленных народов, и осуществляется социально-экономическая деятельность целого ряда субъектов Федерации.

Особую роль в ближайшей перспективе может приобрести Северный морской путь, выступая своеобразным "стягивающим поясом" для кооперации, а затем и интеграции хозяйственных систем Европейской части России и Дальнего Востока. При этом необходимо иметь в виду, что обозначение на наших картах границы национального "влияния" в Арктике не имеют международного признания. Поэтому Российская Федерация будет иметь приоритет хозяйствования только в исключительной экономической зоне, а в остальных районах он будет определяться научно-технических уровнем и организационной готовностью к эффективной хозяйственной деятельности.

Решение проблем Арктики во многом будет зависеть от принятия Федерального закона "Об арктической зоне России", который должен определить сухопутные и морские границы региона, обеспечить важные геополитические интересы России в Арктике, наметить механизмы устойчивого развития этой зоны, сохранив при этом ее уникальную природную среду.

В настоящее время в практике административного выделения Арктической зоны существует пять проектов федеральных законов и других нормативных документов, в основном базирующихся на материалах Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики, которая своим решением от 1989 г. отнесла к Арктике в Мурманской области - Печенгский, Кольский, Ловозерский административные районы, Ненецкий АО Архангельской области (полностью), Ямало-Ненецкий АО Тюменской области (полностью), Таймырский АО (Долгано-Ненецкий) Красноярского края (полностью), в Республике Саха (Якутия) - пять прибрежных районов (Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Устьянский, Нижнеколымский), Чукотский АО Магаданской области (полностью).

В конце 90-х годов Комитетом Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов в порядке законодательной инициативы было подготовлено два проекта Федерального закона "Об арктической зоне Российской Федерации" ее состав еще больше был расширен путем дополнительного включения пяти городов в Мурманской области, по одному в Республике Коми, Красноярском крае, Республике Саха (Якутия) и Корякском АО. При этом предлагалось исключить из состава Арктической зоны южные территории Ямало-Ненецкого АО.

В начале 1999 года группа членов Совета Федерации и Государственной Думы направила в Государственную Думу новый проект Федерального закона "Об Арктической зоне Российской", в котором за счет дальнейшего расширения Арктической зоны доводит ее до 11 субъектов Федерации, дополнительно включив: в Республике Карелия - Беломорский район, в Архангельской области шесть районов и два города (Мезенский, Лешуконский, Пинежский, Приморский, Онежский, Соловецкий районы, гг.Северодвинск и Архангельск), в Республике Саха (Якутия) - дополнительно четыре района, доводя их общую численность до десяти (Абытский,

Горный, Среднеколымский, Верхнеколымский районы), в Корякском АО – один район (Пенжинский).

Проект Федерального закона "Об Арктической зоне Российской Федерации", подготавливаемый в 1998-1999 гг. в Госкомсевере России, в части понятия и состава Арктической зоны почти полностью аналогичен проекту Закона Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов.

В 2008 г. Президентом РФ были одобрены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», где под Арктической зоной РФ предлагается понимать территорию, определяемую решением Государственной комиссии при СМ СССР по делам Арктики от 22.04.1989 г. При этом говорится, что границы Арктической зоны РФ могут уточняться в т.ч. её южной границы с перечнем муниципальных образований [1].

Все выше представленные нормативные документы имели один общий недостаток – полное отсутствие какого-либо обоснования в определении территориальной структуры Арктической зоны. В них нет ответа на вопрос, почему и как тот или иной северный регион отнесен к Арктической зоне, поэтому не удивителен столь значительный разброс в численности административных районов субъектов Федерации, предлагаемых включению в Арктическую зону. Отсутствие научного подхода и обоснованной методике выделения Арктики делает представленные выше проекты федерального закона весьма уязвимыми для критики и нахождения консенсуса.

Среди научных подходов следует более детально рассмотреть методологию природного выделения Арктики. В современной географической науке в определении Арктики используются такие научные подходы, как астрономический, климатический и физико-географический. Кроме того, для выделения границы Арктики с точки зрения условий жизни населения используется также комбинированный биоклиматический метод.

Физико-географический подход к оценке качества среды обитания человека предусматривает оценку региональных ландшафтов в их естественных границах. Исходя из того, что все частные природные показатели местной среды синтезированы в ее ландшафтах, отражающих в своих параметрах общие закономерности географической дифференциации территории. Таким образом, задача оценки качества среды сводится к характеристике природного потенциала ландшафтов и их последующей группировки по определенным экологическим критериям. Ландшафты Арктики (и их горные аналоги в таежной зоне) предложено относить к группе экологически неблагоприятных ландшафтов, а за границу Арктики должна быть принята южная ландшафтная граница зоны тундры [2].

Биоклиматический подход к определению границы Арктики основан на понятии человеческого стресса окружающей среды, который ассоциируется с комбинацией следующих условий: высокоширотностью, и следовательно, недостатком биологически активной УФ-радиации в течение холодного периода; преобладанием низких температур воздуха в сочетании с сильными ветрами и высокой относительной влажностью воздуха; высокой вероятностью выпадания снега в течение всего летнего сезона; отсутствием древесной растительности.

На этой территории человеком предпринимаются максимальные усилия по нейтрализации стресса окружающей среды, которые преимущественно выражаются в уменьшении ощущения холода (холодовой стресс).

В качестве индикаторов холодового стресса принимаются биоклиматические индексы, которые характеризуют стрессовое состояние одетого человека, вызываемое воздействием низких температур, ветра и высокой относительной влажностью воздуха.

Граница экстремально сурового арктического стресса находится целиком в пределах Арктики, выделенной физико-географическим методом, а очень сурового – приблизительно совпала с этой границей. Поэтому предлагается относить область экстремально сурового стресса к подзоне "Высокой Арктики", внутри которой может быть выделена еще "арктическая пустыня",

лишенная даже летом сомкнутой растительности – это острова Земли Франца Иосифа, большая часть Новой Земли, Северная Земля и ряд более мелких островов. Область же между физико-географической границей Арктики и биоклиматической границей сурового арктического стресса предлагается отнести к "Субарктике", являющейся южной частью Арктики [3].

Таким образом, Арктическая зона состоит из двух подзон "Высокой Арктики", к которой относятся: острова Северного Ледовитого океана и практически все его азиатское побережье, включая Чукотский полуостров, северная половина Таймыра (горы Бырранга севернее), большая часть полуострова Гыдан и Ямал, и "Субарктики", к которой относится: север Кольского полуострова, полуостров Канин и большая часть европейского побережья Северного Ледовитого океана, южная часть побережья Обской губы и низовья Оби до Салехарда, южная часть полуостровов Ямал и Гыдан, низовья Енисея с Дудинкой, горы Путорака с Норильском, полоса тундры на севере Якутии и почти вся не вошедшая в "Высокую Арктику" территория Чукотского автономного округа, включая Анадырь. Только здесь Арктика ненамного выходит за пределы Северного полярного круга [4].

Выделение Арктической зоны по природным факторам – необходимое условие более полного, комплексного научного подхода в решении проблемы определения ее границ, которая не является самоцелью, а несет в себе важное прикладное значение – разработку концепции и проекта федерального закона государственной региональной политики и управления в этом уникальной во всех отношениях территории Российской Федерации.

Комплексное выделение Арктики, помимо природных условий, требует также учета природоресурсного потенциала рассматриваемого региона, хозяйственной его освоенности и условий жизнедеятельности человека, т.е. осуществления природохозяйственного подхода в исследовании стоящей проблемы. Поэтому дополнительно исследовались и другие подходы к решению вопроса о территории и границах Арктики: природно-ресурсный и транспортный.

Так, в исследованиях "Всероссийского научно-исследовательского института геологии и минеральных ресурсов мирового океана" (ВНИИОкеангеология) (Гринберг И.С., Долин Д.А. и др.), исходя из стратегии развития минерально-сырьевой базы, единственным важным параметром определения границ является "размещение ведущих типов месторождений полезных ископаемых". В связи с этим была составлена карта закономерностей размещения месторождений полезных ископаемых в пределах российского сегмента Арктического планетарного минерагетического пояса. На ней оконтурены металлогенические и нефтегазоносные провинции, а также угленосные бассейны. Южную границу Арктики предлагается проводить исходя из подбора минерагенических провинций, наиболее близко расположенных к физико-географической границе Арктики [5].

Таким образом, к зоне Арктики отнесены металлогенические провинции, угленосные бассейны и нефтегазоносные области, которые, с одной стороны, большинством исследователей признаны в ранге арктических, а с другой – созданные на основе этих минерагенических таксонов промышленные предприятия оказывают максимальное воздействие на арктическую природную среду.

Обоснованная, таким образом, сухопутная граница Арктического региона проходит на восток от г.Мончегорска, охватывая северную часть Кольского полуострова, спускаясь от меридиана 42^0 в.д. к Северному полярному кругу и проходя по нему до 62^0 в.д., а затем подымается на север к г.Воркуте, пересекает далее северные оконечности Байдарацкой, Обской и Тазовской губ и р.Енисей на 68 параллели. От последней она проходит в 80-150 км южнее широтного течения р.Хеты, пересекая далее р.Котуй у $69^020`$ с.ш., р.Лену у 71^0 с.ш. и, спускаясь к р.Индигирке у Северного полярного круга, вблизи него уходит к восточной границе России.

Существуют и другие подходы в экономическом определении Арктики. Так, В.С.Селин предлагает в поисках границ арктического ареала использовать метод транспортно-хозяйственного тяготения территорий, примыкающих к Северному морскому пути (СМП) и

находящихся в зоне его влияния, а также учитывающего тесную взаимосвязь экономики прилегающих регионов, формирующих в основном грузопотоки на трассе (СМП) [6].

Для выявления Арктической зоны предлагается двухкритериальная система оценки: территории, примыкающие к Северному морскому пути, где за основу положен географический принцип, учитывающий совокупность природно-климатических условий. По этому критерию к Арктике относятся острова Северного Ледовитого океана, а также часть материка, границы которой определяются по усредненной линии, детерминированной условиями проживания населения; территории, находящиеся в зоне влияния СМП определяется двумя принципами: принципом формирования – производственной деятельностью, связанной с трассой Северного морского пути, т.е. создающей и вызывающей для него соответствующие грузопотоки, и принципом обеспечения – транспортной инфраструктурой, непосредственно обеспечивающей движение грузов. Таким образом, к территориям, находящимся в зоне влияния Северного морского пути, относятся районы, выходящие за границы Арктики, но непосредственно создающие или обеспечивающие грузопотоки по Северному морскому пути. Таким образом, согласно данной методике к зоне Арктики относятся:

Мурманская область – полностью с учетом находящихся в ней трех портов (Мурманский, Кандалакшский, Витинский) и промышленных объектов; Ненецкий автономный округ – полностью или в части Тимано-Печорской провинции; Архангельская область – города Архангельск и Северодвинск; Республика Коми – в части Тимано-Печорской провинции; Ямало-Ненецкий автономный округ – зона Арктики; Красноярский край – Норильский и Туруханский районы; Таймырский автономный округ – полностью; Республика Якутия (Саха) – зона Арктики; Чукотский автономный округ – полностью.

Однако выделение Арктики только по критерию тяготения к СМП вряд ли оправдано, так как есть целый ряд арктических регионов у которых грузопотоки связаны не только с трассой севморпути, но и другими направлениями. Примером может служить Воркутинский угольный бассейн из которого уголь транспортируется в основном на северо-запад России.

В тоже время представленные выше природно-ресурсный и транспортный подходы более комплексно нежели чисто географический подход оценивают арктическую специфику рассматриваемого региона. Однако и они недостаточно полно ее учитывают, являясь по своей сути отраслевыми подходами.

Представляется, что решение этой проблемы лежит в разработке комплексного подхода, учитывающего как природные, так и экономические (хозяйственные) особенности региона, а также дискомфортность условий жизнедеятельности населения на данной территории. Используя данный подход, сделана попытка выделить Арктическую зону и определить ее южную границу.

За первооснову выделения Арктики предлагается принимать физико-географическое и биоклиматическое определение данного региона как наиболее научно обоснованное и устоявшееся. На ее основе проводилась оценка порайонных различий всех территорий арктической зоны в направлении с запада на восток (вдоль северного побережья России), начиная с Мурманской области до Чукотки.

Проведенное районное изучение комплексного выделения и определения южной границы по природным и хозяйственным признакам позволило обосновать территориальную структуру Арктической зоны России, в которую входят: земли и острова Северного Ледовитого океана и его морей, находящиеся в пределах границ, проходящих к северу от побережья Российской Федерации на западе – по меридиану 32^0 04` 35" восточной долготы (а в пределах от $74^0$ до $81^0$ северной широты – по меридиану 35 восточной долготы), на востоке – по меридиану $168^0$ 58` 37" западной долготы. На материке к территории Арктики относятся в:

Мурманской области: Печенгский (прибрежные территории Баренцева моря с населенными пунктами, расположенными на полуостровах Средний и Рыбачий, населенный пункт Лиинахамари, поселок городского типа Печенга), Кольский (территории Туманенской, Ура-Губской сельских администраций), Ловозерский (территория Сосновской сельской администрации) районы, территория Североморской городской администрации, закрытые

административно-территориальные обртазования: Заозерск, Скалистый, Снежногороск, Островной и г.Полярный с приписанными к ним населенными пунктами; территория Мурманской городской администрации;

Ненецком автономном округе – вся территория;

Республике Коми – территория Воркутинской городской администрации;

Ямало-Ненецком автономном округе: Надымский (территории Кутопьюганской, Норинской, Ныдинской, Ямбургской сельских администраций), Приуральский (территории Аксарковской, Байдарацкой, Белоярской, Катравожской и Харсаимской сельских администраций), Пуровский (территория Самбургской сельской администрации), Тазовский и Ямальский районы, территории Салехарской и Лабытнангской городский администраций;

Таймырском (Долгано-Ненецком автономном округе) – вся территория;

Красноярском крае – территория Норильской городской администрации;

Республике Саха (Якутия): Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский, Оленекский (территория Жилиндинской сельской администрации) и Усть-Янский улусы;

Чукотском автономном округе: Анадырский (кроме территорий Ваегской, Ламутской и Чуванской сельских администраций и территории рабочего поселка Марково), Беринговский, Билибинский (кроме территорий Большеанюйской, Дальнинской, Мандриковской, Омолонской сельских администраций) Иультинский, Провиденский Чаунский, Чукотский, Шмидтовский районы, г.Анадырь.

Таким образом, можно констатировать, что Арктическая зона России представляет из себя северную пограничную прибрежную территорию страны с примыкающей к ней обширной шельфовой зоной и соответствующей морской акваторией с расположенными там островами и архипелагами, находящимися в границах российского государства. Ее отличительными негативными чертами являются: приполярное географическое положение, чрезвычайно суровые природно-климатические условия, с преобладанием отрицательных температур, серьезно затрудняющие хозяйственную деятельность и проживание населения, обширность и труднодоступность сухопутных пространств и морских акваторий, слабая освоенность и очаговый характер расселения. К позитивным сторонам Арктики прежде всего следует отнести удобное географическое и военно-стратегическое положение (особенно в ее западном секторе) с единственным незамерзающим в стране портом Мурманск и рядом военно-морских баз, выявленных и частично разрабатываемых крупных и уникальных минерально-сырьевых ресурсов и углеводородного сырья, открытых в последнее время крупнейших в стране залежей нефти и газа и других ресурсов на морском шельфе Северного Ледовитого океана.

Все это свидетельствует об огромной роли Арктики в военно-стратегическом и минерально-сырьевом потенциале страны.

Выделенная зона Арктики позволяет научно обоснованно подготавливать необходимые нормативно-правовые документы, касающиеся различных проблем данного региона.

Литература

1. «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». Российская газета 18.09.2008.
2. Семенов И.В., Сиско Р.К. Комплексная физико-географическая граница Арктики. Известия ВГО. 1973. Т.105. Вып.4. С.313-319.
3. Короткевич Е.С. Географические границы действия экологических систем в Арктике. В кн.: Проблемы экологии полярных областей. М., 1983. С.11-16.
4. Лузин Г.П., Лазарев Е.Е., Селин В.С. и др. Методология районирования территорий для управления формированием трудовых ресурсов в северных регионах. Кольский научный центр РАН. Апатиты, 1996.
5. Арктика на пороге третьего тысячелетия. – С.-Петербург: Наука, 2000.
6. Селин В.С. Организация деятельности и экономическая оценка грузопотоков в западном секторе Северного морского пути. КНЦ РАН, Апатиты, 2000.

References:

1. "Bases of the state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period to 2020 and the further perspective". Rossiyskaya Gazeta 18.09.2008.
2. Semyonov I.V., Sisko R.K. Complex physical-geographic border of the Arctic. Proceedings of WGO. 1973. V. 105. Issue 4. P. 313-319.
3. Korotkevich E.S. Geographical borders of ecological systems functioning in the Arctic. In "Ecology issues of Polar regions". M., 1983. P. 11-16.
4. Luzin G.P., Lazarev E.E., Selin V.S. et. al. The methodology of division territories into districts for management of forming labour resources in northern regions. Kola Science Centre of RAS. Apatity, 1996.
5. The Arctic at the threshold of the third millennium. – St. Petersburg: Nauka, 2000.
6. Selin V.S. Organization of activities and economic evaluation of cargo flows in the western sector of the North sea route. KSC RAS, Apatity, 2000.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИКА РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

Дидык В.В.,
кандидат экономических наук, доцент,
зам. директора по научной работе
Емельянова Е.Е.,
младший научный сотрудник отдела регионального
и муниципального управления на Севере РФ
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассматриваются методические особенности использования технологии стратегического планирования и управления применительно к территориальным социально-экономическим системам, существующее положение нормативно-правового регулирования данного процесса. Рассмотрена практика разработки документов стратегического планирования в стране, в том числе в городах Крайнего Севера. Подчеркнуто ключевое значение публичного характера разработки стратегий и организации взаимодействия широкого круга участников для обеспечения их результативности.

Ключевые слова: стратегическое управление, стратегическое планирование, социально-экономическое развитие территорий, города Крайнего Севера.

STRATEGIC MANAGEMENT OF TERRITORIAL DEVELOPMENT: METHODICAL ASPECTS AND PRACTICE OF RUSSIAN MUNICIPALITIES

V.V. Didyk,
Ph.D. (Econ.), Research Director
E.E. Emeljanova,
Junior Researcher of department of regional and municipal government in the RF North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The article discusses the methodical specificity of applying the technology of strategic planning and management to territorial socio-economic systems, and the present situation with regulation of the process. The practice of producing strategic planning documents in the country including that in

municipalities of the High North is considered. The key importance of the public character of elaborating strategies and organizing interactions of a broad circle of participants in order to ensure their efficiency is stressed.

Key words: strategic management, strategic planning, socio-economic development of territories, High North municipalities.

В современных условиях развитие территориальных социально-экономических систем России оказалось перед долговременными системными вызовами глобализации, ускорения научно-технологических изменений, повышения роли человеческого фактора в экономическом развитии, исчерпания потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития, нерешенности ряда острых социальных, экологических и институциональных проблем[8]. Это объективно обуславливает необходимость повышения эффективности управления такими системами, принятия решений, носящих долгосрочный, стратегический характер (со сроком реализации более 5 лет), увязки средне- и краткосрочных задач, подчиненных одной общей цели.

Признанной во всем мире, наиболее адекватной условиям быстро меняющейся внешней среды технологией управления считается система стратегического управления. Предназначавшаяся первоначально для использования в коммерческих организациях, эта система стала постепенно применяться для управления в территориальных системах на национальном, региональном и муниципальном уровнях. Несмотря на то, что за последние 50 лет сформировалось более десяти различных школ стратегического управления, сущность стратегического управления достаточно универсальна. Она состоит в формировании и реализации стратегии развития организации на основе непрерывного контроля и оценки происходящих изменений в ее деятельности направленной на достижение стратегических целей в условиях нестабильной внешней среды.

Особенность управления территориальными социально-экономическими системами по сравнению с предпринимательскими состоит в том, что здесь в качестве объекта управления выступают общественные отношения и связи множества разнородных, иерархически не связанных, но пространственно локализованных организаций и институтов, а главные цели направлены на повышением качества жизни людей. Субъектами управления в таких системах выступают государственные и муниципальные органы власти, а действенность управления достигается при условии привлечения к процессу принятия решений структур гражданского общества, механизмов общественно-частного партнерства и других форм общественного участия. Процесс стратегического управления, как правило, включает следующие обобщенные этапы /1, с. 137-144; 2, с. 37-41/:

- стратегический анализ (диагностика территории, оценка ресурсов, внешних и внутренних факторов развития, SWOT-анализ);
- стратегическое планирование (включая формирование системы целей и критериев их достижения, оценку стратегических альтернатив, выбор базовых стратегий для основных региональных подсистем, определение программ, проектов и механизмов реализации стратегии);
- реализация стратегии и стратегический контроль (включая мониторинг и управление изменениями).

Одним из базовых требований и методологическим подходом к стратегическому управлению территориальными социально-экономическими системами на национальном, региональном и муниципальном уровнях в современных условиях является использование концепции устойчивого развития. Императив перехода к устойчивому развитию как условие выживания человечества в XXI веке был провозглашен на исторической Конференции ООН по

[8] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 № 1662-р.

окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г., где была принята «Повестка дня на XXI век». Данный документ, являясь программой действий перехода к устойчивому развитию в международном масштабе, призвал правительства всех стран принять национальные стратегии перехода к устойчивому развитию. Ответом России на этот призыв было принятие в апреле 1996 года Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию[9]. Вслед за этим в соответствии с поручением Президента РФ был разработан проект Государственной стратегии устойчивого развития, однако он не был утвержден и не приобрел статус официального нормативного документа.

Анализ выполненный в работе /3, с. 44-49/, показал, что применение концепции устойчивого развития в качестве методологической основы при разработке большинства документов стратегического планирования и управления развитием территориальных систем на общероссийском и региональном уровнях реализовано далеко не в должной мере. Такое положение обусловлено тем, что в стране пока не сформирована, во-первых, системная нормативно-правовая база стратегического планирования и управления, во-вторых, общепризнанная методическая основа построения механизмов устойчивого территориального развития.

В 2009 г. Министерством экономического развития РФ разработан проект федерального закона «О государственном стратегическом планировании»[10], который в настоящее время находится на согласовании в правительственных ведомствах. Данный законопроект, в случае его принятия, создаст правовую основу системы государственного стратегического планирования в стране. Одновременно он выполняет методическую функцию, поскольку включает определение основных понятий стратегического планирования, регламентирует процедуры разработки, рассмотрения и утверждения документов стратегического планирования как на федеральном, так и региональном уровнях. Законопроект предусматривает формирование комплексной системы государственного стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации, с определением целей этой системы, ее функций, определение полномочий всех участников государственного планирования, в число которых входят и региональные органы исполнительной власти. Очевидно, что примененный системный подход к организации стратегического планирования и его законодательное закрепление окажет действенное влияние на применение технологий стратегического управления не только на государственном, но и муниципальном уровне и, в особенности, в практике городского управления.

К настоящему времени почти во всех субъектах Федерации уже разработаны и приняты документы стратегического планирования. Применение же стратегического подхода в управленческой практике российских городов, хотя и находит постепенное распространение, однако далеко не стало общепринятой. Даже крупнейшие города-миллионники, которые имеют относительно более благоприятные возможности для разработки и реализации стратегических планов с учетом их ресурсного и интеллектуального потенциала, не все приняли и руководствуются долгосрочной стратегией социально-экономического развития или стратегическим планом /4/. Первые городские стратегии развития стали появляться во второй половине 1990-х годов. Наиболее известным примером является Стратегический план Санкт-Петербурга, разработанный в 1997 году. Ценность этого примера состояла в том, что здесь впервые в российской практике были разработаны и успешно применены научно обоснованные методические подходы к организации стратегического планирования развития города с учетом лучшего мирового опыта. Сущность этого подхода состояла в привлечении к процессу планирования и последующей реализации стратегии максимально широкого круга заинтересованных сторон городского сообщества – представителей властей, бизнеса, науки,

---

[9] Указ Президента РФ от 01.04.1996 №440 "О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».

[10] Проект Федерального закона "О государственном стратегическом планировании" [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/regulation/gsp

общественных и неправительственных организаций. Научно-методическое обеспечение разработки Стратегического плана осуществлял Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», а координацию подготовки и организацию мероприятий в процессе его подготовки (конференции, семинары, совещания, выставки) специально созданное в администрации города проектное бюро. Наряду с этим были сформированы руководящие структуры разработки и реализации стратегического плана – Генеральный совет, во главе с Губернатором города, состоящий из руководителей предприятий и организаций, участвующих в подготовке Стратегического плана (146 членов от 90 организаций), Исполнительный комитет, состоящий из руководителей тематических направлений плана во главе с первым вице-губернатором по экономике. Дополнительно были созданы структуры так называемого технического уровня: тематические комиссии по основным направлениям плана, Рабочие группы, Экспертный совет, научно-методический семинар при экспертном совете. Только тематические комиссии, обеспечивающие разработку «частных» стратегий по основным направлениям, объединили около 450 человек – сотрудников городской администрации, представителей крупных фирм, ассоциаций и общественных организаций[11].

Опыт работы над стратегическим планом Санкт-Петербурга, который наиболее успешно использовали города Екатеринбург, Новосибирск, Омск, Тюмень и ряд других, послужил основой для организации ежегодных (начиная с 2002 г.) Общероссийских форумов стратегического планирования. Данные форумы вносят большой вклад в развитие и пропаганду теории и лучшей практики стратегического планирования и управления. Например, последний из состоявшихся таких форумов – IX общероссийский Форум "Стратегическое планирование в регионах и городах России", прошедший под девизом «Стратегии модернизации и модернизация стратегий», прошел в Санкт-Петербурге 18-19 октября 2010 г. На нем было свыше 1000 участников из 159 городов и регионов, проведено 28 заседаний, на которых выступили свыше 200 участников[12]. Такой масштаб Форума свидетельствует о возрастающем интересе к идеям стратегического планирования как одного из элементов и условий перехода к использованию технологий стратегического управления в регионах и городах России.

Наряду с положительными примерами и определенным прогрессом в распространении лучших практик стратегического планирования и управления, сложность данного процесса, особенно для уровня муниципальных образований (городов) с учетом незрелости института местного самоуправления в России и экономических трудностей большинства муниципалитетов, определяет множество проблем как в процессе разработки стратегических планов, так и их реализации. Так, по результатам исследования Р.Богавеевой /5, с. 73-79/, выявлены следующие типичные проблемы разработки и реализации стратегий и программ развития российских городов:

- противоречия и проблемы, касающиеся содержания стратегии развития города (нечеткий выбор приоритетов, отсутствие обоснованного выбора сценария развития; имиджевый (оптимистичный) характер стратегии; отсутствие местной специфики в стратегиях городов; отсутствие качественных показателей развития и др.);
- слабая позиция гражданского общества (отсутствие механизма стимулирования к участию в осуществлении изменений, а также качественной оценки социально-экономического развития города и его проблем гражданами, представителями бизнеса и некоммерческими организациями; отсутствие мониторинга комфортности проживания в городе, социального настроения граждан и качества жизни населения и др.);
- несогласованность программных документов (несистемное применение всех разрабатываемых в городе видов стратегических документов (стратегия, генеральный план, бюджетный план города); несогласованность городских программ, что обуславливает

[11] Подробное описание опыта организации разработки Стратегического плана Санкт-Петербурга, а также других городов представлены в материалах «Ресурсного центра по стратегическому планированию», созданного при «Леонтьевском центре», на сайте http://www.city-strategy.ru/1.

[12] Большинство докладов, представленных на Форуме, размещены для свободного доступа на его интернет-сайте www.forumstrategov.ru.

дублирование предпринимаемых мер, рассеивание финансовых средств и невыполнение программных мероприятий из-за ограниченности ресурсов);

- несовершенство методологии и законодательного регулирования процесса стратегического планирования (отсутствие нормативной базы стратегического планирования развития муниципального образования; отсутствие конкретных механизмов, обеспечивающих открытость процесса планирования социально-экономического развития города; неединообразие в понимании терминов и понятий, касающихся стратегического управления городом и др.);
- недостаток финансовых средств (зависимость от трансфертов из вышестоящих бюджетов и резкое сокращение объемов финансирования государственных программ).

Помимо отмеченных, следует указать на проблемы, связанные с организацией процесса стратегического планирования во многих городах. Суть их состоит в распространенной практике перекладывания задач разработки стратегий на коммерческие консалтинговые фирмы. Сам по себе факт привлечения к разработке стратегии специализированных профессиональных организаций вполне оправдан и может приветствоваться, однако при неправильной организации такой путь может оказаться бесполезной тратой бюджетных средств. Подробный анализ распространенных ошибок организации такого процесса представлен в статье О.И. Столярова /6/, где отмечены следующие:

- ошибки при формировании технического задания на разработку стратегии (недостаточное включение в техническое задание задач стратегического планирования в области образования, здравоохранения, социальной защиты и жилищно-коммунального хозяйства, в пользу экономических задач, определения конкурентных позиций основных предприятий, что приводит к практической недостижимости цели повышения качества жизни населения);
- ошибки при организации разработки стратегии (в качестве фактического заказчика стратегии выступает тактическое подразделение администрации, беря на себя только функции поставщика информации, устраняясь, наряду с первыми руководителями, из процесса стратегического планирования);
- ошибки при приемке стратегии (заказчик становится в позицию критики проекта стратегии, а не конструктивных предложений);
- ошибки в организации реализации стратегии (заказчик ограничивается функциями мониторинга, отсутствуют комплексные программы развития, увязанные со стратегией).

В результате подобной организации, вместо процесса стратегического планирования, который призван наладить координацию и консолидировать усилия органов местного самоуправления, бизнеса и городского сообщества, порождаются конфликты интересов, а сам документ стратегического планирования, подготовленный кулуарно, ложится на полку. Как показывают лучшие практики стратегического планирования, важнейшими условиями действенности и реализуемости разрабатываемых стратегий является привлечение в этот процесс как можно более широкого круга заинтересованных в развитии города сторон, неформальное общественное участие. Такой подход будет способствовать формированию института городского сообщества, которое отличается от населения (как статистической совокупности проживающих людей) наличием у каждого жителя и у всех жителей, вместе взятых, чувства принадлежности месту проживания, сознания своего права и возможностей влиять на ход жизни в нем и ответственности за него.

Принцип широкого общественного участия в стратегическом планировании может вызвать подозрения высоких транзакционных издержек его использования. Однако альтернатива ему – бесполезность кулуарной стратегии.

Ценность расширения участников стратегического планирования и разносторонней координации была, подчеркнута в заключительном документе (рекомендациях) IX общероссийского Форума "Стратегическое планирование в регионах и городах России" 2010 г. В преамбуле этого документа отмечен путь модернизации стратегий с использования опыта развитых стран, где «*центр тяжести смещается от плана как документа к планированию как процессу. Ключевым результатом этого процесса является не документ планирования, а*

улучшение координации участников, развитие сетевых взаимодействий, распространение и масштабирование лучших практик, развитие потенциала. ... От эффективного сотрудничества выигрывают все участники взаимодействия»[13].

Хотя, как здесь отмечено, более важным следует рассматривать не итоговый документ стратегического планирования, а сам процесс, то насколько он выражает истинные интересы и цели городского сообщества, тем не менее представляет интерес оценить насколько широко уже применяются документы стратегического планирования в управленческой практике городов. В качестве примера нами рассмотрена выборка средних городов (с численностью населения от 40 до 100 тыс.чел.) субъектов Российской Федерации полностью относящихся к районам Крайнего Севера (см. табл.).

Для городов Крайнего Севера актуальность разработки и реализаций стратегий социально-экономического развития обусловлена рядом дополнительных факторов, по сравнению с муниципальными образованиями, расположенных в экономических центрах и благоприятных природно-климатических условиях. Это связано, во-первых, с особенностями структуры экономики (как правило, природно-ресурсного профиля с естественными ограничениями возможностей диверсификации); во-вторых, с повышенными расходами местных бюджетов на цели обеспечения жизнедеятельности, социального обслуживания населения в условиях хронического недостатка средств; в третьих, с более острыми демографическими проблемами, а также рядом других факторов /7, с. 20-23; 8, с.28-30/.

Города Крайнего Севера России с численностью населения от 40 до 100 тыс. чел. и их документы стратегического планирования

№	Регион, город, тип муниципального образования*	Численность населения на 01.01.2010 г., тыс. чел.	Наименование документа стратегического планирования	Утверждающий документ
Магаданская область				
1	Магадан, ГО*	99,0	«Стратегический план (Концепция стратегического развития) города Магадана до 2020 года»	Утверждено решением Магаданской городской Думы от 19.10.2007 года № 63-Д
Республика Саха (Якутия)				
2	Нерюнгри, МР	63,2	Целевая программа «Социально-экономическое развитие МО «Нерюнгринский район» РС (Я) на 2007 – 2011 годы и основные направления до 2015, 2020 года»	Утверждена на 34-й сессии депутатов Нерюнгринского районна, 2006 г.
Ямало-Ненецкий автономный округ				
3	Салехард, ГО	42,5	Стратегия социально-экономического развития города Салехарда на 2007 - 2012 годы и до 2020 года	Утверждена решением Городской Думы от 16 апреля 2007 года № 10;
4	Надым, ГП	47,3	Стратегия социально-экономического развития муниципального образования город Надым до 2020 года	Собранием депутатов от 10 июня 2010 года № 116 были назначены публичные слушания (о

[13] Рекомендации IX общероссийского Форума "Стратегическое планирование в регионах и городах России" (Санкт-Петербург, 18-19 окрября 2010 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.forumstrategov.ru/upload/documents/recommendations.pdf

				принятии данных нет)
Республика Коми				
5	Воркута, ГО	71,4	Концепция развития социально-экономического развития городского округа «Воркута» на 2010-2015 годы и на период до 2020 года	Разработана и заслушана 25.11.2010 г. на Городском Совете Депутатов
6	Печора, МР	46,1	Концепция социально-экономического развития муниципального образования муниципального района «Печора» на период до 2020 года	Утверждена Администрацией муниципального района «Печора» 19 октября 2010 г. № 1885
7	Инта, ГО	38,1	Концепция социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Инта» на 2010-2015 годы и на период до 2020 года	Утверждена Советом МО ГО «Инта» в 2010 году
8	Усинск, ГО	43,6	Концепция социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Усинск» на 2011-2015 годы и на период до 2020 года	Утверждена на 11 сессии Совета МО ГО «Усинск» от 14.10.2010 г.
Мурманская область				
9	Апатиты, ГО	61,6	Стратегия социально-экономического развития города Апатиты	Утверждена решением Апатитского городского Совета народных депутатов № 106 от 19.12.2002г.
10	Североморск, ГО	53,5	Программа социально-экономического развития ЗАТО г. Североморск на 2011-2015 годы	Нет данных
11	Мончегорск, ГО	48,1	Разрабатывается комплексный план развития в рамках федеральной программы поддержки моногородов	-
Архангельская область				
12	Котлас, ГО	59,0	Стратегия социально-экономического развития муниципального образования "Котлас" до 2030 года	Постановление и решение 21 сессии Совета депутатов от 16 сентября 2010 года
13	Новодвинск, ГО	42,0	Разрабатывается комплексный план развития в рамках федеральной программы поддержки моногородов	По распоряжению Губернатора Архангельской области от 12.04.2010 г. №374
14	Коряжма, ГО	42,6	«Программа социально-экономического развития муниципального образования «Город Коряжма» на 2003-	Решение Городской Думы от 28.08.2003г. № 260

			2005годы»	
Ханты-Мансийский автономный округ				
15	Когалым, ГО	59,2	-	-
16	Нягань, ГО	56,5	Стратегический план развития муниципального образования город Нягань на период до 2020 года	Утвержден 18 октября 2010 г. на 55 внеочередном заседании Думы города Нягань
17	Радужный, ГО	47,8	Программа социально-экономического развития города Радужный на 2010 – 2015 годы	Утверждена решением Думы города от 29.10.2009 № 633
18	Мегион, ГО	57,9	Стратегия социально-экономического развития города Мегиона и поселка городского типа Высокий на период до 2020 года	Утверждена решением Думы города Мегиона от 26.11.2010 г. №84
19	Пыть-Ях, ГО	41,4	Программа социально-экономического развития муниципального образования городской округ город Пыть-Ях на 2010-2015 годы	Утверждена решением Думы г. Пыть-Яха от 16.06.2010 № 551
20	Лангепас, ГО	42,2	Стратегия социально-экономического развития МО городской округ город Лангепас до 2020 года	Разработана и утверждена 17.12.2009 г.
21	Урай, ГО	43,2	«Стратегия социально-экономического развития муниципального образования города Урай на 2004-2010 гг.»	Утверждена решением Думы муниципального образования город Урай от 22 апреля 2004 года № 18

* ГО – городской округ, ГП – городское поселение, МР – муниципальный район

Как видно из приведенных в таблице данных, почти во всех городах рассматриваемой выборки принят или находится в разработке тот или иной документ стратегического планирования. В большинстве городов (12 из 21) такие документы приняты в 2009-2010 гг., а первой стратегия была утверждена в г. Апатиты, Мурманской области еще в 2002 г.

Обращает на себя внимание идентичность названия и синхронность принятия документов стратегического планирования в Республике Коми. Это объясняется тем, что разработка концепций социально-экономического развития муниципальных образований здесь, была организована в соответствии с Распоряжением Правительства Республики Коми от 18.06.2010 г. № 260-р и с учётом методических рекомендаций Министерства экономического развития Республики Коми. Решение о разработке концепций развития муниципальными образованиями впоследствии контролировалось руководством республики. Так, на заседании координационного совета по вопросам местного самоуправления 12 ноября 2010 г., которое провел глава Республики Коми, было принято решение, обязывающее все муниципальные районы и города утвердить концепции развития до 1 января 2011 г[14]. Кроме того, на этом заседании были подвергнуты критике многие уже разработанные концепции, которые не соответствовали требованиям, предъявляемым к стратегическим документам. Поверглась критике также низкая публичность разработки концепций, которые нередко даже не доводились до сведения населения.

[14] «Муниципалитеты Коми должны утвердить концепции социально-экономического развития до 1 января 2011 года». Сообщение Информационного агентства Коминформ 12.11.2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.komiinform.ru/news/72387/

Активная позиция правительства Республики Коми, вызванная желанием ускорить внедрение методов стратегического управления в практику работы муниципальных образований понятна. Вместе с тем, предъявляемые требования по форсированию этого процесса вряд ли оправданы, поскольку не создают условий для возможности вовлечения в процесс стратегического планирования широкого круга участников и в целом местного сообщества, что, как было показано выше, является важнейшим условием результативности стратегического планирования.

По всей вероятности определенное влияние на распространение представления о стратегии развития территории в узкой трактовке, при которой может недооцениваться роль общественного участия при ее разработке, т.е. как документе преимущественно органов власти, оказал нормативный документ Минрегионразвития РФ «Требования к стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации»[15]. В этом документе стратегия определена как *«система мер государственного управления, опирающихся на долгосрочные приоритеты цели и задачи политики органов государственной власти»*. Возможность узкой трактовки не способствует повышению значимости стратегии развития территории, которая должна быть, прежде всего, документом общественного согласия. Цели и приоритеты стратегии должны разделяться всем региональным (местным) сообществом и служить ориентирами его согласованной деятельности, а не быть руководством к действию только для органов государственной власти. Соответственно, разработка и реализация стратегии в таком, более широком понимании, предполагает необходимость активного участия всех заинтересованных представителей местного сообщества.

Таким образом, предварительная оценка практики распространения технологий стратегического управления в развитии территорий показывает, что к настоящему времени в стране достаточно широко применяется одна из его начальных составляющих – стратегическое планирование. Долгосрочные стратегии социально-экономического развития разработаны и приняты почти во всех субъектах Федерации, идет активное распространение документов стратегического планирования на уровне городов и муниципальных районов. Вместе с тем, остается еще немало проблем полноценного применения управленческих инструментом стратегического планирования. Не решены пока вопросы нормативно-правового, методического и экономического обеспечения процесса внедрения стратегического планирования в практику управления развитием регионов и городов. Не преодолен формальный подход, когда игнорируются такие важнейшие условия эффективности стратегического планирования как публичность данного процесса, необходимость привлечения широкого круга участников и налаживания конструктивного взаимодействия между ними для совместного поиска механизмов достижения стратегических целей развития.

Литература:

1. Стратегическое управление: регион, город, предприятие / под ред. Д.С.Львова, А.Г. Гранберга, А.П. Егоршина; ООН РАН, НИМБ. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. – 605 с.
2. Ускова Т.В. Управление современным городом: направленная модернизация / Т.В. Ускова, Н.В. Нестеров; под ред. д.э.н., проф. В.А, Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 196 с.
3. Рябова Л.А. Проблемы применения концепции устойчивого развития в РФ: от национального уровня к северному аспекту // Север и рынок: формирование экономического порядка. - №1(25) – 2010. - С. 44-49
4. Российские и мировые тенденции и тренды в сфере стратегического территориального планирования городов, агломераций и регионов [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://glava.perm.ru/upload/pages/1005/Rossijskije_i_mirovyje_tendencii_i_trendy_v_sfere_strategichesk.pdf

[15] Утверждены приказом Министерства регионального развития РФ от 27 февраля 2007 г. № 14

5. Богавеева Р. Стратегическое планирование развития крупных городов: основные принципы // Проблемы теории и практики управления. – 2010. - №5. – С.73-79
6. Столяров О.И. Стратегия развития муниципального образования: типовые ошибки заказчика. [Электронный ресурс] – Режим доступа http://www.megacities.ru/analitika/index.php?ELEMENT_ID=1025
7. Серова Н.А. Институциональные ограничения формирования и реализации социально-экономической политики в городах Севера России// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 32(89) – 2010. – С. 20-23.
8. Скуфьина Т.П. Региональное развитие России в контексте глобальных процессов // Пространственная экономика, №4, 2007. С.26-39.

References:

1. Strategic management: region, municipality, enterprise /edited by D.S. L'vov, A.G. Granberg, A.P. Egorshin; – Moscow: Publishing house "Ekonomika", 2004. – 605 p.
2. Uskova T.V. Management of a modern city: oriented modernization/ T.V. Uskova, N.V. Nesterov; edited by Prof. V.A. Ilyin. – Vologda, 2010. – 196 p.
3. Riabova L.A. Challenges of applying the concept of sustainable development in RF: from the national level to the north aspect// No.1(25) – 2010. p. 44-49.
4. Russian and world tendencies in the field of strategic territorial planning of municipalities, agglomerations and regions [Electronic resource] – Access mode: http://glava.perm.ru/upload/pages/1005/Rossijskije_i_mirovyje_tendencii_i_trendy_v_sfere_strategichesk.pdf
5. Bogaveeva R.Strategic Planning of big cities development: the main principles// Challenges of the management theory and practice. – 2010. - №5. – P.73-79
6. Stolyarov O.I.. Development strategy of a municipality: customer's typical mistakes. [Electronic resource] – Access mode: http://www.megacities.ru/analitika/index.php?ELEMENT_ID=1025
7. Serova N.A. Institutional restrictions of formation and realization of socio-economicpolicy in the Russian North municipalities //National interests: priorities and safety. No.32(89) – 2010 November. – p. 20-23.
8. Skufina T.P. Regional development of Russia in the context of global processes//Spatial Economics, no. 4, 2007. P. 26-39.

ГОСУДАРСТВО ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ЭКОНОМИКУ

Зубарева Т.А.,
старший научный сотрудник отдела формирования финансовой политики северных регионов
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина Кольского научного центра РАН

В статье автор рассматривает вопросы распределения уставного капитала коммерческих организаций России. Проведенный автором статьи подробный анализ распределения уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) между акционерами (учредителями), по организационно-правовым формам и по видам деятельности в 2005 – 2008 гг. позволяет говорить о том, что в этот период в России произошло возвращение государства в хозяйственную деятельность частных коммерческих структур.

Ключевые слова: уставный капитал, распределение уставного капитала, акционерные общества, акционеры (учредители), унитарные предприятия, федеральные органы исполнительной власти, организационно-правовые формы предприятий, виды экономической деятельности.

THE STATE RETURNS

Zubareva T.A.

senior researcher of department of forming financial policy of northern regions
Luzin Institute for economic studies
Kola Science Centre of RAS

The author studies issues of distribution of authorized capital of commercial organizations in Russia. The carried out detailed analysis of distributing authorized capital of organizations among shareholders by organization-legal forms and activities in 2005-2008 makes it possible to say that during this period in Russia the state has returned to economic activities of private commercial structures.
Key words: authorized capital, distribution of authorized capital, joint-stock companies, shareholders, unitary enterprises, federal executive authorities, organization-legal forms of enterprises, economic activities.

Уже более двадцати лет в России продолжается процесс трансформации отношений собственности. Основным методом такой трансформации является приватизация государственного и муниципального имущества. Одной из задач приватизации была и есть передача государственной и муниципальной собственности в частные руки различными способами. Государство в начале трансформации отношений собственности сокращало свое участие в хозяйственной жизни предприятий, оставляя за собой пакеты акций открытых акционерных обществ, которые имели для государства стратегическое значение и сохраняя унитарные предприятия. Так продолжалось до 2006 г., когда политика государства в отношении управления собственностью, составляющей государственный сектор экономики страны, претерпела изменения.

В данной статье автором в качестве исследуемого периода рассматриваются годы с 2005 по 2008. Это связано с тем, что именно в эти годы «в российской экономике наблюдалось известное усиление роли государства в сфере отношений собственности, которое включало следующие основные направления:

создание интегрированных структур холдингового типа на основе консолидации государственных активов;

расширение масштабов деятельности компаний с долей государства в капитале, диверсификация их бизнеса посредством участия в слияниях и поглощениях, процессах вертикальной и горизонтальной интеграции;

увеличение доли государства в отдельных компаниях до величины, позволяющей осуществлять корпоративный контроль». [2]

Согласно статистическим данным государство пошло по пути увеличения своей доли в уставных капиталах (фондах) организаций Российской Федерации начиная с 2006 г. Это наглядно видно из табл. 1.

Таблица 1

Уставный капитал (фонд) организаций (юридических лиц) в 2005 – 2008 гг.
по Российской Федерации в разрезе акционеров (учредителей)

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
млрд. руб.				
Уставный капитал (фонд) - всего в том числе по акционерам (учредителям):	3153,6	5620,6	6126	8063
федеральные органы исполнительной власти органы исполнительной власти субъектов Российской	469,2	2015	2118	3298,8
Федерации	141,7	179,2	236,7	319
органы местного самоуправления	74,1	60,3	63,8	72,6
коммерческие организации (кроме финансово -				

кредитных)	2091,5	2970,5	3297,7	4104
в том числе субъекты малого предпринимательства	13	16,7	23,9	33,2
финансово-кредитные организации	81,9	108,6	112,4	118,8
некоммерческие организации	51,5	58,6	56,9	60,5
физические лица	243,7	228,4	240,5	214,9
В процентах к итогу				
Уставный капитал (фонд) - всего в том числе по акционерам (учредителям):	100,0	100,0	100,0	100,0
федеральные органы исполнительной власти	14,9	35,8	34,6	40,3
органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации	4,5	3,2	3,9	3,9
органы местного самоуправления	2,4	1,1	1,0	0,9
коммерческие организации (кроме финансово - кредитных)	66,3	52,9	53,9	50,1
в том числе субъекты малого предпринимательства	0,4	0,3	0,4	0,4
финансово-кредитные организации	2,6	1,9	1,9	1,5
некоммерческие организации	1,6	1,0	0,9	0,7
физические лица	7,7	4,1	3,9	2,6

Источник [1]

Так, эта доля в 2006 г. по сравнению с 2005 г. выросла в 2,4 раза – с 14,9 % до 35,8 %. В 2007 г. по сравнению с 2006 г. произошло некоторое снижение доли федеральных органов исполнительной власти в уставном капитале (фонде) всех организаций России на 3,4 % с 35,8 % до 34,6 %. В 2008 г. опять произошло увеличение этой доли на 5,7 % с 34,6 % до 40,3 % по сравнению с 2007 г. При этом в анализируемые четыре года наблюдалось снижение доли всех остальных акционеров (учредителей). Наибольшее снижение демонстрировали физические лица - почти в 3 раза с 7,7 % в 2005 г. до 2,6 % в 2008 г. Участие физических лиц в уставном капитале (фонде) участие организаций (юридических лиц) в РФ невелико, что не очень значительно сказалось на сдвигах в структуре акционеров (учредителей). А вот коммерческие организации (кроме финансово-кредитных) снизили свое участие в уставном капитале (фонде) организаций на 16,2 % с 66,3 % в 2005г. до 50,1 % в 2008 г.

По данным, представленным в табл. 1, очевидно, что основными акционерами (учредителями) организаций в РФ выступают федеральные органы исполнительной власти и коммерческие организации (кроме финансово-кредитных). На их долю совместно в 2005 г. приходилось 81,9 %, а в 2008 г. уже 90,4 %.

В анализируемом нами периоде в структуре уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) в Российской Федерации преобладали уставные капиталы акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью и унитарных предприятий. Следует отметить, что в представленной в табл. 2 структуре, доля уставных капиталов акционерных обществ выросла с 68,72 % в 2005 г. до 77,54 % в 2008 г. или на 8,82 %. В это же самое время доля уставных капиталов обществ с ограниченной ответственностью снизилась с 23, 51 % до 19,20 % или на 4,31 %. Самый значительный структурный сдвиг в уставных капиталах организаций различных организационно-правовых форм произошел у унитарных предприятий. Так, в 2005 г. доля уставных капиталов унитарных предприятий в уставном капитале всех организаций была 6, 43 %, а в 2008 г. эта доля уже была 2,91 %, то есть она снизилась в 2,2 раза. Такое значительное уменьшение объясняется проводимой в последние годы политикой государства в сфере управления государственной собственностью направленной на преобразование унитарных предприятий в акционерные общества открытого типа.

Таблица 2

Динамика структуры уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) в 2005 – 2008 гг. в Российской Федерации в разрезе организационно-правовых форм, (в процентах)

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00
Юридические лица, являющиеся коммерческими организациями	99,71	99,88	99,87	99,94
Хозяйственные товарищества и общества	92,27	96,25	95,82	96,75
Полные товарищества	0,00	0,00	0,00	0,00
Товарищества на вере	0,03	0,01	0,01	0,01
Общества с ограниченной ответственностью	23,51	16,60	19,49	19,20
Общества с дополнительной ответственностью	0,00	0,00	0,00	0,00
Акционерные общества	68,72	79,63	76,32	77,54
Открытые акционерные общества	62,66	75,86	72,41	74,33
Закрытые акционерные общества	6,06	3,78	3,91	3,21
Производственные кооперативы	1,02	0,53	0,47	0,27
Унитарные предприятия	6,43	3,10	3,58	2,91
Унитарные предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения	6,33	3,05	3,57	2,9
Унитарные предприятия, основанные на праве оперативного управления	0,00	0,00	0,00	0,00
Дочерние унитарные предприятия	0,10	0,05	0,00	0,00
Юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями	0,23	0,10	0,11	0,05

Рассчитано автором по данным статистической отчетности

Рассмотрим как в 2005-2008 гг. распределялся уставный капитал (фонд) организаций (юридических лиц) между акционерами (учредителями) по Российской Федерации в разрезе организационно-правовых форм.

Согласно данным, представленным в табл. 3, наблюдалась тенденция неуклонного роста уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) в целом по России. Так, в 2005 г. он был 3,15 трлн. руб., а в 2008 г. – 8,1 трлн. руб., то есть за четыре года произошел рост в 2,56 раза. В разрезе же организационно-правовых форм организаций (юридических лиц) лидерами роста уставного капитала в этот период были открытые акционерные общества. Если в 2005 г. их уставный капитал составлял 2,17 трлн. руб., то в 2008 г. он был 6,25 трлн. руб., таким образом, рост составил 2,88 раза.

Таблица 3

Распределение уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) между акционерами (учредителями) в 2005 – 2008 гг. по Российской Федерации в разрезе организационно-правовых форм

	Уставный капитал (фонд) - всего				Темп роста, снижения 2006 г. к 2005 г. в %%	Темп роста, снижения 2007 г. к 2006г. в %%	Темп роста, снижения 2008 г. к 2007г. в %%
	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.			
А	1	2	3	4	5	6	7
Всего, млрд. руб.	3153,6	5620,6	6151,1	8063,9	178,2	109,4	131,1
Юридические лица, являющиеся	3144,4	5613,7	6143,3	8059,1	178,5	109,4	131,2

коммерческими организациями							
Хозяйственные товарищества и общества	2909,7	5409,8	5894,0	7802,0	185,9	108,9	132,4
Полные товарищества	0,02	0,01	0,05	0,04	34,3	638,9	96,7
Товарищества на вере	0,91	0,89	0,58	0,89	97,8	65,2	153,7
Общества с ограниченной ответственностью	741,51	932,92	1199,0	1548,2	125,8	128,5	129,1
Общества с дополнительной ответственностью	0,05	0,05	0,005	0,005	100	10,8	90,6
Акционерные общества	2167,2	4475,9	4694,4	6252,7	206,5	104,9	133,2
Открытые акционерные общества	1976,1	4263,6	4454,1	5993,9	215,7	104,5	134,6
Закрытые акционерные общества	191,08	212,3	240,3	258,8	111,1	113,2	107,7
Производственные кооперативы	32,0	29,6	29,2	22,1	92,3	98,9	75,6
Унитарные предприятия	202,7	174,3	220,0	235,0	86,0	126,2	106,8
Унитарные предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения	199,7	171,6	219,8	234,7	85,9	128,1	106,8
Унитарные предприятия, основанные на праве оперативного управления	0,314	0,248	0,231	0,328	185,1	93,1	142,0
Дочерние унитарные предприятия	2,8	2,5	0	0	86,8	0	0
Юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями	7,5	5,5	6,9	4,3	73,6	125,4	62,9
Потребительские кооперативы	3,1	3,0	3,1	1,8	98,7	101,7	58,8

Рассчитано автором по данным статистической отчетности

В Федеральном законе от 26.12.1995 г. № 208 – ФЗ «Об акционерных обществах» говорится о том, что уставный капитал общества может быть увеличен путем увеличения номинальной стоимости акций или размещения дополнительных акций. Эти два пути увеличения уставного капитала акционерного общества успешно использовались в анализируемом нами периоде. В этом же законе особо оговорен случай увеличения уставного капитала общества, созданного в процессе приватизации, путем дополнительного выпуска акций при наличии пакета акций, представляющего более чем 25 процентов голосов на общем собрании акционеров и находящегося в государственной или муниципальной собственности. Увеличение уставного капитала такого акционерного общества путем дополнительного выпуска акций может осуществляться только в случаях, если при таком увеличении сохраняется размер
доли государства или муниципального образования и если иное не предусмотрено Федеральным законом от 21 декабря 2001 г. № 178 – ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества». Данное положение самым непосредственным образом отражается на крупнейших открытых акционерных обществах страны как ОАО «Газпром», ОАО «РЖД», ОАО «Роснефть» и ряда других.

В последние годы правительство РФ стремится к сокращению числа унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения, путем преобразования их в открытые акционерные общества. Логично было бы предположить, что сокращение числа унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения, должно было вызвать уменьшение уставного капитала таких предприятий. Но, как видно из данных, представленных в табл. 3, наблюдалась обратная картина – их уставный капитал в 2005 – 2008 гг. увеличивался. Так, если в 2005 г. он составлял почти 200 млрд. руб., то в 2008 г. – 234,7 млрд. руб. Увеличение уставного капитала унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения, составило 17,5 %. При этом только в 2006 г. по сравнению с 2005 г. наблюдалось уменьшение уставного капитала унитарных предприятий такого типа на 14,1 %.

Таблица 4

Доля федеральных органов исполнительной власти в уставном капитале (фонде) организаций (юридических лиц) в 2005 – 2008 гг. по Российской Федерации в разрезе организационно-правовых форм (в процентах)

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Юридические лица, являющиеся коммерческими организациями	14,9	35,9	34,8	41,2
Хозяйственные товарищества и общества	12,7	35,7	34,7	41,3
Полные товарищества	0,0	0,0	0,0	0,0
Товарищества на вере	0,0	0,0	0,0	0,0
Общества с ограниченной ответственностью	0,2	0,4	0,5	0,1
Общества с дополнительной ответственностью	0,0	0,0	0,0	0,0
Акционерные общества	17,0	43,1	43,5	51,6
Открытые акционерные общества	18,6	45,2	45,8	53,7
Закрытые акционерные общества	0,7	0,6	0,6	0,8
Производственные кооперативы	0,2	0,1	0,0	0,0
Унитарные предприятия	48,9	47,0	41,7	39,4
Унитарные предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения	48,8	47,1	41,7	39,4
Унитарные предприятия, основанные на праве оперативного управления	34,8	17,0	26,2	23,9
Дочерние унитарные предприятия	55,1	49,2	0,0	0,0
Юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями	9,4	4,1	3,3	1,7
Потребительские кооперативы	0,0	0,0	0,0	0,0

Источник [3]

Теперь посмотрим, какова доля участия федеральных органов исполнительной власти в уставных капиталах (фондах) организаций (юридических лиц) России в разрезе организационно-правовых форм.

По данным, приведенным в табл. 4, видим, что по всем юридическим лицам, являющимся коммерческими организациями в 2005 – 2008 гг. наблюдался рост доли участия федеральных органов исполнительной власти в уставных капиталах (фондах) организаций (юридических лиц) России. Так, если в 2005 г. эта доля была 14,9 %, то в 2008 г. она составила уже 41,2 % и выросла в 2,7 раза. Наибольший рост доли федеральных органов исполнительной власти в уставных капиталах организаций продемонстрировали открытые акционерные общества. В 2005 г. государству принадлежали 18,6 % в уставных капиталах всех ОАО России, а в 2008 г. уже 53,7 % (рост в 2,89 раза). Увеличение участия государства в хозяйствующих субъектах, каковыми являются открытые акционерные общества, свидетельствует о том, что государство стремится осуществлять более полный контроль над хозяйственной деятельностью организаций данной организационно-правовой формы. На фоне такой беспрецедентной экспансии государства в уставном капитале ОАО страны следует отметить тот факт, что в это же самое время происходил процесс снижения доли государства в уставных капиталах унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения. Как уже говорилось выше, предприятия этой организационно-правовой формы сейчас преобразуются в открытые акционерные общества в основном со 100 % государственным или муниципальным капиталом. Такое преобразование в некоторой степени влияет на увеличение уставного капитала ОАО в стране, но в силу того, что уставный капитал унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения, практически в 10 раз меньше уставного капитала ОАО, влияние фактора преобразования можно считать незначительным (см. табл. 2).

Анализ динамики структуры уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) России в разрезе видов экономической деятельности показал, что совокупная доля уставных капиталов (фондов) таких видов экономической деятельности как добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, транспорт и связь в 2005 г. составила 70,63 %, а в 2008 г. – 80,15 %. (увеличение на 9,52 %) (табл. 5).

Таблица 5

Динамика структуры уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) в 2005-2008 гг. по Российской Федерации в разрезе видов экономической деятельности, (в процентах)

А	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
	1	2	3	4
Всего по организациям (юридическим лицам)	100,00	100,00	100,00	100,00
из них с основным видом деятельности: Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	4,45	2,64	2,74	2,24
Рыболовство, рыбоводство	0,11	0,07	0,09	0,07
Добыча полезных ископаемых	11,43	10,89	15,61	12,57
Обрабатывающие производства	22,57	14,40	14,92	16,09
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	28,67	22,37	17,85	25,46
Строительство	1,4	0,95	1,25	1,39
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	9,1	5,68	6,40	5,10
Гостиницы и рестораны	1,18	0,73	0,35	0,38
Транспорт и связь	7,96	32,55	31,89	26,03
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	12,13	8,78	7,80	9,62
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение	0,00	0,01	0,00	0,00
Образование	0,02	0,00	0,01	0,00
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,26	0,17	0,20	0,20
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,70	0,76	0,88	0,84

Рассчитано автором по данным статистической отчетности

Анализ данных, представленных в табл. 6, показал, что федеральные органы исполнительной власти проявляют интерес к увеличению своего участия в уставных капиталах организаций следующих видов экономической деятельности: рыболовство и рыбоводство, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, транспорт и связь. Так, в таком виде экономической деятельности как рыболовство и рыбоводство доля федеральных органов исполнительной власти с 10,47 % в 2005 г. выросла до 32,01 % в 2008 г. В обрабатывающих производствах эта доля выросла практически в 2 раза за четыре года – с 11,03 % до 20,26 %. На фоне остальных видов экономической деятельности больше всего в части увеличения доли федеральных органов исполнительной власти «отличились» такие виды как производство и распределение электроэнергии, газа и воды и транспорт и связь. Если в первом из этих видов экономической деятельности государство увеличило свое присутствие в 40 раз за четыре года, то во втором – всего лишь в 9 раз. Такое значительное увеличение доли федеральных органов исполнительной власти в уставном капитале организаций по производству и распределению электроэнергии, газа и воды произошло вследствие реформы в электроэнергетике. Что же касается транспорта и связи, то здесь в 2008 г. государство увеличило уставный капитал ОАО «РЖД» на 41,5 млрд. руб.

Таблица 6

Динамика структуры уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) по акционерам (учредителям) в Российской Федерации в 2005 – 2008 гг. в разрезе видов экономической деятельности (в процентах)

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
А	1	2	3	4
Всего по организациям (юридическим лицам)	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	14,88	35,85	34,78	41,15
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	66,32	52,85	53,66	48,96
из них с основным видом деятельности: *Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство*	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	4,31	6,20	6,42	7,85
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	41,36	40,83	10,55	46,75
Рыболовство, рыбоводство	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	10,47	9,07	33,41	32,01
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	50,97	49,63	38,47	46,99
Добыча полезных ископаемых	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	51,91	0,64	19,89	18,66
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	33,96	89.37	74,62	76,11
Обрабатывающие производства	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	11,03	12,65	9,25	20,26
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	69,95	70,85	75,20	69,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	1,17	1,03	2,55	46,08
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	87,57	86,74	82,54	44,57
Строительство	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	5,84	5,29	3,06	3,68
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	40,85	69,15	71,44	63,57
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	27,85	21,31	27,70	17,74
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	53,30	66,01	56,91	73,61
Гостиницы и рестораны	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	1,32	1,57	2,91	2,91
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	86,54	84,64	68,55	71,16
Транспорт и связь	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	8,48	85,32	79,94	76,85
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	67,63	10,90	15,57	18,41
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	20,63	50,81	28,83	26,76

коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	60,40	38,04	56,62	56,96
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	53,03	32,84	72,22	67,64
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	30,30	26,87	0	0,10
Образование	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	13,86	16,93	6,46	10,66
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	13,19	24,74	21,59	29,44
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	8,07	4,97	2,99	2,20
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	57,29	54,58	56,16	66,79
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	11,83	5,95	6,33	6,73
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	47,94	50,90	59,67	61,14

Источник [3]

Проведенный автором статьи подробный анализ распределения уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) между акционерами (учредителями), по организационно-правовым формам и по видам деятельности в 2005 – 2008 гг. позволяет говорить о том, что в этот период в России произошло возвращение государства в хозяйственную деятельность частных коммерческих структур. Это позволяет ему осуществлять корпоративный контроль.

Литература

1. Инвестиции в России. 2009. Стат.сб./Росстат. – М., 2009. – 323 с.
2. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. Экономический рост 2000 – 2007. – М.: Издательство «Дело» АНХ, 2008. – 1328 с.
3. Режим доступа: http://www.gks.ru/wcm/connect/rosstatsite/main/pablishing/catalog/statistic Jornals/

References

1. Investments in Russia. 2009. Statistical collection/Rosstat. – Moscow, 2009. – 323 p.
2. Economy of the transition period. Essays of economic policy of the post-communist Russia. Economic growth 2000-2007. – Moscow: Publishing house “Delo” ANX, 2008. – 1328 p.
3. Access mode: http://www.gks.ru/wcm/connect/rosstatsite/main/pablishing/catalog/statistic Jornals/

АНТРОПОСОЦИОЯДЕРНЫЙ ФЕНОМЕН

Елена Комлева
Институт философии и политологии, Дортмунд, Германия

Аннотация: Выполнены пионерные для России комплексные исследования антропосоциальной компоненты феномена ядерной энергии. Феномена, без которого жизнь на Земле исключена. Исследования доведены до прагматичного образа SAMPO.

Ключевые слова: ядерная энергия, человек, социум, материальная и духовная культура.

THE ANTHROPO-SOCIO-NUCLEAR PHENOMENON

Elena Komleva
Institute for Philosophy and Political Science, Dortmund, Germany

Abstract: There is carried out complex pioneer for Russia research on the anthropo-social component of the phenomenon of nuclear energy being vitally important for life on the Earth. The research has lead to the pragmatic image of SAMPO.

Key words: nuclear energy, man, socium, material and spiritual culture.

Вот мое предназначенье - сесть спокойно у воды
и свести в одно сеченье жизнь песчинки и звезды.
Привести к одной системе сердце солнца и свое.
И услышать, как в весенней роще иволга поет.
И увидеть, как бездонно небо, - не вмещает грудь!
Посолить краюшку хлеба, съесть ее и ...
Снова в путь.
Т. Полежаева.
"Эхо полевых сезонов". Стихи. Архангельск.

В ходе более чем десятилетних исследований на базе десяти российских и зарубежных университетов и институтов сформирована научно-прагматическая позиция, почувствованы задачи и получены некоторые результаты.

Феномен ядерной энергии в прошлом, настоящем и будущем был, есть и будет чрезвычайно важным для людей. Ядерная энергия (энергия управляемых и неуправляемых ядерных и термоядерных реакций) крепкими узами связана с человечеством. И человечество ощутило себя единым и хрупким сущим впервые перед ядерной опасностью. Техногенные ядерное благо или ядерная опасность для человечества - большей частью все же от человека и социума. И то, и другое - "плоть от плоти" разума, души и рук человеческих. Это формирует обратную связь - влияние человека, такого как есть и каким будет в антропосоциальном смысле, на возможные последствия ядерных явлений. Суперглобальному значению, негативным вызовам и позитивным возможностям ядерной энергии должны соответствовать адекватные по усилиям, комплексности и полноте, активности и постоянству подходы и действия при осмыслении, сдерживании или адаптации к реальным условиям человечества этих свойств феномена. А также серьезные вопросы о готовности людей к принятому разумом и сердцем сосуществованию с ядерной энергией сейчас и в будущем.

Ядерный феномен по праву стал предметом внимательнейшего изучения философии, политологии, экономики и экологии. Попал в поле зрения других наук, религии, духовного творчества и общечеловеческой культуры. И это пристальное внимание имеет перспективу существовать века. Двух немецких философов в контексте генеральной методологии можно считать ключевыми фигурами при обращении к теме. Это К. Ясперс и Э. Кассирер. Первый задал мотивацию и путь к поиску антропосоциоядерных ракурсов, а также определению масштаба

научной проблемы. Второй “подсказывает” социокультурный характер и инструментарий познания на этом пути.

Существует тенденция, в русле духовно-гуманитарного понимания глобальных проблем, к восприятию феномена амбивалентной ядерной энергии во всей доступной на сегодня его полноте. Целесообразно усиление интегральной в содержательных смыслах общего познавательного опыта, поли- и междисциплинарной относительно наук о человеке и обществе и вненаучных знаний о человеке, системной и деятельностно-ориентированной совместной рефлексии человеческой цивилизации и ядерной энергии. Рефлексии, объединяющей их сосуществование и взаимодействие в виде относительно внешних друг для друга объектов и то обстоятельство, что ядерное есть неотъемлемая часть феномена человечества.

Можно обозначить основные связи ядерной энергии с другими важными в судьбе человечества явлениями – бытийные контуры антропосоциальной компоненты ядерного феномена.

На основе “логических цепочек”, следуя известной общечеловеческой идее всеединства и единения в многообразии, различные грани которой интерпретированы многими философами, естествоиспытателями, писателями и политиками, предложен образ-схема связного множества антропосоциоядерных комбинаций, современных “окрестностей” ядерной энергии. Пространства ассоциативных связей, явных, случайных и смысловых совпадений или как бы совпадений, взаимоотношений, соотнесений, сопряжений ее и других глобальных явлений. Как правило, в социальных аспектах взаимодействие в каждой “цепочке” – двояко направленное. Образ “континуума” проявлений ядерной энергии и антропосоциальных, совокупного феномена “окрестностей” и ядерной энергии, способствует обобщению и объединению узкоспециализированных “ведомственных” подходов к рефлексии, переходу количества в качество, скачку мысли к пониманию необходимости широкого и глубокого антропосоциоядерного “смотрения” и комплексно интегрированных действий.

Некоторые примеры логических "цепочек", характеризующих прямые или опосредованные связи, зависимости, взаимодействия, соотнесения, сопряжения между ядерной энергией (ЯЭ) и другими важными для человека и человечества явлениями:

ЯЭ – материя, энергия, пространство, время - вселенная – мировоззрение в целом;
ЯЭ - Солнце - естественные процессы в гео- и биосферах - жизнь на Земле;
ЯЭ - эсхатологический потенциал - концепция Бога и человека;
ЯЭ - эсхатологический потенциал – реальное “качество” человека и общества;
ЯЭ – энергетическая стратегия – глобальная социальная стратегия;
ЯЭ – ядерное оружие – человечество как хрупкий единый организм;
ЯЭ – ядерное оружие – тоталитаризм;
ЯЭ – научные доминанты и тайны XX и XXI веков – биология;
ЯЭ – общество риска – теория общества;
ЯЭ – ядерная физика и радиохимия – естественные науки;
ЯЭ – уран, торий, подземные объекты, ядерные отходы – геология, горное дело;
ЯЭ – совместное исследование (ЦЕРН, Дубна) – интеграция человечества;
ЯЭ - Солнце и звезды - стратегические энергетические задачи;
ЯЭ - наука и техника - прогресс и общепланетарный кризис;
ЯЭ - демография - экономические, политические и военные кризисы;
ЯЭ – смена энергоносителей - экономические, политические и военные кризисы;
ЯЭ - энергетика – структура и уровень сельского хозяйства и промышленности;
ЯЭ - ядерное оружие - оружие массового поражения в целом и терроризм;
ЯЭ – ядерное оружие – так называемое “геофизическое” оружие;
ЯЭ – оружие массового поражения – знания массового поражения;
ЯЭ - история мировых войн - модель стабильного сосуществования;
ЯЭ - ядерная дискриминация - социально-экономическое неравенство;
ЯЭ - Иран - право нации на владение ЯЭ;

ЯЭ – Северная Корея – стратегическое жизнеобеспечение как эквивалент ЯЭ;
ЯЭ - ООН, МАГАТЭ - институты глобального управления;
ЯЭ - управление устойчивым развитием - гражданское общество;
ЯЭ – глобальные возможности и риски – этика и философия техники;
ЯЭ – изменение климата – энергетическая философия и политика;
ЯЭ - Чернобыль - глобальный экологический кризис;
ЯЭ - радиоактивные отходы - отходы жизнедеятельности в целом;
ЯЭ - амбивалентность - информационные, био- и другие технологии - человек;
ЯЭ – маргинальные полигоны – аборигены, биоразнообразие;
ЯЭ - длительные выгоды и опасности - футурология;
ЯЭ - управление ядерной сферой – структура и качество информации;
ЯЭ - энергия, экология, социальная сфера, устойчивость - Agenda 21;
ЯЭ - ядерные сообщества (NEA, FNCA) - международные экономические союзы;
ЯЭ - ядерная деятельность - нефть и газ - экономические и политические приоритеты;
ЯЭ – гелиевая энергетика – исследование Луны;
ЯЭ - базовая мотивация познания и применения - философия и аксиология;
ЯЭ - неоднозначность микромира - методология естественных и социальных наук;
ЯЭ - терминология - категориальный аппарат философии;
ЯЭ - апологеты и оппоненты - образование и просвещение;
ЯЭ - ядерная ментальность - общественное сознание в целом;
ЯЭ - ядерная этика - культурные и религиозные традиции;
ЯЭ – морально-нравственные нормы и секретность – открытость ядерной информации;
ЯЭ - ядерные образы – художественное творчество;
ЯЭ – нечувственное восприятие “квантов” реальности – мистическое мировоззрение;
ЯЭ - социальная мистика ядерных и других явлений - иррациональная рефлексия;
ЯЭ – энергетический фактор – история технологического развития человечества;
ЯЭ - история ядерной науки и техносферы - памятники истории и культуры;
ЯЭ – ядерная история – история духовно-гуманитарной рефлексии ядерного социума.

Данный список таких "цепочек" крупных мировоззренческих и приоритетных интеллектуально-прагматических проблем, тем, задач, действий и тому подобных граней социума, конечно же, лишь как частная выборка ограниченно отражает фактическое антропосоциоядерное пространство и открыт для продолжения. Здесь это, прежде всего, иллюстрация идеи о необходимости комплексного подхода к изучению феномена ядерной энергии, в увязке с широким спектром научных тем, практических задач и рефлексивных, с помощью разнообразных символов и образов, возможностей человечества.

Намечены подходы к усилению Human Dimension, гуманистических и гуманитарных начал и мотиваций в антропосоциальной компоненте феномена ядерной энергии, позиций своеобразного антропного социоядерного или антропосоциоядерного принципа. Плодотворно обращение к аналогу широко известного классического *антропного принципа*, значимого и непротиворечивого одновременно для важнейших социокультурных парадигм – естественнонаучной, философской и религиозной. Социоядерный антропный принцип усиливает перспективы синтеза единой светско-религиозной социоментальной (дополнительно к технологической) и совокупной прагматической платформы относительно ядерного феномена.

Полезно, несомненно, оконтурить также понятийное пространство применительно к антропным и социальным аспектам ядерной энергии, предложить рабочие версии главных понятий.

ФЕНОМЕН ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ. Облик феномена ядерной энергии многообразен. Материально и принципиально он формируется как природными (известными и неизвестными человеку), так и антропогенными сущностями. В простом перечислении “первого приближения” - это звезды, космические излучения, часть тепла недр и естественная радиоактивность Земли, природные ядерные реакторы. А также - ядерное оружие, ядерное сдерживание и

нераспространение, гражданская ядерная энергетика, атомные военные и гражданские, подводные и надводные суда, наземные и подземные ядерные объекты различного назначения. Кроме того, - это источники энергии длительного пользования для освоения космоса, научные приборы и средства технологического контроля и воздействия в медицине, сельском хозяйстве и промышленности, радиоактивные отходы со сроком хранения в сотни тысяч лет. Известные (и неизвестные как отдельная часть) природные и антропогенные ядерные сущности представляют, хотя и в разной степени, сферу интеллектуальных и практических интересов и действий людей, связаны "эфиром" людского внимания.

АНТРОПОСОЦИАЛЬНАЯ КОМПОНЕНТА ФЕНОМЕНА ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ. Это все положительные и негативные, естественного и искусственного происхождения проявления и эффекты ядерной энергии в жизни людей, которыми ядерная энергия посредством различных систем символов, так или иначе, уже идентифицируется социумом в своем ментальном пространстве. Все наши задачи и проблемы, надежды и заботы, удачные или неудачные мысли и практические действия, с которыми она напрямую или косвенно связана. Все явления человечества, которые зависят от ядерной энергии. Все явления человечества, от которых зависит "бытие" ядерной энергии в контакте с человечеством. Все явления человечества, которые развиваются во взаимосвязи с феноменом ядерной энергии. Связи, зависимости и взаимодействия, в космологическом смысле бывшие большей частью, по крайней мере – по отношению к периоду существования живой материи, практически всегда, но особенно отныне, с возникновением ядерной техносферы, - вечные и важные составные части среды существования людей. И наша естественнонаучная и техническая, философская и религиозная, духовно-гуманитарная на основе других и разных видов социального знания рефлексия их, а также наше изменение их. Другими словами, антропосоциальная компонента ядерного феномена – это, соответственно материально-духовной дихотомии человека, комплексное материально-духовное бытие человека в условиях ядерной вселенной и ядерного социума.

СОЦИОЯДЕРНЫЙ АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП – это требование таких рефлексии и действий, чтобы в будущем антропосоциальная компонента феномена ядерной энергии формировалась в совокупном светско-религиозном "поле" лучшего духовно-гуманитарного и рукотворного наследия человечества, была адекватной ему и позитивно участвовала в генерировании новых пластов материальной и духовной культуры, чтобы "ядерный человек" был гуманным и позитивно "культурогенным". Другими словами, это требование оптимизации "параметров антропосоциоядерной вселенной" с позиций блага человека, посредством гуманизации и гуманитаризации интеллектуальной и практической деятельности в ядерной сфере.

Мною в разных публикациях подробно показаны примеры некоторых фрагментов рассматриваемой компоненты, их светские и религиозные, философские, экономические и историко-политологические аспекты. А также информационные, коммуникационные, ментальные и экологические модусы современного ядерного социума. И методологические пути, инструментарий их совместного осмысления, известные из истории и оконтуренные для будущего. В ракурсе антропосоциоядерных вызовов и надежд, негатива и позитива обозначен рефлексивный потенциал мировоззренческих систем (философия, религия), наук о человеке и обществе, духовного творчества (искусство, литература, миф) и морально-нравственных традиций. В частности, при осмыслении международными усилиями в рамках гипотезы SAMPO: в контексте смыслов региональных Scandinavian (or Slavic, Saida, Severodvinsk, Spitsbergen, Saamen, Syktyvkar, Solikamsk, Siberian, Streltsovsky, Selenge, Salekhard, Sakha, Sakhalin, Simushir, Semipalatinsk, Sarov, Seversk, Slavutich, Sosny) Atomic Mission - the Proliferation's Oikumene и общечеловеческого Special Anthropic Mission – the Power (Prometheus) Obedience. Обозначен также потенциал в процессе информационно-аналитической социально-ядерной деятельности.

Методология SAMPO соответствует инициативе Президента Российской Федерации (2006г.) по Глобальной ядерной инфраструктуре. И разрабатываемой РАН и Росатомом (А.А. Саркисов) для Севера России идеологии интеграционного подхода к проблемам ядерных отходов. Она может

быть составной частью региональных и общероссийских программ создания технологической платформы “Инфраструктура Арктики”. Гипотезу SAMPO начинают серьезно обсуждать. Одна из моих статей отражена в официальном библиографическом списке материалов к рассмотрению законопроекта Республики Беларусь “Об использовании атомной энергии”. Другая опубликована в материалах ярмарки инновационных проектов АТОМЭКО-2008.

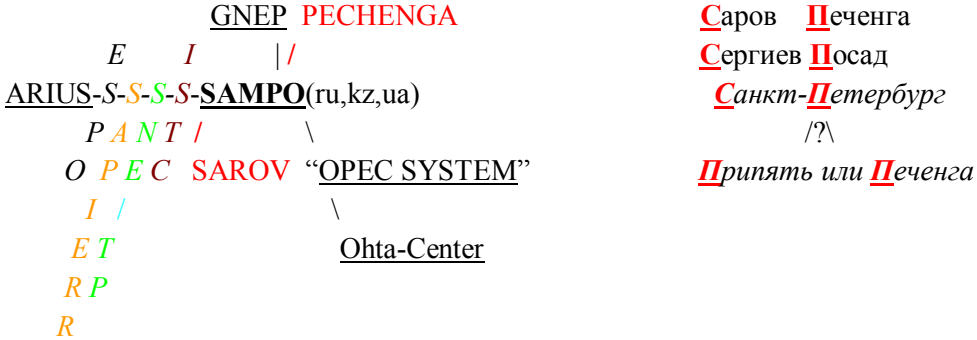
Думаю, продолжение обсуждений последует, так как, например, специалисты Кольского научного центра РАН предложили построить “вечное” подземное ядерное хранилище в горле Кольского залива (Сайда Губа - “подбрюшье” Североморска и Мурманска). Второй вариант такого объекта (Дальние Зеленцы) предлагается учеными “под боком” у будущей инфраструктуры Газпрома и полигона, где погиб “Курск”.

Ситуацию “подогревает” недавнее решение Б. Обамы, вопреки действующему “Акту о политике в отношении ядерных отходов”, через 22 года с начала строительства и после затрат в 9 миллиардов долларов, прекратить реализацию проекта “путеводной звезды”, прототипа для многих подобного рода строек – национального хранилища высокоактивных материалов Yucca Mountain. А также – появившиеся раньше в условиях глобализации мировой экономики идея и проекты интернационализации последней стадии обращения с ядерными отходами, их надежной изоляции от биосферы. Возникают конкретные вопросы “как?” и “где?” Особенно после вступления в силу (конец 2010г.) американо-российского Соглашения № 123, открывающего странам возможность обмена ядерными материалами.

Россия давно и активно стремится позитивно соответствовать новым возможностям в рамках концепции международных и долговременных хранилищ подземного типа на своей территории. Вариантами, наиболее официально “продвинутыми” и традиционно для ядерной отрасли “состыкованными” с объектами наследия “холодной войны”, являются пока площадки вблизи Красноярска, Челябинска и границы с Китаем и Монголией (Краснокаменск). При этом преобладает выбор площадок в зонах палеовулканов (как и в случае Yucca Mountain). Хотя доминирующие площадки уже “назначены”, даже лояльный к ним анализ (ИГЕМ РАН) геологической ситуации на базе чрезвычайно слабой разведки закончился признанием, что Россия находится на начальной стадии программ реализации такой концепции и принимать решения о пригодности площадок преждевременно (Н.П. Лаверов, В.И. Величкин, А.А. Пэк).

На Северо-Западе России проектировщики Росатома (Минатома) последовательно предлагали в качестве изолирующей геологической среды многолетнемерзлые известняки Новой Земли и залежи солей Республики Коми. Кстати, в Ухте работает известный в радиоэкологии геолог В.А. Копейкин, имеющий серьезные наработки применительно к геохимическим барьерам защиты от распространения радионуклидов, возглавлявший несколько самых тяжелых лет Рабочую группу Мингео СССР в Чернобыле. Возможно, и это обстоятельство в череде других обусловило “дрейф” интереса Росатома от Новой Земли к геологическим объектам Коми.

Необходимо в связи с SAMPO отметить доминирование принципа нераспространения ядерных материалов, преемственность и взаимосвязь не только российских ядерно-религиозных центров, но и международных энергетических проектов. На схеме: слева – взаимосвязи базового концепта SAMPO, справа – исключительно религиозный контекст и с дополнением футурологических мотивов относительно перспектив ядерно-религиозно-мистического Санкт-Петербурга:

Одним из авторов работ, способствовавших отмене на довольно высоких стадиях реализации некачественных с научной точки зрения проектов подземных ядерных хранилищ Yucca Mountain и Новой Земли, является новосибирский геолог и спелеолог с украинскими “корнями” Ю.В. Дублянский (Juri Dublyansky), много работающий за рубежами бывшего СССР. Уникальная ситуация: его общая эрудиция и знания в сфере инженерной геологии и гидрогеологии, низкотемпературных гидротермальных процессов, изотопных исследований дважды значимо повлияли на формирование решений ведущих ядерных стран относительно места размещения природно-техногенных, с элементами самоорганизации объектов, безопасно функционировать которые по нормативам должны не менее десяти тысяч лет. А косвенно возможно ожидать отложенное влияние этих факторов и событий на общечеловеческое будущее ядерной проблематики. Он, кроме того, нелицеприятно охарактеризовал стиль собственных геологических обоснований таких объектов российскими и американскими ядерными ведомствами и финансирования ими независимых оценок.

Нет пока, к сожалению, подобных Ю.В. Дублянскому по объективности, профессионализму и опыту работы с иностранными партнерами людей, которые проявили бы интерес к организации и выполнению на международной основе анализа жизнеспособности замещающей вакуум после закрытия упомянутых проектов гипотезы SAMPO(ru,kz,ua). Хотя бы ее естественнонаучной составляющей.

Следует сказать, что в породах Печенги, где возможна материализация одного из вариантов SAMPO (и, с моей точки зрения, это было бы правильным), российскими и норвежскими геологами найдены окаменелые образцы древнейших, возрастом более 2 миллиардов лет, микроорганизмов (*Pechengia melezhiki*). Микроорганизмов, сформировавших на Земле важнейшие условия для будущей биологической эволюции (развития на кислородной основе) вплоть до высших форм. Эти сохранившиеся до нас окаменелости возможно, видимо, считать признаком региональной геологической долговременной стабильности, столь необходимой ядерным объектам. Своеобразным талисманом-оберегом. А сочетание открытия *Pechengia melezhiki* с SAMPO - символом трансформации и преемственности энергетики жизни.

С другой стороны, вулканологи (В.И. Белоусов, С.Н. Рычагов и др.) обосновывают наличие в глубинах Печенги позитивных для изоляции ядерных материалов процессов современного минералообразования. На “ядерный” потенциал этой структуры обращали внимание сотрудник ВНИПИЭТ В.А. Перовский, мурманские геологи-производственники (Н.И. Бичук, В.Г. Зайцев, Г.И. Мелихова и др.), специалисты Петербургского университета А.С. Сергеев и Р.В. Богданов. А также - руководители Геологического института Кольского НЦ РАН (Ф.П. Митрофанов), Кольской сверхглубокой скважины (Д.М. Губерман) и Ярославской экспедиции сверхглубокого бурения “Недра” (Л. Певзнер). Равно как и шведского оператора по обращению с ядерными отходами SKB, МНТЦ и The UNESCO International Geological Correlation Programme.

Не добрые ли это знаки, учитывая, что по преданиям в свое время в “пещерах” “утеса из меди” Печенги было создано Сампо “Калевалы”? И не подсказка ли это к объединению на этой площадке усилий, и не только геологов? При “перезагрузке” на Печенгу финансирования от Yucca Mountain, Новой Земли и других подобных проектов, не имеющих социокультурных корней и не выдерживающих испытания временем. Чтобы надежно экранировать искусственные гидротермы, неизбежно возникающие в породах, в которых размещены высокоэнергетичные материалы.

Применительно к антропосоциоядерной сфере изучено состояние дел в политических и научных институтах ООН. Выполнен анализ методологии исследований The United Nations University и The Hiroshima Peace Institute. Целесообразно рассматривать далее социальные и антропные аспекты ядерной энергии по сетевому принципу - в UNU (лидер-координатор) и других университетах единой “сети сетей”. На духовно-гуманитарной, рационально-иррациональной методологической базе, отвечающей максимально полной реализации концепта и ракурсов суммарного знания о человеке и обществе, с позиций принципов гражданского общества. Для содействия выработке адекватных задачам развития человечества научных (гуманитарных и

естественнонаучных), технических и политических рекомендаций в связи с необходимостью мониторинга ядерной и сопряженных с ней сфер цивилизации и ядерного общественного сознания, влияния на их эволюцию с целью сделать ядерный мир безопасным, долговечным и комфортным. Для успешного интеллектуального поиска и практического укоренения генерирующих оптимальное будущее антропосоциоядерных начал.

Литература

Комлева Е.В. Человечество и ядерная энергия: попытка социокультурного соосмысления. Информационно-коммуникационные технологии в системе культурно-цивилизационных преобразований: материалы всерос. науч. конф. (Челябинск, 21 окт. 2010 г.) / М-во культуры РФ; ФГОУ ВПО "Челяб. гос. акад. культуры и искусств"; сост. Т. Ф. Берестова, Ю. В. Гушул. - Челябинск, 2010. – С. 50-54.

Комлева Е.В. Ядерное человечество и Ф.М. Достоевский (http://rulit.org/read/860/ и http://proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=2373).

Комлева Е.В. Антропосоциоядерный дискурс и духовное наследие Ф. М. Достоевского // Мәдениет жаршысы - 2010г.,N 5. - С. 27-31.

Комлева Е.В. Антропоцентричность ядерной энергии, тезисы доклада / конференция “Язык, культура, общество” (М., 2009).

Комлева Е.В. Ядерные проблемы социального сосуществования // Север промышленный. – 2009, октябрь. – С. 40-43.

Комлева Е.В. Социоядерные начала или начала социоядерного бытия (http://www.dialog21.ru/biblio/komleva.htm).

Комлева Е.В. Социоядерный антропный принцип и геоядерная прагматика // Минеральное сырье Урала. – 2008, №5. – С. 44-47; Экологический вестник России. – 2009, №1. – С. 39-42.

Комлева Е.В. Феномен ядерной энергии и пространство символических форм // Философия науки. – 2008, №3. – С. 77-114.

Комлева Е.В. Развитие ядерно-нефтегазовой ситуации Севера Европы // Экологический вестник России. – 2008, №№ 8 и 9, С. 41-47 и 36-40.

Комлева Е.В. Рефлексия ядерно-нефтегазовой ситуации Севера Европы: интересы и потенциал Германии как партнера России // Геофизический журнал, Киев, 2008, №2, Т.30. – С. 3-31. Диплом за 1 место в Международном конкурсе по полярным исследованиям, посвященном Международному полярному году 2007/2008 гг., декабрь 2007 г., Санкт-Петербург.

Комлева Е.В. Ядерный Мурман // Национальные интересы. – 2007. - №4 (51). – С. 55-59.

Комлева Е.В. Цивилизация и ядерная энергия: их соосмысление в ООН для мира и управления устойчивым развитием // Философия науки, 2007, № 2 (33). – С. 3-45.

Комлева Е.В. Ядерные отходы, газовые месторождения и безопасность Севера Европы // ЭКО: Всероссийский экономический журнал, 2007, №3.- С. 104-111.

Комлева Е.В. Духовно-гуманитарное окормление ядерно-нефтегазовой России // Энергетическая политика Украины, №1, 2006.

Комлева Е.В. Ядерная энергия: о мере человечности // Вестник аналитики, 2005, № 2. – С. 68-85.

Комлева Е.В. Ядерная энергия: социальные аспекты, международная конференция “Ядерно-энергетические системы для будущих поколений и глобальной стабильности GLOBAL 2005”, 9-14 октября 2005 г., тезисы доклада, Цукуба, Япония, 2005.

Комлева Е.В. Социально-философские проблемы развития ядерной техносферы в России // Философия науки, 2004, № 3 (22). – С. 121-134.

Комлева Е.В. Информационная поддержка решений в радиоэкологии // Вопросы радиационной безопасности. Журнал ПО "Маяк", 2001, №4. - С. 52-55.

Благодарю за поддержку отдельных этапов исследований EU Program “Gateway Education”, Research Council of Norway, Canon Foundation in Europe, Deutscher Akademischer Austauschdienst и World Nuclear University, профессоров B. Falkenburg, N. Witoszek, D. Macer, R. Thakur, A.H. Zakri, P. Masterson, M. Taeb, T. Kawabe, P. Lakkala, L. Kurppa, V. Ryabev, V. Masloboev, T. Meyer, Z. Fadeeva и многих-многих других, а также научных сотрудников Института философии и политологии Дортмундского технического университета.

СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Павлов К.В.,
доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и менеджмента
Ижевский филиал Российского института кооперации

В статье рассматриваются методические подходы к измерению состояния экономического потенциала регионов. Приводятся основные показатели, необходимые для анализа и измерения. Как интегральная характеристика устойчивости рассматривается экономический рост.

***Ключевые слова**:* экономический потенциал, Север, регионы, показатели и индикаторы, территориальные системы, экономический рост.

THE ESSENSE AND MAIN INDICATORS OF ECONOMIC POTENTIAL IN TERRITORIAL SYSTEMS

Pavlov K.V.,
Dr. of economic sciences, Professor of the Department of economics and management
Izhevsk branch of the Russian Institute of cooperation

The article discusses methodical approaches to measuring economic potential of regions. The main indicators necessary for analysis and measuring are given. Economic growth is considered as an integral characteristic of sustainability.

Key words: economic potential, the North, regions, indicators, territorial systems, economic growth.

Экономический потенциал Севера играет важную роль в национальном хозяйственном комплексе. И эта роль вряд ли будет существенно уменьшаться в обозримой перспективе даже в случае усиления реальных инновационных тенденций по двум основаниям. Во-первых, на саму переориентацию экономики к новому типу развития необходимы огромные средства, дать которые может только сырьевой сектор. Во-вторых, сам этот сектор становится ведущим потребителем новейших научно-технических достижений, особенно при освоении месторождений арктического шельфа.

Понятие «экономический потенциал» настолько часто применяется как в научной, так и в популярной литературе, что стало обыденным. Тем не менее, почти каждый автор отличается своим, особенным пониманием этого термина. К сожалению, в большинстве экономических словарей оно отсутствует, а те немногие, где так или иначе слово «потенциал» присутствует, дают достаточно условные характеристики. Например, «Большой экономический словарь» поясняет [1]:

потенциал – совокупность имеющихся средств, возможностей в какой-либо области.

Такая трактовка, с одной стороны, не дает понимания «экономической» области, а с другой – отличается от энциклопедического понятия [2]:

потенциал (от лат. potentas – сила) … источник, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для достижения определенной цели, решения какой-либо задачи.

Принципиальная разница этих подходов состоит в том, что во втором случае потенциал рассматривается только в органической связи с поставленной целью. Очевидно, что при изменении цели меняется и понимание экономического потенциала территориальной системы. Однако в рамках настоящей работы будет приниматься упрощенная схема – под целью мы будем понимать обеспечение стабильности основных экономических параметров как в статическом состоянии, так и в перспективной динамике.

Актуальность измерений в региональных системах объективно связана с тем, что с расширением и углублением экономического федерализма регионы получают дополнительные права, но и дополнительную ответственность в хозяйственной и финансовой сферах. Для России, с ее многообразием природно-климатических, географических, исторических и социально-экономических условий, при этом возникают проблемы типологии регионов для целей текущей и перспективной государственной политики. Осложняющим фактором в условиях кризисных процессов является своеобразный региональный «эгоизм», попытки решить проблемы за счет индивидуальных льгот и привилегий, в том числе в ущерб другим территориям и межрегиональным отношениям.

Возможное нарастание автаркии только усиливает кризисные явления, основными связывающими звеньями остаются правовые институты, единая кредитно-денежная и бюджетная системы, наиболее устойчиво во всех регионах ведет себя именно ставка банковского процента. Хотя очевидно, что в условиях большого числа коммерческих банков и определенной конкуренции на кредитном рынке различия могут быть достаточно существенными. Так, во время финансового кризиса 2008-2009 гг. кредитная ставка колебалась от 15% до 30% годовых, а депозитная – от 9% до 18%. В посткризисном 2010 году они существенно снизились как по размерам, так и по диапазону, но все еще составляют 12-16% и 5-8% соответственно. По всем другим показателям могут быть весьма существенные колебания как в статических состояниях, так и в темпах. В этом отношении каждая территория может рассматриваться как обособленный макроэкономический субъект.

Для построения обоснованных и целенаправленных отношений «территория-центр» необходимо знание о состоянии ее хозяйства, для чего используется совокупность социально-экономических индикаторов. В первую очередь к ним необходимо отнести:

- объем валового регионального (внутреннего) продукта;
- объем инвестиций в основной капитал;
- коэффициент валютного покрытия импорта;
- бюджетная обеспеченность и достаточность;
- среднедушевые доходы населения и прожиточный минимум;
- доля сбережений в общих доходах населения;
- уровень безработицы.

Кроме того, может использоваться целый ряд дополнительных показателей, таких как индексы физического объема промышленной продукции (в том числе по отраслям), степень износа основных производственных фондов, финансовые трансферты, динамика численности населения и т.п. Ряд из них, имеет специфический характер и используется только в национальной статистике и только с учетом особого характера переходных процессов в России. К ним относится удельный вес убыточных предприятий, состояние дебиторской и кредиторской задолженности в регионе, в том числе по налогам, задолженность по заработной плате лиц наемного труда, число безработных на вакантное рабочее место и т.п. Однако, учитывая их вспомогательное значение, в настоящем разделе они подробно не рассматриваются.

Необходимо отметить, что при практическом анализе социально-экономических процессов в регионах важны не только, и даже не столько абсолютные значения тех или иных показателей, сколько их динамика, временные тенденции, а также их взаимодействие и взаимозависимость.

Валовой региональный продукт стал официально рассчитываться в России с 1995 года, хотя уже в 1992-1994 годах предпринимались попытки его определения на основе валовой добавленной стоимости. Именно в 1992 году в РФ было начато внедрение системы национальных счетов (СНС) в соответствии с утвержденной государственной программой перехода на принятую в международной практике систему учета и статистики в соответствии с требованиями.

После принятия пересмотренной версии системы национальных счетов, разработанной совместно ООН, МВФ, Мировым банком, ОЭСР и Евростатом, Госкомстат начал работу по проведению национальной методологии СНС в соответствии с новыми рекомендациями. В настоящее время она практически закончена.

Суть схемы СНС сводится к формированию обобщающих показателей развития экономики на различных стадиях процесса воспроизводства, где каждой стадии соответствует специальный счет или группа счетов, в том числе [3]:

счет товаров и услуг;

счет производства;

счет образования первичных доходов;

счет распределения первичных доходов;

счет вторичного распределения доходов;

счет использования доходов;

счет операций с капиталом.

Валовой региональный продукт на стадии производства получают путем суммирования валовых добавленных стоимостей всех секторов и отраслей экономики. Валовой продукт рассчитывается в рыночных ценах, то есть, включая чистые налоги на продукт и на импорт.

Валовая добавленная стоимость исчисляется на уровне отраслей как разность между выпуском товаров и услуг и промежуточным потреблением. Термин «валовая» указывает на то, что показатель включает потребленную в процессе производства стоимость основного капитала. Чистые налоги на продукты и на импорт включают налоги, размер которых прямо зависит от размера произведенной продукции и оказанных услуг. К первой группе относят налог на добавленную стоимость, налог с продаж, акцизы и др. Налоги на импорт - это вторая группа, включающая платежи по импортируемым товарам и услугам. Термин «чистые» означает, что налоги показаны за вычетом соответствующих субсидий на продукты и на импорт. Субсидии - текущие некомпенсируемые выплаты из бюджета предприятиям при условии производства или определенного вида продукции.

Кроме рассмотренного метода, который называется производственным, в отечественной статистике ВРП рассчитывает методом использования, являющимся разновидностью метода «потока расходов». При этом продукт определяется как сумма расходов всех экономических секторов на конечное потребление, валового накопления и чистого экспорта.

Расходы на конечное потребление подразделяются на расходы домашних хозяйств, государственных учреждений (организаций бюджетной сферы) и некоммерческих организаций (НКО), обслуживающих домашние хозяйства. С другой стороны, в расходах на конечное потребление выделяются расходы на товары, индивидуальные услуги и коллективные услуги. Товары и индивидуальные услуги всегда могут быть куплены и проданы на рынках, либо могут быть представлены в виде трансфертов в натуральной форме. Коллективные услуги - это услуги, предоставляемые одновременно всем членам общества или его части (например, государственное управление или обеспечение безопасности). Конечное потребление домашних хозяйств является потреблением товаров и индивидуальных услуг. В системе национальных счетов считается, что все услуги, которые оказываются НКО домашним хозяйствам, являются индивидуальными. Органы государственного управления (государственные учреждения) могут оказывать как индивидуальные, так и коллективные услуги.

Инвестициями признаются денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, лицензии, в том числе и на товарные

знаки, кредиты, любое другое имущество или имущественные права, интеллектуальные ценности, вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода) или достижения положительного социального эффекта.

Система национальных счетов предусматривает определенные разграничения и выделяет капиталообразующие инвестиции (направлены на создание реального капитала) и финансовые инвестиции.

В части инвестиций в основной капитал (капиталообразующих) выделяют: приобретение основных средств; затраты на капитальный ремонт; инвестиции в земельные участки и объекты природопользования; приобретение нематериальных активов (патенты, лицензии, программные продукты, научные и проектные разработки и т.п.); на пополнение запасов материальных оборотных средств. Наиболее детализирована система показателей, характеризующих объемы и структуру капитальных вложений: технологическую, воспроизводственную, отраслевую и т.п.

К финансовым инвестициям статистика относит: государственные кредитные вложения (долгосрочные и краткосрочные); финансовые вложения хозяйствующих субъектов; средства от эмиссии по приватизированным предприятиям; средства от продажи акций акционерных обществ; кредиты, предоставленные коммерческими банками организациям и населению; вложения в ценные бумаги и т.п.

Для многих территорий, особенно приграничных, важное значение имеет внешнеэкономическая деятельность. При этом сопоставление экспорта и импорта дает представление о своеобразном платежном балансе региона. Необходимо иметь в виду, что фактический объем таких операций определить достаточно сложно, так как субъекты РФ не имеют внутренних таможенных границ и «реимпортируемые» товары относятся подлежащими покрытию по тем территориям, где были потреблены.

Коэффициент валютного покрытия импорта определяется как частное от деления экспериментируемых товаров и услуг, и расходов на импорт. Основные виды международных услуг включают: транспортные услуги; поездки (туристические услуги); услуги связи; строительные услуги; финансовые и страховые услуги; лизинг; компьютерные и информационные услуги; услуги в сфере образования; медицины; культуры и т.п.

Налоговые платежи поступают в бюджеты, при этом в унитарном государстве, каким был, например, Советский Союз и какими являются и сейчас многие как развитые, так и развивающиеся страны, они полностью централизуются. В федеративных государствах часть средств, иногда основная, распределяется через бюджеты регионов, при этом принципиально важно знать, какому из них, сколько средств необходимо.

Некоторые регионы могут иметь значительную налогооблагаемую базу (развитое производство и сферу услуг) и относительно небольшой объем расходов. Другие, наоборот, исторически располагают слабым промышленным потенциалом и нуждаются в государственных дотациях.

Бюджетной обеспеченностью называется частное от деления объема расходной части бюджета территории на численность населения. Однако эти расходы далеко не всегда равны собственным доходам. Кроме того, необходимо отметить, что с 2002 года в методиках Минфина РФ по межбюджетным отношениям применяется более сложное определение этого показателя, который высчитывается как отношение индекса налоговых доходов к индексу расходов по региону. При этом последний определяется как отношение потребительского бюджета в данном субъекте по отношению к национальному потребительскому бюджету [4].

Бюджетная достаточность показывает, какая часть расходов при данном уровне бюджетной обеспеченности может быть покрыта за счет собственных источников. При этом как из расходной, так и из доходной части исключаются субвенциональные части, которые относятся к полномочиям вышестоящих бюджетов.

Как правило, основные группы населения, исключая живущих ниже уровня бедности, расходуют не все средства. Часть располагаемого дохода, которая не израсходована на конечное потребление товаров и услуг в принятом временном периоде называется сбережениями.

Для территориальных систем вычисление этого показателя затруднено. В известной мере его аналогом в отечественной статистике является приводимая в справочниках динамика сбережений населения во вкладах, госзаймах, сертификатах и т.п. С некоторой условностью ее можно использовать и как дополнительный индикатор уровня жизни, и как относительный показатель инвестиционно-финансовых возможностей в регионе. Однако частные сбережения могут значительно отличаться от общих, поскольку не учитывают баланс бюджетных (государственных) расходов в данном регионе.

Наиболее важной интегральной характеристикой устойчивости считается экономический рост. Под ним обычно понимают движение экономической жизни, тенденций в основных элементах и индикаторах, их характеризующие (объем производства, цены, занятость, доходы и т.п.). Свое выражение рост находит в увеличении потенциального и реального ВРП, возрастании национального богатства и экономической мощи. Таким образом, проблема роста является центральной задачей всех территориальных систем.

Рост есть составляющая экономического развития, при этом последнее понимается как процесс, включающий стадии как увеличения, так и спада, количественных и качественных изменений в экономике. Рост - это положительная динамика экономики, спад - отрицательная, хотя это справедливо только в отношении общего состояния системы.

Для отдельных фраз, факторов и элементов эти понятия часто имеют прямо противоположное значение. Например, рост номинального ВРП может сопровождаться еще большим ростом инфляции, и в целом реальный продукт будет не только не расти, но и снижаться. В отношении безработицы, «увеличение» почти всегда рассматривается как отрицательный индикатор. Хотя если безработица значительно опустится по отношению к своему естественному уровню, то ее рост может оказаться неизбежным. То есть устойчивое развитие системы может происходить в условиях нестабильности отдельных ее элементов. Более того, сам термин «устойчивое развитие» приобретает противоречивый характер, так как развитие экономики предполагает такие ее фазы, как спад.

Литература

1. Большой экономический словарь. М.: Фонд «Правовая культура», 1994 г. – 525 с.
2. Большой энциклопедический словарь. М.: НОРИНТ, 2004. – 1216 с.
3. Методологические положения по статистике. М.: Госкомстат, «Логос», 1998. – 670 с.
4. Селин В.С., Зайцева Е.И. Бюджетная обеспеченность и социальные процессы на российском Севере // Федерализм, № 3, 2007. – С.163-173.

References:

1. Big economic dictionary. M.: Foundation “Legal culture”, 1994. – 525 p.
2. Big encyclopedic dictionary. M.: NORINT, 2004. – 1216 p.
3. Methodological principals in statistics. M.: Goskomstat, “Logos”, 1998. – 670 p.
4. Selin V.S., Zaytseva E.I. Budget provision and social processes in the Russian North // Federalism, No. 3, 2007. – P. 163-173.

ПРОБЛЕМА ДЛИННЫХ ВОЛН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ И КОЛЕБАНИЕ ТЕМПОВ РОСТА СССР ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Т.П. Скуфьина,
доктор экономических наук,
заведующая отделом регионального и муниципального управления на Севере РФ

Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

Аннотация. Рассматривается история длинных волн экономической динамики. Описана сущность теории циклов Кондратьева. Обобщены проблемы циклов Кондратьева. Соотнесены циклы Кондратьева и развитие СССР послевоенного периода.
Ключевые слова. Циклы, волны, макроэкономическая динамика, Кондратьев, развитие СССР

PROBLEM OF LONG WAVES IN ECONOMIC DYNAMICS AND FLUCTUATIONS OF GROWTH RATES IN THE USSR IN THE POST-WAR PERIOD

T.P. Skufina
Doctor of economic sciences
head of department of regional and municipal government in the RF North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

Abstract. History of long waves in economic dynamics is considered. The essence of the theory of Kondratiev cycles is described. Problems of Kondratiev cycles are summarized. Kondratiev cycles and development of the USSR in the post-war period are brought into correlation.
Key words: Cycles, waves, macroeconomic dynamics, Kondratiev, development of the USSR

«Модель», «сложная динамическая система», «цикл», «волна» - бесспорно, все эти термины относятся к числу наиболее часто встречающихся в научном языке современности при исследовании относительно продолжительных рядов макроэкономической динамики, попытках вскрыть причинные схемы эволюционных процессов. Вместе с тем, в арсенале приемов и методов научного познания «исконноотечественных», как говорят, «доставшихся по наследству» от советской школы экономики, методология циклически-волновых представлений представлена явно недостаточно сравнительно с зарубежными образцами.

Можно предположить, что эта особенность является следствием отрицания в советской школе представлений о неизбежности волн спада. Логичным объяснением является традиция гонения на циклические концепции, наблюдаемая со времен Николая Дмитриевича Кондратьева[16].

Напомним, дискуссия о циклах началась с 1922 года с его работы «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны». Впоследствии развита в работах Н.Д. Кондратьева

[16] Николай Дмитриевич Кондратьев. Родился 4 (16) марта 1892 года в деревне Галуевская Кинешемского уезда Костромской губернии (ныне — в Вичугском районе Ивановской области, в 5 км от г. Вичуги). С 1905 года — эсер. Учился в церковно-приходской школе, учительской школе, училище садоводства, в 1911 году окончил (экстерном) Костромскую гимназию и в том же году поступил на юридический факультет Петербургского университета; после окончания университета работал на кафедре политической экономии и статистики. Входил товарищем министра продовольствия в последний состав Временного правительства Александра Керенского. С 1918 года — в Москве преподавал в Кооперативном институте и Тимирязевской (до 1923 года — Петровской) сельскохозяйственной академии. Основатель и директор Института конъюнктуры (1920—1928). В августе 1920 году проходил по делу «Союза возрождения России», был арестован, но через месяц освобожден благодаря усилиям И. А. Теодоровича и А. В. Чаянова. В 1920—1923 годах — в Наркомземе, начальник управления сельскохозяйственной экономии и политики и «учёный специалист». Работал в сельскохозяйственной секции Госплана СССР. 19 апреля 1928 года отстранён от должности; в 1930 году арестован по «делу Трудовой крестьянской партии», Коллегией ОГПУ 26 января 1932 года приговорён к 8 годам тюремного заключения. Военной коллегией Верховного суда СССР 17 сентября 1938 года приговорён к расстрелу и в тот же день расстрелян. Реабилитирован одновременно с А.В. Чаяновым в 1987 году [1].

«Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса (ответ нашим критикам)» (1923 г.), «Большие циклы конъюнктуры» (1925 г.), «К вопросу о больших циклах конъюнктуры» (1926 г.), «Большие циклы конъюнктуры: доклады и их обсуждение в Институте экономики» (в соавторстве с Д.И. Опариным) (1928 г.).

При жизни Н.Д. Кондратьева его циклические воззрения не получили одобрения. Однако в последствии теории больших циклов Кондратьева стала классической.

Теория длинных волн экономической динамики: исторический аспект. Следует отметить, что теория циклов – теория, впитавшая наследие столетий. Достаточно вспомнить восточные теории. Например, китайские учения развивали концепцию циклически меняющегося мира (канонический для конфуцианства труд Чжоу И. «Всеохватнокруговые перемены»). В древних рукописях арабских ученых и магов кризисы, восстания, смена власти связывались с движениями созвездий и планет. Циклические представления развивались и древнегреческими исследователями (Платон, Аристотель, Плутарх и др.).

Описание ряда циклических процессов представляет интерес и для познания современных процессов. Достаточно процитировать отрывок времен возрождения Н.Макиавелли: «Переживая беспрерывные превращения, все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку. Поскольку уж от самой природы вещам этого мира не дано останавливаться, они, достигнув некого совершенства и будучи уже не способны к дальнейшему подъему, неизбежно должны приходить в упадок, и наоборот, находясь в состоянии полного упадка, до предела подорванные беспорядками, они не в состоянии пасть еще ниже и по необходимости должны идти на подъем. Так вот всегда все от добра снижается ко злу и от зла поднимается к благу» [2, С.174].

Что касается исследования макротраектории экономической эволюции, то исследования Н.Д. Кондратьева нельзя назвать пионерными. О существовании длинных волн экономической динамики, анализируя ценовые и некоторые макроэкономические колебания, говорили исследователи еще с середины 18 века (Х. Кларк, А.И. Гельфанд и др.).

Наиболее популярные объяснения причин, обусловливающих продуцирование длинных волн, строились на марксистской основе (Я. Ван Гельдерен, Троцкий, С. де Вольф, Н.Д. Кондратьев). В частности Дж. ван Дейн при обобщении теории С. де Вольфа писал: «Длинные волны, по С. де Вольфу, - это эхо-волны, вызванные воспроизводством основного капитала, рассматриваемого К.Марксом в качестве главной причины деловых циклов. Длина делового цикла определяется сроком службы машины, который в те времена составлял около 10 лет; продолжительность длинной волны определяется основными фондами длительного пользования, такими как фабрики, мосты, верфи, строения железных дорог…В модели «эхо-волны» причиной смены циклов был некий внешний импульс, который С. де Вольф привязывал к нововведениям индустриальной революции» [цит. по: 3, С.11-12].

На этой же точки зрения стоял и Н.Д. Кондратьев. Теория больших циклов экономической конъюнктуры говорит, что «войны и революции возникают на почве реальных и, прежде всего, экономических условий…на почве повышения темпа и напряжения хозяйственной жизни, обострения экономической борьбы за рынки и сырье… Социальные потрясения возникают легче всего именно в период бурного натиска новых хозяйственных сил» [4].

Сущность теории циклов Кондратьева. Несомненной заслугой Н.Д. Кондратьева явилось то, что его исследования базировались на статистическом исследовании длинных рядов динамики (с 1790 г.) значительного числа экономических показателей (заработной платы, индекса цен, объема внешней торговли, добычи угля, золота и др.). Интересно то, что его исследования базировались не на теоретическом, а именно на эмпирическим обосновании.

На временном отрезке в 140 лет Н.Д. Кондратьев основал наличие 3-х больших циклов экономической конъюнктуры, с периодом колебаний около 50 лет. В зависимости от фазы меняется не только способ производства, но и весь уклад общества.

Н.Д. Кондратьев считал, что основную роль в механизме длинных вол играют волны технических колебаний и изменение инновационной активности, т.е. они связаны со сменой основных производственных фондов, с обновлением технологического способа производства. Осуществляется двумя путями: во-первых, эволюционно, когда существующие технологии модернизируются; во-вторых, революционно, когда происходят качественные изменения в материализации научных знаний. Фактически Н.Д. Кондратьев показал, что циклический характер внутреннего развития производительных сил связан с реорганизацией производственных отношений.

В структуре длинных волн выделяют фазы – нисходящую и восходящую волны, или фазы, а также – перелом, вершину.

Вершина – всплеск военной активности. Повышение цен, увеличение стоимости кредита, усиление инфляционных процессов. В политике – переход от поддержки массового спроса к стабилизации финансов.

Нисходящая фаза цикла – период изменения технологий и технологических структур производственной системы общества длительность 20 – 25 лет. В этот период происходят острые экономические кризисы малых и средних циклов. Характерной чертой такого кризиса есть несоответствие существующей системы экономических связей новой технологии. На понижающей волне создаются предпосылки для перехода к новым технологиям, что требует капиталовложений не только в перевооружение действующих производств, но и в возникновение принципиально новых

Восходящая фаза – это период длительного роста и научно-технического развития общества. Длительность 20 – 25 лет. Часто начинается с войны. В это время не исключаются и циклические кризисы с обновлением основных фондов. Это период массового распространения новых технологий, зарождение и развитие новых ведущих и даже базовых отраслей экономики. Повышательная волна связана с реорганизацией производственных отношений. Кредиты дешевы, предложение кредита превышает спрос, рост темпов инфляции, финансовая ситуация стабильна. Общая ориентация – на долговременный экономический рост [подробнее см.: 3, 4, 5].

С целью устранения возможных, к слову, достаточно распространенных заблуждений, поясним. Повышательная волна отнюдь не означает отсутствия кризисов, равно как и понижательная – подъемов. Имеется в виду, что общая, результирующая тенденция направлена либо на рост, либо на спад экономических показателей.

В настоящее время датировка кондратьевских циклов следующая, отметим, близкая к результатам исследования самого Н.Д. Кондратьева.

1 цикл – с конца 1780-х гг. до 1810-1817 гг. (повышательная волна), 1810-1817 гг. (понижательная волна).

2 цикл – с конца 1840-х гг. до начала 1870 гг. (повышательная волна), с начала 1870-х гг. до середины 1890-х гг. (понижательная волна).

3 цикл – с середины 1890-х гг. до 1914-1921 гг. (повышательная волна), с 1914-1921 гг. до середины 1940-х гг. (понижательная волна).

4 цикл – с середины 1940-х гг. до конца 1960-х гг. (повышательная волна), с конца 1960-х гг. до середины 1980-х гг. (понижательная волна).

5 цикл –с 1981-83 до ~2018 г. (прогноз)

6 цикл — с ~2018 до ~ 2060 (прогноз).[17]

[17] Соотношение между кондратьевскими волнами и технологическим укладами следующее. 1-й цикл — текстильные фабрики, промышленное использование каменного угля; 2-й цикл — угледобыча и черная металлургия, железнодорожное строительство, паровой двигатель; 3-й цикл — тяжелое машиностроение, электроэнергетика, неорганическая химия, производство стали и электрических двигателей; 4-й цикл — производство автомобилей и других машин, химической промышленности, нефтепереработки и двигателей внутреннего сгорания, массовое производство; 5-й цикл — развитие электроники, робототехники,

Эвристическая ценность и проблемы циклов Кондратьева. Ценность теории длинных волн заключается в целом ряде аспектов. Во-первых, в возможности предсказать социально-экономические события. Во-вторых, выявить фундаментальные закономерности развития социально-экономической системы. В-третьих, позволяет синхронизировать внешне мало связанные между собой события и явления различной природы. Последнее обусловливается широкой междисциплинарностью циклов Кондратьева, связывающей их с множеством циклов и волн различной длины и различной природы (циклы смены поколений, волны внешней политики США, инновационные циклы и волны и др.).

Между тем, можно полностью согласиться с утверждением о проблематичности циклов Кондратьева [6]. Активное использование рядом экономистов, социологов, политологов, историков циклов Кондратьева в предсказании процессов долгосрочной динамики общественного развития находится в противоречии с тем, что не меньшее число экономистов не находят существование циклов достаточно обоснованным. Аргументация последних подтверждается, как минимум, двумя обстоятельствами.

Во-первых, результаты расчетов Кондратьева и ряда его последователей вызывают большие сомнения в связи с недостоверностью статистических методов оценки. Отметим, сам Н.Д. Кондратьев считал критику используемых им методов справедливой. В работе «Большие циклы конъюнктуры» он отмечал, что считать доказанным наличие циклов нельзя, но вероятность их существования велика. Проблема анализа данных объективна – статистика не может с достаточной степенью вероятности подтвердить наличие 50-летних циклов на временных отрезках в 100-150 лет.

Во-вторых, при расчетах Н.Д. Кондратьев рассматривал модель длинного цикла, согласно которой существует равновесие между основными капитальными благами (инфраструктурные сооружения, промышленные здания, квалифицированная рабочая сила и т.д.) и факторами, определяющими доминирующий способ производства (сырьевой базой и источниками энергии, ценами, занятостью и т.д.). Таким образом, сама множественность и разнохарактерность показателей порождает значительные трудности в интерпретации. Дальнейшее развитие теории Кондратьева еще более усложнило ситуацию. В разное время с разной силой проявлялись те или иные индикаторы, что весьма закономерно объясняется качественными изменениями мирохозяйственных процессов. При этом вдвойне не ясно, почему, многоаспектность и изменение характера глобальных процессов (следовательно, значимости самих индикаторов - так, в XIX в. волны проявлялись в уровне цен, а во времена Великой депрессии – уровне инфляции) не изменило ритмичности циклов. Почему повсеместно наблюдаемое явление ускорения экономических процессов («сжатие времени») не проявляется в кондратьевских циклах? До сих пор объяснения временной стабильности не найдено.

Некоторые современные российские исследователи склоняются к гипотезе смены поколений: «…циклы Кондратьева в отличие от циклов Жугляра близки к действительно периодическим процессам; длительность одного цикла составляет в среднем от 50 до 55 лет…Это явно указывает на не совсем понятную связь циклов Кондратьева с поколениями людей…» [6]. Отметим, во второй половине XX в. теория смены поколений отображается в значительном количестве работ не только исторического, политологического, но и чисто экономического характера. Однако даже поверхностный анализ свидетельствует о существенных расхождениях в моделях жизненного цикла, в том числе, и в датировках. Так, в ряде исследований считается, что политическая и экономическая жизнь поколения составляет 40-50 лет [7], другие – около 30 лет (по К. Манхейму), несколько иные датировки присутствуют в теории элит (В.Парето и др.). Во многом проблема датировки – это проблема индикаторов и данных, характеризующих жизнь поколения, существенно различающихся в исследованиях различных авторов.

вычислительной, лазерной и телекоммуникационной техники; 6-й цикл — возможно, NBIC-конвергенция (конвергенция нано-, био-, информационных и когнитивных технологий).

В результате, так и хочется сделать вывод – создаваемые экономические модели объективны, поскольку экономикой движут объективные факторы, но создаваемые, в том числе, и субъективными причинами. Частично объясняет то, что сомневаются и обосновывают кондратьевские циклы одни и те же люди.

Но, несмотря на обоснованные сомнения в аргументации длинных циклов, тем не менее, реальные события свидетельствуют о целесообразности их учета в прогностических работах. Достаточно вспомнить, на основании своих расчетов, Н.Д. Кондратьев сделал долгосрочный прогноз до 2010 года, предсказав, в частности, Великую депрессию 1930-х годов и современный кризис. Отметим, что последнее событие инициировало всплеск интереса к Кондратьевским циклам в американских исследованиях последних двух лет.

Циклы Кондратьева и развитие СССР послевоенного периода. Что касается поисков циклов Кондратьева в России, то здесь возникает целый ряд проблем.

Во-первых, длинные циклы требуют достаточно длинных временных трендов (желательно, не менее 150 лет). Во-вторых, данные должны быть относительно однородны, сопоставимы между собой в исследуемом временном периоде. В-третьих, в XX в. России сменилось три качественно отличные формации. Причем в течение советского периода страна пережила 20 лет гражданской войны, интервенцию, вторую мировую войну и периоды восстановления народного хозяйства.

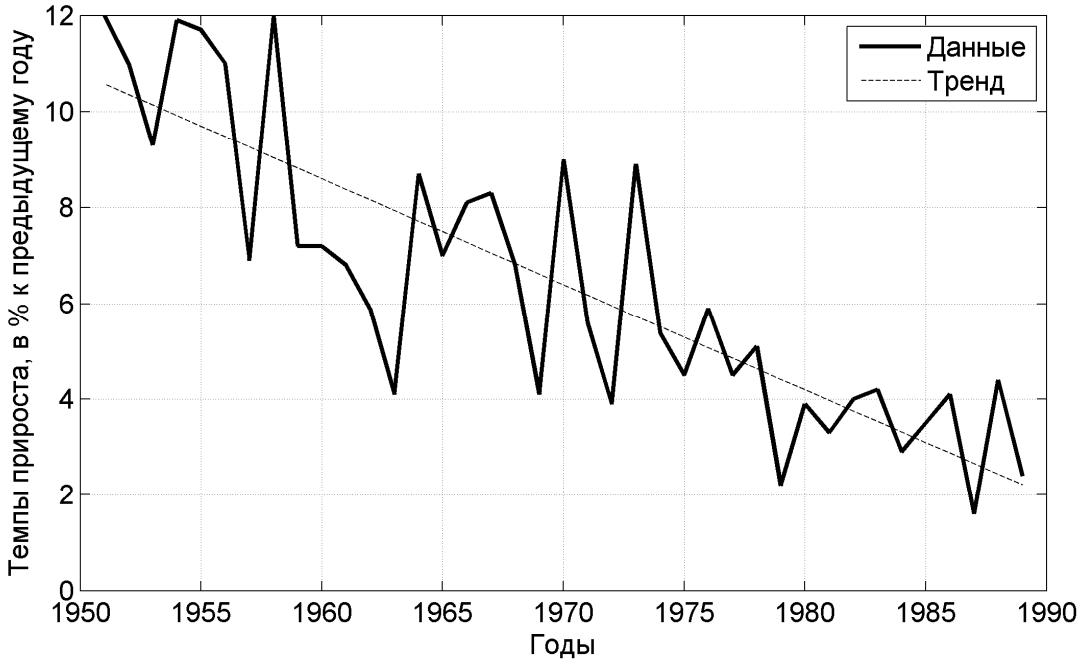

Рис.1. Динамика произведенного национального дохода СССР[18]

Таким образом, относительно стабильный период выделяется где-то с 1950-х гг. Очевидно, что этого отрезка недостаточно для выделения длинных циклов. Соответствие (несоответствие) мирохозяйственных процессов и экономической динамики в СССР возможно только сопоставлением более коротких, частных процессов, то есть, с помощью составляющих циклов Кондратьева. Эти процессы обсуждены в работах [11, 12]. Некоторые частные экономические и институциональные проблемы современности в сопоставлении с общемировыми тенденциями обсуждались в работах [13, 14, 15].

Тем не менее, посмотрим, что можно извлечь из анализа даже относительно короткого временного ряда. Отправной точкой для построения концепций циклов служит неравномерность темпов роста важнейших макроэкономических показателей. Из анализа динамики произведенного

[18] Источники данных [8, 9, 10].

национального дохода СССР[19], представленного на рисунке, явственно видно, что в течение послевоенного периода не наблюдалось отрицательного прироста показателя. Таким образом, говорить о «чистых» циклах не представляется возможным. Отметим, что советологи при применении циклического подхода к исследованию социалистических стран именуют процессы «квазициклическими», либо теориями «циклоподобных колебаний». В результате типичной чертой циклов при социализме является то, что они носят двухфазный характер (ускорение-замедление), а не классическую форму (кризис, депрессия, оживление, подъем). Это первая особенность. Фактически свидетельствует о том, что государственное регулирование в административно-командной системе способно обеспечить рост объемных макроэкономических показателей в длительном периоде.

Вторая особенность заключается в том, что наблюдается существенная амплитуда колебаний роста. Очевидно, что связывать эти колебания с кондратьевскими циклами, учитывающими динамику инноваций, технологических укладов, нецелесообразно. Эти колебания обусловлены внутрисистемными причинами. Скорее всего, здесь нужно искать связь между инвестициями, капитальными вложениями. Возможно, целесообразно исследовать соотношения: темпы роста промышленности и инфраструктуры, динамику доходов на душу населения, соотношение между темпами роста производства средств производства и производства предметов потребления и т.д.

Третья особенность проявляется в нисходящей траектории тренда темпов национального дохода (см. линию тренда на рисунке). Во многом обусловлено восстановительными процессами после Великой отечественной войны.

Четвертая особенность состоит в том, что ожидаемых ярко выраженных пятилетних циклов, связанных с 5-летним характером планирования не прослеживается. Для выявления циклоподобных колебаний целесообразно воспользоваться спектральным анализом. Ожидаемый короткий характер выделяемых циклов диктует целесообразность проведения отдельного исследования.

Подводя итоги, можно отметить следующее.

Циклы Кондратьева весьма затруднительно найти в статистических данных России. Значительная ценность длинных циклов мировой конъюнктуры для познания глубинных процессов, влияющих и определяющих макроэкономическую динамику, свидетельствует о необходимости поиска соответствий (несоответствий) социально-экономических явлений России с мирохозяйственными процессами. Для познания длины и причин колебаний показателей экономического развития России требуются дополнительные исследования

Литература

1. Википедия // Режим доступа http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2_%D0%9D.
2. Макиавелли Н. История Флоренции. М.: Наука, 1981. С.174.
3. Фомина А.В. Циклы Кондратьева в экономике России. М.: Межд. Фонд Кондратьева, 2005. – 146 с.
4. Кондратьев Н.Д Избранные сочинения. Вступ. статьи Л.И. Абалкина. Ю.В Яковца. Отд-ние экономики АН СССР М.: Экономика, 1993.
5. Теоретические основы политэкономии // Режим доступа: http://wm3-web.ru.
6. Цирель С.В. Кондратьевские циклы и эффективность экономической политики // Режим доступа: http://www.econorus.org/consp/files/vix4.doc

[19] Национальный доход – вновь созданная в отраслях материального производства стоимость. Иными словами, это часть валового общественного продукта, остающаяся за минусом потребленных в процессе производства средств производства.

7. Полетаев А.В., Савельева И.М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М.: Наука, 1993.
8. Народное хозяйство СССР: 1922-1972: Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1972. – С.56.
9. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. – С.58.
10. Народное хозяйство СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. – С.8.
11. Скуфьина Т.П. Региональное развитие России в контексте глобальных процессов // Пространственная экономика.– 2007. - № 4. – С.26-39.
12. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Значение развития комплекса «Наука-Образование-Инновации для России и ее северных субъектов // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2008. - №1. – С.5-11.
13. Баранов С.В. О возможностях и некоторых проблемах инновационного развития: региональный аспект // Креативная экономика. – 2009. - №4. – С.81-86. (0,26 п.л.).
14. Залкинд Л.О., Серова Н.А., Дидык В.В. Опыт законодательного регулирования регламентации механизма согласования интересов при реализации инвестиционных проектов // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2006. - №1. - С. 100 – 109.
15. Серова В.А. Особенности формирования транспортно-логистических систем в Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2008.- № 1. - С. 164-169.

References

1. Wikipedia. Access mode: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2_%D0%9D.
2. Machiavelli N. History of Florence. M.: Nauka, 1981. P. 174.
3. Fomina A.V. Kondratiev cycles in the economy of Russia. M.: International Kondratiev foundation, 2005. – 146 p.
4. Kondratiev N.D. Selected works. Introduction by L.I. Abalkin, Yu.V. Yakovets. Department of economics of the USSR Academy of sciences. M.: Ekonomika, 1993.
5. Theoretical bases of political economy // Access mode: http://wm3-web.ru.
6. Tsirel S.V. Kondratiev cycles and efficiency of economic policy // Access mode: http://www.econorus.org/consp/files/vix4.doc
7. Poletaev A.V., Savelieva I.M. Kondratiev cycles and capitalism development. M.: Nauka, 1993.
8. National economy of the USSR: 1922-1972: Jubilee statistical year-book. M.: Finances and Statistics, 1972. – P. 56.
9. National economy of the USSR for 70 years: Jubilee statistical year-book. M.: Finances and Statistics, 1987. – P. 58.
10. National economy of the USSR. M.: Finances and Statistics, 1991. – P. 8.
11. Skufina T.P. Regional development of Russia in the context of global processes // Spatial economy. – 2007. – No.4. – P. 26-39.
12. Baranov S.V., Skufina T.P. Significance of developing the complex “Science – Education – Innovations” for Russia and its northern regions //North and Market: Formation of economic order. – 2008. – No. 1. – P. 5-11.
13. Baranov S.V. On potentialities and some challenges of innovation development : regional aspect // Creative economy. – 2009. – No. 4. – P. 81-86.
14. Zalkind L.O., Serova N.A., Didyk V.V. Practice of legislative regulation of the interests conciliation mechanism when carrying out investment projects // North and Market: Formation of economic order. – 2006. – No. 1. – P. 100-109.

15. Serova V.A. Specificity of forming transport-logistic systems in the Russian Federation // North and Market: Formation of economic order. – 2008. – No. 1. – P. 164-169.

ИНВЕСТИЦИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Чапаргина А.Н.,
аспирант, младший научный сотрудник
отдела формирования финансовой политики северных регионов
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

Аннотация. Одной из ключевых проблем экономики России и ее регионов на современном этапе развития остается проблема привлечения инвестиций. В работе проанализированы инвестиционные процессы в регионах Северо-Западного федерального округа, исследовано состояние основных фондов, определена эффективность реализации инвестиций.

Ключевые слова: инвестиции, экономический рост, основные фонды, износ основных фондов, эффективность реализации инвестиций.

INVESTMENTS AS A FACTOR OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Chapargina A.N.,
Ph.D. student, junior researcher
department of forming financial policy of northern regions
Luzin Institute of economic studies
Kola Science Centre of RAS

Abstract. At present one of the key problems of the economy of Russia and its regions is attracting investments. The work analyses investment processes in regions of the North-western federal okrug, the fixed assets condition is studied, efficiency of the investments realization is identified.

Key words**:** investments, economic growth, fixed assets, tear and wear of fixed assets, efficiency of investment realization.

Одним из важнейших инструментов экономического развития России и ее регионов являются инвестиции в экономику, позволяющие обновлять материально-техническую базу производства, расширять его объемы, совершенствовать структуру, переходить на новые технологии. Инвестиции служат неотъемлемым условием экономического роста, его движущим ключевым фактором.

В системе воспроизводства инвестициям принадлежит важнейшая роль в сфере возобновления и увеличения производственных ресурсов, а, следовательно, и обеспечении определенных темпов экономического роста [1]. Рост инвестиций в основной капитал в отечественной экономике наблюдается с начала 2000-х годов, что отражает процессы, происходившие в этот период. Именно в начале этого столетия в российской экономике начинается процесс стабилизации и постепенный подъем практически во всех сферах хозяйственной жизни. Это явилось одновременно и причиной, и следствием роста инвестиций в основной капитал и активизации инвестиционной деятельности в целом. При

этом развитие инвестиционных процессов в разрезе отдельных регионов имеет свои особенности. В данном исследовании проведен анализ инвестиционных процессов в регионах Северо-Западного федерального округа (СЗФО).

Положительная динамика роста инвестиций в основной капитал практически в течение всего исследуемого периода проявлялась в таких регионах СЗФО как Карелия, Коми, Архангельская область, Калининградская область и г.Санкт-Петербург (табл.1). В остальных регионах округа наблюдалось незначительное снижение объемов инвестиций в основной капитал в отдельные годы. Значительно более масштабны инвестиции в основной капитал по сравнению с другими регионами СЗФО в г. Санкт-Петербурге, а также в Ленинградской и Архангельской области. Минимальными объемами инвестиций в основной капитал в течение всего исследуемого периода обладал депрессивный регион, входящий в состав округа, - Псковская область.

В кризисный 2008 год наиболее высокими темпами инвестиции в основной капитал росли в Мурманской области, где индекс физического объема инвестиций в основной капитал составил 153,3% по сравнению с предыдущим годом. После кризисных явлений в экономике резкий спад объемов инвестиций можно наблюдать как в целом по стране, так и в регионах СЗФО. Исключение составляет республика Коми, в которой существенный рост инвестиций в основной капитал в 2009 году связан с реализацией таких крупных инвестиционных проектов, как: «СТЕП» (ОАО «Монди СЛПК»), строительство газопровода Бованенкого–Ухта (ОАО «Газпром») и строительство комплекса по подготовке и переработки нефти и газа (ООО «Енисей») [3].

Таблица 1

Индекс физического объема инвестиций в основной капитал
(в постоянных ценах; в процентах к предыдущему году)

	2000	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
РФ	117,4	110,0	102,8	112,5	113,7	110,9	116,7	122,7	109,9	83,8
СЗФО	107,0	131,4	105,2	129,0	112,0	115,3	122,3	113,2	106,0	81,3
Республика Карелия	160,6	124,1	106,3	96,3	123,0	100,6	112,7	93,0	122,6	68,1
Республика Коми	183,4	109,2	90,6	103,0	121,8	131,4	134,9	75,2	113,9	123,5
Архангельская область	167,8	122,7	140,0	108,7	102,8	124,9	167,7	129,2	95,2	44,3
в т.ч. Ненецкий АО	в5,8р	164,3	179,6	102,6	83,9	121,0	в2,3р	156,4	80,1	36,4
Вологодская область	97,9	119,5	122,3	116,5	в2,1р	131,5	100,5	103,8	85,9	71,1
Калининградская область	164,5	103,1	122,2	155,5	122,7	130,5	92,4	122,9	134,3	69,8
Ленинградская область	111,8	151,8	75,8	153,9	121,0	102,4	134,9	86,6	111,0	107,1
Мурманская область	125,0	130,3	83,1	119,1	104,6	120,8	112,4	98,3	153,3	80,9
Новгородская область	86,6	146,9	58,1	159,0	87,5	147,3	126,3	110,2	122,9	101,7
Псковская область	117,7	110,8	96,3	154,1	93,3	83,4	125,8	155,6	102,6	74,9
г. Санкт-Петербург	80,2	143,2	125,8	135,5	93,6	107,1	113,7	141,9	101,5	78,6

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2010. –С. 936

Также на современном этапе в регионах СЗФО высока региональная дифференциация по показателю инвестиции в основной капитал на душу населения. Отметим, что Ненецкий автономный округ, входящий в состав СЗФО, по этому показателю занимает первое место среди всех регионов Российской Федерации. Кроме этого в состав округа входят два региона, в которых в расчёте на душу населения объём инвестиций в основной капитал за 2009 год превышает среднероссийский показатель практически в 2 раза. Это республика Коми и Ленинградская область (табл.2)

Таблица 2

Объемы инвестиций в основной капитал на душу населения
(в фактически действовавших ценах; руб.)

	2000	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
РФ	7949	10308	12129	15124	19921	25232	33196	47259	61861	55883
СЗФО	8180	11893	14211	20530	26090	35327	47926	61549	77192	67752
Республика	8737	11531	12794	14024	19467	21819	26003	27683	37925	27239

Карелия										
Республика Коми	16278	20937	21568	25148	34444	50881	75697	64881	86838	113484
Архангельская область	7589	11115	17748	21602	24905	36758	68762	102382	114938	52455
в т.ч. Ненецкий АО	93146	170906	342760	411043	391310	535265	1193349	2171944	2072878	816665
Вологодская область	6635	8044	10940	14487	34473	48881	53671	64644	64272	45628
Калининградская область	4771	6004	8107	14392	20844	31789	34727	49278	75542	57131
Ленинградская область	11429	19250	16895	29879	41391	50266	77528	77220	101746	118502
Мурманская область	7714	11678	11112	14897	16893	23043	28416	31515	55326	49207
Новгородская область	6673	11275	7191	13058	12965	20898	28654	36516	52270	57517
Псковская область	3106	3597	4104	7457	7957	7592	10575	19284	23503	18596
г. Санкт-Петербург	7590	11309	16275	24067	25534	34171	42327	66406	81452	70727

Источник: Регионы России. Социально - экономические показатели, 2010. –С.934

По показателю доля инвестиций в ВРП, который является индикатором инвестиционной активности, регионы также сильно отличаются друг от друга. Максимальной долей инвестиций в ВРП в среднем за исследуемый период обладает Ленинградская и Архангельская области, а также входящий в состав Архангельской области Ненецкий автономный округ. Минимальное значение этого показателя характерно для Мурманской и Псковской областей. В этих регионах доля инвестиций в структуре ВРП составляла в среднем за исследуемый период 15,6 и 16,8 % соответственно (табл.3). Одним из факторов, объясняющих крайне низкие показатели инвестиционного состояния Мурманской области, может быть практически полное отсутствие инвестиций в строительство, особенно в жилищное [2].

В целом в России начиная с 2005 г. наблюдалась тенденция постепенного увеличения доли инвестиций в ВВП, сохранившаяся и в период кризиса. В разрезе регионов СЗФО в 2008 году противоположной тенденцией (сокращением) характеризовались 3 северных региона, а именно Архангельская и Вологодская области, Ненецкий автономный округ, и северная столица – г.Санкт-Петербург. Причиной этому послужило более резкое снижение темпов роста инвестиций в основной капитал в этих регионах по сравнению со снижением темпов роста ВРП. Остальным регионам округа была присуща общероссийская тенденция увеличения доли инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте (табл.3).

Таблица 3

Удельный вес инвестиций в основной капитал в ВРП,%

	2000	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**среднее**
РФ	20,25	20,98	20,16	20,35	20,52	20,02	21,03	24,02	25,54	21,43
Республика Карелия	22,67	24,80	22,22	21,43	25,46	19,81	21,47	18,31	19,41	21,73
Республика Коми	28,75	27,72	25,64	23,73	26,20	29,43	33,95	26,14	27,80	27,71
Архангельская область	16,94	22,47	28,63	27,54	22,91	28,67	40,94	48,63	44,13	31,21
в т.ч. Ненецкий АО	32,11	58,82	85,89	68,61	41,41	50,24	74,49	93,21	82,87	65,30
Вологодская область	12,42	15,79	17,25	16,99	26,71	31,26	32,73	32,55	24,22	23,32
Калининградская область	19,63	17,76	19,29	29,30	29,67	36,61	31,60	32,09	36,89	28,09
Ленинградская область	34,36	42,54	29,78	41,00	41,19	40,34	47,96	40,87	42,01	40,00
Мурманская область	13,04	18,55	14,58	16,35	11,85	15,07	15,47	14,05	21,11	15,56

Новгородская область	22,74	28,93	15,92	23,57	17,86	21,92	25,30	27,60	28,33	23,57
Псковская область	15,12	14,37	13,01	19,04	16,49	13,67	14,77	22,22	22,32	16,78
г. Санкт-Петербург	19,07	21,13	22,59	27,26	21,71	23,54	23,47	27,10	25,83	23,52

Источник: Рассчитано по данным Регионы России. Социально - экономические показатели, 2010. – С.359, 932.

В мировой и отечественной практике оценка уровня экономического развития региона производится с помощью макроэкономического индикатора – валового регионального продукта, характеризующего в обобщенном виде состояние и развитие экономики региона [4]. Анализ сопоставления темпов роста инвестиций в основной капитал и темпов роста ВРП показал, что темпы роста инвестиций не опережали темп роста ВРП стабильно в течение всего периода ни в одном регионе СЗФО. Например, в 2008 году в 6 из 11 регионов СЗФО, а именно в Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Псковской областях, Ненецком автономном округе и г.Санкт-Петербурге, темп роста ВРП превосходил темп роста инвестиций в основной капитал. Взаимосвязь между указанными выше показателями представлена на рисунке 1.

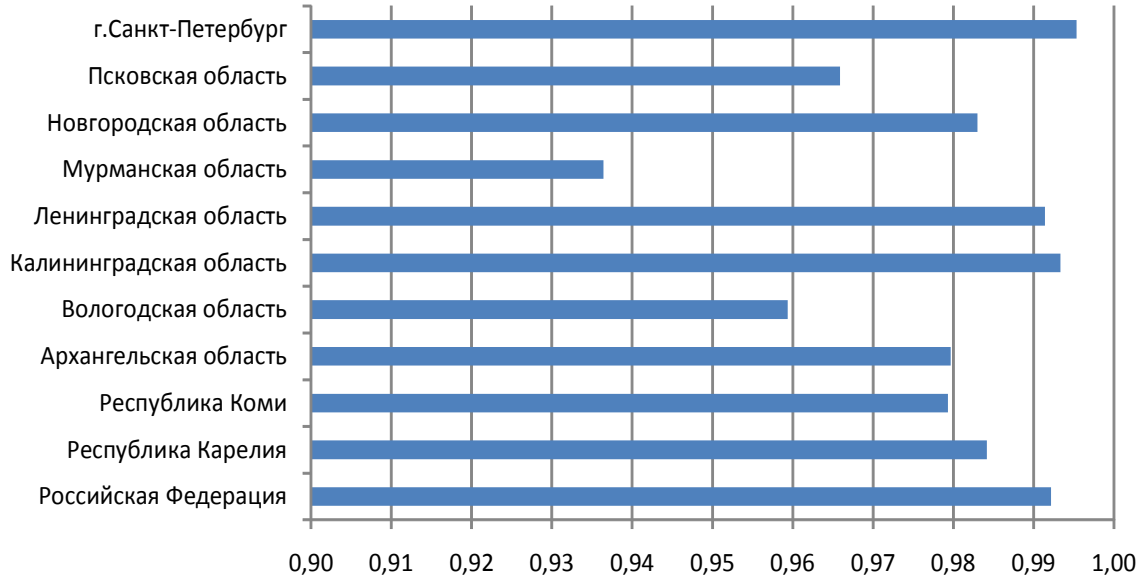

Рис.1 Корреляционная зависимость между ВРП на душу населения и инвестициями в основной капитал на душу населения (2000-2008г.г.)

Для России в целом и для регионов Северо-Западного федерального округа характерна четко выраженная положительная корреляционная зависимость между данными показателями. Другими словами, экономический рост создает предпосылки для развития инвестиционных процессов, а рост инвестиционного потенциала, в свою очередь, способствует экономическому росту. Таким образом, эти два процесса взаимосвязаны между собой и находятся в прямо пропорциональной зависимости. В настоящее время для увеличения темпа экономического роста необходима интенсификация инвестиционной активности во всех регионах СЗФО, то есть темп роста инвестиций в основной капитал должен значительно опережать темп роста реального ВРП.

Несмотря на повсеместный рост объемов инвестиций в основной капитал, их недостаточно для обеспечения стабильного экономического роста в регионах и в стране в целом. Подтверждением этому служит анализ показателей, связанных с техническим состоянием производственного аппарата. Одной из наиболее острых проблем для России и ее регионов остается проблема обновления основных фондов. По материалам выборочных обследований инвестиционной активности организаций страны в 2009 году, на это указало 64% общего числа организаций страны (табл.4).

Таблица 4

Распределение организаций РФ по оценке целей инвестирования в основной капитал, %

Цели инвестирования в основной капитал	2005	2006	2007	2008	2009
увеличение производственной мощности с неизменной номенклатурой продукции	28	31	27	29	29
увеличение производственной мощности с расширением номенклатуры продукции	38	36	39	39	27
автоматизация или механизация существующего производственного процесса	51	51	53	51	45
внедрение новых производственных технологий	46	47	44	42	33
снижение себестоимости продукции	49	46	48	46	39
экономия энергоресурсов	49	44	48	43	35
замена изношенной техники и оборудования	73	72	73	70	64
создание новых рабочих мест	25	21	21	22	16
охрана окружающей среды	50	50	49	46	36

Источник: Российская экономика в 2009 году. Тенденции и перспективы. (Выпуск 31). – Москва: Проспект, ИЭПП, 2010.- С.287

В целом по стране коэффициент износа основных фондов в течение исследуемого периода превосходил 42% (табл.5). В мировой практике принятая пороговая величина степени износа основных фондов (порог предкризисной ситуации) составляет 50%, а фактически имеющая место – 25% [5]. В настоящее время среди регионов СЗФО наиболее сильно устарели основные фонды в республике Коми. Степень их износа на начало 2009г. составила 59,4%. Повышенным износом отличаются фонды республики Карелии, Архангельской, Мурманской и Псковской областей. В 2008 году произошло сокращение практически в 2 раза степени износа основных фондов в Ненецком автономном округе. Возможно, это обусловлено тем, что ввод в действие основных фондов по этому округу в 2008 году был в 5,7 раз больше чем в предыдущем (табл.5).

Таблица 5

Степень износа основных фондов,
(на начало года; в процентах)

	2000	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
РФ	42,4	45,8	47,9	49,5	43,7	45,1	44,1	45,9	46,3	45,3
СЗФО	42,2	43,7	45,4	50,3	41,6	42,6	41,5	44,4	44,9	44,5
Республика Карелия	40,5	40,7	44,1	45,9	28,6	29,5	26,0	45,0	46,0	46,4
Республика Коми	32,8	38,2	41,6	53,3	48,5	48,6	49,4	58,9	59,1	59,4
Архангельская область	47,6	52,2	47,9	57,8	46,8	46,5	44,0	47,6	47,1	42,0
в т.ч. Ненецкий АО	35,4	39,8	40,5	36,8	34,2	35,4	38,3	39,6	36,9	19,7
Вологодская область	41,6	43,6	43,2	51,0	44,5	52,8	50,1	38,3	38,9	39,9
Калининградская область	45,3	46,9	48,1	49,3	41,4	34,4	31,5	43,7	44,9	43,1
Ленинградская область	40,9	40,5	41,7	42,6	37,1	37,0	36,3	39,3	39,3	39,2
Мурманская область	41,5	43,3	46,2	49,1	40,6	42,3	42,9	46,3	47,3	46,6
Новгородская область	48,1	50,0	51,8	53,2	40,5	39,9	40,2	45,4	44,3	44,9
Псковская область	39,1	43,3	45,8	51,0	32,6	36,0	37,9	48,3	49,1	48,7
г. Санкт-Петербург	46,0	44,3	47,0	49,8	40,8	41,1	39,8	39,5	40,4	40,8

Источник: Регионы России. Социально - экономические показатели, 2010. –С.391

Таким образом, объемы инвестиций в регионах СЗФО далеко не достаточны, не только для обновления основных фондов, но и для поддержания их текущего состояния. Они не возмещают даже восстановления физического износа основных средств. Не говоря уже о

том, что в условиях возрастающей конкуренции возникает необходимость более быстрой замены оборудования, которое до наступления физического износа может устареть морально, что также влечёт за собой необходимость привлечения дополнительных средств в виде инвестиций.

Отставание темпов ввода в действие основных фондов от темпов инвестиций в основной капитал свидетельствует о снижении эффективности реального инвестиционного процесса. Одним из обобщающих показателей, характеризующих эффективность использования инвестиций в основной капитал, является показатель реализации инвестиций. Он рассчитывается как отношение ввода в действие основных фондов к объему инвестиций в основной капитал [1].

Значения указанного показателя в стране и в регионах СЗФО представлены в таблице 6. В последние два года исследуемого периода высокую эффективность реализации инвестиций (показатель больше единицы) продемонстрировали 2 северных региона: Архангельская область и Ненецкий автономный округ. Также об эффективности инвестиционных процессов на территории этих регионов можно говорить на основании значительного сокращения степени износа основных фондов в период 2000-2009 г.г. Кроме этого, Архангельская область и Ненецкий автономный округ обладали высокой долей инвестиций в ВРП.

Таблица 6

Показатель реализации инвестиций в регионах СЗФО

	2004	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
РФ	0,69	0,82	0,69	0,64	0,65	0,80
Республика Карелия	0,79	0,77	1,06	0,84	0,67	0,80
Республика Коми	0,78	0,58	0,72	1,08	0,60	0,62
Архангельская область	0,42	0,77	0,52	0,53	1,17	1,64
в т.ч. Ненецкий АО	0,20	0,86	0,31	0,26	1,52	1,78
Вологодская область	0,46	0,55	0,74	0,87	0,86	1,14
Калининградская область	0,69	0,76	0,58	0,52	0,64	0,83
Ленинградская область	0,45	0,56	0,35	0,61	0,53	0,59
Мурманская область	0,75	0,89	0,71	0,98	0,79	0,72
Новгородская область	1,30	0,61	0,95	0,68	0,59	0,72
Псковская область	0,68	0,87	0,83	0,64	0,79	0,91
г. Санкт-Петербург	0,66	0,56	0,53	0,51	0,52	0,66

Источник: Рассчитано по данным Регионы России. Социально - экономические показатели, 2010. – С. 932.; Росстат –Электронный ресурс – [Режим доступа]: http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi

В 2009 году показатель реализации инвестиций принял значение больше единицы также в Вологодской области. Это связано, прежде всего, с резким сокращением объемов инвестиций в основной капитал региона, а не с увеличением объемов ввода в действие основных фондов. Отметим, что Вологодская область – единственный регион СЗФО, характеризующийся стабильным увеличением показателя реализации инвестиций начиная с 2004 года, при одновременном сокращении степени износа основных фондов (исключение 2009г.).

Анализ показателя реализации инвестиций в остальных регионах СЗФО показал, что в большинстве из них ситуация характеризовалась крайней неустойчивостью со значительными колебаниями роста (спада) показателя в период 2004-2009 г.г.

Неоднозначная ситуация возникла в г.Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Эти регионы, имея максимальные объемы инвестиций по округу, характеризуются одними из самых низких значений показателя реализации инвестиций и практически не меняющейся высокой степенью износа основных фондов. В данных регионах темп ввода в действие основных фондов значительно отстает от темпов инвестиций в основной капитал. В свою очередь, остающееся недостаточным поступление новых основных фондов сдерживает замену устаревших, изношенных фондов в различных сферах экономики региона.

Косвенно оценить эффективность и достаточность инвестиций в регионах можно с помощью анализа корреляционной зависимости между показателем реализации инвестиций и степенью износа основных фондов. Между этими показателями в случае эффективного реального инвестиционного процесса в регионе должна быть тесная обратная зависимость.

Так, регион СЗФО - Ненецкий автономный округ - с высоким показателем реализации инвестиций и достаточно низкой степенью износа основных фондов имеет отрицательную корреляционную зависимость (-0,11). Только четыре региона СЗФО составляют исключение: имеют положительную корреляционную связь между показателями, что, кстати, соответствует общероссийской ситуации. К ним относятся республика Коми, Ленинградская, Мурманская области и г.Санкт-Петербург. Можно предположить, что в этих регионах инвестиций хватает только на поддержание текущего состояния основных фондов, а для обеспечения эффективного процесса обновления их все-таки недостаточно.

Все регионы СЗФО имеют низкие объемы ликвидации устаревших основных фондов. В последние годы в них сложилась следующая неблагоприятная тенденция, которая соответствовала общероссийской, - замедляется выбытие устаревших основных фондов. Низкие объемы ликвидации устаревших основных фондов влияют на возрастную структуру имеющихся основных фондов. В республиках Карелии и Коми, Вологодской, Ленинградской области и г.Санкт-Петербурге ситуацию усугубляет замедление ввода новых фондов. Это очень опасная точка, за пределами которой могут возникнуть скачки резкого возрастания выбытия по отношению к вводу. Улучшение ситуации по данному вопросу можно отметить только в Архангельской области и Ненецком автономном округе, где доля вновь введенных основных фондов в общей балансовой стоимости основных фондов в 2008 году составила 49,2% и 78,8% соответственно.

Итак, с одной стороны, можно отметить положительную динамику инвестиционных процессов в России и регионах СЗФО, а с другой стороны, современный рост капиталовложений является лишь своего рода компенсацией за прошлые недоинвестированные периоды развития России в целом, и в регионах в частности. Сегодняшние темпы ввода новых фондов пока еще не оказывают должного влияния на

показатель износа фондов, который до сих пор в регионах остается на довольно высоком уровне. Основные производственные фонды во всех регионах сильно устарели и требуют ускоренного обновления. Наличие физически и морально изношенных основных фондов приводит к неэффективности их использования, а недостаточные темпы их обновления сдерживают процесс модернизации экономики, внедрение современных технологий и инноваций, производство конкурентоспособной и высококачественной продукции.

Таким образом, инвестиции выступают одним из факторов экономического роста, но для обеспечения сбалансированного экономического роста в регионах необходимо активизировать инвестиционную деятельность, прежде всего, путем привлечения дополнительных инвестиционных ресурсов в экономику региона, а также за счет организации механизма их эффективного использования.

Литература:

1. Губанова Е.С. Инвестиционная деятельность в регионе. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2002. – 137 с.
2. Залкинд Л.О., Серова Н.А. Анализ инвестиционных процессов в регионах Севера России. // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2009. - №1. С. 101-104
3. Инвестиционный климат Республики Коми. Режим доступа: http://www.spb-venchur.ru/regions/12/climaterk.htm
4. Макроэкономическая динамика северных регионов России / Под ред. Гаджиев Ю.А. и др. – Сыктывкар, 2009.- 336 с. (Коми научный центр УрО РАН)
5. Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятия, личность)/ Под ред. Е.А. Олейникова. – М.: ЗАО Бизнес – школа «Интел-Синтез», 1997. – 288с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 996 с.

References

1. Gubanova E.S. Investment activities in the region. – Vologda: VNKC TSEMI RAN, 2002.
2. Zalkind L.O., Serova N.A. Analysis of investment processes in regions of the Russian North // North and Market: Formation of economic order. – 2009. – No. 1. P. 101-104.
3. Investment climate of the Komi Republic. Access mode: http://www.spb-venchur.ru/regions/12/climaterk.htm
4. Macroeconomic dynamics of northern regions of Russia / Edited by Yu. A. Gadzhiev et al. – Syktyvkar, 2009. – 336 p. (Komi Science Centre of the Ural Department of RAS)
5. Bases of economic security (state, region, enterprise, person) / Edited by E.A. Oleinikova. – Moscow: ZAO Business-school “Intel-sintez”, 1997. – 288 p.
6. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2010: Statistical collection/Rosstat. – Moscow, 2010. – 996 p.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ[20]

Баранов С.В.
кандидат физико-математических наук,
старший научный сотрудник отдела регионального и муниципального управления на Севере РФ

[20] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Информационно-коммуникационные технологии в региональном пространстве и их влияние на социальное и экономическое развитие субъектов РФ», проект №11-06-00110-а.

Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

Аннотация. Ставится проблема исследования соотношения уровня жизни и эффективности региональной экономики. Обосновывается целесообразность поиска зависимости между уровнем жизни работающего населения региона и количеством добавленной стоимости, произведенной в регионе. Зависимости рассматривались на трех региональных группах: регионы всей России, регионы Севера, регионы несеверной части России. Выявлены особенности и характер зависимостей в этих группах.

Ключевые слова: регионы, уровень жизни работающего населения, валовой региональный продукт.

LIVING STANDARD AND EFFICIENCY OF REGIONAL ECONOMY

Baranov S.V.
Ph.D. (Physics and mathematics)
senior researcher of department of regional and municipal government in the RF North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

Abstract: The issue of studying correlation between living standard and efficiency of regional economy is raised. Expediency of searching for dependency between living standard of working population of the region and amount of value added produced in the region is substantiated. The dependencies were considered in three regional groups: regions of Russia as a whole, regions of the North, and regions of not northern part of Russia. Specificity and nature of dependencies in these groups are revealed.

Key words: regions, living standard of working population, gross regional product.

Согласно достаточно распространенному убеждению, наблюдается зависимость между развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и добавленной стоимостью, создаваемой в регионе. Кроме того, считается, что существует определенная зависимость между уровнем жизни населения и развитием ИКТ. Одной из задач проекта ««Информационно-коммуникационные технологии в региональном пространстве и их влияние на социальное и экономическое развитие субъектов РФ» является определение действительных факторов зависимости развития экономики и социальной сферы регионального пространства от ИКТ или факт отсутствия такой зависимости. В этой связи целесообразно осветить следующий аспект – а влияют ли экономические результаты деятельности региона на базовые социально значимые показатели? Ответ на этот вопрос будет определять построение методологии анализа развития ИКТ в региональном пространстве и оценки их влияния на социальное и экономическое развитие субъектов РФ.

Вопросам зависимости уровня жизни населения от результатов экономической деятельности в последние годы уделяется много внимания. Особенно остро обсуждается на региональном уровне. Это связано с двумя факторами. Во-первых, масштабными изменениями системы хозяйственных, политических, финансовых отношений внутри- и внешнерегионального уровней последних лет. Эти трансформации закономерно привели к существенным изменениям динамики социально-экономических индикаторов [1, 2], системы договорных отношений [3, 4]. Во-вторых, недостаточным теоретическим обоснованием этих видоизменений. Во многом обусловлено изначальным конфликтом двух функций государства - функцией гаранта социальной

справедливости, рассчитанной на необходимость преодоления региональной асимметрии, по крайней мере, по базовым социальным характеристикам, и функцией экономической эффективности принимаемых решений, предполагающей ориентацию усилий и ресурсов на формирование конкурентоспособных регионов [подробнее см.: 5].

Объект исследования и использованные данные. При характеристике проблемы зависимости уровня жизни от результатов хозяйственной деятельности возникает вопрос – какие показатели способны наиболее емко и плодотворно ее описать? Чаще всего в региональных исследованиях подобного рода используются показатели, характеризующие уровень жизни всего населения региона. Но правильно ли это? Разве добавленная стоимость не создается преимущественно работающей частью населения?

На взгляд автора, проблема заключается в том, что термин «социальная справедливость» нередко смешивают с понятием «социальное равенство»[21]. Под социальной справедливостью понимается соответствие между ролью человека в жизни общества его социальным позициям, трудом и вознаграждением за труд. Л.Абалкин подчеркивает, что главный ориентир социальной политики на современном этапе – всемерное стимулирование экономической активности, формирование предпосылок, при которых каждый человек сможет своим трудом, энергией, инициативой и талантом обеспечивать достаточные условия жизни для себя и своей семьи. В этом ориентире соединяются и требования социальной справедливости, и требования эффективности.

Полагаем, такая трактовка может употребляться и для выделения ориентиров региональной политики. В таком контексте вопрос уровня жизни можно поставить следующим образом – зависит ли уровень жизни работающего человека от результатов функционирования экономики региона?

При исследовании зависимости уровня жизни работающего населения региона от количества добавленной стоимости, производимой в регионе были использованы следующие данные Федеральной службы государственной статистики за период с 2002 по 2008 гг.:

- ВРП регионов (млн. руб.) [8];
- среднегодовая численность занятых в экономике (чел.) [9];
- стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг для проведения межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения за декабрь (руб) [10];
- среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (руб) [11].

За уровень жизни работающего населения региона было принято отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к стоимости фиксированного набора товаров и услуг. Данные показатель фактически характеризует покупательную способность среднестатистического работающего человека в том или ином регионе. Добавленную стоимость, производимую регионом естественно характеризовать отношением ВРП к среднегодовой численности занятых в экономике.

Для выявления закономерностей регионы были разделены на три региональные группы: вся РФ, зона Севера и РФ без зоны Севера. Согласно материалам Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов [7], к зоне Севера относятся 11 регионов: Республика

---

[21] Социальное равенство характеризуют как гуманистическую ценность, как религиозный принцип (так называемое, онтологическое равенство, то есть, равенство перед богом), как принцип революционного зарождения и развития буржуазного общества (предполагает равенство всех граждан перед законом в плане равенства гражданских свобод и формально равных возможностей преуспеть), как цель развития общества (теория классов Маркса, социал-демократические теории (демократический, этический, кооперативный социализм и т.д.), теории "социального государства"). Но, несмотря на многообразие идей, окружающих термин, «социальное равенство» в целом обозначает «одинаковое социальное положение людей, принадлежащих к различным социальным классам и группам» [6]. Очевидно, что на современном этапе исходить из такой предпосылки нецелесообразно.

Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Мурманская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Тыва, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область. Остальные субъекты РФ отнесены в исследовании к РФ без зоны Севера.

Результаты исследования. На рисунках 1-3 показаны зависимости отношения среднемесячной номинальной начисленной зарплаты к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг и отношения ВРП к среднегодовой численности занятых в экономике региона за 2002, 2004 и 2006 гг. В остальные годы характер зависимости такой же.

Характер зависимости на рисунках 1 – 3 не равномерный. Из года в год из общей массы выделяются несколько регионов с большим ВРП и более высоким уровнем жизни. Эти регионы пронумерованы на рисунках 1-3, а их номера расшифрованы в таблице 1. Ежегодно по всей РФ и зоне Севера выделяются нефтегазовые регионы (Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Ненецкий АО). По всей РФ и несеверной части – г. Москва и Тюменская область, в состав которой входят Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО.

Можно констатировать, что в период с 2002-2008 гг. имелась четкая зависимость между уровнем жизни работающего населения и ВРП региона в рассматриваемых региональных группах. Степень этой зависимости можно охарактеризовать коэффициентом детерминации (рис. 4). Для всей РФ и РФ без зоны Севера имеется тенденция к снижению зависимости уровня жизни работающего населения и ВРП. Для всей РФ коэффициенты детерминации менялись от 0,83 в 2002 и 2003 гг. до 0,73 в 2008 г. Для РФ без зоны Севера от 0,79 в 2003 до 0,72 в 2008 г. Как для всей РФ, так и для несеверных территорий минимальное значение коэффициента детерминации приходится на 2008 г.

Иная картина наблюдается по регионам, отнесенным к зоне Севера (рис. 4). Минимальное значение (0,71) приходится на 2004 г., а максимальное (0,87) – на 2002 г. В отличие от всей РФ и несеверной части тенденция отсутствует.

Таким образом, по всей РФ, зоне Севера и несеверной части уровень жизни работающего населения зависит более чем на 70% от ВРП на душу производимого в регионе.

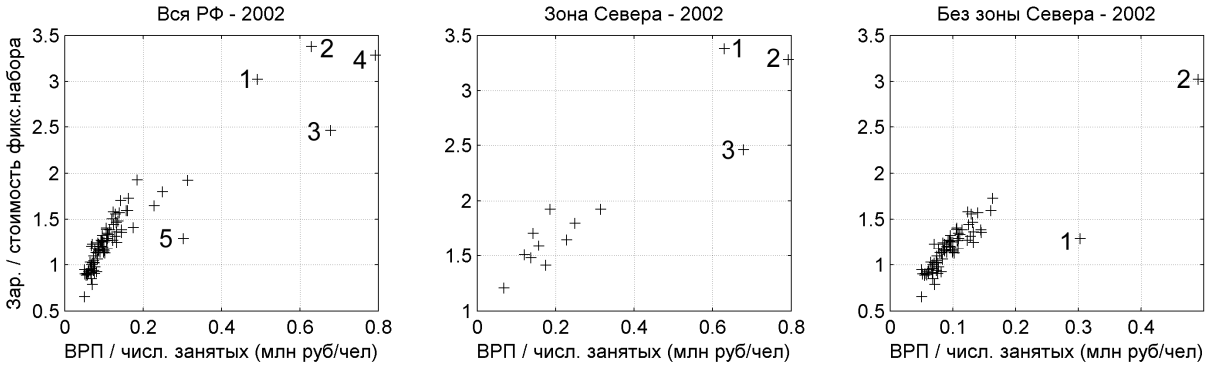

Рис. 1. Зависимость отношения ВРП к среднегодовой численности занятых в экономике и отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг для всей РФ, зоны Севера и РФ без зоны Севера за 2002 г. Номера регионов расшифрованы в таблице 1.

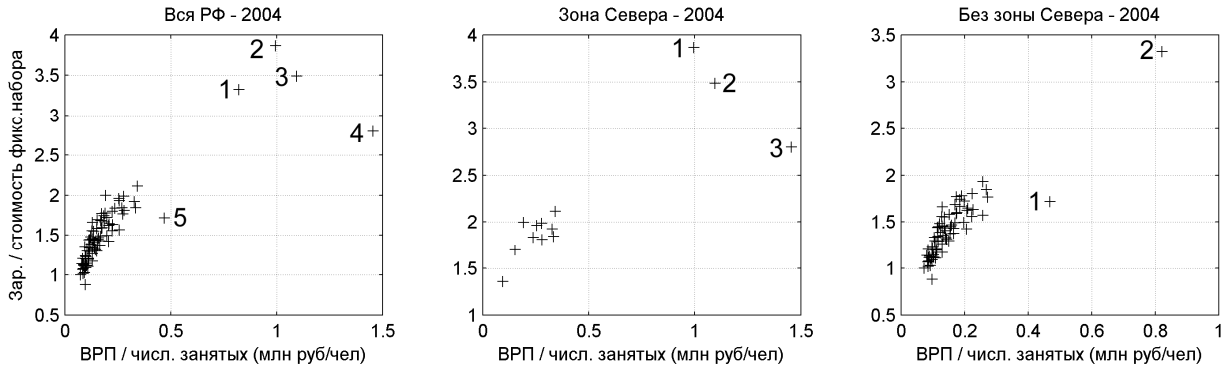

Рис. 2. Зависимость отношения ВРП к среднегодовой численности занятых в экономике и отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг для всей РФ, зоны Севера и РФ без зоны Севера за 2004 г. Номера регионов расшифрованы в таблице 1.

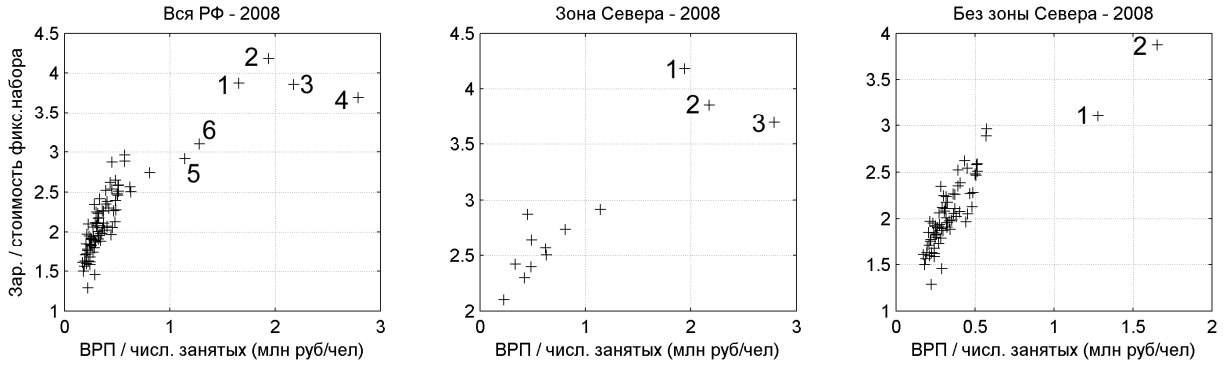

Рис. 3. Зависимость отношения ВРП к среднегодовой численности занятых в экономике и отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг для всей РФ, зоны Севера и РФ без зоны Севера за 2008 г. Номера регионов расшифрованы в таблице 1.

Таблица 1

Регионы, обозначенные на рисунках 1-3.

	Вся РФ	Зона Севера	РФ без зоны Севера
2002	Тюменская обл. (1) Ханты-Мансийский АО (2) Ненецкий АО (3) Ямало-Ненецкий АО (4) Москва (5)	Ханты-Мансийский АО (1) Ямало-Ненецкий АО (2) Ненецкий АО (3)	Москва (1) Тюменская обл. (2)
2004	Тюменская обл. (1) Ямало-Ненецкий АО (2) Ханты-Мансийский АО (3) Ненецкий АО (4) Москва (5)	Ямало-Ненецкий АО (1) Ханты-Мансийский АО (2) Ненецкий АО (3)	Москва (1) Тюменская обл. (2)
2008	Тюменская обл. (1) Ямало-Ненецкий АО (2) Ханты-Мансийский АО (3) Ненецкий АО (4) Сахалинская обл. (5) Москва(6)	Ямало-Ненецкий АО (1) Ханты-Мансийский АО (2) Ненецкий АО (3)	Москва (1) Тюменская обл. (2)

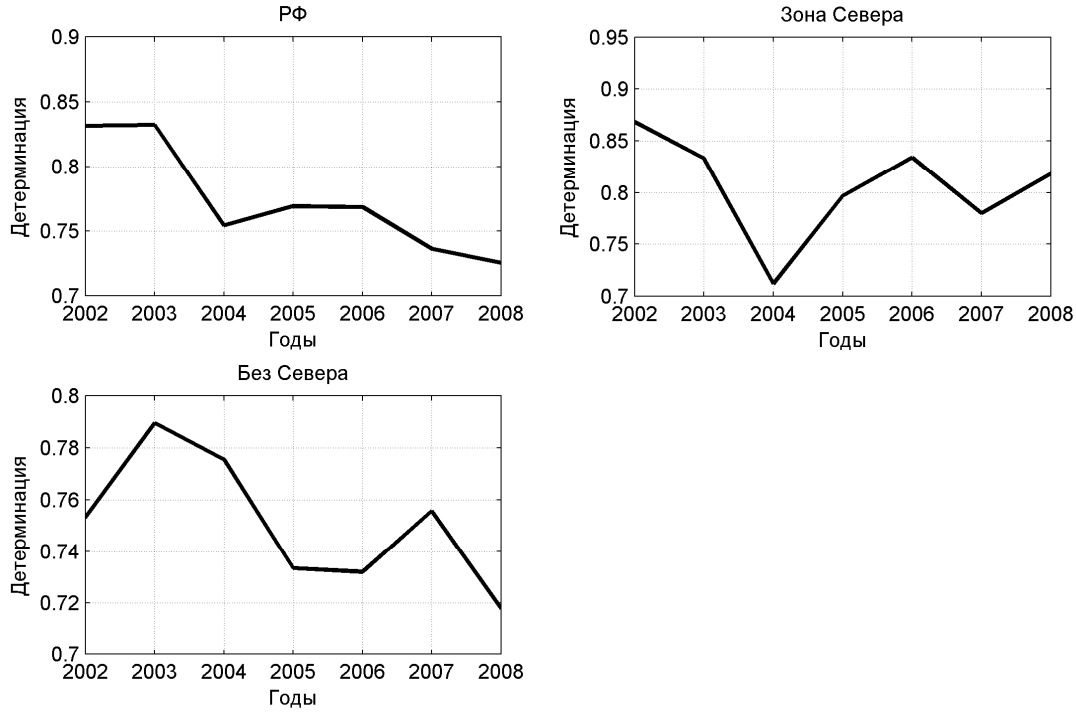

Рис. 4. Коэффициент детерминации, рассчитанный для отношения ВРП к среднегодовой численности занятых в экономике и отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг для всей РФ, зоны Севера и РФ без зоны Севера за 2002-2008 гг.

Подводя итоги, можно констатировать, что имеется зависимость уровня жизни занятого населения от производимой им добавленной стоимости в рассматриваемых региональных группах. Выявленный факт следует считать безусловно позитивным.

Литература

1. Баранов С.В. Статистическая оценка асимметричности экономического развития Севера и несеверной части РФ // Вопросы статистики. - 2010. - №4. – С.44-49.
2. Скуфьина Т.П., Самарина В.П. Особенности социально-экономического развития областей Центрального Черноземья // Федерализм. - 2008.- № 1. - С.55 - 67.
3. Самарина В.П. Ключевые элементы региональной политики взаимодействия государства и бизнеса // Север и рынок: Формирование экономического порядка. - 2007.- № 1 (18) - С. 28 – 34.
4. Зерщикова Н.И. Правовые проблемы использования природных ресурсов Арктического шельфа» // Север и рынок. Формирование экономического порядка. – 2009 - №3. – С. 165-169.
5. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Анализ и регулирование развития региональных социально-экономических систем (на примере Севера России) / Монография. – Апатиты: изд. Кольского научного центра РАН, 2007. – С. 32-39.
6. Словарь терминов. Социология. // Режим доступа: http://www.slovarik.info/sociology/128/56152.html
7. Сайт Совета Федерации по делам Севера и малочисленным народам // Режим доступа: http://severcom.ru
8. Сайт федеральной службы государственной статистики. ВРП // Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/11-01.htm
9. Сайт федеральной службы государственной статистики. Среднегодовая численность занятых в экономике. // Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/04-02.htm

10. Сайт федеральной службы государственной статистики. Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг // Режим доступа: http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1923005
11. Сайт федеральной службы государственной статистики. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата. // Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-03.htm

References

1. Baranov S.V. Statistical estimation of asymmetry of economic development of the North and not northern part of RF // Voprosy statistiki. – 2010. – No.4. – P. 44-49.
2. Skufina T.P., Samarina V.P. Specificity of socio-economic development of regions of the Central Black Eartch zone //Federalism. – 2008. – No.1. – P. 55-67.
3. Samarina V.P. Key elements of the regional policy of interactions between the state and businesses // North and Market. Formation of economic order. – 2007. No. 1(18). – P. 28-34.
4. Zershchikova N.I. Legal problems of exploiting natural resources of the Arctic shelf" // North and Market. Formation of economic order. – 2009. – No. 3. – P. 165-169.
5. Skufina T.P., Baranov S.V. Analysis and regulation of development of regional socio-economic systems (case study of the Russian North) / Monograph. – Apatity: Publishing house of the Kola Science Centre of RAS, 2007. – P. 32-39.
6. Dictionary of terminology. Sociology. // Access mode: http://www.slovarik.info/sociology/128/56152.html
7. The website of the Federation Council on issues of the North and minorities // Access mode: http://severcom.ru
8. The website of the federal agency of state statistics. GRP // Access mode: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/11-01.htm
9. The website of the federal agency of state statistics. Average annual number of employed in the economy. // Access mode: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/04-02.htm
10. The website of the federal agency of state statistics. Costs of the fixed set of consumer goods and services. // Access mode: http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1923005
11. The website of the federal agency of state statistics. Average monthly nominal gross payroll // Access mode: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-03.htm

НАЛОГОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Барашева Т.И.,
кандидат экономических наук, доцент,
заведующая сектором государственных и муниципальных финансов
отдела формирования финансовой политики северных регионов
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье дается обзор изменений налогового законодательства, рассматриваются наиболее актуальные проблемы налогообложения малого и среднего предпринимательства и предлагаются некоторые подходы по совершенствованию специальных налоговых режимов, способствующих активизации деятельности малого бизнеса.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства, налоговое законодательство, специальные налоговые режимы, налоговая нагрузка, налоговое регулирование деятельности малого бизнеса.

TAX REGULATION FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTREPRENEURSHIP

T.I. Barasheva,
Ph.D. (Econ.), Docent,
Head of the sector of state and municipal finances
Department of forming financial policy of northern regions
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre RAS

The article reviews changes in the tax regulation, the most topical issues of taxation of small and medium-sized entrepreneurship are considered, and some approaches to improving the special taxation regimes, promoting activating small business activities are proposed.

Key words: subjects of small and medium-sized entrepreneurship, tax legislation, special tax regimes, tax burden, tax regulation of small business activities.

Развитию малого предпринимательства в Российской Федерации придается важное значение, во многом объясняемое его способностью быстро реагировать на изменяющийся спрос на товары и услуги, мобильностью внедрения новых форм хозяйствования и технологий, возможностью создания новых рабочих мест.

Федеральным законом N 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» определены основные цели государственной политики в данной области, которыми стали:

– развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в целях формирования конкурентной среды в экономике Российской Федерации;

– обеспечение благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства;

– обеспечение конкурентоспособности субъектов малого и среднего предпринимательства;

– оказание содействия субъектам малого и среднего предпринимательства в продвижении производимых ими товаров (работ, услуг), результатов интеллектуальной деятельности на рынок Российской Федерации и рынки иностранных государств;

– увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства;

– обеспечение занятости населения и развитие самозанятости;

– увеличение доли производимых субъектами малого и среднего предпринимательства товаров (работ, услуг) в объеме валового внутреннего продукта;

– увеличение доли уплаченных субъектами малого и среднего предпринимательства налогов в налоговых доходах федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов /1/.

Для достижения этих целей на государственном уровне разрабатываются новые и совершенствуются уже действующие механизмы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе налоговые, представленные, в частности, специальными налоговыми режимами.

В ходе преобразований упрощенная система налогообложения (УСН) приобрела более гибкий характер. Налоговый закон расширил предельный размер дохода от реализации товаров (работ, услуг), позволяющий субъекту малого бизнеса перейти на льготный налоговый режим; предоставил право налогоплательщику самостоятельного выбора налоговой базы и, по необходимости, ежегодного ее изменения; установил правило включения в расходы всей стоимости основных средств в момент ввода их в эксплуатацию, а также закрепил особый порядок начисления амортизации в отношении основных средств, приобретенных предприятием до перехода на УСН; ввел дополнительные полномочия для региональных законодательных органов по регулированию ставкой налога для отдельных категорий налогоплательщиков, осуществляющих деятельность в приоритетных для региона отраслях и др. В итоге принятые

положения налогового законодательства способствовали снижению налоговой нагрузки в границах УСН и переходу субъектов малого бизнеса на данный налоговый режим. Так, в Мурманской области к началу 2010 года удельный вес «упрощенцев» достиг 38,3% от числа всех субъектов малого и среднего предпринимательства (рис. 1).

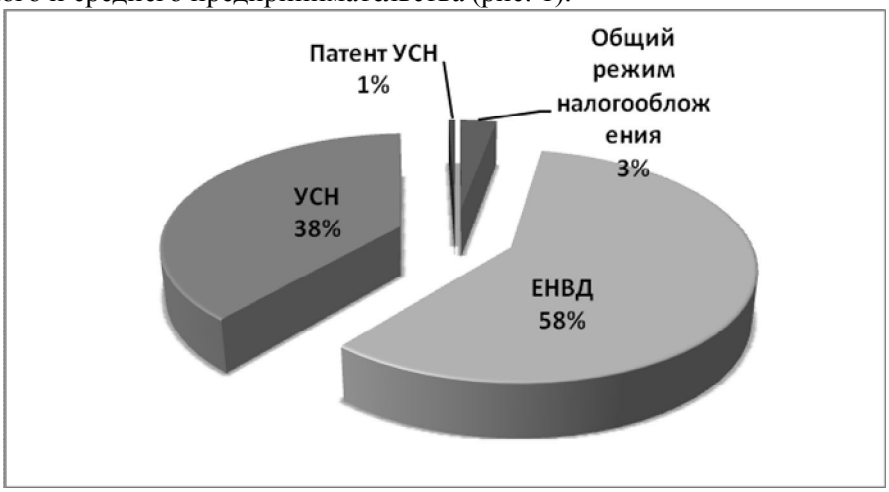

Рисунок 1. Удельный вес субъектов малого и среднего предпринимательства, применяющих соответствующую систему налогообложения, в Мурманской области, %

Прогрессивным также можно назвать возрождение патентной системы налогообложения, что обусловлено расширением перечня видов деятельности, дающих право воспользоваться патентной схемой налогообложения; возможностью привлечения наемных работников; получением отсрочки уплаты большей части (2/3) стоимости патента по окончании налогового периода и др. Однако на сегодняшний день представители предпринимательского сектора еще до конца не оценили всех преимуществ упрощенной патентной системы, о чем свидетельствует низкая доля их участия в патентной схеме: в Мурманской области лишь 0,5% от числа всех субъектов малого и среднего бизнеса пользуются патентным режимом.

Существенные преобразования в направлении снижения налогового давления коснулись и единого налога на вмененный доход (ЕНВД), несмотря на то, что его разработка была связана с необходимостью заставить платить налоги именно те предприятия, в которых был затруднен учет и контроль налично-денежного оборота.

В результате многочисленных изменений и дополнений, вносимых в законодательство о ЕНВД, таких, например, как снижение ставки налога, введение ограничения на установление корректирующего базовую доходность коэффициента К2 (в пределах от 0,005 до 1), вмененный налог перестал играть первоначально предназначенную ему роль - роль фискального инструмента с одной стороны, и преимущественного способа налогового администрирования определенных видов деятельности - с другой, и превратился в дополнительный элемент налогового стимулирования малого бизнеса. Этот вывод подтверждается низкой результативностью ЕНВД. Так, в целом по Мурманской области объем платежей по ЕНВД, приходящийся на одного субъекта малого предпринимательства, в 2,3 раза ниже, чем поступающие налоговые отчисления от плательщика упрощенной системы, которая официально признается льготным режимом налогообложения (табл. 1).

Таблица 1

Результативность специальных налоговых режимов в 2009г.
(объем поступлений на 1 субъекта соответствующего вида налогообложения, тыс. рублей)

	ЕНВД	УСН	Патент
Мурманская область	22,1	51,3	1,6
Печенгский район	31,2	45,7	5,7
Кандалакшский район	31,8	63,0	0,8

Апатиты	24,2	21,6	0,3
Мончегорск	20,6	43,9	0,0

Источник: по данным Министерства экономического развития Мурманской области

В основных направлениях налоговой политики на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годы предусмотрено дальнейшее реформирование специальных налоговых режимов. Министерством финансов подготовлены поправки к Налоговому кодексу, в которых, как заявил заместитель директора Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России С.В. Разгулин, рассматривается постепенное сокращение сферы применения ЕНВД до его полного выведения к 2014 году из российской системы налогообложения.

Однако такую позицию разделяют не все и, прежде всего, представители предпринимательского сектора. Ими отмечается основное преимущество ЕНВД – это возможность наращивания доходов от предпринимательской деятельности в условиях фиксированной, предсказуемой и стабильной налоговой нагрузки. Аналогичную точку зрения по сохранению в налоговой системе ЕНВД высказывают некоторые специалисты, мотивируя тем, что посредством единого налога реализуется важнейшая функция - функция налогового администрирования субъектов малого предпринимательства определенных видов деятельности.

Вместе с тем, представители предпринимательского сектора Мурманской области замечают, что отдельные положения данного налогового закона требуют обязательной корректировки. В частности, не решена проблема оптимизации налогового обязательства внутри отдельных видов деятельности. Так, например, значительно различается доходность таких видов деятельности, как стрижка волос и окраска бровей, ресниц в границах предоставления парикмахерских услуг. При этом базовая доходность в федеральном законе не выделяется по подвидам, а представлена для парикмахерских услуг в целом.

Подобная ситуация наблюдается при расчете налогового обязательства в отношении оказания услуг общественного питания для предпринимателей, имеющих и не имеющих в ассортиментном перечне табачные изделия, алкогольную продукцию и пиво, а также в розничной торговле, осуществляемой в объектах стационарной торговой сети, а также в объектах нестационарной торговой сети, реализующих и не реализующих пиво, алкогольную и табачную продукцию и др.

На сегодняшний день решение данного вопроса для местных законодательных органов является сложной задачей, несмотря на предусмотренный законом механизм в виде корректирующего базовую доходность коэффициента К2. Учет разного уровня доходности от ведения предпринимательской деятельности в разрезе подвидов требует использования унифицированного подхода к разработке величины корректирующего коэффициента К2, либо установления на федеральном уровне размера базовой доходности отдельно для каждого подвида.

Практика обнаруживает также другие, не вызывающие одобрения у предпринимателей, примеры по применению корректирующего базовую доходность коэффициента К2, приводящие к неоправданному завышению размера налогового обязательства. Например, фактическая доходность у организаций общественного питания (столовых) фиксируется на более низком уровне по сравнению с организациями, оказывающими автотранспортные услуги при перевозке пассажиров. Однако величина единого вмененного налога по результатам применения корректирующего коэффициента К2 для организаций общественного питания становится, наоборот, в 2,3 раза выше. Эта ситуация еще раз показывает всю сложность процесса и требует более взвешенного подхода к установлению корректирующего коэффициента К2.

Одна из предпосылок успешного развития экономики, обеспечения высоких налоговых поступлений в бюджетную систему, соблюдения социальных гарантий и интересов людей – это ликвидация «серых» схем выплаты заработной платы и попыток уклонения от налогообложения. С этой целью необходимо планомерно воздействовать на предпринимателей, усиливая их мотивации к выходу из теневого сектора, выработке и реализации здоровых целей хозяйственного развития с помощью инструментов налогового механизма /3/.

В настоящее время органы местного самоуправления г.Апатиты Мурманской области осуществляют попытку воздействовать на работодателей в целях повышения оплаты труда до уровня прожиточного минимума, регулируя величиной коэффициента К2. Однако было бы

целесообразно стимулировать работодателей повышать оплату труда не до уровня прожиточного минимума, а выше. В этой связи для тех организаций, которые выплачивают заработную плату своим работникам ниже или в размере прожиточного минимума, установить повышающий коэффициент К2 равный единице. Это позволит не только компенсировать недопоступления по ЕНВД от применения пониженного коэффициента К2, который будет применяться для предприятий, осуществляющих выплаты своим работникам выше прожиточного минимума, но и будет способствовать росту объемов налоговых доходов по другому бюджетообразующему налогу – налогу на доходы с физических лиц.

В отдельных регионах по данному вопросу были приняты более радикальные меры. Так, например, решением Брянского городского Совета народных депутатов еще в 2006 году повышающий коэффициент К2 устанавливался, если уровень среднемесячной заработной платы работников был ниже полутора прожиточных минимумов /3/.

Установленные Налоговым кодексом РФ ограничения значений коэффициента К2 (от 0,005 до 1) не позволяют в полной мере воздействовать на регулирование уровня оплаты труда и вывод из тени скрытых форм оплаты труда. В этой связи будет справедливым рассмотрение вопроса о расширении применения К2 в сторону его повышения. Другой мерой для сокращения числа недобросовестных налогоплательщиков, использования «серых» схем, уклонения от уплаты налогов может стать создание комиссии на региональном уровне по неплатежам, выводу заработной платы из тени и стимулированию ее роста.

Серьезной проблемой, ограничивающей преимущества применения УСН и ЕНВД, становится введение нового порядка исчисления страховых взносов. Установление повышенных тарифов по страховым взносам увеличит нагрузку для субъектов малого предпринимательства - плательщиков единого налога при УСН и ЕНВД – на 20%, в то время как для других хозяйствующих субъектов, функционирующих по общему налоговому режиму, совокупная ставка увеличится лишь на 8%.

Вместе с тем федеральный закон N 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» (с изменениями, внесенными федеральным законом №432-ФЗ) предусматривает льготные условия для организаций и индивидуальных предпринимателей определенных видов деятельности, применяющих упрощенную систему налогообложения /2/. В нем определены 36 позиций по следующим видам деятельности: производство пищевых продуктов, текстильное и швейное производство, производство машин и оборудования, строительство, здравоохранение и предоставление социальных услуг, образование и др. Для таких категорий рост налоговой нагрузки составит лишь 12%.

Вне всяких сомнений новый порядок исчисления страховых взносов вызовет взрыв социальных проблем. Работодатель с целью сокращения затрат прибегнет к использованию режима неполной рабочей недели в отношении наемных работников, сокращению персонала. Возникнет прецедент возврата к использованию «серых» схем выплаты заработной платы. В этой связи для субъектов малого и среднего предпринимательства, применяющих специальные налоговые режимы, целесообразно на федеральном уровне рассмотреть вопрос о поэтапном повышении ставок - аналогично порядку, принятому в отношении плательщиков единого сельскохозяйственного налога (в 2011-2012гг. - ставка 20,2%, в 2013-2014гг. – 27,1%).

Таким образом, практика налогового регулирования свидетельствует о создании благоприятного налогового климата для субъектов малого и среднего бизнеса, функционирующего в пределах специальных налоговых режимов. Вместе с тем, регулярное совершенствование налогового законодательства позволит создать дополнительные условия для повышения эффективности их деятельности, роста количества занятых и налоговых доходов региональных и местных бюджетов.

Литература:

1. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 27.12.2009) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 06.07.2007).
2. Федеральный закон от 24.07.2009 N 212-ФЗ (ред. от 28.12.2010) «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования».
3. В.Н. Предеха. О налоговом стимулировании малого бизнеса в городском округе // Финансы. – 2009. - N 2. – С. 47.

Literature:

1. The Federal law of 24.07.2007 No. 209-FZ (edited at 27.12.2009) “On development of small and medium-sized entrepreneurship in the Russian Federation” (adopted by the State Duma of RF on 06.07.2007).
2. The Federal law of 24.07.2009 No. 212- FZ (edition of 28.12.2010) “On insurance fees to the Pension Fund of the Russian Federation, the Federal Fund of obligatory medical insurance and territorial funds of obligatory medical insurance”.
3. V.N. Predekha. On tax stimulation of small businesses in a city district // Finances. – 2009. – N 2. – P. 47.

УДК 332.1(470.21)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Победоносцева Г.М.
научный сотрудник отдела экономической политики
и хозяйственной деятельности в районах Крайнего Севера и Арктики
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассмотрены экономические аспекты современного развития Российской Арктики, способствующие устойчивому развитию. Сделан вывод о необходимости добиваться все большого укрепления позиций с помощью ряда мероприятий, предусматривающих устойчивое развитие арктических регионов России.

Ключевые слова: Арктические моря, современные условия, модернизация, шельф, устойчивое развитие экономики

ECONMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC UNDER THE PRESENT CONDITIONS

Pobedonostseva G.M.
researcher of department of economic policy and economic activities
in the High North and Arctic regions
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The article discusses economic aspects of the present development of the Russian Arctic promoting sustainable development. It is concluded that it is necessary to achieve more strengthening positions using a number of measures foreseeing sustainable development of the Russian Arctic regions.

Key words: the Arctic Seas, present conditions, modernization, shelf, sustainable development of the economy

Современное развитие Севера региона считается важным с точки зрения реализации не только промышленного, но и экспортно-импортного потенциала страны.

В регионах Крайнего Севера и Арктики Российской Федерации осуществляется, как и в стране, постепенное восстановление экономических позиций при помощи реализации целого ряда мер, которые предусматривают устойчивое развитие, стимулирование инвестиционной и инновационной активности, экономической безопасности. В настоящее время достаточно благоприятные условия складываются и на мировых рынках сырья и капитала. Медленными темпами, но выполняются мероприятия по модернизации экономики северных и арктических регионов России. Кратко рассмотрим на примере Мурманской области. Предусматривается ввести в эксплуатацию первую очередь нового горно-обогатительного комбината на месторождении «Олений ручей». (предполагается в 2012 году). Объемы, которые были в обрабатывающих производствах северных территорий до мирового кризиса, планируется достичь только в 2012-2013 годах. Активно идет процесс перевооружения Российского Кольского горнопромышленного комплекса. Кроме того, предполагается, что в недалеком будущем Штокмановский проект станет набором самых высоких технологий по добыче и транспортировке газа в условиях Арктики. При этом поставлены условия необходимости добиться таких результатов, чтобы отечественная промышленность поставляла не 30 процентов оборудования, как в Сахалинских проектах, а 50-60, а в последующем и все девяносто процентов.

Север отличается специфичной инновационной экономикой. Север, как правило, не создает, а является потребителем трансфера технологий. В условиях рыночной экономики на северные территории российской Федерации серьезное влияние оказывает экономическое развитие страны, использование инновационного потенциала, который является фактором конкуренции.

На современном этапе развития экономики страны особенно актуальными для Российской Федерации являются задачи конкурентоспособности не только страны в целом, но и каждого регионов в отдельности. Большое количество целей и задач, а также критерии устойчивого развития в принципе являются общими не только для уровня страны, но и для северных регионов России. Арктические территории, по мнению специалистов, для Российской Федерации имеют стратегическое значение, особенно в условиях отсутствия достаточно развитой инновационной системы. Что касается перехода от сырьевой экономики к высокотехнологичной, то этот процесс займет десятилетия. Тем не менее, ускоренные темпы технологической модернизации смогут играть решающую роль при решении многих задач и при разработке новых идей и проектов.

Мурманская область может стать своего рода плацдармом, узловой базой на всем побережье Российской Арктики. Поскольку она является самой удобной территорий в географическом, экономическом, социальном планах. Благоприятное географическое положение Мурманской области и крупная промышленность обусловили развитие всех видов транспорта, сети дорог на территории области. Это в достаточной степени обеспечивает стабильную связь не только с центром РФ, но и возможности дальнейшего развития зарубежных контактов. И самое главное преимущество области для решения поставленных проблем – это глубоководный незамерзающий морской порт, который дает возможность при освоении российской части арктического шельфа вывозить природные богатства. Современная политика России освоения Арктических территорий и Северного морского пути открывает новые возможности для незамерзающего порта. В этом смысле реализация проектов развития транспортных коридоров и добыча нефти, добыча газа (Штокмановское и другие месторождения) в конечном итоге все равно приведут к увеличению перевозок через город Мурманск (различного оборудования, контейнеров, труб и т.д.). Но надо иметь в виду, что если рассматривать Штокмановское месторождение с позиций государственных интересов, то этот проект даже не столько экономический, а скорее геополитический. Российская Федерация обязательно должна утвердить

свои позиции на Арктическом шельфе еще и потому, что в настоящее время Россия отстает в этой сфере от таких стран, как Норвегия и Канада.

Сегодня современная модель экономики ориентирована на приморские субъекты России. И такая «модель стала основным гарантом и практическим механизмом устойчивого социально-экономического роста для большинства прибрежных государств. Именно с таким подходом особого акцента на укрепление своего море - хозяйственного комплекса они легче справлялись с глобальными кризисами и обеспечивали более высокие темпы своего развития»[1]. Известно, что достаточно значительный импульс ускоренного социально-экономического роста при помощи опережающего развития и модернизации своих приморских регионов получили такие страны, как Норвегия, Дания, Япония и многие другие. Обратимся к недавно опубликованным «экономическим запискам» А.Чубайса - идеолога «рыночного либерализма» у которого в одном из разделов записок («хватит ли газа стране, снабжающей газом полмира**?»)** выражена серьезная тревога о продлении стагнации добычи газа.

Кроме того, А.Б. Чубайс отмечал еще в 2009 году, что руководители «Газпрома» в обращении к своим акционерам уверяли, что уже к 2030 году на одном только Ямале будут добывать 360 млрд. куб.м. газа. Но в действительности реализация этого грандиозного проекта была начата только в самом конце 2008 года. А рост суммарной газодобычи по России (с учетом других компаний) сменился спадом. За первое полугодие 2009 года суммарная добыча газа в РФ упала на 20,8 процента по сравнению с аналогичным периодом прошлого года – до 274,3 млрд. куб.

Тем не менее, в стратегической перспективе, большое количество прогнозов утверждают, что мировой спрос на газ будет постоянно повышаться и уже к 2015 году будет настолько высок, что даже при увеличении его производства в Российской Федерации не сможет удовлетворять такой повышенный спрос. Значит, производители озабочены поиском новых источников. Освоение Штокмановского месторождения может стать ресурсной базой для поставок российского газа. Это может стать не только трубопроводным газом в Европу, но может стать газом, который получен с использованием СПГ - технологий на рынки Атлантического бассейна. Такие же тенденции закладывались в Стратегии социально-экономического развития Мурманской области для завода по сжижению природного газа. Конечно, сейчас основное оборудование придется закупать за рубежом. В России его просто никто не производит. Но на базе такого отечественного завода нужно было бы создать особую опытно-внедренческую зону и тем самым обеспечить импортозамещение для других предприятий, которые будут потом создаваться, например, на Ямале и при дальнейшем освоении Арктического шельфа. Безусловно, проект освоения Штокмановского месторождения имеет стратегическое значение не только для «Газпрома», но для страны в целом.

Следует заметить, что современные запасы газпромовского газа составляют 33,1 трлн кубометров, но разведанных и доказанных (по международным стандартам) – меньше, около 20 трлн. кубометров. Составляющие основу потенциала западносибирские месторождения Медвежье, Уренгойское и Ямбургское выработаны более чем на 50 процентов и находятся в стадии падающей добычи.

В «экономических записках», например, обращается особое внимание на то, что недостача газа (прежде всего на внутреннем рынке) может торпедировать столь необходимое возрождение промышленного потенциала России, так как для его возрождения потребуется рост производства электроэнергии. А отечественная электроэнергетика является главным потребителем газпромовского газа – 32,5 процента. Примерно по 7 процентов забирают агрохимия и металлургия, и 17 процентов – население на личные нужды.

Важным с точки зрения новой разработки считается – Бованенковское месторождение на полуострове Ямал. Но начало работ по обустройству этого месторождения планируются только на третий квартал 2011 года: надо строить систему транспортировки этого газа в Европу. В перспективе только ближайшие десятилетия, если верить отчетным данным «Газпрома», этот газ

«станет основой энергообеспечения российской экономики». Первоочередными теперь становятся шельфовые месторождения: Штокмановское и Северо-Каменномысское.

Но и промышленная эксплуатация Штокмановского месторождения пока остается перспективным проектом не слишком близкого будущего. Для исследований таких месторождений по утверждению специалистов необходимы такие суда, которые должны быть оснащены современной сейсморазведочной аппаратурой. Оборудование и технику в настоящее время используют почти исключительно зарубежную, а отечественную отраслевую науку и все конструкторские бюро, разрабатывавшие геофизическую аппаратуру, успели закрыть. А ведь весь разработанный и созданный в советское время потенциал геофизики и геологи выявляли отечественными гравиметрами, магнитометрами, сейсморазведочными станциями.

«Сегодня геолого-геофизическая изученность континентального шельфа РФ по числу пробуренных скважин и плотности сейсмических работ в десятки и сотни раз отстает от Норвегии, Дании, Великобритании, Бразилии и других стран, включая африканские»[2], как в своем докладе отметил Юрий Трутнев (министр природных ресурсов и экологии). Не лучше была и оценка вице-премьера Сергея Иванова, назвавшего «недопустимыми» темпы работ по разведке континентального шельфа РФ в Арктике. Да и вообще за последние 20 лет в акваториях Баренцева и Карского морей российскими компаниями не открыто ни одного нового нефтяного месторождения.

Много нерешенных проблем и в вопросах транспортировки газа – с того же Штокмановского месторождения. Оно находится близ северо-западной оконечности Новой Земли, и газ оттуда по нескольким ниткам трубопровода пойдет на Кольский полуостров, где в поселке Териберка лет через 5 вырастет завод по сжижению природного газа и портовый комплекс – для доставки продукции европейским потребите потребителям. Часть природного газа через Мурманск пойдет по газопроводу на Волхов и Выборг, к «Северному потоку».

Для того, чтобы добыча газа со Штокмановского месторождения и нефти из Приразломного месторождения началась хотя бы в 2013 – 2014 годах, предстоит еще инвестировать и инвестировать. Поднимать морской арктический флот, строить буровые установки – стационарные и плавучие, возникает необходимость научиться еще и защищать эти установки от ледового сжатия и огромных айсбергов. А вот какими средствами государство решает проблему восполнения углеводородных ресурсов. В 2008 году на геолого-разведочные работы из бюджета было потрачено 22 млрд рублей. Из них только по углеводородам – 10 млрд рублей. На работы в Мировом океане из федерального бюджета выделено 2,3 млрд рублей. Частный же капитал в Ледовитый океан пока вообще не спешит приобщаться.

Надо особенно отметить то, что на освоение ресурсов Мирового океана, крайне необходимых уже сегодня средств на освоение, государство в состоянии выделить лишь 2,3 млрд рублей в год. При этом на обустройство офисного квартала с небоскребом на Охте компания «Газпром» (в которой государство владеет контрольным пакетом – 50,002 процента уставного капитала) широким жестом выбрасывает 60 млрд рублей. Собственно говоря, вот они – средства, необходимые для освоения шельфа.

Эксперты отмечают, что если «Газпром» и «Роснефть» будут вкладываться в освоение шельфа теми темпами, которые они взяли в 2008-м, самом успешном, году, то для выполнения программы Минэкономразвития потребуется не 30 лет, а свыше 150. Они считают, что если даже активизировать работу на шельфе сейчас, то отдачу можно будет получить в лучшем случае лет через десять, а то и двадцать.

Таким образом, можно отметить, что при правильно организованной политике промышленно-развитые приморские регионы России (и такие как Мурманская область) могут играть определяющую и возрастающую роль локомотивов роста в социально-экономическом развитии страны. Кроме того, они могут быть и притягивающей территорией для примыкающих к таким регионам территорий. В результате, может быть образовано единое пространство с выгодным географическим и приграничным положением, где морская деятельность относится к

формирующим бюджет секторам экономики. Такое пространство обладает еще и богатством и многообразием морской ресурсной базы, в том числе и минеральными, и энергетическими ресурсами континентального шельфа. Такие возможности имели бы положительное воздействие на выявление приоритетов долгосрочного стратегического развития территорий единого пространства, выявления путей специализации хозяйственного морского комплекса этих регионов. Могла бы быть разработана единая научно-методическая база для разработки региональных стратегий с выделением ключевых проблем с точки зрения социально-экономического развития.

Подводя итоги, отметим следующее: если придерживаться энергетической стратегии Российской Федерации, согласно которой основные объемы прироста запасов и природных ресурсов до 2020года Россия намерена осуществлять за счет шельфа Западной Арктики. На перспективу обеспечение Российской Федерации рассчитывается достигать за счет освоения месторождений Арктических морей. Мурманская область, как приморский субъект России, является одним из крупных и экономически развитых регионов Европейского Севера Российской Федерации.

Литература

1. Коновалов А.М. «Подходы к определению путей устойчивого развития приморских регионов», Местное самоуправление в Российской Федерации, март-июнь (3-6) 2009. Изд.М. С.16.
2. Иванов С., Трутнев Ю., «На дне морском», (Режим доступа: http://www.newsru.com/russia/18apr2008/shelf.html)

References

1. Konovalov A.M. “Approaches to defining ways of sustainable development of sea regions”, Local self-government in the Russian Federation, March-June (3-6) 2009. Publishing house P. 16.
2. Ivanov S., Troutnev Yu. “On the Sea Bottom” , Access mode: http://www.newsru.com/russia/18apr2008/shelf.html

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ СЕВЕРА РФ

Рябова Л.А.,
кандидат экономических наук, доцент,
заведующая отделом социальной политики на Севере
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

Рассматриваются вопросы перехода к концепции устойчивого развития как доминирующей парадигме развития российского Севера. Обосновывается роль социальной политики, осуществляемой на местном уровне, как ключевого фактора устойчивого развития Севера РФ. Определяются основные принципы и компоненты социальной устойчивости на местном уровне.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития, социальная политика, социальная устойчивость на местном уровне.

THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND SOCIAL POLICY FORMATION IN LOCAL COMMUNITIES OF THE RUSSIAN NORTH

L.A. Riabova,
Ph.D. (Econ.), docent,

Head of department of Social Policy in the North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

Aspects of transition to sustainable development as the dominating paradigm of development of the Russian North are discussed. The role of social policy carried out at the local level as the key factor of sustainable development of the Russian North is identified. The main principles and components of social sustainability at the local level are formulated.
Key words: the concept of sustainable development, social policy, social sustainability at the local level

В начале 1990-х годов международное сообщество объявило устойчивое развитие (УР) ориентиром и целью человечества на 21 век. В итоговом документе исторической конференции ООН в Рио-де-Жанейро 1992 г. «Повестка дня на 21 век» под УР понимается *длительный, управляемый и демократический процесс изменения общества на глобальном, региональном и локальном уровнях, нацеленный на улучшение качества жизни для настоящего и будущих поколений.* Это новое видение целей и процесса развития, основанное на интеграции социальных, экономических и экологических аспектов в принятии решений и практической деятельности.

Понятие устойчивого развития эволюционирует[22] (например, более поздняя формулировка Всемирного банка трактует его как управление совокупным капиталом общества в интересах сохранения и приумножения человеческих возможностей), но принципы социальной справедливости[23], экономической эффективности и экологической безопасности – базисные во всех формулировках [2, 3]. Другими основными принципами являются ориентация в будущее и долгосрочное планирование, готовность к длительным действиям; интеграция различных видов деятельности при решении проблем развития; широкое участие, партнерство, всеобщая ответственность[24] [5].

Саммит в Йоханнесбурге 2002 г. дал импульс к появлению второй после Рио волны интереса в мире к проблематике устойчивого развития. Страны-участницы обязались сделать процессы глобализации справедливыми и минимизировать угрозы устойчивому развитию. В 2005 г. ООН объявила Десятилетие образования в области УР. Во многих странах (лидеры в этом процессе - Англия, США, Канада) приняты новые стратегии УР, в том числе региональные и местные, включающие новые приоритеты. Особый упор делается на проблемах изменения климата, сокращении бедности, повышении уровня здоровья.

Россия, на наш взгляд, пока выпадает из мирового процесса поиска парадигмы и выработки национальной стратегии устойчивого развития. В стране не наблюдается консолидации ни политической элиты, ни общества вокруг этой идеи. Из названий большинства основных стратегических документов всех уровней исчез термин «устойчивое развитие», вместо которого употребляется словосочетание «социально-экономическое развитие». В РФ фактически нет национальной стратегии развития, объединяющей в единое целое социальную, экономическую и экологическую политику, интегрирующей усилия нации по достижению социальной справедливости, экономической эффективности и экологической безопасности. Принятая в 2008 г.

---

[22] **Дискуссия об эволюции понятия «устойчивое развитие» представлена в [1].**

[23] Социальная справедливость – одно из дискутируемых понятий, не поддающееся строгой дефиниции, поскольку оно не абсолютное, а относительное (по отношению к личности, типу общества и т.д.). Тем не менее, в обществе необходим консенсус по поводу его содержания, так как неопределенность в определении справедливости ведет к ошибкам в социальной политике. В российском «Экономическом словаре» социальная справедливость определяется как «понятие, включающее обеспечение равенства возможностей индивидов участвовать в трудовой деятельности, оплату труда в соответствии с его количеством и качеством, удовлетворение неотложных потребностей населения с использованием общественных благ, недопущение чрезмерной поляризации в распределении доходов, богатства, рациональное применение позитивных способностей людей». Мы во многом согласны с такой трактовкой [4].

[24] Чувство личной ответственности за свое место в жизни и за последствия своей деятельности не только в отдельно взятом месте, но и в глобальном масштабе.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года[25] вряд ли может считаться таким документом, поскольку УР в ней не выступает как базисная парадигма, а функцию таковой исполняет идея о поступательном социально-экономическом развитии. В РФ нет долгосрочной программы перехода к УР, определяющей направления преобразований и виды деятельности по достижению стратегических целей, необходимые ресурсы и механизмы, системы управления и координации на локальном, региональном, национальном и глобальном уровнях. По мнению многих авторов, на протяжении последних лет наше государство и общество скорее отдалялись, чем приближались к идее и к пути устойчивого развития [1, 6, 7].

Усиление глобализации и необходимость эффективного встраивания РФ в мировое сообщество, рост конкуренции и усиление борьбы за ресурсы требуют повышения внимания органов управления к проблемам УР, и, особенно, к его социальной составляющей как к решающему фактору успешного ответа страны и ее регионов на вызовы настоящего и будущего времени. Новая социально ориентированная парадигма развития РФ, о которой заявлено на федеральном уровне, во многом отвечает задачам перехода на путь УР. Но она имеет под собой довольно узкий концептуальный базис (сумма теорий модернизации, инноваций, человеческого потенциала), что ведет к сужению как целей развития, так и поля возможных путей их достижения. Необходима более широкая и системная концептуальная основа форирования, а также новые подходы к практическому осуществлению социальной политики на всех уровнях управления.

Особое значение в этом контексте приобретает местный (муниципальный) уровень, так как именно в местных сообществах[26] рождаются инициативы и начинаются усилия, приводящие к необходимым изменениям в региональных, национальных и глобальном социумах. Хартией устойчивого развития Европейских городов (Ольборг, Дания, 1994) была определена цель устойчивого муниципального развития – достижение стабильной экономики, социальной справедливости и устойчивости окружающей среды через усилия, начинающиеся на местном уровне. С момента ее принятия предложено множество определений УР на местном уровне [см., например, 5]. Учитывая существующие подходы, мы трактуем *УР муниципального образования как сбалансированное социально-эколого-экономическое развитие в целях достижения максимально длительного существования муниципального образования в условиях высокого качества жизни его жителей, эффективного развития экономики и здоровой экосистемы*.

Один из главных документов, принятых в Рио – Декларация по устойчивому развитию, – призвал государства разрабатывать программы по Местной Повестке Дня на 21 век (Local Agenda 21). К концу 2002 г. 6400 муниципалитетов из 113 стран имели свои Местные Повестки, что оценивается экспертами как невысокий уровень вовлеченности в процесс [9]. Тем не менее, в зарубежных странах, особенно в Северной Европе, на севере Канады, на Аляске устойчивое развитие является доминирующей парадигмой на местном уровне, ведется активная работа по местному стратегированию и планированию в рамках этой концепции.

На Саммите в Йоханнесбурге был сделан акцент на роль местного уровня в достижении УР. Там прошел Съезд местных органов власти под лозунгом «Действия на местном уровне двигают мир», были приняты Декларация местных властей и Заявление («Йоханнесбургский призыв»), призывающее перейти от Местной Повестки Дня на 21 век к Действиям на местном уровне 21 (Local Action 21).

---

[25] «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» - утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

[26] Термин «местное сообщество» (local community) широко употребляется за рубежом как в науке, так и в практике муниципального управления. В РФ употребляется в социологических, экономических, политических исследованиях, но не содержится в федеральном законодательстве. Некоторые регионы и муниципалитеты используют его в своем законодательстве [8]. В научных исследования употребляется во многих значениях. Чаще всего применяется как понятие, описывающее определенное множество людей, проживающих на территории муниципального образования, объединенное общими интересами в решении вопросов местного значения. В этом понимании используется и в данной работе.

Главная движущая сила изменений – люди, живущие в местных сообществах. «Что касается устойчивого развития, граждане в местных сообществах являют собой социальную силу с наибольшей способностью сделать возможным немедленное и позитивное изменение» [10]. Поэтому ключевым фактором УР сообществ различных уровней является социальная политика, осуществляемая на местном уровне, поскольку она напрямую связана с изменением качества жизни людей и, опосредовано, с экономическими и экологическими аспектами развития общества.

Социальная политика на местном уровне являет собой проводимую государственными структурами, органами местного самоуправления, предприятиями, общественными организациями, а также самими гражданами систему мер, направленных на достижение социальных целей, связанных с повышением общественного благосостояния, улучшением качества жизни граждан, обеспечением социально-политической стабильности и социального партнерства в обществе. В контексте УР социальная политика отвечает, прежде всего, за обеспечение социальной устойчивости, и далее, на этой основе, – за обеспечение экономической и экологической устойчивости в местных сообществах.

Определения социальной устойчивости многообразны, но, по сути, схожи в трактовке ее содержания [11, 12, 13, 14, 15]. Изучив имеющиеся подходы, мы пришли к выводу, что понятие *«социальная устойчивость» описывает такое состояние общества, при котором обеспечивается высокое качество и уровень жизни, высокий уровень здоровья, социальная справедливость и равенство, социальная вовлеченность граждан, а будущие поколения имеют такой же или более широкий доступ к социальным ресурсам как нынешнее поколение.* Социальные ресурсы, кроме ресурсов, формирующих благосостояние, включают основные права человека, трудовые права, различные культуры и т.д. Взаимосвязь социальной, экономической и экологической устойчивости представлена на схеме «Триада устойчивого развития», базисные элементы которой предложены одним из ведущих авторов издания «Энциклопедия Земли» М. Мунасинге [16] (рис. 1).

• рост
• эффективность
• стабильность

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ

СОЦИАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ

• расширение прав и возможностей социального действия и ответственность
• социальная включенность / партнерство
• институты / управление

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ

• способность к восстановлению / биоразнообразие
• сохранение природных ресурсов
• минимизация загрязнения

Рисунок 1 – Триада устойчивого развития – ключевые элементы и связи[27]
(составлено и дополнено по [16])

Функциональный и пригодный для практической деятельности на местном уровне подход к пониманию социальной устойчивости представлен в работе Р. Гейтса и М. Ли, выполненной для городского совета г. Ванкувера (Канада) [15], рекомендации которой используются в практических действиях городского совета с 2005 г. (Ванкувер, по результатам различных рейтинговых исследований, систематически входит в число городов с наиболее высоким качеством жизни и уровнем комфортности проживания).

В работе обосновано, что социальная устойчивость местного сообщества включает 3 основных компонента: (1) базисные потребности людей, (2) индивидуальный, или человеческий потенциал и (3) потенциал местного сообщества. Определено, что:

[27] В центре треугольника – основные для современного периода проблемы УР: достижение равенства, преодоление бедности, борьба с изменением климата. Интернализация – экономическая стратегия, направленная на сокращение или устранение отрицательных внешних эффектов путем превращения их во внутренние. В контексте УР это значит, что каждый экономический субъект в условиях ограниченности ресурсов должен отвечать финансовыми затратами за свои действия, ведущие к возникновению ограниченности доступа к этим ресурсам других субъектов. Методы интернализации внешних эффектов: 1) переговоры об уровне внешних эффектов, 2) обложение налогом причинителя ущерба (загрязнителя), 3) введение права ответственности за экологический ущерб, реализуемого посредством деятельности специализированных институтов, устанавливающих регламент возмещения ущерба субъектам, пострадавшим от загрязнения.

(1) Базисные потребности на местном уровне обеспечиваются через:

- доступное жилье, удовлетворяющее изменяющиеся потребности (нужды людей с низким или средним доходом, тех, кто находится в особых обстоятельствах или нужды всех по мере их старения);
- доступное здравоохранение, услуги которого могут быть получены непосредственно в месте проживания;
- продукты питания, производимые в местном сообществе, и продаваемые по доступным ценам;
- рабочие места, которые позволяют людям быть продуктивными и использовать их умения и способности;
- достаточный доход для людей, чтобы они могли финансово обеспечивать себя и свои семьи;
- безопасные муниципалитеты и рабочие места.

(2) Индивидуальный, или человеческий потенциал в местных сообществах поддерживается и развивается через:

- возможности развивать способности и повышать образовательный уровень;
- разнообразие возможностей занятости на местном уровне
- возможности развивать и использовать творческие и артистические способности;
- доступное образование в течение всей жизни;
- возможности для людей вносить вклад в благополучие местного сообщества.

(3) Потенциал местного сообщества поддерживается и развивается через:

- поддержку и содействие экономическому развитию;
- развитие местной идентичности как отражение местного разнообразия;
- вовлеченность жителей в общественную жизнь и управление;
- возможности и арены для социального взаимодействия в местном сообществе;
- возможности, ресурсы и арены для культурной и общественной жизни;
- поддержка и развитие общественных организаций и социальных сетей.

В качестве основных принципов социальной устойчивости на местном уровне, которыми необходимо руководствоваться в практической деятельности, мы определяем следующие.

1) Равенство – когда индивидуумы обладают доступом к достаточным ресурсам, чтобы в полной мере участвовать в жизни местного сообщества, имеют возможности для личностного развития и продвижения, и имеет место справедливое распределение ресурсов между местными сообществами, обеспечивающее в полной мере их участие в развитии и сотрудничество.

Неравенства могут быть минимизированы через признание и учет того, что индивидуумы и социальные группы требуют различных объемов поддержки, и что некоторые индивидуумы и социальные группы способны внести больший вклад, чем другие, в сокращение неравенства и в обеспечение справедливости. Результат более низких уровней неравенств в обществе – более высокая продолжительность жизни, меньшие уровни преступности, более высокие уровни гражданской вовлеченности и более сильная экономическая жизнеспособность местных сообществ.

2) Социальная включенность, всеобщая ответственность и взаимодействие – как право, так и возможность участвовать во всех аспектах жизни местного сообщества и взаимодействовать с другими членами сообщества, атмосфера в котором дает возможность индивидуумам проявлять свое разнообразие и действовать в соответствии с их обязанностями и чувством ответственности. Социальная эксклюзия ограничивает уровни вовлечения, создает барьеры для успешного развития индивидуумов и местного сообщества в целом.

3) Безопасность – означает, что индивидуумы и местные сообщества имеют экономическую безопасность и уверенность, что они живут в безопасной, поддерживающей и здоровой среде. Людям необходимо чувствовать себя безопасно, чтобы вносить вклад в собственное благосостояние и быть в полной мере вовлеченными в жизнь сообщества.

4) Адаптивность – способность как индивидуумов, так и сообществ противостоять негативным воздействиям, гибкость (resiliency) и способность реагировать адекватно и творчески на изменения. Адаптивность – процесс созидания на основе того, что уже существует, а также обучение и созидание на основе нового знания, получаемого внутри и вне сообщества.

Вопросы обеспечения социальной устойчивости должны находиться в центре муниципальной политики. Проблемы обеспечения социальной устойчивости особенно актуальны для местных сообществ Севера и Арктики – особых регионов планеты, роль которых в ближайшем будущем и в отдаленной перспективе будет возрастать в связи с поиском новых ресурсов развития человечества, с важнейшей военно-стратегической ролью этих регионов, повышением их значения для изучения проблемы изменения климата и поиска путей ее решения и т.д.

В контексте планетарного Севера зоной, где угрозы устойчивому социальному развитию более серьезны, чем в северных регионах других стран Арктической восьмерки, является российский Север. Это вызвано следующими обстоятельствами.

1. Наличием острых проблем в социальном и институциональном развитии муниципальных образований Севера РФ. Северное законодательство в сфере социальной политики, в том числе муниципальное, нуждается в переработке; развитие специфически северных, в том числе местных, институтов идет медленно; показатели уровня и качества жизни значительно ниже тех, что достигнуты в муниципальных образованиях РФ, находящихся в более благоприятных климатических условиях, и на зарубежном Севере. При том, что по уровню производства ВВП на душу населения большинство регионов Севера опережает остальные регионы РФ, бюджетная обеспеченность северных муниципалитетов находится на парадоксально низком уровне. Большинство северных местных сообществ РФ испытывают высокую степень пространственной социально-экономической несправедливости, выражающейся в неадекватной социально-экономической компенсации населению за работу и проживание в экстремальных условиях.

2. Отсутствием в РФ четкой, соответствующей интересам, как федерального центра, так и северных регионов и местных сообществ, государственной социальной «северной» политики. Социальные аспекты развития Севера в государственных стратегических документах проработаны недостаточно. До сих пор, особенно на практике, доминируют подходы, базирующиеся на отношении к Северу как к сырьевому придатку России, основанные на представлении о нем как территории временщиков. Закономерным результатом является отток населения, преимущественно молодежи и высококвалифицированных кадров. Это создает угрозы не только экономической и социальной устойчивости Севера, но и стратегической безопасности РФ. В условиях отсутствия четко артикулированной и балансирующей интересы основных участников государственной северной политики актуализируются проблемы формирования северными местными сообществами собственной, базирующейся на принципах саморазвития, социальной политики, скоординированной с действиями национального и регионального уровня, глобально-ориентированной и социально устойчивой, направленной на существенное повышение качества жизни населения.

3. Негативным влиянием мирового финансово-экономического кризиса, усугубленным низким уровнем диверсификации местных экономик. Местные северные экономики слабо диверсифицированы, ресурсно-зависимы, часто их судьба напрямую зависит от уровня социальной ответственности национальных и транснациональных промышленных корпораций. Особенно уязвимы монопрофильные поселения. В совокупности с наличием нерешенных социальных проблем и ростом непредсказуемости поведения глобальных сырьевых рынков в условиях кризисов это негативно влияет на возможности их устойчивого развития.

4. Принятием в качестве стратегического выбора России инновационной социально ориентированной модели национального развития, предполагающей активизацию социальной составляющей в развитии всех регионов страны, в т.ч. Севера как опорного мега-региона РФ.

5. Изменением геополитической и геоэкономической ситуации на планетарном Севере. Новая ситуация характеризуется нарастанием взаимных претензий государств по поводу прав на освоение ресурсов планетарного Севера, а также начавшимся широкомасштабным освоением северных месторождений нефти, в т.ч. на шельфе арктических морей. В этих условиях будут нарастать противоречия между интересами местных сообществ и остальных акторов,

участвующих в гонке за арктическими ресурсами: региональных центров, федерального центра, ресурсных национальных и транснациональных корпораций. Это означает, что северные муниципалитеты должны «думать глобально, действовать локально», то есть уметь осознавать и реализовывать свои социальные интересы в новых, формирующихся под действием глобальных факторов, условиях [17].

В связи с этим проблема научного обоснования качественно новой, научно обоснованной, стратегически направленной социальной политики муниципального уровня на Севере и в Арктике, адекватной как социально-экономической специфике Севера, так и новым национальным и глобальным вызовам, представляется остро актуальной.

Развитию концептуальных основ УР посвящены работы таких зарубежных и отечественных авторов как В. Адамс, У. Аллен, Е. Барбье, П. Булангер, В.И. Данилов-Данильян, П. Дасгупта, В.А. Коптюг, А. Ле Кама, В.К. Левашов, Н.Н. Лукьянчиков, Д.С. Львов, Н.Н. Моисеев, Н.Ф. Реймерс, Т. Сэндлер, А.Д. Урсул и многих других.

Исследованию теоретических и методических подходов к УР регионов в РФ посвящены работы А.Б. Бандмана, С.Н. Бобылева, М.Г. Ганопольского, И.П. Глазыриной, А.А. Голуба, А.Г. Гранберга, В.А. Коптюга, В.К. Левашова, В.Н. Лексина, Г.П. Лузина, С.В. Макара, , Н.В. Пахомовой, А.В. Позднякова, В.С. Селина, Н.П. Тарасовой, А.Ш. Ходжаева, Н.В. Чепурных, А.Н. Швецова и др.

Проблемы УР местных сообществ, в т.ч. городов, описаны зарубежными исследователями М. Эмери, М. Карли, Б. Мерфи, К. Флора, Т. Фукс и многими другими. В РФ эти проблемы освещаются в работах таких авторов как А.А. Брудной, А.Л. Гапоненко, А.Г. Гладышев, Ю.Д. Губернский, Е.В. Рюмина, Т.М. Орлова и др.

Среди ведущих современных зарубежных исследователей северных местных сообществ – Ашетер Н., Ауре М., Баренхольдт Й.О., Дахл Й., Йулл П., Йенхофт С., Ошеренко Г., Скаптадоттир У.Д, Туйску Т., Хикс Д., Янг О. и др. В отечественной науке исследования северной проблематики на местном уровне не столь распространены, как за рубежом. В большей степени внимание уделяется проблемам управления на федеральном и, в последнее время, на региональном уровне. Северная местная социально-экономическая проблематика освещается в работах Антоновой Н., Дмитриевой Т., Лексина В., Пилясова А., Шейнгауз А. Вопросы устойчивого развития северных городов РФ затрагиваются в работах В. Дидыка и Л. Залкинд [18].

Проблемы развития северных местных сообществ планетарного и российского Севера в течение 15 лет разрабатываются в Отделе социальной политики ИЭП им. Лузина. Результаты используются в значимых документах международного уровня, например, в Отчете о развитии человека в Арктике, изданном под эгидой Арктического Совета в 2004 г. (см. Л. Рябова в соавт., раздел 8 «Жизнеспособность местных сообществ», [19]).

Однако как в зарубежных, так и, особенно, в отечественных исследованиях в этой области много нерешенных вопросов. Нет целостной теории, определяющей концептуальные основы управления социальным развитием муниципального образования в РФ, в том числе в условиях Севера. Проблемы формирования северной социальной политики на муниципальном уровне в условиях реализации социально ориентированной модели развития РФ и перемещения геоэкономических интересов на Север и в Арктику лишь начинают разрабатываться. В условиях глобализации и растущей мировой конкуренции, смещения геоэкономических интересов на Север возрастает необходимость разработки научно-методического и прикладного инструментария формирования российской северной социальной политики на муниципальном уровне, соответствующего парадигме устойчивого развития, принятой человечеством на перспективу, и новым глобальным и национальным вызовам.

Без надлежащего научного обеспечения социального развития Севера на местном уровне, придания ему стратегической направленности в рамках устойчивого развития как доминирующей парадигмы развития сообществ российского Севера, дальнейшее наращивание производительных сил на Севере и в Арктике может обернуться невосполнимыми потерями человеческого, культурного, этнического и природного потенциала этого уникального мега-региона, гаранта экономической и стратегической безопасности Российской Федерации.

Литература

1. Рябова Л.А. Проблемы применения концепции устойчивого развития в РФ: от национального уровня к северному аспекту // Север и рынок: формирование экономического порядка. №1/2010 (25), с. 44-48

2. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М., Прогресс–Традиция, 2000

3. Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. 2003. т.39, №2

4. Экономический словарь // [Электронный ресурс]. URL: http://www.economslov.ru/article_6184.htm

5. Концепция устойчивого развития и Местная повестка дня на XXI век: Методическое пособие / Под ред. Д.А. Голубева, Н.Д. Сорокина. – СПб.: Издательство «Союз художников», 2003. - 480 с.

6. Панкратов С.А. Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития (теоретический аспект). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук // [Электронный ресурс]. URL: http://vak.ed.gov.ru/announcements/politich/PankratovSA.doc

7. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / Под редакцией А.Г. Гранберга, В.И. Данилова-Данильяна, М.М. Циканова, Е.С. Шопхоева.-М.: ЗАО «Издательство «Экономика». 2002. - 414 с.

8. Белозеров В. Развитие правового статуса городского поселения в условиях муниципальной реформы 1993-1999 гг. // [Электронный ресурс]. URL: www.law-n-life.ru/arch/108_Belozerov.doc

9. Зернова Л. Саммит в Йоханнесбурге: переход к действиям на местном уровне. // [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/e/ekoposelenie_l/ecology1.shtml

10. The Corporation of the City of North Vancouver, British Columbia, Canada municipal government website // [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnv.org/server.aspx?c=3&i=511

11. Sachs, I. "Social Sustainability and Whole Development: Exploring the Dimensions of Sustainable Development." Chapter 2 in «Sustainability and the Social Sciences: A Cross-Disciplinary Approach to Integrating Environmental Considerations into Theoretical Reorientation». Edited by Becker, Egon and Thomas Jahn. London: Zed Books, 1999

12. Redclift, M. "Sustainability and Sociology: Northern Preoccupations." Chapter 4 in «Sustainability and the Social Sciences: A Cross-Disciplinary Approach to Integrating Environmental Considerations into Theoretical Reorientation». Edited by Becker, Egon, and Thomas Jahn. London: Zed Books, 1999

13. Daly, H. Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development. Boston: Beacon Press, 1996 (253 pp.)

14. Edwards, A. The Sustainability Revolution: Portrait of a Paradigm Shift. Gabriola Island, B.C.: New Society Publishers, 2005 (206 pp.)

15. Gates R., Lee M. “Report to Vancouver City Council. Definition of social sustainability”. Policy report. Vancouver. May 10, 2005 // [Электронный ресурс]. URL: http://vancouver.ca/ctyclerk/cclerk/20050524/documents/p1.pdf

16. M. Munasinghe, A. Nadjam "Sustainomics and sustainable development". In: Encyclopedia of Earth. Eds. Cutler J. Cleveland (Washington, D.C.: Environmental Information Coalition, National Council for Science and the Environment). [First published in the Encyclopedia of Earth May 7, 2007; Last revised Date May 7, 2007; Retrieved November 9, 2010 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.eoearth.org/article/Sustainomics_and_sustainable_development

17. Riabova L. Community viability and well-being in the circumpolar North. In: Globalization and the circumpolar North / ed. by L. Heininen and C. Southscott, University of Alaska Press, 2010. Pp. 119-147

18. Дидык В.В., Емельянова Е.Е. Влияние глобального финансового кризиса на социально-экономическое положение городов Крайнего Севера России и развитие социально-экономических систем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2010. - №32 (89)

19. Н. Аарсетер, Л. Рябова, Й.О. Баренхольдт «Жизнеспособность общин», Доклад о развитии человека в Арктике (ДоРЧА), Изд. Ин-та Стеффенсона, под эгидой Арктического Совета. Перевод с англ./Ред. А.Головнев. – Екатеринбург-Салехард. 2007 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.svs.is/AHDR/AHDR%20chapters/Russian%20version/Chapters%20PDF%20Russian.htm

References:

1. Riabova L.A. Problems of implementing sustainable development concept in the RF: from national level to northern aspect // North and market: formation of economic order. №1/2010 (25), pp.44-48. (In Russian).
2. Danilov-Danilian V.I., Losev K.S. Ecological challenge and sustainable development. M., Progress-Taditsiya, 2000. (In Russian).
3. Danilov-Danilian V.I. Sustainable development (theoretical-methodological analysis) // Economika i matematicheskie metody. 2003. Vol.39, №2. (In Russian).
4. Economic dictionary // [Electronic resource]. URL: http://www.economslov.ru/article_6184.htm (In Russian).
5. Concept of sustainable development and Local Agenda 21: Methodical manual / Eds. D.A. Golubev, N.D. Sorokin. – SpB: Soyuz hudozsnikov Publishing house, 2003. – 480 p. (In Russian).
6. Pankratov S.A. Political modernization in Russia in the context of sustainable development (theoretical aspect). Synopsis of doctor of political sciences dissertation // [Electronic resource]. URL: http://vak.ed.gov.ru/announcements/politich/PankratovSA.doc. (In Russian).
7. Strategy and problems of sustainable development of Russia in XXI century / Eds. A.G. Granberg, V.I. Danilov-Danilian, M.M. Tsikanova, E.S. Shophoeva. – M.: Izdatel'stvo "Economika". 2002. -414 c. (In Russian).
8. Belozerov V. Development of legal status of urban settlement in the conditions of municipal reform in 1993-1999 // [Electronic resource]. URL: www.law-n-life.ru/arch/108_Belozerov.doc (In Russian).
9. Zernova L. Sammit in Johannesburg: transition to actions at local level. // [Electronic resource]. URL: http://zhurnal.lib.ru/e/ekoposelenie_l/ecology1.shtml (In Russian).
10. The Corporation of the City of North Vancouver, British Columbia, Canada municipal government website // [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnv.org/server.aspx?c=3&i=511
11. Sachs, I. "Social Sustainability and Whole Development: Exploring the Dimensions of Sustainable Development." Chapter 2 in «Sustainability and the Social Sciences: A Cross-Disciplinary Approach to Integrating Environmental Considerations into Theoretical Reorientation». Edited by Becker, Egon and Thomas Jahn. London: Zed Books, 1999
12. Redclift, M. "Sustainability and Sociology: Northern Preoccupations." Chapter 4 in «Sustainability and the Social Sciences: A Cross-Disciplinary Approach to Integrating Environmental Considerations into Theoretical Reorientation». Edited by Becker, Egon, and Thomas Jahn. London: Zed Books, 1999
13. Daly, H. Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development. Boston: Beacon Press, 1996 (253 pp.)
14. Edwards, A. The Sustainability Revolution: Portrait of a Paradigm Shift. Gabriola Island, B.C.: New Society Publishers, 2005 (206 pp.)
15. Gates R., Lee M. "Report to Vancouver City Council. Definition of social sustainability". Policy report. Vancouver. May 10, 2005 // [Electronic resource]. URL: http://vancouver.ca/ctyclerk/cclerk/20050524/documents/p1.pdf
16. M. Munasinghe, A. Nadjam "Sustainomics and sustainable development". In: Encyclopedia of Earth. Eds. Cutler J. Cleveland (Washington, D.C.: Environmental Information Coalition, National Council for Science and the Environment). [First published in the Encyclopedia of Earth May 7, 2007; Last revised Date May 7, 2007; Retrieved November 9, 2010 // [Electronic resource]. URL: http://www.eoearth.org/article/Sustainomics_and_sustainable_development
17. Riabova L. Community viability and well-being in the circumpolar North. In: Globalization and the circumpolar North / ed. by L. Heininen and C. Southscott, University of Alaska Press, 2010. Pp. 119-147
18. Didyk V.V., Emelianova E.E. Influence of global financial crisis on socio-economic situation in the towns of Russian Far North and on development of socio-economic systems // Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost', 2010.- №32 (89) (In Russian).
19. N. Aarsaether, L. Riabova, J.O. H. Barenholdt "Community viability", Arctic Human Development Report (AHDR), Stephenson Institute under auspice of the Arctic Council. Translation ed. A. Golovnev. – Ekaterinburg-Salekhard. 2007. [Electronic resource]. URL: http://www.svs.is/AHDR/AHDR%20chapters/Russian%20version/Chapters%20PDF%20Russian.htm (In Russian).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ С ПОЗИЦИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Тоичкина В.П.,
старший научный сотрудник отдела социальной политики на Севере
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассматриваются теоретические вопросы формирования демографической политики на муниципальном уровне являющейся ключевым фактором устойчивого демографического развития страны, регионов, которое в свою очередь - основной фактор сохранения и приумножения человеческого капитала. Формулируются: специальные меры воздействия на процессы воспроизводства и миграцию населения, приоритетные направления развития; определяются инструменты реализации демографической политики муниципального образования.

Ключевые слова: устойчивое развитие, демографическая политика, местное самоуправление, программа, территориальное общественное самоуправление

THERETICAL ASPECTS OF FORMATION AND REALIZATION OF DEMOGRAPHIC POLICY FROM THE POINT OF VIEW OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT: MUNICIPAL LEVEL

V.P. Toichkina
Senior researcher of the department of social policy in the North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The article discusses theoretical issues of formation of demographic policy at the municipal level being the key factor of sustainable demographic development of the country and regions, which in turn is the main factor of conservation and augmenting of human capital. Special measures of influencing processes of reproduction and migration, and priority development directions are formulated; instruments for realization of demographic policy in a municipality are identified.

Key words: sustainable development, demographic policy, local self-government, program, territorial public self-government

Организационной основой формирования и реализации муниципальной политики в демографической сфере с позиций устойчивого развития являются приоритеты федеральной и региональной демографической политики, деятельность социальных институтов, общественных организаций, расположенных на территории муниципального образования, а также само местное сообщество.

Устойчивое развитие муниципальных образований – стратегически направленный процесс развития, отвечающий вызовам, возникающим в глобальном мире, обеспечивающий неопределенно долгое сохранение и приумножение природного, культурного, человеческого, социального, финансового и физического капитала на душу населения, базирующийся на социально ответственном участии всех представителей социума в его развитии, а также на справедливом распределении результатов этого развития [2].

Человеческий капитал определяет в современной экономике основную долю национального богатства стран, регионов, муниципальных образований. По расчетам Всемирного банка человеческий капитал в национальном богатстве развитых странах составляет от 70 до

80 %, России около — 50 %. Основным фактором сохранения и приумножения человеческого капитала является устойчивое демографическое развитие, сопровождаемое федеральной демографической политикой, которая отстаивает национальные интересы страны

Демографическая политика – это целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения. Воспроизводство населения - постоянное обновление народонаселения в результате процессов рождаемости и смертности, а для регионов Севера и миграции, поскольку миграция, изменяя половозрастную структуру населения, опосредовано влияет и на воспроизводство населения[28]. Сущность демографической политики заключается в формировании (в долгосрочной перспективе) устойчивого процесса воспроизводства населения. Это подразумевает сохранение или изменение тенденций в области динамики численности и структуры населения, темпов их изменений, динамики рождаемости, смертности, семейного состава, расселения, внутренней и внешней миграции, качественных характеристик населения. Будучи частью социально-экономической политики, демографическая политика проводится с помощью специальных мер воздействия на процессы воспроизводства и миграцию населения, и выступает как элемент управления населением. Эти меры могут быть условно разделены на следующие группы:

1. **нормативно-правовые** (законы, указы, постановления и пр.) федерального, регионального, муниципального уровней. «Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г.»[29] - основной государственно-управленческий документ, определяющий содержание государственной политики в области управления демографическим развитием страны, формирующий и приводящий в действие ее механизм. Стратегической целью государственной демографической политики является преодоление сложившихся негативных демографических тенденций (преодоление депопуляции), стабилизация численности населения и создание условий для ее роста, достижение уровня ожидаемой продолжительности жизни[30] соответствующего устойчивому демографическому развитию. В «Концепции» предусматривается дальнейшее совершенствование законодательства РФ в сфере семейного, налогового и жилищного права, здравоохранения, образования, социального обеспечения, трудовых отношений, миграционной политики с учетом мер по реализации демографической политики;
2. **административно-юридические** (например, установление минимального возраста вступления в брак, ответственность родителей за содержание, воспитание детей пока их дети не достигли совершеннолетия и т.д.);
3. **экономические** - система предоставления пособий в связи с рождением и воспитанием детей (включая регулярные пересмотр и индексацию их размеров с учетом инфляции). Дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей, в форме предоставления материнского (семейного) капитала; дополнительная поддержка неполных семей с детьми и многодетных семей с низкими доходами; семей, принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей; а также семей, имеющих детей-инвалидов. Экономические меры стимулирования миграции и закрепления новоселов в определенных регионах и муниципальных образованиях и т. д.;
4. **информационно-просветительские, образовательные, пропагандистские** - поддержка проведения и реализации демографической политики, которая адекватна национальным интересам страны, в средствах массовой информации: выпуск тематических теле- и радиопрограмм, газет и журналов; разработка учебных программ:

- по формированию у подрастающего поколения, мотивации для ведения здорового образа жизни;
- понимания ценностей семьи, материнства и отцовства;
- разъяснительная работа с молодыми людьми, направленная на повышение уровня осознания ими грозящего им риска, связанного с отсрочкой реализации ими своей репродуктивной функции,

---

[28] Прибывшие за 2004-2009 гг. («новое население») в Мурманскую область составили 7,1%, выбывшие – 11,0% общей численности населения региона на 1.01.2010 г.

[29] Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ, от 09.10.2007 N 1351. Доступ из справ. правовой системы «Консультант плюс»

[30] Предельно-критическое значение ожидаемой продолжительности жизни при рождении, принятое в мировой практике для диагностирования устойчивости демографического развития: оба пола – 76,7 лет, мужчины – 74,2 лет, женщины – 79,2 лет.

плохо представляющими себе, что означает снижение плодовитости женщины (т.е. биологической способности к воспроизводству) по мере того, как ее возраст приближается к 40 годам и т. д.;
- по формированию межнационального согласия в российском обществе;

5. **организационные** - формирование специальных структур, занимающихся демографической проблематикой: специализированные системы защиты прав детей, включая дальнейшее развитие института уполномоченных по правам ребенка на региональном и муниципальном уровнях; организация и функционирование общественных объединений (объединения местных сообществ, советы, фонды, службы доверия и др.).

Приоритетными направлениями государственной демографической политики в целях устойчивого демографического развития страны согласно «Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.» и «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.»[31] являются:

- сокращение уровня смертности населения, прежде всего, высокой смертности мужчин в трудоспособном возрасте от внешних причин;

- сохранение и укрепление здоровья населения, увеличение продолжительности активной жизни, создание условий и формирование мотивации для ведения здорового образа жизни;

- повышение уровня рождаемости (в том числе за счет рождения в семьях второго и последующих детей);

- укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений;

- управление миграционными процессами в целях снижения дефицита трудовых ресурсов в соответствии с потребностями экономики;

- обеспечение защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Основные направления с учетом региональных особенностей демографического развития могут быть применены и в программах каждого муниципального образования страны.

Инструментом реализации демографической политики на муниципальном уровне является долгосрочная целевая программа (ДЦП) демографического развития. Решение поставленной стратегической цели демографического развития программно-целевым методом направлено на создание условий и предпосылок для максимально эффективного управления средствами бюджета муниципального образования, бюджетов других уровней и средств из внебюджетных источников в соответствии с приоритетами муниципальной политики в области демографического развития.

Программа как организационная основа реализации муниципальной политики в области демографического развития представляет собой комплекс взаимоувязанных по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления мероприятий, отражающих изменения в структуре и содержании демографических процессов, которые носят межотраслевой характер, включая учреждения и организации, находящиеся в ведении органов (МСУ) местного самоуправления.

Важной задачей является разработка организационной основы процесса реализации демографической политики на муниципальном уровне на основе определения роли органов МСУ, с помощью которого в этот процесс включается большая часть населения, проживающего на данной территории.

Территориальное общественное самоуправление (ТОС) - «самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения»[32] (гл.5, ст.27) – может стать организационной основой для развития потенциала местных сообществ и инструментом реализации демографической политики на муниципальном уровне.

МСУ (ФЗ № 131 гл.5, ст.27.3) допускает возможность создания ТОС только в поселениях (городского, сельского типа) и городских округах, территория его действия распространяется лишь на часть территории муниципального образования. Целью ТОС является осуществление «собственных инициатив граждан по вопросам местного значения». Это означает, что только сами

---

[31] О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ, от 12.05.2009 N 537. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс»

[32] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ, от 06.10.2003 N 131-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».

жители решившиеся объединиться для создания ТОС, могут определить, чем будет заниматься ТОС и какие инициативы осуществлять. Органы МСУ не вправе определять компетенцию (рассматриваемые вопросы и полномочия, задачи и круг обязанностей). Но и жители, объединившиеся в ТОС, ограничены в своих действиях: они могут реализовывать инициативы исключительно в вопросах местного значения поселения или городского округа (ограничена деятельность нормами ФЗ № 131).

ТОС обеспечивает обратную связь между местными органами власти и населением и является особым институтом в системе МСУ, не входя в систему публичной власти, ТОС строится исключительно на началах добровольности и демократии. Организация ТОС может содействовать повышению качества управления территориями муниципальных образований органами власти.

ТОСы по своей инициативе могут решать любые вопросы местного значения, не требующие специального лицензионного разрешения. Также любые вопросы в рамках своей деятельности, вправе вносить в органы МСУ проекты муниципальных правовых актов, подлежащие обязательному рассмотрению этими органами и должностными лицами МСУ, к компетенции которых отнесено принятие указанных актов (гл.5, ст.27.8.3, 8.4.).

Органы МСУ не вправе передавать организациям ТОС осуществление своих полномочий, однако органы местного самоуправления вправе привлекать эти организации к реализации своих решений, к оказанию муниципальных услуг населению. Если реализация решений органов МСУ сопряжена с хозяйственной деятельностью, то они должны заключить гражданско-правовые договоры с ТОС. В этом случае ТОС должно иметь статус юридического лица некоммерческой организации (гл.5, ст.27.5), т.е. право самостоятельно заниматься хозяйственной деятельностью.

Анализ лучших практик деятельности ТОСовского движения на территории РФ показывает, что Волгоградская область стала одним из первых субъектов РФ, где исполнительная власть разработала и внедрила в реализацию повсеместно модель инновационного местного управления, механизм административно-гражданского управления в форме стратегического партнерства. В этой модели наряду с двумя уровнями МСУ, присутствует третий – местные сообщества, а ключевым звеном на этом уровне стали организации территориального общественного самоуправления (ТОСы) [1].

Важной особенность инвестирования является использование результативного, а не затратного метода финансирования. Поддерживается не содержание ТОС, а результаты его деятельности, фактически осуществляя долевое субсидирование результативной деятельности ТОСа, делается это ежегодно на конкурсной основе. Это очень эффективное решение, мотивирующее развитие социальной активности. Рразмер поощрения победителей конкурса ТОС за счет областного бюджета Волгоградской области в 2010 г. в общей сложности составил 210 млн. руб. Ежегодно проводится конкурс среди местных администраций на лучшую организацию по работе с ТОС. Это уже мотивация для муниципалитетов[1].

Направления деятельности ТОС (более ста направлений) сформировались согласно с программно-целевой их деятельностью и договорами с местными администрациями о передаче определенных функций (но не полномочий). Первоочередным предметом деятельности ТОС являлось решение актуальных проблем на своих территориях, создание благоприятной среды обитания. По мере своего развития обозначились вопросы качества жизни населения конкретной территории (проведение мероприятий, пропагандирующих здоровый образ жизни; разработка, организация и исполнение собственных малых ТОСовских программ среди них - «Крепкая семья – сильная Россия», «Спортивное общество – здоровая нация» и др.) [3].

В субъекте РФ Волгоградской области разработан и внедрен инновационный проект, в котором используются новые социальные технологии партнерских отношений административной власти, гражданского общества и бизнеса, методики управленческого сопровождения, контроля, аудита, эффективности, а также порядка поддержки ТОС.

Системный инновационный проект, главным движущим механизмом которого является социальное партнерство, позволил создать в Волгоградской области вместо формального содействия вертикально-административную систему гражданского управления, в которой каждый уровень имеет четкие ролевые функции. Работает эта вертикаль не на принципах руководства и подчинения, а на принципах дополнения и интеграции усилий, стимулирующих инициативу, творчество и взаимную ответственность на каждом уровне [1].

Эффективным инструментом реализации демографической политики с позиций устойчивого муниципального развития должны стать местные сообщества, ключевым звеном которых являются организации территориального общественного самоуправления (ТОСы), которые могут решать вопросы местного значения в демографической сфере. Например, информационно-просветительские, пропагандистские вопросы по проведению и реализации демографической политики в муниципальном образовании:

В области политики снижения смертности и роста продолжительности жизни:

– формирование у различных групп населения, особенно у подрастающего поколения, мотивации для ведения здорового образа жизни.

В области реализации семейной политики направленной на укрепление семьи и повышение уровня рождаемости:

– проведение информационно-просветительской кампании, направленной на понимание ценностей материнства и отцовства, повышение статуса родительства; на переход от малодетной семьи к семье, имеющей не менее двух детей;

– пропаганда ценностей семьи, имеющей нескольких детей, а также различных форм семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в целях формирования в обществе позитивного образа семьи со стабильным зарегистрированным браком супругов, имеющих нескольких детей или принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей.

В области миграционной политики:

– создание условий для интеграции иммигрантов в российское общество и развития терпимости в отношениях между местным населением и выходцами из других стран в целях предотвращения этноконфессиональных конфликтов.

При эффективной организации партнерства, стимулирующей инициативу всех ее участников, потенциал ТОС становится высоким, профессионально поставленное объединение усилий дает результат, определяемый не сложением, а приумножением, оправдывая государственные инвестиции в социальный капитал.

Ключевым фактором устойчивого демографического развития является демографическая политика, осуществляемая на местном уровне напрямую влияющая на изменение демографической ситуации как регионов, так и страны, в целом. Организационной основой демографической политики на муниципальном уровне должна являться государственная демографическая политика РФ, с обязательным учетом региональных и местных особенностей демографического развития.

Инструментами реализации демографической политики на муниципальном уровне являются:

- долгосрочная целевая программа (ДЦП) демографического развития муниципального образования;

- организации территориальных общественных самоуправлений (ТОСы - самоорганизации граждан по месту их жительства), являющихся ключевым звеном местных сообществ, принимающих участие в местном управлении, одним из направлений, деятельности которых являются вопросы качества жизни населения конкретной территории;

- информационно-просветительские, образовательные программы, разрабатываемые и реализуемые местными органами управления, социальными институтами, общественными организациями, расположенными на территории муниципального образования:

- по охране здоровья, оздоровлению образа жизни и среды обитания. Пропаганда здорового образа жизни является одним из важнейших приоритетов политики снижения смертности;

- по пониманию ценностей семьи, материнства и отцовства. Реализация семейной политики является одним из важнейших приоритетов повышения рождаемости;

- по формированию межнационального согласия в российском обществе. Привлечение трудовых мигрантов, в целях снижения дефицита трудовых ресурсов в соответствии с потребностями экономики, в рамках интеграционных процессов на евразийском пространстве в условиях, когда российская экономика, как и мировая, оказалась перед долговременным системным вызовом -

возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития, является одним из приоритетов миграционной политики.

Правильно заданный вектор эффективной организации партнерства, стимулирующей инициативу всех ее участников, где исполнительная власть разрабатывает и внедряет в реализацию повсеместно модель инновационного местного управления, в которой наряду с двумя уровнями местного самоуправления, присутствует третий – местные сообщества, позволит реализацию демографической политики сделать комплексной и всеобъемлющей, и получить устойчивую базу позитивных результатов, оправдывая инвестиции вложенные в человеческий капитал.

Литература

20. Максюта Н.К. Место ТОС в системе управления регионом // Местное самоуправление - 2010. - № 4. С. 15-22
21. Рябова Л.А. Проблемы применения концепции устойчивого развития в РФ: от национального уровня к северному аспекту // Север и рынок: формирование экономического порядка. – Апатиты: изд-во КНЦ РАН. - 2010 (25) - № 1. – С.44-49.
22. Волгоградское общественное самоуправление // Местное самоуправление - 2010. - № 4. С. 49-61

Literature

1.Maksyuta N.K. Place of territorial public self-government in the system of regional management // Local self-government. – 2010. – No. 4. P. 15-22

2. Riabova L.A. Problems of implementing the concept of sustainable development in RF: from the national level to the northern aspect // North and Market: formation of economic order. – Apatity: publishing house of KSC RAS. – 2010 (25) – No. 1. – P. 44-49.

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЛАГАЕМЫХ УРОВНЯ ЖИЗНИ

Чупенко Л.В.
научный сотрудник отдела формирования финансовой политики северных регионов
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

Работа посвящена определению инвестиционного потенциала населения Северо-Западного федерального округа с целью обеспечения инвестиционной активности для развития региона. Проведен анализ формирования сбережений и структурных изменений по их видам. Выявлены зависимости между показателями, характеризующими уровень жизни и влияние факторов на улучшение инвестиционной активности.

Ключевые слова: Сбережения населения, организованные сбережения, неорганизованные сбережения, инвестиционный потенциал, инвестиционная активность, покупательная способность населения, денежные доходы, реальный располагаемый доход.

EVALUATION OF INVESTMENT POTENTIAL IN THE LIGHT OF LIVING STANDARD ELEMENTS

Chupenko L.V.
researcher of the department of forming financial policy in northern regions
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The work is devoted to determination of investment potential of the population in the North-western federal district for ensuring investment activities for development of the region. Formation of savings and structural changes by their types are analyzed. Dependencies between indicators

characterizing living standard and influence of factors on improvement of investment activities are revealed.

Key words: Savings of the population, organized savings, non-organized savings, investment potential, investment activities, purchasing power of the population, incomes, real disposable income.

Доходы и покупательная способность населения имеют не только социальное значение – как слагаемые уровня жизни, но и весьма значимы, как элемент экономического роста. При этом для устойчивого развития экономики требуется также постоянное стимулирование инвестиционной деятельности. В достижении цели роста финансовых накоплений и повышения инвестиционной активности немаловажное значение имеют сбережения домохозяйств.

Целью работы является определение инвестиционного потенциала Северо-Западного федерального округа (СЗФО), сконцентрировав внимание на изучении домохозяйств, выявлении зависимостей между показателями, характеризующими уровень жизни, т.к. регулирование их инвестиционной активности является одной из важных задач региональной инвестиционной политики. По уровню инвестиционного потенциала СЗФО занимает существенное место среди субъектов Российской Федерации. Оно связано с выгодным экономико-географическим положением доходностью бюджетов регионов, что делает округ привлекательным для инвесторов. В части сбережений населения, трансформируемых в инвестиции, основным фактором, дающим полагать о преимуществе северян по отношению к населению других территорий более высокими денежными доходами.

Инвестиционный потенциал, как одна из составляющих инвестиционной привлекательности, складывается из суммы объективных предпосылок для инвестиций, зависящих от разнообразных сфер и объектов инвестирования, а также состоянием потребительского спроса населения. Показатель «совокупная покупательная способность денежных доходов населения» аккумулирует в себе изменения собственно номинальных денежных доходов населения, а также изменения цен на основные товары и услуги, необходимые для сохранения здоровья и обеспечения жизнедеятельности. В работе воспользуемся им в качестве инструментария.

Результатом расчета является показатель остатка денежных средств в виде личных сбережений, которые граждане либо вкладывают в ценные бумаги предприятий, либо хранят на рублевых и валютных счетах в банках, либо покупают валюту, а часть сбережений остается на руках.

Под инвестиционным потенциалом населения будем понимать ту часть свободных денежных средств, которая остается у граждан за вычетом из доходов всех расходов, в том числе всех обязательных платежей, налогов, взносов и процентов за кредит. Под организованными денежными средствами будем понимать ту часть средств от всего размера сбережений, которая «работает» на экономику, то есть денежные средства, которые размещены в банковских вкладах, инвестированы в ценные бумаги и недвижимость.

Следует уточнить, что мировой экономический кризис, докатившийся до России к концу 2008г., в какой-то мере повлиял на социально-экономические показатели. Поэтому, чтобы выявить тенденции тех или иных явлений, будем рассматривать период 2003-2007 гг., ситуацию в 2008 г. рассмотрим отдельно. Определим ситуацию изменений объемов сбережений на фоне активно растущих, по данным Росстата, номинальных денежных доходов, а также долевое участие совокупных сбережений населения между регионами. Уточним также понятие «совокупные сбережения» - это сбережения, включающие в себя как организованные, так и неорганизованные формы (табл.1, рис.1).

Таблица 1.

Темпы роста (снижения) совокупных сбережений в регионах СЗФО, %

Регионы / Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008	ср.03-07
СЗФО	168,7	120,6	125,1	114,0	104,1	57,1	134,5
Республика Карелия	123,4	101,9	110,1	127,0	95,4	130,7	111,6
Республика Коми	117,4	115,2	106,5	107,6	113,8	104,0	112,1
Архангельская область	122,9	120,5	124,8	113,0	106,0	125,5	117,4
в т.ч. Ненецкий а.о.	213,9	150,3	95,8	124,0	140,4	131,3	144,9
Вологодская область	126,8	111,1	117,0	145,5	109,1	105,1	121,9
Калининградская область	270,0	104,7	208,1	158,6	114,1	83,1	171,1

Ленинградская область	145,2	147,6	91,4	221,3	135,6	91,2	148,2
Мурманская область	118,1	89,4	133,5	123,2	115,0	113,9	115,8
Новгородская область	122,9	120,7	96,9	133,9	147,9	107,4	124,5
Псковская область	135,1	81,5	53,0	248,7	141,3	132,1	131,9
г. Санкт-Петербург	336,1	133,5	136,5	89,0	88,8	-44,0	156,8

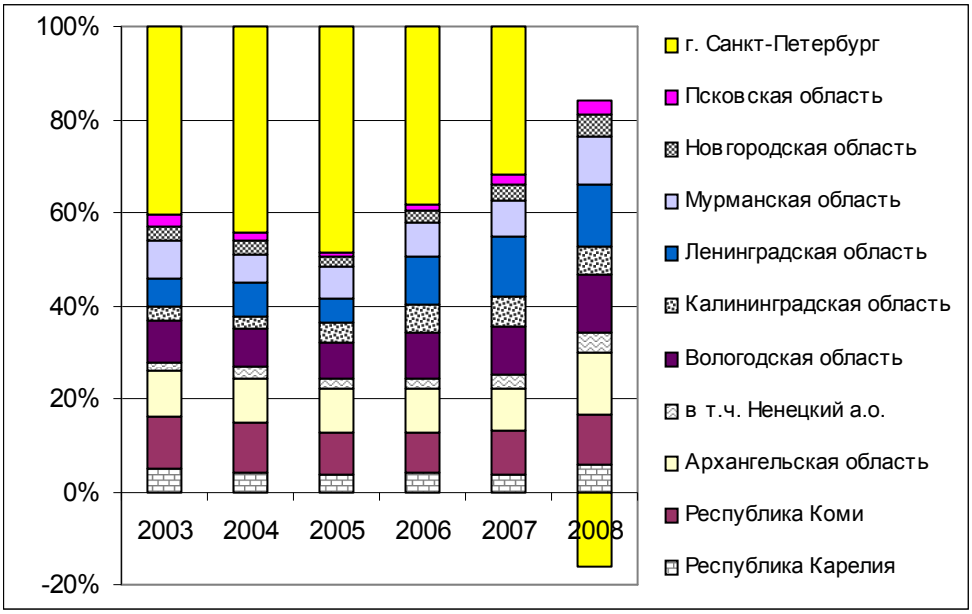

Рис.1. Изменение совокупных сбережений между регионами СЗФО, %

На протяжении 5 лет темпы совокупных сбережений повсеместно росли. Средние значения показателя свидетельствуют о том, что их высокий уровень по Округу в целом обеспечили Калининградская, Ленинградская области и Ненецкий а.о. Однако в отдельные годы наблюдалось и снижение темпов : в 2005г. - в Ленинградской области, в 2007г. – Республике Карелия, в 2006 и 2007 гг. – Санкт-Петербурге (табл.1).

В динамике структурных изменений уровня совокупных сбережений показана существенная роль населения Санкт-Петербурга. В среднем за 5 лет на долю северной столицы приходилось более 40% (в 2007г. – 31,8%) всего объема сбережений. Среди других субъектов значимыми в показателе явились Республика Коми, Архангельская, Вологодская и Ленинградская области (12,9%; 10,4%; 9,4% и 9,2%, соответственно).

В кризисном 2008 г. ситуация кардинально изменилась. Санкт-Петербург лишился былого первенства в уровне положительных инвестиций, теперь превзойдя остальные регионы отрицательными сбережениями. Их уровень оказался настолько высоким, что повлиял на суммарный результат Округа в целом. В то же время для некоторых регионов кризисный год стал исключением в их многолетней вялой динамике. Так, уровень совокупных сбережений более, чем вдвое возрос в Республике Карелия, Ненецком а.о., Архангельской и Псковской областях. Однако эти субъекты (кроме Архангельской) не стали лидерами, а сохранили позиции те субъекты, которые сохраняли первенство в 2007 г. (кроме г. Санкт-Петербурга) – это Архангельская, Ленинградская области (по 20%), а также Вологодская область (18,5%).

Проанализируем, как складывается структура и динамика сбережений населения по Северо-Западному ФО в разрезе регионов по видам сбережений. Условно они разбиты на три вида организованных сбережений: 1) накопления в банковские вклады и приобретение ценных бумаг, 2) приобретение недвижимости, 3) остаток на руках (табл.3).

Таблица 3

Организованные и неорганизованные сбережения в регионах СЗФО (в % от объема)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Сред. 2003-07 гг.
	СЗФО						
% сбережений от дохода	27,1	26,2	25,1	23,4	20,2	10,2	19,72

Накопления во вкладах и ЦБ	66,8	67,6	71,3	65,4	68,3	101	70,5
Приобретение недвижимости	11,4	11,8	10,4	13,7	13,4	62,7	12,8
Остаток на руках	21,8	20,6	18,3	20,9	18,3	-63,7	16,7
	Республика Карелия						
% сбережений от дохода	29,6	25,9	23,7	24,2	20,2	21,9	24,72
Накопления во вкладах и ЦБ	44,6	44,0	46,8	47,9	35,1	17,4	41,1
Приобретение недвижимости	1,7	3,1	3,0	2,9	4,0	8,2	2,8
Остаток на руках	53,7	52,9	50,2	49,2	60,9	74,4	56,0
	Республика Коми						
% от дохода	30,6	28,6	25,4	23,2	22,0	20,1	25,96
Накопления во вкладах и ЦБ	46,4	45,1	52,8	53,0	45,0	44,3	51,3
Приобретение недвижимости	2,6	3,5	4,7	6,9	7,7	8,5	5,7
Остаток на руках	51,0	51,4	42,5	40,1	47,3	47,3	43,0
	Архангельская область						
% от дохода	30,8	29,6	29,3	27,3	24,0	23,7	28,2
Накопления во вкладах и ЦБ	55,5	56,8	60,8	57,1	53,3	49,8	58,2
Приобретение недвижимости	0,3	1,4	1,4	1,8	4,2	5,1	2,1
Остаток на руках	44,2	41,9	37,9	41,0	42,5	45,1	39,7
	в т.ч. Ненецкий а.о.						
% от дохода	66,1	70,1	63,6	61,6	62,0	63,3	64,68
Накопления во вкладах и ЦБ	11,0	6,6	12,7	5,7	5,3	3,8	7,9
Приобретение недвижимости	0,0	0,6	0,5	2,1	2,3	1,6	1,4
Остаток на руках	89,0	92,9	86,8	92,2	92,4	94,6	90,8
	Вологодская область						
% от дохода	34,3	32,3	31,7	33,7	30,5	27,7	32,5
Накопления во вкладах и ЦБ	71,1	76,8	73,8	43,0	38,7	39,4	62,2
Приобретение недвижимости	4,1	5,3	6,9	7,1	7,5	14,1	7,2
Остаток на руках	24,8	18,0	19,2	49,9	53,8	46,6	30,6
	Калининградская область						
% от дохода	17,0	14,4	22,1	25,3	22,5	16,5	20,26
Накопления во вкладах и ЦБ	105,3	111,1	102,3	71,9	75,1	104,2	78,7
Приобретение недвижимости	9,4	11,8	6,3	6,7	6,7	12,7	6,8
Остаток на руках	-14,7	-22,9	-8,6	21,3	18,2	-17,0	14,6
	Ленинградская область						
% от дохода	23,8	26,7	17,2	26,4	28,2	22,6	24,46
Накопления во вкладах и ЦБ	69,3	77,5	126,2	81,1	66,3	84,5	89,7
Приобретение недвижимости	2,1	3,0	3,5	3,8	3,5	8,4	3,8
Остаток на руках	28,6	19,5	-29,7	15,2	30,1	7,1	6,5
	Мурманская область						
% от дохода	27,2	20,9	22,9	23,3	22,3	20,8	23,32
Накопления во вкладах и ЦБ	45,2	49,8	49,3	46,4	42,6	35,6	54,0

Приобретение недвижимости	0,4	1,9	1,7	3,9	4,0	3,8	3,1
Остаток на руках	54,4	48,3	48,9	49,8	27,3	30,0	42,9
	Новгородская область						
% от дохода	23,9	19,8	19,8	23,9	19,4	17,5	21,36
Накопления во вкладах и ЦБ	71,1	63,1	79,2	56,7	33,6	32,0	50,2
Приобретение недвижимости	3,7	8,7	10,7	12,8	15,8	24,1	10,3
Остаток на руках	24,0	6,7	10,7	48,3	27,3	30,0	39,5
	Псковская область						
% от дохода	19,5	12,9	6,1	11,8	13,7	14,0	12,8
Накопления во вкладах и ЦБ	71,3	92,2	221,3	82,2	66,4	64,3	68,9
Приобретение недвижимости	4,1	5,4	9,8	8,5	7,3	5,0	5,3
Остаток на руках	24,6	2,3	-131,1	9,3	26,3	30,7	25,8
	г. Санкт-Петербург						
% от дохода	26,2	27,2	27,0	20,8	15,5	-6,5	23,34
Накопления во вкладах и ЦБ	77,5	72,1	70,4	76,9	100,6	133,8	73,7
Приобретение недвижимости	24,4	21,0	16,3	26,9	29,0	-203,1	21,6
Остаток на руках	-1,9	7,0	13,3	-3,8	-29,7	436,9	4,7

По проценту сбережений от общего объема доходов по СЗФО в целом за 5 лет снижение произошло на 6,9% (с 27,1% до 20,2%), которое, однако, не помешало Округу сохранить достаточно высокий уровень сбережений в сравнении с Россией. В то же время, несмотря на возрастающую динамику доходов населения СЗФО, сберегательная часть уменьшается за счет возрастания потребления. Причем в потребительских расходах покупка товаров и услуг растет более медленными темпами, чем расходы на обязательные платежи, налоги и взносы. То есть, располагаемые денежные доходы по сравнению номинальными растут более медленными темпами.

Показатели, характеризующие изменения в структуре сбережений, демонстрируют все большее предпочтение населения сберегаемую часть доходов помещать в организованные сбережения, то есть в банковские вклады, ценные бумаги предприятий, в недвижимость и др., а хранение денежных средств на руках становится неактуальным. Отличителен тот факт, что в структуре организованных сбережений заметное место завоевывает такая форма, как расходы на приобретение недвижимости, около 13,5%. Но все же, основной формой в составе организованных сбережений являются банковские вклады и накопления в ценные бумаги, до кризиса их доля в структуре составляла 68%.

Схематично сгруппировать регионы СЗФО по видам сбережений, исходя из средних значений исследуемого периода, можно следующим образом (табл.4):

Таблица 4

Схема группировки регионов СЗФО по видам сбережений

	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
I. Накопления в ценные бумаги, банковские вклады	1. Ленинградская (89,7%) 2.Калининградская (78,7) 3. Санкт-Петербург (73,7)	1. Псковская (68,9%) 2. Вологодская (62,2) 3. Архангельская (58,2) 4. Мурманская (54,0) 5. Р. Коми (51,3) 6. Новгородская (50,2) 7. Р. Карелия (41,1)	1. Ненецкий а.о. (7,9%)
II. Накопления в недвижимость	1.Санкт-Петербург (21,6%) 2. Новгородская (10,3) 3. Вологодская (7,2)	1. Калининградская (6,8) 2. Р. Коми (5,7) 3. Псковская (5,3)	1. Ненецкий а.о. (1,4%) 2. Архангельская (2,1)

		4. Ленинградская (3,8) 5. Мурманская (3,1) 6. Р. Карелия (2,8)	
III. Неорганизованные сбережения	1. Ненецкий а.о. (90,8%) 2. Р. Карелия (56,0) 3. Р. Коми (43,0) 4. Мурманская (42,9)	1. Архангельская (39,7%) 2. Новгородская (39,5) 3. Вологодская (30,6) 4. Псковская (25,8) 5. Калининградская (14,6)	1.Санкт-Петербург (4,7%) 2.Ленинградская (6,5)

Кризисный 2008 год нарушил относительно стабильные тенденции показателей, характеризующих уровень жизни. Он стал первым годом, явившийся целым рядом показателей с отрицательными значениями. В частности, впервые за рассматриваемый период снизился объем сбережений в целом по России - на 13,4%, несмотря на возросшие (на 18,4%) номинальные денежные доходы. По СЗФО также произошло снижение уровня сбережений, причем его снижение превысило среднероссийское почти вдвое. Процент сбережений от доходов в этом же году составил 10,2% против 20,2% в 2007. В 2008г. в сравнении с предыдущим годом возросли уровни обеих организованных форм в структуре совокупных сбережений: накопления во вкладах и ценных бумагах (на 32,7%), приобретение недвижимости (на 49,3%). Изменения неорганизованных сбережений (денежные средства на руках) зафиксированы с отрицательным значением, за год их уровень упал на 45,4% и составил (-)63,7%, против 18,3% в 2007г.

Из анализа структуры сбережений очевидна тенденция некоторого улучшения инвестиционной активности: процент сбережений во вкладах и ценных бумагах занимает значительную долю в общих сбережениях. Вместе с тем, происходит тенденция уменьшения свободных денежных средств на руках, хотя достаточно высокая в сравнении со среднероссийским уровнем. Причиной снижения доли сберегаемых средств на руках, как упоминалось выше, являются растущие расходы на оплату обязательных платежей, налогов и разнообразных взносов. Кроме того, в данную статью расходов, в соответствии с методологическими пояснениями Росстата, включаются проценты за кредиты. А поскольку в последнее время рынок кредита, в том числе потребительский и ипотечный, получил интенсивное развитие, то вместе с основными платежами, растут и расходы на оплату процентов за кредиты.

Другой причиной снижения свободных денежных средств на руках может являться развитие системы безналичных расчетов. Некоторые экономисты считают, что при максимальном развитии этой системы, ресурсы банковской сферы расширятся примерно на 10% валового внутреннего продукта, и в таком случае денежные средства не выходят из финансового оборота.

Итак, потенциал региона обусловлен состоянием совокупного потребительского спроса домохозяйств. Домохозяйства, в свою очередь, находятся в прямой зависимости от результатов своего поведения: выше затраты труда – выше (как правило) доходы – выше (разнообразнее) потребление, а с растущим потреблением выше и норма сбережения. Поэтому важно знать состояние покупательной способности домохозяйств, как составляющей совокупного потребительского спроса. Покупательная способность денежных доходов определяется количеством товаров и услуг, которое население способно приобрести в соответствии с имеющимися у людей денежными средствами и при уровне цен на товары и тарифов на услуги, сложившемся в регионе.

Поскольку к наиболее представительным и употребимым макроэкономическим показателям, укрупненно характеризующим доходы населения, в настоящее время относят, прежде всего, реально располагаемые доходы домашних хозяйств, приведем данные показатели в разрезе регионов Округа (табл.5).

Таблица 5

Динамика среднедушевых денежных доходов населения (рублей), реальных располагаемых денежных доходов (в % к предыдущему году), индекса потребительских цен в регионах СЗФО

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2007 в % к 2003
СЗФО							

Среднедушевые денежные доходы	136,8	125,6	131,6	123,0	121,1	113,3	336,9
Реальные располагаемые ден. доходы	114,0	109,5	112,3	115,6	109,5	103,6	177,4
Индекс потребительских цен	113,2	112,3	111,2	109,5	112,6	114,1	174,3
Республика Карелия							
Среднедушевые денежные доходы	127,8	117,5	121,2	125,2	114,7	121,1	261,4
Реальные располагаемые ден. доходы	120,1	112,3	118,6	112,1	106,6	100,3	236,7
Индекс потребительских цен	112,9	111,1	110	109,1	113,1	112,7	170,3
Республика Коми							
Среднедушевые денежные доходы	130,3	124,4	121,2	119,0	120,9	114,9	282,6
Реальные располагаемые ден. доходы	105,7	102,8	104,2	113,5	96,3	107,7	257,3
Индекс потребительских цен	118	111	110,8	110	112,3	113,8	179,3
Архангельская область							
Среднедушевые денежные доходы	129,6	126,6	127,5	122,3	121,3	128,1	310,2
Реальные располагаемые ден. доходы	113,6	109,1	107,3	106,9	105,0	97,9	281,8
Индекс потребительских цен	112,7	112,5	109,7	109	112,9	114,1	171,2
Ненецкий а.о.							
Среднедушевые денежные доходы	183,8	141,7	105,6	128,0	139,4	128,6	491,1
Реальные располагаемые ден. доходы	113,6	106,4	112,3	110,8	111,9	107,4	483,3
Индекс потребительских цен	112,7	117,7	112,3	109,2	107,4	118,4	174,7
Вологодская область							
Среднедушевые денежные доходы	129,5	118,9	120,1	137,6	121,1	116,1	308,3
Реальные располагаемые ден. доходы	110,5	104,7	106,3	123,6	105,4	101,8	277,4
Индекс потребительских цен	113,1	111,8	111,3	109,2	112,7	114,3	173,2
Калининградская область							
Среднедушевые денежные доходы	137,2	124,3	136,3	139,0	128,3	113,4	414,1
Реальные располагаемые ден. доходы	107,8	104,9	105,9	124,2	104,8	103,2	373,2
Индекс потребительских цен	117,5	111,7	111,1	107,9	111,2	115,2	175,0
Ленинградская область							
Среднедушевые денежные доходы	124,4	132,2	142,7	144,7	127,3	113,8	432,1
Реальные располагаемые ден. доходы	121,1	105,0	115,7	128,4	115,8	95,0	417,3
Индекс потребительских цен	113	114,9	112	109,9	112,8	114,9	180,3
Мурманская область							
Среднедушевые денежные доходы	128,7	117,3	123,1	122,1	121,0	123,3	274,5
Реальные располагаемые ден. доходы	107,3	118,8	129,1	134,1	112,3	98,3	248,5
Индекс потребительских цен	113,9	110,8	111	108,8	112,5	114,1	171,5
Новгородская область							
Среднедушевые денежные доходы	125,6	117,4	125,6	131,5	119,5	135,2	291,2
Реальные располагаемые ден. доходы	110,7	102,5	110	109,6	107,1	106,1	263,6
Индекс потребительских цен	114,4	113,1	110,3	110,3	111,7	114	175,8
Псковская область							
Среднедушевые денежные доходы	132,7	125,0	113,9	130,5	123,2	130,9	303,8
Реальные располагаемые ден. доходы	109,7	102,5	110,5	120,8	104,8	118,5	274,3
Индекс потребительских цен	112,7	111,6	110,5	108,1	112,5	113	169,0
г. Санкт-Петербург							
Среднедушевые денежные доходы	149,8	129,3	138,1	115,7	119,3	104,6	369,1
Реальные располагаемые ден. доходы	172,3	156,4	283,9	104,5	140,4	176,5	346,7
Индекс потребительских цен	112,2	112,7	112	110	113,2	114,4	176,3

Данные табл.5 свидетельствуют о том, что в СЗФО при тенденции роста номинальных денежных доходов реальные располагаемые доходы не всегда преодолевали пороги индекса потребительских цен соответствующих лет: в 2004, 2007 и кризисном 2008 гг. они были ниже. Внутри Округа регионов с относительно невысокими реальными доходами большинство, из них самые неблагополучные, в которых разрыв между значениями реальных располагаемых доходов и индекса потребительских цен на товары и услуги за рассматриваемый период был самый высокий – Республика Коми, Новгородская и Архангельская области. Превышение реальных доходов над

индексом потребительских цен наблюдался лишь в 4 регионах: в Санкт-Петербурге, Мурманской, Ленинградской областях и Республике Карелия. То есть, обобщая ситуацию, можно утверждать, что на самом деле, в СЗФО, несмотря на рост номинальных денежных доходов, практически не происходит роста реальных денежных доходов. Это говорит о сдерживающем факторе не только в сберегательном поведении домохозяйств, но и в потреблении.

Другим показателем, характеризующим покупательную способность, является дифференциация доходов населения. Показатель имеет тенденцию неуклонного роста. Если в 2003г. коэффициент фондов (социального расслоения), который определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами, составлял 14,5 раза, то в 2008г. – уже 16,9.

Таким образом, рассмотренный блок показателей совокупной покупательной способности денежных доходов, как один из инструментов регулирования инвестиционной активности, позволил оценить инвестиционный потенциал населения Северо-Западного района. В соответствии с законом экономической теории, покупательная способность доходов населения имеет прямую зависимость с состоянием сбережений: чем она выше, тем выше норма сбережений. Однако процент сбережений СЗФО в тенденции рассматриваемого периода сильно не меняется. Это объясняется несоответствием темпов роста номинальных доходов темпам роста потребительских цен. В то же время инвестиционный потенциал в регионе продолжает оставаться высоким. Группировка регионов по видам сбережений показала четкое разграничение территорий на города-мегаполисы и города-периферии, которые в силу развития финансовой инфраструктуры, отличаются: первые - высоким уровнем организованных сбережений и низким – неорганизованных, а вторые, наоборот. В нашем округе много городов и регионов со слабо развитой инфраструктурой, что дает возможность региональным властям при условии проведения грамотной финансовой политики рассчитывать на привлечение свободных денежных средств населения.

Литература

1. Бекасова И.Э. Особенности потребительского поведения россиян: факторы выбора, мотивации, лояльность.URL: htt: //www.rk-audit.ru/buhuchet/potrebitelskoe povedenie statiya buhuchet.html.
2. Статистика уровня жизни населения.URL: http://www.rus-lib.ru/book/31/eb/16/419-444.html.
3. Покупательная способность доходов и потребление населения: состояние и перспективы. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0213/analit01.php.
4. Эксперт Северо-Запад: почти привлекательны.URL: http://2kauditspb.ru/smi.php?id=1116
5. Федеральная служба государственной статистики - Центральная база статистических данных [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi

References

1. Bekasova I.E. Specificity of consumer behavior of the Russians: factors of choice, motivation, loyalty. URL: http://www.rk-audit.ru/buhuchet/potrebitelskoe povedenie statiya buhuchet.html.
2. Statistics of living standard. URL: http://www.rus-lib.ru/book/31/eb/16/419-444.html.
3. Purchasing power of incomes and consumption: the condition and prospects. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0213/analit01.php.
4. Expert North-west: almost attractive. : http://2kauditspb.ru/smi.php?id=1116
5. Federal agency of state statistics – Central basis of statistic data [Electronic resource] URL: http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi

ТРАНСПОРТНОЕ ОСВОЕНИЕ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Шпак А.В.,
кандидат экономических наук, доцент,
заведующая сектором экономики и организации товародвижения
отдела региональной и муниципальной политики на Севере РФ

Серова В.А.,.
научный сотрудник сектора экономики и организации товародвижения
отдела региональной и муниципальной политики на Севере РФ
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассматриваются вопросы транспортной доступности арктической зоны РФ, представлены основные характеристики транспортной инфраструктуры указанной территории, дается анализ некоторых планово-прогнозных документов развития транспортной отрасли.

Ключевые слова: регионы Севера и Арктики, транспортная доступность, транспортная инфраструктура, грузопотоки, транспортные проекты.

TRANSPORT DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC ZONE UNDER THE PRESENT CONDITIONS

Shpak A.V.,
Ph.D. (Econ.), Docent,
head of sector of economy and organization of commodity flows
of the department of regional and municipal policy in the North of RF
Serova V.A.,
researcher of sector of economy and organization of commodity flows
of the department of regional and municipal policy in the North of RF
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre RAS

The article considers issues of transport accessibility of the Arctic zone of RF, main characteristics of the transport infrastructure of the indicated territory are given, some plan-prognosis documents for developing the transport branch are analyzed.

***Key words*:** regions of the North and the Arctic, transport accessibility, transport infrastructure, cargo flows, transport projects.

Транспорт является одной из системообразующих отраслей экономики, обеспечивающих территориальную целостность и единство экономического пространства страны. Опыт развитых стран доказывает, что инвестиции в транспортную инфраструктуру являются одним из наиболее эффективных инструментов ускорения экономического роста, развития новых рынков, формирования новых возможностей для повышения инвестиционной, деловой и социальной активности в обществе. В итоге транспорт не только обеспечивает пространственное и функциональное единство страны, но и представляет собой мультипликативную отрасль, активизирующую освоение периферийных территорий. Одной из таких территорий является арктическая зона Севера РФ.

Российская Арктика – регион особых геостратегических интересов государства и долговременных экономических интересов общества, прежде всего с точки зрения освоения и рационального использования природных ресурсов и обеспечения глобального экологического равновесия. несомненно, это обуславливает ее выделение в самостоятельный объект государственной политики. В Арктике сосредоточены стратегические запасы природных богатств, которые во многом будут определять развитие российской экономики. В то же время освоение месторождений Арктики ставит множество проблем и требует значительных инвестиций**.**

В настоящее время транспортная система северного макрорегиона характеризуется крайне неравномерным развитием и слабым уровнем освоенности. Огромные территории Севера и

Арктической зоны практически не обустроены в транспортном отношении и не имеют полноценных связей с транспортными магистралями, а также налаженных внутрирайонных коммуникаций. Ограниченная транспортная доступность северных территорий значительно увеличивает затраты на перевозку грузов и пассажиров. Доля транспортных издержек в стоимости конечного продукта Арктической зоны в настоящее время очень высока и достигает 60% [8]. К этому следует добавить технологическую отсталость транспортной инфраструктуры и обвальное снижение грузопотоков, которые не просто сдерживают развитие транспортного комплекса, а вызывают кризис всей арктической транспортной системы.

Значительное уменьшение объемов перевозок грузов представлено на примере автомобильного транспорта в таблице 1.

Таблица 1

Перевозки грузов автомобильным транспортом по районам, полностью или частично относящимся к Арктической зоне, *млн. тонн**

	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2008 к 1990 в %
Архангельская область	125,2	54,8	30,5	30,2	29,4	42,5	35,2	33,9	43,2	37,3	37,2	29,7
в том числе Ненецкий АО	1,7	0,5	0,8	0,8	0,8	0,8	0,9	1,0	1,9	1,6	1,5	88,2
Мурманская область	443,6	18,5	9,6	9,6	8,0	6,3	8,3	18,3	6,2	5,7	5,3	1,2
Ямало-Ненецкий АО	125,9	71,0	47,9	41,0	41,4	52,5	40,0	32,7	39,9	45,2	40,6	32,2
Красноярский край	458,3	294,6	137,7	116,9	102,1	95,3	81,2	85,7	91,3	97,6	107,7	23,5
Республика Саха (Якутия)	563,5	372,0	80,1	72,8	46,1	29,8	32,2	32,0	20,0	21,8	17,3	3,1
Камчатский край	33,0	4,9	4,5	2,8	2,8	2,9	2,5	2,5	2,9	2,6	2,8	8,5
Чукотский АО	48,6	2,6	0,8	1,3	1,7	2,2	2,5	2,6	2,5	1,4	1,2	2,5

* Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 990 с.

Представим основные характеристики транспортной инфраструктуры арктической зоны.

Одним из базовых элементов Арктической транспортной системы является Северный морской путь. Путь морем – практически единственное средство доставки грузов почти в 100 российских пунктов на побережье Ледовитого океана и на островах. И хотя в настоящее время морская транспортная система обеспечивает сократившиеся потребности страны в арктических грузоперевозках, ее депрессивное состояние сохраняется. Особенно это касается восточных районов Арктики.

Сегодня на трассах СМП действуют 10 линейных ледоколов (из них 6 атомных), и более 60 транспортных судов ледовых категорий. Это самый мощный ледокольный флот в мире, с уникальным опытом конструирования, постройки и эксплуатации таких судов. Однако он также требует реконструкции и обновления. В целом эффективность арктического судоходства в работе транспортного комплекса остается сравнительно низкой, в том числе из-за высокой стоимости ледокольных услуг, которые составляют порядка 60-65% портовых сборов, и их размер существенно влияет на конкурентоспособность портов. Вся инфраструктура Северного морского пути, включающая ледокольный флот, метеорологическую и гидрографическую службы, ледовую

разведку, авиация, связь, оказалась в состоянии кризиса. В результате деятельность ледокольного флота стала убыточной.

Огромное влияние на функционирование Северного морского пути оказывает портовая инфраструктура. Сегодня, угасание деятельности большинства морских портов арктической зоны России вызывает «замирание» деятельности речных портов, аэропортов, системы «северного завоза», инфраструктуры северных поселений, а в итоге - жизнеобеспечения указанных территорий. Здесь верную «параллель» провел исполнительный директор некоммерческого партнерства по координации использования Севморпути, капитан дальнего плавания В. Михайличенко: «…нет северного завоза - нет людей в поселках - нет грузов, которые можно возить и продавать… Да и реконструкция портов возможна, лишь когда живы прибрежные поселки»[7].

В силу объективных причин неразвитости наземных коммуникаций особая транспортная нагрузка в арктических регионах приходится на речной транспорт. Меридиональное расположение крупнейших сибирских рек позволяет им служить связующими звеньями между Транссибирской магистралью и СМП. Реки Лена, Енисей, Обь и Иртыш в четыре раза превышают протяженность железнодорожных дорог и в одиннадцать раз - автомобильных**.** Разветвленная система речных притоков обеспечивает доступ к самым отдаленным пунктам. В целом, доля внутреннего водного транспорта составляет более трех четвертей от всего объема водных перевозок грузов.

Использованием речного транспорта достигается относительная дешевизна перевозок массовых грузов и минимальное воздействие на окружающую среду. Однако эксплуатационные и экономические показатели речного флота существенно ухудшились: сокращается загрузка судов по причинам падения гарантированных глубин, неритмичного грузопредъявления и неплатежеспособности грузовладельцев.

Другой важный элемент арктической транспортной системы – меридионально-ориентированные транспортные пути, обеспечивающие интеграцию экономики арктических регионов в общероссийское экономическое пространство – имеют устойчивую основу только западнее Урала (в Мурманской и Архангельской областях) и, отчасти, в Западной Сибири. Далее, к востоку, меридиональные транспортные магистрали опираются на речные пути, навигация на которых продолжается не более полугода и зависит от поддержания необходимой глубины судового хода земснарядами. В таблице 2 представлены восточные районы, наиболее слабо освоенные в транспортном отношении.

Таблица 2

Обеспеченность арктических регионов транспортной инфраструктурой

Субъект федерации	**Развитость инфраструктуры**
Архангельская область	Развита (обслуживание островов Арктики, морские порты: Архангельск, Мезень, Онега); магистральные автомобильные и железные дороги (участки Северной железной дороги в Архангельской области Коноша-Воркута-Лабытнанги и их ответвления)
Мурманская область	Развита (особенно морской транспорт – ледокольный флот, порты Мурманск (крупнейший незамерзающий порт России), Кандалакша); магистральные автомобильные и железные дороги (участки Октябрьской железной дороги Петрозаводск-Мурманск и ее ответвления)
Ненецкий АО	Развита слабо (главную роль играют воздушный и морской транспорт, порты: Нарьян-Мар, Амдерма),
Ямало-Ненецкий АО	Довольно развита (газопроводный («Сияние Севера», Уренгой-Челябинск, Уренгой - Западная Европа), морской (СМП) и речной транспорт (Обь, Надым, Таз, Пур)); ОАО "Ямальская железная компания»

Субъект федерации	Развитость инфраструктуры
Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район	Развита слабо (газопровод Месояха-Норильск, транспортная система не связана с общероссийской, основные порты: Диксон, Дудинка, Хатанга); местная железная дорога Дудинка–Норильск
Республика Саха (Якутия)	Развита слабо (порты СМП: Тикси, Зеленый мыс, речное судоходство – 6 речных портов); автозимники
Чукотский АО	Относительно развита (есть трубопроводы, 5 морских портов); железных дорог нет, лишь незначительные узкоколейки на местных предприятиях; автозимники; основные виды транспорта для дальних передвижений — морской и воздушный

В силу неравномерности развития плотность автомобильных дорог в северных регионах различается в десятки, и даже сотни раз. Согласно расчетам, плотность автодорог общего пользования на Таймыре – в 350 раз меньше среднего показателя по РФ, на Чукотке – в 46,2 раза, в Ненецком ОА – в 33,6 раза, в Ямало-Ненецком АО – в 23,1[11]. В некоторых регионах только 10–15% дорожного покрытия соответствуют современным техническим нормативам.

Арктические районы Республики Саха (Якутия) обслуживаются, в основном, автозимниками. Плотность автодорог в Республике Саха меньше среднероссийского показателя в 11 раз, около 80% из них не соответствуют нормативным требованиям. Опорной магистралью автозимников является автодорога Удачный–Мирный–Вилюйск–Якутск–Хандыга–Усть-Нера–Магадан, отдельные участки которой (205 км) находятся в стадии строительства. Главным приоритетом в республике являются дальнейшее строительство и реконструкция автомагистралей «Колыма», «Лена» и «Амга». Снабжение предприятий и населенных пунктов Чукотского округа осуществляется с использованием автозимников между портом Зеленый Мыс (река Колыма), АЭС Билибино, портами Певек, Мыс Шмидта и Эгвекинот. В стадии строительства находится автодорога Зеленый Мыс–Билибино–Певек.

Подобная транспортная инфраструктура еще более «взвинчивает» транспортные тарифы: по оценке Минтранса России себестоимость автомобильных перевозок на Севере в 5-10 раз выше, чем в центральной части РФ и в 1,5 раза выше, чем в аналогичных районах других государств. Дополняет круг проблем большое число бесхозяйных дорог, постепенно теряющих свои эксплуатационные характеристики.

Уместно отметить, что наша страна, даже не затрагивая арктические территории, существенно проигрывает в вопросах транспортного обеспечения. Мы значительно отстаем от США, Финляндии и Швеции по показателям протяженности дорог на душу населения и плотности дорог, по густоте железнодорожных путей. Например, Аляска (площадь 1,7 млн. км^2), уже сравнялась по плотности автомобильных дорог с Мурманской областью и в 15–20 превзошла Север Сибири. Кроме того, в восточном секторе Арктики нет магистральных железных дорог, которые могли бы существенно влиять на транспортную доступность.

По экспертным оценкам, проблема транспортной неосвоенности обходится российской экономике ежегодно в 10% ВВП. Неразвитость транспортной инфраструктуры способствует высокому уровню транспортной дискриминации и существенным образом ограничивает мобильность населения. Отсутствие сухопутного транспортного сообщения между северо-восточными регионами Севера и остальной частью страны оказывает дестабилизирующее воздействие на социально-экономическое развитие этих территорий.

К числу наиболее серьезных угроз для устойчивого и надежного функционирования транспортной системы Севера относится фактор устаревания основных фондов. Основная транспортная инфраструктура создана еще в советский период, ее изношенность не только не позволяет реализовывать стратегические задачи, но и грозит техногенными авариями и катастрофами.

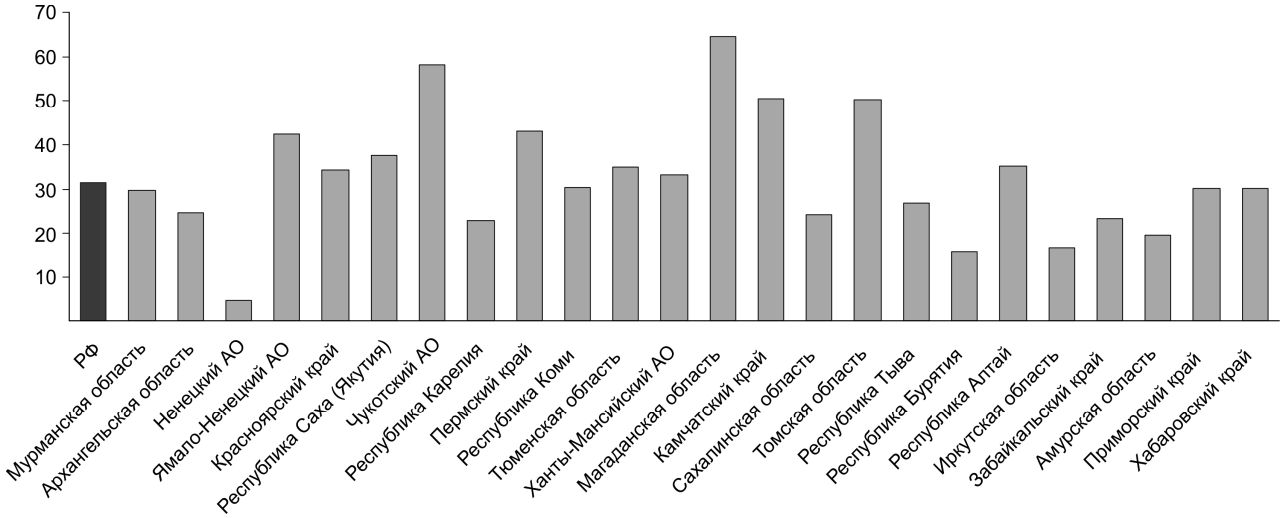

Рис. 1. Степень износа основных фондов (транспорт и связь) по районам Крайнего Севера на конец 2008 г., в %.

В разрабатываемой стратегии социально-экономического развития Арктики до 2020 года заявлена **«Новая природа арктических мегапроектов как государственно-частных партнерств.** В прогнозный период в российской Арктике будет реализовано несколько мегапроектов, на принципиально новых основах – если сравнивать их со стройками советского времени. Важнейший среди них проект освоения ресурсов углеводородов на
шельфе арктических морей продлится несколько десятилетий… Важнейший вызов состоит в том, чтобы использовать арктические мегапроекты для запуска процесса инновационного развития как в самой Арктике, так и в российской экономике в целом» [5]. Естественно, за этим следует и рост грузопотоков. Прогнозная оценка основных арктических грузопотоков на 2010-2020 гг. при пессимистическом и оптимистическом вариантах представлена в таблице 3[4].

Таблица 3

Прогноз грузопотоков в Арктической зоне РФ, *тыс. т*

Грузопотоки	2010	2015	2020	2010	2015	2020
варианты перевозок	*пессимистический*			*оптимистический*		
Экспорт нефти из Белого и Баренцева морей	19000	19500	19500	20000	28500	29500
Северный завоз	470	740	890	705	1100	1320
Дудинка	1195	1305	1310	1920	2630	2635
Вывоз из Арктики	720	935	1150	1415	2560	7985
Внутриарктический каботаж	145	210	250	295	460	560
Транзитные перевозки	0	0	0	100	150	250
Импорт	25	35	40	40	50	55
Всего	**21555**	**30725**	**32140**	**24475**	**35450**	**42305**

Согласно Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 г. [10] весь период реализации применительно к Арктическому поясу развития рассматривается как *инновационно-восстановительный*, призванный подготовить производственный потенциал, промышленную и транспортную инфраструктуру, а также трудовые ресурсы к эффективному

освоению природных ресурсов Арктики с использованием нового технологического базиса. В целом на сегодняшний день существует множество транспортных проектов развития Арктики и достаточно амбициозных. Многие из них нуждаются в научном обосновании, так как оправдают ли себя огромные финансовые затраты на малонаселенных территориях с суровым климатом – отдельный вопрос.

В то же время, развитие северных территорий всегда происходило скачкообразно, когда одновременно совпадали два условия: появление *прорывных технологий*, а также *инвестиционных проектов* на Севере, которые с помощью этих технологий можно было реализовать [2]. Ледокольный флот и полярная авиация дали толчок в развитии Севера в 30-е годы. Но серьёзный прорыв произошёл лишь в 60-е и 70-е годы с появлением атомных ледоколов и возможностью надёжной караванной проводки судов.

В сегодняшней ситуации, характеризующейся длительностью проводимых реформ, формированием новых экономических отношений, а также влиянием последнего кризиса реализация крупномасштабных транспортных проектов в зоне Севера и Арктики представляется весьма сложной.

Так, согласно «Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года» размер капитальных вложений в транспортную отрасль должен был составить астрономическую сумму: от 140 по энерго-сырьевому до 154 трлн руб. по инновационному варианту развития. То есть, порядка 7 трлн руб. ежегодно в течение последующих двадцати лет [1]. В программах антикризисных мер на 2009 год, а затем и на 2010 год также подчеркивается необходимость поддержки отдельных отраслей экономики, среди которых и топливно-энергетический комплекс и транспорт как обеспечивающие основу для функционирования экономики в целом [1].

В федерально-целевой программе «Развитие транспортной системы России на 2010-2015 гг.», вышедшей в свет в 2008 году планировались самые масштабные инфраструктурные инвестиции за всю историю страны – за 5 лет государство было готово потратить на отрасль 4,65 трлн. рублей (1,9 трлн. из них – в 2010-2012 гг.). Почти все эти средства предполагалось вложить в капремонт и строительство автодорог (в среднем по 650 млрд. рублей в год). Но кризис изменил инвестиционные планы [6].

С учетом оптимизации бюджета, а также с учетом антикризисной поддержки расходы на развитие транспортного комплекса составили в 2009 году 559,9 млрд. рублей, что на 11,4% меньше первоначально утвержденного бюджета [3].

В ближайшие 3 года (2010-2012 гг.) инвестиции сократят почти в 3 раза. Наибольшие потери понесет автодорожная отрасль [6]. По прогнозу Минфина, секвестированию подвергнется каждая вторая целевая программа. Могут быть сокращены как целые подпрограммы, так и отдельные проекты внутри ФЦП [9]. К сожалению, значительная часть стратегических планов превращается в благие намерения.

К сожалению, фантастичность реализации многих заявленных проектов на Севере РФ обусловлена не только объективными факторами (сложные природно-климатические условия, экономический кризис), но и несовершенством современной политикой в области развития транспортной инфраструктуры. Отсутствие системного видения проблемы не просто сдерживает, а фактически делает невозможным развитие современных форм пространственной организации транспорта, тем самым негативно влияя на региональное развитие зоны Севера, территориальную организацию производительных сил и транзитные возможности. Очевидно, решение транспортных проблем Севера сегодня требует принципиально иного подхода. Учитывая колоссальную стоимость строительства транспортных коммуникаций на Крайнем Севере, а также специфику очагового освоения сырьевых месторождений, большую экологическую уязвимость северных экосистем наиболее реальным является сохранении действующей транспортной системы, повышение ее эффективности, а также использование амфибийной техники и техники высокой проходимости, как воздушной, так и наземной. Наряду с этим необходимо перспективное планирование товарных и пассажирских потоков, ясное понимание задач, стоящих перед регионами.

Литература

1. Варнавский В. Вложения в транспортную инфраструктуру необходимо продолжать// Логистика и управление. - 2009. - № 11. – С. 42-46.
2. Гурьев А. Импульс для развития российского Севера (Электронный ресурс): "Парламентская газета" №33-34(2449-2450) от 25.06.2010. URL: http://www.severcom.ru/aboutnorth/item103-1.html
3. ЕВРАЗИЯ. Вести. Развитие транспортного комплекса Российской Федерации в современных условиях. URL: http://www.eav.ru/publ1.php?publid=2009-06a03
4. Национальные экономические интересы и тенденции развития морских перевозок углеводородных ресурсов в Арктике /Отв. Ред. С.Ю. Козьменко, В.С.Селин. – Апатиты: изд. Кольского научного центра РАН, 2009. – 163 с.
5. Пилясов А. Стратегия развития Арктической зоны России на период до 2020 года. URL:http://www.forumstrategov.ru/upload/documents/pilyasov.pdf?PHPSESSID=71e6e567bc9967c95814e67f8926e8d6
6. Расходы на развитие транспортной инфраструктуры в России в 2010-2012 гг. сократятся в 3 раза. URL: http://asninfo.ru/asn/57/16682
7. Севморпуть – это самое настоящее министерство. URL:http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1511280
8. Север как объект комплексных региональных исследований/ Отв. ред. В.Н.Лаженцев. – Сыктывкар, 2005. – 512 с.
9. Скобелев П. В плену у бюджета Правительство вынуждено отказаться от финансирования некоторых ФЦП. "Российская газета". 18.03.2010. №5134 (55)
10. Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. URL:http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php
11. Шестопалов М. Вектор устремлений - Арктика. Проблемы устойчивого развития арктической зоны России. URL: http://www.inoforum.ru/forum/index.php?showtopic=9698

References

1. Varnavskiy V. Investments in the transport infrastructure should be continued // Logistics and management . -2009. – No.11. – P. 42-46.
2. Guriev A. Impulse for the Russian North development (Electronic resource): “Parlamentskaya gazeta” No. 33-34(2449-2450) of 25.06.2010. URL: http://www.severcom.ru/aboutnorth/item103-1.html
3. EUROASIA. News. Development of the transport complex of the Russian Federation under the modern conditions. URL: http://www.eav.ru/publ1.php?publid=2009-06a03
4. National economic interests and development trends of sea traffic of hydrocarbon resources in the Arctic/Edited by. S. Yu. Kozmenko, V.S. Selin. – Apatity: publishing house of the Kola Science Centre of RAS, 2009. – 163 p.
5. Pilyasov A. Development strategy of the Russian Arctic zone for the period to the year of 2020. URL:http://www.forumstrategov.ru/upload/documents/pilyasov.pdf?PHPSESSID=71e6e567bc9967c95814e67f8926e8d6
6. Expenditures for the transport infrastructure development in Russia in 2010-2012 will be cut 3 times. URL: http://asninfo.ru/asn/57/16682
7. The North Sea Route is a real Ministry. URL:http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1511280
8. The North is as an object of complex regional studies/ Edited by V.N. Lazhentsev. – Syktyvkar, 2005. – 512 p.
9. Skobelev P. Because of the budget problems the Government had to give up financing some of the Federal target programs. “Rossiyskaya gazeta”. 18.03.2010. No. 5134 (55).
10. Strategy of socio-economic development of Siberia to the year of 2020. URL:http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php
11. Shestopalov M. The striving vector is the Arctic. Issues of sustainable development of the Russian Arctic zone. URL: http://www.inoforum.ru/forum/index.php?showtopic=9698

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИЗОЛИРОВАННЫХ ЭНЕРГОСИСТЕМ СЕВЕРА В ХОДЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ

Гасникова А.А. ,
кандидат экономических наук,
научный сотрудник отдела экономической политики
и хозяйственной деятельности в районах Крайнего Севера и Арктики
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассматриваются основные особенности структурных преобразований энергосистем Севера России в ходе реформирования электроэнергетики. Технологически изолированные АО-энерго Дальнего Востока не были реструктурированы. Относительно изолированные АО-энерго европейского Севера были реструктурированы несмотря на ограниченность возможностей конкурентного рынка электроэнергии.

Ключевые слова: структурные преобразования электроэнергетики, Север, технологически и относительно изолированные территориальные энергосистемы.

STRUCTURAL TRANSFORMATIONS IN THE NORTHERN ISOLATED ENERGY SYSTEMS IN THE COURSE OF ELECTRIC POWER INDUSTRY REFORM

Gasnikova A.A.
Ph.D. (Econ.)
researcher of department of economic policy and economic
activities in regions of the High North and the Arctic
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The main features of structural transformations in the isolated energy systems of Russian North in the course of electric power industry reform are examined in the paper. Technologically isolated AO-energos in the Far East were not restructured. Relatively isolated AO-energos in European North were restructured despite the limited possibility of competitive electric energy market.

Key words: structural transformations in the electric power industry, the North of Russia, technologically and relatively isolated territorial energy systems.

Причины и суть структурных преобразований электроэнергетики

Структурные преобразования в электроэнергетике происходили в рамках реформы отрасли. Цели и задачи, принципы, этапы и механизмы реформы электроэнергетики были изложены в Концепции Стратегии ОАО РАО «ЕЭС России» на 2003-2008 гг. «5+5» [4]. На основе этого документа были разработаны «Основные направления реформирования электроэнергетики Российской Федерации», одобренные постановлением Правительства РФ № 526 от 11 июля 2001 года.

До начала реформы большинство региональных АО-энерго, системообразующие линии Единой электроэнергетической системы (ЕЭС) страны, диспетчерские управления, крупнейшие электростанции (кроме атомных) были объединены в РАО «ЕЭС России». Причиной изменений стала сложная ситуация, сложившаяся вследствие физического и морального старения энергетического оборудования на фоне политики занижения тарифов на протяжении 1990-х гг. Основным содержанием реформы электроэнергетики стало создание справедливой конкурентной среды. Для этого потребовалось провести структурные преобразования (реструктуризацию) отрасли и сформировать конкурентный рынок электроэнергии. Реструктуризация подразумевала разделение вертикально-интегрированных АО-энерго по видам деятельности. На их базе были созданы предприятия, осуществляющие естественно-монопольные (передача и распределение электроэнергии, оперативно-диспетчерское управление) и потенциально конкурентные (производство и сбыт электроэнергии, ремонт и сервис) виды деятельности. Первые остались под контролем государства, вторые перешли в частную собственность. В то же время часть стратегически важных генерирующих активов – большинство гидроэлектростанций и ядерная энергетика – осталась в руках государства. Целевая структура отрасли представлена на рисунке 1.

Источник: Холдинг МРСК [3].

Рисунок 1 – Целевая структура электроэнергетики

В результате проведенных структурных преобразований сформировались новые субъекты электроэнергетики. На базе генерирующих активов были созданы оптовые (ОГК) и территориальные генерирующие компании (ТГК). Крупнейшие ГЭС объединены в ОАО «ГидроОГК», впоследствии переименованное в «РусГидро». Атомные электростанции принадлежат государственному ОАО «Концерн по производству электрической и тепловой энергии на атомных станциях». Магистральные электрические сети объединены в ОАО «Федеральная сетевая компания Единой энергетической системы» (ФСК). Распределительные сети интегрированы в межрегиональные распределительные сетевые компании (МРСК). Функционирование оптового рынка электроэнергии (мощности) обеспечивают Совет рынка, Администратор торговой системы и Системный оператор.

На розничном рынке электроэнергии действуют энергосбытовые компании, которые делятся на гарантирующих поставщиков и конкурентные сбытовые компании. Сбытовые надбавки гарантирующих поставщиков подлежат государственному регулированию, такие организации обязаны заключить договор купли-продажи электроэнергии с любым обратившимся к ним потребителем [8].

Целевая структура отрасли была сформирована к 2008 году, после чего РАО «ЕЭС России» прекратило свое существование.

Изолированные территориальные энергосистемы

Структурные преобразования электроэнергетики проводились не ради самих преобразований. Предполагалось, что с появлением новых субъектов и введением конкуренции в сфере генерации и сбыта электроэнергии повысится эффективность предприятий электроэнергетики и будут созданы условия для развития отрасли на основе частных инвестиций. Поэтому там, где конкуренция была заведомо невозможна, разделять АО-энерго по видам деятельности не имело смысла.

Необходимым условием для работы конкурентного рынка электроэнергии в регионах является включенность территориальных энергосистем в ЕЭС посредством линий электропередачи (ЛЭП). Развитая сетевая инфраструктура – ЛЭП различных напряжений – обеспечивает возможность перетока электроэнергии, то есть товарообмена на рынке электроэнергии. Однако некоторые территориальные энергосистемы функционируют в условиях технологической или относительной изоляции от ЕЭС, то есть возможность передачи электроэнергии из них в соседние энергосистемы отсутствует или крайне ограничена. В технологически изолированных энергосистемах конкуренция производителей электроэнергии невозможна по технологическим причинам, и действующие здесь АО-энерго не были подвергнуты реструктуризации. Относительно изолированные энергосистемы имеют связь с ЕЭС, но эта связь характеризуется недостаточной пропускной способностью ЛЭП; тем не менее, реструктуризация АО-энерго была проведена здесь в общем порядке. Как технологически изолированные, так и относительно изолированные энергосистемы расположены в северных регионах нашей страны (табл. 1).

Таблица 1 – Энергосистемы Севера после реформы 2003-2008 гг.

Включенность территориальных энергосистем в ЕЭС России	**Реструктурированные энергосистемы**	**Нереструктурированные энергосистемы**
Неизолированные от ЕЭС России энергосистемы	Республика Тыва; Хатны-Мансийский АО – Югра; Ямало-Ненецкий АО	_____

Технологически или относительно изолированные от ЕЭС России энергосистемы	Республика Карелия; *Республика Коми;* *Архангельская область и Ненецкий АО;* Мурманская область	*Западный и центральный районы Республики Саха (Якутия);* *Камчатский край;* *Магаданская область;* *Сахалинская область;* *Чукотский АО.*

Курсивом выделены территории, относящиеся к неценовым зонам оптового рынка электроэнергии (мощности).

Структурные преобразования энергосистем Севера

Неизолированные энергосистемы

Энергосистемы всего трех регионов Севера не являются изолированными от ЕЭС России. Это Республика Тыва, Хатны-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ. Структурные преобразования в них происходили так же, как и в большинстве территориальных энергосистем страны. В них были созданы субъекты рынка и запущен конкурентный рынок электроэнергии.

Технологически изолированные энергосистемы

Перечень технологически изолированных территориальных энергосистем утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 года № 854 «Об утверждении Правил оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике». В соответствии с законодательством в них сохраняется государственное регулирование всех видов деятельности в электроэнергетике, и допускается осуществление одним юридическим лицом всех видов деятельности: производства, передачи, распределения, сбыта электроэнергии [8].

Технологически изолированные территориальные энергосистемы сосредоточены на Дальнем Востоке. В ходе реформирования электроэнергетики в 2008 году был создан холдинг ОАО РАО «Энергетические системы Востока» (ЭС Востока), в состав которого вошли изолированные нереструктурированные АО-энерго, ОАО «Геотерм», осуществляющее эксплуатацию геотермальных электростанций на Камчатке, а также ОАО «Дальневосточная энергетическая компания» (ДЭК), объединяющее активы неизолированных реструктурированных энергосистем Дальнего Востока. В состав ОАО «ДЭК» входят ОАО «Дальневосточная генерирующая компания» (ДГК); ОАО «Дальневосточная распределительная сетевая компания» (ДРСК); 29 дочерних и зависимых обществ, осуществляющих ремонтно-сервисные и непрофильные виды деятельности; а также головная компания ОАО «ДЭК», которая помимо общей координации осуществляет функцию сбыта электроэнергии (то есть является Единым закупщиком) [9]. Структура ОАО «РАО «ЭС Востока» представлена на рисунке 2.

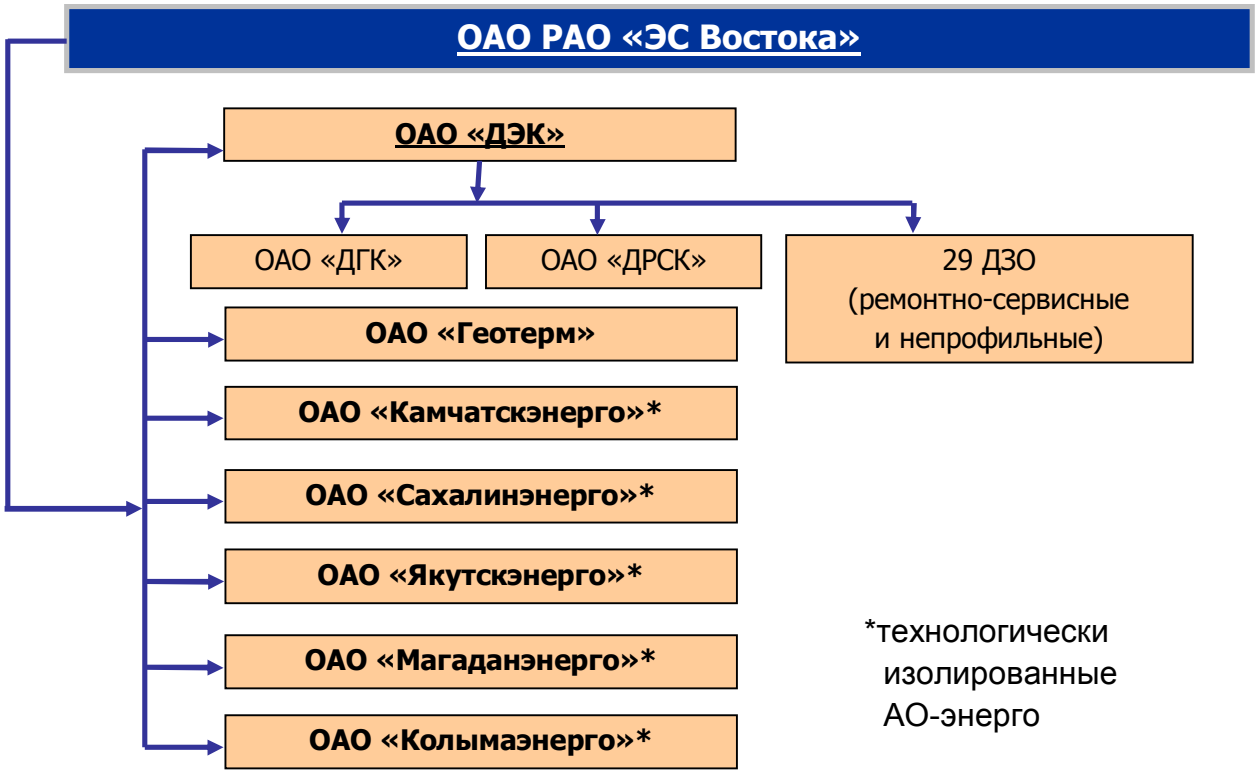

Схема составлена на основе работы [9].

Рисунок 2 – Структура ОАО «РАО «ЭС Востока»

Ввиду невозможности конкуренции между производителями электроэнергии в технологически изолированных энергосистемах, эти территории включены в неценовую зону оптового рынка. На таких территориях торговля электроэнергией и мощностью осуществляется на основе цен и объемов, ежегодно регулируемых Федеральной службой по тарифам РФ. Перечень территорий, включенных в неценовые зоны, утвержден Постановлением Правительства РФ от 29 сентября 2010 года № 770 «Об определении территорий неценовых зон оптового рынка электрической энергии (мощности)». Помимо технологически изолированных энергосистем Дальнего Востока, к неценовым зонам относятся территория Калининградской области (в силу ее географической удаленности) и нескольких регионов европейского Севера – Архангельской области и Республики Коми, о чем подробнее сказано ниже.

Таким образом, основной особенностью структурных преобразований энергосистем северных регионов Дальнего Востока стало их включение в состав холдинга ОАО РАО «Энергетические системы Востока». Технологически изолированные АО-энерго не были подвергнуты реструктуризации. На этой территории реформа «заморожена» до создания необходимых условий, то есть до момента устранения технологической изоляции от ЕЭС.

Относительно изолированные энергосистемы

Относительно изолированные территориальные энергосистемы имеют слабую связь с ЕЭС, вследствие чего возможности перетоков электроэнергии между энергосистемами существенно ограничены. По данным бывшего РАО «ЕЭС России» к относительно изолированным относятся [1]:

- зона Архэнерго и Комиэнерго (ограничение 165 МВт при «перетоках» из Вологодского узла; состав своих генерирующих мощностей недостаточен для появления конкуренции и их участие в конкурентном рынке невозможно);

- зона Колэнерго[33] и Карелэнерго (ограничение 550 МВт при «перетоках» в Объединенную энергетическую систему Северо-Запада; в составе генерирующих мощностей нет ценообразующих мощностей; закрытие энергоблоков Кольской АЭС сделает этот узел дефицитным).

В категорию относительно изолированных попадают энергосистемы регионов европейского Севера. Не будучи лишенными связи с ЕЭС России, АО-энерго, действующие на этой территории, были подвергнуты реструктуризации в общем порядке. Выделенные из них активы вошли в состав сетевых и генерирующих компаний, каждая из которых обслуживает территории нескольких регионов, в том числе несеверных. Таким образом, регионы европейского Севера оказались в уникальной ситуации: в них созданы субъекты рынка электроэнергии, но ввиду относительной изоляции территориальных энергосистем конкурентный рынок электроэнергии невозможен. Поэтому данные регионы представляют собой самую интересную и сложную для анализа группу регионов.

Ввиду ограниченности перетоков электроэнергии и конкуренции производителей электроэнергии актуальным остается вопрос о придании регионам европейского Севера статуса неценовой зоны. В настоящее время такой статус присвоен Архангельской области и Республики Коми [9]. Спорным является вопрос о целесообразности включения в неценовую зону Мурманской области. Сторонники положительного решения этого вопроса указывают на существующие сетевые ограничения, особенности региональной социально-экономической системы с преобладанием энергоемких производств и географическое положение области, граничащей по суше с единственным, к тому же энергодефицитным, субъектом РФ – Республикой Карелия. Противники включения Мурманской области в ценовую зону приводят свои аргументы, среди них – энергоизбыточность региона, наличие атомной электростанции, достаточно большой переток мощности в Республику Карелия (около 580 МВт) и за границу (около 100 МВт) относительно потребляемой в регионе мощности (1600-1800 МВт), перспективы увеличения этого перетока, наконец, ограничение роста цен после либерализации благодаря рыночным механизмам и необходимость в любом случае рано или поздно входить в ценовую зону [6]. С течением времени, тем более учитывая тот факт, что точка невозврата к прежней организации электроэнергетики уже пройдена, эти аргументы становятся все более актуальными.

Вопрос о придании статуса неценовой зоны Республике Карелия не рассматривается. По завершении в 2012 году реализации проекта «Северный транзит» (ЛЭП, соединяющей энергообъекты Кольской, Карельской и Ленинградской энергосистем) изоляция энергосистемы Карелии от ЕЭС заметно снизится. Кроме того, благодаря «Северному транзиту» увеличится возможность перетоков электроэнергии из Кольской энергосистемы. Подробнее перспективы развития электросетевой инфраструктуры рассмотрены ниже.

В любом случае следует отметить актуальность проблемы защиты интересов потребителей электроэнергии после 1 января 2011 года. Согласно Постановлению Правительства РФ от 7 апреля 2007 года № 205 с этой даты электроэнергия в полном объеме (за исключением объемов для поставки населению) будет поставляться по свободным (нерегулируемым) ценам. Поскольку субъекты рынка электроэнергии в регионах европейского Севера уже созданы, то необходимо учитывать и согласовывать их интересы с интересами потребителей электроэнергии.

Основные последствия структурных преобразований электроэнергетики для регионов европейского Севера приведены таблице 2.

---

[33] То есть территория Мурманской области, почти полностью расположенной на Кольском полуострове. Энергосистема Мурманской области носит название «Кольская энергосистема».

Таблица 2 – Последствия структурных преобразований электроэнергетики для регионов европейского Севера

Положительные последствия	Отрицательные последствия
• сохранена ЕЭС России, несмотря на относительную изоляцию, территориальные энергосистемы присоединены к ЕЭС на параллельную работу; • сохранена вертикаль оперативно-диспетчерского управления; • продолжается надежное снабжение потребителей электрической и тепловой энергией; • появились новые субъекты электроэнергетики с определенной специализацией;	• ввиду неразвитости электросетевой инфраструктуры сохранилась жесткая привязка потребителей и производителей электроэнергии друг к другу, что противоречит идее выбора контрагентов на рынке электроэнергии; • реальная конкуренция на рынке электрической и тепловой энергии не возникла; • ослабление координации деятельности предприятий электроэнергетики, обусловленное увеличением числа субъектов, действующих в отрасли; • необходимость использования специальных инструментов в виде неценовых зон с целью недопущения неоправданного роста тарифов на электроэнергию после 1 января 2011 года; • сложность согласования интересов всех участников «энергетической цепочки» от производителей до потребителей энергии в условиях невозможности конкурентного рынка электрической и тепловой энергии.

Как видно из таблицы 2, положительные последствия во многом связаны с сохранением ранее созданных преимуществ. Существенным изменением является появление в результате структурных преобразований новых субъектов электроэнергетики с определенной специализацией – генерирующих, сетевых, сбытовых, ремонтных и сервисных компаний. Специализированные компании не будут распылять ресурсы на разные направления деятельности, что теоретически позволит повысить эффективность их работы.

Отрицательные последствия, в основном, связаны с принципиально новой организацией электроэнергетики. Реальная конкуренция на рынке электрической и тепловой энергии так и не возникла, также как не возникли технологические предпосылки для такой конкуренции. В качестве отрицательного последствия, имеющего инерционный характер, выступает сохранение ввиду неразвитости электросетевой инфраструктуры жесткой привязки потребителей и производителей электроэнергии друг к другу, что противоречит идее выбора контрагентов на рынке электроэнергии.

Ожидаемое развитие электросетевой инфраструктуры

Для преодоления технологической и относительной изоляции территориальных энергосистем необходимо развитие ЛЭП, связывающих энергосистемы между собой и с ЕЭС России. Перспективы развития электросетевой инфраструктуры изложены в «Генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики до 2020 года» [2] и «Основных положениях Стратегии развития Единой национальной электрической сети на десятилетний период» [5].

В «Генеральной схеме…» в период до 2020 года рекомендуется объединение для совместной работы на постоянном токе энергозон Сибири и Дальнего Востока, указано на необходимость усиления существующего транзита вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Предусмотрено присоединение Центрального энергорайона Якутии к объединенной энергосистеме Востока, сооружение ЛЭП, объединяющей Западный энергорайон Якутии с Южным энергорайоном и с энергозоной Сибири. В европейской части страны предусмотрено усиление связи энергосистем Северо-Запада и Центра посредством сооружения сетей различных напряжений.

Учитывая уникальную ситуацию, в которой оказались регионы европейского Севера, остановимся подробнее на планах развития электросетевой инфраструктуры на их территории.

Согласно вышеупомянутым документам здесь планируется сооружение новых электросетевых объектов для:

- выдачи мощности электростанций: Кольской АЭС (Мурманская область), Печорской ГРЭС (Республика Коми), планируемой Медвежьегорской ТЭС (Республика Карелия);
- увеличения пропускной способности межсистемных связей: Колэнерго – Карелэнерго – Ленэнерго; Комиэнерго – Архэнерго;
- повышения надежности электроснабжения потребителей;
- расширения экспортных возможностей в Финляндию.

Важную роль сыграет реализация уже упоминавшегося проекта «Северный транзит» – высоковольтная ЛЭП 330 кВ соединит энергообъекты Кольской, Карельской и Ленинградской энергосистем. К настоящему времени введены в эксплуатацию участки ЛЭП от Кольской АЭС (Мурманская область) до подстанции Лоухи (Республика Карелия). Завершение строительства ЛЭП, соединяющей энергообъекты Карельской энергосистемы с Киришской ГРЭС (Ленинградская область) намечено на 2012 год [7]. В результате будет обеспечена надежная связь энергосистем, а Кольская энергосистема сможет выдавать на юг «запертую» ныне мощность, что обеспечит полную загрузку всех энергоблоков Кольской АЭС.

Другим проектом, направленным на увеличение пропускной способности межсистемных связей, является сооружение ЛЭП Печорская ГРЭС – Ухта – Микунь – Заовражье. Данная ЛЭП увеличит пропускную способность транзита Комиэнерго – Архэнерго до 225 МВт и позволит увеличить использование мощности Печорской ГРЭС [5].

На увеличение экспорта электроэнергии направлено строительство ЛЭП 330 кВ от Княжегубской ГЭС (Мурманская область) до госграницы. В результате появится возможность экспортировать электроэнергию в Финляндию в объеме до 3,0 млрд. кВт-ч в год при мощности до 500 МВт [5].

Заключение

Подытоживая, можно отметить следующее. Структурные преобразования российской электроэнергетики были направлены на разделение АО-энерго по видам деятельности. Предполагалось, что конкуренция в сфере производства и сбыта электроэнергии повысит эффективность отрасли после ее либерализации. Поэтому структурные преобразования имели смысл только в случае, когда существовали технологические предпосылки для конкуренции производителей электроэнергии. В большинстве регионов Севера таких предпосылок не было. Этот факт был учтен при реформировании электроэнергетики Дальнего Востока. Структурные преобразования северных энергосистем Дальнего Востока существенно отличались от принятых в базовом варианте реформирования электроэнергетики: фактически они свелись к объединению нереструктурированных АО-энерго в ОАО «РАО «ЭС Востока». Структурные преобразования энергосистем европейского Севера были проведены в соответствии с базовым вариантом реформирования, и в результате на этой территории созданы субъекты рынка электроэнергии в условиях невозможности конкурентного рынка электроэнергии. Это свидетельствует о недостатках Концепция Стратегии ОАО РАО «ЕЭС России» на 2003-2008 гг. «5+5», не принявшей во внимание относительную изоляцию энергосистем европейского Севера.

Литература

1. Внутренние и внешние ограничения локальных рынков [Электронный ресурс]: ОАО РАО «ЕЭС России». – Режим доступа: http://www.rao- ees.ru/ru/reforming/show.cgi?tech.htm (доступно: 17.05.2007).
2. Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2020 года: Одобрена распоряжением Правительства РФ от 22.02.2008 № 215-р. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. История компании [Электронный ресурс]: Холдинг МРСК. – Режим доступа: http://www.holding-mrsk.ru/about/company (доступно: 14.07.2010).
4. Концепция Стратегии ОАО РАО «ЕЭС России» на 2003 – 2008 гг. «5+5» [Электронный ресурс]: сайт РАО "ЕЭС России" «ЕЭС России». – Режим доступа: http://www.rao-ees.ru/ru/reforming/kon/show.cgi?kon.htm (доступно: 04.03.2009)
5. Основные положения Стратегии развития Единой национальной электрической сети на десятилетний период [Электронный ресурс]: ОАО «ФСК ЕЭС». – Режим доступа: http://www.fsk-ees.ru/evolution_strategy.html (доступно: 02.04.2010).
6. Преснов А. Как результат конкретных ошибок в тарифном регулировании, мы получаем негативную реакцию на рыночную реформу электроэнергетики в целом и говорим, что надо остановиться, вернуться из рынка назад, выйти в неценовую зону [Электронный ресурс]: Мурманское информационное агентство ООО «Би-порт». 06.07.2009, 11:38. – Режим доступа: http://www.b-port.com/news/archive/2009-07-06-14 (доступно: 05.10.2010).
7. Федеральная сетевая компания продолжает строительство Северного транзита [Электронный ресурс]: ОАО «ФСК ЕЭС». Новости компании. 11.09.2009. – Режим доступа: http://www.fsk-ees.ru/press_centre_news.html?id=2591. (доступно: 15.09.2009).
8. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Чубайс А.Б. Экономика и управление в современной электроэнергетике России / А.Б. Чубайс, Е.В. Аметистов, Ю.А. Удальцов и др. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chubais.ru/library (доступно: 14.01.2010).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ НА СЕВЕРЕ

Ерохина Т.Е., аспирантка ИЭП КНЦ РАН,
преподаватель кафедры менеджмента и экономики
филиала Костромского государственного университета им Н.А. Некрасова

В данной статье рассматривается проблема экономической политики в муниципальном образовании, обоснована необходимость системного подхода к взаимодействию органов муниципальной власти, бизнеса и населения, который в наиболее общем виде можно определить как «социальное партнерство». Отражена необходимость применения стратегического планирования в целях улучшения развития города, показана актуальность формирования стратегического выбора в двух направлениях: разработки имеющейся природно-сырьевой базы и развития туристко-рекреационной деятельности. Рассмотренные действия помогут привлечь в муниципальное образование дополнительные инвестиции и создать новые рабочие места, что, в конечном итоге, приведет к пополнению бюджета города.

Ключевые слова: муниципальное образование, город, экономика, политика, стратегическое планирование, социальное партнерство.

ECONOMIC POLICY AND STRATEGIC PLANNING IN A MUNICIPALITY IN THE NORTH

Erokhina T.E., Ph.D. student of IES KSC RAS,
lecturer of department of management and economics
Branch of Nekrasov Kostroma State University

The article discusses the problem of economic policy in a municipality, there is substantiated the necessity of system approach to interactions between municipal authorities, businesses and the population that in a more general way can be identified as “social partnership”. The necessity of applying strategic

planning for improvement of the municipal development is reflected, topicality of forming the strategic choice in two directions: elaboration of the existing natural resource basis and development of tourist-recreation activities is shown. The considered activities will help to attract additional investments to the municipality and to create new jobs that will finally result in additional revenues for the municipal budget.

Key words: municipality, town, economy, policy, strategic planning, social partnership.

Экономическая политика является важнейшим элементом в управлении деятельностью муниципальных образований. Однако нормативная база городов в этой сфере крайне ограничена, как и бюджетные расходные полномочия. Складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны активная экономическая политика необходима для укрепления местных бюджетов, а с другой – инструменты такой политики крайне ограничены. Представляется, что на современном этапе такими инструментами могут выступать стратегическое планирование и социальное партнерство.

В качестве основных направлений муниципальной экономической политики могут рассматриваться:

- вовлечение общественности в процесс стратегического планирования устойчивого развития территории, государственно-частное партнерство и тесное взаимодействие с местным научным сообществом;
- реализация на региональном и муниципальном уровнях приоритетных национальных проектов, поскольку муниципалитеты обеспечивают адаптацию государственной политики, федеральных программ, политических и экономических моделей устойчивого развития к местным условиям;
- выработка экономической стратегии при активном взаимодействии органов государственной власти субъекта Федерации и органов местного самоуправления, преследующей цель достижения качественного экономического роста, как одного из важнейших показателей устойчивого развития соответствующей территории;
- совершенствование межбюджетных отношений в рамках выработки ключевых направлений устойчивого развития является инновационным инструментом построения эффективной региональной и муниципальной экономики и тесным образом связано с финансовым обеспечением функций органов местного самоуправления.
- применение методов адаптивного стратегического планирования.

Решение вышеперечисленных задач на уровне муниципалитета в настоящее время является весьма проблематичным, так как на сегодняшний день еще не решены общегосударственные проблемы, связанные с развитием страны и российского общества в целом. В общем, их можно свести к следующему:

- процесс рыночного реформирования экономики и создания конкурентной среды не завершен;
- в подавляющем большинстве муниципальных образований структурообразующие предприятия находятся в состоянии производственного и финансового кризиса;
- формирование самих муниципальных образований происходит в границах сложившихся административно-территориальных единиц, созданных, зачастую, без учета экономических возможностей их самостоятельного существования;
- процесс формирования муниципальной собственности, в том числе на землю как основной ресурс территориального развития, также далек от завершения;
- не сложилась еще система взаимоотношений и четкого разделения полномочий между субъектами РФ и муниципальными образованиями, входящими в их состав, что увеличивает степень неопределенности, в которой приходится планировать свое будущее большинству административно-территориальных единиц страны;
- до недавнего времени не были определены национальные стратегические приоритеты социально-экономического развития страны.

Отмеченные обстоятельства трудно характеризовать в качестве благоприятных условий для становления стратегического муниципального планирования. Ведь вследствие их влияния у большинства субъектов управления нет осознанной потребности в стратегическом планировании

своего развития, устойчивой мотивации к проведению соответствующих прогнозно-аналитических работ.

Не менее важными являются проблемы научного характера, которые вытекают из непонимания научной составляющей стратегии развития города. В ее основу должны быть положены научные методы, позволяющие наиболее адекватно оценить социально-экономическую обстановку в муниципалитете, правильно определить цели развития и разработать комплекс мер по реализации стратегии.

Анализ стратегий развития городов России, а также социально-политических и экономических условий, в которых они разрабатываются и анализируются, изучение специфики властных отношений, дает основание сделать вывод, что почти повсеместно вопросы стратегического развития решаются в отрыве от глубокой реорганизации структур управления, пока еще достаточно слабо используются нормативно-правовые инструменты, хотя в отдельных муниципалитетах принимаются законы или положения о концепции развития, предусматривающие необходимость согласования бюджетных планов и приоритетов развития. Местные сообщества редко и слабо вовлекаются в разработку стратегий развития.

Стратегическое планирование развития муниципального образования пока является новым типом организации управленческой и экономической деятельности в России. В настоящее время происходит активное освоение этого механизма развития муниципальных образований. Вместе с тем существующая организация стратегического планирования требует дальнейшего совершенствования и концептуальной проработки. Для успешного претворения в жизнь стратегических планов необходима выработка четких максимально верно сформулированных стратегических целей развития города. Большинство городов России своих стратегиях прописывают главной стратегической целью повышение качества жизни населения. [1,2].

Исходя из сложившихся общероссийских тенденций в муниципальном образовании г. Кировск постепенно начинается активный этап разработки и принятия стратегического плана. Попытки разработать стратегический план развития города предпринимались и ранее, но, к сожалению, они не привели ни к какому видимому эффекту.

В рамках наиболее эффективного развития муниципальному образованию г. Кировск предлагается формировать стратегический выбор в двух направлениях: развитие традиционных отраслей и развитие инновационных технологий в рамках инновационного подхода.

Традиционным для Кировска является развитие горнодобывающей и горноперерабатывающей промышленности. Для развития данного вида деятельности имеется ресурсная база, присутствует инвестиционная активность бизнеса, как местного, так и российского масштаба. В ближайшие несколько лет ожидается окончание разработки новых месторождений «Олений ручей» и «Партомчорр» ЗАО «Северо-Западная фосфорная компания». Данное предприятие было основано в 2005 г. с целью создания альтернативной рудно-сырьевой базы на месторождениях Кольского полуострова. Это, несомненно, положительно отразится на экономическом и социальном развитии г. Кировска, так как позволит создать определенную конкуренцию на местном рынке труда, а также привлечет дополнительные доходы в бюджет города.

Еще одним направлением экономического развития может стать туристско-рекреационная деятельность. Рекреационный потенциал территории позволяет эффективно развивать инфраструктуру отдыха и туризма, создавать объекты рекреации всех уровней – местного, регионального, федерального значения. Развитие туризма можно отнести как к традиционным, так и к инновационным направлениям развития. Кировск имеет богатый туристический потенциал, о развитии которого говорится в течение многих десятилетий. Однако до сих пор эта сфера деятельности не приносит муниципальному образованию существенных доходов. Вместе с тем, эффективная совместная работа органов региональной и местной власти привела к высокой степени развития туристической сферы, повышению ее доходности в некоторых регионах России.

Также при разработке стратегического плана необходимо помнить, что достижение целей устойчивого развития, успешная модернизация муниципальной экономики и социальной сферы

предполагает выстраивание эффективных механизмов взаимодействия между обществом, бизнесом и властью, направленных на координацию усилий всех сторон, обеспечение учета интересов бизнеса и различных социальных групп общества при выработке и проведении социально-экономической политики и разработки стратегического плана развития города.

Совершенно очевидно, что устойчивое развитие муниципалитета сегодня невозможно без консолидации ресурсов местных сообществ, что в свою очередь, возможно только при согласовании интересов всех уровней власти, бизнеса и некоммерческого сектора.

В Кировске между властью и представителями коммерческих структур (в первую очередь, это градообразующее предприятие ОАО «Апатит») налажен тесный диалог, результатом которого стало активное участие местных предпринимателей в решении социальных проблем города. Средства, перечисляемые коммерческими предприятиями и организациями на социальные нужды, подтверждают готовность предпринимателей покрывать ими же создаваемые социальные риски (зависимость уровня занятости от деятельности нескольких крупных предприятий) и в определенной степени содействовать повышению доходов малоимущих граждан. Взамен представители бизнеса стремятся получить ресурс общественного признания, статус социально ответственных предпринимателей и положительную оценку их активного участия в жизни местного сообщества.

Как уже упоминалось выше, градообразующее предприятие ОАО «Апатит» активно участвует в деятельности местного сообщества, принимая на себя часть расходов по улучшению социальной жизни населения г. Кировска. Перечень и величина данных расходов представлены ниже в таблице 1.

Таблица 1 – Затраты ОАО «Апатит» на реализацию социальных программ в г. Кировске в 2009 г. [3]

№ п/п	Наименование программы	Сумма затрат, млн. руб.
1	Социальная политика	785
2	Оздоровление и отдых трудящихся	43,8
3	Программы развития шефских связей по предпрофильной и профильной подготовке учащихся для самоопределения и выбора будущей профессии	0,65
4	Программа закреплении шефов за дошкольными образовательными учреждениями	1,2
5	Программа популяризации рабочих профессий и профориентации молодежи	0,99
6	Занятия межшкольного факультатива «МВД-проф»	0,15
7	Программа «Дети Кольской Земли» (совместно с Мурманской и Мончегорской Епархией РПЦ)	0,95
8	Программа взаимодействия с подшефными воинскими подразделениями и кораблями Северного флота, через которую для работников предприятия организуются экскурсии на флот	0,6
9	Конкурс социально-значимых проектов «Проблемы города решаем вместе» (было принято 37 проекта, из них 18 получили финансовую поддержку)	2,3
10	Программа «Молодежь XXI века», направленная на социальную поддержку и профессиональную адаптацию молодых работников ОАО «Апатит», организацию их позитивной общественной деятельности в русле социальной политики и решения производственных задач ОАО «Апатит»	3,3

	ИТОГО:	838,94

Для сравнения, в том же 2009 г. на развитие и поддержку социальной сферы муниципалитетом г. Кировска было затрачено 1121,57 млн. руб. [4].

Рисунок 1 – Финансирование социальных программ г. Кировска в 2009 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что предприятие ОАО «Апатит» вкладывает достаточно большие средства в развитие города. При этом доля расходов ОАО «Апатит» немногим уступает расходам самого муниципалитета (рисунок 1), но предприятие старается развивать те сегменты социальной сферы, на которые не хватает средств у городских властей, т.е. дублирование расходов происходит в очень малой степени и оказывается больший спектр социальных услуг.

Сегодня бизнес-сообщество должно стать опорой местной власти при реализации на территории таких приоритетных направлений как: жилищно-коммунальное хозяйство; реконструкция коммунальной инфраструктуры; обустройство дорог; развитие туризма; культура; физическая культура и спорт; молодежная политика; создание рабочих мест и др.

Решение муниципальными образованиями приоритетных вопросов в рамках ограниченных финансовых и организационных возможностей не представляется возможным. Поэтому бизнес должен способствовать привлечению муниципалитетами для решения поставленных задач различных источников финансирования.

Муниципальный и частный секторы могут эффективно взаимодействовать в условиях, когда местные органы власти среди приоритетных направлений социально-экономического развития муниципалитетов определят такие, как: создание благоприятного инвестиционного климата на территории, повышение инвестиционной привлекательности объектов муниципальной собственности, обеспечение частным инвесторам возможности вложения инновационных ресурсов в сферу услуг.

Таким образом, роль бизнес-сообщества в развитии муниципальных образований достаточно значима и обоюдовыгодна: бизнес-среда способствует реализации концепций и программ социально-экономического развития территорий, а муниципальные образования, в свою очередь, обеспечивают развитие различных, в том числе инновационных, направлений бизнеса.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в современном городе должна активно развиваться модель взаимодействия трех секторов местного сообщества: власти, бизнеса и некоммерческих организаций, которая наиболее комплексно определяется категорией «социальное партнерство». Социальное партнерство как система взаимодействия власти, бизнеса и общественных организаций основывается на следующих принципах [1]:

1. Системный характер социального партнерства.

2. Взаимовыгодный характер. Проявляется, прежде всего, в трехстороннем подходе к оценке эффективности.
3. Добровольный характер.
4. Интеграция социального партнерства в деятельность сторон и ответственность.
5. Реальный и прагматичный характер.
6. Разноуровневость социального партнерства.
7. Информационная открытость социального партнерства.

На основе данных принципов должны формироваться приоритетные направления развития социального партнерства на определенной территории.

Одним из таких принципов можно назвать готовность горожан принять личное участие в решении городских проблем, что зависит в свою очередь от их мотивированности к участию в процессе принятия решений, касающихся перспектив развития города, с одной стороны, и от сформированности умений компетентно принимать участие в разработке и реализации этих решений, с другой стороны.

Стратегия взаимодействия бизнеса, власти и общественных организаций должна носить взаимовыгодный характер для всех сторон-участников. В этой связи стратегией социального партнерства следует считать создание на взаимовыгодной основе условий и эффективную реализацию мер властью, бизнесом и общественными организациями по развитию человеческого капитала на определенной территории. Стратегия социального партнерства служит оплотом формирования системы подцелей, тактических и оперативных целей и задач.

Подводя итоги, можно утверждать, что экономическая политика муниципалитета должна формироваться с применением принципов комплексного стратегического планирования на основе расчетных показателей качества жизни с использованием принципа адаптивности, позволяющего сформировать концепцию городского развития с учётом возможных изменений внешней среды, которые могут обусловить корректировку целей, приоритетов и механизмов их реализации. При разработке программы устойчивого развития муниципалитета необходимо обеспечивать включенность в этот процесс представителей бизнес-сообщества и населения, что позволит строить работу по повышению экономического потенциала муниципалитета, улучшению условий жизни населения города.

Литературы:

1. Кузнецова О.Б. Комплексная модель взаимодействия власти, бизнеса и общественных организаций в стратегии развития региона. Режим доступа: http://bali.ostu.ru/umc/arhiv/2006/1/Kuznecova.doc
2. Бузырев В.В., Гаделия Д.Г., Федосеев И.В. Стратегические аспекты развития мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга). // Проблемы современной экономики, №3 (15). Режим доступа: http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=20956
3. http://www.kirovsk-city.ru/ru/news/19122
4. Распределение расходов местного бюджета по разделам, подразделам, целевым статьям и видам расходов функциональной классификации расходов бюджета на 2009 год // Приложение № 5 к решению Совета депутатов города Кировска от 15.12.2009 № 78

УДК 336.025

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

Зайцева Е.И.,
кандидат экономических наук,

консультант Мурманской областной Думы

В статье рассматриваются современные проблемы формирования бюджетов субъектов Российской Федерации. Особое внимание уделено межбюджетным отношениям и возможностям повышения бюджетной обеспеченности северных регионов РФ.

***Ключевые слова**:* Полномочия, предметы совместного ведения, доходная база бюджетов, расходные обязательства, собственные источники, налоговые поступления, межбюджетные отношения, концепция, современные методики, качество управления, региональные и местные финансы.

PROBLEMS AND WAYS OF INCREASING BUDGET PROVISION OF NORTHERN REGIONS

Zaytseva E.I.,
Ph.D. (Econ.), consultant of the Murmansk State Duma

The article discusses present problems of forming budgets of regions of the Russian Federation. A special attention is paid to inter-budget relations and possibilities of raising budget provision of northern regions of the RF.

Key words: authorities, joint jurisdiction, revenue basis of budgets, expenditure obligations, internal sources, tax revenues, inter-budget relations, concept, modern methodologies, management quality, regional and local finances.

Бюджеты субъектов Российской Федерации, территории которых полностью или частично отнесены к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям (далее - северные регионы), имеют особые, характерные только для них расходные обязательства, связанные с экстремальными природно-климатическими условиями, недостаточной транспортной обеспеченностью, низкой плотностью населения, особенностями обеспечения продукцией, прежде всего топливно-энергетическими ресурсами и продовольствием отдаленных регионов с ограниченными сроками завоза грузов. Этот перечень, показывает высокую степень зависимости жизнеобеспечения северных территорий от уровня достаточности бюджетных средств.

В то же время северные регионы в значительной степени отличаются между собой по уровню обеспеченности бюджетными доходами.

В качестве критерия оценки установлен расчетный уровень бюджетной обеспеченности, используемый при распределении по субъектам Российской Федерации средств федерального бюджета, направляемых на финансовую помощь регионам. По указанным расчетам к обеспеченным регионам, имеющим высокие собственные бюджетные доходы и не получающим финансовой помощи из федерального бюджета (регионы - доноры), в 2011 году относятся 6 из 24 северных регионов (Пермский край, Тюменская и Сахалинская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа). Эти территории имеют высокоразвитую промышленность, прежде всего, по добыче и переработке углеводородного сырья, уровень их бюджетной обеспеченности выше 100%, поэтому в дальнейшем их бюджетная обеспеченность анализироваться не будет. При этом необходимо иметь в виду, что показатели Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов в расчетах межбюджетных отношений учитываются в составе Тюменской области, ненецкого автономного округа – в составе дотационной Архангельской области. Сахалинская область регионом-донором в 2011 году будет впервые, и ее показатели будут учитываться в сравнительном с предыдущими годами анализе [1].

Таблица 1

Бюджетная обеспеченность северных регионов до и после распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности

	2010 г.		2011 г.		2013 г. (для справки)	
	До распределения ФФПР	После распределения ФФПР	До распределения ФФПР	После распределения ФФПР	До распределения ФФПР	После распределения ФФПР

Республика Алтай	0,190	0,641	0,203	0,640	0,185	0,565
Республика Бурятия	0,425	0,669	0,430	0,667	0,443	0,601
Республика Карелия	0,585	0,688	0,596	0,686	0,587	0,622
Республика Коми	0,848	0,882	0,866	0,895	0,898	0,904
Республика Саха	0,351	0,660	0,369	0,660	0,349	0,588
Республика Тыва	0,174	0,640	0,183	0,638	0,169	0,563
Забайкальский край	0,480	0,675	0,530	0,679	0,522	0,612
Камчатский край	0,195	0,642	0,202	0,640	0,200	0,567
Красноярский край	0,821	0,861	0,987	0,990	0,973	0,974
Приморский край	0,549	0,683	0,552	0,681	0,561	0,618
Хабаровский край	0,589	0,688	0,592	0,686	0,595	0,623
Амурская область	0,483	0,676	0,558	0,682	0,596	0,623
Архангельская область	0,537	0,682	0,630	0,710	0,640	0,661
Иркутская область	0,684	0,755	0,814	0,855	0,819	0,829
Магаданская область	0,306	0,655	0,361	0,659	0,335	0,586
Мурманская область	0,878	0,905	0,835	0,871	0,825	0,835
Сахалинская область	0,700	0,767	1,347	1,347	1,380	1,380
Томская область	0,700	0,767	0,694	0,761	0,691	0,709
Чукотский авт. округ	0,539	0,682	0,815	0,855	0,776	0,789

Из таблицы 1 видно, что по расчетам, в 2011 году из остальных 18 северных регионов один регион (Красноярский край) будет иметь бюджетную обеспеченность 99%, четыре региона - от 90% до 80%, два - от 80% до 70% и одиннадцать - от 70% до 60%.

Особую тревогу вызывает то, что в условиях действующей системы межбюджетных отношений в последние годы бюджетная обеспеченность наиболее дотационных северных регионов падает. Причем эта тенденция прогнозируется и в дальнейшем. У 9 северных регионов расчетная бюджетная обеспеченность в 2011 году ожидается ниже уровня 2010 года. В 2013 году расчетная бюджетная обеспеченность ожидается ниже уровня 2010 года уже у 14 северных регионов, у 12 регионов она будет ниже 70 %, причем у 5 из них - ниже 60%. За весь период использования данного способа определения расчетной бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации она никогда не опускалась до такого низкого показателя.

Для оценки потенциала жизнеобеспечения и развития регионов важное значение имеет бюджетная обеспеченность за счет собственных доходов, т.е. без учета межбюджетных трансфертов из федерального бюджета. Таблица 1 наглядно показывает, что три северных региона (республики Алтай и Тыва и Камчатский край) имеют уровень бюджетной обеспеченности до распределения дотаций менее 30%, республики Бурятия, Саха (Якутия) и Магаданская область входят в группу регионов, уровень бюджетной обеспеченности которой колеблется в пределах 30-50%, в группу регионов с бюджетной обеспеченностью от 50% до 70% вошли 7 регионов (Республика Карелия, Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Архангельская и Томская области), уровень бюджетной обеспеченности от 70% до 100% имеют 5 северных регионов (Республика Коми, Красноярский край, Мурманская, Иркутская области, Чукотский автономный округ).

Следовательно, представленные показатели расчетной бюджетной обеспеченности показывают, что большинство северных регионов не имеют достаточных средств для реализации возложенных на них расходных полномочий, не говоря уже о возможности направления средств на меры, направленные на устойчивое социально-экономическое развитие территорий, и, соответственно, на повышение уровня своих бюджетных доходов.

В тоже время, при распределении средств федерального бюджета, выделяемых на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2011 год, размер дотаций, по сравнению с 2010 годом (Таблица 2), сокращен 8 северным регионам (Республика Бурятия, Забайкальский и Красноярский края, Амурская, Архангельская, Иркутская и Магаданская области, Чукотский автономный округ). Причем у четырех из них расчетная бюджетная обеспеченность после распределения дотаций ниже 70%.

Следует отметить, что фонд финансовой поддержки регионов не выполняет в полной мере функцию выравнивания бюджетной обеспеченности. Во-первых, это связано с его недостаточным объемом. Объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности на 2011-2013 годы сохранится на уровне 2010 года и составит 396995,7 млн. рублей ежегодно. Очевидно, что такого общего объема указанных дотаций недостаточно для снижения уровня дифференциации бюджетной обеспеченности регионов и обеспечения гарантий субъектам Российской Федерации в

исполнении их расходных обязательств. Во-вторых, много нареканий вызывает методика распределения средств фонда. Неоднократно отмечалось, что эта методика излишне формализована' и не отражает реальных возможностей регионов по мобилизации налогооблагаемых ресурсов, основывается в основном на показателях прошлых лет и недостаточно учитывает происходящие изменения в экономике и социальной сфере и повышенные бюджетные расходы, вызванные северными специфическими факторами [1, 2].

Таблица 2

Динамика дотаций выделяемых на выравнивание бюджетной обеспеченности

	2009 г.		**2010** г.		**2011** г.	
	всего (тыс. руб.)	к **2008** г.	всего (тыс. руб.)	к **2009** г.	всего (тыс. руб.)	к **2010** г.
Республика Алтай	**5 761 914,20**	**1,31**	**5 849 275,30**	**1,02**	**5 982 034,20**	**1,02**
Республика Бурятия	**12 874 899,30**	**1,23**	**11 587 695,30**	**0,90**	**10 774 731,40**	**0,93**
Республика Карелия	**1 132 362,30**	**0,74**	**2 213 826,60**	**1,96**	**2 765 154,60**	**1,25**
Республика Коми	**453 524,00**	**1,44**	**1 135 021,90**	**2,50**	**1 473 746,10**	**1,30**
Республика Саха (Якутия)	**35 113 715,20**	**1,54**	**39 200 910,40**	**1,12**	**39 771 181,40**	**1,01**
Республика Тыва	**9 451 507,40**	**1,29**	**9 066 421,30**	**0,96**	**9 556 761,30**	**1,05**
Забайкальский край	**7 766 553,40**	**1,23**	**8 317 299,80**	**1,07**	**6 014 887,30**	**0,72**
Камчатский край	**10 680 706,80**	**1,33**	**22 249 700,50**	**2,08**	**29 342 236,60**	**1,32**
Красноярский край	**460 083,40**	**0,13**	**3 187 823,70**	**6,93**	**379 070,40**	**0,12**
Приморский край	**8 472 108,40**	**1,16**	**9 593 939,50**	**1,13**	**10 331 696,80**	**1,08**
Хабаровский край	**5 124 660,90**	**1,08**	**6 269 168,90**	**1,22**	**7 017 002,20**	**1,12**
Амурская область	**6 236 861,30**	**1,07**	**7 049 760,70**	**1,13**	**5 079 561,20**	**0,72**
Архангельская обл.	**5 218 147,90**	**1,11**	**7 598 047,50**	**1,46**	**5 466 546,80**	**0,72**
Иркутская область	**6 503 130,10**	**0,97**	**6 678 309,70**	**1,03**	**4 150 620,80**	**0,62**
Магаданская область	**7 985 985,00**	**1,41**	**8 504 083,40**	**1,06**	**7 614 173,70**	**0,90**
Мурманская область	**1 106 901,40**	**0,9**	**1 072 730,70**	**0,97**	**1 599 383,60**	**1,49**
Сахалинская область	**3 171 263,20**	**1**	**2 854 264,80**	**0,90**	**-**	**-**
Томская область	**1 473 916,50**	**1,12**	**2 369 367,20**	**1,61**	**3 133 509,80**	**1,32**
Чукотский а.о.	**1 762 867,00**	**1,02**	**1 692 724,30**	**0,96**	**466 620,40**	**0,28**
В целом по России	**373 995 657,9**	**-**	**396 995 657,9**		**396 995 657,9**	-

Анализ положения дел показывает, что на настоящее и будущее состояние бюджетной обеспеченности северных регионов в наибольшей степени влияют целый ряд факторов, связанных с проводимыми бюджетной и налоговой политикой, межбюджетными отношениями.

Одним из них выступает высокий уровень зависимости бюджетной обеспеченности многих северных субъектов Российской Федерации от безвозмездных поступлений в региональные и местные бюджеты, основную часть которых составляют межбюджетные трансферты из федерального бюджета.

Анализ данных по структуре доходов консолидированных бюджетов за 2010 год, наглядно показывает, что у двух северных регионов (республики Алтай и Бурятия) доля безвозмездных поступлений в общей структуре доходов консолидированного бюджета превышает 80%, еще у пяти - 50%, у семи регионов составляет от 30% до 50% и у пяти - не превышает 30%.

В связи с этим вызывает тревогу опубликованный Министерством финансов Российской Федерации в Основных направлениях бюджетной политики на 2011 год и плановый период 2012 и 2013 годов подход, предусматривающий уменьшение объема межбюджетных трансфертов, выделяемых региональному уровню бюджетной системы Российской Федерации из федерального бюджета. Так, незначительный (на 2%) рост в 2011 году сменяется последовательным существенным снижением финансовой помощи в 2012 и 2013 годах (соответственно на 17% и на 5%). По важнейшему для абсолютного большинства субъектов Российской Федерации нецелевому виду межбюджетных трансфертов - дотациям на выравнивание бюджетной обеспеченности, также предусматривается снижающийся в реальном выражении (с учетом инфляции) тренд в части объема выделения из федерального бюджета.

Такой подход не позволит создать условия для полноценной реализации задач, поставленных в Бюджетном послании Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2011-2013 годах, предусматривающих проведение всесторонней модернизации экономики, создание условий для повышения ее эффективности и конкурентоспособности. Решение упомянутых задач невозможно и без формирования в составе региональных бюджетов значительных по объемам «бюджетов развития», на что несомненно оказывает влияние

проводимая на федеральном уровне политика сокращения объемов межбюджетных трансфертов [3].

Снижение или прекращение финансирования из средств федерального бюджета ряда социальных расходов начинается с 2010 года, отменено софинансирование из федерального бюджета части обязательств субъектов Российской Федерации. К ним, в частности, относятся:

- предоставление гражданам субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг;
- предоставление мер социальной поддержки отдельным категориям граждан (за исключением реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий);
- выплата компенсации части родительской платы за содержание ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования;
- организация оздоровительных компаний детей;
- обеспечение автомобильными дорогами новых микрорайонов массовой и многоквартирной застройки, а также строительство, модернизация, ремонт и содержание автодорог общего пользования, в том числе, в поселениях в рамках подпрограммы «Автомобильные дороги»)

Отмена субсидий регионам привела к росту дополнительных расходов их бюджетов, так например, на выплату компенсаций части родительской платы в 2010 году из республиканского бюджета Республики Коми было выделено 125,5 млн. рублей.

Соответственно, сохраняется риск значительной несбалансированности региональных и местных бюджетов и невыполнения ими своих расходных полномочий, в том числе, по важнейшим социальным обязательствам.

С 2011 года также вводятся существенные изменения законодательства, приводящие к очередным некомпенсируемым сокращениям доходов или увеличениям расходов бюджетов субъектов Российской Федерации.

Так, например, с 1 января 2011 года значительно увеличена нагрузка на бюджеты субъектов Российской Федерации за счет роста тарифов страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с 26% до 34%. В этой связи, выпадающие доходы консолидированного бюджета республики Бурятия в 2011 году оцениваются в сумме около 770,0 млн. рублей или 5% налоговых доходов. Дополнительные расходы консолидированного бюджета Красноярского края на указанные цели оцениваются в сумме 3,7 млрд. рублей.

Сохраняется практика наделения субъектов Российской Федерации и муниципальных образований полномочиями без финансового обеспечения, либо без достаточного финансового обеспечения.

Много нареканий вызывает объективность Методики распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, и от этого в значительной степени зависит уровень бюджетной обеспеченности северных регионов. Исходя из этого предлагается ряд предложений по изменению порядка распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, в том числе следующие:

- критерием выравнивания бюджетной обеспеченности должен являться гарантированный уровень бюджетной обеспеченности, необходимый для выполнения установленных полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Распределение средств дотаций должно производиться исходя из указанного критерия. Для этого на федеральном уровне необходимо: 1) разработать и утвердить стандарты бюджетных услуг и минимальные нормативы финансовых затрат на их предоставление; 2) производить распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, гарантирующее обеспечение предоставления услуг на уровне минимальных нормативов;
- при расчете дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности предусматривать механизм увеличения объема дотаций на очередной финансовый год до уровня не ниже объема текущего финансового года для субъектов Российской Федерации, у которых уровень бюджетной обеспеченности до распределения дотаций менее 50%;
- утверждать методику распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности на долгосрочную перспективу (три года), поскольку ежегодные изменения

подходов к ее распределению, а также изменение объемов, не дают возможности принимать бюджеты субъектов Российской Федерации на три года;

- ввести в расчет индекса бюджетных расходов повышающий коэффициент для территорий с низкой плотностью населения, поскольку обеспечение доступности услуг приводит к увеличению расходов на содержание малокомплектных учреждений;

- увеличить значение показателя - «расчетный удельный вес расходов на жилищно-коммунальное хозяйство и коммунальные услуги, а также других расходов, на формирование которых оказывает влияние стоимость жилищно-коммунальных услуг, в среднем по консолидированным бюджетам всех субъектов Российской Федерации» до действовавшего ранее уровня -0,25, так как снижение удельного веса коэффициента стоимости жилищно-коммунальных услуг в Методике распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации привело к существенному сокращений дотаций для многих северных территорий.

В завершение, необходимо отметить, что низкий уровень бюджетной обеспеченности, несбалансированность бюджетов, ограниченные возможности по наращиванию доходного потенциала многих северных субъектов Российской Федерации не позволяют в полной мере обеспечить закрепленные за ними расходные обязательства и стабильное социально-экономическое развитие. Как показала практика работы, пока не удалось создать эффективной системы межбюджетных отношений, позволяющей обеспечить каждый субъект Российской Федерации объемом бюджетных средств, достаточным для реализации их расходных полномочий и развития.

Литература:

1. О федеральном бюджете на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов: федер. закон Российской Федерации № 357-ФЗ от 13.12.2010//"Собрание законодательства РФ", 20.12.2010, N 51 (1 ч.), ст. 6809 (Закон, прил. 1 - 8, 14), "Собрание законодательства РФ", 20.12.2010, N 51 (2 ч.), ст. 6809 (прил. 11, 16), "Собрание законодательства РФ", 20.12.2010, N 51 (3 ч.), ст. 6809 (прил. 20, 23, 26, 27, 30, 31, 34 - 43).

2. О федеральном бюджете на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 годов: федер. закон РФ № 308-ФЗ от 02.12.2009 // Собр. законодательства РФ. – 2009 № 49 (1ч.). - Ст.5869, № 49 - Ст.5869.

3. Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации о бюджетной политике в 2010-2012 годах: "Парламентская газета", N 28, 29.05.2009

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Селин В.С.,
доктор экономических наук, профессор
главный научный сотрудник
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье анализируются некоторые последствия экономического кризиса, рассматриваются основные трактовки понятия «устойчивое развитие», в том числе с позиций его специфики для различных территориальных систем. Анализируется неоднородность экономического пространства Севера России с позиций структуры производственных комплексов. Обосновываются принципы устойчивого развития и их специфические особенности для северных регионов.

***Ключевые слова**:* кризис, устойчивое развитие, территориальные системы, экономика, производственная деятельность, Север, регионы, принципы.

PRINCIPLES OF SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT OF NORTHERN REGIONS

V.S. Selin,
Doctor of economic sciences, professor,
chief researcher
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The main interpretations of the "sustainable development" concept are considered, including that in terms of its specificity for different territorial systems. Heterogeneity of the economic expanse of the Russian North is analyzed in terms of production complexes' structure. Principles of sustainable development and their specificities for northern regions are substantiated.

***Key words**:* sustainable development, territorial systems, economy, production activities, the North, regions, principles.

Понятие «устойчивого развития», получившее свое классическое определение уже более трех десятилетий назад, и поныне вызывает ожесточенные споры как в теоретическом, так и прикладном аспекте. В первую очередь это связано с трудностью перехода от понятия к конкретным параметрам и критериям. Действительно, «обеспечение необходимого уровня жизни сегодняшних поколений» весьма затруднительно уже в том плане, что сам этот уровень отличается в передовых и отсталых странах в десятки раз и этот разрыв в последние десятилетия практически не меняется. Возникает проблема определения критериев уровня жизни в глобальном масштабе, которые были бы приняты мировым сообществом к долгосрочной реализации [1].

Еще больше вопросов возникает ко второй части определения – «не наносящее ущерба будущим поколениям». Не означает ли это, что все население планеты должно постоянно сокращать использование природных ресурсов и вредные выбросы в окружающую среду? Очевидно, что такое развитие в глобальном аспекте вряд ли возможно в условиях, когда необходимо обеспечить опережающий рост уровня жизни бедных стран, а богатые тоже не собираются его «замораживать». Ясно одно, что «сегодняшнее» поколение должно накладывать на себя возрастающие ограничения для блага «будущих» поколений, и что оно к этому вряд ли готово.

Аналогичные проблемы возникают в рамках национальных социально-экономических систем, где различия в уровне жизни в отдельных территориальных образованиях весьма велики и сглаживание их представляет собой достаточно болезненный процесс. Мировой опыт такого выравнивания имеется в основном в развитых странах (Германия, США, Япония), но он не основан на ресурсно-эксплуатирующем типе развития экономики регионов, поэтому в статье рассматриваться не будет. Основной своей задачей автор видит анализсовременных тенденций в экономике северных территорий Российской Федерации, проблем чрезвычайно интенсивной эксплуатации их природных ресурсов, ставящих под сомнение возможность их устойчивого развития в обозримой перспективе.

В зоне Севера расположено около 70% территории России, а разрабатываемые здесь природные ресурсы обеспечивают экономическую и энергетическую безопасность страны, являются основной базой пополнения федерального бюджета и источником валютных поступлений. Достаточно сказать, что северные субъекты РФ перечисляют в государственную

казну в 2 раза больше налогов и платежей, чем получают в виде обратных трансфертов. В районах Севера и Арктики добывается 90% природного газа и более 70% нефти, и в перспективе эти показатели будут только расти.

Широкомасштабное освоение природных ресурсов, которое осуществлялось в советское время при целенаправленной государственной поддержке, в переходной экономике выявило целый ряд проблем экономического, социального и экологического характера. Значительная часть северных территорий оказалась в депрессивном состоянии, которое вызвано снижением федеральной поддержки, ростом транспортных и энергетических тарифов, истощением ряда уникальных и крупных месторождений полезных ископаемых и других причин. Основным индикатором неустойчивости северных систем стал массовый отток населения, который составил за 20 лет около 3 млн. человек или более 20% населения Севера. А провозглашенная как официальная политика «одинаковое отношение ко всем регионам» обернулась совсем «неодинаковым» в отношении Севера, откуда, как уже отмечалось, поступает основная часть рентных платежей, в подавляющем большинстве других регионов просто отсутствующих.

В этой связи можно отметить, что теоретически устойчивое развитие северных территорий может и должно быть обеспечено за счет, как минимум, двух групп факторов. Во-первых, это перераспределение рентных платежей, которые обеспечили бы достойный уровень жизни проживающих и работающих в экстремальных условиях людей. Во-вторых, это диверсификация и инновационная перестройка экономики, которая обеспечила бы конкурентность хозяйственных систем в обозримой перспективе.

На основании изучения феномена устойчивого развития и с учетом полученных результатов в области экономики природопользования и региональной экономики Е.А.Куклина делает вывод о том, что развитие экономических систем соответствует устойчивому развитию в том случае, если выполняются три условия (требования) устойчивости [2]:

– предотвращение ущерба критическому природному капиталу;

– ограничение использования возобновляемых природных ресурсов уровнем, при котором обеспечивается их устойчивость;

– предотвращение необратимых процессов в природной среде.

Оптимальное управление экономическими системами с целью достижения ими устойчивого развития осуществляется на основе следующих двух принципов.

1. Принцип единства экономических, экологических и социальных аспектов. Суть принципа заключается в том, что экономическая система устойчивого природопользования/хозяйствования должна органично дополняться социально-экологическими факторами и критериями.

2. Принцип учета регионального аспекта управления. Суть принципа состоит в том, что обязательным является учет влияния сферы деятельности на социально-экономическое развитие региона при переходе его к устойчивому развитию.

На основе современных методологических и концептуальных представлений, выполненных в рамках изучения феномена устойчивого развития, можно сформулировать три критерия устойчивого развития экономической системы:

– повышение экономической эффективности функционирования;

– улучшение качества жизни населения территории;

– обеспечение равновесия в природной среде, что предполагает максимальное сокращение ущерба критическому природному капиталу, предотвращение необратимых процессов, ограничение потребления возобновляемых природных ресурсов уровнем, при котором обеспечиваются их устойчивость, учет и оценка издержек замещения.

Характеристики устойчивого развития должны охватывать все три сферы (экономическую, социальную и экологическую) и включать следующие показатели: оценку природно-ресурсного потенциала территории; величину поступлений в доходную часть бюджета в результате освоения природно-ресурсного потенциала; количество создаваемых рабочих мест; уровень социально-экономической стабильности; уровень рационального использования природных ресурсов; техногенную нагрузку на окружающую среду; величину экологического ущерба. В условиях

рыночной (или квазирыночной) экономики основным ее сектором выступает финансовая сфера, которая отличается крайне высокой подвижностью, неустойчивостью и подверженности спекулятивным воздействиям. При этом центры реального производства и финансовые центры территориально чаще всего не совпадают, особенно в природно-ресурсных экономиках.

В настоящее время сложились следующие основные типы финансовой модели российских регионов [2]:

1) *регионы со сбалансированным финансовым циклом,* т.е. совокупное сальдо входящих и выходящих финансовых потоков в региональную экономику сбалансировано, устойчиво и имеет относительно невысокое значение по отношению к валовому региональному продукту. При этом равновесны объемы товарного экспорта и импорта: объективный дисбаланс погашается либо за счет федеральных трансфертов и поступлений из других регионов РФ, либо контролируемыми расходами региона за его пределами, прежде всего прямыми инвестициями. Примерами финансовой модели данного типа могут служить экономически сильные регионы центральной и западной части России, Нижегородская и Самарская области, Татарстан и др.;

2) *регионы – финансовые доноры,* у которых объемы вывоза финансовых ресурсов не компенсируются притоком финансовых изменений извне. По всем каналам происходит перманентное «вымывание» денежных средств из экономики. Эта модель характерна для сырьевых, экспортно-ориентированных, экономически стагнационных регионов России;

3) *регионы-реципиенты,* экономика которых базируется на потреблении финансовых ресурсов, поступающих извне. Это - внешние инвестиции, потребительские расходы, расходы других субъектов РФ, налоговые платежи аккредитованных крупных компаний, осуществляющих свою производственную деятельность вне пределов данного региона. Яркий пример финансовой модели такого типа - г. Москва.

Тип финансовой модели определяется базисными экономическими условиями региона и предопределяет количественные соотношения между ее структурными составляющими.

Из этого следует, что объективные преимущества в сфере финансов получают регионы, обладающие значительными природными ресурсами и промышленностью, ориентированной на их добычу и переработку. Регионы, не имеющие такой экономической базы, получают свою долю природной ренты в виде федеральных трансфертов и субвенций. В существующих условиях ни один регион не в состоянии построить эффективную и самодостаточную внутреннюю финансовую систему, поэтому каждая региональная финансовая модель несовершенна.

Очевидно, что регионы Севера исключительно неоднородны как по природным ресурсам, так и по уровню освоенности. Впрочем, это относится и к другим природным зонам. Однако у северных территорий есть характерная особенность – сложные природно-климатические условия, определяющие повышенные издержки их освоения, которые в условиях рыночных отношений могут обеспечиваться только за счет природной ренты. Естественно, исключая случаи внеэкономических отношений, например, когда государство финансирует освоение, преследуя политические или оборонные цели. Впрочем, в реальной действительности все они достаточно тесно переплетены.

Пространственное распределение северных и арктических регионов России в существующей классификации производств достаточно условно. Однако в целом на регионы с преимущественным развитием добычи полезных ископаемых (природно-сырьевые) приходится 79,7% промышленной продукции, на регионы с преимущественным развитием обрабатывающих производств – 18% и на третью группу регионов – 2,3% (таблица 1).

Таблица 1 – Специализация районов Севера по объему отгруженных товаров, работ и услуг, выполненных собственными силами, %

Регионы	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды

Всего	75,5	18,1	6,4
Природно-сырьевые регионы			
Ханты-Мансийский АО	93,8	1,9	4,3
Ямало-Ненецкий АО	90,1	6,4	3,5
Ненецкий АО	98,3	0,7	1,3
Республика Саха (Якутия)	79,0	6,6	14,4
Сахалинская область	74,7	11,3	31,5
Магаданская область	61,5	7,0	31,5
Республика Коми	57,2	31,7	11,1
Регионы с преобладающими обрабатывающими производствами			
Архангельская область	0,7	80,4	18,9
Республика Карелия	33,4	64,9	1,7
Мурманская область	29,5	48,2	22,3
Регионы с ведущей отраслью производства электроэнергии, газа и воды			
Чукотский АО	33,0	12,0	55,0
Камчатская область	18,6	37,0	44,4

На Севере России, в силу его ресурсно-сырьевой ориентации, рента может иметь в региональном продукте повышенный удельный вес, однако он вряд ли превысит 10%. Их может оказаться достаточно для возмещения удорожания производства, однако технической трудностью является выделение рентной составляющей в составе себестоимости и цены. Используемые для этого в настоящее время ресурсные платежи, такие, как налог на воспроизводство минерально-сырьевой базы или плата за пользование недрами очень малы по величине и не выполняют компенсационных функций себестоимости продукции. Рентных доходов, которые компенсировали бы удорожание содержания социальной сферы в городах Крайнего Севера, в явном виде не существует. Нечетко определены полномочия и предметы ведения в системе «государственное управление - местное самоуправление – организация» в отношении ресурсопользования.

Для определения уровня освоенности, как базовой характеристики для устойчивого развития, используются различные показатели, как частные, так и интегральные, как качественные, так и количественные. Они обычно рассчитываются на 1 км.кв. территории. Основным производственным фактором, влияющим на характер и степень освоения северных территорий, выступают природные ресурсы. Однако В.Г.Логинов считает более приемлемым признаком освоенности новых территорий степень развития инфраструктуры и, прежде всего, плотность наземной транспортной сети регулярного действия [3, с.24].

Лаженцев В.Н. следующим образом рассматривает освоение территории, его временные этапы [4, с.29]:

– проникновение – спонтанное и постепенное продвижение людей в новые места с целью получения ресурсов жизни, достаточных для ее воспроизводства;

– переселение – организованный скоротечный переезд людей на новое место жительства с надеждой на свободу и выгоды;

– передислокация – перевод производства в другие точки роста в силу истощения ресурсов прежних мест;

– экономическая интервенция – организованный захват территории и ее ресурсов с целью присоединения их к мировому, либо к национальному, либо к корпоративному рынку, а чаще всего ко всему перечисленному;

– управляемая интеграция – специализация отраслей и районов и их кооперация.

В данной классификации устойчивое развитие в его современном понимании может быть присуще только пятому этапу. И дело не в том, что четыре первых представляют собой достаточно кратковременный («скоротечный») период, а не длительное обживание, гарантирующее комфортные условия для больших масс людей. Только интеграция и кооперация

производительных сил могут служить основой долгосрочной положительной экономической динамики.

В качестве подтверждения этого вывода можно привести данные, полученные в результате анализа финансовой деятельности Республики Саха (Якутия). Несмотря на то, что этот регион имеет статус официального реципиента (отношение федеральных трансфертов к доходам бюджета составляет стабильно 6,2-6,3%), анализ первичных финансовых потоков показал, что этот субъект РФ – донор с несбалансированными каналами притока и оттока средств. При этом основными каналами вымывания ресурсов из региональной финансовой системы являются налоги, собираемые на ее территории и зачисляемые в федеральный бюджет; отчисления в федеральные внебюджетные фонды [5].

Можно отметить, что основными объектами анализа и регулирования в региональной экономике выступают, как правило, территориальные образования, являющиеся субъектами управления. В российской экономике – это края, республики и области (в данном исследовании рассматриваются те из них, которые полностью отнесены к районам Севера). Как уже отмечалось выше, по уровню экономического, а, следовательно, и социального развития они крайне неоднородны. Так, в структуре объема отгруженных товаров собственного производства 65,7% приходится на долю Уральского Севера (в т.ч. 51% - на Ханты-Мансийский и 14.4% - на Ямало-Ненецкий округа), в то время как их население составляет только 20%.

Стратегия инвестирования в экономику природно-ресурсного региона должна быть связана с освоением региональных «полюсов роста», созданием экспортно-ориентированных производств, организацией производств с полным циклом переработки и решением проблем ресурсосбережения. Таким образом, инвестиционная стратегия должна базироваться на принципах разумной диверсификации и ресурсосбережения и соответствовать основной цели реализации инновационного процесса региона.

В основу управления процессом устойчивого развития региона должны быть положены такие принципы, как принцип мониторинга; принцип баланса интересов; принцип последовательности; принцип максимального учета внешних факторов [2, 4, 6].

Принцип мониторинга обеспечивает оценку и системный анализ данных по реализации задач устойчивого развития региона, разработку сценариев развития, обоснование рекомендаций для территориальных органов управления по достижению целей устойчивого развития региона.

Принцип баланса интересов предполагает учет интересов всех субъектов рыночных отношений в регионе, включая интересы коренных малочисленных народов.

Принцип последовательности заключается в последовательной работе всех функциональных подсистем (анализ, планирование, реализация, контроль).

Принцип максимального учета внешних факторов обусловлен необходимостью учета всех факторов, влияющих на достижение параметров устойчивого развития региона, что является необходимым условием формирования модели управления, адекватной поставленным целям и задачам устойчивого развития.

Дополнительно для северных регионов могут быть сформулированы следующие положения:

– принцип протекционизма – направлен на создание государством на Севере для населения благоприятных условий проживания и особых отраслей хозяйства – государственного заказа в производимой продукции;

– принцип эквивалентности – означает, что вывоз ресурсов из районов Севера и Арктики должен компенсироваться обратными материальными потоками для развития социально-экономической сферы и финансовыми – для долгосрочных траст-фондов наследия;

– принцип экологичности – регулирование промышленного освоения Севера для бережного использования его природных ресурсов, сохранения и восстановления окружающей природной среды;

– принцип селективности – государственная поддержка должна оказываться организациям, обеспечивающим социальные задачи и выполняющим государственные заказы;

– принцип рационализации численности населения – создание условий для переезда нетрудоспособного и избыточного населения (закрытие гарнизонов, истощение месторождений и т.п.) в районы с благоприятными условиями проживания.

Литература

1. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). – Москва: Прогресс. – 1989. – 370с.
2. Куклина Е.А. Теория и методология устойчивого развития региона на основе управления промышленными комплексами. – СПб.: ИНЖЭКОН. – 2008. – 219 с.
3. Логинов В.Г. Социально-экономическая оценка развития природно-ресурсных районов Севера. – Екатеринбург: Ин-т экономики УРО РАН. – 2007. – 312 с.
4. Лаженцев В.Н. Проблемы Севера: специфика предмета научных исследований // Экономика региона. – 2007. – С.26-31.
5. Финансовые проблемы региона / Т.Н.Гаврилова, В.Т.Царев, А.В.Алексеева и др.; отв.редактор Е.Г.Егоров. – Новосибирск: Наука. – 2002. – 263 с.
6. Кибиткин А.И. Устойчивость сложных экономических систем. – Апатиты: изд-во КНЦ РАН. – 2000. – 203 с.

References

1. Our Common Future. Report of the International Commission on the Environment and Development. – Moscow: Progress. – 1989. – 370 p.
2. E.A. Kuklina Theory and methodology of sustainable development of a region on the basis of industrial complexes' management. – St. Petersburg: INZHECON. – 2008. – 219 p.
3. V.G. Loginov Socio-economic evaluation of developing nature resource-based regions of the North. – Ekaterinburg: Institute of economics of the Ural department of the Russian Academy of Sciences. – 2007. – 312 p.
4. V.N. Lazhentsev Challenges of the North: specificity of the research subject // Ekonomika regiona. – 2007. – P. 26-31.
5. Financial issues of a region / T.N. Gavrilova, V.T. Tsaryov, A.V. Alexeeva et. al.; managing editor E.G. Egorov. – Novosibirsk: Nauka. – 2002. – 263 p.
6. A.I. Kibitkin Sustainability of complex economic systems. – Apatity: publishing house of KSC RAS. – 2000. – 203 p.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРА

Симоненков В.П.,
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник отдела промышленной и инновационной политики
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье систематизированы стратегические цели инновационного развития промышленности и в целом регионов Севера. Представлена схема формирования стратегических целей инновационного развития промышленности увязывающая в единое целое все элементы целевой концепции. Выполнена оценка стратегических целей инновационного развития в плане реализации задачи повышения конкурентоспособности промышленной продукции на внутренних и внешних рынках, а также в сфере модернизации промышленности.

Ключевые слова: стратегические цели, инновационное развитие, целевые ориентиры, приоритетные проблемы, природные ресурсы.

MAIN PRINCIPLES OF THE STRATEGY OF REGIONAL DEVELOPMENT IN THE NORTH

Simonenkov V.P.
Ph.D. (Econ.)
Senior researcher of department of industrial and innovation policy
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The article systematizes strategic goals of innovation development of industry and regions of the North as a whole. There is presented the scheme of forming strategic goals of innovation development bringing together all elements of the target conception. Strategic goals of innovation development are analyzed regarding raising competitiveness of industrial production at domestic and foreign markets as well as in the field of industry modernization.

Key words: strategic goals, innovation development, targets, priority issues, natural resources.

Разработка стратегических целей инновационного развития региона, включая его промышленный потенциал, представляет собой долгосрочные ориентиры, реализация которых обеспечивает переход всего промышленного комплекса Севера в новое качественное состояние.

Стратегия становится ядром концепции стратегического управления инновационным развитием. Стратегия означает программу, постоянно учитывающую перспективную цель (цели), выбор путей и средств, ведущих к достижению установленной цели (целей). В этой связи систему стратегического управления инновационным развитием промышленности региона предлагаем рассматривать с опорой на следующую структуру:

- условия и предпосылки инновационного развития промышленности региона;
- стратегические цели инновационного развития промышленности региона и основные направления их достижения;
- механизм реализации стратегических целей инновационного развития промышленности региона.

Из предложенной структуры следует общая логика формирования инновационных целей промышленности региона. При анализе структуры планирования на передний план выходит точка зрения, в соответствии с которой на практике всегда преследуются одновременно несколько целей. Планирование (формирование) стратегических целей может, следовательно, происходить лишь в рамках некоторой системы целей, которая должна удовлетворять определенным требованиям. Основными из них являются реалистичность, долгосрочность, актуальность, действенность, реализуемость (осуществляемость), соответствие организационной структуре, проверяемость[1].

Вариант системы стратегических целей инновационного развития промышленности Севера, который бы удовлетворял всем перечисленным требованиям, реализовать на практике трудно, так как это предполагает сложные процедуры, для выполнения которых в системе целей отражающих специфику Севера отсутствуют в настоящее время соответствующие методы и средства.

Тем не менее, существующие методические разработки по проблеме создания эффективной системы стратегии развития предприятий (отрасли деятельности) на инновационной основе показывают, что всё их многообразие, по сути, сводится к целевому методу, методу верификации целей и методу обратных связей .

Наиболее приемлемым подходом решения задачи стратегического целеполагания в сфере инновационного развития промышленности является метод обратных связей, так как он в определённой последовательности действий тесно связывает стратегический курс развития экономики региона с системой стратегических целей его инновационного развития. Предложенная нами схема формирования стратегических целей инновационного развития промышленности, увязывает в единое целое все элементы целевой концепции. (см. рис.). На первоначальном этапе производится стратегический анализ социально-экономического развития региона с целью выявления проблем и определения стратегического выбора. Далее, намечаются стратегические цели развития экономики региона и целевые ориентиры по развитию отраслей промышленности с выявлением приоритетных проблем, решение которых предполагает использование передовых технологий. На заключительном этапе производится формирование системы целей инновационного развития промышленности региона на стратегическую перспективу.

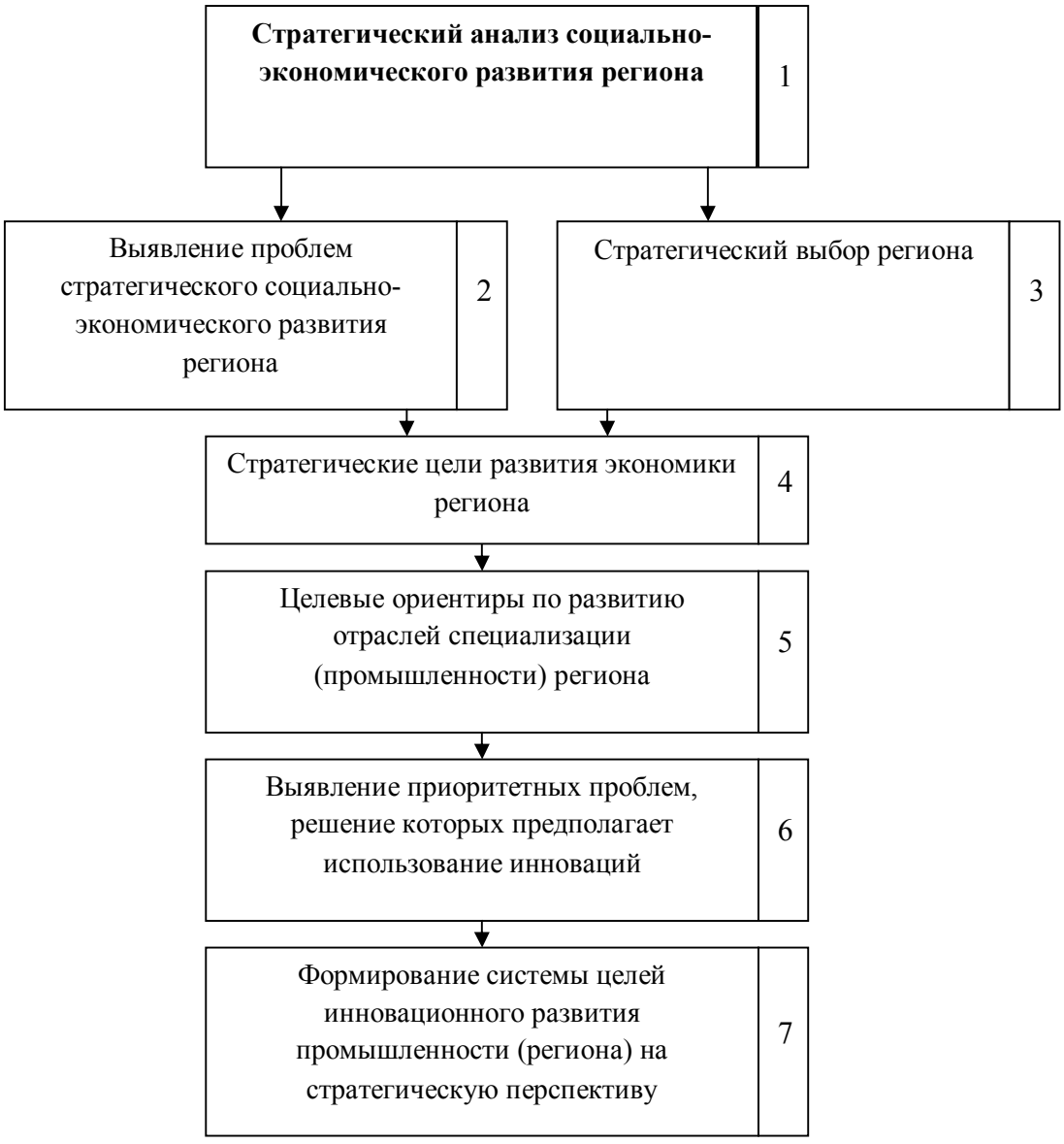

Рис. Принципиальная схема определения стратегических целей инновационного развития промышленности (региона)

Принципиальным положением данной схемы является то, что стратегические интересы отраслей специализации совпадают со стратегическими интересами региона. В свою очередь реализация стратегического выбора региона побуждает промышленность (предприятия) к

развитию производств, имеющих инновационный характер и ориентированных на долгосрочную перспективу.

Реализация такого подхода обеспечивает предприятиям промышленности длительное пребывание на рынке. Предпосылкой этому служат стабильные конкурентные преимущества, обеспеченные научно обоснованными рекомендациями стратегического характера.

Обратная связь является средством формирования системного механизма. При выборе целей развития необходимо исходить, прежде всего, из инновационного потенциала и развивать самые многообещающие, перспективные технологии. Поэтому опорой в этом плане будут являться сильные, динамично работающие предприятия промышленности. И в первую очередь необходимо развивать те технологии (проекты), в которых предприятия промышленности могут реализовать наибольший объем добавленной стоимости.

В настоящее время не все российские предприятия Севера РФ включают инновационную составляющую в общую политику управления предприятием по ряду причин, в том числе и из-за отсутствия четкого представления об эффективности инновационной стратегии.

Как было отмечено, цели предприятия (отрасли) могут быть стратегическими в случае, если выбранная цель работает на перспективу, на развитие и использование инновационного потенциала предприятия с целью обновления и усовершенствование товаров, продуктов, технологий, техники и др.

В таблице представлен блок стратегических целей инновационного развития промышленности и в целом регионов Севера, который даёт некоторое представление о перспективах в плане реализации задачи повышения конкурентоспособности промышленной продукции на внутренних и внешних рынках, а также в сфере модернизации промышленности на инновационной основе.

Стратегические цели инновационного развития регионов Севера

Регионы Севра	Стратегические цели региона	Стратегические цели промышленности
Республика Коми [2]	1. Создание эффективной инновационной инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие всех участников инновационного процесса на всех этапах инновационного цикла. 2. Формирование системного спроса на результаты исследований и разработок со стороны предпринимательского сектора.	1. Широкое внедрение современных инновационных методов увеличения нефтеотдачи пластов (тепловых, газовых, химических, микробиологических). 2. Применение принципиально новых технологий разработки высоковязких нефтей Ярегского и Усинского месторождений, обеспечивающих значительное повышение нефтеотдачи пластов. 3. Получение новых виды продукции (сжиженный газ, прямогонный бензин, топливо дизельное летнее и зимнее, топливо нефтяное (мазут) и бензиновую фракцию).
Архангельская область [3]	Эффективное использование научно-технического потенциала региона для обеспечения	1. Создание конкурентоспособной специализированной морской техники для освоения континентального

	прогрессивных структурных преобразований в сфере материального производства и повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции.	шельфа и Северного морского пути. 2. Увеличение доли современной продукции машиностроения в структуре оборота обрабатывающих и добывающих производств. 3. Развертывание программ содействия технологической модернизации и продвижению инновационной продукции судостроительных предприятий на рынки. 4. Реализация уникального по своим масштабам инновационного проекта по производству и использованию биотоплива. В рамках проекта предполагается реконструировать и построить новые котельные с применением новейших технологий, основанных на сжигании биотоплива. Также предусматривается внедрение инновационных технологий в производство и передачу локальными котельными тепловой энергии.
Ненецкий АО [4]	Создание наукоемких, высокотехнологичных. территориальных и производственных кластеров.	Строительство первой в России линии по производству синтетического жидкого транспортного топлива.
Мурманская область [5]	1. Инновационное развитие региона и реализация кластерной политики. 2. Создание условий для появления и вывода на рынок технологических инноваций.	1. Повышение эффективности использования природно-ресурсного потенциала на основе внедрения технологических инноваций, обеспечивающих комплексность использования сырья и экологическую безопасность производства. 2. Увеличение доли инновационной продукции в общем объеме выпуска до 30-40%. 3. Снижение доли работников занятых во вредных и опасных (не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам) условиях, не менее чем в 2 раза за счёт внедрения инновационных технологий.
Ханты-Мансийский АО [6]	1. Создание условий для совершенствования существующих и разработки новых технологий. 2. Обеспечение высокой эффективности деятельности научно-образовательного комплекса систем. 3. Формирование системы венчурного инвестирования высокорисковых наукоемких	1. Переход на наукоемкие производственные технологии нефтедобычи, позволяющие ввести в эксплуатацию как новые, так и ныне бездействующие скважины на выработанных месторождениях. 2. Создание нефтегазохимического кластера, основу которого составят новые высокотехнологичные рентабельные производства по переработке углеводородного сырья и

	инновационных проектов.	выпуску метанола, поливинилхлорида (ПВХ), клеящих и пропиточных меламино-карбамидо-формальдегидных смол, высококачественного битума.
Республика Саха (Якутия) [7]	Создание условий для активного использования инноваций самого широкого спектра направлений – технологий, менеджмента, маркетинга, финансов.	1 Содействие промышленным компаниям в активном использовании инноваций всего спектра направлений – технологических, инноваций в области менеджмента, маркетинга, финансов и др. 2. Создание условий для роста новых малых инновационных, технологически ориентированных предприятий, в том числе выделяющихся из состава научно-образовательных учреждений.
Камчатский край [8]	Формирование инновационной инфраструктуры, которая окажет положительное воздействие на развитии современной городской среды.	1. Создание производств, обеспечивающих развитие высокотехнологичных отраслей в рыбной промышленности, на транспорте, в судостроении и ремонте, в энергетике. 2. Модернизация рыбообрабатывающей промышленности в рамках инвестиционных и инновационных проектов с целью глубокой переработки водных биологических ресурсов.
Магаданская область [9]	1. Обеспечение устойчивого экономического развития Магаданской области с использованием инновационного потенциала. 3. Подготовка нормативно правовой базы, стимулирующей всех участников инновационного процесса к внедрению результатов научно-технической деятельности в различные сферы экономики. 3. Создание единой системы использования результатов научно-технической деятельности, обеспечивающей прохождение инноваций от стадии исследований до стадии коммерциализации инновационного продукта.	1. Строительство современного предприятия инновационного типа по комплексному извлечению в процессе промывки золота сульфидных материалов, из которых попутно можно извлекать драгоценный металл. 2. Формирование горнодобывающего кластера, развитие которого связано с наращиванием объема добычи драгоценных и цветных металлов с применением инновационных технологий. 3. Организация новых производств в промышленности строительных материалов с применением новейших ресурсно-энергосберегающих технологий для выпуска пеногазобетонных блоков, базальтового утеплителя и другой продукции.
Ямало-Ненецкий	1. Развитие и эффективное	Использование новейших технологий

автономный округ [10]	использование научно-технического и инновационного потенциала. обеспечивающего взаимодействие сектора исследований и инновационных разработок с реальным сектором экономики. 2. Организация центров высокой инновационной активности за счет создания инновационных программных территорий, развития сети технопарков, деловых, инженерных центров, развития наукоемких производств	и технологических решений при создании новой газотранспортной системы. В частности, высокопрочные трубы диаметром 1420 мм из стали марки К65 (Х80) с внутренним гладкостным покрытием рассчитанные на рабочее давление 11,8 МПа (120 атмосфер), а также новые технологии и материалы при сварке.

Прежде всего, необходимо отметить, что в экономике регионов Севера превалирует низкое производственное разнообразие. Традиционные отрасли: добыча и переработка полезных ископаемых с акцентом на нефте- и газодобычу, образуют костяк экономики Севера. Новые и высокотехнологические отрасли выступают в лучшем случае символическим приложением к ним. Следовательно, выпуск конкурентоспособной продукции в подавляющем большинстве случаев связан с углеводородным сырьём.

В средне- и долгосрочной перспективе планируется выпуск новых конкурентоспособных видов таких как сжиженный газ, прямогонный бензин, топливо дизельное летнее и зимнее, мазут и бензиновая фракция.

Машиностроительная отрасль в основном предполагает увеличение доли современной конкурентоспособной продукции, но не определилась с конкретными её видами.

В эпоху тотальной экономии энергоресурсов заслуживает внимания стратегически важный проект по производству и последующему использованию биотоплива для котельных. Для северных регионов планируемое к выпуску топливо является остро необходимым, тем более, что к 2020 году возможен значительный рост альтернативных источников топлива.

Регионами, определившимися с выпуском конкурентоспособной продукции, являются Республика Коми, Архангельская область. Часть регионов Севера только декларирует свои намерения по выпуску данной продукции. Среди них Тюменская область, Камчатский край. Остальные регионы не готовы к реализации стратегически важной проблемы - выпуск конкурентоспособной продукции.

В сфере модернизации промышленности Севера целевая стратегия предусматривает её в традиционных отраслях: нефтегазовом комплексе, нефтехимической промышленности, машиностроении и металлообработке и рыбообрабатывающем комплексе.

Модернизация в промышленности позволит перейти на более наукоёмкие производственные технологии. В нефтедобыче это снижение издержек, ввод в эксплуатацию как новых, так и бездействующих скважин на выработанных месторождениях, как следствие-увеличение степени извлечения нефти. Тем самым будет достигнута главная цель – недопущение снижения годовой добычи нефти к 2020 году.

В целом существует понимание того, что без модернизации промышленности невозможно освоение выпуска конкурентоспособной инновационной продукции, ориентированной как на экспорт, так и на замещение импорта.

Стратегические цели промышленности, формирующие инновационную экономику регионов Севера на долгосрочную перспективу условно можно разделить на две группы.

Первую группу целей формируют регионы, перспективы и направления инновационного развития которых достаточно чётко определены. Это Республика Коми, Архангельская область, Саха (Якутия) и Тюменская область.

Во вторую группу входят все остальные регионы, где промышленность плохо воспринимает инновационные разработки, следовательно, в перспективе переход к инновационному развитию не представляется возможным. Но при активной государственной региональной политике они способны внести существенный вклад в стратегическую линию инновационного развития.

Для этого, в настоящее время, необходимо быстрыми темпами осуществляют строительство собственной промышленной индустрии глубокой переработки добываемых углеводородов, стремясь таким образом увеличить эффективность использования своих природных ресурсов.

Углеводородное сырье при комплексной переработке дает начало целым классам химических соединений, стоимость которых от передела к переделу увеличивается в разы. Они являются ценными экспортными продуктами с высокой добавленной стоимостью и, созданные для переработки, дают сотни тысяч рабочих мест, а также дополнительные налоговые отчисления.

Литература

1. Ширенбек Х. Экономика предприятия: Учебник для вузов. 15-изд. / Пер. с нем. под общ. ред. И.П. Бойко, С.В. Валдайцева, К. Рихтера.-СПб.: Питер,2005. – 848с.
2. Стратегия экономического и социального развития Республики Коми на период до 2020 года. (Одобрена постановлением Правительства Республики Коми от 26 января 2009 года). [электронный ресурс]. Режим доступа - law.rkomi.ru/document.php?id=7616&order=19&page...7...
3. Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2030 года (Одобрена распоряжением администрации Архангельской области №278-ра/48 от 16 декабря 2008 года). [электронный ресурс]. Режим доступа -www.arhzan.ru/data/files/docs/replace_1.pdf
4. Особенности формирования и реализации программ социально-экономического развития регионов, находящихся в экстремальных условиях (на примере Ненецкого автономного округа). Выездное заседание Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов. г. Нарьян-Мар, 17 октября 2008 года. [электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.pmconsulting.ru/pub/pub3.php
5. Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2025 года. (Принята Постановлением Правительства Мурманской области от 26 августа 2010 года №383-пп). [электронный ресурс]. Режим доступа -www.kspmo.ru/files/otchet_minekonom_mo_2010.doc
6. Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа до 2020 года (Приложение к распоряжению Правительства автономного округа от 14 ноября 2008 года, №491-рп). [электронный ресурс]. Режим доступа - ftp://lib.herzen.spb.ru/text/vtorushina_114_84_88.pdf
7. Егоров Н.Е. Формирование стратегии инновационного развития республики Саха (Якутия). Проблемы современной экономики, №4 (24) 2007год. [электронный ресурс]. Режим доступа - www.m-economy.ru/art.php3?artid
8. Стратегия социально-экономического развития Камчатского края до 2025 года. Москва,2009 год. [электронный ресурс]. Режим доступа - www.reec.rushydro.ru/.../Development_strategy_Kamchatskyi_kray_2025. pdf
9. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года (Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г., №2094-р). [электронный ресурс]. Режим доступа -www.referent.ru/1/148998
10. Стратегия долгосрочного социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года (Утверждена постановлением Государственной Думы от 9 декабря 2009 года №1990). [электронный ресурс]. Режим доступа - www.minregion.ru/upload/02_dtp/sub_starteg.xls

References

1. Shirenbek H. Economy of enterpise: Textbook for higher educational institutions. 15-ed. / Translation from German. General edition by I.P.Boiko, S.V.Valdaitsev, K.Rikhter.- St.Petersburg,2005. – 848p.
2. Strategy of economic and social development of the Komi Republic for the period to the year of 2020. (Approved by the resolution of the Government of the Komi Republic of January 26, 2009). [Electronic resource]. Access mode: law.rkomi.ru/document.php?id=7616&order=19&page...7...
3. Strategy of socio-economic development of the Arkhangelsk region to the year of 2030. (Approved by the resolution of the Arkhangelsk region administration No. 278-pa/48 of December 16, 2008). [Electronic resource]. Access mode: www.arhzan.ru/data/files/docs/replace_1.pdf
4. Specificity of forming and realization of programs of socio-economic development of regions being under extreme conditions (case study of the Nenets autonomous okrug). Field meeting of the Committee of the Federation Council on issues of the North and minorities. Naryan-Mar, October 17, 2008. [Electronic resource]. Access mode: http//www.pmconsulting.ru/pub/pub3.php
5. Strategy of socio-economic development of the Murmansk region to the year of 2025. (Adopted by the resolution of the Government of the Murmansk region of August 26, 2010 No. 383-pp). [Electronic resource]. Access mode: www.kspmo.ru/files/otchet_minekonom_mo_2010.doc
6. Strategy of socio-economic development of the Khany-Mansiyskiy autonomous okrug to the year of (Enclosure to the resolution of the Government of the autonomous okrug of November 14, 2008, No. 491-rp). [Electronic resource]. Access mode: ftp//lib.herzen.spb.ru/text/vtorushina_114_84_88.pdf
7. Egorov N.E. Forming the strategy of innovation development of the Sakha Republic (Yakutia). Issues of the modern economy No.4 (24) 2007. [Electronic resource]. Access mode: www.m-economy.ru/art.php3?artid
8. Strategy of socio-economic development of Kamchatka kray to the year of 2025. Moscow, 2009. [Electronic resource]. Access mode: www.reec.rushydro.ru/.../Development_strategy_Kamchatskyi_kray_2025. pdf
9. Strategy of socio-economic development of the Far East and Baykal region for the period to the year of 2025 (Approved by the resolution of the RF Government of December 28, 2009, No. 2094-r). [Electronic resource]. Access mode: www.referent.ru/1/148998
10. Strategy of long-term socio-economic development of the Yamal-Nenets autonomous okrug to the year of 2020 (Approved by the resolution of the State Duma of December 9, 2009 No. 1990). [Electronic resource]. Access mode: www.minregion.ru/upload/02_dtp/sub_starteg.xls

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ТЕРРИТОРИИ: СУЩНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Березиков С.А.,
кандидат экономических наук, научный сотрудник
отдела промышленной и инновационной политики
Цукерман В.А.,
кандидат технических наук, заведующий отделом промышленной и инновационной политики
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассматривается сущность и экономическое содержание конкурентоспособности территории. Показана необходимость формирования единого понятийного и методического аппарата для согласования интересов субъектов различных уровней в процессе принятия решений по повышению конкурентоспособности территорий.

Ключевые слова: Конкуренция, конкурентоспособность, территория, регион

COMPETITIVENESS OF TERRITORY: THE ESSENSE AND ECONOMIC CONTENT

Berezikov S.A.,
Ph.D. (Econ.), researcher of
department of industrial and innovation policy
Luzin Institute for economic studies
Kola Science Centre of RAS
Tsukerman V.A.
Ph.D. (Engineering), head of
department of industrial and innovation policy
Luzin Institute for economic studies
Kola Science Centre of RAS

The article discusses the essence and economic content of the territory competitiveness. The necessity of forming the single conceptual and methodical apparatus for conciliation of interests of subjects of different levels in the process of decision making on raising competitiveness of territories is shown.

Key words: Competition, competitiveness, territory, region

Ключевое воздействие на долгосрочные перспективы социально-экономического развития оказывает конкуренция, вынуждающая организации и предприятия развивать производство товаров и услуг. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года отмечается, что одним из основных долговременных системных вызовов, стоящих перед российской экономикой в середине текущего десятилетия, является «усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национального управления,

поддержки инноваций, развития человеческого потенциала» [5]. Дальнейшее развитие глобальной конкуренции дополнится усилением геополитического соперничества за контроль над сырьевыми, энергетическими, водными и продовольственными ресурсами.

Несмотря на ускорение технологического прогресса и ужесточение условий конкуренции между регионами, по мнению экспертов, методология исследования конкурентоспособности территорий в настоящее время не сформирована [см. 8, 9] . В этих условиях становится очевидной необходимость уточнения сущности и содержания понятия «конкурентоспособности территории», а также совершенствования методических подходов к ее оценке.

Конкурентоспособность – многогранное понятие, его содержание может значительно отличаться в зависимости от объекта приложения. В.В. Окрепилов [4] указывает на тот факт, что: «…до сих пор термин «конкурентоспособность» не стандартизирован, хотя приняты на международном уровне стандартизированные термины и определения в области метрологии, управления качеством, подтверждения соответствия и др.». З.А. Васильева [1] обращает внимание на негативные последствия отсутствия единого понятийного аппарата: «разнообразие методологических подходов к исследованию конкурентоспособности и изолированное рассмотрение того или иного субъекта независимо от его места в иерархии понятий в данный момент не позволяют:

– выработать систему типовых управленческих решений тактического и стратегического характера социально-экономическими системами более высокого уровня (отрасль, регион, государство) для повышения уровня и наращивания потенциала конкурентоспособности предприятия, продукции;

– согласовать механизмы взаимодействия различных субъектов рынка при формировании конкурентных преимуществ и усилении позиций на различных видах рынков (региональных, межрегиональных, международных)».

Стоит отметить, что необходимо различать конкуренцию между территориями (или конкуренцию территорий) и конкуренцию на территории.

Конкуренцию между территориями Т.В. Сачук [7] определяет как «соперничество территорий друг с другом с целью привлечения к себе внимания потребителей территориального продукта, что выражается в притоке на территорию человеческих, финансовых, материальных, инновационных и других ресурсов». Достаточно близкое по содержанию определение представлено в [3]: «конкуренцию территорий в целом можно определить, как соревнование между регионами в их стремлении завоевать различные целевые группы потребителей местных ресурсов и условия жизнедеятельности».

При этом, как отмечает Ю.В. Савельев [6], «в конкурентных условиях у территорий появляются побудительные мотивы вести себя так же, как и микроэкономические субъекты». Следует принимать во внимание существование территориальной специализации у каждого региона. В этом случае территориальная конкуренция может проявляться лишь в тех сферах, где происходит столкновение интересов территории с интересами других территорий–конкурентов. «На практике приходится наблюдать, что конкурентные отношения между территориями … строятся, в большей степени, на основе модели монополистической конкуренции» [6].

Л.И. Ушвицкий и В.Н. Парахина [8] определяют региональную конкурентоспособность «как способность региона в условиях свободной конкуренции производить товары и услуги, удовлетворяющие требованиям рынка, реализация которых увеличивает благосостояние региона, страны и отдельных ее граждан».

Б.А. Чуб [10] рассматривает конкурентоспособность региона как «его роль и место в экономическом пространстве России, способность обеспечить высокий уровень жизни населения и возможность реализовать имеющийся в регионе экономический потенциал (финансовый, производственный, трудовой, инновационный, ресурсо-сырьевой и др.)». Потенциал региона реализуется в результате функционирования регионального рынка, вовлекающего в воспроизводственный процесс все имеющиеся в регионе ресурсы и эффективно их

использующего. Подобный взгляд на проблему устанавливает тождественность конкурентоспособности и экономической эффективности.

Базирующийся на «продуктивности (производительности) использования ресурсов» методологический подход к формулированию понятия конкурентоспособности территории позволяет определить уровень использования имеющихся региональных ресурсов в конкретный момент времени [2]. Тем не менее, скорость трансформаций в мировой экономике и изменение значимости факторов, влияющих на экономический рост, вызывают необходимость уточнения понятия конкурентоспособности территории. Необходимо отметить, что инновационные, интеллектуальные и инвестиционные ресурсы приобретают наибольшее значение для повышения уровня конкурентоспособности территории.

Особую актуальность повышение конкурентоспособности территории приобретает в связи с развитием рыночных отношений, усилением конкуренции и интеграционных процессов между территориальными образованиями. Возникает потребность в определении сильных сторон региона, способных оказывать существенное влияние на его социально-экономическое развитие и повышение конкурентных преимуществ. Оценка формы и масштабов участия территорий межрегиональной экономической интеграции позволяет выявить негативные факторы, препятствующие данным процессам и, как следствие, снижению конкурентоспособности регионов. Подобные оценки регионального развития и возможностей территорий по обеспечению территориальной конкурентоспособности позволяют получить маркетинговые исследования региональных рынков.

По существу, конкурентоспособность территории – это взаимосвязь элементов социально-экономической системы, свойства которых образуют множество функций, определяющих способность данного региона к конкуренции. Таким образом, в качестве индикаторов конкурентоспособности территории могут использоваться показатели уровня жизнеобеспечения населения на основе международных и национальных стандартов.

Можно согласиться с выводами З.А. Васильевой [1] в отношении современных определений понятия «конкурентоспособность», «которые:

– модифицируются в зависимости от целей и задач исследователей, требований субъектов рыночных отношений (потребителей, конкурентов, инвесторов, партнеров) и масштабов деятельности (внутренние, внешние рынки);

– чаще всего ориентированы на оценку уровня на текущий момент времени без учета факторов, определяющих потенциал роста конкурентоспособности;

– не имеют строгой иерархии по уровням управления (предприятие, отрасль, регион, государство) в связи с изолированностью исследований, и отсутствием понимания значимости конкурентоспособности субъектов рынка более высоких уровней управления при решении задач усиления рыночных позиций на внешних рынках;

– для отдельных субъектов рынка не соответствуют методикам ее оценки, что приводит к несопоставимости параметров и критериев, искажающих реальный уровень конкурентоспособности».

Первый и второй выводы можно отнести не только к определениям понятия «конкурентоспособность», но и к определениям понятия «конкурентоспособности территорий» существующим сегодня в экономической литературе. Стоит отметить, что такое положение дел не может считаться нормальным. Требуется унификация понятия «конкурентоспособность территории», поскольку, на наш взгляд, существование большого количества различных определений одного и того же явления вносит методологическую путаницу в формирование целостной теории конкурентоспособности и затрудняет реализацию практических рекомендаций.

В процессе разработки и принятия решений по вопросам повышения конкурентоспособности территорий потребуется согласование интересов субъектов различных уровней управления, с этой целью в рамках законодательного акта должен быть сформирован единый понятийный и методический аппарат. Его возможности должны позволить производить

оценку конкурентоспособности субъектов рынка, как изолированно друг от друга, так и системе иерархии уровней управления.

Учитывая высокий уровень неоднородности экономического пространства России, для каждого из ее регионов требуется индивидуальный подход к решению обусловленных его спецификой проблем повышения конкурентоспособности. Однако, по нашему мнению, научное обоснование решения этих проблем должно осуществляться с использованием единого понятийно-методического аппарата.

Литература

1 Васильева З.А. Иерархия понятий конкурентоспособности объектов рынка // Маркетинг в России и за рубежом. – 2006. – № 2(52). – С. 83 – 89.

2 Портер М. Конкуренция: Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – 608 с.: ил. – Парал. тит. англ.

3 Производственные кластеры и конкурентоспособность региона [Текст]: монография / колл. авт. под рук. Т.В. Усковой. – Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2010. – С.13.

4 Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы / Институт проблем региональной экономики РАН; отв. ред. Е.Б. Костяновская. – СПб.: Наука, 2006. – С.315.

5 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2008 г. №1662-р (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 08.08.2009 №1121-р) «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

6 Савельев Ю.В. Управление конкурентоспособностью региона: от теории к практике / Институт экономики КарНЦ РАН. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. – с.22.

7 Сачук Т.В. Территориальный маркетинг. – СПб.: Питер, 2009. – с.153.

8 Ушвицкий Л.И., Парахина В.Н. Конкурентоспособность региона как новая реалия: сущность, методы оценки, современное состояние // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Экономика», 2005, №1. [Электронный ресурс] - URL http://science.ncstu.ru/articles/econom/14/01.pdf (дата обращения 28.02.2011)

9 Чайникова Л.Н. Методологические и практические аспекты оценки конкурентоспособности региона: монография – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – С.5.

10 Чуб Б.А. Управление инвестиционными процессами в регионе. – М.: БУКВИЦА, 1999. – 188 с.

References

1 Vasilieva Z.A. Hierarchy of concepts of market object // Marketing in Russia and abroad. – 2006. – No. 2(52). – P. 83 – 89.

2 Porter M. Competition: Translation from English. – Moscow: Publishing house «Williams», 2005. – 608 p.: il. – Parallel title English.

3 Production clusters and competitiveness of the region [Text]: monograph / group of authors led by T.V. Uskova. – Vologda: Institute of socio-economic development of territories of RAS, 2010. – P.13.

4. Development of Russian regions: new theoretical and methodological approaches / Institute of problems of regional economy of RAS; managing editor E.B. Kostyanovskaya. – St.Petersburg.: Nauka, 2006. – P.315.

5. Order of the Russian Federation Government of November 16, 2008 No. 1662-r (edition of the Order of the RF Government of 08.08.2009 No.1121-r) “On the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period to the year of 2020” access from “Consultant Plus”
6. Saveliev Yu. V. Management of competitiveness of the region: from theory to practice / Institute of economics of the Karelian science centre of RAS. – Petrozavodsk: Karelian science centre of RAS, 2010. – p. 22.
7 Sachuk T.V. Territorial marketing. St. Petersburg: Piter, 2009. – p. 153.
8 Ushvitskiy L.I., Parakhnina V.N. Competitiveness of the region as a new reality: essence, evaluation methods, present condition // Proceedings of the Northern Caucasian state technical university. Series “Economics”, 2005, No. 1 [Electronic resource] - URL http://science.ncstu.ru/articles/econom/14/01.pdf 9 Chainikova L. N. Methodological and practical aspects of evaluation of the region’s competitiveness: monograph – Tambov: publishing house of Tambov state technical university, 2008. – P.5.
10 Chub B.A. Management of investment processes in the region. – Moscow: BUKVITSA, 1999. - 188 p.

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ

Васильев В.В.,
кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник
отдела экономической политики и хозяйственной деятельности
в Арктике и районах Крайнего Севера
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН

В статье рассматриваются методические, исторические и правовые аспекты выделения арктической зоны России и возможности закрепления ее границ в федеральном законе «Об арктической зоне России». На этом основании предложен комплексный подход, учитывающий географические, природно-климатические и экономические особенности, а также некоторые дополнительные факторы дискомфортности условий жизнедеятельности.

***Ключевые слова**:* Арктика, география, ресурсы, экономика, зоны, границы, методики, нормативные правовые акты, регионы, субъекты РФ.

SCIENTIFIC BASES FOR IDENTIFYING BORDERS OF THE RUSSIAN ARCTIC ZONE

V.V.Vasilev,
Ph.D. (Geography), leading researcher of department of economic policy
and economic activities in regions of the High North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The article considers methodical, historical and legal aspects of determining the Russian Arctic zone and possibilities of fixing its borders in the federal law “On the Arctic Zone of Russia”. Basing on this a comprehensive approach was suggested taking into consideration geographical, natural-climatic and economic specificities as well as some additional factors of vital activities.

Key words: the Arctic, geography, resources, economics, zones, borders, methods, normative legal acts, regions, RF subjects.

В обеспечении национальной и экономической безопасности и обороноспособности страны важная роль отводится Арктике. В этой геополитической зоне российского Севера сконцентрированы стратегические и экономические интересы страны, обусловленные крупнейшими природными ресурсами, и благоприятными условиями для размещения российского оборонного потенциала морского базирования сил общего назначения. В географическом плане особенностью арктической зоны для целей управления является то, что она представляет собой широтный геотаксон огромной протяженности и площади с обширной водной акваторией. На ее территории проживают десятки коренных малочисленных народов, и осуществляется социально-экономическая деятельность целого ряда субъектов Федерации.

Особую роль в ближайшей перспективе может приобрести Северный морской путь, выступая своеобразным "стягивающим поясом" для кооперации, а затем и интеграции хозяйственных систем Европейской части России и Дальнего Востока. При этом необходимо иметь в виду, что обозначение на наших картах границы национального "влияния" в Арктике не имеют международного признания. Поэтому Российская Федерация будет иметь приоритет хозяйствования только в исключительной экономической зоне, а в остальных районах он будет определяться научно-технических уровнем и организационной готовностью к эффективной хозяйственной деятельности.

Решение проблем Арктики во многом будет зависеть от принятия Федерального закона "Об арктической зоне России", который должен определить сухопутные и морские границы

региона, обеспечить важные геополитические интересы России в Арктике, наметить механизмы устойчивого развития этой зоны, сохранив при этом ее уникальную природную среду.

В настоящее время в практике административного выделения Арктической зоны существует пять проектов федеральных законов и других нормативных документов, в основном базирующихся на материалах Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики, которая своим решением от 1989 г. отнесла к Арктике в Мурманской области - Печенгский, Кольский, Ловозерский административные районы, Ненецкий АО Архангельской области (полностью), Ямало-Ненецкий АО Тюменской области (полностью), Таймырский АО (Долгано-Ненецкий) Красноярского края (полностью), в Республике Саха (Якутия) - пять прибрежных районов (Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Устьянский, Нижнеколымский), Чукотский АО Магаданской области (полностью).

В конце 90-х годов Комитетом Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов в порядке законодательной инициативы было подготовлено два проекта Федерального закона "Об арктической зоне Российской Федерации" ее состав еще больше был расширен путем дополнительного включения пяти городов в Мурманской области, по одному в Республике Коми, Красноярском крае, Республике Саха (Якутия) и Корякском АО. При этом предлагалось исключить из состава Арктической зоны южные территории Ямало-Ненецкого АО.

В начале 1999 года группа членов Совета Федерации и Государственной Думы направила в Государственную Думу новый проект Федерального закона "Об Арктической зоне Российской", в котором за счет дальнейшего расширения Арктической зоны доводит ее до 11 субъектов Федерации, дополнительно включив: в Республике Карелия - Беломорский район, в Архангельской области шесть районов и два города (Мезенский, Лешуконский, Пинежский, Приморский, Онежский, Соловецкий районы, гг.Северодвинск и Архангельск), в Республике Саха (Якутия) - дополнительно четыре района, доводя их общую численность до десяти (Абытский, Горный, Среднеколымский, Верхнеколымский районы), в Корякском АО – один район (Пенжинский).

Проект Федерального закона "Об Арктической зоне Российской Федерации", подготавливаемый в 1998-1999 гг. в Госкомсевере России, в части понятия и состава Арктической зоны почти полностью аналогичен проекту Закона Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов.

В 2008 г. Президентом РФ были одобрены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», где под Арктической зоной РФ предлагается понимать территорию, определяемую решением Государственной комиссии при СМ СССР по делам Арктики от 22.04.1989 г. При этом говорится, что границы Арктической зоны РФ могут уточняться в т.ч. её южной границы с перечнем муниципальных образований [1].

Все выше представленные нормативные документы имели один общий недостаток – полное отсутствие какого-либо обоснования в определении территориальной структуры Арктической зоны. В них нет ответа на вопрос, почему и как тот или иной северный регион отнесен к Арктической зоне, поэтому не удивителен столь значительный разброс в численности административных районов субъектов Федерации, предлагаемых включению в Арктическую зону. Отсутствие научного подхода и обоснованной методике выделения Арктики делает представленные выше проекты федерального закона весьма уязвимыми для критики и нахождения консенсуса.

Среди научных подходов следует более детально рассмотреть методологию природного выделения Арктики. В современной географической науке в определении Арктики используются такие научные подходы, как астрономический, климатический и физико-географический. Кроме того, для выделения границы Арктики с точки зрения условий жизни населения используется также комбинированный биоклиматический метод.

Физико-географический подход к оценке качества среды обитания человека предусматривает оценку региональных ландшафтов в их естественных границах. Исходя из того,

что все частные природные показатели местной среды синтезированы в ее ландшафтах, отражающих в своих параметрах общие закономерности географической дифференциации территории. Таким образом, задача оценки качества среды сводится к характеристике природного потенциала ландшафтов и их последующей группировки по определенным экологическим критериям. Ландшафты Арктики (и их горные аналоги в таежной зоне) предложено относить к группе экологически неблагоприятных ландшафтов, а за границу Арктики должна быть принята южная ландшафтная граница зоны тундры [2].

Биоклиматический подход к определению границы Арктики основан на понятии человеческого стресса окружающей среды, который ассоциируется с комбинацией следующих условий: высокоширотностью, и следовательно, недостатком биологически активной УФ-радиации в течение холодного периода; преобладанием низких температур воздуха в сочетании с сильными ветрами и высокой относительной влажностью воздуха; высокой вероятностью выпадания снега в течение всего летнего сезона; отсутствием древесной растительности.

На этой территории человеком предпринимаются максимальные усилия по нейтрализации стресса окружающей среды, которые преимущественно выражаются в уменьшении ощущения холода (холодовой стресс).

В качестве индикаторов холодового стресса принимаются биоклиматические индексы, которые характеризуют стрессовое состояние одетого человека, вызываемое воздействием низких температур, ветра и высокой относительной влажностью воздуха.

Граница экстремально сурового арктического стресса находится целиком в пределах Арктики, выделенной физико-географическим методом, а очень сурового – приблизительно совпала с этой границей. Поэтому предлагается относить область экстремально сурового стресса к подзоне "Высокой Арктики", внутри которой может быть выделена еще "арктическая пустыня", лишенная даже летом сомкнутой растительности – это острова Земли Франца Иосифа, большая часть Новой Земли, Северная Земля и ряд более мелких островов. Область же между физико-географической границей Арктики и биоклиматической границей сурового арктического стресса предлагается отнести к "Субарктике", являющейся южной частью Арктики [3].

Таким образом, Арктическая зона состоит из двух подзон "Высокой Арктики", к которой относятся: острова Северного Ледовитого океана и практически все его азиатское побережье, включая Чукотский полуостров, северная половина Таймыра (горы Бырранга севернее), большая часть полуострова Гыдан и Ямал, и "Субарктики", к которой относится: север Кольского полуострова, полуостров Канин и большая часть европейского побережья Северного Ледовитого океана, южная часть побережья Обской губы и низовья Оби до Салехарда, южная часть полуостровов Ямал и Гыдан, низовья Енисея с Дудинкой, горы Путорака с Норильском, полоса тундры на севере Якутии и почти вся не вошедшая в "Высокую Арктику" территория Чукотского автономного округа, включая Анадырь. Только здесь Арктика ненамного выходит за пределы Северного полярного круга [4].

Выделение Арктической зоны по природным факторам – необходимое условие более полного, комплексного научного подхода в решении проблемы определения ее границ, которая не является самоцелью, а несет в себе важное прикладное значение – разработку концепции и проекта федерального закона государственной региональной политики и управления в этом уникальной во всех отношениях территории Российской Федерации.

Комплексное выделение Арктики, помимо природных условий, требует также учета природоресурсного потенциала рассматриваемого региона, хозяйственной его освоенности и условий жизнедеятельности человека, т.е. осуществления природохозяйственного подхода в исследовании стоящей проблемы. Поэтому дополнительно исследовались и другие подходы к решению вопроса о территории и границах Арктики: природно-ресурсный и транспортный.

Так, в исследованиях "Всероссийского научно-исследовательского института геологии и минеральных ресурсов мирового океана" (ВНИИОкеангеология) (Гринберг И.С., Долин Д.А. и др.), исходя из стратегии развития минерально-сырьевой базы, единственным важным

параметром определения границ является "размещение ведущих типов месторождений полезных ископаемых". В связи с этим была составлена карта закономерностей размещения месторождений полезных ископаемых в пределах российского сегмента Арктического планетарного минерагетического пояса. На ней оконтурены металлогенические и нефтегазоносные провинции, а также угленосные бассейны. Южную границу Арктики предлагается проводить исходя из подбора минерагенических провинций, наиболее близко расположенных к физико-географической границе Арктики [5].

Таким образом, к зоне Арктики отнесены металлогенические провинции, угленосные бассейны и нефтегазоносные области, которые, с одной стороны, большинством исследователей признаны в ранге арктических, а с другой – созданные на основе этих минерагенических таксонов промышленные предприятия оказывают максимальное воздействие на арктическую природную среду.

Обоснованная, таким образом, сухопутная граница Арктического региона проходит на восток от г.Мончегорска, охватывая северную часть Кольского полуострова, спускаясь от меридиана 42^0 в.д. к Северному полярному кругу и проходя по нему до 62^0 в.д., а затем подымается на север к г.Воркуте, пересекает далее северные оконечности Байдарацкой, Обской и Тазовской губ и р.Енисей на 68 параллели. От последней она проходит в 80-150 км южнее широтного течения р.Хеты, пересекая далее р.Котуй у $69^020`$ с.ш., р.Лену у 71^0 с.ш. и, спускаясь к р.Индигирке у Северного полярного круга, вблизи него уходит к восточной границе России.

Существуют и другие подходы в экономическом определении Арктики. Так, В.С.Селин предлагает в поисках границ арктического ареала использовать метод транспортно-хозяйственного тяготения территорий, примыкающих к Северному морскому пути (СМП) и находящихся в зоне его влияния, а также учитывающего тесную взаимосвязь экономики прилегающих регионов, формирующих в основном грузопотоки на трассе (СМП) [6].

Для выявления Арктической зоны предлагается двухкритериальная система оценки: территории, примыкающие к Северному морскому пути, где за основу положен географический принцип, учитывающий совокупность природно-климатических условий. По этому критерию к Арктике относятся острова Северного Ледовитого океана, а также часть материка, границы которой определяются по усредненной линии, детерминированной условиями проживания населения; территории, находящиеся в зоне влияния СМП определяется двумя принципами: принципом формирования – производственной деятельностью, связанной с трассой Северного морского пути, т.е. создающей и вызывающей для него соответствующие грузопотоки, и принципом обеспечения – транспортной инфраструктурой, непосредственно обеспечивающей движение грузов. Таким образом, к территориям, находящимся в зоне влияния Северного морского пути, относятся районы, выходящие за границы Арктики, но непосредственно создающие или обеспечивающие грузопотоки по Северному морскому пути. Таким образом, согласно данной методике к зоне Арктики относятся:

Мурманская область – полностью с учетом находящихся в ней трех портов (Мурманский, Кандалакшский, Витинский) и промышленных объектов; Ненецкий автономный округ – полностью или в части Тимано-Печорской провинции; Архангельская область – города Архангельск и Северодвинск; Республика Коми – в части Тимано-Печорской провинции; Ямало-Ненецкий автономный округ – зона Арктики; Красноярский край – Норильский и Туруханский районы; Таймырский автономный округ – полностью; Республика Якутия (Саха) – зона Арктики; Чукотский автономный округ – полностью.

Однако выделение Арктики только по критерию тяготения к СМП вряд ли оправдано, так как есть целый ряд арктических регионов у которых грузопотоки связаны не только с трассой севморпути, но и другими направлениями. Примером может служить Воркутинский угольный бассейн из которого уголь транспортируется в основном на северо-запад России.

В тоже время представленные выше природно-ресурсный и транспортный подходы более комплексно нежели чисто географический подход оценивают арктическую специфику

рассматриваемого региона. Однако и они недостаточно полно ее учитывают, являясь по своей сути отраслевыми подходами.

Представляется, что решение этой проблемы лежит в разработке комплексного подхода, учитывающего как природные, так и экономические (хозяйственные) особенности региона, а также дискомфортность условий жизнедеятельности населения на данной территории. Используя данный подход, сделана попытка выделить Арктическую зону и определить ее южную границу.

За первооснову выделения Арктики предлагается принимать физико-географическое и биоклиматическое определение данного региона как наиболее научно обоснованное и устоявшееся. На ее основе проводилась оценка порайонных различий всех территорий арктической зоны в направлении с запада на восток (вдоль северного побережья России), начиная с Мурманской области до Чукотки.

Проведенное районное изучение комплексного выделения и определения южной границы по природным и хозяйственным признакам позволило обосновать территориальную структуру Арктической зоны России, в которую входят: земли и острова Северного Ледовитого океана и его морей, находящиеся в пределах границ, проходящих к северу от побережья Российской Федерации на западе – по меридиану 32^0 04` 35" восточной долготы (а в пределах от $74^0$ до $81^0$ северной широты – по меридиану 35 восточной долготы), на востоке – по меридиану $168^0$ 58` 37" западной долготы. На материке к территории Арктики относятся в:

Мурманской области: Печенгский (прибрежные территории Баренцева моря с населенными пунктами, расположенными на полуостровах Средний и Рыбачий, населенный пункт Лиинахамари, поселок городского типа Печенга), Кольский (территории Туманенской, Ура-Губской сельских администраций), Ловозерский (территория Сосновской сельской администрации) районы, территория Североморской городской администрации, закрытые административно-территориальные обртазования: Заозерск, Скалистый, Снежногороск, Островной и г.Полярный с приписанными к ним населенными пунктами; территория Мурманской городской администрации;

Ненецком автономном округе – вся территория;

Республике Коми – территория Воркутинской городской администрации;

Ямало-Ненецком автономном округе: Надымский (территории Кутопьюганской, Норинской, Ныдинской, Ямбургской сельских администраций), Приуральский (территории Аксарковской, Байдарацкой, Белоярской, Катравожской и Харсаимской сельских администраций), Пуровский (территория Самбургской сельской администрации), Тазовский и Ямальский районы, территории Салехарской и Лабытнангской городский администраций;

Таймырском (Долгано-Ненецком автономном округе) – вся территория;

Красноярском крае – территория Норильской городской администрации;

Республике Саха (Якутия): Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский, Оленекский (территория Жилиндинской сельской администрации) и Усть-Янский улусы;

Чукотском автономном округе: Анадырский (кроме территорий Ваегской, Ламутской и Чуванской сельских администраций и территории рабочего поселка Марково), Беринговский, Билибинский (кроме территорий Большеанюйской, Дальнинской, Мандриковской, Омолонской сельских администраций) Иультинский, Провиденский Чаунский, Чукотский, Шмидтовский районы, г.Анадырь.

Таким образом, можно констатировать, что Арктическая зона России представляет из себя северную пограничную прибрежную территорию страны с примыкающей к ней обширной шельфовой зоной и соответствующей морской акваторией с расположенными там островами и архипелагами, находящимися в границах российского государства. Ее отличительными негативными чертами являются: приполярное географическое положение, чрезвычайно суровые природно-климатические условия, с преобладанием отрицательных температур, серьезно затрудняющие хозяйственную деятельность и проживание населения, обширность и труднодоступность сухопутных пространств и морских акваторий, слабая освоенность и очаговый характер расселения. К позитивным сторонам Арктики прежде всего следует отнести удобное

географическое и военно-стратегическое положение (особенно в ее западном секторе) с единственным незамерзающим в стране портом Мурманск и рядом военно-морских баз, выявленных и частично разрабатываемых крупных и уникальных минерально-сырьевых ресурсов и углеводородного сырья, открытых в последнее время крупнейших в стране залежей нефти и газа и других ресурсов на морском шельфе Северного Ледовитого океана.

Все это свидетельствует об огромной роли Арктики в военно-стратегическом и минерально-сырьевом потенциале страны.

Выделенная зона Арктики позволяет научно обоснованно подготавливать необходимые нормативно-правовые документы, касающиеся различных проблем данного региона.

Литература

7. «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». Российская газета 18.09.2008.
8. Семенов И.В., Сиско Р.К. Комплексная физико-географическая граница Арктики. Известия ВГО. 1973. Т.105. Вып.4. С.313-319.
9. Короткевич Е.С. Географические границы действия экологических систем в Арктике. В кн.: Проблемы экологии полярных областей. М., 1983. С.11-16.
10. Лузин Г.П., Лазарев Е.Е., Селин В.С. и др. Методология районирования территорий для управления формированием трудовых ресурсов в северных регионах. Кольский научный центр РАН. Апатиты, 1996.
11. Арктика на пороге третьего тысячелетия. – С.-Петербург: Наука, 2000.
12. Селин В.С. Организация деятельности и экономическая оценка грузопотоков в западном секторе Северного морского пути. КНЦ РАН, Апатиты, 2000.

References:

7. “Bases of the state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period to 2020 and the further perspective”. Rossiyskaya Gazeta 18.09.2008.
8. Semyonov I.V., Sisko R.K. Complex physical-geographic border of the Arctic. Proceedings of WGO. 1973. V. 105. Issue 4. P. 313-319.
9. Korotkevich E.S. Geographical borders of ecological systems functioning in the Arctic. In “Ecology issues of Polar regions”. M., 1983. P. 11-16.
10. Luzin G.P., Lazarev E.E., Selin V.S. et. al. The methodology of division territories into districts for management of forming labour resources in northern regions. Kola Science Centre of RAS. Apatity, 1996.
11. The Arctic at the threshold of the third millennium. – St. Petersburg: Nauka, 2000.
12. Selin V.S. Organization of activities and economic evaluation of cargo flows in the western sector of the North sea route. KSC RAS, Apatity, 2000.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИКА РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

Дидык В.В.,
кандидат экономических наук, доцент,
зам. директора по научной работе
Емельянова Е.Е.,
младший научный сотрудник отдела регионального
и муниципального управления на Севере РФ
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина

Кольского научного центра РАН

В статье рассматриваются методические особенности использования технологии стратегического планирования и управления применительно к территориальным социально-экономическим системам, существующее положение нормативно-правового регулирования данного процесса. Рассмотрена практика разработки документов стратегического планирования в стране, в том числе в городах Крайнего Севера. Подчеркнуто ключевое значение публичного характера разработки стратегий и организации взаимодействия широкого круга участников для обеспечения их результативности.

Ключевые слова: стратегическое управление, стратегическое планирование, социально-экономическое развитие территорий, города Крайнего Севера.

STRATEGIC MANAGEMENT OF TERRITORIAL DEVELOPMENT: METHODICAL ASPECTS AND PRACTICE OF RUSSIAN MUNICIPALITIES

V.V. Didyk,
Ph.D. (Econ.), Research Director
E.E. Emeljanova,
Junior Researcher of department of regional and municipal government in the RF North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The article discusses the methodical specificity of applying the technology of strategic planning and management to territorial socio-economic systems, and the present situation with regulation of the process. The practice of producing strategic planning documents in the country including that in municipalities of the High North is considered. The key importance of the public character of elaborating strategies and organizing interactions of a broad circle of participants in order to ensure their efficiency is stressed.

Key words: strategic management, strategic planning, socio-economic development of territories, High North municipalities.

В современных условиях развитие территориальных социально-экономических систем России оказалось перед долговременными системными вызовами глобализации, ускорения научно-технологических изменений, повышения роли человеческого фактора в экономическом развитии, исчерпания потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития, нерешенности ряда острых социальных, экологических и институциональных проблем[34]. Это объективно обуславливает необходимость повышения эффективности управления такими системами, принятия решений, носящих долгосрочный, стратегический характер (со сроком реализации более 5 лет), увязки средне- и краткосрочных задач, подчиненных одной общей цели.

Признанной во всем мире, наиболее адекватной условиям быстро меняющейся внешней среды технологией управления считается система стратегического управления. Предназначавшаяся первоначально для использования в коммерческих организациях, эта система стала постепенно применяться для управления в территориальных системах на национальном, региональном и муниципальном уровнях. Несмотря на то, что за последние 50 лет сформировалось более десяти различных школ стратегического управления, сущность стратегического управления достаточно универсальна. Она состоит в формировании и реализации

[34] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 № 1662-р.

стратегии развития организации на основе непрерывного контроля и оценки происходящих изменений в ее деятельности направленной на достижение стратегических целей в условиях нестабильной внешней среды.

Особенность управления территориальными социально-экономическими системами по сравнению с предпринимательскими состоит в том, что здесь в качестве объекта управления выступают общественные отношения и связи множества разнородных, иерархически не связанных, но пространственно локализованных организаций и институтов, а главные цели направлены на повышением качества жизни людей. Субъектами управления в таких системах выступают государственные и муниципальные органы власти, а действенность управления достигается при условии привлечения к процессу принятия решений структур гражданского общества, механизмов общественно-частного партнерства и других форм общественного участия. Процесс стратегического управления, как правило, включает следующие обобщенные этапы /1, с. 137-144; 2, с. 37-41/:

- стратегический анализ (диагностика территории, оценка ресурсов, внешних и внутренних факторов развития, SWOT-анализ);
- стратегическое планирование (включая формирование системы целей и критериев их достижения, оценку стратегических альтернатив, выбор базовых стратегий для основных региональных подсистем, определение программ, проектов и механизмов реализации стратегии);
- реализация стратегии и стратегический контроль (включая мониторинг и управление изменениями).

Одним из базовых требований и методологическим подходом к стратегическому управлению территориальными социально-экономическими системами на национальном, региональном и муниципальном уровнях в современных условиях является использование концепции устойчивого развития. Императив перехода к устойчивому развитию как условие выживания человечества в XXI веке был провозглашен на исторической Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г., где была принята «Повестка дня на XXI век». Данный документ, являясь программой действий перехода к устойчивому развитию в международном масштабе, призвал правительства всех стран принять национальные стратегии перехода к устойчивому развитию. Ответом России на этот призыв было принятие в апреле 1996 года Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию[35]. Вслед за этим в соответствии с поручением Президента РФ был разработан проект Государственной стратегии устойчивого развития, однако он не был утвержден и не приобрел статус официального нормативного документа.

Анализ выполненный в работе /3, с. 44-49/, показал, что применение концепции устойчивого развития в качестве методологической основы при разработке большинства документов стратегического планирования и управления развитием территориальных систем на общероссийском и региональном уровнях реализовано далеко не в должной мере. Такое положение обусловлено тем, что в стране пока не сформирована, во-первых, системная нормативно-правовая база стратегического планирования и управления, во-вторых, общепризнанная методическая основа построения механизмов устойчивого территориального развития.

В 2009 г. Министерством экономического развития РФ разработан проект федерального закона «О государственном стратегическом планировании»[36], который в настоящее время находится на согласовании в правительственных ведомствах. Данный законопроект, в случае его принятия, создаст правовую основу системы государственного стратегического планирования в стране. Одновременно он выполняет методическую функцию, поскольку включает определение

---

[35] Указ Президента РФ от 01.04.1996 №440 "О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».

[36] Проект Федерального закона "О государственном стратегическом планировании" [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/regulation/gsp

основных понятий стратегического планирования, регламентирует процедуры разработки, рассмотрения и утверждения документов стратегического планирования как на федеральном, так и региональном уровнях. Законопроект предусматривает формирование комплексной системы государственного стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации, с определением целей этой системы, ее функций, определение полномочий всех участников государственного планирования, в число которых входят и региональные органы исполнительной власти. Очевидно, что примененный системный подход к организации стратегического планирования и его законодательное закрепление окажет действенное влияние на применение технологий стратегического управления не только на государственном, но и муниципальном уровне и, в особенности, в практике городского управления.

К настоящему времени почти во всех субъектах Федерации уже разработаны и приняты документы стратегического планирования. Применение же стратегического подхода в управленческой практике российских городов, хотя и находит постепенное распространение, однако далеко не стало общепринятой. Даже крупнейшие города-миллионники, которые имеют относительно более благоприятные возможности для разработки и реализации стратегических планов с учетом их ресурсного и интеллектуального потенциала, не все приняли и руководствуются долгосрочной стратегией социально-экономического развития или стратегическим планом /4/. Первые городские стратегии развития стали появляться во второй половине 1990-х годов. Наиболее известным примером является Стратегический план Санкт-Петербурга, разработанный в 1997 году. Ценность этого примера состояла в том, что здесь впервые в российской практике были разработаны и успешно применены научно обоснованные методические подходы к организации стратегического планирования развития города с учетом лучшего мирового опыта. Сущность этого подхода состояла в привлечении к процессу планирования и последующей реализации стратегии максимально широкого круга заинтересованных сторон городского сообщества – представителей властей, бизнеса, науки, общественных и неправительственных организаций. Научно-методическое обеспечение разработки Стратегического плана осуществлял Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», а координацию подготовки и организацию мероприятий в процессе его подготовки (конференции, семинары, совещания, выставки) специально созданное в администрации города проектное бюро. Наряду с этим были сформированы руководящие структуры разработки и реализации стратегического плана – Генеральный совет, во главе с Губернатором города, состоящий из руководителей предприятий и организаций, участвующих в подготовке Стратегического плана (146 членов от 90 организаций), Исполнительный комитет, состоящий из руководителей тематических направлений плана во главе с первым вице-губернатором по экономике. Дополнительно были созданы структуры так называемого технического уровня: тематические комиссии по основным направлениям плана, Рабочие группы, Экспертный совет, научно-методический семинар при экспертном совете. Только тематические комиссии, обеспечивающие разработку «частных» стратегий по основным направлениям, объединили около 450 человек – сотрудников городской администрации, представителей крупных фирм, ассоциаций и общественных организаций[37].

Опыт работы над стратегическим планом Санкт-Петербурга, который наиболее успешно использовали города Екатеринбург, Новосибирск, Омск, Тюмень и ряд других, послужил основой для организации ежегодных (начиная с 2002 г.) Общероссийских форумов стратегического планирования. Данные форумы вносят большой вклад в развитие и пропаганду теории и лучшей практики стратегического планирования и управления. Например, последний из состоявшихся таких форумов – IX общероссийский Форум "Стратегическое планирование в регионах и городах

[37] Подробное описание опыта организации разработки Стратегического плана Санкт-Петербурга, а также других городов представлены в материалах «Ресурсного центра по стратегическому планированию», созданного при «Леонтьевском центре», на сайте http://www.city-strategy.ru/1.

России", прошедший под девизом «Стратегии модернизации и модернизация стратегий», прошел в Санкт-Петербурге 18-19 октября 2010 г. На нем было свыше 1000 участников из 159 городов и регионов, проведено 28 заседаний, на которых выступили свыше 200 участников[38]. Такой масштаб Форума свидетельствует о возрастающем интересе к идеям стратегического планирования как одного из элементов и условий перехода к использованию технологий стратегического управления в регионах и городах России.

Наряду с положительными примерами и определенным прогрессом в распространении лучших практик стратегического планирования и управления, сложность данного процесса, особенно для уровня муниципальных образований (городов) с учетом незрелости института местного самоуправления в России и экономических трудностей большинства муниципалитетов, определяет множество проблем как в процессе разработки стратегических планов, так и их реализации. Так, по результатам исследования Р.Богавеевой /5, с. 73-79/, выявлены следующие типичные проблемы разработки и реализации стратегий и программ развития российских городов:

- противоречия и проблемы, касающиеся содержания стратегии развития города (нечеткий выбор приоритетов, отсутствие обоснованного выбора сценария развития; имиджевый (оптимистичный) характер стратегии; отсутствие местной специфики в стратегиях городов; отсутствие качественных показателей развития и др.);
- слабая позиция гражданского общества (отсутствие механизма стимулирования к участию в осуществлении изменений, а также качественной оценки социально-экономического развития города и его проблем гражданами, представителями бизнеса и некоммерческими организациями; отсутствие мониторинга комфортности проживания в городе, социального настроения граждан и качества жизни населения и др.);
- несогласованность программных документов (несистемное применение всех разрабатываемых в городе видов стратегических документов (стратегия, генеральный план, бюджетный план города); несогласованность городских программ, что обуславливает дублирование предпринимаемых мер, рассеивание финансовых средств и невыполнение программных мероприятий из-за ограниченности ресурсов);
- несовершенство методологии и законодательного регулирования процесса стратегического планирования (отсутствие нормативной базы стратегического планирования развития муниципального образования; отсутствие конкретных механизмов, обеспечивающих открытость процесса планирования социально-экономического развития города; неединообразие в понимании терминов и понятий, касающихся стратегического управления городом и др.);
- недостаток финансовых средств (зависимость от трансфертов из вышестоящих бюджетов и резкое сокращение объемов финансирования государственных программ).

Помимо отмеченных, следует указать на проблемы, связанные с организацией процесса стратегического планирования во многих городах. Суть их состоит в распространенной практике перекладывания задач разработки стратегий на коммерческие консалтинговые фирмы. Сам по себе факт привлечения к разработке стратегии специализированных профессиональных организаций вполне оправдан и может приветствоваться, однако при неправильной организации такой путь может оказаться бесполезной тратой бюджетных средств. Подробный анализ распространенных ошибок организации такого процесса представлен в статье О.И. Столярова /6/, где отмечены следующие:

- ошибки при формировании технического задания на разработку стратегии (недостаточное включение в техническое задание задач стратегического планирования в области образования, здравоохранения, социальной защиты и жилищно-коммунального хозяйства, в пользу экономических задач, определения конкурентных позиций основных предприятий, что приводит к практической недостижимости цели повышения качества жизни населения);
- ошибки при организации разработки стратегии (в качестве фактического заказчика стратегии выступает тактическое подразделение администрации, беря на себя только функции

[38] Большинство докладов, представленных на Форуме, размещены для свободного доступа на его интернет-сайте www.forumstrategov.ru.

поставщика информации, устраняясь, наряду с первыми руководителями, из процесса стратегического планирования);

- ошибки при приемке стратегии (заказчик становится в позицию критики проекта стратегии, а не конструктивных предложений);

- ошибки в организации реализации стратегии (заказчик ограничивается функциями мониторинга, отсутствуют комплексные программы развития, увязанные со стратегией).

В результате подобной организации, вместо процесса стратегического планирования, который призван наладить координацию и консолидировать усилия органов местного самоуправления, бизнеса и городского сообщества, порождаются конфликты интересов, а сам документ стратегического планирования, подготовленный кулуарно, ложится на полку. Как показывают лучшие практики стратегического планирования, важнейшими условиями действенности и реализуемости разрабатываемых стратегий является привлечение в этот процесс как можно более широкого круга заинтересованных в развитии города сторон, неформальное общественное участие. Такой подход будет способствовать формированию института городского сообщества, которое отличается от населения (как статистической совокупности проживающих людей) наличием у каждого жителя и у всех жителей, вместе взятых, чувства принадлежности месту проживания, сознания своего права и возможностей влиять на ход жизни в нем и ответственности за него.

Принцип широкого общественного участия в стратегическом планировании может вызвать подозрения высоких транзакционных издержек его использования. Однако альтернатива ему – бесполезность кулуарной стратегии.

Ценность расширения участников стратегического планирования и разносторонней координации была, подчеркнута в заключительном документе (рекомендациях) IX общероссийского Форума "Стратегическое планирование в регионах и городах России" 2010 г. В преамбуле этого документа отмечен путь модернизации стратегий с использования опыта развитых стран, где «*центр тяжести смещается от плана как документа к планированию как процессу. Ключевым результатом этого процесса является не документ планирования, а улучшение координации участников, развитие сетевых взаимодействий, распространение и масштабирование лучших практик, развитие потенциала. ... От эффективного сотрудничества выигрывают все участники взаимодействия*»[39].

Хотя, как здесь отмечено, более важным следует рассматривать не итоговый документ стратегического планирования, а сам процесс, то насколько он выражает истинные интересы и цели городского сообщества, тем не менее представляет интерес оценить насколько широко уже применяются документы стратегического планирования в управленческой практике городов. В качестве примера нами рассмотрена выборка средних городов (с численностью населения от 40 до 100 тыс.чел.) субъектов Российской Федерации полностью относящихся к районам Крайнего Севера (см. табл.).

Для городов Крайнего Севера актуальность разработки и реализаций стратегий социально-экономического развития обусловлена рядом дополнительных факторов, по сравнению с муниципальными образованиями, расположенных в экономических центрах и благоприятных природно-климатических условиях. Это связано, во-первых, с особенностями структуры экономики (как правило, природно-ресурсного профиля с естественными ограничениями возможностей диверсификации); во-вторых, с повышенными расходами местных бюджетов на цели обеспечения жизнедеятельности, социального обслуживания населения в условиях хронического недостатка средств; в третьих, с более острыми демографическими проблемами, а также рядом других факторов /7, с. 20-23; 8, с.28-30/.

---

[39] Рекомендации IX общероссийского Форума "Стратегическое планирование в регионах и городах России" (Санкт-Петербург, 18-19 окрября 2010 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.forumstrategov.ru/upload/documents/recommendations.pdf

Города Крайнего Севера России с численностью населения от 40 до 100 тыс. чел. и их документы стратегического планирования

№	Регион, город, тип муниципального образования*	Численность населения на 01.01.2010 г., тыс. чел.	Наименование документа стратегического планирования	Утверждающий документ
Магаданская область				
1	Магадан, ГО*	99,0	«Стратегический план (Концепция стратегического развития) города Магадана до 2020 года»	Утверждено решением Магаданской городской Думы от 19.10.2007 года № 63-Д
Республика Саха (Якутия)				
2	Нерюнгри, МР	63,2	Целевая программа «Социально-экономическое развитие МО «Нерюнгринский район» РС (Я) на 2007 – 2011 годы и основные направления до 2015, 2020 года»	Утверждена на 34-й сессии депутатов Нерюнгринского районна, 2006 г.
Ямало-Ненецкий автономный округ				
3	Салехард, ГО	42,5	Стратегия социально-экономического развития города Салехарда на 2007 - 2012 годы и до 2020 года	Утверждена решением Городской Думы от 16 апреля 2007 года № 10;
4	Надым, ГП	47,3	Стратегия социально-экономического развития муниципального образования город Надым до 2020 года	Собранием депутатов от 10 июня 2010 года № 116 были назначены публичные слушания (о принятии данных нет)
Республика Коми				
5	Воркута, ГО	71,4	Концепция развития социально-экономического развития городского округа «Воркута» на 2010-2015 годы и на период до 2020 года	Разработана и заслушана 25.11.2010 г. на Городском Совете Депутатов
6	Печора, МР	46,1	Концепция социально-экономического развития муниципального образования муниципального района «Печора» на период до 2020 года	Утверждена Администрацией муниципального района «Печора» 19 октября 2010 г. № 1885
7	Инта, ГО	38,1	Концепция социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Инта» на 2010-2015 годы и на период до 2020 года	Утверждена Советом МО ГО «Инта» в 2010 году
8	Усинск, ГО	43,6	Концепция социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Усинск» на 2011-2015 годы и на период до 2020 года	Утверждена на 11 сессии Совета МО ГО «Усинск» от 14.10.2010 г.

Мурманская область				
9	Апатиты, ГО	61,6	Стратегия социально-экономического развития города Апатиты	Утверждена решением Апатитского городского Совета народных депутатов № 106 от 19.12.2002г.
10	Североморск, ГО	53,5	Программа социально-экономического развития ЗАТО г. Североморск на 2011-2015 годы	Нет данных
11	Мончегорск, ГО	48,1	Разрабатывается комплексный план развития в рамках федеральной программы поддержки моногородов	-
Архангельская область				
12	Котлас, ГО	59,0	Стратегия социально-экономического развития муниципального образования "Котлас" до 2030 года	Постановление и решение 21 сессии Совета депутатов от 16 сентября 2010 года
13	Новодвинск, ГО	42,0	Разрабатывается комплексный план развития в рамках федеральной программы поддержки моногородов	По распоряжению Губернатора Архангельской области от 12.04.2010 г. №374
14	Коряжма, ГО	42,6	«Программа социально-экономического развития муниципального образования «Город Коряжма» на 2003-2005годы»	Решение Городской Думы от 28.08.2003г. № 260
Ханты-Мансийский автономный округ				
15	Когалым, ГО	59,2	-	-
16	Нягань, ГО	56,5	Стратегический план развития муниципального образования город Нягань на период до 2020 года	Утвержден 18 октября 2010 г. на 55 внеочередном заседании Думы города Нягань
17	Радужный, ГО	47,8	Программа социально-экономического развития города Радужный на 2010 – 2015 годы	Утверждена решением Думы города от 29.10.2009 № 633
18	Мегион, ГО	57,9	Стратегия социально-экономического развития города Мегиона и поселка городского типа Высокий на период до 2020 года	Утверждена решением Думы города Мегиона от 26.11.2010 г. №84
19	Пыть-Ях, ГО	41,4	Программа социально-экономического развития муниципального образования городской округ город Пыть-Ях на 2010-2015 годы	Утверждена решением Думы г. Пыть-Яха от 16.06.2010 № 551
20	Лангепас, ГО	42,2	Стратегия социально-экономического развития МО городской округ город Лангепас до 2020 года	Разработана и утверждена 17.12.2009 г.

21	Урай, ГО	43,2	«Стратегия социально-экономического развития муниципального образования города Урай на 2004-2010 гг.»	Утверждена решением Думы муниципального образования город Урай от 22 апреля 2004 года № 18

* ГО – городской округ, ГП – городское поселение, МР – муниципальный район

Как видно из приведенных в таблице данных, почти во всех городах рассматриваемой выборки принят или находится в разработке тот или иной документ стратегического планирования. В большинстве городов (12 из 21) такие документы приняты в 2009-2010 гг., а первой стратегия была утверждена в г. Апатиты, Мурманской области еще в 2002 г.

Обращает на себя внимание идентичность названия и синхронность принятия документов стратегического планирования в Республике Коми. Это объясняется тем, что разработка концепций социально-экономического развития муниципальных образований здесь, была организована в соответствии с Распоряжением Правительства Республики Коми от 18.06.2010 г. № 260-р и с учётом методических рекомендаций Министерства экономического развития Республики Коми. Решение о разработке концепций развития муниципальными образованиями впоследствии контролировалось руководством республики. Так, на заседании координационного совета по вопросам местного самоуправления 12 ноября 2010 г., которое провел глава Республики Коми, было принято решение, обязывающее все муниципальные районы и города утвердить концепции развития до 1 января 2011 г[40]. Кроме того, на этом заседании были подвергнуты критике многие уже разработанные концепции, которые не соответствовали требованиям, предъявляемым к стратегическим документам. Поверглась критике также низкая публичность разработки концепций, которые нередко даже не доводились до сведения населения.

Активная позиция правительства Республики Коми, вызванная желанием ускорить внедрение методов стратегического управления в практику работы муниципальных образований понятна. Вместе с тем, предъявляемые требования по форсированию этого процесса вряд ли оправданы, поскольку не создают условий для возможности вовлечения в процесс стратегического планирования широкого круга участников и в целом местного сообщества, что, как было показано выше, является важнейшим условием результативности стратегического планирования.

По всей вероятности определенное влияние на распространение представления о стратегии развития территории в узкой трактовке, при которой может недооцениваться роль общественного участия при ее разработке, т.е. как документе преимущественно органов власти, оказал нормативный документ Минрегионразвития РФ «Требования к стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации»[41]. В этом документе стратегия определена как *«система мер государственного управления, опирающихся на долгосрочные приоритеты цели и задачи политики органов государственной власти»*. Возможность узкой трактовки не способствует повышению значимости стратегии развития территории, которая должна быть, прежде всего, документом общественного согласия. Цели и приоритеты стратегии должны разделяться всем региональным (местным) сообществом и служить ориентирами его согласованной деятельности, а не быть руководством к действию только для органов государственной власти. Соответственно, разработка и реализация стратегии в таком, более широком понимании, предполагает необходимость активного участия всех заинтересованных представителей местного сообщества.

Таким образом, предварительная оценка практики распространения технологий стратегического управления в развитии территорий показывает, что к настоящему времени в

[40] «Муниципалитеты Коми должны утвердить концепции социально-экономического развития до 1 января 2011 года». Сообщение Информационного агентства Коминформ 12.11.2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.komiinform.ru/news/72387/

[41] Утверждены приказом Министерства регионального развития РФ от 27 февраля 2007 г. № 14

стране достаточно широко применяется одна из его начальных составляющих – стратегическое планирование. Долгосрочные стратегии социально-экономического развития разработаны и приняты почти во всех субъектах Федерации, идет активное распространение документов стратегического планирования на уровне городов и муниципальных районов. Вместе с тем, остается еще немало проблем полноценного применения управленческих инструментом стратегического планирования. Не решены пока вопросы нормативно-правового, методического и экономического обеспечения процесса внедрения стратегического планирования в практику управления развитием регионов и городов. Не преодолен формальный подход, когда игнорируются такие важнейшие условия эффективности стратегического планирования как публичность данного процесса, необходимость привлечения широкого круга участников и налаживания конструктивного взаимодействия между ними для совместного поиска механизмов достижения стратегических целей развития.

Литература:

9. Стратегическое управление: регион, город, предприятие / под ред. Д.С.Львова, А.Г. Гранберга, А.П. Егоршина; ООН РАН, НИМБ. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. – 605 с.
10. Ускова Т.В. Управление современным городом: направленная модернизация / Т.В. Ускова, Н.В. Нестеров; под ред. д.э.н., проф. В.А, Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 196 с.
11. Рябова Л.А. Проблемы применения концепции устойчивого развития в РФ: от национального уровня к северному аспекту // Север и рынок: формирование экономического порядка. - №1(25) – 2010. - С. 44-49
12. Российские и мировые тенденции и тренды в сфере стратегического территориального планирования городов, агломераций и регионов [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://glava.perm.ru/upload/pages/1005/Rossijskije_i_mirovyje_tendencii_i_trendy_v_sfere_strategichesk.pdf
13. Богавеева Р. Стратегическое планирование развития крупных городов: основные принципы // Проблемы теории и практики управления. – 2010. - №5. – С.73-79
14. Столяров О.И. Стратегия развития муниципального образования: типовые ошибки заказчика. [Электронный ресурс] – Режим доступа http://www.megacities.ru/analitika/index.php?ELEMENT_ID=1025
15. Серова Н.А. Институциональные ограничения формирования и реализации социально-экономической политики в городах Севера России// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 32(89) – 2010. – С. 20-23.
16. Скуфьина Т.П. Региональное развитие России в контексте глобальных процессов // Пространственная экономика, №4, 2007. С.26-39.

References:

9. Strategic management: region, municipality, enterprise /edited by D.S. L'vov, A.G. Granberg, A.P. Egorshin; – Moscow: Publishing house "Ekonomika", 2004. – 605 p.
10. Uskova T.V. Management of a modern city: oriented modernization/ T.V. Uskova, N.V. Nesterov; edited by Prof. V.A. Ilyin. – Vologda, 2010. – 196 p.
11. Riabova L.A. Challenges of applying the concept of sustainable development in RF: from the national level to the north aspect// No.1(25) – 2010. p. 44-49.
12. Russian and world tendencies in the field of strategic territorial planning of municipalities, agglomerations and regions [Electronic resource] – Access mode: http://glava.perm.ru/upload/pages/1005/Rossijskije_i_mirovyje_tendencii_i_trendy_v_sfere_strategichesk.pdf
13. Bogaveeva R.Strategic Planning of big cities development: the main principles// Challenges of the management theory and practice. – 2010. - №5. – P.73-79
14. Stolyarov O.I.. Development strategy of a municipality: customer's typical mistakes. [Electronic resource] – Access mode: http://www.megacities.ru/analitika/index.php?ELEMENT_ID=1025

15. Serova N.A. Institutional restrictions of formation and realization of socio-economicpolicy in the Russian North municipalities //National interests: priorities and safety. No.32(89) – 2010 November. – p. 20-23.
16. Skufina T.P. Regional development of Russia in the context of global processes//Spatial Economics, no. 4, 2007. P. 26-39.

ГОСУДАРСТВО ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Зубарева Т.А.,
старший научный сотрудник отдела формирования финансовой политики северных регионов
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина Кольского научного центра РАН

В статье автор рассматривает вопросы распределения уставного капитала коммерческих организаций России. Проведенный автором статьи подробный анализ распределения уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) между акционерами (учредителями), по организационно-правовым формам и по видам деятельности в 2005 – 2008 гг. позволяет говорить о том, что в этот период в России произошло возвращение государства в хозяйственную деятельность частных коммерческих структур.

Ключевые слова: уставный капитал, распределение уставного капитала, акционерные общества, акционеры (учредители), унитарные предприятия, федеральные органы исполнительной власти, организационно-правовые формы предприятий, виды экономической деятельности.

THE STATE RETURNS

Zubareva T.A.
senior researcher of department of forming financial policy of northern regions
Luzin Institute for economic studies
Kola Science Centre of RAS

The author studies issues of distribution of authorized capital of commercial organizations in Russia. The carried out detailed analysis of distributing authorized capital of organizations among shareholders by organization-legal forms and activities in 2005-2008 makes it possible to say that during this period in Russia the state has returned to economic activities of private commercial structures.

Key words: authorized capital, distribution of authorized capital, joint-stock companies, shareholders, unitary enterprises, federal executive authorities, organization-legal forms of enterprises, economic activities.

Уже более двадцати лет в России продолжается процесс трансформации отношений собственности. Основным методом такой трансформации является приватизация государственного и муниципального имущества. Одной из задач приватизации была и есть передача государственной и муниципальной собственности в частные руки различными способами. Государство в начале трансформации отношений собственности сокращало свое участие в хозяйственной жизни предприятий, оставляя за собой пакеты акций открытых акционерных обществ, которые имели для государства стратегическое значение и сохраняя унитарные предприятия. Так продолжалось до 2006 г., когда политика государства в отношении

управления собственностью, составляющей государственный сектор экономики страны, претерпела изменения.

В данной статье автором в качестве исследуемого периода рассматриваются годы с 2005 по 2008. Это связано с тем, что именно в эти годы «в российской экономике наблюдалось известное усиление роли государства в сфере отношений собственности, которое включало следующие основные направления:

создание интегрированных структур холдингового типа на основе консолидации государственных активов;

расширение масштабов деятельности компаний с долей государства в капитале, диверсификация их бизнеса посредством участия в слияниях и поглощениях, процессах вертикальной и горизонтальной интеграции;

увеличение доли государства в отдельных компаниях до величины, позволяющей осуществлять корпоративный контроль». [2]

Согласно статистическим данным государство пошло по пути увеличения своей доли в уставных капиталах (фондах) организаций Российской Федерации начиная с 2006 г. Это наглядно видно из табл. 1.

Таблица 1

Уставный капитал (фонд) организаций (юридических лиц) в 2005 – 2008 гг.
по Российской Федерации в разрезе акционеров (учредителей)

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
млрд. руб.				
Уставный капитал (фонд) - всего в том числе по акционерам (учредителям):	3153,6	5620,6	6126	8063
федеральные органы исполнительной власти органы исполнительной власти субъектов Российской	469,2	2015	2118	3298,8
Федерации	141,7	179,2	236,7	319
органы местного самоуправления	74,1	60,3	63,8	72,6
коммерческие организации (кроме финансово - кредитных)	2091,5	2970,5	3297,7	4104
в том числе субъекты малого предпринимательства	13	16,7	23,9	33,2
финансово-кредитные организации	81,9	108,6	112,4	118,8
некоммерческие организации	51,5	58,6	56,9	60,5
физические лица	243,7	228,4	240,5	214,9
В процентах к итогу				
Уставный капитал (фонд) - всего в том числе по акционерам (учредителям):	100,0	100,0	100,0	100,0
федеральные органы исполнительной власти	14,9	35,8	34,6	40,3
органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации	4,5	3,2	3,9	3,9
органы местного самоуправления	2,4	1,1	1,0	0,9
коммерческие организации (кроме финансово - кредитных)	66,3	52,9	53,9	50,1
в том числе субъекты малого предпринимательства	0,4	0,3	0,4	0,4
финансово-кредитные организации	2,6	1,9	1,9	1,5
некоммерческие организации	1,6	1,0	0,9	0,7
физические лица	7,7	4,1	3,9	2,6

Источник [1]

Так, эта доля в 2006 г. по сравнению с 2005 г. выросла в 2,4 раза – с 14,9 % до 35,8 %. В 2007 г. по сравнению с 2006 г. произошло некоторое снижение доли федеральных органов исполнительной власти в уставном капитале (фонде) всех организаций России на 3,4 % с 35,8 % до

34,6 %. В 2008 г. опять произошло увеличение этой доли на 5,7 % с 34,6 % до 40,3 % по сравнению с 2007 г. При этом в анализируемые четыре года наблюдалось снижение доли всех остальных акционеров (учредителей). Наибольшее снижение демонстрировали физические лица - почти в 3 раза с 7,7 % в 2005 г. до 2,6 % в 2008 г. Участие физических лиц в уставном капитале (фонде) участие организаций (юридических лиц) в РФ невелико, что не очень значительно сказалось на сдвигах в структуре акционеров (учредителей). А вот коммерческие организации (кроме финансово-кредитных) снизили свое участие в уставном капитале (фонде) организаций на 16,2 % с 66,3 % в 2005г. до 50,1 % в 2008 г.

По данным, представленным в табл. 1, очевидно, что основными акционерами (учредителями) организаций в РФ выступают федеральные органы исполнительной власти и коммерческие организации (кроме финансово-кредитных). На их долю совместно в 2005 г. приходилось 81,9 %, а в 2008 г. уже 90,4 %.

В анализируемом нами периоде в структуре уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) в Российской Федерации преобладали уставные капиталы акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью и унитарных предприятий. Следует отметить, что в представленной в табл. 2 структуре, доля уставных капиталов акционерных обществ выросла с 68,72 % в 2005 г. до 77,54 % в 2008 г. или на 8,82 %. В это же самое время доля уставных капиталов обществ с ограниченной ответственностью снизилась с 23, 51 % до 19,20 % или на 4,31 %. Самый значительный структурный сдвиг в уставных капиталах организаций различных организационно-правовых форм произошел у унитарных предприятий. Так, в 2005 г. доля уставных капиталов унитарных предприятий в уставном капитале всех организаций была 6, 43 %, а в 2008 г. эта доля уже была 2,91 %, то есть она снизилась в 2,2 раза. Такое значительное уменьшение объясняется проводимой в последние годы политикой государства в сфере управления государственной собственностью направленной на преобразование унитарных предприятий в акционерные общества открытого типа.

Таблица 2

Динамика структуры уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) в 2005 – 2008 гг. в Российской Федерации в разрезе организационно-правовых форм, (в процентах)

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00
Юридические лица, являющиеся коммерческими организациями	99,71	99,88	99,87	99,94
Хозяйственные товарищества и общества	92,27	96,25	95,82	96,75
Полные товарищества	0,00	0,00	0,00	0,00
Товарищества на вере	0,03	0,01	0,01	0,01
Общества с ограниченной ответственностью	23,51	16,60	19,49	19,20
Общества с дополнительной ответственностью	0,00	0,00	0,00	0,00
Акционерные общества	68,72	79,63	76,32	77,54
Открытые акционерные общества	62,66	75,86	72,41	74,33
Закрытые акционерные общества	6,06	3,78	3,91	3,21
Производственные кооперативы	1,02	0,53	0,47	0,27
Унитарные предприятия	6,43	3,10	3,58	2,91
Унитарные предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения	6,33	3,05	3,57	2,9
Унитарные предприятия, основанные на праве оперативного управления	0,00	0,00	0,00	0,00
Дочерние унитарные предприятия	0,10	0,05	0,00	0,00
Юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями	0,23	0,10	0,11	0,05

Рассчитано автором по данным статистической отчетности

Рассмотрим как в 2005-2008 гг. распределялся уставный капитал (фонд) организаций (юридических лиц) между акционерами (учредителями) по Российской Федерации в разрезе организационно-правовых форм.

Согласно данным, представленным в табл. 3, наблюдалась тенденция неуклонного роста уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) в целом по России. Так, в 2005 г. он был 3,15 трлн. руб., а в 2008 г. – 8,1 трлн. руб., то есть за четыре года произошел рост в 2,56 раза. В разрезе же организационно-правовых форм организаций (юридических лиц) лидерами роста уставного капитала в этот период были открытые акционерные общества. Если в 2005 г. их уставный капитал составлял 2,17 трлн. руб., то в 2008 г. он был 6,25 трлн. руб., таким образом, рост составил 2,88 раза.

Таблица 3

Распределение уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) между акционерами (учредителями) в 2005 – 2008 гг. по Российской Федерации в разрезе организационно-правовых форм

	Уставный капитал (фонд) - всего				Темп роста, снижения 2006 г. к 2005 г. в %%	Темп роста, снижения 2007 г. к 2006г. в %%	Темп роста, снижения 2008 г. к 2007г. в %%
	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.			
А	1	2	3	4	5	6	7
Всего, млрд. руб.	3153,6	5620,6	6151,1	8063,9	178,2	109,4	131,1
Юридические лица, являющиеся коммерческими организациями	3144,4	5613,7	6143,3	8059,1	178,5	109,4	131,2
Хозяйственные товарищества и общества	2909,7	5409,8	5894,0	7802,0	185,9	108,9	132,4
Полные товарищества	0,02	0,01	0,05	0,04	34,3	638,9	96,7
Товарищества на вере	0,91	0,89	0,58	0,89	97,8	65,2	153,7
Общества с ограниченной ответственностью	741,51	932,92	1199,0	1548,2	125,8	128,5	129,1
Общества с дополнительной ответственностью	0,05	0,05	0,005	0,005	100	10,8	90,6
Акционерные общества	2167,2	4475,9	4694,4	6252,7	206,5	104,9	133,2
Открытые акционерные общества	1976,1	4263,6	4454,1	5993,9	215,7	104,5	134,6
Закрытые акционерные общества	191,08	212,3	240,3	258,8	111,1	113,2	107,7
Производственные кооперативы	32,0	29,6	29,2	22,1	92,3	98,9	75,6
Унитарные предприятия	202,7	174,3	220,0	235,0	86,0	126,2	106,8
Унитарные предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения	199,7	171,6	219,8	234,7	85,9	128,1	106,8
Унитарные предприятия, основанные на праве оперативного управления	0,314	0,248	0,231	0,328	185,1	93,1	142,0
Дочерние унитарные предприятия	2,8	2,5	0	0	86,8	0	0
Юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями	7,5	5,5	6,9	4,3	73,6	125,4	62,9
Потребительские кооперативы	3,1	3,0	3,1	1,8	98,7	101,7	58,8

Рассчитано автором по данным статистической отчетности

В Федеральном законе от 26.12.1995 г. № 208 – ФЗ «Об акционерных обществах» говорится о том, что уставный капитал общества может быть увеличен путем увеличения номинальной стоимости акций или размещения дополнительных акций. Эти два пути увеличения уставного капитала акционерного общества успешно использовались в анализируемом нами периоде. В этом же законе особо оговорен случай увеличения уставного капитала общества, созданного в процессе приватизации, путем дополнительного выпуска акций при наличии пакета акций, представляющего более чем 25 процентов голосов на общем собрании акционеров и находящегося в государственной или муниципальной собственности. Увеличение уставного капитала такого акционерного общества путем дополнительного выпуска акций может осуществляться только в случаях, если при таком увеличении сохраняется размер
доли государства или муниципального образования и если иное не предусмотрено Федеральным законом от 21 декабря 2001 г. № 178 – ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества». Данное положение самым непосредственным образом отражается на крупнейших открытых акционерных обществах страны как ОАО «Газпром», ОАО «РЖД», ОАО «Роснефть» и ряда других.

В последние годы правительство РФ стремится к сокращению числа унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения, путем преобразования их в открытые акционерные общества. Логично было бы предположить, что сокращение числа унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения, должно было вызвать уменьшение уставного капитала таких предприятий. Но, как видно из данных, представленных в табл. 3, наблюдалась обратная картина – их уставный капитал в 2005 – 2008 гг. увеличивался. Так, если в 2005 г. он составлял почти 200 млрд. руб., то в 2008 г. – 234,7 млрд. руб. Увеличение уставного капитала унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения, составило 17,5 %. При этом только в 2006 г. по сравнению с 2005 г. наблюдалось уменьшение уставного капитала унитарных предприятий такого типа на 14,1 %.

Таблица 4

Доля федеральных органов исполнительной власти в уставном капитале (фонде) организаций (юридических лиц) в 2005 – 2008 гг. по Российской Федерации в разрезе организационно-правовых форм (в процентах)

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Юридические лица, являющиеся коммерческими организациями	14,9	35,9	34,8	41,2
Хозяйственные товарищества и общества	12,7	35,7	34,7	41,3
Полные товарищества	0,0	0,0	0,0	0,0
Товарищества на вере	0,0	0,0	0,0	0,0
Общества с ограниченной ответственностью	0,2	0,4	0,5	0,1
Общества с дополнительной ответственностью	0,0	0,0	0,0	0,0
Акционерные общества	17,0	43,1	43,5	51,6
Открытые акционерные общества	18,6	45,2	45,8	53,7
Закрытые акционерные общества	0,7	0,6	0,6	0,8
Производственные кооперативы	0,2	0,1	0,0	0,0
Унитарные предприятия	48,9	47,0	41,7	39,4
Унитарные предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения	48,8	47,1	41,7	39,4
Унитарные предприятия, основанные на праве оперативного управления	34,8	17,0	26,2	23,9
Дочерние унитарные предприятия	55,1	49,2	0,0	0,0
Юридические лица, являющиеся некоммерческими	9,4	4,1	3,3	1,7

организациями				
Потребительские кооперативы	0,0	0,0	0,0	0,0

Источник [3]

Теперь посмотрим, какова доля участия федеральных органов исполнительной власти в уставных капиталах (фондах) организаций (юридических лиц) России в разрезе организационно-правовых форм.

По данным, приведенным в табл. 4, видим, что по всем юридическим лицам, являющимся коммерческими организациями в 2005 – 2008 гг. наблюдался рост доли участия федеральных органов исполнительной власти в уставных капиталах (фондах) организаций (юридических лиц) России. Так, если в 2005 г. эта доля была 14,9 %, то в 2008 г. она составила уже 41,2 % и выросла в 2,7 раза. Наибольший рост доли федеральных органов исполнительной власти в уставных капиталах организаций продемонстрировали открытые акционерные общества. В 2005 г. государству принадлежали 18,6 % в уставных капиталах всех ОАО России, а в 2008 г. уже 53,7 % (рост в 2,89 раза). Увеличение участия государства в хозяйствующих субъектах, каковыми являются открытые акционерные общества, свидетельствует о том, что государство стремится осуществлять более полный контроль над хозяйственной деятельностью организаций данной организационно-правовой формы. На фоне такой беспрецедентной экспансии государства в уставном капитале ОАО страны следует отметить тот факт, что в это же самое время происходил процесс снижения доли государства в уставных капиталах унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения. Как уже говорилось выше, предприятия этой организационно-правовой формы сейчас преобразуются в открытые акционерные общества в основном со 100 % государственным или муниципальным капиталом. Такое преобразование в некоторой степени влияет на увеличение уставного капитала ОАО в стране, но в силу того, что уставный капитал унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения, практически в 10 раз меньше уставного капитала ОАО, влияние фактора преобразования можно считать незначительным (см. табл. 2).

Анализ динамики структуры уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) России в разрезе видов экономической деятельности показал, что совокупная доля уставных капиталов (фондов) таких видов экономической деятельности как добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, транспорт и связь в 2005 г. составила 70,63 %, а в 2008 г. – 80,15 %. (увеличение на 9,52 %) (табл. 5).

Таблица 5

Динамика структуры уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) в 2005-2008 гг. по Российской Федерации в разрезе видов экономической деятельности, (в процентах)

А	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
	1	2	3	4
Всего по организациям (юридическим лицам)	100,00	100,00	100,00	100,00
из них с основным видом деятельности: Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	4,45	2,64	2,74	2,24
Рыболовство, рыбоводство	0,11	0,07	0,09	0,07
Добыча полезных ископаемых	11,43	10,89	15,61	12,57
Обрабатывающие производства	22,57	14,40	14,92	16,09
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	28,67	22,37	17,85	25,46
Строительство	1,4	0,95	1,25	1,39
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	9,1	5,68	6,40	5,10
Гостиницы и рестораны	1,18	0,73	0,35	0,38
Транспорт и связь	7,96	32,55	31,89	26,03
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	12,13	8,78	7,80	9,62
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение	0,00	0,01	0,00	0,00
Образование	0,02	0,00	0,01	0,00
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,26	0,17	0,20	0,20
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,70	0,76	0,88	0,84

Рассчитано автором по данным статистической отчетности

Анализ данных, представленных в табл. 6, показал, что федеральные органы исполнительной власти проявляют интерес к увеличению своего участия в уставных капиталах организаций следующих видов экономической деятельности: рыболовство и рыбоводство, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, транспорт и связь. Так, в таком виде экономической деятельности как рыболовство и рыбоводство доля федеральных органов исполнительной власти с 10,47 % в 2005 г. выросла до 32,01 % в 2008 г. В обрабатывающих производствах эта доля выросла практически в 2 раза за четыре года – с 11,03 % до 20,26 %. На фоне остальных видов экономической деятельности больше всего в части увеличения доли федеральных органов исполнительной власти «отличились» такие виды как производство и распределение электроэнергии, газа и воды и транспорт и связь. Если в первом из этих видов экономической деятельности государство увеличило свое присутствие в 40 раз за четыре года, то во втором – всего лишь в 9 раз. Такое значительное увеличение доли федеральных органов исполнительной власти в уставном капитале организаций по производству и распределению электроэнергии, газа и воды произошло вследствие реформы в электроэнергетике. Что же касается транспорта и связи, то здесь в 2008 г. государство увеличило уставный капитал ОАО «РЖД» на 41,5 млрд. руб.

Таблица 6

Динамика структуры уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) по акционерам (учредителям) в Российской Федерации в 2005 – 2008 гг. в разрезе видов экономической деятельности (в процентах)

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
А	1	2	3	4
Всего по организациям (юридическим лицам)	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	14,88	35,85	34,78	41,15
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	66,32	52,85	53,66	48,96
из них с основным видом деятельности: *Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство*	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	4,31	6,20	6,42	7,85
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	41,36	40,83	10,55	46,75
Рыболовство, рыбоводство	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	10,47	9,07	33,41	32,01
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	50,97	49,63	38,47	46,99
Добыча полезных ископаемых	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	51,91	0,64	19,89	18,66
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	33,96	89.37	74,62	76,11
Обрабатывающие производства	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	11,03	12,65	9,25	20,26
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	69,95	70,85	75,20	69,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	1,17	1,03	2,55	46,08
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	87,57	86,74	82,54	44,57
Строительство	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	5,84	5,29	3,06	3,68
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	40,85	69,15	71,44	63,57
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	27,85	21,31	27,70	17,74
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	53,30	66,01	56,91	73,61
Гостиницы и рестораны	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	1,32	1,57	2,91	2,91
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	86,54	84,64	68,55	71,16
Транспорт и связь	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	8,48	85,32	79,94	76,85
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	67,63	10,90	15,57	18,41
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	20,63	50,81	28,83	26,76

коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	60,40	38,04	56,62	56,96
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	53,03	32,84	72,22	67,64
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	30,30	26,87	0	0,10
Образование	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	13,86	16,93	6,46	10,66
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	13,19	24,74	21,59	29,44
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	8,07	4,97	2,99	2,20
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	57,29	54,58	56,16	66,79
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	100,00	100,00	100,00	100,00
федеральные органы исполнительной власти	11,83	5,95	6,33	6,73
коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	47,94	50,90	59,67	61,14

Источник [3]

Проведенный автором статьи подробный анализ распределения уставного капитала (фонда) организаций (юридических лиц) между акционерами (учредителями), по организационно-правовым формам и по видам деятельности в 2005 – 2008 гг. позволяет говорить о том, что в этот период в России произошло возвращение государства в хозяйственную деятельность частных коммерческих структур. Это позволяет ему осуществлять корпоративный контроль.

Литература

4. Инвестиции в России. 2009. Стат.сб./Росстат. – М., 2009. – 323 с.
5. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. Экономический рост 2000 – 2007. – М.: Издательство «Дело» АНХ, 2008. – 1328 с.
6. Режим доступа: http://www.gks.ru/wcm/connect/rosstatsite/main/pablishing/catalog/statistic Jornals/

References

4. Investments in Russia. 2009. Statistical collection/Rosstat. – Moscow, 2009. – 323 p.
5. Economy of the transition period. Essays of economic policy of the post-communist Russia. Economic growth 2000-2007. – Moscow: Publishing house “Delo” ANX, 2008. – 1328 p.
6. Access mode: http://www.gks.ru/wcm/connect/rosstatsite/main/pablishing/catalog/statistic Jornals/

АНТРОПОСОЦИОЯДЕРНЫЙ ФЕНОМЕН

Елена Комлева
Институт философии и политологии, Дортмунд, Германия

Аннотация: Выполнены пионерные для России комплексные исследования антропосоциальной компоненты феномена ядерной энергии. Феномена, без которого жизнь на Земле исключена. Исследования доведены до прагматичного образа SAMPO.

Ключевые слова: ядерная энергия, человек, социум, материальная и духовная культура.

THE ANTHROPO-SOCIO-NUCLEAR PHENOMENON

Elena Komleva
Institute for Philosophy and Political Science, Dortmund, Germany

Abstract: There is carried out complex pioneer for Russia research on the anthropo-social component of the phenomenon of nuclear energy being vitally important for life on the Earth. The research has lead to the pragmatic image of SAMPO.

Key words: nuclear energy, man, socium, material and spiritual culture.

Вот мое предназначенье - сесть спокойно у воды
и свести в одно сеченье жизнь песчинки и звезды.
Привести к одной системе сердце солнца и свое.
И услышать, как в весенней роще иволга поет.
И увидеть, как бездонно небо, - не вмещает грудь!
Посолить краюшку хлеба, съесть ее и ...
Снова в путь.
Т. Полежаева.
"Эхо полевых сезонов". Стихи. Архангельск.

В ходе более чем десятилетних исследований на базе десяти российских и зарубежных университетов и институтов сформирована научно-прагматическая позиция, почувствованы задачи и получены некоторые результаты.

Феномен ядерной энергии в прошлом, настоящем и будущем был, есть и будет чрезвычайно важным для людей. Ядерная энергия (энергия управляемых и неуправляемых ядерных и термоядерных реакций) крепкими узами связана с человечеством. И человечество ощутило себя единым и хрупким сущим впервые перед ядерной опасностью. Техногенные ядерное благо или ядерная опасность для человечества - большей частью все же от человека и социума. И то, и другое - "плоть от плоти" разума, души и рук человеческих. Это формирует обратную связь - влияние человека, такого как есть и каким будет в антропосоциальном смысле, на возможные последствия ядерных явлений. Суперглобальному значению, негативным вызовам и позитивным возможностям ядерной энергии должны соответствовать адекватные по усилиям, комплексности и полноте, активности и постоянству подходы и действия при осмыслении, сдерживании или адаптации к реальным условиям человечества этих свойств феномена. А также серьезные вопросы о готовности людей к принятому разумом и сердцем сосуществованию с ядерной энергией сейчас и в будущем.

Ядерный феномен по праву стал предметом внимательнейшего изучения философии, политологии, экономики и экологии. Попал в поле зрения других наук, религии, духовного творчества и общечеловеческой культуры. И это пристальное внимание имеет перспективу существовать века. Двух немецких философов в контексте генеральной методологии можно считать ключевыми фигурами при обращении к теме. Это К. Ясперс и Э. Кассирер. Первый задал мотивацию и путь к поиску антропосоциоядерных ракурсов, а также определению масштаба

научной проблемы. Второй “подсказывает” социокультурный характер и инструментарий познания на этом пути.

Существует тенденция, в русле духовно-гуманитарного понимания глобальных проблем, к восприятию феномена амбивалентной ядерной энергии во всей доступной на сегодня его полноте. Целесообразно усиление интегральной в содержательных смыслах общего познавательного опыта, поли- и междисциплинарной относительно наук о человеке и обществе и вненаучных знаний о человеке, системной и деятельностно-ориентированной совместной рефлексии человеческой цивилизации и ядерной энергии. Рефлексии, объединяющей их сосуществование и взаимодействие в виде относительно внешних друг для друга объектов и то обстоятельство, что ядерное есть неотъемлемая часть феномена человечества.

Можно обозначить основные связи ядерной энергии с другими важными в судьбе человечества явлениями – бытийные контуры антропосоциальной компоненты ядерного феномена.

На основе “логических цепочек”, следуя известной общечеловеческой идее всеединства и единения в многообразии, различные грани которой интерпретированы многими философами, естествоиспытателями, писателями и политиками, предложен образ-схема связного множества антропосоциоядерных комбинаций, современных “окрестностей” ядерной энергии. Пространства ассоциативных связей, явных, случайных и смысловых совпадений или как бы совпадений, взаимоотношений, соотнесений, сопряжений ее и других глобальных явлений. Как правило, в социальных аспектах взаимодействие в каждой “цепочке” – двояко направленное. Образ “континуума” проявлений ядерной энергии и антропосоциальных, совокупного феномена “окрестностей” и ядерной энергии, способствует обобщению и объединению узкоспециализированных “ведомственных” подходов к рефлексии, переходу количества в качество, скачку мысли к пониманию необходимости широкого и глубокого антропосоциоядерного “смотрения” и комплексно интегрированных действий.

Некоторые примеры логических "цепочек", характеризующих прямые или опосредованные связи, зависимости, взаимодействия, соотнесения, сопряжения между ядерной энергией (ЯЭ) и другими важными для человека и человечества явлениями:

ЯЭ – материя, энергия, пространство, время - вселенная – мировоззрение в целом;
ЯЭ - Солнце - естественные процессы в гео- и биосферах - жизнь на Земле;
ЯЭ - эсхатологический потенциал - концепция Бога и человека;
ЯЭ - эсхатологический потенциал – реальное “качество” человека и общества;
ЯЭ – энергетическая стратегия – глобальная социальная стратегия;
ЯЭ – ядерное оружие – человечество как хрупкий единый организм;
ЯЭ – ядерное оружие – тоталитаризм;
ЯЭ – научные доминанты и тайны XX и XXI веков – биология;
ЯЭ – общество риска – теория общества;
ЯЭ – ядерная физика и радиохимия – естественные науки;
ЯЭ – уран, торий, подземные объекты, ядерные отходы – геология, горное дело;
ЯЭ – совместное исследование (ЦЕРН, Дубна) – интеграция человечества;
ЯЭ - Солнце и звезды - стратегические энергетические задачи;
ЯЭ - наука и техника - прогресс и общепланетарный кризис;
ЯЭ - демография - экономические, политические и военные кризисы;
ЯЭ – смена энергоносителей - экономические, политические и военные кризисы;
ЯЭ - энергетика – структура и уровень сельского хозяйства и промышленности;
ЯЭ - ядерное оружие - оружие массового поражения в целом и терроризм;
ЯЭ – ядерное оружие – так называемое “геофизическое” оружие;
ЯЭ – оружие массового поражения – знания массового поражения;
ЯЭ - история мировых войн - модель стабильного сосуществования;
ЯЭ - ядерная дискриминация - социально-экономическое неравенство;
ЯЭ - Иран - право нации на владение ЯЭ;

ЯЭ – Северная Корея – стратегическое жизнеобеспечение как эквивалент ЯЭ;
ЯЭ - ООН, МАГАТЭ - институты глобального управления;
ЯЭ - управление устойчивым развитием - гражданское общество;
ЯЭ – глобальные возможности и риски – этика и философия техники;
ЯЭ – изменение климата – энергетическая философия и политика;
ЯЭ - Чернобыль - глобальный экологический кризис;
ЯЭ - радиоактивные отходы - отходы жизнедеятельности в целом;
ЯЭ - амбивалентность - информационные, био- и другие технологии - человек;
ЯЭ – маргинальные полигоны – аборигены, биоразнообразие;
ЯЭ - длительные выгоды и опасности - футурология;
ЯЭ - управление ядерной сферой – структура и качество информации;
ЯЭ - энергия, экология, социальная сфера, устойчивость - Agenda 21;
ЯЭ - ядерные сообщества (NEA, FNCA) - международные экономические союзы;
ЯЭ - ядерная деятельность - нефть и газ - экономические и политические приоритеты;
ЯЭ – гелиевая энергетика – исследование Луны;
ЯЭ - базовая мотивация познания и применения - философия и аксиология;
ЯЭ - неоднозначность микромира - методология естественных и социальных наук;
ЯЭ - терминология - категориальный аппарат философии;
ЯЭ - апологеты и оппоненты - образование и просвещение;
ЯЭ - ядерная ментальность - общественное сознание в целом;
ЯЭ - ядерная этика - культурные и религиозные традиции;
ЯЭ – морально-нравственные нормы и секретность – открытость ядерной информации;
ЯЭ - ядерные образы – художественное творчество;
ЯЭ – нечувственное восприятие “квантов” реальности – мистическое мировоззрение;
ЯЭ - социальная мистика ядерных и других явлений - иррациональная рефлексия;
ЯЭ – энергетический фактор – история технологического развития человечества;
ЯЭ - история ядерной науки и техносферы - памятники истории и культуры;
ЯЭ – ядерная история – история духовно-гуманитарной рефлексии ядерного социума.

Данный список таких "цепочек" крупных мировоззренческих и приоритетных интеллектуально-прагматических проблем, тем, задач, действий и тому подобных граней социума, конечно же, лишь как частная выборка ограниченно отражает фактическое антропосоциоядерное пространство и открыт для продолжения. Здесь это, прежде всего, иллюстрация идеи о необходимости комплексного подхода к изучению феномена ядерной энергии, в увязке с широким спектром научных тем, практических задач и рефлексивных, с помощью разнообразных символов и образов, возможностей человечества.

Намечены подходы к усилению Human Dimension, гуманистических и гуманитарных начал и мотиваций в антропосоциальной компоненте феномена ядерной энергии, позиций своеобразного антропного социоядерного или антропосоциоядерного принципа. Плодотворно обращение к аналогу широко известного классического *антропного принципа*, значимого и непротиворечивого одновременно для важнейших социокультурных парадигм – естественнонаучной, философской и религиозной. Социоядерный антропный принцип усиливает перспективы синтеза единой светско-религиозной социоментальной (дополнительно к технологической) и совокупной прагматической платформы относительно ядерного феномена.

Полезно, несомненно, оконтурить также понятийное пространство применительно к антропным и социальным аспектам ядерной энергии, предложить рабочие версии главных понятий.

ФЕНОМЕН ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ. Облик феномена ядерной энергии многообразен. Материально и принципиально он формируется как природными (известными и неизвестными человеку), так и антропогенными сущностями. В простом перечислении “первого приближения” - это звезды, космические излучения, часть тепла недр и естественная радиоактивность Земли, природные ядерные реакторы. А также - ядерное оружие, ядерное сдерживание и

нераспространение, гражданская ядерная энергетика, атомные военные и гражданские, подводные и надводные суда, наземные и подземные ядерные объекты различного назначения. Кроме того, - это источники энергии длительного пользования для освоения космоса, научные приборы и средства технологического контроля и воздействия в медицине, сельском хозяйстве и промышленности, радиоактивные отходы со сроком хранения в сотни тысяч лет. Известные (и неизвестные как отдельная часть) природные и антропогенные ядерные сущности представляют, хотя и в разной степени, сферу интеллектуальных и практических интересов и действий людей, связаны "эфиром" людского внимания.

АНТРОПОСОЦИАЛЬНАЯ КОМПОНЕНТА ФЕНОМЕНА ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ. Это все положительные и негативные, естественного и искусственного происхождения проявления и эффекты ядерной энергии в жизни людей, которыми ядерная энергия посредством различных систем символов, так или иначе, уже идентифицируется социумом в своем ментальном пространстве. Все наши задачи и проблемы, надежды и заботы, удачные или неудачные мысли и практические действия, с которыми она напрямую или косвенно связана. Все явления человечества, которые зависят от ядерной энергии. Все явления человечества, от которых зависит "бытие" ядерной энергии в контакте с человечеством. Все явления человечества, которые развиваются во взаимосвязи с феноменом ядерной энергии. Связи, зависимости и взаимодействия, в космологическом смысле бывшие большей частью, по крайней мере – по отношению к периоду существования живой материи, практически всегда, но особенно отныне, с возникновением ядерной техносферы, - вечные и важные составные части среды существования людей. И наша естественнонаучная и техническая, философская и религиозная, духовно-гуманитарная на основе других и разных видов социального знания рефлексия их, а также наше изменение их. Другими словами, антропосоциальная компонента ядерного феномена – это, соответственно материально-духовной дихотомии человека, комплексное материально-духовное бытие человека в условиях ядерной вселенной и ядерного социума.

СОЦИОЯДЕРНЫЙ АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП – это требование таких рефлексии и действий, чтобы в будущем антропосоциальная компонента феномена ядерной энергии формировалась в совокупном светско-религиозном "поле" лучшего духовно-гуманитарного и рукотворного наследия человечества, была адекватной ему и позитивно участвовала в генерировании новых пластов материальной и духовной культуры, чтобы "ядерный человек" был гуманным и позитивно "культурогенным". Другими словами, это требование оптимизации "параметров антропосоциоядерной вселенной" с позиций блага человека, посредством гуманизации и гуманитаризации интеллектуальной и практической деятельности в ядерной сфере.

Мною в разных публикациях подробно показаны примеры некоторых фрагментов рассматриваемой компоненты, их светские и религиозные, философские, экономические и историко-политологические аспекты. А также информационные, коммуникационные, ментальные и экологические модусы современного ядерного социума. И методологические пути, инструментарий их совместного осмысления, известные из истории и оконтуренные для будущего. В ракурсе антропосоциоядерных вызовов и надежд, негатива и позитива обозначен рефлексивный потенциал мировоззренческих систем (философия, религия), наук о человеке и обществе, духовного творчества (искусство, литература, миф) и морально-нравственных традиций. В частности, при осмыслении международными усилиями в рамках гипотезы SAMPO: в контексте смыслов региональных Scandinavian (or Slavic, Saida, Severodvinsk, Spitsbergen, Saamen, Syktyvkar, Solikamsk, Siberian, Streltsovsky, Selenge, Salekhard, Sakha, Sakhalin, Simushir, Semipalatinsk, Sarov, Seversk, Slavutich, Sosny) Atomic Mission - the Proliferation's Oikumene и общечеловеческого Special Anthropic Mission – the Power (Prometheus) Obedience. Обозначен также потенциал в процессе информационно-аналитической социально-ядерной деятельности.

Методология SAMPO соответствует инициативе Президента Российской Федерации (2006г.) по Глобальной ядерной инфраструктуре. И разрабатываемой РАН и Росатомом (А.А. Саркисов) для Севера России идеологии интеграционного подхода к проблемам ядерных отходов. Она может

быть составной частью региональных и общероссийских программ создания технологической платформы “Инфраструктура Арктики”. Гипотезу SAMPO начинают серьезно обсуждать. Одна из моих статей отражена в официальном библиографическом списке материалов к рассмотрению законопроекта Республики Беларусь “Об использовании атомной энергии”. Другая опубликована в материалах ярмарки инновационных проектов АТОМЭКО-2008.

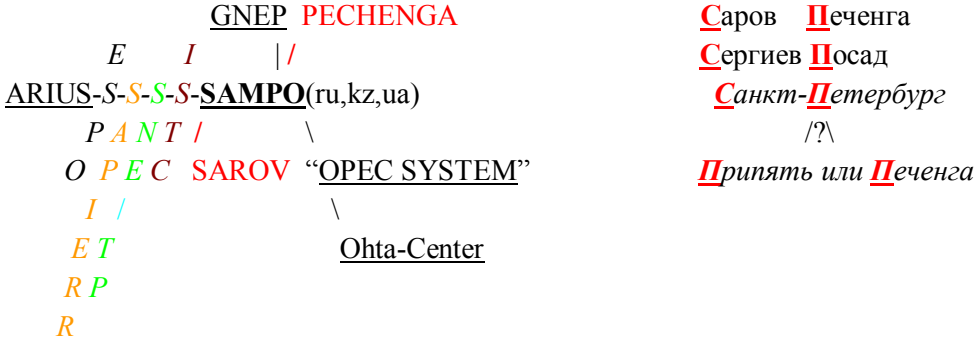
Думаю, продолжение обсуждений последует, так как, например, специалисты Кольского научного центра РАН предложили построить “вечное” подземное ядерное хранилище в горле Кольского залива (Сайда Губа - “подбрюшье” Североморска и Мурманска). Второй вариант такого объекта (Дальние Зеленцы) предлагается учеными “под боком” у будущей инфраструктуры Газпрома и полигона, где погиб “Курск”.

Ситуацию “подогревает” недавнее решение Б. Обамы, вопреки действующему “Акту о политике в отношении ядерных отходов”, через 22 года с начала строительства и после затрат в 9 миллиардов долларов, прекратить реализацию проекта “путеводной звезды”, прототипа для многих подобного рода строек – национального хранилища высокоактивных материалов Yucca Mountain. А также – появившиеся раньше в условиях глобализации мировой экономики идея и проекты интернационализации последней стадии обращения с ядерными отходами, их надежной изоляции от биосферы. Возникают конкретные вопросы “как?” и “где?” Особенно после вступления в силу (конец 2010г.) американо-российского Соглашения № 123, открывающего странам возможность обмена ядерными материалами.

Россия давно и активно стремится позитивно соответствовать новым возможностям в рамках концепции международных и долговременных хранилищ подземного типа на своей территории. Вариантами, наиболее официально “продвинутыми” и традиционно для ядерной отрасли “состыкованными” с объектами наследия “холодной войны”, являются пока площадки вблизи Красноярска, Челябинска и границы с Китаем и Монголией (Краснокаменск). При этом преобладает выбор площадок в зонах палеовулканов (как и в случае Yucca Mountain). Хотя доминирующие площадки уже “назначены”, даже лояльный к ним анализ (ИГЕМ РАН) геологической ситуации на базе чрезвычайно слабой разведки закончился признанием, что Россия находится на начальной стадии программ реализации такой концепции и принимать решения о пригодности площадок преждевременно (Н.П. Лаверов, В.И. Величкин, А.А. Пэк).

На Северо-Западе России проектировщики Росатома (Минатома) последовательно предлагали в качестве изолирующей геологической среды многолетнемерзлые известняки Новой Земли и залежи солей Республики Коми. Кстати, в Ухте работает известный в радиоэкологии геолог В.А. Копейкин, имеющий серьезные наработки применительно к геохимическим барьерам защиты от распространения радионуклидов, возглавлявший несколько самых тяжелых лет Рабочую группу Мингео СССР в Чернобыле. Возможно, и это обстоятельство в череде других обусловило “дрейф” интереса Росатома от Новой Земли к геологическим объектам Коми.

Необходимо в связи с SAMPO отметить доминирование принципа нераспространения ядерных материалов, преемственность и взаимосвязь не только российских ядерно-религиозных центров, но и международных энергетических проектов. На схеме: слева – взаимосвязи базового концепта SAMPO, справа – исключительно религиозный контекст и с дополнением футурологических мотивов относительно перспектив ядерно-религиозно-мистического Санкт-Петербурга:

Одним из авторов работ, способствовавших отмене на довольно высоких стадиях реализации некачественных с научной точки зрения проектов подземных ядерных хранилищ Yucca Mountain и Новой Земли, является новосибирский геолог и спелеолог с украинскими “корнями” Ю.В. Дублянский (Juri Dublyansky), много работающий за рубежами бывшего СССР. Уникальная ситуация: его общая эрудиция и знания в сфере инженерной геологии и гидрогеологии, низкотемпературных гидротермальных процессов, изотопных исследований дважды значимо повлияли на формирование решений ведущих ядерных стран относительно места размещения природно-техногенных, с элементами самоорганизации объектов, безопасно функционировать которые по нормативам должны не менее десяти тысяч лет. А косвенно возможно ожидать отложенное влияние этих факторов и событий на общечеловеческое будущее ядерной проблематики. Он, кроме того, нелицеприятно охарактеризовал стиль собственных геологических обоснований таких объектов российскими и американскими ядерными ведомствами и финансирования ими независимых оценок.

Нет пока, к сожалению, подобных Ю.В. Дублянскому по объективности, профессионализму и опыту работы с иностранными партнерами людей, которые проявили бы интерес к организации и выполнению на международной основе анализа жизнеспособности замещающей вакуум после закрытия упомянутых проектов гипотезы SAMPO(ru,kz,ua). Хотя бы ее естественнонаучной составляющей.

Следует сказать, что в породах Печенги, где возможна материализация одного из вариантов SAMPO (и, с моей точки зрения, это было бы правильным), российскими и норвежскими геологами найдены окаменелые образцы древнейших, возрастом более 2 миллиардов лет, микроорганизмов (*Pechengia melezhiki*). Микроорганизмов, сформировавших на Земле важнейшие условия для будущей биологической эволюции (развития на кислородной основе) вплоть до высших форм. Эти сохранившиеся до нас окаменелости возможно, видимо, считать признаком региональной геологической долговременной стабильности, столь необходимой ядерным объектам. Своеобразным талисманом-оберегом. А сочетание открытия *Pechengia melezhiki* с SAMPO - символом трансформации и преемственности энергетики жизни.

С другой стороны, вулканологи (В.И. Белоусов, С.Н. Рычагов и др.) обосновывают наличие в глубинах Печенги позитивных для изоляции ядерных материалов процессов современного минералообразования. На “ядерный” потенциал этой структуры обращали внимание сотрудник ВНИПИЭТ В.А. Перовский, мурманские геологи-производственники (Н.И. Бичук, В.Г. Зайцев, Г.И. Мелихова и др.), специалисты Петербургского университета А.С. Сергеев и Р.В. Богданов. А также - руководители Геологического института Кольского НЦ РАН (Ф.П. Митрофанов), Кольской сверхглубокой скважины (Д.М. Губерман) и Ярославской экспедиции сверхглубокого бурения “Недра” (Л. Певзнер). Равно как и шведского оператора по обращению с ядерными отходами SKB, МНТЦ и The UNESCO International Geological Correlation Programme.

Не добрые ли это знаки, учитывая, что по преданиям в свое время в “пещерах” “утеса из меди” Печенги было создано Сампо “Калевалы”? И не подсказка ли это к объединению на этой площадке усилий, и не только геологов? При “перезагрузке” на Печенгу финансирования от Yucca Mountain, Новой Земли и других подобных проектов, не имеющих социокультурных корней и не выдерживающих испытания временем. Чтобы надежно экранировать искусственные гидротермы, неизбежно возникающие в породах, в которых размещены высокоэнергетичные материалы.

Применительно к антропосоциоядерной сфере изучено состояние дел в политических и научных институтах ООН. Выполнен анализ методологии исследований The United Nations University и The Hiroshima Peace Institute. Целесообразно рассматривать далее социальные и антропные аспекты ядерной энергии по сетевому принципу - в UNU (лидер-координатор) и других университетах единой “сети сетей”. На духовно-гуманитарной, рационально-иррациональной методологической базе, отвечающей максимально полной реализации концепта и ракурсов суммарного знания о человеке и обществе, с позиций принципов гражданского общества. Для содействия выработке адекватных задачам развития человечества научных (гуманитарных и

естественнонаучных), технических и политических рекомендаций в связи с необходимостью мониторинга ядерной и сопряженных с ней сфер цивилизации и ядерного общественного сознания, влияния на их эволюцию с целью сделать ядерный мир безопасным, долговечным и комфортным. Для успешного интеллектуального поиска и практического укоренения генерирующих оптимальное будущее антропосоциоядерных начал.

Литература

Комлева Е.В. Человечество и ядерная энергия: попытка социокультурного соосмысления. Информационно-коммуникационные технологии в системе культурно-цивилизационных преобразований: материалы всерос. науч. конф. (Челябинск, 21 окт. 2010 г.) / М-во культуры РФ; ФГОУ ВПО "Челяб. гос. акад. культуры и искусств"; сост. Т. Ф. Берестова, Ю. В. Гушул. - Челябинск, 2010. – С. 50-54.

Комлева Е.В. Ядерное человечество и Ф.М. Достоевский (http://rulit.org/read/860/ и http://proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=2373).

Комлева Е.В. Антропосоциоядерный дискурс и духовное наследие Ф. М. Достоевского // Мәдениет жаршысы - 2010г.,N 5. - С. 27-31.

Комлева Е.В. Антропоцентричность ядерной энергии, тезисы доклада / конференция “Язык, культура, общество” (М., 2009).

Комлева Е.В. Ядерные проблемы социального сосуществования // Север промышленный. – 2009, октябрь. – С. 40-43.

Комлева Е.В. Социоядерные начала или начала социоядерного бытия (http://www.dialog21.ru/biblio/komleva.htm).

Комлева Е.В. Социоядерный антропный принцип и геоядерная прагматика // Минеральное сырье Урала. – 2008, №5. – С. 44-47; Экологический вестник России. – 2009, №1. – С. 39-42.

Комлева Е.В. Феномен ядерной энергии и пространство символических форм // Философия науки. – 2008, №3. – С. 77-114.

Комлева Е.В. Развитие ядерно-нефтегазовой ситуации Севера Европы // Экологический вестник России. – 2008, №№ 8 и 9, С. 41-47 и 36-40.

Комлева Е.В. Рефлексия ядерно-нефтегазовой ситуации Севера Европы: интересы и потенциал Германии как партнера России // Геофизический журнал, Киев, 2008, №2, Т.30. – С. 3-31. Диплом за 1 место в Международном конкурсе по полярным исследованиям, посвященном Международному полярному году 2007/2008 гг., декабрь 2007 г., Санкт-Петербург.

Комлева Е.В. Ядерный Мурман // Национальные интересы. – 2007. - №4 (51). – С. 55-59.

Комлева Е.В. Цивилизация и ядерная энергия: их соосмысление в ООН для мира и управления устойчивым развитием // Философия науки, 2007, № 2 (33). – С. 3-45.

Комлева Е.В. Ядерные отходы, газовые месторождения и безопасность Севера Европы // ЭКО: Всероссийский экономический журнал, 2007, №3.- С. 104-111.

Комлева Е.В. Духовно-гуманитарное окормление ядерно-нефтегазовой России // Энергетическая политика Украины, №1, 2006.

Комлева Е.В. Ядерная энергия: о мере человечности // Вестник аналитики, 2005, № 2. – С. 68-85.

Комлева Е.В. Ядерная энергия: социальные аспекты, международная конференция “Ядерно-энергетические системы для будущих поколений и глобальной стабильности GLOBAL 2005”, 9-14 октября 2005 г., тезисы доклада, Цукуба, Япония, 2005.

Комлева Е.В. Социально-философские проблемы развития ядерной техносферы в России // Философия науки, 2004, № 3 (22). – С. 121-134.

Комлева Е.В. Информационная поддержка решений в радиоэкологии // Вопросы радиационной безопасности. Журнал ПО "Маяк", 2001, №4. - С. 52-55.

Благодарю за поддержку отдельных этапов исследований EU Program “Gateway Education”, Research Council of Norway, Canon Foundation in Europe, Deutscher Akademischer Austauschdienst и World Nuclear University, профессоров B. Falkenburg, N. Witoszek, D. Macer, R. Thakur, A.H. Zakri, P. Masterson, M. Taeb, T. Kawabe, P. Lakkala, L. Kurppa, V. Ryabev, V. Masloboev, T. Meyer, Z. Fadeeva и многих-многих других, а также научных сотрудников Института философии и политологии Дортмундского технического университета.

СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Павлов К.В.,
доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и менеджмента
Ижевский филиал Российского института кооперации

В статье рассматриваются методические подходы к измерению состояния экономического потенциала регионов. Приводятся основные показатели, необходимые для анализа и измерения. Как интегральная характеристика устойчивости рассматривается экономический рост.

***Ключевые слова**:* экономический потенциал, Север, регионы, показатели и индикаторы, территориальные системы, экономический рост.

THE ESSENSE AND MAIN INDICATORS OF ECONOMIC POTENTIAL IN TERRITORIAL SYSTEMS

Pavlov K.V.,
Dr. of economic sciences, Professor of the Department of economics and management
Izhevsk branch of the Russian Institute of cooperation

The article discusses methodical approaches to measuring economic potential of regions. The main indicators necessary for analysis and measuring are given. Economic growth is considered as an integral characteristic of sustainability.

Key words: economic potential, the North, regions, indicators, territorial systems, economic growth.

Экономический потенциал Севера играет важную роль в национальном хозяйственном комплексе. И эта роль вряд ли будет существенно уменьшаться в обозримой перспективе даже в случае усиления реальных инновационных тенденций по двум основаниям. Во-первых, на саму переориентацию экономики к новому типу развития необходимы огромные средства, дать которые может только сырьевой сектор. Во-вторых, сам этот сектор становится ведущим потребителем новейших научно-технических достижений, особенно при освоении месторождений арктического шельфа.

Понятие «экономический потенциал» настолько часто применяется как в научной, так и в популярной литературе, что стало обыденным. Тем не менее, почти каждый автор отличается своим, особенным пониманием этого термина. К сожалению, в большинстве экономических словарей оно отсутствует, а те немногие, где так или иначе слово «потенциал» присутствует, дают достаточно условные характеристики. Например, «Большой экономический словарь» поясняет [1]:

потенциал – совокупность имеющихся средств, возможностей в какой-либо области.

Такая трактовка, с одной стороны, не дает понимания «экономической» области, а с другой – отличается от энциклопедического понятия [2]:

потенциал (от лат. potentas – сила) … источник, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для достижения определенной цели, решения какой-либо задачи.

Принципиальная разница этих подходов состоит в том, что во втором случае потенциал рассматривается только в органической связи с поставленной целью. Очевидно, что при изменении цели меняется и понимание экономического потенциала территориальной системы. Однако в рамках настоящей работы будет приниматься упрощенная схема – под целью мы будем понимать обеспечение стабильности основных экономических параметров как в статическом состоянии, так и в перспективной динамике.

Актуальность измерений в региональных системах объективно связана с тем, что с расширением и углублением экономического федерализма регионы получают дополнительные права, но и дополнительную ответственность в хозяйственной и финансовой сферах. Для России, с ее многообразием природно-климатических, географических, исторических и социально-экономических условий, при этом возникают проблемы типологии регионов для целей текущей и перспективной государственной политики. Осложняющим фактором в условиях кризисных процессов является своеобразный региональный «эгоизм», попытки решить проблемы за счет индивидуальных льгот и привилегий, в том числе в ущерб другим территориям и межрегиональным отношениям.

Возможное нарастание автаркии только усиливает кризисные явления, основными связывающими звеньями остаются правовые институты, единая кредитно-денежная и бюджетная системы, наиболее устойчиво во всех регионах ведет себя именно ставка банковского процента. Хотя очевидно, что в условиях большого числа коммерческих банков и определенной конкуренции на кредитном рынке различия могут быть достаточно существенными. Так, во время финансового кризиса 2008-2009 гг. кредитная ставка колебалась от 15% до 30% годовых, а депозитная – от 9% до 18%. В посткризисном 2010 году они существенно снизились как по размерам, так и по диапазону, но все еще составляют 12-16% и 5-8% соответственно. По всем другим показателям могут быть весьма существенные колебания как в статических состояниях, так и в темпах. В этом отношении каждая территория может рассматриваться как обособленный макроэкономический субъект.

Для построения обоснованных и целенаправленных отношений «территория-центр» необходимо знание о состоянии ее хозяйства, для чего используется совокупность социально-экономических индикаторов. В первую очередь к ним необходимо отнести:

- объем валового регионального (внутреннего) продукта;
- объем инвестиций в основной капитал;
- коэффициент валютного покрытия импорта;
- бюджетная обеспеченность и достаточность;
- среднедушевые доходы населения и прожиточный минимум;
- доля сбережений в общих доходах населения;
- уровень безработицы.

Кроме того, может использоваться целый ряд дополнительных показателей, таких как индексы физического объема промышленной продукции (в том числе по отраслям), степень износа основных производственных фондов, финансовые трансферты, динамика численности населения и т.п. Ряд из них, имеет специфический характер и используется только в национальной статистике и только с учетом особого характера переходных процессов в России. К ним относится удельный вес убыточных предприятий, состояние дебиторской и кредиторской задолженности в регионе, в том числе по налогам, задолженность по заработной плате лиц наемного труда, число безработных на вакантное рабочее место и т.п. Однако, учитывая их вспомогательное значение, в настоящем разделе они подробно не рассматриваются.

Необходимо отметить, что при практическом анализе социально-экономических процессов в регионах важны не только, и даже не столько абсолютные значения тех или иных показателей, сколько их динамика, временные тенденции, а также их взаимодействие и взаимозависимость.

Валовой региональный продукт стал официально рассчитываться в России с 1995 года, хотя уже в 1992-1994 годах предпринимались попытки его определения на основе валовой добавленной стоимости. Именно в 1992 году в РФ было начато внедрение системы национальных счетов (СНС) в соответствии с утвержденной государственной программой перехода на принятую в международной практике систему учета и статистики в соответствии с требованиями.

После принятия пересмотренной версии системы национальных счетов, разработанной совместно ООН, МВФ, Мировым банком, ОЭСР и Евростатом, Госкомстат начал работу по проведению национальной методологии СНС в соответствии с новыми рекомендациями. В настоящее время она практически закончена.

Суть схемы СНС сводится к формированию обобщающих показателей развития экономики на различных стадиях процесса воспроизводства, где каждой стадии соответствует специальный счет или группа счетов, в том числе [3]:

счет товаров и услуг;

счет производства;

счет образования первичных доходов;

счет распределения первичных доходов;

счет вторичного распределения доходов;

счет использования доходов;

счет операций с капиталом.

Валовой региональный продукт на стадии производства получают путем суммирования валовых добавленных стоимостей всех секторов и отраслей экономики. Валовой продукт рассчитывается в рыночных ценах, то есть, включая чистые налоги на продукт и на импорт.

Валовая добавленная стоимость исчисляется на уровне отраслей как разность между выпуском товаров и услуг и промежуточным потреблением. Термин «валовая» указывает на то, что показатель включает потребленную в процессе производства стоимость основного капитала. Чистые налоги на продукты и на импорт включают налоги, размер которых прямо зависит от размера произведенной продукции и оказанных услуг. К первой группе относят налог на добавленную стоимость, налог с продаж, акцизы и др. Налоги на импорт - это вторая группа, включающая платежи по импортируемым товарам и услугам. Термин «чистые» означает, что налоги показаны за вычетом соответствующих субсидий на продукты и на импорт. Субсидии - текущие некомпенсируемые выплаты из бюджета предприятиям при условии производства или определенного вида продукции.

Кроме рассмотренного метода, который называется производственным, в отечественной статистике ВРП рассчитывает методом использования, являющимся разновидностью метода «потока расходов». При этом продукт определяется как сумма расходов всех экономических секторов на конечное потребление, валового накопления и чистого экспорта.

Расходы на конечное потребление подразделяются на расходы домашних хозяйств, государственных учреждений (организаций бюджетной сферы) и некоммерческих организаций (НКО), обслуживающих домашние хозяйства. С другой стороны, в расходах на конечное потребление выделяются расходы на товары, индивидуальные услуги и коллективные услуги. Товары и индивидуальные услуги всегда могут быть куплены и проданы на рынках, либо могут быть представлены в виде трансфертов в натуральной форме. Коллективные услуги - это услуги, предоставляемые одновременно всем членам общества или его части (например, государственное управление или обеспечение безопасности). Конечное потребление домашних хозяйств является потреблением товаров и индивидуальных услуг. В системе национальных счетов считается, что все услуги, которые оказываются НКО домашним хозяйствам, являются индивидуальными.

Органы государственного управления (государственные учреждения) могут оказывать как индивидуальные, так и коллективные услуги.

Инвестициями признаются денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, лицензии, в том числе и на товарные знаки, кредиты, любое другое имущество или имущественные права, интеллектуальные ценности, вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода) или достижения положительного социального эффекта.

Система национальных счетов предусматривает определенные разграничения и выделяет капиталообразующие инвестиции (направлены на создание реального капитала) и финансовые инвестиции.

В части инвестиций в основной капитал (капиталообразующих) выделяют: приобретение основных средств; затраты на капитальный ремонт; инвестиции в земельные участки и объекты природопользования; приобретение нематериальных активов (патенты, лицензии, программные продукты, научные и проектные разработки и т.п.); на пополнение запасов материальных оборотных средств. Наиболее детализирована система показателей, характеризующих объемы и структуру капитальных вложений: технологическую, воспроизводственную, отраслевую и т.п.

К финансовым инвестициям статистика относит: государственные кредитные вложения (долгосрочные и краткосрочные); финансовые вложения хозяйствующих субъектов; средства от эмиссии по приватизированным предприятиям; средства от продажи акций акционерных обществ; кредиты, предоставленные коммерческими банками организациям и населению; вложения в ценные бумаги и т.п.

Для многих территорий, особенно приграничных, важное значение имеет внешнеэкономическая деятельность. При этом сопоставление экспорта и импорта дает представление о своеобразном платежном балансе региона. Необходимо иметь в виду, что фактический объем таких операций определить достаточно сложно, так как субъекты РФ не имеют внутренних таможенных границ и «реимпортируемые» товары относятся подлежащими покрытию по тем территориям, где были потреблены.

Коэффициент валютного покрытия импорта определяется как частное от деления экспериментируемых товаров и услуг, и расходов на импорт. Основные виды международных услуг включают: транспортные услуги; поездки (туристические услуги); услуги связи; строительные услуги; финансовые и страховые услуги; лизинг; компьютерные и информационные услуги; услуги в сфере образования; медицины; культуры и т.п.

Налоговые платежи поступают в бюджеты, при этом в унитарном государстве, каким был, например, Советский Союз и какими являются и сейчас многие как развитые, так и развивающиеся страны, они полностью централизуются. В федеративных государствах часть средств, иногда основная, распределяется через бюджеты регионов, при этом принципиально важно знать, какому из них, сколько средств необходимо.

Некоторые регионы могут иметь значительную налогооблагаемую базу (развитое производство и сферу услуг) и относительно небольшой объем расходов. Другие, наоборот, исторически располагают слабым промышленным потенциалом и нуждаются в государственных дотациях.

Бюджетной обеспеченностью называется частное от деления объема расходной части бюджета территории на численность населения. Однако эти расходы далеко не всегда равны собственным доходам. Кроме того, необходимо отметить, что с 2002 года в методиках Минфина РФ по межбюджетным отношениям применяется более сложное определение этого показателя, который высчитывается как отношение индекса налоговых доходов к индексу расходов по региону. При этом последний определяется как отношение потребительского бюджета в данном субъекте по отношению к национальному потребительскому бюджету [4].

Бюджетная достаточность показывает, какая часть расходов при данном уровне бюджетной обеспеченности может быть покрыта за счет собственных источников. При этом как

из расходной, так и из доходной части исключаются субвенциональные части, которые относятся к полномочиям вышестоящих бюджетов.

Как правило, основные группы населения, исключая живущих ниже уровня бедности, расходуют не все средства. Часть располагаемого дохода, которая не израсходована на конечное потребление товаров и услуг в принятом временном периоде называется сбережениями.

Для территориальных систем вычисление этого показателя затруднено. В известной мере его аналогом в отечественной статистике является приводимая в справочниках динамика сбережений населения во вкладах, госзаймах, сертификатах и т.п. С некоторой условностью ее можно использовать и как дополнительный индикатор уровня жизни, и как относительный показатель инвестиционно-финансовых возможностей в регионе. Однако частные сбережения могут значительно отличаться от общих, поскольку не учитывают баланс бюджетных (государственных) расходов в данном регионе.

Наиболее важной интегральной характеристикой устойчивости считается экономический рост. Под ним обычно понимают движение экономической жизни, тенденций в основных элементах и индикаторах, их характеризующие (объем производства, цены, занятость, доходы и т.п.). Свое выражение рост находит в увеличении потенциального и реального ВРП, возрастании национального богатства и экономической мощи. Таким образом, проблема роста является центральной задачей всех территориальных систем.

Рост есть составляющая экономического развития, при этом последнее понимается как процесс, включающий стадии как увеличения, так и спада, количественных и качественных изменений в экономике. Рост - это положительная динамика экономики, спад - отрицательная, хотя это справедливо только в отношении общего состояния системы.

Для отдельных фраз, факторов и элементов эти понятия часто имеют прямо противоположное значение. Например, рост номинального ВРП может сопровождаться еще большим ростом инфляции, и в целом реальный продукт будет не только не расти, но и снижаться. В отношении безработицы, «увеличение» почти всегда рассматривается как отрицательный индикатор. Хотя если безработица значительно опустится по отношению к своему естественному уровню, то ее рост может оказаться неизбежным. То есть устойчивое развитие системы может происходить в условиях нестабильности отдельных ее элементов. Более того, сам термин «устойчивое развитие» приобретает противоречивый характер, так как развитие экономики предполагает такие ее фазы, как спад.

Литература

5. Большой экономический словарь. М.: Фонд «Правовая культура», 1994 г. – 525 с.
6. Большой энциклопедический словарь. М.: НОРИНТ, 2004. – 1216 с.
7. Методологические положения по статистике. М.: Госкомстат, «Логос», 1998. – 670 с.
8. Селин В.С., Зайцева Е.И. Бюджетная обеспеченность и социальные процессы на российском Севере // Федерализм, № 3, 2007. – С.163-173.

References:

5. Big economic dictionary. M.: Foundation “Legal culture”, 1994. – 525 p.
6. Big encyclopedic dictionary. M.: NORINT, 2004. – 1216 p.
7. Methodological principals in statistics. M.: Goskomstat, “Logos”, 1998. – 670 p.
8. Selin V.S., Zaytseva E.I. Budget provision and social processes in the Russian North // Federalism, No. 3, 2007. – P. 163-173.

ПРОБЛЕМА ДЛИННЫХ ВОЛН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ И КОЛЕБАНИЕ ТЕМПОВ РОСТА СССР ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Т.П. Скуфьина,
доктор экономических наук,
заведующая отделом регионального и муниципального управления на Севере РФ
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

Аннотация. Рассматривается история длинных волн экономической динамики. Описана сущность теории циклов Кондратьева. Обобщены проблемы циклов Кондратьева. Соотнесены циклы Кондратьева и развитие СССР послевоенного периода.
Ключевые слова. Циклы, волны, макроэкономическая динамика, Кондратьев, развитие СССР

PROBLEM OF LONG WAVES IN ECONOMIC DYNAMICS AND FLUCTUATIONS OF GROWTH RATES IN THE USSR IN THE POST-WAR PERIOD

T.P. Skufina
Doctor of economic sciences
head of department of regional and municipal government in the RF North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

Abstract. History of long waves in economic dynamics is considered. The essence of the theory of Kondratiev cycles is described. Problems of Kondratiev cycles are summarized. Kondratiev cycles and development of the USSR in the post-war period are brought into correlation.
Key words: Cycles, waves, macroeconomic dynamics, Kondratiev, development of the USSR

«Модель», «сложная динамическая система», «цикл», «волна» - бесспорно, все эти термины относятся к числу наиболее часто встречающихся в научном языке современности при исследовании относительно продолжительных рядов макроэкономической динамики, попытках вскрыть причинные схемы эволюционных процессов. Вместе с тем, в арсенале приемов и методов научного познания «исконноотечественных», как говорят, «доставшихся по наследству» от советской школы экономики, методология циклически-волновых представлений представлена явно недостаточно сравнительно с зарубежными образцами.

Можно предположить, что эта особенность является следствием отрицания в советской школе представлений о неизбежности волн спада. Логичным объяснением является традиция гонения на циклические концепции, наблюдаемая со времен Николая Дмитриевича Кондратьева[42].

[42] Николай Дмитриевич Кондратьев. Родился 4 (16) марта 1892 года в деревне Галуевская Кинешемского уезда Костромской губернии (ныне — в Вичугском районе Ивановской области, в 5 км от г. Вичуги). С 1905 года — эсер. Учился в церковно-приходской школе, учительской школе, училище садоводства, в 1911 году окончил (экстерном) Костромскую гимназию и в том же году поступил на юридический факультет Петербургского университета; после окончания университета работал на кафедре политической экономии и статистики. Входил товарищем министра продовольствия в последний состав Временного правительства Александра Керенского. С 1918 года — в Москве преподавал в Кооперативном институте и Тимирязевской (до 1923 года — Петровской) сельскохозяйственной академии. Основатель и директор Института конъюнктуры (1920—1928). В августе 1920 году проходил по делу «Союза возрождения России», был арестован, но через месяц освобожден благодаря усилиям И. А. Теодоровича и А. В. Чаянова. В 1920—1923 годах — в Наркомземе, начальник управления сельскохозяйственной экономии и политики и «учёный специалист». Работал в сельскохозяйственной секции Госплана СССР. 19 апреля 1928 года отстранён от должности; в 1930 году арестован по «делу Трудовой крестьянской партии», Коллегией ОГПУ 26 января

Напомним, дискуссия о циклах началась с 1922 года с его работы «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны». Впоследствии развита в работах Н.Д. Кондратьева «Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса (ответ нашим критикам)» (1923 г.), «Большие циклы конъюнктуры» (1925 г.), «К вопросу о больших циклах конъюнктуры» (1926 г.), «Большие циклы конъюнктуры: доклады и их обсуждение в Институте экономики» (в соавторстве с Д.И. Опариным) (1928 г.).

При жизни Н.Д. Кондратьева его циклические воззрения не получили одобрения. Однако в последствии теории больших циклов Кондратьева стала классической.

Теория длинных волн экономической динамики: исторический аспект. Следует отметить, что теория циклов – теория, впитавшая наследие столетий. Достаточно вспомнить восточные теории. Например, китайские учения развивали концепцию циклически меняющегося мира (канонический для конфуцианства труд Чжоу И. «Всеохватнокруговые перемены»). В древних рукописях арабских ученых и магов кризисы, восстания, смена власти связывались с движениями созвездий и планет. Циклические представления развивались и древнегреческими исследователями (Платон, Аристотель, Плутарх и др.).

Описание ряда циклических процессов представляет интерес и для познания современных процессов. Достаточно процитировать отрывок времен возрождения Н.Макиавелли: «Переживая беспрерывные превращения, все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку. Поскольку уж от самой природы вещам этого мира не дано останавливаться, они, достигнув некого совершенства и будучи уже не способны к дальнейшему подъему, неизбежно должны приходить в упадок, и наоборот, находясь в состоянии полного упадка, до предела подорванные беспорядками, они не в состоянии пасть еще ниже и по необходимости должны идти на подъем. Так вот всегда все от добра снижается ко злу и от зла поднимается к благу» [2, С.174].

Что касается исследования макротраектории экономической эволюции, то исследования Н.Д. Кондратьева нельзя назвать пионерными. О существовании длинных волн экономической динамики, анализируя ценовые и некоторые макроэкономические колебания, говорили исследователи еще с середины 18 века (Х. Кларк, А.И. Гельфанд и др.).

Наиболее популярные объяснения причин, обусловливающих продуцирование длинных волн, строились на марксистской основе (Я. Ван Гельдерен, Троцкий, С. де Вольф, Н.Д. Кондратьев). В частности Дж. ван Дейн при обобщении теории С. де Вольфа писал: «Длинные волны, по С. де Вольфу, - это эхо-волны, вызванные воспроизводством основного капитала, рассматриваемого К.Марксом в качестве главной причины деловых циклов. Длина делового цикла определяется сроком службы машины, который в те времена составлял около 10 лет; продолжительность длинной волны определяется основными фондами длительного пользования, такими как фабрики, мосты, верфи, строения железных дорог…В модели «эхо-волны» причиной смены циклов был некий внешний импульс, который С. де Вольф привязывал к нововведениям индустриальной революции» [цит. по: 3, С.11-12].

На этой же точки зрения стоял и Н.Д. Кондратьев. Теория больших циклов экономической конъюнктуры говорит, что «войны и революции возникают на почве реальных и, прежде всего, экономических условий…на почве повышения темпа и напряжения хозяйственной жизни, обострения экономической борьбы за рынки и сырье… Социальные потрясения возникают легче всего именно в период бурного натиска новых хозяйственных сил» [4].

Сущность теории циклов Кондратьева. Несомненной заслугой Н.Д. Кондратьева явилось то, что его исследования базировались на статистическом исследовании длинных рядов динамики (с 1790 г.) значительного числа экономических показателей (заработной платы, индекса цен,

---

1932 года приговорён к 8 годам тюремного заключения. Военной коллегией Верховного суда СССР 17 сентября 1938 года приговорён к расстрелу и в тот же день расстрелян. Реабилитирован одновременно с А.В. Чаяновым в 1987 году [1].

объема внешней торговли, добычи угля, золота и др.). Интересно то, что его исследования базировались не на теоретическом, а именно на эмпирическим обосновании.

На временном отрезке в 140 лет Н.Д. Кондратьев основал наличие 3-х больших циклов экономической конъюнктуры, с периодом колебаний около 50 лет. В зависимости от фазы меняется не только способ производства, но и весь уклад общества.

Н.Д. Кондратьев считал, что основную роль в механизме длинных вол играют волны технических колебаний и изменение инновационной активности, т.е. они связаны со сменой основных производственных фондов, с обновлением технологического способа производства. Осуществляется двумя путями: во-первых, эволюционно, когда существующие технологии модернизируются; во-вторых, революционно, когда происходят качественные изменения в материализации научных знаний. Фактически Н.Д. Кондратьев показал, что циклический характер внутреннего развития производительных сил связан с реорганизацией производственных отношений.

В структуре длинных волн выделяют фазы – нисходящую и восходящую волны, или фазы, а также – перелом, вершину.

Вершина – всплеск военной активности. Повышение цен, увеличение стоимости кредита, усиление инфляционных процессов. В политике – переход от поддержки массового спроса к стабилизации финансов.

Нисходящая фаза цикла – период изменения технологий и технологических структур производственной системы общества длительность 20 – 25 лет. В этот период происходят острые экономические кризисы малых и средних циклов. Характерной чертой такого кризиса есть несоответствие существующей системы экономических связей новой технологии. На понижающей волне создаются предпосылки для перехода к новым технологиям, что требует капиталовложений не только в перевооружение действующих производств, но и в возникновение принципиально новых

Восходящая фаза – это период длительного роста и научно-технического развития общества. Длительность 20 – 25 лет. Часто начинается с войны. В это время не исключаются и циклические кризисы с обновлением основных фондов. Это период массового распространения новых технологий, зарождение и развитие новых ведущих и даже базовых отраслей экономики. Повышательная волна связана с реорганизацией производственных отношений. Кредиты дешевы, предложение кредита превышает спрос, рост темпов инфляции, финансовая ситуация стабильна. Общая ориентация – на долговременный экономический рост [подробнее см.: 3, 4, 5].

С целью устранения возможных, к слову, достаточно распространенных заблуждений, поясним. Повышательная волна отнюдь не означает отсутствия кризисов, равно как и понижательная – подъемов. Имеется в виду, что общая, результирующая тенденция направлена либо на рост, либо на спад экономических показателей.

В настоящее время датировка кондратьевских циклов следующая, отметим, близкая к результатам исследования самого Н.Д. Кондратьева.

1 цикл – с конца 1780-х гг. до 1810-1817 гг. (повышательная волна), 1810-1817 гг. (понижательная волна).

2 цикл – с конца 1840-х гг. до начала 1870 гг. (повышательная волна), с начала 1870-х гг. до середины 1890-х гг. (понижательная волна).

3 цикл – с середины 1890-х гг. до 1914-1921 гг. (повышательная волна), с 1914-1921 гг. до середины 1940-х гг. (понижательная волна).

4 цикл – с середины 1940-х гг. до конца 1960-х гг. (повышательная волна), с конца 1960-х гг. до середины 1980-х гг. (понижательная волна).

5 цикл –с 1981-83 до ~2018 г. (прогноз)

6 цикл — с ~2018 до ~ 2060 (прогноз).[43]

Эвристическая ценность и проблемы циклов Кондратьева. Ценность теории длинных волн заключается в целом ряде аспектов. Во-первых, в возможности предсказать социально-экономические события. Во-вторых, выявить фундаментальные закономерности развития социально-экономической системы. В-третьих, позволяет синхронизировать внешне мало связанные между собой события и явления различной природы. Последнее обусловливается широкой междисциплинарностью циклов Кондратьева, связывающей их с множеством циклов и волн различной длины и различной природы (циклы смены поколений, волны внешней политики США, инновационные циклы и волны и др.).

Между тем, можно полностью согласиться с утверждением о проблематичности циклов Кондратьева [6]. Активное использование рядом экономистов, социологов, политологов, историков циклов Кондратьева в предсказании процессов долгосрочной динамики общественного развития находится в противоречии с тем, что не меньшее число экономистов не находят существование циклов достаточно обоснованным. Аргументация последних подтверждается, как минимум, двумя обстоятельствами.

Во-первых, результаты расчетов Кондратьева и ряда его последователей вызывают большие сомнения в связи с недостоверностью статистических методов оценки. Отметим, сам Н.Д. Кондратьев считал критику используемых им методов справедливой. В работе «Большие циклы конъюнктуры» он отмечал, что считать доказанным наличие циклов нельзя, но вероятность их существования велика. Проблема анализа данных объективна – статистика не может с достаточной степенью вероятности подтвердить наличие 50-летних циклов на временных отрезках в 100-150 лет.

Во-вторых, при расчетах Н.Д. Кондратьев рассматривал модель длинного цикла, согласно которой существует равновесие между основными капитальными благами (инфраструктурные сооружения, промышленные здания, квалифицированная рабочая сила и т.д.) и факторами, определяющими доминирующий способ производства (сырьевой базой и источниками энергии, ценами, занятостью и т.д.). Таким образом, сама множественность и разнохарактерность показателей порождает значительные трудности в интерпретации. Дальнейшее развитие теории Кондратьева еще более усложнило ситуацию. В разное время с разной силой проявлялись те или иные индикаторы, что весьма закономерно объясняется качественными изменениями мирохозяйственных процессов. При этом вдвойне не ясно, почему, многоаспектность и изменение характера глобальных процессов (следовательно, значимости самих индикаторов - так, в XIX в. волны проявлялись в уровне цен, а во времена Великой депрессии – уровне инфляции) не изменило ритмичности циклов. Почему повсеместно наблюдаемое явление ускорения экономических процессов («сжатие времени») не проявляется в кондратьевских циклах? До сих пор объяснения временной стабильности не найдено.

Некоторые современные российские исследователи склоняются к гипотезе смены поколений: «…циклы Кондратьева в отличие от циклов Жугляра близки к действительно периодическим процессам; длительность одного цикла составляет в среднем от 50 до 55 лет…Это явно указывает на не совсем понятную связь циклов Кондратьева с поколениями людей…» [6]. Отметим, во второй половине XX в. теория смены поколений отображается в значительном количестве работ не только исторического, политологического, но и чисто экономического

[43] Соотношение между кондратьевскими волнами и технологическим укладами следующее. 1-й цикл — текстильные фабрики, промышленное использование каменного угля; 2-й цикл — угледобыча и черная металлургия, железнодорожное строительство, паровой двигатель; 3-й цикл — тяжелое машиностроение, электроэнергетика, неорганическая химия, производство стали и электрических двигателей; 4-й цикл — производство автомобилей и других машин, химической промышленности, нефтепереработки и двигателей внутреннего сгорания, массовое производство; 5-й цикл — развитие электроники, робототехники, вычислительной, лазерной и телекоммуникационной техники; 6-й цикл — возможно, NBIC-конвергенция (конвергенция нано-, био-, информационных и когнитивных технологий).

характера. Однако даже поверхностный анализ свидетельствует о существенных расхождениях в моделях жизненного цикла, в том числе, и в датировках. Так, в ряде исследований считается, что политическая и экономическая жизнь поколения составляет 40-50 лет [7], другие – около 30 лет (по К. Манхейму), несколько иные датировки присутствуют в теории элит (В.Парето и др.). Во многом проблема датировки – это проблема индикаторов и данных, характеризующих жизнь поколения, существенно различающихся в исследованиях различных авторов.

В результате, так и хочется сделать вывод – создаваемые экономические модели объективны, поскольку экономикой движут объективные факторы, но создаваемые, в том числе, и субъективными причинами. Частично объясняет то, что сомневаются и обосновывают кондратьевские циклы одни и те же люди.

Но, несмотря на обоснованные сомнения в аргументации длинных циклов, тем не менее, реальные события свидетельствуют о целесообразности их учета в прогностических работах. Достаточно вспомнить, на основании своих расчетов, Н.Д. Кондратьев сделал долгосрочный прогноз до 2010 года, предсказав, в частности, Великую депрессию 1930-х годов и современный кризис. Отметим, что последнее событие инициировало всплеск интереса к Кондратьевским циклам в американских исследованиях последних двух лет.

Циклы Кондратьева и развитие СССР послевоенного периода. Что касается поисков циклов Кондратьева в России, то здесь возникает целый ряд проблем.

Во-первых, длинные циклы требуют достаточно длинных временных трендов (желательно, не менее 150 лет). Во-вторых, данные должны быть относительно однородны, сопоставимы между собой в исследуемом временном периоде. В-третьих, в XX в. России сменилось три качественно отличные формации. Причем в течение советского периода страна пережила 20 лет гражданской войны, интервенцию, вторую мировую войну и периоды восстановления народного хозяйства.

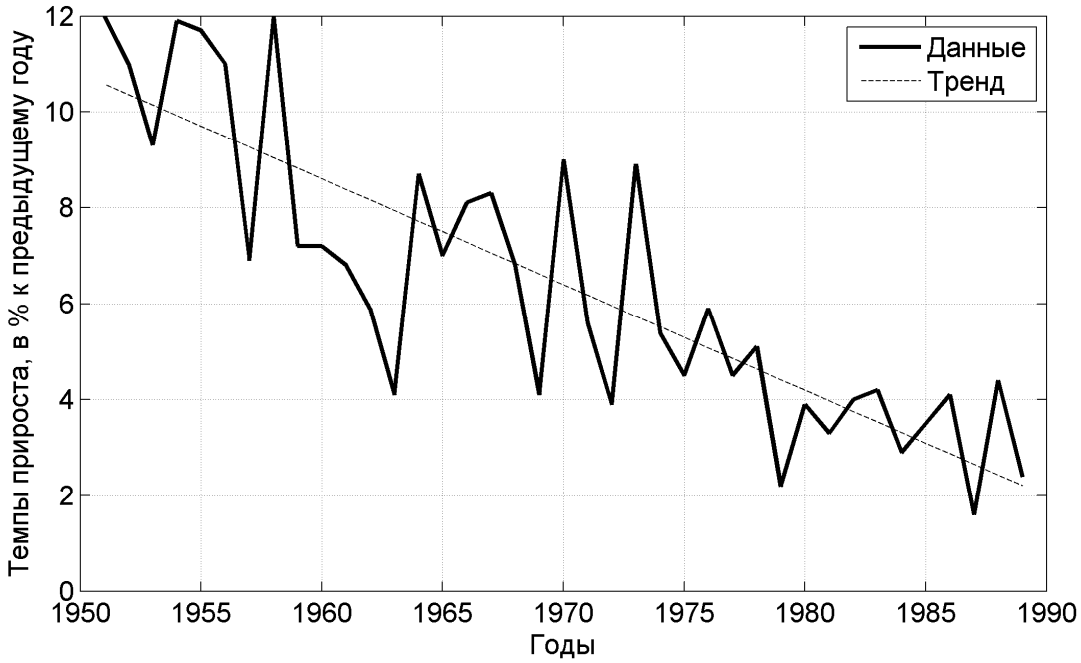

Рис.1. Динамика произведенного национального дохода СССР[44]

Таким образом, относительно стабильный период выделяется где-то с 1950-х гг. Очевидно, что этого отрезка недостаточно для выделения длинных циклов. Соответствие (несоответствие) мирохозяйственных процессов и экономической динамики в СССР возможно только сопоставлением более коротких, частных процессов, то есть, с помощью составляющих циклов

[44] Источники данных [8, 9, 10].

Кондратьева. Эти процессы обсуждены в работах [11, 12]. Некоторые частные экономические и институциональные проблемы современности в сопоставлении с общемировыми тенденциями обсуждались в работах [13, 14, 15].

Тем не менее, посмотрим, что можно извлечь из анализа даже относительно короткого временного ряда. Отправной точкой для построения концепций циклов служит неравномерность темпов роста важнейших макроэкономических показателей. Из анализа динамики произведенного национального дохода СССР[45], представленного на рисунке, явственно видно, что в течение послевоенного периода не наблюдалось отрицательного прироста показателя. Таким образом, говорить о «чистых» циклах не представляется возможным. Отметим, что советологи при применении циклического подхода к исследованию социалистических стран именуют процессы «квазициклическими», либо теориями «циклоподобных колебаний». В результате типичной чертой циклов при социализме является то, что они носят двухфазный характер (ускорение-замедление), а не классическую форму (кризис, депрессия, оживление, подъем). Это первая особенность. Фактически свидетельствует о том, что государственное регулирование в административно-командной системе способно обеспечить рост объемных макроэкономических показателей в длительном периоде.

Вторая особенность заключается в том, что наблюдается существенная амплитуда колебаний роста. Очевидно, что связывать эти колебания с кондратьевскими циклами, учитывающими динамику инноваций, технологических укладов, нецелесообразно. Эти колебания обусловлены внутрисистемными причинами. Скорее всего, здесь нужно искать связь между инвестициями, капитальными вложениями. Возможно, целесообразно исследовать соотношения: темпы роста промышленности и инфраструктуры, динамику доходов на душу населения, соотношение между темпами роста производства средств производства и производства предметов потребления и т.д.

Третья особенность проявляется в нисходящей траектории тренда темпов национального дохода (см. линию тренда на рисунке). Во многом обусловлено восстановительными процессами после Великой отечественной войны.

Четвертая особенность состоит в том, что ожидаемых ярко выраженных пятилетних циклов, связанных с 5-летним характером планирования не прослеживается. Для выявления циклоподобных колебаний целесообразно воспользоваться спектральным анализом. Ожидаемый короткий характер выделяемых циклов диктует целесообразность проведения отдельного исследования.

Подводя итоги, можно отметить следующее.

Циклы Кондратьева весьма затруднительно найти в статистических данных России. Значительная ценность длинных циклов мировой конъюнктуры для познания глубинных процессов, влияющих и определяющих макроэкономическую динамику, свидетельствует о необходимости поиска соответствий (несоответствий) социально-экономических явлений России с мирохозяйственными процессами. Для познания длины и причин колебаний показателей экономического развития России требуются дополнительные исследования

Литература

1. Википедия // Режим доступа http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2_%D0%9D.
2. Макиавелли Н. История Флоренции. М.: Наука, 1981. С.174.

[45] Национальный доход – вновь созданная в отраслях материального производства стоимость. Иными словами, это часть валового общественного продукта, остающаяся за минусом потребленных в процессе производства средств производства.

3. Фомина А.В. Циклы Кондратьева в экономике России. М.: Межд. Фонд Кондратьева, 2005. – 146 с.
4. Кондратьев Н.Д Избранные сочинения. Вступ. статьи Л.И. Абалкина. Ю.В Яковца. Отд-ние экономики АН СССР М.: Экономика, 1993.
5. Теоретические основы политэкономии // Режим доступа: http://wm3-web.ru.
6. Цирель С.В. Кондратьевские циклы и эффективность экономической политики // Режим доступа: http://www.econorus.org/consp/files/vix4.doc
7. Полетаев А.В., Савельева И.М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М.: Наука, 1993.
8. Народное хозяйство СССР: 1922-1972: Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1972. – С.56.
9. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. – С.58.
10. Народное хозяйство СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. – С.8.
11. Скуфьина Т.П. Региональное развитие России в контексте глобальных процессов // Пространственная экономика.– 2007. - № 4. – С.26-39.
12. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Значение развития комплекса «Наука-Образование-Инновации для России и ее северных субъектов // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2008. - №1. – С.5-11.
13. Баранов С.В. О возможностях и некоторых проблемах инновационного развития: региональный аспект // Креативная экономика. – 2009. - №4. – С.81-86. (0,26 п.л.).
14. Залкинд Л.О., Серова Н.А., Дидык В.В. Опыт законодательного регулирования регламентации механизма согласования интересов при реализации инвестиционных проектов // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2006. - №1. - С. 100 – 109.
15. Серова В.А. Особенности формирования транспортно-логистических систем в Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2008.- № 1. - С. 164-169.

References

1. Wikipedia. Access mode: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2_%D0%9D.
2. Machiavelli N. History of Florence. M.: Nauka, 1981. P. 174.
3. Fomina A.V. Kondratiev cycles in the economy of Russia. M.: International Kondratiev foundation, 2005. – 146 p.
4. Kondratiev N.D. Selected works. Introduction by L.I. Abalkin, Yu.V. Yakovets. Department of economics of the USSR Academy of sciences. M.: Ekonomika, 1993.
5. Theoretical bases of political economy // Access mode: http://wm3-web.ru.
6. Tsirel S.V. Kondratiev cycles and efficiency of economic policy // Access mode: http://www.econorus.org/consp/files/vix4.doc
7. Poletaev A.V., Savelieva I.M. Kondratiev cycles and capitalism development. M.: Nauka, 1993.
8. National economy of the USSR: 1922-1972: Jubilee statistical year-book. M.: Finances and Statistics, 1972. – P. 56.
9. National economy of the USSR for 70 years: Jubilee statistical year-book. M.: Finances and Statistics, 1987. – P. 58.
10. National economy of the USSR. M.: Finances and Statistics, 1991. – P. 8.
11. Skufina T.P. Regional development of Russia in the context of global processes // Spatial economy. – 2007. – No.4. – P. 26-39.

12. Baranov S.V., Skufina T.P. Significance of developing the complex “Science – Education – Innovations” for Russia and its northern regions //North and Market: Formation of economic order. – 2008. – No. 1. – P. 5-11.
13. Baranov S.V. On potentialities and some challenges of innovation development : regional aspect // Creative economy. – 2009. – No. 4. – P. 81-86.
14. Zalkind L.O., Serova N.A., Didyk V.V. Practice of legislative regulation of the interests conciliation mechanism when carrying out investment projects // North and Market: Formation of economic order. – 2006. – No. 1. – P. 100-109.
15. Serova V.A. Specificity of forming transport-logistic systems in the Russian Federation // North and Market: Formation of economic order. – 2008. – No. 1. – P. 164-169.

МОРСКИЕ БИОРЕСУРСЫ – ИСТОЧНИК ВОСПРОИЗВОДСТВА ОСНОВНЫХ ФОНДОВ В РЫБНОЙ ОТРАСЛИ

Васильев А.М.
доктор экономических наук,
заведующий отделом экономики морской деятельности в Арктике
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассматривается состояние промыслового флота, возможности строительства новых судов в России и за рубежом, и использования квот ценных биоресурсов в качестве источника финансовых средств для оплаты строительства и залога.

Ключевые слова: Океаническое рыболовство, флот, морские водные биоресурсы, строительство судов.

SEA BIORESOURCES – A SOURCE OF REPRODUCTION OF FIXED ASSETS IN THE FISHING INDUSTRY

Vasiliev A.M.
Doctor of economic sciences
head of department of economy of marine activities in the Arctic
Luzin Institute of economic issues
Kola Science Centre of RAS

Abstract

There are considered the condition of the fishing fleet, possibilities for building new vessels in Russia and abroad and using the quotas for valuable biological resources as a financial source for paying the construction and guarantee.

Key words: ocean fishing, fleet, sea water biological resources, vessel building.

Океанический промысловый флот Мурманской области в 2008г. состоял из 182 единиц, в том числе из 11 ед. (6,0%) супертраулеров, 16 ед. (8,8%) больших морозильных траулеров (БМРТ), 122 ед. (67,0%) средних морозильных судов, 14 ед. (7,7%) средних рефрижераторных траулеров, 12 ед. (6,6%) ярусоловов, 6 ед. (3,3%) краболовов и 1 ед. (0,6%) гребешколовов (таблица 1).

Таблица 1

Состав океанического промыслового флота Мурманской области

Тип судна	Длина наиб., м	Кол-во, ед.			
		1980	1990	2007	2008
1. Крупные суда	113,3-120,4	12	27	11	11
1.1 Рыболовный траулер морозильно-консервный-супер типа «Моонзунд» (РТМК-С)	120,4	-	10	10	10
1.2 Рыболовный траулер морозильно-консервный-супер типа «Горизонт» (РТМ-	111,3	12	17	1	1

С)					
2. Большие морозильные рыболовные траулеры разных типов (БМРТПТ)	81,0-107,0	141	118	16	16
3. Средние морозильные траулеры	45,0-69,0	10	61	131	122
3.1 Средний рыболовный траулер морозильный разных типов (СРТМ)	54,0-69,0	10	41	87	83
3.2 Траулер-сейнер морозильный типов «Оболонь» и «Орленок»	62,25	-	20	22	19
3.3Морозильный траулер типа «Баренцево море» (МТ)	69,8	-	-	3	2
3.4 Средний рыболовный траулер проекта 2198	45,0	-	-	4	4
3.5 Сейнер-траулер типа «Альпинист» модерн.		-	-	11	11
3.6 Бербоут-чартерные	45,0	-	-	4	3
4 Средние рефрижераторные траулеры	43,7-69,0	75	63	14	14
4.1 Посольно-свежьевой траулер типа «Баренцево море» (ПСТР)	59,0	13	38	7	6
4.2 Сейнер-траулер рефрижераторный типа «Альпинист» (СТР)	53,7	15	14	-	-
4.3 Рыболовные траулеры разных типов (РТ), средние рыболовные траулеры типа «Океан», «Бологое», «Саргасса» (СРТ)	43,7-59,2	-	-	5	7
4.4 Наливные	69,2	-	-	2	1
4.5 Бербоут-чартерные		47	11	-	-
5 Ярусоловы	47,0-59,0	-	-	13	12
6 Краболовы		-	-	4	6
7 Гребешколовы	80,5	-	-	1	1
Всего		238	269	190	182

Кроме этого в эксплуатации находится 78 малых судов разного типа для прибрежного промысла.

Средний возраст океанических судов Мурманской обл. составляет ~ 24,6 лет. Если сравнивать с северными странами с развитым рыболовством, то различие незначительное: в Норвегии и Дании флот старше, соответственно, на 1,6 и 4,5 года, в Великобритании и Исландии – моложе на 4,6 и 3,1 года. Однако, производительность промысла (вылов на 1 рыбака, в названных странах выше, чем у мурманских рыбаков; в Дании – в 2,2 раза, в Исландии – в 3,9 раза, в Норвегии – в 2,4 раза, а если сравнивать с общероссийским уровнем, то различие достигает 7-12 раз. Таким образом, при примерно равном возрасте, рыболовный флот северных стран Европы, работающий в примерно равных условиях, намного эффективнее российского. Следовательно, основные причины низкой эффективности эксплуатации российских судов заключаются в другом.

Основным фактором превосходства зарубежных рыболовный судов названных стран является наличие модернизационных ремонтов, в ходе которых на многих из них были заменены главные двигатели, добывающие комплексы, рыбоперерабатывающие и радионавигационное оборудование. Об этом свидетельствуют траулеры, приобретенные мурманскими судовладельцами в последние годы. Поэтому многие из этих 45 судов солидные по возрасту корпуса, но относительно молодые по оборудованию.

Следующим по значимости фактором, влияющим на производительность судов, по нашему мнению, является «распыление» квот ценных биоресурсов среди многочисленных

судовладельцев, вследствие чего промысловый потенциал добывающего флота используется в среднем не более, чем на 70% [1]. Например, на Северном бассейне 98 судовладельцев из 175 имеют 1 траулер, 43 – имеют по 2 судна (в действительности ситуация несколько иная, так как в прежние годы крупные и средние организации искусственно дробились в целях получения льготы по налогу на прибыль. Однако факт имеет место).

Сказывается на уровень использования судов расположение районов промысла от мест реализации уловов, а также вид используемых орудий лова и структура флота. Ввиду больших затрат времени на переходы, российские траулеры на Европейском Севере меньшую часть рейсооборота используют на лову. Что касается орудий лова, то российские суда не используют кошельки, которые на добыче массовых пелагических видов рыб в несколько раз выгоднее тралов. С помощью ярусов добывается лишь около 5% общих объемов трески и пикши (за рубежом 40% и более).

Изложенная ситуация с добывающим флотом не мешает наращивать общий вылов морских гидробионтов как в целом по стране, так и на Северном Бассейне. Этому способствует хорошее состояние промысловых стад трески и пикши на Северном Бассейне, лососевых, минтая и других видов рыб на Дальнем Востоке. Однако, на Европейском Севере два года подряд не освоены квоты мойвы (2009-2010гг.), что послужило причиной их уменьшения для России; почти не ведется добыча сайки. Эти объекты при использовании имеющихся судов и орудий лова низкорентабельны и мало интересуют владельцев судов. Кроме этого, сайка трудно реализуема. На Дальнем Востоке также наблюдается не освоение промысловых запасов сайры, трески и других видов рыб.

Неудовлетворительное состояние флота, не полное освоение промысловых запасов вызывает тревогу у руководства Федерального агентства по рыболовству. Основной довод в необходимости массового обновления флота – его старение. Судовладельцы тоже не возражают против строительства новых судов, хотя и заявляют, что «железа» для обеспечения уловов на нынешнем уровне хватит до 2020 года.

В сложившихся условиях, когда и «верхи и низы хотят, но не знают как», ведется дискуссия по поводу типов новых судов, мест строительстве (в России или за рубежом), финансовых схем оплаты и других вопросов, в том числе изложенных в «Проекте Концепции обновления рыбопромыслового флота на 2010-2020 годы», разработанной ОАО «Гипрорыбфлот» [1]. Различные предложения обсуждаются на совещаниях под эгидой Росрыболовства в целях включения их в «Стратегию развития рыболовного судостроения в Российской Федерации на период 2010-2020гг.».

Поскольку основным источником финансовых средств для оплаты строительства судов являются доходы от добычи биоресурсов, то одним из острых вопросов является разработка финансового механизма их целевого аккумулирования и использования. В Западных странах существуют различные схемы поддержки судостроения – субсидии, гарантийные фонды, лизинг, льготные кредиты и тому подобное, но основным плательщиком является заказчик, в качестве которого выступает будущий судовладелец.

Правительство России, по нашему мнению, намеревалось также идти по этому пути. В целях создания благоприятных финансово-экономических условий для инвестирования с 1 января 2008г. Были уменьшены ставки за пользование водными биологическими ресурсами (ВБР) со 100% до 15%, а для организаций доставляющих рыбопродукцию на территорию Российской Федерации – до 10%. С 1 января 2009г. Налоговая ставка по налогу на прибыль уменьшена с 24% до 20%.

В соответствии с Федеральным Законом №333-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов" с 1 января 2009г. рыбодобывающие организации, численность работников которых не превышает 250 чел., получили право перехода на Единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) [5]. Принятие закона позволяет уплачивать единый налог в размере 6% с полученной прибыли, заменяющий налог на

прибыль, имущество и ЕСН. Кроме этого, организации и индивидуальные предприниматели, являющиеся налогоплательщиками ЕСХН, не признаются налогоплательщиками налога на добавленную стоимость. Проведенный нами анализ выявил, что налоговые платежи в бюджетную систему РФ от предприятий, основной вид деятельности которых «Рыболовство рыбоводство» в 2009г. уменьшились, по сравнению с 2007г., на 45%. Это при том, что общий вылов увеличился на 10,7%, в том числе трески и пикши – на 24,0%.

Важным для улучшения инвестиционного климата является увеличение с 2009г. периода наделения долями квот с 5 до 10 лет и обещание довести его до 15 лет.

Предпринятые меры по стимулированию процесса воспроизводства основных фондов пока результатов не дали (таблица 2)

Таблица 2

Инвестиции в основной капитал организаций[1)] по видам экономической деятельности

	2005	2006	2007	2008	2009
Миллионов рублей					
Рыболовство	669,2	773,4	644,3	367,6	208,1
Рыбоводство	9,8	1,4	0,3	0,8	15,4
Переработка и консервирование рыбо- и морепродуктов	22,2	5,1	11,4	45,7	16,0
В % к общему объему по области					
Рыболовство	3,8	3,6	2,7	0,9	0,5
Рыбоводство	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
Переработка и консервирование рыбо- и морепродуктов	0,1	0,0	0,0	0,1	0,0

[1)] *Без субъектов малого предпринимательства, а также без затрат на приобретение имущества на условиях финансового лизинга.*

Основными причинами отсутствия должной реакции на мероприятия Правительства по стимулированию инвестиционного процесса, по нашему мнению, являются:

Во-первых, наличие еще достаточных добывающих мощностей, обеспечивающих высокую рентабельность промысла в созданных экономических условиях. В докладе Губернатора Мурманской области Дмитриенко Д.В. при визите Президента РФ Медведева Д.А. в Мурманск в 2010г. названа цифра в 38,6% в 2009г. (по данным Облстата рентабельность рыболовства в 2009г. составила 22,4% [3]). Эффективность добычи трески и пикши в 2-3 раза выше.

Во-вторых, большой риск не окупаемости финансовых вложений как со стороны природных факторов, так и со стороны институциональных. Известно, что запасы трески изменяются с периодичностью в 11-12 лет и срок их уменьшения в приближается. Возможно, что он отодвинется в связи с потеплением Океана, но такая вероятность существует. Вторая причина риска – у владельцев квот нет уверенности, что Правительство РФ не предпримет каких-либо мер по изменению порядка наделения биоресурсами. Например, существует мнение, что Правительство может начать выделять квоты под вновь строящиеся суда. В этом случае объем долей значительно уменьшится [4].

В третьих, большинство судовладельцев находится в ожидании прояснения ситуации с возможностью строительства траулеров за рубежом. Пока это не поощряется, но и не наказывается и Росрыболовство не объявляло о возможности использования каких-либо мер против организаций, строящих суда за границей, или о стимулировании строительства в России. Однако понятно, что в такой ситуации большинство предпочтет строить траулеры в других странах: стоимость, по крайней мере, не выше; сроки – короче, качество выше, ставки кредитов – ниже, залоговое имущество не требуется. И пока суть да дело, строительство 3-4 траулеров за рубежом уже началось.

В четвертых, для получения кредита в банках России, как правило, требуется залоговое имущество, которого большинство рыбодобывающих фирм не имеет. Выход из тупикового положения предлагается в придании долям биоресурсов залогового (стоимостного) качества. Например, М.С. Минасян предлагает выписывать на доли ценные бумаги – сертификаты, которые можно продавать и покупать на фондовом рынке, а также закладывать в банки [2]. Такой точки зрения придерживается большинство владельцев судов. Однако, сложность осуществления этого предложения заключается в том, что биоресурсы принадлежат государству, а рыбодобывающие организации сплошь частные. Вторая причина невозможности придания долям залогового качества кроется в том, что натуральный и денежный объемы долей ежегодно меняются в зависимости от состояния биоресурсов. За 5-ти, 10-ти летний период строительства и окупаемости судна долевые сертификаты могут потерять свою ценность.

В пятых, для получения и обслуживания кредита требуется иметь минимальный объем квот: для строительства малого судна – 1000-1500 т. ценных гидробионтов, среднего - ~ 5000 т. также ценных видов рыб и для приобретения большого траулера для добычи пелагических видов рыб – 10000-15000 т. Добывающих организаций, наделенных квотами около 5 тыс.т. и более на Северном бассейне насчитывается около 9, а в Мурманской области 7.

Самым проблемным вопросом, по нашему мнению, в настоящее время, является налаживания строительства траулеров в России. И в решении его не обойтись без «кнута и пряника».

Выше было сказано, что Правительство РФ уже много сделало для создания благоприятных условий для функционирования российского рыболовства. Например, налоговое бремя (без учета ЕСН) составляет в среднем 4-6 коп./руб. и является одним из самых низких в стране. (Этот уровень налогообложения сопоставим с норвежским). Однако полагаем, что налоговое реформирование надо довести до логичного конца, предоставив возможность переходить на ЕСХН и крупным организациям. Как правило, именно они занимаются добычей пелагических (менее ценных и выгодных) видов рыб и поэтому находятся в худших экономических условиях. Рентабельность промысла (отношение валовой прибыли к себестоимости) у них в сравнении с добычей трески и пикши, в 2-3 раза ниже. Кроме этого, существующее ограничение для перехода на ЕСХН (численность не более 250 человек) препятствует укрупнению организаций, в чем рыболовство крайне нуждается. Наличие в океаническом рыболовстве предприятий с одним траулером типа СРТМ и квотой в 300-500 т недопустимо. Они или должны уйти на прибрежный промысел, приобретя малое рыболовное судно, или объединиться в альянс и оптимизировать соотношение: рыбодобывающая мощность (потенциал) – наличие квот. Этот процесс целесообразно срочно стимулировать, запретив освоение квот арендуемыми судами.

Наряду с льготным налогообложением и снижением платы за биоресурсы, при строительстве судов в России будут осуществляться субсидирование кредитных ставок, льготный лизинг, обнуление пошлин на импортное оборудование [1].

Анализ условий строительства судов за рубежом и в России показывает, что этого для привлечения инвесторов (владельцев квот) на российские верфи будет недостаточно. Вероятно потребуются дополнительные меры по стимулированию и принуждению. Из них можно рассматривать дополнительное наделение квотами при строительстве судов в России и увеличение платы за биоресурсы до 100% для тех, кто будет строить траулеры за рубежом. Состояние запасов трески и пикши в Баренцевом и Норвежском морях в ближайшие годы, по данным ПИНРО, будет хорошим, что позволит дополнительные объемы квот направить на стимулирование строительства судов в России.

В заключении остановимся на вопросах промыслового вооружения на новых судах. Как известно, океанические рыболовные суда Северного бассейна ~ 95% общего лова осуществляют с помощью тралов. В других странах Европейского Севера, в том числе в Норвегии, широко применяются нетраловые методы лова. В свете рекомендаций FAO и Фонда Дикой природы

использование большинства нетраловых орудий лова можно считать перспективным направлением. Поэтому при строительстве новых судов целесообразно предусматривать многоцелевое промысловое вооружение. Это актуально и с точки зрения ведения промысла в Норвежской экономической зоне и в Медвеженско-Шпицбергенском районе. Ибо существует вероятность того, что норвежские власти будут ограничивать ведение промысла с помощью тралов.

Литература

6. Краткое изложение основных положений концепции обновления рыбопромыслового флота на 2010-2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fishnews.ru/rubric/obnovlenie-flota/2285
7. Минасян М.С. Рыбный бизнес и власть: пора договариваться // Рыбные ресурсы. – 2004. - №1(6).- С. 2-7
8. Рыбохозяйственный комплекс Мурманской области / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области / Мурманскстат, 2010 – 36 с.
9. Совещание в Российском Союзе промышленников и предпринимателей // Рыбные ресурсы. – 2010. - №4. – С. 34-38
10. Федеральный закон о внесении изменений в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nalog.consultant.ru/doc82297.html

References

6. Brief description of the main principles of the conception of the fishing fleet renovation for 2010-2020 [Electronic resource]. – Access mode: http://fishnews.ru/rubric/obnovlenie-flota/2285
7. Minasyan M.S. The fishing business and the power: time to agree // Fishing resources. – 2004. – No. 1 (6) – P. 2-7
8. The fishing complex of the Murmansk region / Federal service of state statistics, the territorial body of the Federal service of state statistics in the Murmansk region / Murmanskstat, 2010 – 36 p.
9. Meeting in the Russian Union of industrialists and entrepreneurs // Fishing resources. – 2010. – No.4. – P. 34-38
10. Federal law on changes in the Federal law “On Fisheries and conservation of water biological resources” and other legislative acts of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: http://nalog.consultant.ru/doc82297.html

СОГЛАШЕНИЕ О РАЗДЕЛЕ ПРОДУКЦИИ ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ

Зерщикова Н.И.,
кандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела экономической политики
и хозяйственной деятельности в Арктике и районах Крайнего Севера
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН

В статье рассматриваются особенности использования соглашений о разделе продукции. Выявлены позитивные факторы применения соглашений в сложных добычных условиях. Представлена оценка преимуществ реализации соглашений на основе предоставления преференций.

Ключевые слова: соглашения, месторождения, инвестиции, преференции.

AGREEMENTS ON PRODUCTION SHARING ABROAD AND IN RUSSIA

Zershchikova N.I.,
Ph.D. (Econ.), Docent,
senior researcher of department of economic policy
and economic activities in the Arctic and regions of the High North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The article discusses the specificity of using production sharing agreements. Positive factors of using the agreements under complicated mining conditions are revealed. Evaluation of advantages of realization of the agreements on the basis of giving preferences is presented.

Key words: agreements, deposits, investments, preferences.

Одной из стран, впервые сформировавших концепцию раздела продукции в сфере добычи полезных ископаемых, была Индонезия. Закон 1899 г. "О добыче полезных ископаемых в Индии" определял права недропользования в Индонезии на основе концессионных соглашений. Концессии могли выдаваться на период до 75 лет, однако в практике этот период времени составлял 40 лет. Максимальное налогообложение прибыли от добычи полезных ископаемых равнялось 20%. Иностранные предприниматели, которые доминировали в сфере добычи нефти, также могли являться владельцами концессий. Особенности применения концессионных соглашений зарубежных стран представлены в табл. 1 [1].

Таблица 1

Особенности применения концессионных механизмов зарубежных стран

В странах СНГ
• слабо развитая законодательная база (во многих странах единый закон); • закон регламентирует отношения исключительно (в ряде стран) в области инфраструктурных концессий, концессии в области недропользования являются предметом регулирования соответствующего горного законодательства. (Украина и Казахстан); • разработка ряда нефтяных месторождений ведется на основании имеющих силу законов соглашений о разделе продукции, заключенных правительством фактически без опоры на какую-либо нормативную базу; • уровень развития нормативной инфраструктуры препятствует их успешной реализации соглашений; • в ряде стран концессии заключаются только с иностранными партнерами; • порядок заключения и функционирования концессий в области недропользования регулируется Указами Президента; • при исполнении концессионного соглашения приоритет отдается местным кадрам, в т.ч. в использовании оборудования и материалов; • концессионеры обязаны страховать предпринимательские и экологические риски; • используются типовые тексты концессионных соглашений (так называемые модельные контракты).
В развивающихся странах
• для реализации концессионного соглашения создается государственная компания, сочетающая в себе функции органа государственной власти и коммерческой организации (три участника - государство, компания, концессионер); • условия каждого концессионного соглашения рассматриваются парламентом и принимаются в форме специального закона; • концессионные проекты обеспечивают приоритетные сферы деятельности; • отсутствуют потребности в каких-либо прямых государственных гарантиях; • при использовании высокотехнологичного оборудования создается кадровая база из местных граждан, для передачи им необходимых знаний и навыков.
В развитых странах
• высоко развитая система законов, правовой инфраструктуры и государственных институтов;

- "концессия" имеет исключительно административно-правовую природу и высокую степень вмешательства административных органов власти в деятельность концессионера;
- законодательство в области недропользования складывается как из ряда федеральных законов, так и из регионального законодательства;
- имеется возможность существования частной собственности на недра. Однако данная частная собственность является предметом большого числа изъятий и ограничений;
- проводится сертификация месторождения в административном органе (например, Геологическое управление), которое рекомендует размеры ренты, роялти и связанные с ними платежи;
- концессионер с согласия соответствующего органа может переуступить возможность осуществления прав по концессии (фактического осуществления добычи) специализированной добывающей компании, сохранив за собой часть доходов от добычи;
- может присутствовать требование о том, что добытые жидкие углеводороды должны оставаться на собственной территории (США);
- осуществляется контроль над соблюдением многочисленных норм в области экологии, охраны труда.

В 1949 г. Индонезия в результате подписания Гаагского договора приобрела государственный суверенитет, который распространялся и на полезные ископаемые территории. Правоотношения в сфере добычи полезных ископаемых регулировали поиск и добычу твердых минеральных полезных ископаемых, а также поиск и добычу нефти и природного газа.

На смену концессии приходят договоры подряда. Индонезийская нефтедобыча того периода находилась в тяжелейшем состоянии: инфраструктура большинства месторождений была практически полностью разрушена во время Второй мировой войны. Остро ощущался дефицит инвестиций в эту сферу народного хозяйства. Ограниченно применялись новые технологии в сфере поиска и добычи нефти. Нефтедобыча проводилась исключительно для государственных нужд. Первые нефтяные договоры двух иностранных компаний (американской и канадской) заключались не между государством и иностранным инвестором, а между инвестором и компанией "P.T. Permina". В дальнейшем было подписано первое СРП со стороны государства и иностранными компаниями.

Иностранные предприятия инвестировали средства в проект, в обмен на это они получали оговоренную договором часть добытой продукции. Механизм раздела продукции сохранял сырьевой национализм. В СРП предусматривалась возможность раздела продукции уже после компенсации подлежащих возмещению сумм. Инвестор обязывался вносить в государственную казну платежи за каждую добытую единицу сырья, а также часть прибыли за вычетом понесенных затрат и остатка дебита предыдущих лет. Правительство, в свою очередь, могло потребовать от инвестора вместо уплаты вышеобозначенных платежей часть добытой нефти, если у государства на тот момент возникала потребность в данном виде сырья. Такая замена осуществлялась только в строго определенных случаях и при определенных условиях. Раздела продукции не происходило, а практика развивалась по пути уплаты инвестором определенных денежных сумм в казну государства. Компетенция по организации и осуществлению мероприятий по разработке и оформлению СРП передавалась Правительству. Министр горной промышленности подписывал соглашения по разрешению Правительства. Правила игры оговаривались в проекте СРП.

В 1966 г. между государственным предприятием "Permina" и "ПАРСО" было подписано соглашение о разделе продукции, в котором речь шла о реализации проекта в северо-западной части шельфа моря Ява. Это был первый проект на шельфе Индонезии. Данное соглашение заключалось на 30 лет и содержало оговорку, что оно может быть расторгнуто со стороны инвестора, если в течение 10 лет не будет обнаружено месторождения нефти (отменительное условие). Если в том была необходимость, обе стороны договора получали возможность расторгнуть соглашение в письменном виде в течение 90 дней.

Эксплуатационные расходы могли при этом ежегодно возмещаться в пределах, не превышающих 40% ежегодной добычи. Превышение эксплуатационных расходов компенсировалось в последующие годы, до тех пор, пока сумма компенсации не достигала 40% от добытой в том году нефти (так называемой прибыльной нефти). Добытая нефть, которая использовалась для погашения эксплуатационных расходов, получила название "компенсационная нефть". Прибыльная нефть распределялась следующим образом: "ПАРСО" получала 35%, "Permina" - 65%. Составлялся план транспортировки. "ПАРСО" получала право в соответствии с соглашением на часть добытой нефти. Раздел осуществлялся в процессе транспортировки.

В некоторых соглашениях предусматривался бонус от произведенной продукции, который инвестор обязан был уплачивать государственной нефтяной компании в случае достижения

определенного объема добычи нефти в течение определенного периода. Бонус при достижении определенного уровня добычи должен был уплачиваться не чаще одного раза в год. Компенсационный бонус уплачивался в пользу государственной нефтяной компании за предоставляемую инвестору геологическую информацию. Фактически это был бонус, уплачиваемый в момент подписания соглашения. Сумма бонусов была предметом переговоров и закреплялась в соглашении. Первоначально платежи осуществлялись в долларах США, позднее предусматривалась возможность уплаты платежей и в других валютах.

Если месторождения нефти обнаружены не были, по соглашению предусматривался отказ стороны от четверти территории предоставленной для разведки после трех и шести лет после заключения договора. Отсрочка добровольного отказа была возможна посредством выплаты бонуса. Данное условие препятствовало прекращению действий поиска и разведки полезных ископаемых после обнаружения месторождения. Механизмом гарантирования инвестиций в соглашениях выступала оговорка о третейском суде. Президент Женевского земельного суда должен был назначить третейского судью. Стабилизационная оговорка не была предусмотрена в индонезийских договорах СРП.

СРП в Индонезии представляло собой пример договора, который испытывал на себе влияние национального индонезийского законодательства, вследствие чего он не был совершенным. На основании одинаковых интересов государства и инвестора на первое место выходила реализация проекта, т.е. в интересы обеих сторон входило начало работ по добыче полезных ископаемых в самые ближайшие сроки. Несовершенства соглашения должны были быть учтены в последующих СРП и не должны были препятствовать реализации проекта в целом [10].

В мировой практике существует масса исторически сложившихся и, как следствие, разработанных впоследствии методов и принципов раздела продукции, которые при всех достоинствах и недостатках направлены на урегулирование интересов государства и инвестора, решение различных экономических проблем. Среди форм согласования интересов хозяйствующих субъектов выделены и классифицированы наиболее значимые исторически сложившиеся СРП. Виды зарубежных СРП, классификация раздела прибыли представлены в табл. 2 [2].

Таблица 2

Виды зарубежных СРП		
прямой раздел	двухступенчатый раздел	трехступенчатый раздел «индонезийская» модель СРП
1. раздел всей продукции в определенных пропорциях	1. первая ступень - деление добытой продукции на компенсационную и прибыльную, 2. вторая ступень - деление прибыльной продукции между государством и инвестором	4. выделение из добытой нефти компенсационной, **5.** раздел прибыльной нефти, **6.** обложение корпоративным налогом доли инвестора в прибыльной нефти.
Типы СРП и классификация раздела прибыли		
Индонезийский	Перуанский	Ливийский
4. соотношение 65:35 принималось для концессий с добычей менее 100 тыс. баррелей в сутки (около 5 млн. т. в год), **5.** при более высоком уровне добычи нефть делилась в пропорции 67,5:32,5. **6.** в более поздних контрактах, например в соглашении с австрийской компанией «Пека ойл», применялось соотношение 73,75:26,25, в некоторых других контрактах - 70:30.	2. условия контрактов были в основном идентичны, 2. различия касались пропорций деления добычи, которые колебались в зависимости от уровня добычи (компания «Петроперу»): - 50:50 при добыче ниже 100 тыс. барр./сут.; - 49:51 при добыче от 100 до 200 тыс. барр./сут.; - 48:52 при добыче свыше 200 тыс. барр./сут.	3. для месторождений суши установлено соотношение 85:15, 4. для моря - 81:19.

С начала рыночных реформ в России было практически полностью обновлено все законодательство о природных ресурсах. Основой правового регулирования использования и

охраны каждого вида природных ресурсов являются либо один базовый законодательный акт, либо несколько таких актов. Об условиях регулирования горных правоотношений в Российской Федерации были принят федеральный закон: « Об иностранных инвестициях в РСФСР" в 1991 г. Основу законодательства о недрах (горного законодательства) составляют Закон Российской Федерации "О недрах", принятый 21 февраля 1992 г. и Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. "О соглашениях о разделе продукции". Поскольку в России весьма активно ведется эксплуатация полезных ископаемых недр континентального шельфа и исключительной экономической зоны, то 30 ноября 1995 г. был принят Федеральный закон "О континентальном шельфе Российской Федерации", а 17 декабря 1998 г. – Федеральный закон "Об исключительной экономической зоне Российской Федерации"**.**

В историческом развитии фактических соглашений в России можно выделить определенные этапы. Первый этап (зарождения), начался с появлением системы «откупов» в средние века; следующий этап – с 1918 г. до 1940 г., ознаменовавшийся действием в России концессионных соглашений, предусматривающих раздел продукции; в период с 1940 г. до 1991 г. советское государство фактически отменило действие отношений, связанных с частной собственностью; с 1991 г. по сегодняшний день – современный этап. Последний период характеризуется тем, что отношения в сфере раздела продукции на данном этапе урегулированы нормами специального законодательства и представляют собой правовые отношения по заключению и исполнению соглашений о разделе продукции.

Мировой опыт в сфере недропользования находит отражение в России и имеет свои российские особенности, среди которых необходимо отметить особенность следующего порядка. По оценкам специалистов, в 90-х годах численность производственного персонала в нефтедобывающей отрасли России выросла в два раза, в то время как добыча нефти снизилась более чем на 40%. Численность персонал а ExxonMobil составляет 120 тыс. человек, примерно столько же, сколько и в крупнейших российских компаниях. При этом ExxonMobil добывает нефти в два-три раза больше, а перерабатывает раз в 10 больше. Нефтяная скважина в США дает нефти в среднем приблизительно 1,5 т в сутки, в России — 8-10 т. Вместе с тем затраты на добычу нефти в Штатах лишь немногим больше, чем у нас [6].

Россия, вступив в начале 90-х годов прошлого века в условиях рыночной экономики, разработала не только специальное инвестиционное законодательство, но и специальный правовой режим добычи полезных ископаемых, прежде всего с привлечением иностранного капитала. Российская Федерация повторила путь развития стран, где, начиная с 60-х гг. XX в., в практике привлечения иностранных инвестиций в сферу освоения естественных ресурсов широкое распространение получили соглашения о разделе продукции, которые пришли на смену традиционным концессиям - предоставление иностранному инвестору специального, более благоприятного, а то и льготного режима хозяйствования при добыче полезных ископаемых, что объясняется стремлением стран-реципиентов обеспечить широкий приток капиталов извне. Соглашение о разделе продукции некоторыми специалистами признается разновидностью договора концессии в силу того, что оно является одновременно классической формой допуска частного капитала в сферу деятельности, исключительное право заниматься которой принадлежит государству, так как оно имеет суверенное право распоряжаться природными ресурсами.

Федеральный закон «О соглашениях о разделе продукции», вызывавший в недавнем прошлом многочисленные, зачастую излишне политизированные споры, перешел, наконец, в сферу практической реализации. Уже не стоит вопрос, нужен или не нужен Закон, решаются задачи привлечения инвестиций на базе предоставленных Законом широких возможностей. Расширяется перечень утвержденных законодательством объектов, по которым возможно заключение соглашений о разделе продукции [11].

При создании совместных предприятий активная роль отводится государству, как участнику соглашений о разделе продукции (СРП). На начальном этапе, когда месторождение мало изучено, отсутствует транспортная инфраструктура и технологии, подавляющее число государств создает специализированную национальную компанию. Эта компания принимает участие на всех этапах подготовки и реализации проектов. Впоследствии, по мере развития добычи, госкомпании постепенно теряют часть своих полномочий и приватизируются.

Развитие организационно-экономического механизма реализации совместных (и с иностранными инвесторами) проектов (прежде всего, в нефтедобыче) обуславливается формами

раздела продукции: прямой, двух/трех ступенчатый раздел; индонезийский / перуанский / ливийский тип СРП; концессии. Правовое обоснование принципов совместной деятельности при всех достоинствах и недостатках направлено на урегулирование интересов государства и инвестора в решении различных экономических проблем.

Любое государство старается установить свои приоритетные направления в развитии отдельных отраслей экономики, исходя из уровня экономического развития наиболее насущных целей и задач повышения благосостояния общества. Для Российской Федерации, находящейся с начала 90-х годов XX века в тяжелом социально-экономическом кризисе, в общем-то не было выбора в поисках привлечения крупных зарубежных капиталовложений. В тот период крупные иностранные инвесторы не хотели, да и сегодня не хотят заключать концессионные договоры, более предпочтительной формой освоения крупных месторождений они считают соглашения о разделе продукции.

Законы распространяют действие на российских и иностранных инвесторов. Иностранные инвесторы получают право пользования недрами на основании лицензии, полученной в результате участия в конкурсе или аукционе. Большая часть нефтегазовых месторождений на территории РФ осваивалась на основе системы лицензионного договора. Собственником полезных ископаемых в Российской Федерации является государство. Видами пользования недрами применительно к нефтегазовому сектору в соответствии с Законом являются поиск, разведка и добыча полезных ископаемых. Отношения между пользователем недр и государством, опосредованные лицензией, носят административный характер, что влечет за собой возможность одностороннего изменения их законодательной основы со стороны государства. Инвестор добывает полезные ископаемые и платит при этом налоги, к которым относится также так называемый НДПИ, т.е. налог, уплачиваемый за единицу добытой продукции. Устанавливается одинаковый правовой режим для иностранных и российских инвестиций с предоставлением иностранным инвесторам определенных преференций по сравнению с российскими инвесторами [11].

Президентом были изданы специальные указы: 1993 г. "О правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы в Российской Федерации", "Вопросы соглашений о разделе продукции при пользовании недрами", которыми обеспечивалось заключение соглашений о разделе продукции между иностранными инвесторами и Российской Федерацией в сфере поиска, разведки и добычи полезных ископаемых. Сохранность инвестиций гарантировалась введением оговорки о третейском суде и стабилизирующей оговорки. Добытая продукция, за вычетом сумм обязательных платежей и сборов, подлежала разделу между инвестором и РФ в процентном соотношении, установленном соглашением. Инвесторы при этом освобождались от уплаты разных налогов. На основании специальных указов Президента были заключены три СРП: "Сахалин-I", "Сахалин-II" в Охотском море и "Харьяга" в НАО. Указы прекращали свое действие с принятием специального закона, который был принят 30 декабря 1995 г. - Федеральный закон «О соглашениях о разделе продукции» и подписан Президентом РФ, в январе 1996 г. Закон с момента опубликования вступил в силу. Законом предусматриваются обязанность государства выдать лицензию и возможность передачи лицензии иностранным компаниям. Прежде государство имело право отказать в выдаче лицензии даже после подписания соглашения [3].

Для согласования отношений в системе недропользования между законом «О недрах» и заключенных СРП вносятся изменения в федеральный закон о СРП (1999 г. ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон « О соглашениях о разделе продукции»»). Только 30% разведанных и учтенных государственным балансом запасов полезных ископаемых подлежало разработке в рамках СРП. Правительство и Государственная Дума согласно поправкам в Законе принимает федеральный закон о перечне участков недр, право пользования которыми может быть предоставлено на условиях раздела продукции. За период с 1997 по 2003 год в перечень участков недр право пользования которыми может быть предоставлено на условиях раздела продукции вошло более тридцати месторождений нефти и газа, из которых значительную часть занимают месторождения морских территорий России.

В соответствии с Законом предусматривалось обязательство инвестора по размещению заказов на изготовление оборудования, технических средств и материалов, необходимых для геологического изучения, добычи и первичной переработки полезных ископаемых, в объеме не менее 70% общей стоимости таких заказов между российскими юридическими лицами или иностранными юридическими лицами, осуществляющими соответствующую деятельность и зарегистрированными в качестве налогоплательщиков на территории РФ. Требования к

приоритетному использованию оборудования и технических средств, изготовленных в Российской Федерации российскими компаниями, были ужесточены, что должно было способствовать развитию российской экономики и технологий [5].

Поправки, внесенные в Федеральный закон «О СРП» в январе 1999 г. наделяют органы власти субъектов Российской Федерации более широкими полномочиями по участию в соглашениях о разделе продукции. По небольшим месторождениям нефти (до 25 млн т), газа (до250 млрд мз), коренного золота (до 50 т), россыпного золота (до 1т), месторождениям иных полезных ископаемых, не относящихся к стратегическим или «валютным», нет необходимости принимать федеральный закон для включения этих месторождений в перечень объектов, по которым возможен раздел продукции. Достаточно решения Правительства РФ и органа власти субъекта Федерации [9].

В 2001 г. одним из основных изменений закона о СРП становится метод "прямого раздела" продукции, в соответствии с которым вся добытая продукция, без вычета компенсационной продукции, подлежала разделу между государством и инвестором согласно закрепленным соглашением пропорциям. Введение данной нормы должно было способствовать активизации процессов заключения СРП. Неуверенность инвестора при признании затрат, понесенных вследствие реализации проекта, была устранена, а возможность государства оказывать влияние в этой сфере была ограничена.

В июне 2003 г. в Налоговый кодекс РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми в Кодексе появилась новая глава 26.4 "Система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции". Выделение налогообложения СРП в отдельную главу еще раз продемонстрировало, что СРП является особым налоговым режимом. Принцип регулирования налогообложения и сборов в Российской Федерации посредством издания федеральных законов предусмотрен ч. 3 ст. 75 Конституции РФ. Под действие этого принципа подпадает также и налогообложение СРП. При этом речь идет об особом налоговом режиме, нормы которого не совпадают с общими принципами налогообложения. Но эти нормы не являются окончательными, как это следует из п. 1 ст. 13 ФЗ "О СРП". Данная статья отсылает не только к Налоговому кодексу РФ, но также и к другим нормам, регулирующим налогообложение в России. Некоторые правовые понятия определяются и конкретизируются не ФЗ "О СРП", а Налоговым кодексом РФ. Так, например, налоговый период, указанный в п. 1 ст. 8 ФЗ "О СРП", определяется в п. 1 ст. 55 Налогового кодекса РФ.

Отношения, возникающие в связи с геологическим изучением, использованием и охраной недр территории РФ устанавливаются на основе Закона РФ "О недрах", особенности отношений недропользования на условиях СРП устанавливаются ФЗ "О СРП". При этом ФЗ "О СРП" классифицируется как специальный закон по отношению к общему законодательству о недрах, состоящему преимущественно из Закона РФ "О недрах". Отношения, не урегулированные ФЗ "О СРП", регулируются законодательством РФ о недрах, другими законами и нормативными правовыми актами РФ. Данная норма еще раз демонстрирует специальный характер ФЗ "О СРП" по отношению к законодательству о недрах РФ.

В соответствии с изменениями законодательства 2004 г. согласительная комиссия по заключению соглашения создавалась не ранее чем через 6 месяцев после проведения аукциона на право пользования участком недр, указанном в перечне участков недр, право пользования которыми может быть предоставлено на условиях раздела продукции.

Необходимость привлечения иностранных инвестиций в индонезийскую экономику и, прежде всего в разведку полезных ископаемых, а также обеспечение гарантированных предпринимательских отношений развивает концессионные отношения в сфере недропользования до уровня подряда. В договорах подряда, содержащих в себе условия по осуществлению добычи полезных ископаемых, возможность ограничения права государства на полезные ископаемые значительно уже по сравнению с СРП, в которых наряду с добычей полезных ископаемых за собственный счет и на свой собственный риск предусмотрен также раздел продукции. Для договора подряда требуется ратификация парламента, для СРП также необходима ратификация парламента, однако на практике ратификация СРП не всегда являлась обязательной. Парламентом Индонезийской Республики не ратифицировано ни одного СРП. Развитие взаимоотношений в системе поиска, разведки и добычи полезных ископаемых в стране шло по пути четко установленных правил игры с повышением значимости национальных интересов.

Такова тенденция прослеживалась и в России. После кризиса 90-х в период ослабления российской экономики отношения в системе недропользования стали более лояльными по

отношению к иностранным инвесторам. В этот период на основании Указа Президента N 2285 были заключены три СРП: "Сахалин-I", "Сахалин-II" в Охотском море и "Харьяга" в НАО. Эти меры способствовали укреплению российской экономики после кризиса. Был принят закон о СРП. Последующие изменения в ФЗ «О СРП» (1999г. - 2004г.) должны были способствовать активизации процессов заключения СРП. Однако, в соответствии с действующим ФЗ "О СРП" и последующими поправками в законодательстве, в последующие периоды времени ни одного соглашения заключено не было.

Поддержание и расширение, особенно энергетической базы в любой стране являются весьма дорогостоящим делом, требующих привлечения значительных средств для организации крупномасштабных поисковых работ, связанных с риском добычи и переработки нефти и газа, строительства электростанций и угольных карьеров, сооружения нефтегазопроводов, грузовых терминалов и линий электропередач; с развитием огромной обслуживающей инфраструктуры и финансированием смежных отраслей по обеспечению ТЭК достаточным количеством металлопроката, труб, цемента, машин, оборудования, средств транспорта и пр.

Необходимость поиска, разведки и добычи энергетических полезных ископаемых и переходом возможностей и реализацией потребностей их на территориях морей, шельфа и исключительной экономической зоны предполагает использование новых и более сложных отношений государства и бизнеса. Одним из основных направлений развития мировой цивилизации в третьем тысячелетии будет освоение пространств и ресурсов Мирового океана [4]. Это связано с тем, что разведка и добыча в таких работах отличается особыми технологическими решениями и повышенными издержками, что требует принятия соответствующих экономических режимов. В связи с чем, интересен опыт развития и становления соглашений о разделе продукции, как за рубежом, так и в Российской Федерации.

С одной стороны, освоение Арктических зон, прежде всего углеводородного сырья потенциала арктических морей, становится приоритетным направлением мирового развития в XXI веке и связано с обеспечением национальной безопасности страны, как в экономическом, так и оборонном плане. **С** другой стороны отмечается изменение политики по отношению к Северу, заключающееся в снижении компенсационности [8]. Поставки газа и нефти за рубеж способствуют формированию единого энергетического пространства на Европейском континенте. Проблема энергообеспечения приобрела глобальный характер, и эффективное ее решение невозможно без широкого международного сотрудничества, без усиления интеграционных процессов в Европе и мировом сообществе. Рентабельность извлечения нефти и газа на арктических месторождениях с большими глубинами и сложной ледовой обстановкой при современном технико-технологическом уровне требует тщательного анализа [7].

Добыча газа и нефти на базовых промыслах закономерно падает. Для поддержания добычи газа на действующем уровне должны быть введены месторождения в новых районах Арктики и на шельфе северных морей. Освоение их потребует больших инвестиций. Дешевым этот газ не будет, но эти ресурсы есть. При определении приоритетных направлений и первоочередных объектов дальнейших поисково-разведочных работ, следует учитывать, что освоение оставшихся запасов углеводородов на ранее открытых месторождениях также требует значительных капитальных вложений за счет применения наукоемких и дорогостоящих методов и может быть дороже, чем выявление и подготовка новых объектов, в том числе и в районах шельфа.

Осуществление таких огромных затрат выходит за пределы возможностей бюджетного финансирования. Недостаточными оказываются и возможности местного промышленного и банковского капитала. Таким образом, в условиях дефицита средств, мобилизуемых из местных источников, страны, встающие на путь осуществления крупных энергетических проектов, особенно в нефтяном и газовом секторе, обычно прибегают к внешним заимствованиям и привлечению прямых и портфельных инвестиций из-за границы. Это является общепринятой практикой не только для развивающихся государств, стран с переходной экономикой, но и для ведущих промышленно развитых держав.

В связи с чем, можно говорить о тенденции в применении СРП, которые связаны с:

- развитием соглашений о разделе продукции к использованию природных ресурсов, прежде всего энергетического плана в условиях привлечения капитала, в том числе иностранного;
- формированием соглашений о разделе продукции на основе благоприятного, а то и льготного режима хозяйствования с учетом усложняющихся горно-геологических условий, в том числе для освоения шельфовых высокозатратных месторождений, а также месторождений Арктического шельфа;

- выстраиванием нормальных по международным стандартам, взаимоотношений между государством - владельцем недр и частным предпринимателем, что, например, заметно по смене тенденции по существующим месторождениям острова Сахалин, где отмечается усиление роли государственных компаний со знаком прогресса для России.

Процесс заключения СРП, в основе которого имеются возможности преференций и ясность предпринимательских отношений состоит из множества этапов и является достаточно продолжительным. Развитие его предоставляет дельнейшую реализацию его в системе недропользования, особенно в проектах на континентальном шельфе и (или) исключительной экономической зоне Российской Федерации, сложных добычных условиях.

Литература:

12. Зерщикова Н.И. Особенности применения концессий в недропользовании зарубежных стран Север и рынок: формирование экономического порядка. – Апатиты: Изд. КНЦ РАН. - №1/ 2008(20)/ - с.102
13. Зерщикова Н.И., Селин В.С., Терещенко Е.Б. Соглашения о разделе продукции в освоении арктического шельфа – Апатиты: изд. Кольского научного центра РАН, 2008. – с. 22
14. Конопляник А.А., Субботин М.А., Швембергер Ю.Н. Создание Закона "О СРП". С. 7, 10.
15. Николаева А.Б. Особые портовые экономические зоны а арктическом направлении морской стратегии России. Север и рынок: формирование экономического порядка. – Апатиты: Изд. КНЦ РАН. - №2/ 2009(23)/ - с.63
16. Платонова Н.Л. Законодательство о разделе продукции: проблемы применения // Хозяйство и право. 1999. N 5. С. 51.
17. Сайт компании Развитие бизнес систем РБС. Режим доступа: http://www.rbsys.ru/print.?page=30&option=media
18. Селин В.С., Орлов Н.А. Проблемы и перспективы разработки месторождений углеводородного сырья арктического шельфа Север и рынок: формирование экономического порядка. – Апатиты: Изд. КНЦ РАН. - №2/ 2009(23)/ - с.76
19. Скуфьина Т.П. Специфика современного Севера // Экономические науки. – 2009. - №9. – С.185.
20. Соглашение о разделе продукции Production Sharing Agreemen. www.miripravo.ru/forms/sovmest/psa/psa_com5.htm
21. Стругов А.Ф., Гудков С.В. Дальнейшее развитие законодательства о соглашениях о разделе продукции Журнал Минеральные ресурсы России. - 2009. - №6. - С. 47
22. Теплов О.М. Развитие федерального законодательства о недрах // Журнал российского права. 2003. N 3. С. 27 - 30.

ЛЕСНЫЕ ПОЖАРЫ 2010 ГОДА – ОЧЕРЕДНАЯ ПРИЧИНА ИЗМЕНЕНИЙ В ЛЕСНОМ КОДЕКСЕ

Л.В. Иванова,
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
сектора экономического механизма природопользования
отдела экономики природопользования на европейском Севере
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассматриваются вопросы совершенствования лесного законодательства Российской Федерации. Проводится анализ изменений, внесенных в действующий Лесной кодекс в динамике со времени его принятия в 2006 году, а также их направленности. Сделан вывод о недостаточной эффективности процесса реформирования, вследствие отсутствия четкого видения путей решения перманентных проблем лесного хозяйства и, следовательно, единой направленности реформ.

***Ключевые слова**:* лесное хозяйство, лесные пожары, совершенствование лесного законодательства

FOREST FIRES OF 2010 – THE NEXT REASON TO CHANGE THE FOREST CODE

L.V. Ivanova,
Ph.D. (Econ.), Senior Researcher of the
Sector of economic mechanism of nature management
Department of nature management economics in the European North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre RAS

The article considers issues of improvement of the forest legislation in the Russian Federation. Changes of the acting Forest Code and their direction are analyzed from 2006 when the Code was adopted. It is concluded that the reformation process has not been efficient due to lack of clear understanding of how to solve the permanent problems of the forestry, and, consequently, lack of a single reforms' orientation.

***Key words**:* forestry, forest fires, improvement of the forest legislation

Леса Российской Федерации представляют собой один из наиболее ценных природных ресурсов страны. Подавляющая часть лесных ресурсов страны входит в лесной фонд, общая площадь земель которого превышает 1.1 млрд га. Однако управление и использование этого богатейшего потенциала нельзя назвать эффективным.

Законодательная база управления лесами и лесопользования в стране на протяжении длительного времени подвергается реформированию. Этот процесс особенно интенсифицировался со вступлением в действие с начала 2007 года нового Лесного кодекса. Новый закон внес значительные коррективы в распределение функций по управлению лесами между федеральным и региональным уровнями с передачей широкого ряда функций последнему.

Однако уже в процессе его подготовки ныне действующий Лесной Кодекс подвергался резкой критике со стороны различных участников лесных отношений. В течение первого года действия Кодекса большинство его статей и положений в той или иной степени проходило проверку на практике. Именно этим объясняется тот факт, что за 2007 год в Кодекс не было внесено никаких изменений. Однако в процессе практического применения нового закона опасения, высказывавшиеся специалистами еще на этапе разработки кодекса, подтвердились. Стало очевидно, что главный лесной закон не только не способствует решению основных проблем отрасли, но усугубляет некоторые из них. Поэтому уже в 2008 году, было внесено пять, а в 2009 – четыре поправки к Лесному кодексу [1].

Впоследствии необходимость внесения изменений в действующее лесное законодательство с целью устранения выявленных недостатков неоднократно обсуждалась, и до сих пор продолжает обсуждаться на различных уровнях власти, а также среди деловых структуру и, особенно, неправительственных экологических организаций. Отражена эта необходимость также и в принятой в 2008 году «Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года».

За непродолжительный период действия Лесного кодекса 2006 года Государственная Дума приняла уже шесть наборов поправок к нему. На всем протяжении процесса совершенствования главного лесного закона каждый раз необходимость внесения поправок сводилась к тому, что существующее регулирование управления и использования лесных ресурсов не приносило желаемого результата.

Поправки нацелены на решение наиболее насущных проблем лесного хозяйства в качестве которых чаще всего упоминаются:

- низкая эффективность системы воспроизводства лесов;
- недостаточная защищенность лесов от пожаров и насекомых вредителей;
- неэффективный контроль за использованием лесов;
- экономически нерентабельные объемы заготовок лесохозяйственных предприятий;
- неразвитость сети лесных дорог;
- недостаток лесохозяйственной техники;
- снижение уровня специального образования и др.

Однако масштабы природной катастрофы лета 2010 года, в очередной раз подчеркнув несовершенство действующего лесного законодательства, вывели ситуацию с лесными пожарами на первый план при принятии новых решений по его улучшению.

Пожары являются одной из серьезнейших нерешенных проблем российских лесов. То, что они наносят огромный ущерб признается на всех уровнях управления лесным хозяйством. По данным российской официальной статистики, лесные пожары в год могут уничтожить до 70 миллионов куб. м древесины (в 2002 г.) и до 700 тыс. гектаров лесных насаждений 2 (в 2000 г.). По некоторым оценкам, в 2009 г. погибло более 800 тыс. гектаров лесов. Реальный ущерб, наносимый лесными пожарами значительно выше.

Источник: http://apocalypse-2012.com/eye/p-blokov.html

При этом информация о лесных пожарах, используемая государственными органами противоречива и не всегда соответствует действительности. Например, сведения о площади лесов, пройденной пожарами летом 2010 года, очень сильно разнятся: от 1 млн гектаров согласно информации, предоставленной Рослесхозом и МЧС до 10-12 млн га по данным Всемирного центра мониторинга пожаров, основанным на снимках из космоса [2]. Затраты на борьбу с лесными пожарами крайне малы как по сравнению с затратами в США и Канаде, так и со странами СНГ.

Ситуация с пожарами в лесах также усугубляется отсутствием эффективного законодательного регулирования. Во мнении о том, что, принятый в 2006 году Лесной кодекс, не сможет обеспечить должной организации пожарной безопасности лесов, специалисты в этой сфере сходились задолго до критического лета 2010 года. Общепризнанным оказался тот факт, что сложившаяся в настоящее время система государственного управления лесами не способна эффективно противостоять лесным пожарам при высокой пожарной опасности (продолжительной засухе при аномально высоких температурах, сильных ветрах). В частности, реформа управления лесной отраслью привела к серьезному сокращению штата лесников и сотрудников ранее существовавшей системы авиационной охраны лесов от пожаров (Авиалесоохраны).

С разрушением единой Авиалесоохраны российское лесное хозяйство лишилось возможности при необходимости оперативно перемещать квалифицированные силы и необходимые технические средства из одного региона в другой, в зависимости от уровня пожарной опасности. Элементы старой системы охраны лесов от пожаров, поделенные между субъектами Российской Федерации, оказались полностью или частично неспособными выполнять свои функции в силу целого ряда причин - из-за отсутствия координации работ, проблем с лицензированием, задержек в финансировании и материально-техническом обеспечении, потери кадров. Лишь относительно влажный летний период 2007 переходного года позволил избежать катастрофы в масштабах страны, тогда серьезно пострадали лишь некоторые регионы. Тем не менее, по данным Федерального агентства лесного хозяйства (Рослесхоза), количество пожаров, ликвидированных в день обнаружения, сократилось на 18%.

В Лесном кодексе 2006 года были определены зоны ответственности при обеспечении пожарной безопасности в лесах. Так, за подготовку к пожароопасному сезону и тушение природных пожаров ответственность теперь должны нести субъекты РФ, на территории которых находились леса. Раньше этим занимались федеральные структуры. Функции Рослесхоза, согласно Кодексу, включают "контроль и надзор" за переданными субъектам Федерации полномочиями. До начала практической реализации Кодекса такое распределение функций не внушало серьезных опасений.

Однако со временем недостатки системы, выстроенной Лесным кодексом 2006 года, становились все более явными. Выяснилось, что согласно Кодексу, МЧС России организует государственный пожарный надзор и организацию тушения пожаров на природных территориях только в случае, если они начинают угрожать близлежащим населенным пунктам. Кроме того, тушение лесных и, особенно, торфяных пожаров является специфическим для подразделений Министерства видом деятельности, в отношении которого отсутствует необходимый опыт. Как показала практика, машины и оборудование, которыми располагают подведомственные МЧС структуры, зачастую просто непригодны для работы на тушении лесных пожаров. В лесах, прилегающих к дорогам, техническим и инфраструктурным сооружениям, за пожарную безопасность несут ответственность соответствующие организации.

Кроме того, существует и другая проблема, касающаяся участия в решении проблемы арендаторов участков лесного фонда: по закону они обязаны обеспечить тушение пожара, но не тушить его. Опять же согласно законодательству за борьбу с огнем отвечают региональные структуры, выигравшие аукцион на ведение противопожарных работ. Но, в реальности, в силу специфических в каждом конкретном случае обстоятельств сложилась такая ситуация, что во многих регионах таких структур просто нет, также как и представителей лесных служб. Таким образом, оказалось, что основные территории лесных массивов, по сути, остались бесхозными в плане пожарной безопасности.

Серьезные проблемы сложились и с финансированием тушений лесных пожаров. По некоторым данным, среди занятых на тушении пожаров 80% людей - это работники леса, часто работающие на голом энтузиазме. Также, что еще в 2007 году в МЧС отмечали, что после того

передачи полномочий по охране лесов и борьбе с лесными пожарами на уровень субъектов федерации оказалось, что в некоторых из них попросту отсутствовала законодательная база по тушению лесных пожаров. Кроме того, уже тогда отмечалась высокая степень изношенности противопожарной техники и оборудования лесопожарных подразделений, не говоря уже о дефиците запасов топлива и горюче-смазочных материалов для авиационной техники. Таким образом, очевидно, что ситуация в сфере охраны лесов от пожаров не могла измениться в лучшую сторону. Предпосылки для ситуации, возникшей летом 2010 года, складывались постепенно [3].

Первый тревожный сигнал, гласящий о несовершенстве системы, прозвучал летом 2008 года. По информации тогдашнего главы Рослесхоза А. Савинова, на охрану лесов в 2008 году было выделено 17 млрд рублей, что на 5 млрд рублей превышало объем финансирования 2007 года. Однако при этом число пожаров не уменьшилось, а резко увеличилось – в два раза. Стало ясно, что без кардинальной перестройки системы охраны лесов не обойтись.

На уровне Правительства РФ было принято решение о разработке политики, позволяющей четко разграничить полномочия федерального, регионального, муниципального уровней, а также установить конкретные полномочия на уровне арендных отношений. При этом подчеркивалась важность исключения дублирования полномочий и установления высокого уровня ответственности, поскольку в качестве одного из недостатков упоминалось наличие большого количества контролирующих органов и явный недостаток структур, способных реально бороться с пожарами.

Тогда же в 2008 году на уровне Правительства РФ было озвучено предложение создать централизованную систему управления охраной леса, включающую крупные межрегиональные авиационные центры. Однако эта задача не была решена вследствие разразившегося финансового кризиса.

Сохраняющиеся проблемы лесного хозяйства стали, в частности, предметом обсуждения на заседании Президиума Государственного совета Российской Федерации (Госсовета, совещательного органа при Президенте РФ) по вопросам совершенствования государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды, которое состоялось 27 мая 2010 года. По итогам заседания Госсовета Правительству РФ было поручено в срок до 1 ноября 2010 года представить предложения по стимулированию эффективного управления лесами [4].

В своем отклике на принятые Госсоветом решения представители неправительственных экологических организаций, приветствуя политическую волю государства по изменению лесного законодательства, настаивали на сотрудничестве с независимыми организациями и экспертами, диалоге с профессиональным сообществом, всестороннем и открытом обсуждении с общественностью во избежание новых ошибочных решений [5]. При этом подвергалась сомнению возможность грамотного выполнения поручений по подготовке законодательных инициатив правительственными структурами в установленные предельно сжатые сроки (до 1 ноября 2010 г).

Очередное осознание настоятельной необходимости срочных изменений в ситуации с охраной лесов пришло в результате аномальной ситуации с лесными пожарами в РФ летом 2010 года. В конце августа 2010 года Президентом РФ был подписан Указ о переводе Рослесхоза в прямое подчинение Правительству РФ. Кроме того, Президент призвал провести тщательную инвентаризацию всего лесного законодательства, в том числе, Лесного кодекса.

8 сентября 2010 года состоялось совещание по лесному хозяйству, на котором Президент РФ поручил разработать и внести в Государственную Думу проекты федеральных законов, которые предусматривают меры по повышению эффективности управления лесным комплексом, противопожарной безопасности, восстановлению лесной охраны. Проекты законов направлены на установление порядка взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, совершенствование системы подготовки кадров для лесного сектора, ужесточение ответственности должностных лиц за ненадлежащее исполнение обязанностей по управлению лесами и нарушение правил пожарной безопасности в лесах. Изменения направлены на совершенствование деятельности по использованию, воспроизводству и охране лесов, они предусматривают существенное усиление мер противопожарной безопасности: наблюдение и контроль за состоянием лесов, патрулирование лесов, а также профилактические работы по обустройству лесов и обеспечение территорий, на которых располагаются леса, средствами предупреждения и тушения пожаров. К обязательным работам по предупреждению лесных пожаров относятся прокладка просек и противопожарных разрывов, устройство пожарных

водоемов, гидромелиорация, очистка лесов от хвороста и сухой травы и многие другие. Поправки обязывают органы государственной власти и органы местного самоуправления ограничить или запретить пребывание граждан в лесах в периоды повышенной пожарной опасности. Органы государственной власти также обязаны разработать и утвердить планы тушения лесных пожаров.

В предложениях к новой редакции Лесного кодекса было законодательно закреплено полномочие по установлению перечня должностных лиц, осуществляющих пожарный надзор в лесах. Поправки обязывают органы государственной власти и органы местного самоуправления ограничить или запретить пребывание граждан в лесах в периоды повышенной пожарной опасности. Органы государственной власти также обязаны разработать и утвердить планы тушения лесных пожаров. В действовавшей на момент принятия поправок редакции кодекса эти нормы отсутствовали [6].

В декабре 2010 года новый набор поправок в Лесной кодекс был принят Государственной Думой в третьем чтении с внесением изменений в другие взаимосвязанные законодательства. По некоторым подсчетам это двадцать второй за последние десять лет федеральный закон, вносящий изменения в Лесной кодекс Российской Федерации, и одиннадцатый федеральный закон, вносящий изменения в Лесной кодекс, принятый в 2006 году.

В связи с уточнением положений Лесного кодекса были внесены изменения в целый ряд других связанных с ним законодательных актов. Среди них, в частности, законы «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», «О пожарной безопасности» и кодексы – Уголовный, об административных правонарушениях и Земельный. Например, изменения, внесенные в Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях, предусматривают усиление уголовной и административной ответственности за нарушение правил противопожарной безопасности в лесах. Существенно возрастают штрафные санкции за неосторожное обращение с огнем на лесных территориях, а за намеренное уничтожение или повреждение лесных насаждений (поджог) предусмотрено наказание в виде лишение свободы на срок до десяти лет [7].

Объем текста внесенных поправок сопоставим с объемом текста действующего Лесного кодекса. Поэтому по-видимому, можно говорить о том, что, после утверждения законопроекта Советом Федерации и подписания документа Президентом РФ, с 2011 г. В России фактически будет действовать Лесной кодексом, который пока можно назвать «новейшим».

Безусловно, совершенствование действующего лесного законодательства является необходимой мерой, и его нужно продолжать. Ряд принятых недавно поправок оценивается специалистами как существенный шаг к обеспечению современного и грамотного управления лесами. Однако, к сожалению, в целом на основе анализа процесса лесной реформы складывается впечатление, что ее авторы, осознавая проблемы, с которыми постоянно сталкивается лесное хозяйство, не совсем четко себе представляют возможные пути их решения, чем зачастую м вызвана разнонаправленность их действий. Примеров тому много, касается это и недавно принятого набора поправок к Лесному кодексу. В частности, по мнению Первого Председателя Правительства РФ В. А. Зубкова, высказанному в 2010 году, опыт реализации Лесного кодекса говорит о целесообразности рассмотрения вопроса о передаче на федеральный уровень полномочий по обеспечению государственного лесного контроля, надзора и госпожнадзора в лесах, что «должно усилить государственное управление лесами как федеральной собственностью». Однако в конце того же 2010 года после катастрофических лесных пожаров Правительство РФ и Рослесхоз расширили полномочия регионов по управлению лесами, полагая, что данная мера будет способствовать повышению эффективности ухода за лесом, его состоянием и использованием, а также усилению пожарного надзора [8].

В целом, по мнению специалистов, принятие новых поправок к Лесному кодексу - это важный шаг к грамотному управлению лесами. Согласно оценкам, высказываемым на Лесном форуме Гринпис России, законопроект в целом существенно лучше проработан, чем сам Лесной кодекс 2006 года и предыдущие наборы поправок к нему. Некоторые ошибки, присутствовавшие в промежуточных версиях законопроекта, были исправлены. При этом подчеркивается

определенная условность положительных оценок. Поправки к Лесному кодексу могли бы быть вполне приемлемыми, при наличии ряда условий, которые, к сожалению, пока не соблюдаются. К основным таким условиям можно отнести:

4. Пригодность концептуальной основы Кодекса к современным условиям (данный законопроект ее практически не затрагивает);
5. Согласованность смежного с Лесным кодексом законодательства;
6. Разобщенность структур, ответственных за вопросы лесного хозяйства, и высокий уровень бюрократизма.

И все-таки анализ мнений различных специалистов показывает, что в целом отношение к новым изменениям Лесного кодекса достаточно скептическое. Поправки предусматривают принятие Правительством РФ и уполномоченными федеральными органами исполнительной власти множества новых нормативно-правовых актов, касающихся в основном охраны лесов от пожаров. Однако с учетом опыта последних лет, возникает сомнение в том, что все эти акты будут приняты к началу нового пожароопасного периода.

Также высказываются опасения, что, с учетом уже имеющегося опыта применения Лесного кодекса 2006 года и итогов проведенных на его основе реформ, не оказавших положительного эффекта на работу лесного хозяйства, можно практически с уверенностью утверждать, что и новые поправки работать не будут и ситуацию в лесном секторе принципиально не изменят. Кроме того, очевидно, что, как и при любой другой трансформации, введение в действие многочисленных новых требований к органам управления лесами и их работникам на местах может на некоторое время фактически парализовать функционирование лесного хозяйства, что особенно драматично в ситуации, когда такое негативное влияние, скорее всего, придется как раз на начало пожароопасного сезона нынешнего года, или даже на весь пожароопасный сезон.

В обнародованном центром ФОБОС рейтинге наиболее сильных природных потрясений 2010 года российские лесные пожары признаны одним из самых страшных стихийных бедствий. В результате стихии более 50 человек погибли, 1900 домов были разрушены, свыше 3500 человек остались без крова [9]. По некоторым данным в 2010 году на территории России возникло 23 900 пожаров, что превышало показатель горимости за аналогичный период прошлого года на 24 %. В связи с этой удручающей статистикой, а также, учитывая отсутствие четкого видения возможных путей решения назревших проблем со стороны властных структур, и естественной в такой ситуации разнонаправленности мнений и действий по совершенствованию законодательной базы лесоуправления, в частности, системы организации охраны лесов от пожаров на данном этапе трудно предсказать будут ли принятые поправки к Лесному кодексу способствовать тому, чтобы ситуация с лесными пожарами в нынешнем году не повторилась.

Литература:

10. Л.В. Иванова. Институциональные изменения в управлении лесным хозяйством и перспективы лесопользования в Мурманской области. //Леса России в XXI веке. Материалы третьей международной научно-практической интернет-конференции. – СПб.: СПБЛТА, 2010. – с. 323-325.
11. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/social/2010/09/14/3419595.shtml
12. А.Ю. Ярошенко. Годовщина Лесного кодекса: время подводить первые итоги, ставить диагноз и решать, что делать дальше. Режим доступа: http://ecoportal.su/news.php?id=26067
13. 4.Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?f=9&t=7022&view=unread
14. Г.Н. Харитонова, Л.В. Иванова. Интенсификация использования лесных земель в районах европейского севера России. // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. Материалы V Международной научно-практической конференции. - Новосибирск, 2010. - с. 199-204.
15. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.forest.ru/rus/news/index.php?id=991.
16. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.lrnews.ru/news/full/25286/

17. В. А. Зубков. Роль государства в развитии лесного комплекса России. Вопросы экономики № 6, 2010- с. 118-126.
18. Электронный ресурс. Режим доступа: http://altapress.ru/story/62419/.

References:

10. L.V. Ivanova. Institutional changes in forestry management and forest use prospects in the Murmansk region. // Forest of Russia in the XXI century. Proceedings of the third international scientific-practical Internet conference. – St. Petersburg: SPBLTA, 2010 – p. 323-325.
11. Electronic resource. Access mode: http://www.gazeta.ru/social/2010/09/14/3419595.shtml
12. A.Yu. Yaroshenko. The first year of the Forest Code: the time to conclude, diagnose, and decide what to do. Electronic resource. Access mode: http://ecoportal.su/news.php?id=26067.
13. Electronic resource. Access mode: http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?f=9&t=7022&view=unread
14. G.N. Kharitonova, L.V. Ivanova. Intensification of forest lands' use in regions of the Russian European North. //Modern trends in economy and management: the new vision. Proceedings of the V International scientific- practical conference. - Novosibirsk, 2010. p. 199-204.
15. Electronic resource. Access mode: http://www.forest.ru/rus/news/index.php?id=991.
16. Electronic resource. Access mode: http://www.lrnews.ru/news/full/25286/
17. V. A. Zubkov. Role of the state in the forestry sector development in Russia. Economy Issues No.6, 2010, p. 118-126.
18. Electronic resource. Access mode: http://altapress.ru/story/62419/.

УДК 338.14:622.242.4

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ И АВАРИЙ НА МОРСКИХ НЕФТЕГАЗОРАЗРАБОТКАХ

Калашник Н.А.,
научный сотрудник лаборатории геодинамики освоения нефтегазовых месторождений
Горный Институт Кольского научного центра РАН

В статье рассмотрены особенности морской нефтегазодобычи. Приведены данные по чрезвычайным ситуациям и авариям и соответствующему ущербу по основным регионам добычи, а также по объектам: платформы, трубопроводы, скважины и др. Выполнен анализ экономических последствий чрезвычайных ситуаций и аварий на морских нефтегазоразработках. Предложены методические подходы к экономической оценке последствий аварийных ситуаций и ожидаемой прибыли нефтегазопромысла с учетом риска чрезвычайных ситуаций и аварий.

Ключевые слова: морская нефтегазодобыча, чрезвычайные ситуации и аварии, экономические последствия, подходы к оценке

ECONOMIC CONSEQUENCES OF EMERGENCY SITUATIONS AND ACCIDENTS AT SEA OIL AND GAS PRODUCTIONS

Kalashnik N.A.
researcher of the laboratory of geodynamics of developing oil and gas fields
Mining Institute of the Kola Science Centre of RAS

The specificity of sea oil and gas productions is considered. Data on emergency situations and accidents and the corresponding damage are given by the main production regions as well as by objects; platforms, pipelines, boreholes etc. Economic consequences of emergency situations and accidents at sea oil and gas productions are analyzed. Methodical approaches to economic evaluation of consequences of emergency situations and expected profits from oil and gas productions are proposed with risks of emergency situations and accidents taken into consideration.
Key words: sea oil and gas productions, emergency situations and accidents, economic consequences, approaches to evaluation

Морская (шельфовая) нефтегазодобыча в мировом объёме превысила 30% и в перспективе должна увеличиться до 50% [1]. Ежегодные суммарные затраты на освоение ресурсов нефти и газа на шельфе морей превышают 80 млр. долл., из которых около 25% идут на поисково-разведочные работы, до 60-80% - на содержание и установку платформ, буровое и эксплуатационное оборудование, строительство скважин, строительство подводных трубопроводов. При этом экономический эффект от разработки морских месторождений в США и Мексиканском заливе составляет до 10 долларов на каждый затраченный доллар при сроках окупаемости капитальных вложений от 1 до 3 лет. Для арктических условий, по мнению авторов работы [1], срок окупаемости увеличивается до 10-20 лет.

Вместе с тем, на морских нефтегазопромыслах по разным причинам возникают чрезвычайные ситуации и аварии, которые приводят к непредвиденным сверхпланируемым экономическим затратам и ущербу. Это обусловлено прежде всего особенностями освоения шельфовых и морских нефтегазовых месторождений, среди которых можно выделить следующие.

- Используются специальные сооружения (платформы различных видов, эстакадные площадки, специальные суда, плавучие эксплуатационные палубы, подводные модули и другие) и технические средства, обеспечивающие функционирование нефтегазопромысловых объектов, добычу, временное хранение и трубопроводное транспортирование углеводородного сырья по дну моря.
- Нефтегазопромысловые объекты постоянно подвергаются значительным внешним нагрузкам: движение воды (течения, волны, приливные явления), ветровые нагрузки, ледовые нагрузки и айсберги (для арктических морей), природные и вызванные извлечением нефти/газа деформационные процессы, сейсмические явления и др., которые могут создавать чрезвычайные ситуации, вплоть до аварий.
- Весь комплекс нефтегазопромысловых работ концентрируется в жестко ограниченном пространстве (например, на платформе) и выполняется в стесненных условиях в автономном, зачастую весьма удаленном от обеспечивающих береговых структур, режиме.

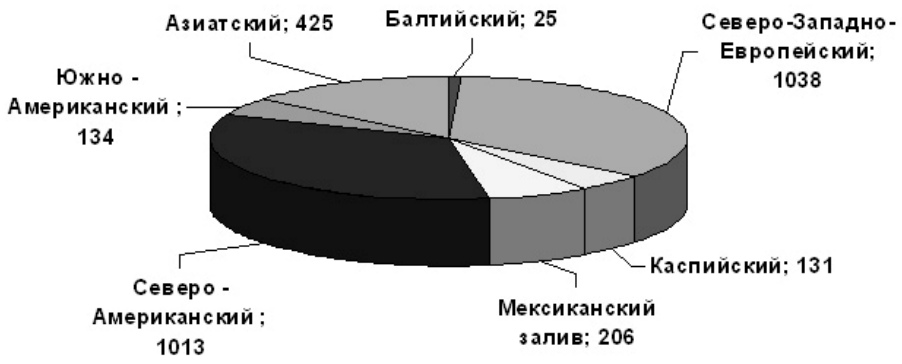
К основным геологическим рискам возникновения чрезвычайных ситуаций и их катастрофических последствий можно отнести следующие [3]:

- природные, индуцированные и природно-техногенные землетрясения;
- Крупномасштабные проседания морского дна;
- Глубинные подвижки геологических блоков пород
- Оползни, сдвижения придонных слоев пород и грунтов;
- Нефтегазовые фонтаны и выбросы на скважинах.

Эти природные и природно-техногенные явления могут быть как «спусковым механизмом» для вторичных собственных проявлений, так и для внезапного разрушения несущих конструкций буровых установок и платформ, технологического оборудования и трубопроводов, деформированию, смятию и разрушению скважин и т.п.

Накопленный к настоящему времени мировой опыт морских (шельфовых) нефтегазовых разработок [2, 3] показывает, что количество аварийных ситуаций на платформах, сооружениях для добычи и хранения нефтеуглеводородов, скважинах, трубопроводах и др., составляет около 3000 случаев (рис. 1), а экономический ущерб превысил 43000 млн. $ (рис. 1).

а)

б)

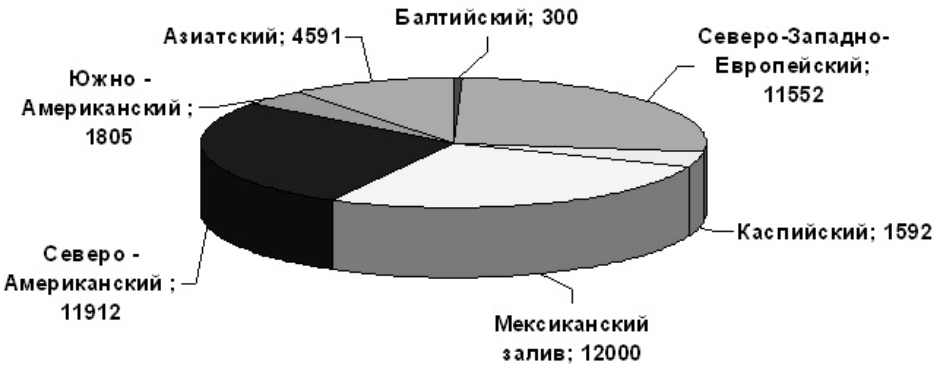

Рис. 1. Количество аварий (а) и объемы убытков ($ млн) (б) от аварий по регионам морских нефтегазовых разработок

Анализ влияния различных факторов на возникновение аварийных ситуаций на морских нефтегазоразработках показывает, что наибольшее число аварий произошло за счет потери устойчивости, повреждений и разрушений конструкций (36%), тяжелых погодных условий (7%), удара (5%) и др. факторов. При этом отмечено, что фактически по каждой пятой и более аварийной ситуации причина неизвестна (22%).

Наиболее ярким примером является месторождение Экофиск, разрабатываемое в Северном море, на котором за более чем 30 лет добычи произошло проседание морского дна над центральной частью месторождения на глубину более 7 м, приведшее к значительным техническим и экономическим последствиям. Вследствие этого проседания морского дна, основания ряда платформ и внешняя стенка нефтехранилища оказались недопустимо низкими по отношению к уровню моря, и потребовалось провести работы по наращиванию и подъему оснований платформ и возведению дополнительной, более высокой, внешней стены нефтехранилища. Значительное проседание дна моря также привело к деформации и повреждениям уложенных на дне моря трубопроводов и конструкций. За несколько лет было выполнено более 70 повторных ремонтных работ на эксплуатационных скважинах, направленных на ликвидацию разрывов в зонах цементирования, сплющивания или разрушения обсадных труб. По разным оценкам, затраты на выполнение этих работ превысили 400 млн. долл. США [3].

Другой характерный пример, получивший широкую мировую огласку и приведший к огромным экологическому и социально-экономическому ущербам – авария в Мексиканском заливе на платформе Deepwater Horizon, принадлежащей британской компании British Petroleum.

Платформа Deepwater Horizon представляла собой буровую установку 5-ого поколения, RBS-8D дизайна, предназначавшуюся для сверхглубоководного морского бурения на перспективном слое Макондо в 80 км от юго-восточного побережья Луизианы. Установка должна была произвести начальное бурение, после чего другие установки должны были быть использованы для добычи нефти из этой скважины. Платформа обслуживалась экипажем из 130 человек. 20 апреля 2010 г. произошел выброс из скважины и взрыв метана, в результате чего буровая загорелась. Попытки потушить пожар были неудачными и 22 апреля после 36 часового пожара Deepwater Horizon затонула и опустилась на дно залива на глубину 1500 м в 400м к северо-западу от пробуренной скважины. Вследствие аварии 11 человек погибли, 17 получили ранения. В воды залива из скважины вытекло почти 5 миллионов баррелей нефти. На поверхности воды образовалось нефтяное пятно, которое постепенно достигло береговой линии всех пяти штатов, расположенных на побережье Мексиканского залива. На сегодняшний день убытки British Petroleum составили уже 12 млрд долларов на ликвидацию последствий экологической катастрофы и компенсации потерпевшим. Образовавшийся в результате разлив нефти был признан самой масштабной экологической катастрофой в истории США.

Более трети от общего числа аварий произошло на платформах, но в силу более дорогостоящего оборудования и самой платформы суммарный объем убытков превысил 50% от общего объема (рис. 2)

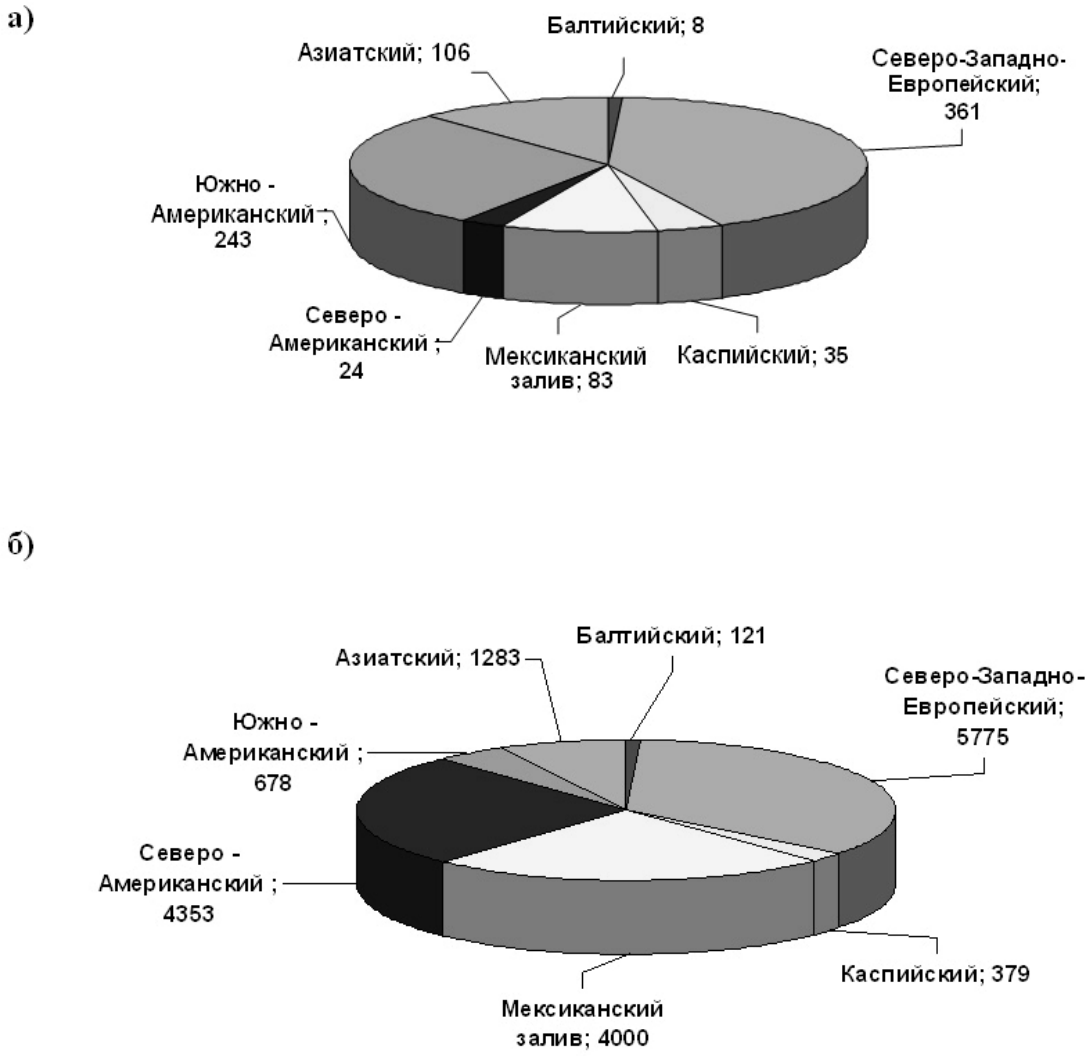

Рис.2. Количество аварий на платформах (а) и объемы убытков ($ млн) (б) по регионам морских нефтегазовых разработок

Аварии на трубопроводах являются довольно частыми явлениями (свыше 25% от общего числа), а суммарный объем убытков составил около 18% (рис. 3).

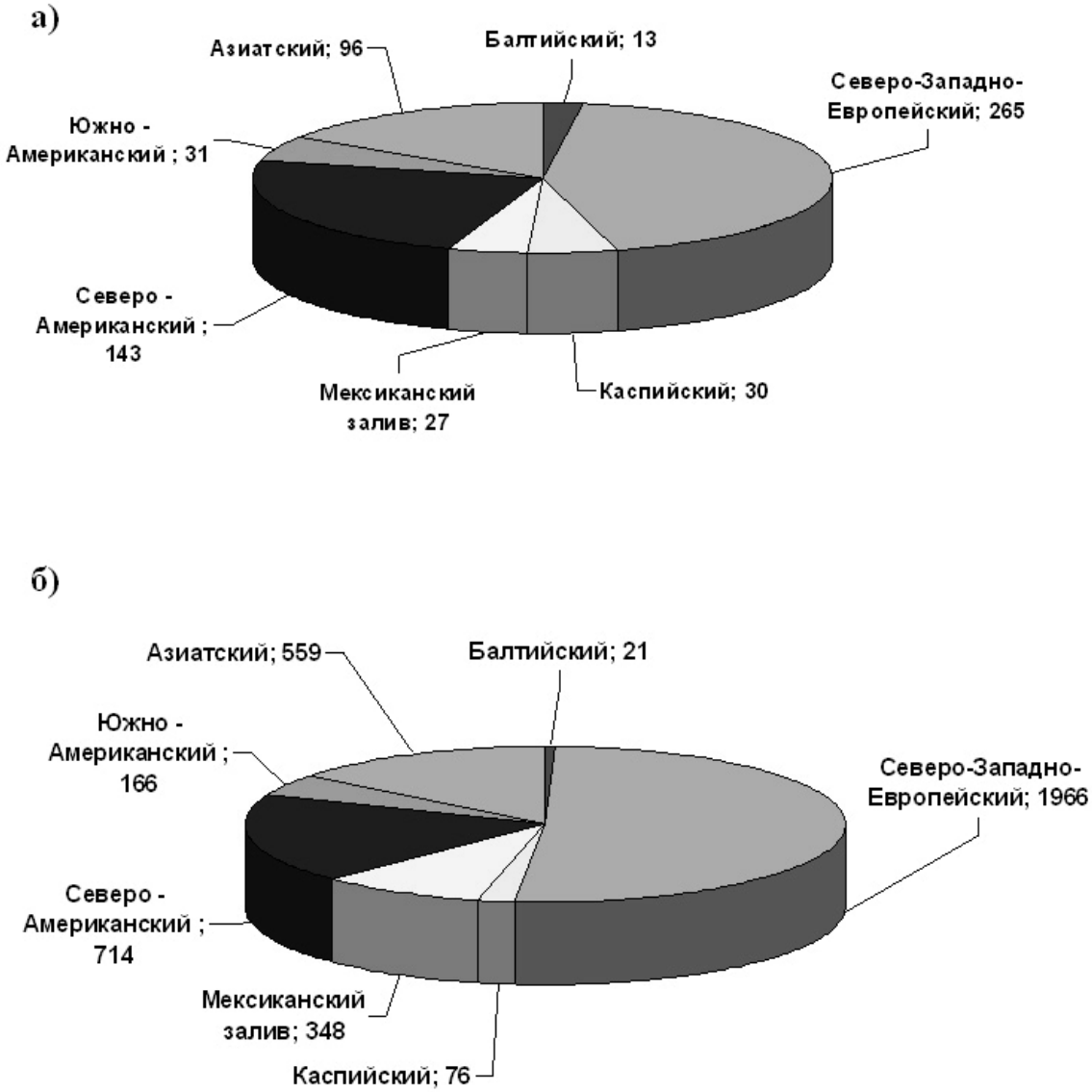

Рис. 3. Количество аварий на трубопроводах (а) и объемы убытков ($ млн) (б) от аварий на трубопроводах по регионам морских нефтегазовых разработок

Анализ аварий, произошедших на морских промыслах Северо-Западно-Европейского региона, показал, что наибольшее число случаев произошло на платформах (34%) и на трубопроводах (25%). Также подвержены чрезвычайным ситуациям и авариям скважины, в особенности те, которые оснащены устьевым оборудованием (19%). Здесь уместно отметить, что скважины, являясь ключевым элементом добычи углеводородного сырья, представляют собой наиболее уязвимый элемент нефтепромысла. На бурение скважин различного назначения разведывательными и нефтегазодобывающими компаниями ежегодно тратится около 20 миллиардов долларов [5]. Значительная часть этих средств, порядка 15%, уходит на разрешение возникающих осложнений (проблем) при бурении: потери раствора и оборудования, потеря устойчивости стенок скважин и пр. Убытки, которые терпят нефтегазовые компании, вследствие неустойчивости стенок скважин, оцениваются в 1 млрд. долларов ежегодно [5]. В среднем (в расчете на одну скважину) убытки от простоев, связанных с потерей её устойчивости, составляют около 1,5 млн. долларов, достигая в экстремальных случаях (Deepwater Horizon) 12 млрд.

долларов. Прогноз и предотвращение этих нежелательных осложнений позволят значительно сократить непроизводительные затраты на бурение и ремонт скважин.

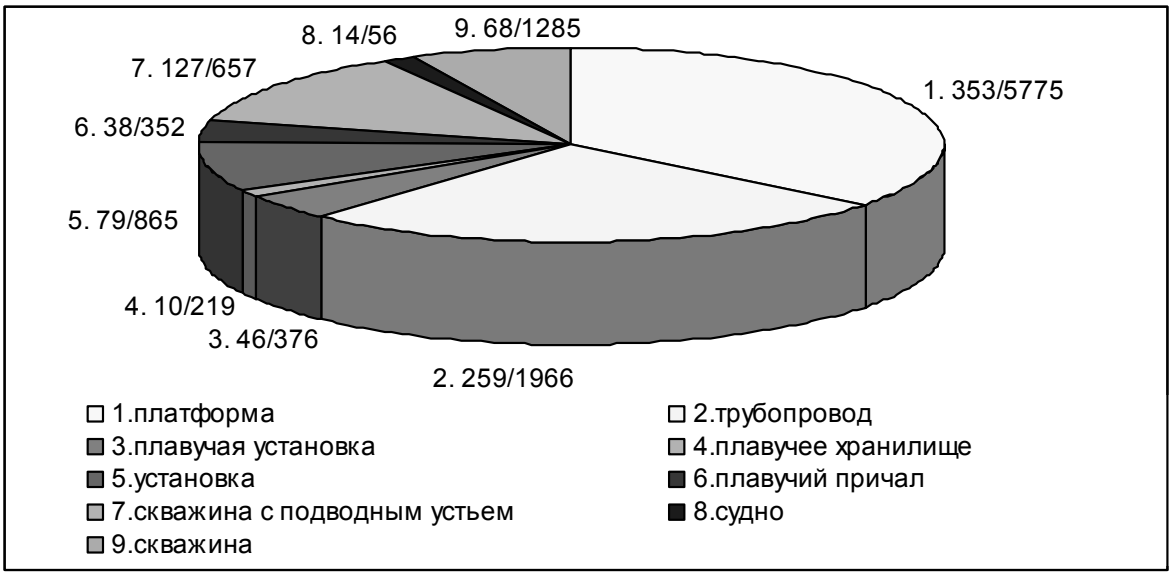

Рис. 4. Количество аварий/объемы общих убытков ($ млн) от аварий различных категорий в Северо-Западно-Европейском регионе

Убытки вследствие аварий на морских нефтегазопромыслах в общем виде включают в себя пять основных групп: 1) убытки, связанные непосредственно с разрушением объектов промысла и оборудования; 2) убытки за счет вылившихся нефтепродуктов, в том числе приводящих к потере извлекаемых запасов; 3) убытки вследствие недопоставки нефтепродуктов, в т.ч. за время ремонтно-восстановительных работ; (так называемое «недополучение прибыли»); 4) убытки, обусловленные вынужденными затратами на ремонтно-восстановительные работы; 5) убытки, обусловленные вынужденными затратами на устранение (ликвидацию) последствий.

Объём убытков может быть рассчитан по формуле, последовательно слева направо включающей в себя перечисленные выше группы убытков:

$$\sum Уб. = \sum C_o \cdot V_o + \sum C_н \cdot q_н^в \cdot t_a + \sum C_н \cdot q_н^н \cdot t_{ap} + \sum C_в \cdot V_в + \sum C_л \cdot V_л$$

где *Уб.* –- суммарные убытки вследствие чрезвычайной ситуации или аварии;

C_o - удельная стоимость поврежденных объектов промысла и оборудования;

V_o - объём повреждений объектов и оборудования;

$C_н$ - удельная стоимость нефтепродуктов;

$q_н^в$ - объём вылившихся (потерянных) нефтепродуктов;

t_a - время от начала аварии до прекращения утечки;

$q_н^н$ - объём недопоставленных нефтепродуктов;

t_{ap} - время от момента начала аварии до возобновления работы объёкта и оборудования;

$C_в$ - удельная стоимость ремонтно-восстановительных работ;

$V_в$ - объём ремонтно-востановительных работ;

$C_л$ - удельная стоимость работ по ликвидации последствий;

$V_л$ - объём социально-экологических последствий.

Реальные убытки могут быть определены только на основе фактических затрат, но определенные прогнозные оценки могут быть выполнены, в частности, на основе методических подходов, изложенных в данной работе и в работе [4].

Исходя из вышеизложенного, для оценки ожидаемой прибыли нефтегазопромысла с учетом риска чрезвычайных ситуаций и аварий может быть предложена следующая зависимость:

$$Пр_{ож.} = Д_{ож.} - З_{кап.} - З_{тек.} - P_p \sum Уб.$$

где $Пр_{ож.}$ - ожидаемая прибыль;

$Д_{ож.}$ - ожидаемый доход;

$З_{кап.}$ - капитальные затраты;

$З_{тек.}$ – текущие затраты;

$P_{р.}$ – вероятность риска;

$\sum Уб.$ - суммарные убытки вследствие чрезвычайной ситуации или аварии.

Таким образом, в данной работе рассмотрены экономические последствия чрезвычайных ситуаций и аварий на морских нефтегазоразработках, знание которых является важным для принятия проектных и технологических решений по освоению нефтегазовых месторождений шельфа Баренцева и Карского морей. Предложены методические подходы к экономической оценке последствий аварийных ситуаций.

Литература

6. Вяхирев Р.И., Никитин Б.А., Мирзоев Д.А. Обустройство и освоение морских нефтегазовых месторождений. 2-е изд. доп. – М: Изд. Академии горных наук, 2002. – 420с.
7. Кайзер М.Дж., Пулцифер Алан Г. Риски и потери при морской добыче // Oil &Gas Journal. - 2007. - №6. - С. 96-105.
8. Мельников Н.Н., Калашник А.И. Шельфовые нефтегазовые разработки: геомеханические аспекты. - Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2009. - 140 с.
9. Дунаев В.Ф., Шпаков В.А., Епифанова Н.П. и др. Экономика предприятий нефтяной и газовой промышленности. - М.: 2004. - 372с.
10. Алдрид У., Горайа Ш., Плам Д. и др. Управление риском в бурении // Нефтегазовое обозрение, Шлюмберже, весна 2001. - С.12-29.

References

6. Vyakhirev R.I., Nikitin B. A., Mirzoev D.A. Arrangement and development of sea oil and gas deposits. 2nd edition additional. – Moscow: Publishing house of the Academy of mining sciences, 2002. – 420 p.
7. Kaizer M.J., Poultsifer Alan G. Risks and losses at marine resources exploitation // Oil &Gas Journal. - 2007. – No.6. - P. 96-105.
8. Melnikov N.N., Kalashnik A.I. Shelf oil and gas mining: geo-mechanical aspects. – Apatity: Publishing house of the Kola Science Centre of RAS, 2009. – 140 p.
9. Dunaev V.F., Shpakov V.A., Epifanova N.P., et. al. Economy of enterprises of oil and gas industry. – Moscow: 2004. – 372 p.
10. Aldrid U., Goraya Sh., Plum D. et. al. Management of risks in drilling // Oil and gas review, Schliumberge, spring 2001. – P. 12-29.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И РАСТЕНИЕВОДЧЕСКИХ ОТРАСЛЕЙ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ[46]

Марецкий Ю.А.,
кандидат экономических наук,
заведующий сектором социально-экономических проблем продовольственной безопасности
Марецкая В.Н.,
научный сотрудник сектора социально-экономических проблем продовольственной безопасности
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина Кольского научного центра РАН

Аннотация. Рассмотрены особенности ведения земледелия в условиях Кольского Севера. Выявлены проблемы, связанные с поддержанием плодородия почв. Предложены основные организационно-экономические меры, направленные на развитие земледелия и растениеводческих отраслей в условиях Мурманской области.

Ключевые слова: земледелие, плодородие, растениеводство, кормопроизводство.

PROBLEMS OF AGRICULTURE AND PLANT-GROWING DEVELOPMENT IN THE MURMANSK REGION

Maretskiy Yu.A.
Ph.D. (Econ.)
head of sector of socio-economic problems of food safety
Maretskaya V.N.
researcher of sector of socio-economic problems of food safety
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Sceicne Centre of RAS

Abstract. The specificity of agricultural production in the Kola North is considered. Problems connected to sustaining soil fertility are revealed. The main organizational-economic measures directed to development of agriculture and plant-growing industries in the Murmansk region are proposed.

Key words: agriculture, fertility, plant-growing, fodder production

Для сельского хозяйства в качестве одного из главных средств производства выступает земля, которая при правильном ее использовании, не снашивается и, более того, улучшает свои качественные параметры. Другим основным средством производства выступают живые организмы – животные и растения. Определяющими при этом являются условия окружающей среды, параметры которых варьируют в довольно узком диапазоне, что, в свою очередь, предопределяет зональное размещение сельскохозяйственных отраслей и высокие требования к соблюдению технологии производственных процессов.

По схеме агроклиматического районирования страны, Мурманская область входит в полярно-тундровую, холодную, избыточно-влажную под зону тундровых почв и северо-таежную

[46] Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие рынка земли в регионах европейского Севера России» 10 –02 - 43206 а/с.

умеренно-холодную, преимущественно избыточно-влажную под зону глеево-подзолистых почв, где недостаток тепла и избыток влаги ограничивают распространение сельскохозяйственных угодий и выращиваемых культур.

В силу особенностей рельефа (каменистые почвы, крайне мало пойменных лугов, продуктивность суходольных в естественном состоянии невелика) основная часть пашни располагается на болотных массивах, имеющих лучшую планировочную характеристику и, самое главное, благодаря наличию торфа, обладает лучшими исходными характеристиками для формирования плодородия, чем минеральные земли.

По состоянию на начало 2009 года 96% площади пашни располагалось на осушенных землях, имеющих открытую дренажную систему, эксплуатация которой требует регулярного проведения комплекса работ по текущему, капитальному и аварийному (противопаводковые мероприятия) ремонту сети, для поддержания осушенных земель в рабочем состоянии. Кроме того, мелиорируемые земли области характеризуются низким плодородием и требуют проведения комплекса мероприятий по окультуриванию этих земель, включающих, прежде всего, известкование и внесение удобрений. Так, по результатам мониторинга плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения, по степени кислотности на 01.01.2010 года 60% пашни имеют повышенную кислотность. Причем кислотность старопахотных почв с течением времени имеет тенденцию увеличиваться, при отсутствии работ на этих площадях по внесению нейтрализующих веществ. Поэтому известкование является важнейшим средством улучшения физико-химических свойств почвы, создающим необходимый фон для эффективного применения удобрений и, в конечном счете, получения высоких и устойчивых урожаев сельскохозяйственных культур.

Содержание легкоусвояемых растениями питательных веществ (азота, фосфора и калия) в почвах крайне низкое, следовательно, успешное выращивание сельскохозяйственных культур возможно только при ежегодном систематическом применении минеральных удобрений. Низкое естественное плодородие почв требует так же внесения повышенных доз органических удобрений, что обеспечивает образование и закрепление в почве гумусовых веществ, улучшает физико-химические свойства почв.

В соответствии с системой ведения сельского хозяйства Мурманской области, разработанной Полярной опытной станцией ВИР, для бездефицитного баланса гумуса, в условиях Крайнего Севера необходимо ежегодно вносить не менее 50 т/га органических удобрений, до 380 кг/га действующих веществ минеральных удобрений, что объясняется пониженным температурным фоном, при котором усвояемость растениями питательных веществ снижается [1].

Анализ применения удобрений в хозяйствах общественного сектора свидетельствует о том, что их вносится значительно меньше чем необходимо. Так если в 1990 году вносилось минеральных удобрений 63%, органических – 58% к норме, то 2009 году вносилось соответственно в 3,7 и 3,1 раза меньше необходимого количества. Это прямым образом отразилось на урожайности кормовых культур, которая снизилась примерно в 1,5 раза по сравнению с 1990 годом и составила в 2009 году по однолетним травам 118 ц/га зеленой массы, при потенциально возможной урожайности и соблюдении агротехники 250 – 300 ц/га, по многолетним травам урожайность составила 72 ц/га, при возможной 120 -150 ц/га (табл. 1.).

Таблица 1

Внесение удобрений, известковых материалов и урожайность кормовых культур в сельскохозяйственных организациях Мурманской области

	Ед. изм.	1990	1995	2000	2005	2009	по норме
Внесение удобрений и известкование почв							
минеральные удобрения	кг/га	241	124	210	125	104	380
органические удобрения	т/га	29	16	11	12	16	5
известковые материалы	т/га	7,0	5,0	1,9	3,3	3,5	10
Урожайность кормовых культур							

однолетние травы на зеленый корм	ц/га	169	127	114	120	118	х
многолетние травы на зеленый корм	ц/га	129	93	90	74	72	х

Источник: по данным Мурманскстат.

Неудовлетворительная работа по поддержанию плодородия почв объясняется, прежде всего, недостатком у сельскохозяйственных предприятий средств на эти цели. Кроме того, вывоз на поля торфокомпостов, своевременное внесение минеральных удобрений и известковых материалов сдерживается недостатком в хозяйствах соответствующей техники, а имеющаяся в дореформенный период сеть предприятий по мелиоративному и агротехническому обслуживанию сельского хозяйства, прекратила свою деятельность. В результате, вместе со снижением плодородия почв, растет количество площадей с нарушенной эксплуатационной планировкой, заболоченных, засоренных камнями.

Таким образом, для ведения эффективного земледелия необходимо ежегодное проведение комплекса мероприятий по поддержанию плодородия, которые должны включать агрохимическое обследование почв, реконструкцию осушенных земель, комплекс работ по торфу, известкование кислых почв, внесение органических и минеральных удобрений.

Для проведения выше перечисленных работ в области до недавнего времени реализовывались программы, направленные на повышение плодородия почв. Последняя такая программа была рассчитана на 2009-2010 годы и предусматривала мероприятия, направленные на сохранение и улучшение почв, агроландшафтов и экосистем. В ходе ее проведения, на основе мониторинга и анализа динамики уровня плодородия почв были определены стратегические направления и научно-обоснованные подходы к устранению причин сложившегося снижения плодородия сельскохозяйственных земель, нарушения экосистем. Но практические мероприятия, предусмотренные этой программой, как и предшествующие, были фактически сорваны из-за недофинансирования, в результате чего была нарушена комплексность работ и, тем самым, значительно снизилась эффективность предусмотренных мероприятий [2].

В настоящее время в области отсутствует целевая программа, направленная на поддержание плодородия почв, а в реализуемой ведомственной целевой программе «Развитие сельского хозяйства Мурманской области на 2011-2013 годы» в перечне мероприятий не предусмотрено финансирование агротехнических работ по мелиорации и химизации сельскохозяйственных земель [3]. Поэтому, неизбежное снижение качественных характеристик пахотных угодий и их плодородия, приведет к дальнейшему падению урожайности кормовых трав, сведет на нет мероприятия по интенсификации кормопроизводства

Важным фактором природной среды, во многом определяющим размещение и отраслевую структуру сельского хозяйства, являются климатические ресурсы, которые в целом могут быть охарактеризованы как неблагоприятные, главным образом из-за недостатка тепла, возможности заморозков в любом месяце. Тем не менее, опыт развития растениеводства в Мурманской области показывает, что и в условиях Крайнего Севера на основе подбора видового и сортового состава культур, создания перспективных сортов местной селекции, использования разработанной в соответствии с зональными условиями агротехники возделывания культур, а также при условии выполнения в полном объеме работ по поддержанию плодородия почв, можно получить высокие и стабильные урожаи. Например, выведенные Полярной опытной станцией ВИР скороспелые сорта картофеля позволяют получать урожай клубней свыше 300 центнеров с 1 гектара. Возможны устойчивые и высокие урожаи белокочанной капусты, зеленных овощных культур (укропа, сельдерея, петрушки, щавеля).

По состоянию на 01.01.2010 года, общая площадь сельскохозяйственных угодий в Мурманской области составляет 27,2 тыс. га, из них 78%, приходится на пашню, 11% на многолетние насаждения, 10% на естественные сенокосы и 1% на пастбища. Существенным отличием данной структуры от других регионов является низкий удельный вес сенокосов и пастбищ, что объясняется технологическими особенностями ведения молочного животноводства в условиях Севера. Региональная специфика так же в значительной степени влияет на развитии растениеводческих отраслей. В 1990 году 97% посевных площадей составляли кормовые культуры, площади под картофелем и овощами открытого грунта были не значительны (табл. 2.).

Таблица 2

Основные показатели растениеводства Мурманской области

	1990	1995	2000	2005	2009
Посевные площади сельскохозяйственных культур, тыс.га	24,8	16,0	12,1	9,1	9,1
картофель	0,4	2,5	2,1	2,2	2,2
овощи открытого грунта	0,05	0,3	0,2	0,2	0,2
кормовые культуры	24	13,1	9,8	6,7	6,7
Валовой сбор сельскохозяйственных культур, тыс.т	3,5	31,0	29,1	21,9	19,6
	0,2	1,2	2,1	1,7	1,5
картофель	7,0	3,3	3,2	1,5	1,4
овощи открытого грунта					
овощи защищенного грунта					

Источник: Мурманскстат.

К концу 90-х годов хозяйства общественного сектора полностью отказались от производства растениеводческой продовольственной продукции открытого грунта, что объясняется, прежде всего, высокой трудоемкостью производственных процессов и низкой конкурентоспособностью по сравнению с завозной продукцией. Поэтому, в современных условиях биоклиматические условия в определенной степени отходят на второй план, а рыночные факторы становятся во многом определяющими.

В условиях экономического кризиса 90-х годов, в целях социальной поддержки населения, в регионе были реализованы мероприятия по выделению всем желающим в безвозмездное пользование земельных участков для садоводства и огородничества. В результате к 2000 году более 57 тыс. семей получили земельные наделы общей площадью около 5 тыс. га. В этот же период получило развитие и фермерское движение. Количество зарегистрированных фермерских (крестьянских) хозяйств к 1995 году достигло 71, число которых сохраняется на данном уровне по настоящее время.

Все это отразилось на изменении структуры посевных площадей сельскохозяйственных культур в части увеличения площадей под картофелем до 2,2 тыс. га, что составляет 24% от общей посевной площади, под овощами открытого грунта до 200 га (2%). Соответственно возросло производство данных видов культур – картофеля в 5,6 раза, овощей в 7,5 раза.

Следует отметить, что, несмотря на многократный рост, товарность продовольственной продукции растениеводства, произведенной в хозяйствах населения, остается крайне низкой и в целом не решает проблему обеспечения региона данной продукцией за счет местного производства. Тем не менее, сохраняется довольно стойкое мнение о высокой эффективности мелкотоварных хозяйств, продолжаются попытки под предлогом развития многоукладности в сельском хозяйстве, отдать приоритеты фермерству и подсобным хозяйствам населения.

В отличие от средних и крупных сельскохозяйственных предприятий, у мелкотоварного сектора отсутствуют соответствующие материальные и финансовые ресурсы для поддержания качества земельных угодий, возможность применения прогрессивных технологий, наличие необходимой инфраструктуры сбыта и др.

Таким образом, очевидно, что декларируемая поддержка мелкотоварного сектора в условиях несовершенных рыночных отношений, наличие множества факторов, негативно влияющих на деятельность сельскохозяйственных предприятий, не позволяют эффективно развиваться мелкотоварным организационным формам, о чем свидетельствует неуклонное снижение урожайности культур и низкий удельный вес (1 – 2%) в общем объеме товарной продукции, а так же устойчивое сокращение числа хозяйств населения с 58 тыс. ед. в 2003 году, до 37 тыс. ед. 2008 году.

Как уже отмечалось, основную часть пахотных угодий занимают кормовые культуры, площадь которых к 2009 году, по сравнению с 1990 годом, сократилась в 3,6 раза, что было обусловлено снижением поголовья крупного рогатого скота за тот же период в 5,5 раза и, соответственно, потребности в кормах. В настоящее время имеющиеся в области кормовые угодья

полностью обеспечивают потребности молочного животноводства в зеленых кормах и силосе. Основной же проблемой кормового баланса является обеспечение отрасли грубыми кормами и, прежде всего, сеном.

В настоящее время потребность в сене на 80% удовлетворяется за счет закупки в регионах Северо-Запада России. Ориентация отрасли на покупные корма сопряжена со значительными рисками, связанными с неустойчивостью рынка со стороны предложения и цен, из-за возможного неурожая, ввиду неблагоприятных погодных условий. Следует так же учитывать, что заготовка кормов и, прежде всего, сена в большинстве хозяйств сверх необходимого для собственного поголовья производится, как правило, в страховых целях, а не на продажу. Поэтому, для укрепления кормовой базы молочного животноводства, необходима диверсификация источников поступления грубых кормов, в первую очередь, за счет производства их на территории Мурманской области. С этой целью в 2000 году была разработана Программа «Восстановление плодородия сельскохозяйственных земель в Терском районе Мурманской области на 2001-2006 годы». За шесть лет по этой программе были выполнены работы по культуртехнической мелиорации на 89 гектаров старопахотных земель, что позволило произвести 2,7 тыс. тонн сена (или 40 % от общего объема заготовки) и около 2 тыс. тонн силоса. За годы действия программы в муниципальном предприятии «Совхоз Умбский» была создана соответственная техническая база, наработан опыт кормопроизводства, в два раза увеличены объемы заготовки кормов для хозяйств области.

Учитывая положительные результаты данной программы, в целях дальнейшего увеличения производства на базе МУСП «Совхоз Умбский» грубых и сочных кормов для животноводства области, была реализована, как продолжение предыдущей, ведомственная целевая программа «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов в Терском районе Мурманской области на 2007-2009 годы» [4]. Ее осуществление позволило значительно повысить обеспеченность поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах области сеном, а так же сохранить в депрессивном районе производственные мощности и рабочие места, тем самым, способствуя снижению социальной напряженности

Проведенный обзор и анализ развития земледелия и растениеводческих отраслей сельского хозяйства в Мурманской области показал, что в регионе имеются значительные незадействованные природные и биологические ресурсы, использование которых могло бы дать прирост продукции, повысить эффективность производства. Для успешного ведения земледелия и получения высоких урожаев сельскохозяйственных культур, требуется постоянно действующая региональная целевая программа, направленная на сохранение и повышение плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и включающая в себя ежегодный комплекс следующих мероприятий:

- мониторинг качества сельхозугодий, для определения необходимого ежегодного объема работ;
- проведение известкования кислых почв;
- заготовку и внесение органических удобрений (в том числе торфа);
- приобретение и внесение минеральных удобрений;
- культуртехнические работы на пахотных землях;
- выполнение работ по ремонту и содержанию мелиоративных систем.

Реализация комплекса данных мероприятий позволит предотвратить выбытие из оборота сельскохозяйственных угодий, обеспечит сохранение и повышение плодородия почв, будет способствовать росту урожайности сельхозкультур.

Для успешной реализации программ, направленных на поддержание плодородия почв, необходима эффективная государственная поддержка за счет бюджетов всех уровней, которая должна обеспечить в полном объеме весь комплекс предусмотренных мероприятий. Необходимо также на межхозяйственной основе восстановить специализированное предприятие по агрохимическому, культуртехническому и мелиоративному обслуживанию сельскохозяйственных земель.

Конечной целью всех этих мер, должно стать достижение устойчивого развития агропромышленного комплекса области, повышения его эффективности и

конкурентоспособности, обеспечение, в конечном счете, на более высоком уровне продовольственной безопасности региона.

Литература

5. Система ведения сельского хозяйства в Мурманской области / Под редакцией И.А. Чемисова. Мурманск. 1983.- 231 с.
6. Ведомственная программа «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов в Мурманской области на 2009-2010 годы». Режим доступа: http://gu.gov-murman.ru/index.php
7. Ведомственная целевая программа «Развитие сельского хозяйства Мурманской области на 2011 -2013 годы» Режим доступа: http://agricul.gov-murman.ru/laws/files/local_program-20101014.pdf
8. Ведомственная целевая программа «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов в Терском районе Мурманской области на 2007-2009 годы» Режим доступа: http://www.terskyraion.ru/joomla/atrfiles/2009/sovet_deputatov_documents/

References:

5. The system of running agriculture in the Murmansk region / Edited by I.A. Chemisov. Murmansk. 1983. – 231 p.
6. Departmental program “Conservation and restoration of soil fertility of agricultural lands and agro-landscapes in the Murmansk region for 2009-2010”. Access mode: http://gu.gov-murman.ru/index.php
7. Departmental target program "Development of agriculture in the Murmansk region fpr 2011-2013". Access mode: http://agricul.gov-murman.ru/laws/files/local_program-20101014.pdf
8. Departmental target program "Conservation and restoration of soil fertility of agricultural lands in Terskiy district of the Murmansk region for 2007-2009" Access mode: http://www.terskyraion.ru/joomla/atrfiles/2009/sovet_deputatov_documents/

ПРОБЛЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫХ ЗАТРАТ МНОГОНОМЕНКЛАТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ПРИМЕРЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Наумова М.В.,

Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассмотрены особенности методики распределения затрат и определения себестоимости продукции на примере горнопромышленных предприятий Мурманской области с комплексной переработкой многокомпонентного сырья и предложен научно-методический подход к ее оптимизации.

Ключевые слова: горнопромышленные предприятия, многокомпонентное сырье, распределение затрат, калькулирование себестоимости продукции.

M.V. Naumova
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

PROBLEMS OF DISTRIBUTION OF COMPLEX COST IN MULTINOMENCLATURE PRODUCTION ON THE EXAMPLE OF MINING ENTERPRISES OF THE MURMANSK REGION

The paper highlights the features of cost distribution methodology and determination cost of production on the example of mining enterprises of the Murmansk region with a complex multi-component processing of raw materials and proposes a scientific and methodical approach to its optimization.

Key words: mining enterprises, multi-component raw materials, the distribution of costs, calculation of the cost of production.

Многие предприятия минерально-сырьевого комплекса имеют такой тип производства, когда в результате единого технологического процесса вырабатываются различные виды продукции. К ним относятся горнодобывающие компании, перерабатывающие многокомпонентное сырье, содержащее различные виды минералов, извлекаемых в промышленных масштабах.

В рассматриваемом случае производство одного продукта может повлечь производство других, то есть будет иметь место совместное производство, когда по окончании одного цикла выходят два или более продукта. Все совместно производимые продукты невозможно идентифицировать до определенной стадии производства, точки разделения [1]. Данная особенность затрудняет распределение затрат между отдельными видами продукции, так как многие понесенные затраты являются общими для всего комплекса вырабатываемых продуктов. Поиск научно обоснованного метода их распределения относительно какой-либо базы и включения в себестоимость конкретных продуктов является одной из важнейших задач экономики подобных производств.

В научной литературе, посвященной данной тематике [2] выделяют четыре исторически сложившихся научных подхода к распределению затрат между продуктами горнодобывающих предприятий, перерабатывающих многокомпонентное сырье:

Дискриминационный, который основывается на выделении одного из продуктов в качестве основного, целевого, на себестоимость которого относятся все издержки на добычу и переработку сырья за вычетом стоимости всех остальных извлекаемых ценных компонентов, считающихся побочными (попутными, сопутствующими);

Бухгалтерский, рассматривающий процесс комплексного использования любого многокомпонентного сырья в рамках бухгалтерской науки и задачи как единый процесс с распределением общих затрат на производство между всеми товарными продуктами пропорционально одному из экономических параметров (себестоимости, цене, капитальным вложениям и т.д.);

Технократический, отрицающий возможности использования для распределения общих косвенных затрат экономических параметров и категорий и основывающийся на особенностях и технических параметрах исходного многокомпонентного сырья, технологии его переработки и вырабатываемых продуктов;

Нигилистский, отрицающий принципиальную возможность обоснованного распределения косвенных расходов.

Приверженцев последнего подхода можно, в основном, встретить среди иностранных исследователей, затрагивающих вопросы экономики совместного производства продукции. Согласно данной теории, достоверно известно только одно: совокупный размер совместных затрат и общая рентабельность производства. Д. Киз, например, делает такой вывод: «если точность

отнесения издержек настолько слаба, что это отнесение не будет полезно для принятия решения и не существует законодательных требования для распределения издержек) – тогда вообще не стоит распределять эти издержки». [3]

Проф. Н.Г. Чумаченко, проводивший исследование распределения затрат совместного производства горной промышленности в США, отмечает, что ряд американских авторов считает безуспешными поиски способов определения обоснованной себестоимости каждого продукта: «Правильная себестоимость может быть собрана, но эта себестоимость не может быть точно распределена между несколькими продуктами. Если такое распределение требуется, то оно может быть произвольным и настолько приемлемым, насколько это возможно». [4]

Д. Каплан [5] также говорит о нецелесообразности распределения, если речь идет о принятии управленческих решений, так как:

4. Распределение комплексных затрат не влияет на производственный процесс, изменить который, равно как и количество получаемых совокупных продуктов, в принципе, не возможно, так как относительное количество продукции присуще самому производственному процессу вне зависимости от предпочтений управленческого персонала
5. Распределение не влияет на ценообразование совместных продуктов, так как предприятия в большинстве случаев самостоятельно устанавливают цены, и если наблюдается падение спроса, то определение оптимального сочетания цены и объема производства зависит, прежде всего, от переменных издержек, и расчет будет выполнен для всех совместных продуктов одновременно, поэтому необходимость самого распределения отпадает.
6. Распределение совокупных затрат не влияет на прибыльность производства как такового.

Однако, другие авторы (Дж. Блокер) замечают, что хоть для ценообразования процесс распределение общих затрат и не имеет значение, так как на свободном рынке производитель продает свою продукцию по цене, которая определяется факторами спроса и предложения. И все же каждый производитель заинтересован в увеличении дохода, а, следовательно, в увеличении объема производства наиболее прибыльных товаров. При этом производство менее прибыльных позиций также не будет приостановлено до тех пор, пока их продажа покрывает часть расходов на производство, увеличивая тем самым совокупный доход. Поэтому особенно важно знать как с наибольшей точностью, какая доля совокупных расходов относится к каждому из совместно производимых продуктов [6]. Как утверждают Р. Вэйл и М. Маэр, если для управления производством процесс распределения комплексных затрат не представляет особой ценности, то для нужд финансовой и налоговой отчетности, он необходим, даже, если он будет неизбежно носить произвольный характер [7].

Таким образом, нигилистский подход, который в теории хоть и имеет право на существование, не представляется возможным для практического применения в современных экономических условиях, когда комплекс затрат горнодобывающего предприятия весьма значителен, а различные виды продукции, получаемые в конце единого технологического цикла, пользуются различным спросом на рынке и имеют различные темпы реализации

В рамках дискриминационного подхода действует метод отключения затрат на побочную продукцию. Анализируя данный способ можно сделать заключение, что он практически не дает никакой информации о себестоимости произведенного так называемого «попутного» продукта, и, кроме того, дает лишь искаженное представление о стоимости производства основной продукции. Безусловно, что то или иное распределение комплексных затрат не изменяет конечного финансового результата в целом по предприятию, однако производство нерентабельного продукта или неэффективное ценообразование, произведенное из-за отсутствия необходимой управленческой информации о себестоимости продукции может привести к общему снижению финансовых показателей деятельности, которого можно было бы избежать, применяя какой-либо из других учетных методов.

Основными недостатками методов отключения затрат на попутную продукцию, независимо от вида ее оценки, в настоящее время признаются следующие:

- условность деления продукции на основную и попутную, поскольку для общественного производства и потребления все продукты равноправны;
- все изменения показателей производства отражаются на себестоимости только основного продукта, себестоимость попутных продуктов, по существу, не выявляется;
- при большом объеме попутной продукции себестоимость основной продукции может оказаться равной нулю или даже отрицательной.

Возможность применения методов отключения затрат большинством экономистов ограничивается теми случаями, когда объем (по стоимости) «попутной» продукции незначителен (3-5%), и применение более точных, но и сложных методов лишено смысла [8].

Таким образом, наиболее теоретически обоснованными представляются бухгалтерский и технократический подходы, в рамках которых можно говорить о приблизительно 30 методах определения себестоимости продукции, выработанной из многокомпонентного сырья, не считая значительного количества комбинированных методов, которые основываются на использовании различных принципах распределения отдельных групп затрат[4,9]. В наиболее общем виде они представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Методы косвенного распределения.

Подход	**Критерий распределения**	**Особенности определения величины критерия распределения**
1	**2**	**3**
Бухгалтерский	Себестоимость	Средняя в индивидуальном производстве, эквивалентных заменителей, условная, искомая
	Цена	Компонентов в сырье, готовых продуктов, эквивалентных заменителей, расчетная (дифференцированная), мирового рынка, равная платежеспособному спросу
	Удельные капиталовложения	Средние по отрасли
Технократический	Физические параметры сырья или готовых продуктов	Вес готовых продуктов, содержание компонентов в сырье, содержание органической массы, теплотворная способность, эксергия, стехиометрические соотношения, совокупность физических критериев

Один из наиболее простых – это способ распределения комплексных затрат пропорционально какому-либо физическому параметру. Данный способ имеет серьезные ограничения для использования. Необходимым условием является единообразие единиц измерения получаемых продуктов. Кроме того, такой метод распределения используется при производстве продуктов с одинаковым спросом на них на рынке. При использовании данного метода предполагается, что каждый из произведенных продуктов вызывает у предприятия одинаковые затраты живого и овеществленного труда и одинаковые доходы. В соответствии с этим, на производство каждого вида продукции относится доля издержек, определенная исходя из его удельного веса в натуральном измерении и в общем объеме производства. Если возникает ситуация, что на какой-то из произведенных продуктов спрос и цена реализации будет выше, чем на другие (что и наблюдается в рассматриваемом случае), то использование этого метода может привести к искажению в определении финансового результата деятельности. Такой метод целесообразно использовать при производстве новых продуктов, цены на которые на рынке еще не сложились. Подавляющее большинство экономистов подчеркивает неадекватность соотношений физических параметров и экономических показателей [2,4,9]. В качестве главного доказательства этого можно отметить неизменность во времени и пространстве соотношений физических (натуральных) параметров любых химических элементов и нестабильность экономических параметров, стохастическая зависимость последних от изменения рыночной конъюнктуры, уровня цен на используемые ресурсы, зональные различия и т.д. Сказанное

свидетельствует о несоответствии методов распределения на основе физических (технических) критериев требованиям теории стоимости.

Теории стоимости наиболее соответствуют методы распределения на основании экономических параметров. В целом, можно согласиться с тем, что в точке разделения получаемые продукты являются равнорентабельными [4,9], так как до этого все ценные компоненты находятся в одном продукте (сырье), их физико-химические особенности никак не проявляются, не используются, не влияют на уровень затрат. Дальнейшая же индивидуальная специфическая финишная доработка каждого из выделенных промежуточных продуктов (полупродуктов) до товарного вида может осуществляться с разной эффективностью, так что рентабельность конечных товарных продуктов комбинированного и комплексного производства в общем случае теоретически будет различной.

Законодательной базой для распределения затрат совместного производства на горно-химических предприятиях в российской практике являются «Методические рекомендации по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) на предприятиях химического комплекса [10] и Методические рекомендации по планированию, формированию и учету затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) предприятий металлургического комплекса [11]. Данные документы посвящены общим вопросам о составе затрат, включаемых в себестоимость продукции, их классификации, особенностям учета, анализа и планирования и не содержат подробного рассмотрения проблемы распределения комплексных затрат многономенклатурного производства.

Затраты, относящиеся одновременно к нескольким видам совместно вырабатываемой продукции рекомендуется распределять следующими методами:

- по рассчитываемым коэффициентам прямого отнесения компонентов исходного сырья на отдельные виды выпускаемой продукции;
- по условному соотношению между сырьем и продуктом, выраженному в натуральной форме, например произведенному весовому соотношению (определяемому по условным коэффициентам);
- путем исключения затрат. При этом один из получаемых продуктов принимается за основной, а остальные считаются побочными, стоимость которых вычитается из общих затрат по технологическому процессу по принятым для них условным измерителям. Разница между общей суммой затрат и стоимостью попутных продуктов представляет собой в этом случае затраты на производство основного продукта. Этот метод применяется при преобладающей части основного продукта и небольшой доле попутной продукции, оцениваемой либо по аналогии с ее затратами при обособленном производстве, либо по цене реализации за вычетом средней прибыли;
- распределением затрат по одновременно получаемым продуктам, приводимым к единому измерению с помощью переводных коэффициентов, в качестве которых используются стоимость полезных веществ, находящихся в сырье, и другие показатели.

В целом, в законодательных и нормативных документах перечисляются многие из известных методов распределения, а предприятие наделяется правом выбора наиболее подходящих для него. Таким образом, определение метода учета затрат и калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг) для отдельного хозяйствующего субъекта обусловливается многими факторами и зависит непосредственно от особенностей предприятия, а эффективность использования выбранного метода определяется степенью достижения целей, поставленных на этапе планирования производства.

Характерным примером, иллюстрирующим проблему калькулирования себестоимости продукции комплексного производства, являются горнопромышленные предприятия Мурманской области. Руды, разрабатываемые одним из них, неоднородны по составу и по строению. К их главным компонентам относят магнетит, форстерит, апатит и кальцит, промышленное извлечение которых позволяет получать три вида товарной продукции: железорудный (ЖРК), апатитовый (АПК) и бадделеитовый (БК) концентраты. Принципиальная схема процесса производства представлена на рисунке 1.

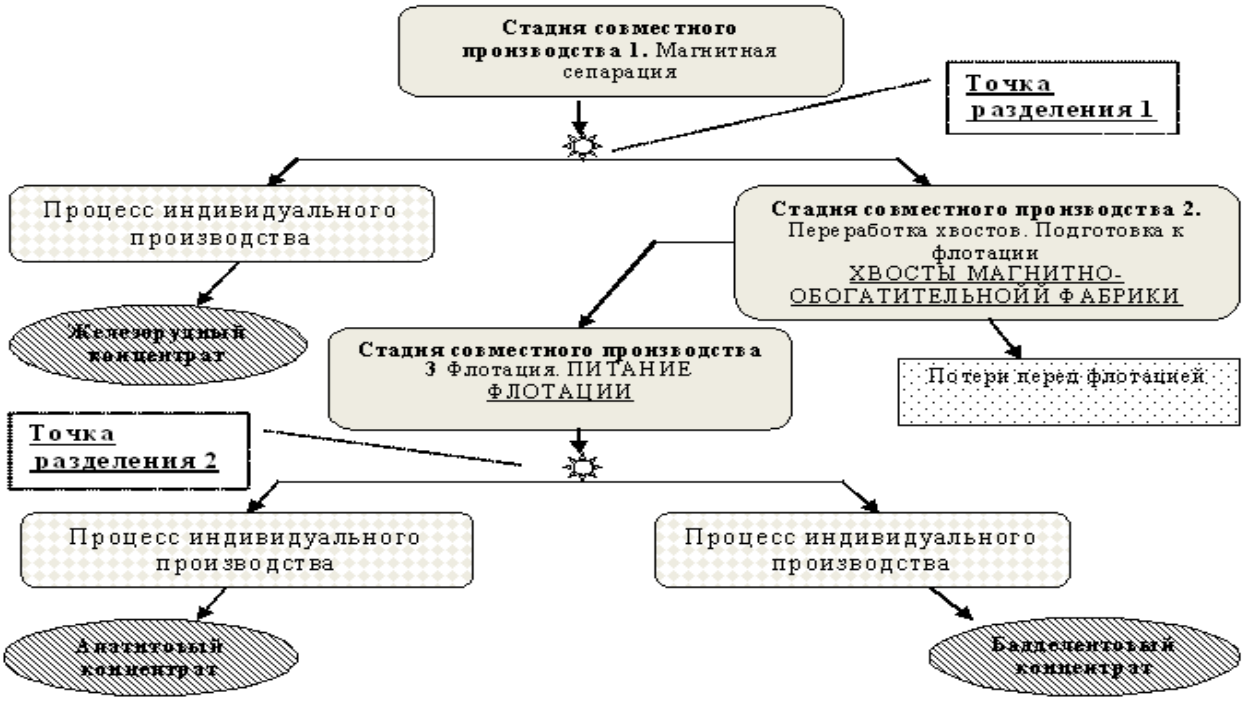

Рисунок 1. Схема производственного процесса предприятия

Метод распределения затрат, применяемый на практике в рассматриваемом случае, основан на учете физических параметров сырья. За основу взят такой специфический показатель как сокращение рудного потока.

Сокращение потока (СП) рассчитывается отдельно для каждого конкретного продукта с учетом количества сырья, которое необходимо переработать для получения конечного концентрата. Так, согласно производственной схеме, для выработки железорудного концентрата проходит переработку только первичное сырье – руда (стадия 1, рисунок 1). Для получения апатитового концентрата необходимо переработать сначала первичную руду (стадия 1, рисунок 1), затем обработке подвергаются хвосты магнитно-обогатительной фабрики (стадия 2, рисунок 1) и питание флотации (стадия 3, рисунок 1).

Таким образом, сокращение потока рассчитывается по формулам:

СП(ЖРК) = сухой вес руды/ сухой вес ЖРК (1)

СП (АПК) = (сухой вес руды + сухой вес хвостов магнитно - обогатительной фабрики + Сухой вес питания флотации) / сухой вес АПК (2)

Учетной политикой предприятия предусмотрено, что в из-за незначительности объемов бадделеитового концентрата, принято отношение затрат на его производство в размере 0,02%. Остальные 98% подлежат распределению между двумя оставшимися продуктами на основе выбранной базы распределения.

Тогда общие затраты совместно произведенных продуктов распределятся следующим образом: ЖРК – 13,49%; АПК – 86, 49%; БК – 0,02%.

Применяемый метод имеет существенные недостатки:

- В качестве основного принципа распределения косвенных затрат принята степень сокращение материальных потоков в технологических операциях по получению разных концентратов.
- Принцип распределения распространяется только на два из производимых продуктов, необоснованно игнорируя третий.

- Отсутствует рациональное обоснование отнесения именно 0,02% общих косвенных затрат на бадделеитовый концентрат.

Таким образом, применяемый метод может давать весьма приближенное представление о реальной себестоимости каждого конкретного из производимых концентратов, а, следовательно, вывод об экономической эффективности их выработки сделать нельзя.

На основе анализа способов распределения комплексных затрат можно рекомендовать следующую методику определения себестоимости продукции многономенклатурного производства:

1. Все разнообразные виды сопряженной продукции (ценные компоненты в них), получаемой из многокомпонентного сырья на любой стадии, операции производства, пользующиеся спросом на рынке, являются равноправными.

3. Прямые затраты, непосредственно связанные и неизбежно возникающие при организации производства конкретного продукта (ценного компонента) из многокомпонентного сырья, относятся только на себестоимость этого продукта прямым счетом

4. Косвенные затраты целесообразно распределять между всеми полезно используемыми компонентами сырья пропорционально возрастанию их стоимости в рамках этой операции, так как точке разделения получаемые продукты являются равнорентабельными в связи с тем, что до этого момента все ценные компоненты находятся в одном продукте (сырье) и их физико-химические особенности никак не проявляются, не используются, не влияют на уровень затрат.

Таким образом, предложенный научно-методический подход к распределению комплексных затрат многономенклатурного производства позволит обоснованно определить себестоимость отдельных совместно произведенных продуктов, что может служить надежной базой для оценки их рентабельности, регулирования в области ценообразования, осуществления стратегического планирования и будет являться залогом успешного развития предприятия в долгосрочном периоде.

Литература:

12. Адамов Н.А. Адамова Г.А. Особенности учета затрат комплексного производства// Консультант бухгалтера, 2007, № 5. С.40-45
13. Ларичкин Ф.Д. Научные основы эффективности комплексного использования минерального сырья. Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2004, 252 с.
14. Keyes, D. E. and R. J. Lefevre. 1995. Departmental activity-based management. Management Accounting (January)
15. Ларичкин Ф.Д. Особенности учета затрат и калькулирования себестоимости продукции в комплексных производствах. Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2003, 106 с.
16. Caplan Dennis. Management Accounting: Concepts and Techniques/ Режим доступа: http://classes.bus.oregonstate.edu.
17. Blocker John J. Essentials of Cost Accounting/ Режим доступа: http://books.google.ru.
18. Weil Roman L,Michael Maher. Handbook of Cost Management/ Режим доступа: http://books.google.ru.
19. Кузнецов Г.Д. Калькулирование себестоимости продуктов переработки комплексного сырья. - М.: Экономика, 1964.
20. Ларичкин Ф.Д. Теория и практика стоимостной оценки полезных компонентов в минеральном сырье и продуктах его комплексной переработки. М.: НП НАЭН, 2008, 88с.
21. Методические рекомендации по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) на предприятиях химического комплекса. - М. Минэкономики РФ, 1998.
22. Методические рекомендации по планированию, формированию и учету затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) предприятий металлургического комплекса. – Министерство промышленности и энергетики Российской Федерации. - М., 2004.

References:

12. Adamov N.A., Adamova G.A. Features of costs accounting of complex production / Consultant Accountant, 2007, № 5. P.40-45.
13. Larichkin F.D. Scientific basis of the effectiveness of integrated use of mineral resources. Apatity: Izd RAS, 2004, 252.
14. Keyes, D. E. and R. J. Lefevre.Departmental activity-based management. Management Accounting (January), 1995.
15. Larichkin F.D. Features of cost accounting and calculation of production costs in complex industries. Apatity: Izd RAS, 2003, 106.
16. Caplan Dennis. Management Accounting: Concepts and Techniques/ Mode of access: http://classes.bus.oregonstate.edu.
17. Blocker John J. Essentials of Cost Accounting/ Mode of access: http://books.google.ru
18. Weil Roman L,Michael Maher. Handbook of Cost Management/ Mode of access: http://books.google.ru.
19. Kuznetsov G.D. Calculation of the cost of processing products of complex materials. - Moscow: Economics, 1964.
20. Larichkin F.D. Theory and practice of valuation of mineral components in mineral raw materials and products of its complex processing. MM: NP NAEN, 2008, 88s.
21. Methodical recommendations on planning, accounting and calculation of the cost of goods (works, services) in the chemical industry. - M. Economy Ministry of Russia, 1998.
22. Methodical recommendations on planning, and accounting costs for production and sale of goods (works, services) of enterprises of the metallurgical complex. - Ministry of Industry and Energy of the Russian Federation. - M., 2004.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В МИРОВОЙ АРКТИКЕ

Николаева А.Б.,
кандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела экономической политики
и хозяйственной деятельности в Арктике и районах Крайнего Севера
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН

Аннотация. В Арктике находятся одни из самых крупнейших запасов нефти и газа, а также целый ряд полезных ископаемых. В статье рассматривается экономическая политика различных стран, проводимая ими в мировой Арктике.

Ключевые слова: Мировая Арктика, экономическая политика, международное законодательство, углеводороды.

STATE ECONOMIC POLICY IN THE WORLD ARCTIC

Nikolaeva A.B.,
Ph.D. (Econ.), Docent,
senior researcher of department of economic policy and economic activities in regions of the High North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

Abstract. Some of the largest oil and gas reserves as well as a number of other valuable mineral fields are located in the Arctic. The article discusses economic policy of various countries carried out in the world Arctic.

Key words: The world Arctic, economic policy, international legislation, hydrocarbons.

Последние годы Арктике уделяется все большее внимание. Главная причина всплеска интереса со стороны самых разных государств очевидна: в арктических «кладовых» хранятся богатства углеводородов, залежи золота, серебра, алмазов, платины, олова, марганца, никеля, свинца и вольфрама.

В настоящее время в основных добывающих провинциях страны уже серьезно выработаны наиболее крупные месторождения, наблюдается естественное сокращение приростов запасов, и планируется соответствующее снижение уровней добычи. В этих условиях для отечественной экономики, в значительной мере опирающейся на добычу углеводородов, особое значение приобретают вопросы освоения ресурсов новых высокоперспективных регионов. Одним из таких регионов является Арктика, в том числе шельфы северных морей [3].

Этот регион обеспечивает сегодня более 10 процентов национального дохода России. Здесь создается более 20 процентов объема общероссийского экспорта [5]. Несомненно, с освоением этого региона связано развитие отраслей, ориентированных на развитие биоресурсов, прежде всего рыболовства. Конечно, наибольший интерес представляют углеводороды. Российская Федерация давно претендует на часть арктического шельфа. Кроме того, существуют пять основных участников, которые рассчитывают расширить свои экономические интересы в Арктике. Помимо Российской Федерации, это Канада, США, Дания и Норвегия. Каждый из них

имеет свои способы для укрепления собственных позиций и свою стратегию по продвижению собственных интересов в регионе.

По мнению ряда отечественных аналитиков, именно Россия выступила катализатором крупнейшей геополитической интриги вокруг будущего Арктики, заявив свои права на часть богатого углеводородами арктического шельфа (части подводной окраины материка, примыкающей к суше и характеризующейся общим с ней геологическим строением). Что же касается международного законодательства, то исчерпывающего ответа на вопрос о будущем Арктики в нем нет. В 1982 году 119 государств подписали международную Конвенцию по морскому праву. Правда, и четверть века спустя она ратифицирована еще не всеми. Не сделали этого и Соединенные Штаты. Документ ввел понятие территориального моря (территориальных вод), под которым понимается примыкающий к сухопутной территории или внутренним водам государства морской пояс шириной до 12 морских миль. Он входит в состав прибрежного государства, суверенитет которого распространяется на территориальное море, его дно и недра дна, на воздушное пространство над территориальным морем. Внешняя граница территориального моря является государственной границей [4].

Прибрежные государства обладают правом на исключительную экономическую зону (ИЭЗ) – район, находящийся за пределами территориального моря и прилегающий к нему. Но ширина ИЭЗ не должна превышать 200 морских миль (370 км). В ИЭЗ прибрежные государства обладают ограниченным суверенитетом, что подразумевает исключительные права на рыбную ловлю, разведку и добычу полезных ископаемых, но запрещает препятствовать проходу кораблей других стран. Конвенция устанавливает границы шельфа в 200 морских миль, то есть границы исключительной экономической зоны и шельфа совпадают. Однако государство имеет право претендовать на шельф, простирающийся за 200-мильную зону. Для этого необходимо подать заявку в комиссию ООН по границам континентального шельфа. Если ее признают обоснованной, государство может расширить границы шельфа. В этом случае расширяется именно континентальный шельф, а не ИЭЗ: за 200-мильной зоной прибрежное государство имеет право регулировать добычу минеральных ресурсов, но не может ограничивать права третьих стран на рыболовный промысел. Вот за это «право регулировать добычу минеральных ресурсов» на международной арене разворачивается борьба. «По оценкам экспертов, континентальный шельф Арктики может содержать около четверти всех шельфовых запасов углеводородов в мире, и использование этих ресурсов – залог энергобезопасности России в целом», – заявил на состоявшемся 17 сентября 2008 года Совете безопасности президент РФ Дмитрий Медведев. По итогам заседания он поручил правительству подготовить план реализации основ государственной политики в Арктике до 2020 года. Не менее решительно настроены и лидеры других государств. Как заметил генеральный директор Института стратегических оценок и анализа Вагиф Гусейнов, «за время, прошедшее с момента возвращения полярной экспедиции Чилингарова, более 20 стран заявили о своей готовности участвовать в разработке полезных ископаемых в Арктике. США, КНР, Германия, Швеция и Канада объявили о разработке национальных программ по развитию ледокольных флотов».

Борьба идет и за морские пути. К лету 2007 года часть океана, покрытая льдом, сократилась более чем на миллион квадратных миль, и, таким образом, площадь ледяного покрова Центральной Арктики сейчас вдвое меньше, чем 50 лет назад. Впервые открылся для судоходства Северо-Западный проход – легендарный морской путь в Азию, который европейские мореплаватели тщетно искали в течение многих веков. Даже если международному сообществу удастся в ближайшем будущем существенно замедлить темпы изменения климата, процесс потепления в определенной степени необратим. Вопрос уже не в том, откроется ли Северный Ледовитый океан для регулярных морских перевозок и исследования богатых запасов полезных ископаемых, а в том, когда это произойдет. В конце августа 2008 года Канада приняла решение о распространении своего законодательства о загрязнении вод в Арктике на 200-мильную зону на севере. Прежде его действие ограничивалось 100-мильной полосой. Это решение имеет большое

геополитическое значение и касается не только Канады. Премьер-министр Канады Стивен Харпер не скрывал, что «отдельные страны могут проявить недовольство». Дело в том, что канадский закон о загрязнении арктических вод нарушает консенсус, сложившийся по поводу статуса Северо-Западного прохода (морского пути между Атлантическим и Тихим океанами через моря и проливы Канадского Арктического архипелага). Северо-Западный проход является кратчайшим морским путем между рядом отдаленных регионов планеты. К примеру, протяженность маршрута от Роттердама до Токио по Суэцкому каналу составляет 21 110 км, а по Северо-Западному проходу – 15 900 км. Причем с каждым годом период навигации в нем удлиняется. По прогнозам ученых, к 2050 году в условиях глобального потепления он может стать незамерзающим. Канада запустила спутник с наблюдательной системой на борту, который отслеживает нарушения ее территориальных вод. Соответственно контроль над Северо-Западным проходом дает большие материальные и геополитические преимущества. Поэтому Оттава настаивает на том, что Северо-Западный проход является территориальными водами Канады. Дания хочет «поделить» проход с Канадой. США и прочие страны считают пролив международными водами.

Конкуренцией в вопросе о статусе Северо-Западного прохода отношения между США и Канадой не исчерпываются. США и Канада организовали совместную экспедицию в Северном Ледовитом океане. Целью этой миссии является сбор сведений, которые могут определить протяженность континентального шельфа США в Ледовитом океане, при этом не уточняется, где именно американцы рассчитывают найти окончание своего шельфа. Экспедиция собралась пройти примерно на тысячу километров на север от Аляски.

В настоящее время американцы содержат Военно-морской флот, равный по величине флотам 17 следующих за ними стран (с точки зрения размеров их ВМС), вместе взятым. В то же время у Америки есть лишь один ледокол, годный для океанского плавания. Ввиду этого, Америка собирается значительно увеличить военный флот в Арктике. В свою очередь Оттава намерена строить военные объекты в стратегически важных пунктах Северо-Западного прохода. К примеру, постоянный гарнизон будет развернут в поселке Йеллоунайф. Кроме того, Канада провела в Арктике военные учения «Нанук-2008» и выделяет средства на строительство новых патрульных судов для Северного Ледовитого океана, глубоководного порта и тренировочного центра по подготовке к работе в условиях холодного климата вдоль Северо-Западного прохода. Главком ВМФ России Владимир Высоцкий заявил о планах по созданию авианосных групп на Северном и Тихоокеанском флотах.

Дания и Норвегия, которым принадлежат соответственно Гренландия и архипелаг Свальбард (Шпицберген), также заявляют о своих правах на Арктику. Норвегия в 2006-м подала заявку на владение дополнительными ресурсами в Арктике. Между Оттавой и Копенгагеном сейчас имеются разногласия относительно принадлежности необитаемого острова Ханс, который представляет собой голые камни, но расположен в богатых ресурсами водах в проливе Нарес между канадским островом Элсмир и островом Гренландия.

В 2001 году российское правительство подало заявку в Организацию Объединенных Наций на права в отношении 460 тыс. квадратных миль акватории Северного Ледовитого океана, богатой природными ресурсами. Это примерно территория штатов Индиана, Калифорния и Техас, вместе взятых. ООН не признала эти притязания, имеющие далеко идущие последствия.

В настоящее время Россия выступает за секторный метод раздела Арктики. При этом границы должны проходить от Северного полюса параллельно меридианам так, чтобы охватывать крайние точки береговой линии той или иной страны. Этот принцип был декларирован еще постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 года. По нему «русский треугольник» в Арктике был образован Чукоткой, Северным полюсом и Кольским полуостровом. Однако, ратифицировав в 1997 году Конвенцию ООН по морскому праву, Россия отказалась от претензий на полярные владения Советского Союза. Теперь, чтобы оставить за собой сектор СССР в Арктике, предстоит убедить в обоснованности этих претензий членов комиссии ООН.

Как уже говорилось, Арктический регион не управляется никакими многосторонними нормами или правилами, поскольку никогда не предполагалось, что водное пространство Арктики станет судоходным, а ее территория будет местом крупномасштабных коммерческих проектов. Поэтому решения, которые будут приниматься арктическими государствами в последующие годы, существенным образом определят будущее региона на предстоящие десятилетия [4].

Эксперты стараются точно определить, сколько нефти и газа находится под полярными льдами. Результаты первых изысканий показывают, что там могут находиться последние еще не разведанные запасы углеводородных ресурсов на Земле. По оценкам Геологической службы США и норвежской компании StatoilHydro, в Северном Ледовитом океане спрятано до 25 % еще не открытых запасов нефти и газа. Некоторые предприниматели, занимающиеся разведкой нефти там, где нет подтвержденных запасов, полагают, что по мере накопления знаний о геологии региона данная цифра существенно возрастет. Вытянутый континентальный шельф Северного Ледовитого океана – это еще один показатель наличия здесь запасов нефти и газа, доступных для коммерческой добычи. По образцам, взятым в толще льда, ученые, занимающиеся вопросами изменения климата недавно установили, что когда-то в Северном Ледовитом океане были представлены все разновидности органических веществ, которые, находясь под сильным давлением морского дна на протяжении тысячелетий, возможно, образуют огромные залежи органического топлива. Самые большие запасы обнаружены в Северном Ледовитом океане у побережья России. Государственная компания «Газпром» уже сейчас занимается разработкой приблизительно 113 трлн кубических футов газа (3,164 трлн куб. м.) на принадлежащих ей месторождениях в Баренцевом море. По подсчетам российского Министерства природных ресурсов, территория, на которую претендует Россия, может содержать до 586 млрд баррелей нефти, хотя существование этих месторождений не доказано. Для сравнения: все ныне доказанные нефтяные запасы Саудовской Аравии (в которые, правда, не входят неисследованные и предполагаемые ресурсы) составляют лишь 260 млрд баррелей. Геологическая служба США впервые начала изучение природных богатств Арктики. Первые территории, которые будут изучены, – это котловина у побережья Восточной Гренландии площадью 193 тыс. квадратных миль. Согласно первым сейсмическим данным, здесь могут находиться месторождения нефти объемом 9 млрд баррелей и газа объемом 86 трлн кубических футов (2,408 трлн куб. м.). Общие запасы нефти на побережье Аляски, омываемом Северным Ледовитым океаном, составляют по меньшей мере 27 млрд баррелей. К 2015 году добыча нефти в море может составлять около 40 % всей мировой добычи.

Пока решение не найдено, страны Арктического региона, вероятно, будут захватывать как можно больше территорий и осуществлять суверенный контроль над новыми морскими путями где только возможно. На этой ничьей – в правовом смысле – территории приполярные государства преследуют свои узкие национальные интересы, устанавливая гидролокационные сети и снаряжая ледоколы для защиты своих притязаний.

Вероятно, способом управления Арктикой могла бы стать разработка всеобъемлющего договора, гарантирующего организованный коллективный подход к добыче природных богатств региона [6].

Главная цель США и их союзников по НАТО – расширить экономическое присутствие в районах Севера, добиться интернационализации Северного морского пути и в конечном итоге попытаться вытеснить Россию из региона. Судя по информации российского Совбеза, в Арктике уже создается и развивается военная инфраструктура. В частности, в США принято решение о строительстве двух новых передовых баз береговой охраны на Аляске в Барроу и в Номе. Рассматриваются возможности обеспечения постоянного присутствия в Арктике авианосной группы и выделения дополнительных патрульных кораблей. Наращиваются усилия по противолодочной обороне и обеспечению глубоких десантных операций.

Минобороны США уже на практике готовит подразделения сухопутных войск к действиям в Арктике. Начались поставки в войска специально адаптированных для действий в суровых климатических условиях многоцелевых вертолетов «Блэк Хок». В арктическом секторе

государственной границы и на приграничной территории Российской Федерации активизировалась деятельность спецслужб США и их союзников по НАТО. Используются новейшие радиотехнические средства. Над акваторией Баренцева моря зафиксированы полеты разведывательных самолетов. Походы в Баренцево море в разведывательных целях совершают боевые корабли и атомные многоцелевые подводные лодки ВМС США.

К ведению разведки привлекаются научно-исследовательские суда Норвегии. Используются различные международные неправительственные организации, в особенности – экологические. Присутствие иностранных исследователей отмечается в районах архипелага Новая Земля и в горле Белого моря – там, где мы проводим испытания своих атомных подводных лодок. В Норвегии говорят о планах изменения демилитаризованного статуса Шпицбергена, завершается разработка концепции применения национальных вооруженных сил в Арктическом регионе.

Канада объявила о планах создания к 2012 году арктических военно-морских сил, включающих 6 – 8 боевых кораблей ледового класса. Годовой военный бюджет, где арктический сегмент фигурирует в качестве приоритетного, увеличивается к 2025 году с 18 до 36 миллиардов канадских долларов. Евросоюз формирует собственные военные структуры в Северной Европе и наращивает военное присутствие в Арктике. Это делается в рамках совершенствования европейской политики безопасности и обороны на арктическом направлении.

Россия пока лишь наблюдает за этими шагами наших арктических соседей. Ведется мониторинг ситуации, из конкретных планов пока заявлено об усилении контроля за воздушным пространством и наращиванием радиолокационного поля на побережье Северного Ледовитого океана. В этом и заключается усиление группировки войск и сил, дислоцированных в Арктической зоне России.

Проблемы освоения Российской Федерацией арктических территорий имеют для Российской Федерации стратегическое значение. Арктика на длительную перспективу является не только важнейшей ресурсной базой России, опорным регионом для наращивания ее транзитного потенциала, но и узлом пересечения долгосрочных национальных интересов нашей страны и основных зарубежных стран в международной, оборонной и экологической сферах.

Существующая система государственного управления в Арктической зоне Российской Федерации недостаточно скоординирована. Несовершенство мер государственного регулирования в экономической и социальной сферах привело к критическому состоянию базовой транспортной, промышленной, пограничной, информационной, научной и социальной инфраструктур. Нарастают диспропорции регионального развития. Для реализации транзитного потенциала России важной является задача обеспечения эффективного использования Северного морского пути. Объем перевозок по трассе СМП за 15 лет уменьшился в 2,5 раза. На этом направлении уже в ближайшие годы необходимо решить вопросы государственной поддержки строительства судов ледокольного, аварийно-спасательного и вспомогательного флотов, а также береговой инфраструктуры, реализовать комплекс мер по гидрометеорологическому и навигационному обеспечению транспортного сообщения в Арктической зоне Российской Федерации. Реализация этих мер позволит не только восстановить масштабы перевозок по Северному морскому пути, но со временем превратит его в глобальную мировую транспортную артерию, соединяющую Европу и Азию. Что касается международного нормативно-правового закрепления позиций в Арктике, здесь на первый план выходит проблема формирования до 2012 года доказательной базы для международно-правового оформления внешней границы континентального шельфа России в Арктике.

США, Норвегия, Дания и Канада проводят единую и скоординированную политику недопущения России к богатствам шельфа. Выдвигаются идеи, что к Арктике надо подходить как к общему наследию человечества, имея в виду открытие этого региона для международных нефтегазодобывающих компаний. Высказываются предложения подписать международный договор об Арктике, устанавливающий международный режим управления по аналогии с

Договором об Антарктике. Наращивается военное присутствие зарубежных стран в этом регионе, форсируется реализация планов по созданию современных ледокольных флотов.

Вполне очевидно, что многое не совпадает с экономическими, геополитическими и оборонными интересами России и представляет системную угрозу ее национальной безопасности [1].

В системном виде целостную картину ситуации «Россия в Арктике» сегодня трудно представить, поскольку в настоящее время в этой сфере разобщены усилия учёных, практиков-руководителей, ресурсы разных ведомств и научных направлений. А значительное число различного рода концепций, доктрин, других документов носят отраслевой характер и не связаны между собой. К тому же по проблемам российской Арктики нет ни одного федерального закона, в целостном виде дающего правовое обеспечение её развития во внешнем и международном плане. Поэтому в июне 2010 года был создан Экспертный совет по Арктике при Председателе Совета Федерации.

Программным документом, направленным на развитие региона, сегодня являются «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», утверждённые Президентом страны 18 сентября 2008 года. В Основах определены национальные интересы Российской Федерации в Арктике, главные цели государственной политики, её стратегические приоритеты, основные меры по их реализации. Среди главных задач в документе названы социально-экономическое развитие, военная безопасность, защита и охрана государственной границы Российской Федерации, пролегающей в Арктической зоне, экологическая безопасность, информационные технологии и связь, наука и технологии, международное сотрудничество. Исходя из этого определены и основные задачи Экспертного совета. Это анализ российского законодательства и правоприменительной практики по вопросам реализации государственной политики России в Арктике, подготовка предложений Совету Федерации о внесении изменений в законодательство с целью реализации государственной политики в этом регионе, участие в экспертизе крупных российских и международных проектов, осуществление мониторинга реализации государственной политики в Арктике. Экспертный совет должен перейти к выработке комплексных, взаимоувязанных на федеральном, региональном уровнях рекомендаций по разрешению накопившихся проблем с учётом взятых на себя Россией международных обязательств и международного права. Мы должны выработать на примере Арктики методику научно-экспертного сопровождения процессов подготовки государственных решений, принятия и реализации государственной политики с прогнозированием возможных последствий. Важность проблем настоящего и будущего Арктической зоны России обусловливает необходимость именно такого подхода [2].

Деятельность Экспертного совета должна внести позитивный сдвиг в разрешение Россией проблем в Арктике, сохранение и усиление исторических позиций России в этом регионе.

Литература

7. Борисов Т**.** Без боевых пингвинов. Российская газета, 30.03.09
8. Говердовский Ю. Холодный край становится ареной жаркой борьбы// Парламентская газета, №31-32, 18.06.2010
9. Зерщикова Н.И. Организационно-правовые особенности эффективного недропользования// Север и рынок. - №2. - 2007. - С.114-120.
10. Морской бизнес-атлас 2008. Информационный сайт INTERNET. Режим доступа: www.morprom.ru
11. Никодим Унтов. Арктика уже всем мозолит глаза. Полярная правда 14.01.11
12. Россия в глобальной политике. Информационный сайт INTERNET. Режим доступа: www.globalaffairs.ru

References

7. Borisov T. Without fighting penguins. Rossiyskaya gazeta, 30.03.09

8. Goverdovskiy Yu. The cold region becomes an arena for hot fighting // Parlamentskaya gazeta, No. 31-32, 18.06.2010
9. Zershchikova N.I. Organizational-legal specificity of efficient use of mineral resources//North and Market. – No. 2. – 2007. – P. 114-120.
10. Sea business-atlas 2008. Information site INTERNET. Access mode: www.morprom.ru
11. Nikodim Untov. The Arctic is eyesore to everybody. Polyarnaya Pravda 14.01.11
12. Russia in the global policy. Information site of INTERNET. Access mode: www.globalaffairs.ru

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Харитонова Г.Н.,
кандидат экономических наук, доцент,
заведующая сектором экономического механизма природопользования
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье в историческом аспекте рассматриваются недостатки действующего института государственной экологической экспертизы и анализируются их причины; доказывается, что отсутствие технических регламентов в области охраны окружающей среды и региональных стандартов качества окружающей среды является основной причиной, препятствующей совершенствованию эколого-экспертного процесса в стране и в регионах; анализируется проект федерального закона, направленного на восстановление экологической экспертизы для экологически опасных объектов.

Ключевые слова: государственная экологическая экспертиза, реформа управления охраной окружающей среды, технические регламенты

PROBLEMS OF IMPROVING THE INSTITUTE OF ECOLOGICAL EXPERTISE

Kharitonova G.N.
Ph.D. (Econ.), Docent
head of sector of economic mechanism of nature management
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre RAS

The article considers shortcomings of the existing institute of state ecological expertise in the historical aspect and analyses their causes; it is proved that the lack of technical regulations in the field of environmental protection and regional standards of the environment quality is the main reason hampering improvement of the ecological-expert process in the country and the regions; the draft federal law aimed at restoration of ecological expertise for environmentally dangerous objects is analyzed.

Key words: state ecological expertise, reform of environmental management, technical regulations

Экологическая экспертиза является наиболее значимым инструментом в системе административных методов управления охраной окружающей среды (ООС). Другие инструменты, такие как: лицензирование, штрафные санкции, приостановка деятельности, имеют меньший вес

по разным причинам: они или менее развиты, или у них менее широкий круг субъектов, или они редко применяются.

Экологическая экспертиза отличается от многих методов управления ООС, в том числе и от экономических (экологические платежи, страхование, субсидии, налоговые льготы), тем, что ее применение является прямым гарантом обеспечения экологической безопасности. Она позволяет предотвратить экологический ущерб или значительно его ослабить. Большинство других инструментов хозяйственного механизма ООС менее эффективно выполняют функцию предотвращения экологических нарушений. Например, в настоящее время все крупнейшие загрязнители окружающей среды исправно перечисляют экологические платежи в бюджеты разных уровней и не предпринимают кардинальных мер для экологической модернизации производства и, следовательно, для снижения причиняемого ущерба.

Экологическая экспертиза как метод управления ООС существовала не всегда, в природоохранной практике СССР она стала применяться только в семидесятых годах прошлого столетия. Только с 1974 г. природоохранные меры стали составной частью перспективных и годовых планов развития народного хозяйства по всем министерствам, ведомствам и по стране в целом. Большинство действующих ныне промышленных предприятий, например, на территории Мурманской области, были построены значительно раньше, т.е. не проходили процедуру экологической экспертизы. Неоспоримым достижением советского периода природоохранной деятельности является тот факт, что за счет государственных капитальных вложений удалось впервые создать основные природоохранные фонды на действующих предприятиях, т.е. начать защищать окружающую среду техническими и технологическими методами. В результате в период с 1965 г. по 1990 г. объем выбросов в атмосферу от стационарных источников промышленными предприятиями Мурманской области был снижен на 85%, а, например, у производственного объединения «Апатит» этот показатель достиг 95%.

В тоже время предприятия продолжали развиваться, и экологическая экспертиза, уже на основе действующего природоохранного законодательства, проводилась по всем новым проектам. Поэтому требуется объяснение существованию ныне предприятий – загрязнителей окружающей среды, которые подвергались официальной процедуре экологической экспертизы.

Причины кроются в приоритете экономического интереса государства над экологическим и в несовершенстве эколого-экспертной процедуры. При плановой системе хозяйства экологическая экспертиза проводилась Государственным плановым комитетом СССР (Госплан) и Государственным комитетом СССР по науке и технике. Главной задачей Госплана СССР и всей системы территориального планирования было обеспечение экономического роста за счет развития производительных сил, которое осуществлялось, в основном, на экстенсивной основе, т.е. за счет создания новых производств и развития действующих. Показатели прироста производственных мощностей и валового выпуска продукции были основными контрольными показателями планов всех уровней: от государственного до плана предприятия, и в соответствии с концепцией долгосрочного планирования должны были иметь только положительный тренд. При этом объективность заключений экологической экспертизы зачастую рассматривалась как сдерживающий фактор для создания новых производств. Более того, экспертные заключения лишь согласовывались с государственными природоохранными органами, а в случае отказа подписать положительное заключение, для согласования привлекался другой сотрудник природоохранного ведомства или, в лучшем случае, проект отправлялся на корректировку.

Заключение государственной экологической экспертизы после его подписания членами экспертной комиссии приобретает силу юридического документа, что означает недопустимость внесения в него и в реализуемый проект каких-либо изменений. Проконтролировать реализацию проекта не всегда удается органам, ответственным за экологический контроль, что является еще одной из существенных причин экологических нарушений уже после получения положительного заключения экологической экспертизы.

Таким образом, если ранжировать причины появления экологически опасных предприятий, несмотря на прохождение ими обязательной экологической экспертизы, то на первое место следует поставить, доминирование в стране экономических приоритетов над экологическими, наблюдаемое на протяжении длительного времени. Вторую группу причин составят недостатки экологической экспертизы как объекта управления, контроля и надзора.

Анализ институциональных изменений в период трансформации модели хозяйства с плановой на рыночную показал, что совершенствование института «экологической экспертизы» осуществлялось не в направлении повышения рациональности и эффективности, т.е. более

эффективного соответствия намерений целям, и лучшей способности обеспечить конечный результат, а, по-прежнему, определялось приоритетом экономического интереса в государственной экологической политике. Доказательством низкого приоритета экологической политики служат уменьшение соотношения величин расходов на природоохранные цели и ВВП; свертывание федеральных целевых экологических программ (с 2006 г. не принято ни одной новой программы); превышение величины налоговых доходов от пользования природными ресурсами и платежей за загрязнение окружающей среды над расходами на природоохранную деятельность; отмена экологических фондов; сохранение института «временно согласованных выбросов/сбросов».

Федеральный закон № 174 «Об экологической экспертизе» был принят в конце 1995 г., т.е. спустя 5 лет с начала реформирования экономики на рыночную модель. За прошедшие 14 лет в него 14 раз вносились изменения. В настоящее время научной и экологической общественностью обсуждается проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части включения в перечень объектов экологической экспертизы проектной документации экологически особо опасных объектов)», подготовленный по поручению Президента РФ по итогам заседания государственного совета, посвященного совершенствованию управления ООС (май 2010г.) [2].

Внесение изменений, прежде всего, обусловлено необходимостью решения экономических задач, например, по реализации национальных проектов, снижению административной нагрузки на бизнес, и постоянно идущим процессом разграничения полномочий между федеральным центром и регионами. Наличие большого круга, как объектов, так и субъектов эколого-экспертного процесса также является причиной постоянных изменений закона.

Экологическая экспертиза подразделяется на два вида - государственную и общественную, неравноценных по условиям осуществления и величине финансирования. Перечень объектов государственной экологической экспертизы (ГЭЭ) устанавливается законом и может быть изменен в сторону сокращения или расширения только путем внесения изменений в него. В течение действия федерального закона изменения, которым он подвергался, постоянно сокращали перечень объектов, подлежащих обязательной государственной экспертизе.

В действующей ныне редакции закона из перечня его по сравнению с первоначальной редакцией исключены проекты правовых актов РФ и субъектов РФ нормативного и ненормативного характера, все виды градостроительной документации и материалов, предшествующих разработке прогнозов развития и размещения производительных сил на территории, кроме проектов целевых программ; материалы по созданию организаций горнодобывающей и перерабатывающей промышленности, предусматривающие использование природных ресурсов, которые находятся в ведении РФ; проекты международных договоров; проекты технической документации на новые сертифицируемые товары и услуги, в том числе на закупаемые за рубежом товары; проекты схем охраны и использования водных, лесных, земельных и других природных ресурсов, находящихся в ведении РФ; документация на изменение функционального статуса, вида и характера использования территорий федерального значения, в том числе материалы, обосновывающие перевод лесных земель в нелесные, материалы обоснования лицензий на осуществление деятельности по сбору, использованию, обезвреживанию, транспортированию, размещению отходов и др. [3].

Положения об экологической экспертизе содержатся в земельном, водном, лесном законодательстве, законодательстве о недрах, об охране окружающей среды, т.к. само законодательство об экологической экспертизе является составной частью законодательства об охране окружающей среды. Кроме того, они содержаться в «Градостроительном кодексе РФ», который регулирует порядок государственной экспертизы проектной документации объектов, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт и результатов инженерных изысканий. Этим, в частности, объясняется сокращение перечня объектов государственной экологической экспертизы, которая для исключенных объектов стала регулироваться не законом об экологической экспертизе, положением о порядке и административным регламентом ее проведения, а нормативно-правовыми актами других видов природоохранного и градостроительного законодательств.

Например, после отмены государственной экологической экспертизы горнопромышленных проектов она стала проводиться как часть государственной экспертизы запасов полезных ископаемых на базе технико-экономических обоснований (ТЭО), в которых должны быть учтены и оценены все технические, экономические и экологические аспекты. В

соответствии с Положением о государственной экспертизе запасов полезных ископаемых заключение государственной экспертизы должно содержать вывод «о геологической, технологической и экономической обоснованности предельных значений кондиций для подсчета запасов полезных ископаемых в недрах, обеспечивающих наиболее полную и рациональную отработку (выработку) запасов месторождений при соблюдении экологических требований» [1]. Приведенная цитата не оставляет сомнений в том, что соответствие объекта этой экспертизы экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области ООС, не является главной целью государственной экспертизы запасов полезных ископаемых.

При проведении экспертизы проектов схем охраны и использования водных, лесных, земельных ресурсов в других природоохранных ведомствах приоритет также имеет рациональное и комплексное использование природного ресурса, а не его охрана от антропогенного воздействия.

Значительно ослабило государственную экологическую экспертизу (ГЭЭ) внесение федеральным законом от 18 декабря 2006 г. N 232-ФЗ изменений в Градостроительный кодекс РФ, который был введен в действие с 1 января 2007 г. Из объектов ГЭЭ практически полностью была исключена документация, обосновывающая градостроительную деятельность, а именно документы территориального планирования, и практически все объекты строительства [4]. От обязательной проверки на соответствие экологическим стандартам были освобождены не только проекты строительства жилых зданий, торговых центров и автозаправок, но и строительство атомных электростанций, масштабных гидротехнических сооружений, нефтепроводов, химических и металлургических предприятий, экологическая опасность которых не вызывает сомнений.

До принятия новой редакции Градостроительного кодекса РФ экологическая оценка проектов включала в себя оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС), которая в обязательном порядке проводится инвестором и затем становится предметом общественных слушаний, и государственную экологическую экспертизу, выполняемую независимыми специалистами. Также федеральный закон об экологической экспертизе предоставлял возможность провести общественную экологическую экспертизу (ОЭЭ), заключение которой учитывается в ГЭЭ. После внесения изменений различные экспертизы, которые проводились при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства, такие как: санитарно-эпидемиологическая, пожарная, государственная экспертиза в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, экспертиза промышленной безопасности, государственная экспертиза условий труда, государственная историко-культурная экспертиза, в том числе и государственная экологическая экспертиза (ГЭЭ) были сведены в единую государственную экспертизу проектной документации. Другими словами, экологическая экспертиза остается сегодня лишь как одна из составных частей строительной экспертизы. Также был отменен институт общественных слушаний по проблемам застройки.

Поправки в Градостроительный кодекс были приняты, чтобы снизить административные барьеры для строительства жилья, в частности, для реализации национального проекта «доступное жилье». До их принятия для одобрения проектной документации при строительстве в крупном городе нужно было провести не менее 13 разных экспертиз, которыми занимались до 15 разных ведомств, на что у потенциального инвестора уходило не менее двух лет. Экологическая экспертиза проекта выполнялась в среднем три месяца, и для строительных фирм ее прохождение было еще и сопряжено с взятками, особенно в крупных городах, некоторые из которых получили широкую огласку. Сведение различных экспертиз в строительстве в единую экспертизу, проводимую на основе технических регламентов, позволило сократить процедуру получения разрешения на строительство до нескольких месяцев.

Как известно, против принятия поправок в Градостроительный кодекс РФ выступили общественные экологические организации, комитет Госдумы по экологии, некоторые руководители Росприроднадзора, Общественная палата РФ, Московская городская Дума и представители ОАО «Норильский никель» и ОАО «Лукойл»; проводились пикеты и митинги. Включение ГЭЭ в состав единой строительной экспертизы проектной документации расценивался как ее отмена.

Забегая вперед, следует отметить, что удалось добиться принятия нового Федерального закона от 16 мая 2008 г. N 75-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об экологической

экспертизе" и статьи 49 и 54 Градостроительного кодекса Российской Федерации", который расширил перечень объектов ГЭЭ за счет тех, строительство, реконструкцию и капитальный ремонт которых предполагается осуществлять на землях особо охраняемых природных территорий федерального значения, и особо опасных, технически сложных и уникальных объектов, объектов обороны и безопасности, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт которых предполагается осуществлять на землях особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения, регионального и местного значения.

На заседании президиума Государственного совета по вопросам совершенствования государственного регулирования в сфере ООС в мае 2010 г. опять было озвучено предложение о необходимости восстановлении института государственной экологической экспертизы для экологически особо опасных объектов, которая сегодня сохранилась только на объектах, расположенных на землях особо охраняемых природных территорий, морских водах и шельфе. Министр природных ресурсов и экологии РФ заверил, что законопроект согласован с федеральными органами исполнительной власти и направлен на заключение в Министерство юстиции РФ [2]. Законопроект уже получил одобрение Российского союза промышленников и предпринимателей, который выражает интересы крупнейших холдингов страны. Исключение из объектов ГЭЭ инвестиционных проектов с участием иностранных граждан и иностранных юридических лиц, технико-экономических обоснований и проектов хозяйственной деятельности, «которая может оказывать воздействие на окружающую среду сопредельных государств, или для осуществления которой необходимо использование общих с сопредельными государствами природных объектов, или которая затрагивает интересы сопредельных государств, определенные "Конвенцией об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте", а также проектов межгосударственных инвестиционных программ, в которых участвует РФ, негативно сказывается на стратегических планах и имидже российских компаний. В настоящее время только в двух государствах мира - в Гондурасе и в Зимбабве - отсутствует институт государственной экологической экспертизы технико-экономических обоснований и проектов хозяйственной деятельности.

Восстановление института ГЭЭ и его совершенствование является важным элементом предстоящей реформы государственного управления окружающей средой, т.к. в совокупности с экологическим контролем оно определяет успех по всем другим направлениям реформы. Особенно тесная взаимообусловленность существует между ГЭЭ и системой экологического нормирования, в которую предполагается внести кардинальные изменения в ходе реформы.

Анализ законопроекта представляет интерес, прежде всего, в ответе на вопрос: насколько он повысит эффективность государственной экспертизы по предупреждению возможных неблагоприятных воздействий хозяйственной деятельности на окружающую природную среду и связанных с ними социальных, экономических и иных последствий реализации объекта экологической экспертизы.

В законопроекте вводится новая формулировка понятия «экологическая экспертиза». «Экологическая экспертиза - установление соответствия документов и документации, обосновывающей планируемую (проектируемую) хозяйственную и иную деятельность, требованиям законодательства в области охраны окружающей среды, оценка достаточности мероприятий по охране окружающей среды и определение допустимости намечаемого воздействия на окружающую среду» [2]..

Новая формулировка понятия «экологическая экспертиза», дополненная оценками достаточности и допустимости намечаемого воздействия, расширяет цель и функции эколого-экспертной деятельности, которые в действующей редакции этого понятия сводились к установлению соответствия объекта экспертизы экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области ООС.

Для того чтобы установить это соответствие, можно не прибегать к услугам группы экспертов, обладающих научными и практическими знаниями в области охраны окружающей среды и природопользования. Другими словами, сравнение показателей объекта экспертизы с требованиями экологического законодательства и параметрами технических регламентов является

более простой деятельностью, чем работа квалифицированной экспертной комиссии даже с учетом определенной доли субъективизма в ее работе. Однако, в результате подобного упрощения, которое, в частности, происходит при сведении нескольких видов экспертиз в единую, не всегда может быть достигнута цель по предупреждению возможных неблагоприятных воздействий хозяйственной деятельности на окружающую среду.

Это обусловлено тем, что объект экспертизы может соответствовать установленным нормативам качества окружающей среды и оказывать негативное воздействие на нее. Только группа экспертов может определить виды и степень негативного воздействия, которые возможны и при полном соответствии требованиям технологических регламентов, т.к. практика гораздо сложнее любого набора норм и нормативов. Также только экспертная комиссия может установить достоверность показателей экологической части ТЭО особенно на сложных объектах, т.к. в ее состав входят наряду со специалистами по экологическому праву, представители различных эколого-экономических наук, инженеры – экологи и технологи – экологи.

По нашему мнению, сравнением с действующими экологическими нормами, в основном, это стандарты качества окружающей среды (предельно допустимые концентрации загрязняющих веществ) невозможно установить следующие виды негативного воздействия в конкретном регионе, в результате которых объект экспертизы будет экологически опасным:

6) отрицательный синергический эффект от различных загрязнителей, в том числе от тех, которые поступают в окружающую среду от предприятий, расположенных на одной площадке;
7) негативное воздействие загрязнителей, для которых не разработаны ПДК, или они давно не пересматривались;
8) последствия экстремальных климатических явлений для функционирования природоохранного оборудования;
9) допустимое воздействие на региональные экологические системы, степень и интенсивность которого не учитывается в национальных нормативах качества окружающей среды;
10) появление в результате производства и природоохранной деятельности новых загрязняющих веществ, для которых отсутствуют нормативы качества окружающей среды и др.

Следует отметить, что разработчики ОВОС для конкретного ТЭО, добросовестно его составляющие, оставляют эти возможные виды негативного воздействия без внимания. Не будет преувеличением сказать, что перед ними обычно стоит не менее сложная задача: обосновать для предлагаемой технологии показатели воздействия на окружающую среду, например, объемы выбросов и сбросов различных загрязняющих веществ и природоохранные меры, т.к. в большинстве технических и технологических проектов они отсутствуют, несмотря на требование законодательства об обязательности их определения на этапе проектирования. Последнее обстоятельство является отражением низкого приоритета, а иногда и отсутствия научных представлений об экологизации производства, у разработчиков новых технологий, техники, материалов и видов продукции. Нельзя также не отметить, что не последнюю роль играет и стремление удешевить как разработку проекта, так и его реализацию. Во многом по этой причине по данным Росприроднадзора РФ об объектах ГЭЭ по состоянию на 18.02.2011 г. более половины материалов были возвращены, т.к. были не комплектны, и в них отсутствовала достаточная проработка вопросов в части оценки воздействия на окружающую среду и разработки мероприятий по минимизации воздействия объектов хозяйственной деятельности на окружающую среду. Попытки побудить сознательное отношение организаций к тому, что требования технических регламентов на продукцию и связанные с ней процессы изготовления и эксплуатации могут как положительно, так и отрицательно влиять на окружающую среду путем принятия нормативно-правовых актов, например, национального стандарта РФ «Экологический менеджмент. Руководство по включению аспектов безопасности окружающей среды в технические регламенты. ГОСТ Р 14.07-2005", не дали результата. По нашему мнению, переход на наилучшие доступные зарубежные технологии будет являться более эффективным средством побуждения российских разработчиков новой техники и технологий, а также инвесторов к всестороннему учету экологических последствий и их минимизации, т.к. иначе они не смогут конкурировать на рынке инноваций.

Также объект экспертизы может соответствовать установленным нормативам качества окружающей среды и оказывать негативное воздействие на нее по причине их несовершенства или отсутствия. Например, проект федерального закона «Об общем техническом регламенте «Об экологической безопасности», который определяет основные положения технического регулирования в области экологической безопасности и устанавливает общие требования к обеспечению экологической безопасности процессов производства, хранения, перевозки, утилизации продукции, был разработан Министерством природных ресурсов и экологии РФ еще в 2005 г., и до сих пор не принят.

После принятия закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием разграничения полномочий" в декабре 2005 г., полномочия государственной экспертизы результатов инженерных изысканий были переданы субъектам федерации. В настоящее время региональные органы власти, ответственные за организацию и проведение ГЭЭ, постоянно отмечают проблему отсутствия объективных критериев оценки воздействия на окружающую среду в виде утвержденных нормативных и инструктивно-методических документов, касающихся экологических нормативных требований, которые должны основой для принятия решений о допустимости реализации объектов ГЭЭ. Система экологических нормативов, на которую следует опираться экспертам, лишь описана в федеральном законе «Об охране окружающей среды» (2002 г.), из 5 видов нормативов, представленных в нем, на практике существуют только предельно допустимые нормативы выбросов/сбросов загрязняющих веществ и нормативы загрязнения почв некоторыми веществами, большинство из которых было разработано еще при плановой экономике. О необходимости разработки региональных нормативов качества окружающей среды наряду с проведением оценки экологического состояния территории, как об актуальных задачах регионального управления, отмечалось в Послании Президента РФ Федеральному собранию на 2011г.

Разработка технических регламентов в области охраны окружающей среды и экологической безопасности позволит решить проблему однозначного или более полного определения категорий и понятий, используемых в природоохранном законодательстве и в процессе эколого-экспертной деятельности. Например, в новом законопроекте «Об экологической экспертизе» перечень объектов ГЭЭ предлагается расширить за счет «экологически особо опасных объектов», понятие которых не определено в действующем законодательстве, также нет единого мнения по содержанию понятия «интегральные показатели совокупного воздействия на окружающую среду». В связи с этим на важный вопрос, какие объекты подлежат обязательной государственной экспертизе, пока нельзя дать однозначный ответ. По нашему мнению, это обстоятельство не может служить причиной отклонения законопроекта, т.к. возможно принятие паллиативного решения. До введения в действие национального технического регламента об экологической безопасности на основе параметров наилучших доступных технологий можно руководствоваться критериями отнесения объектов хозяйственной и иной деятельности к видам экологически особо опасных объектов, в соответствии с которыми правительство РФ сегодня определяет их перечень.

Литература

5. Постановления Правительства РФ от 11 февраля 2005 г. №69 "О государственной экспертизе запасов полезных ископаемых, геологической, экономической и экологической информации о предоставляемых в пользование участках недр, размере и порядке взимания платы".
6. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части включения в перечень объектов экологической экспертизы проектной документации экологически особо опасных объектов)».- Интернет-ресурс. http://www.mnr.gov.ru
7. Федеральный закон от 23 ноября 1995 года N 174-ФЗ "Об экологической экспертизе" Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, N 48, ст. 4556; 2004, N 35, ст. 3607; N 52, ст. 5276; 2006, N 1, ст. 10; N 50, ст. 5279; N 52, ст. 5498
8. Федеральный закон от 16 мая 2008 г. N 75-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об экологической экспертизе" и статьи 49 и 54 Градостроительного кодекса Российской Федерации". - // "Российской газета" от 20 мая 2008 г. N 106, в Собрание законодательства Российской Федерации от 19 мая 2008 г. N 20 ст. 2260.

References

1. Decree of the RF Government of February 11, 2005 No. 69 “On state expertise of mineral reserves, geological, economic and ecological information on plots of lands given for use and payments regulation”.
2. Draft Federal law “On changing some legislative acts of the Russian Federation (regarding including projecting documentation of environmentally especially dangerous objects in the list of objects of ecological expertise)”. – Electronic resource. Access mode: http://www.mnr.gov.rur
3. Federal law of November 23, 1995 No. 174-FZ “On ecological expertise”. Collection of legislation of the Russian Federation, 1995, No. 48, article 4556; 2004, No. 35, article 3607; No. 52, article 5276; 2006, No. 1, article 10; No. 50, article 5279; No. 52, article 5498.
4. Federal law of May 16, 2008 No. 75-FZ “On changing the Federal law “On ecological expertise” and articles 49 and 54 of the Urban Development Code of the Russian Federation”. - //”Rossiyskaya gazeta” of May 20, 2008 No. 106 in the Collection of legislation of the Russian Federation of May 19, 2008. No. 20 article 2260.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ[47]

Баранов С.В.
кандидат физико-математических наук,
старший научный сотрудник отдела регионального и муниципального управления на Севере РФ
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

Аннотация. Ставится проблема исследования соотношения уровня жизни и эффективности региональной экономики. Обосновывается целесообразность поиска зависимости между уровнем жизни работающего населения региона и количеством добавленной стоимости, произведенной в регионе. Зависимости рассматривались на трех региональных группах: регионы всей России, регионы Севера, регионы несеверной части России. Выявлены особенности и характер зависимостей в этих группах.

Ключевые слова: регионы, уровень жизни работающего населения, валовой региональный продукт.

LIVING STANDARD AND EFFICIENCY OF REGIONAL ECONOMY

Baranov S.V.
Ph.D. (Physics and mathematics)
senior researcher of department of regional and municipal government in the RF North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

Abstract: The issue of studying correlation between living standard and efficiency of regional economy is raised. Expediency of searching for dependency between living standard of working population of the region and amount of value added produced in the region is substantiated. The dependencies were considered in three regional groups: regions of Russia as a whole, regions of the North, and regions of not northern part of Russia. Specificity and nature of dependencies in these groups are revealed.

Key words: regions, living standard of working population, gross regional product.

Согласно достаточно распространенному убеждению, наблюдается зависимость между развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и добавленной стоимостью, создаваемой в регионе. Кроме того, считается, что существует определенная зависимость между уровнем жизни населения и развитием ИКТ. Одной из задач проекта ««Информационно-коммуникационные технологии в региональном пространстве и их влияние на социальное и экономическое развитие субъектов РФ» является определение действительных факторов зависимости развития экономики и социальной сферы регионального пространства от ИКТ или факт отсутствия такой зависимости. В этой связи целесообразно осветить следующий аспект – а влияют ли экономические результаты деятельности региона на базовые социально значимые показатели? Ответ на этот вопрос будет определять построение методологии анализа развития

[47] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Информационно-коммуникационные технологии в региональном пространстве и их влияние на социальное и экономическое развитие субъектов РФ», проект №11-06-00110-а.

ИКТ в региональном пространстве и оценки их влияния на социальное и экономическое развитие субъектов РФ.

Вопросам зависимости уровня жизни населения от результатов экономической деятельности в последние годы уделяется много внимания. Особенно остро обсуждается на региональном уровне. Это связано с двумя факторами. Во-первых, масштабными изменениями системы хозяйственных, политических, финансовых отношений внутри- и внешнерегионального уровней последних лет. Эти трансформации закономерно привели к существенным изменениям динамики социально-экономических индикаторов [1, 2], системы договорных отношений [3, 4]. Во-вторых, недостаточным теоретическим обоснованием этих видоизменений. Во многом обусловлено изначальным конфликтом двух функций государства - функцией гаранта социальной справедливости, рассчитанной на необходимость преодоления региональной асимметрии, по крайней мере, по базовым социальным характеристикам, и функцией экономической эффективности принимаемых решений, предполагающей ориентацию усилий и ресурсов на формирование конкурентоспособных регионов [подробнее см.: 5].

Объект исследования и использованные данные. При характеристике проблемы зависимости уровня жизни от результатов хозяйственной деятельности возникает вопрос – какие показатели способны наиболее емко и плодотворно ее описать? Чаще всего в региональных исследованиях подобного рода используются показатели, характеризующие уровень жизни всего населения региона. Но правильно ли это? Разве добавленная стоимость не создается преимущественно работающей частью населения?

На взгляд автора, проблема заключается в том, что термин «социальная справедливость» нередко смешивают с понятием «социальное равенство»[48]. Под социальной справедливостью понимается соответствие между ролью человека в жизни общества его социальным позициям, трудом и вознаграждением за труд. Л.Абалкин подчеркивает, что главный ориентир социальной политики на современном этапе – всемерное стимулирование экономической активности, формирование предпосылок, при которых каждый человек сможет своим трудом, энергией, инициативой и талантом обеспечивать достаточные условия жизни для себя и своей семьи. В этом ориентире соединяются и требования социальной справедливости, и требования эффективности.

Полагаем, такая трактовка может употребляться и для выделения ориентиров региональной политики. В таком контексте вопрос уровня жизни можно поставить следующим образом – зависит ли уровень жизни работающего человека от результатов функционирования экономики региона?

При исследовании зависимости уровня жизни работающего населения региона от количества добавленной стоимости, производимой в регионе были использованы следующие данные Федеральной службы государственной статистики за период с 2002 по 2008 гг.:

- ВРП регионов (млн. руб.) [8];
- среднегодовая численность занятых в экономике (чел.) [9];
- стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг для проведения межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения за декабрь (руб) [10];

---

[48] Социальное равенство характеризуют как гуманистическую ценность, как религиозный принцип (так называемое, онтологическое равенство, то есть, равенство перед богом), как принцип революционного зарождения и развития буржуазного общества (предполагает равенство всех граждан перед законом в плане равенства гражданских свобод и формально равных возможностей преуспеть), как цель развития общества (теория классов Маркса, социал-демократические теории (демократический, этический, кооперативный социализм и т.д.), теории "социального государства"). Но, несмотря на многообразие идей, окружающих термин, «социальное равенство» в целом обозначает «одинаковое социальное положение людей, принадлежащих к различным социальным классам и группам» [6]. Очевидно, что на современном этапе исходить из такой предпосылки нецелесообразно.

- среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (руб) [11].

За уровень жизни работающего населения региона было принято отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к стоимости фиксированного набора товаров и услуг. Данные показатель фактически характеризует покупательную способность среднестатистического работающего человека в том или ином регионе. Добавленную стоимость, производимую регионом естественно характеризовать отношением ВРП к среднегодовой численности занятых в экономике.

Для выявления закономерностей регионы были разделены на три региональные группы: вся РФ, зона Севера и РФ без зоны Севера. Согласно материалам Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов [7], к зоне Севера относятся 11 регионов: Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Мурманская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Тыва, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область. Остальные субъекты РФ отнесены в исследовании к РФ без зоны Севера.

Результаты исследования. На рисунках 1-3 показаны зависимости отношения среднемесячной номинальной начисленной зарплаты к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг и отношения ВРП к среднегодовой численности занятых в экономике региона за 2002, 2004 и 2006 гг. В остальные годы характер зависимости такой же.

Характер зависимости на рисунках 1 – 3 не равномерный. Из года в год из общей массы выделяются несколько регионов с большим ВРП и более высоким уровнем жизни. Эти регионы пронумерованы на рисунках 1-3, а их номера расшифрованы в таблице 1. Ежегодно по всей РФ и зоне Севера выделяются нефтегазовые регионы (Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Ненецкий АО). По всей РФ и несеверной части – г. Москва и Тюменская область, в состав которой входят Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО.

Можно констатировать, что в период с 2002-2008 гг. имелась четкая зависимость между уровнем жизни работающего населения и ВРП региона в рассматриваемых региональных группах. Степень этой зависимости можно охарактеризовать коэффициентом детерминации (рис. 4). Для всей РФ и РФ без зоны Севера имеется тенденция к снижению зависимости уровня жизни работающего населения и ВРП. Для всей РФ коэффициенты детерминации менялись от 0,83 в 2002 и 2003 гг. до 0,73 в 2008 г. Для РФ без зоны Севера от 0,79 в 2003 до 0,72 в 2008 г. Как для всей РФ, так и для несеверных территорий минимальное значение коэффициента детерминации приходится на 2008 г.

Иная картина наблюдается по регионам, отнесенным к зоне Севера (рис. 4). Минимальное значение (0,71) приходится на 2004 г., а максимальное (0,87) – на 2002 г. В отличие от всей РФ и несеверной части тенденция отсутствует.

Таким образом, по всей РФ, зоне Севера и несеверной части уровень жизни работающего населения зависит более чем на 70% от ВРП на душу производимого в регионе.

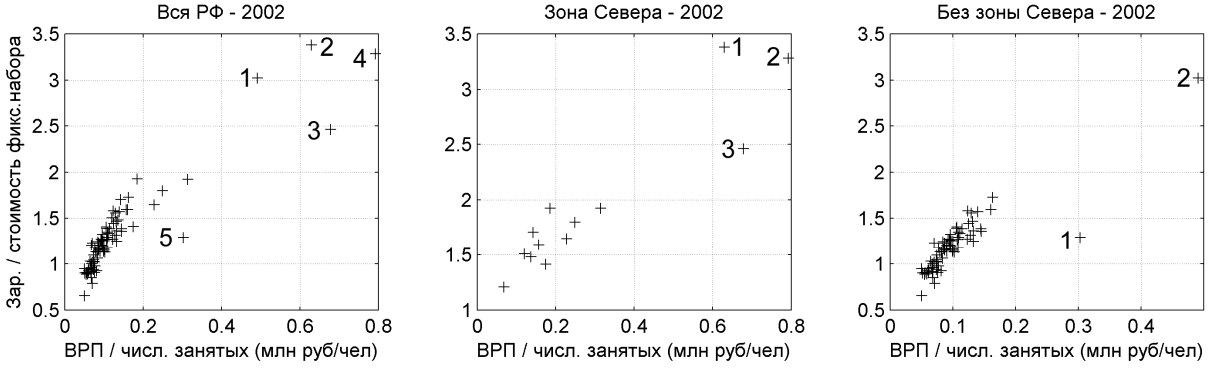

Рис. 1. Зависимость отношения ВРП к среднегодовой численности занятых в экономике и отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг для всей РФ, зоны Севера и РФ без зоны Севера за 2002 г. Номера регионов расшифрованы в таблице 1.

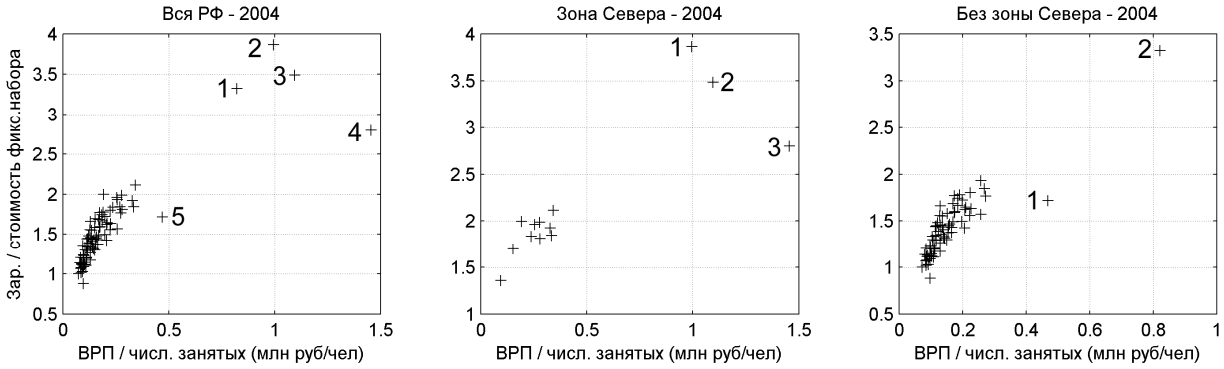

Рис. 2. Зависимость отношения ВРП к среднегодовой численности занятых в экономике и отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг для всей РФ, зоны Севера и РФ без зоны Севера за 2004 г. Номера регионов расшифрованы в таблице 1.

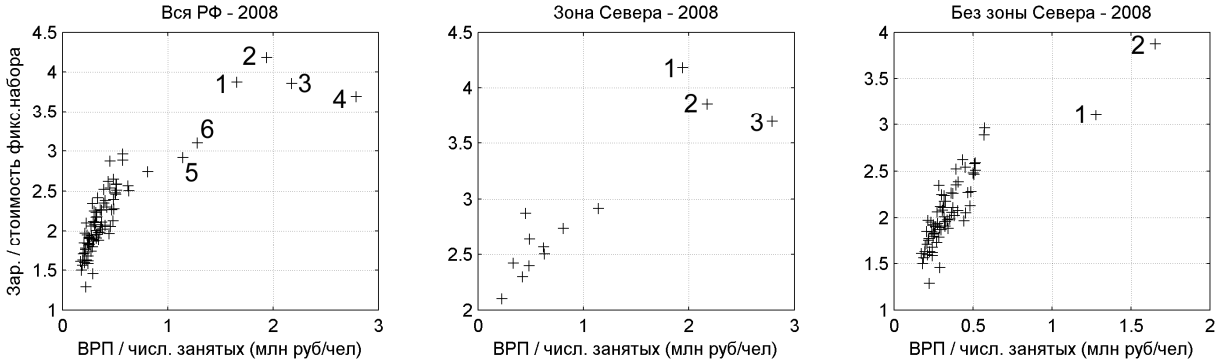

Рис. 3. Зависимость отношения ВРП к среднегодовой численности занятых в экономике и отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг для всей РФ, зоны Севера и РФ без зоны Севера за 2008 г. Номера регионов расшифрованы в таблице 1.

Таблица 1

Регионы, обозначенные на рисунках 1-3.

	Вся РФ	Зона Севера	РФ без зоны Севера
2002	Тюменская обл. (1) Ханты-Мансийский АО (2) Ненецкий АО (3) Ямало-Ненецкий АО (4) Москва (5)	Ханты-Мансийский АО (1) Ямало-Ненецкий АО (2) Ненецкий АО (3)	Москва (1) Тюменская обл. (2)
2004	Тюменская обл. (1) Ямало-Ненецкий АО (2) Ханты-Мансийский АО (3) Ненецкий АО (4) Москва (5)	Ямало-Ненецкий АО (1) Ханты-Мансийский АО (2) Ненецкий АО (3)	Москва (1) Тюменская обл. (2)
2008	Тюменская обл. (1)	Ямало-Ненецкий АО (1)	Москва (1)

	Ямало-Ненецкий АО (2) Ханты-Мансийский АО (3) Ненецкий АО (4) Сахалинская обл. (5) Москва(6)	Ханты-Мансийский АО (2) Ненецкий АО (3)	Тюменская обл. (2)

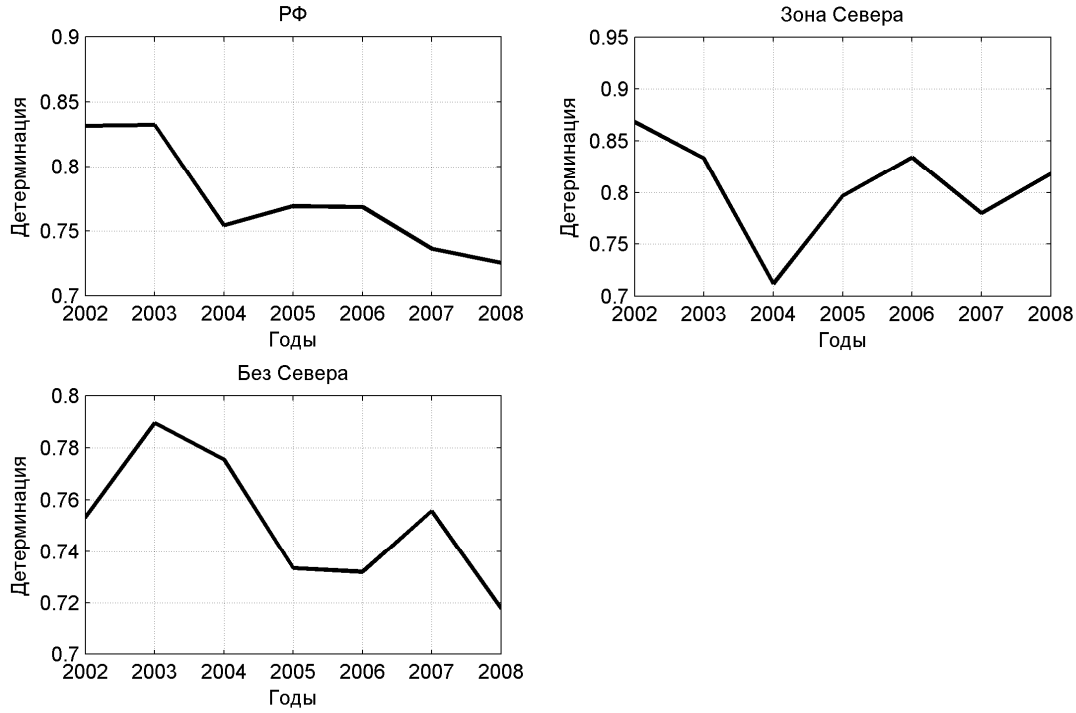

Рис. 4. Коэффициент детерминации, рассчитанный для отношения ВРП к среднегодовой численности занятых в экономике и отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг для всей РФ, зоны Севера и РФ без зоны Севера за 2002-2008 гг.

Подводя итоги, можно констатировать, что имеется зависимость уровня жизни занятого населения от производимой им добавленной стоимости в рассматриваемых региональных группах. Выявленный факт следует считать безусловно позитивным.

Литература

12. Баранов С.В. Статистическая оценка асимметричности экономического развития Севера и несеверной части РФ // Вопросы статистики. - 2010. - №4. – С.44-49.
13. Скуфьина Т.П., Самарина В.П. Особенности социально-экономического развития областей Центрального Черноземья // Федерализм. - 2008.- № 1. - С.55 - 67.
14. Самарина В.П. Ключевые элементы региональной политики взаимодействия государства и бизнеса // Север и рынок: Формирование экономического порядка. - 2007.- № 1 (18) - С. 28 – 34.
15. Зерщикова Н.И. Правовые проблемы использования природных ресурсов Арктического шельфа» // Север и рынок. Формирование экономического порядка. – 2009 - №3. – С. 165-169.
16. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Анализ и регулирование развития региональных социально-экономических систем (на примере Севера России) / Монография. – Апатиты: изд. Кольского научного центра РАН, 2007. – С. 32-39.
17. Словарь терминов. Социология. // Режим доступа: http://www.slovarik.info/sociology/128/56152.html
18. Сайт Совета Федерации по делам Севера и малочисленным народам // Режим доступа: http://severcom.ru

19. Сайт федеральной службы государственной статистики. ВРП // Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/11-01.htm
20. Сайт федеральной службы государственной статистики. Среднегодовая численность занятых в экономике. // Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/04-02.htm
21. Сайт федеральной службы государственной статистики. Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг // Режим доступа: http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1923005
22. Сайт федеральной службы государственной статистики. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата. // Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-03.htm

References

12. Baranov S.V. Statistical estimation of asymmetry of economic development of the North and not northern part of RF // Voprosy statistiki. – 2010. – No.4. – P. 44-49.
13. Skufina T.P., Samarina V.P. Specificity of socio-economic development of regions of the Central Black Eartch zone //Federalism. – 2008. – No.1. – P. 55-67.
14. Samarina V.P. Key elements of the regional policy of interactions between the state and businesses // North and Market. Formation of economic order. – 2007. No. 1(18). – P. 28-34.
15. Zershchikova N.I. Legal problems of exploiting natural resources of the Arctic shelf" // North and Market. Formation of economic order. – 2009. – No. 3. – P. 165-169.
16. Skufina T.P., Baranov S.V. Analysis and regulation of development of regional socio-economic systems (case study of the Russian North) / Monograph. – Apatity: Publishing house of the Kola Science Centre of RAS, 2007. – P. 32-39.
17. Dictionary of terminology. Sociology. // Access mode: http://www.slovarik.info/sociology/128/56152.html
18. The website of the Federation Council on issues of the North and minorities // Access mode: http://severcom.ru
19. The website of the federal agency of state statistics. GRP // Access mode: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/11-01.htm
20. The website of the federal agency of state statistics. Average annual number of employed in the economy. // Access mode: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/04-02.htm
21. The website of the federal agency of state statistics. Costs of the fixed set of consumer goods and services. // Access mode: http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1923005
22. The website of the federal agency of state statistics. Average monthly nominal gross payroll // Access mode: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-03.htm

НАЛОГОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Барашева Т.И.,
кандидат экономических наук, доцент,
заведующая сектором государственных и муниципальных финансов
отдела формирования финансовой политики северных регионов
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье дается обзор изменений налогового законодательства, рассматриваются наиболее актуальные проблемы налогообложения малого и среднего предпринимательства и предлагаются некоторые подходы по совершенствованию специальных налоговых режимов, способствующих активизации деятельности малого бизнеса.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства, налоговое законодательство, специальные налоговые режимы, налоговая нагрузка, налоговое регулирование деятельности малого бизнеса.

TAX REGULATION FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTREPRENEURSHIP

T.I. Barasheva,
Ph.D. (Econ.), Docent,
Head of the sector of state and municipal finances
Department of forming financial policy of northern regions
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre RAS

The article reviews changes in the tax regulation, the most topical issues of taxation of small and medium-sized entrepreneurship are considered, and some approaches to improving the special taxation regimes, promoting activating small business activities are proposed.

Key words: subjects of small and medium-sized entrepreneurship, tax legislation, special tax regimes, tax burden, tax regulation of small business activities.

Развитию малого предпринимательства в Российской Федерации придается важное значение, во многом объясняемое его способностью быстро реагировать на изменяющийся спрос на товары и услуги, мобильностью внедрения новых форм хозяйствования и технологий, возможностью создания новых рабочих мест.

Федеральным законом N 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» определены основные цели государственной политики в данной области, которыми стали:

- развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в целях формирования конкурентной среды в экономике Российской Федерации;
- обеспечение благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства;
- обеспечение конкурентоспособности субъектов малого и среднего предпринимательства;
- оказание содействия субъектам малого и среднего предпринимательства в продвижении производимых ими товаров (работ, услуг), результатов интеллектуальной деятельности на рынок Российской Федерации и рынки иностранных государств;
- увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства;
- обеспечение занятости населения и развитие самозанятости;
- увеличение доли производимых субъектами малого и среднего предпринимательства товаров (работ, услуг) в объеме валового внутреннего продукта;
- увеличение доли уплаченных субъектами малого и среднего предпринимательства налогов в налоговых доходах федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов /1/.

Для достижения этих целей на государственном уровне разрабатываются новые и совершенствуются уже действующие механизмы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе налоговые, представленные, в частности, специальными налоговыми режимами.

В ходе преобразований упрощенная система налогообложения (УСН) приобрела более гибкий характер. Налоговый закон расширил предельный размер дохода от реализации товаров (работ, услуг), позволяющий субъекту малого бизнеса перейти на льготный налоговый режим;

предоставил право налогоплательщику самостоятельного выбора налоговой базы и, по необходимости, ежегодного ее изменения; установил правило включения в расходы всей стоимости основных средств в момент ввода их в эксплуатацию, а также закрепил особый порядок начисления амортизации в отношении основных средств, приобретенных предприятием до перехода на УСН; ввел дополнительные полномочия для региональных законодательных органов по регулированию ставкой налога для отдельных категорий налогоплательщиков, осуществляющих деятельность в приоритетных для региона отраслях и др. В итоге принятые положения налогового законодательства способствовали снижению налоговой нагрузки в границах УСН и переходу субъектов малого бизнеса на данный налоговый режим. Так, в Мурманской области к началу 2010 года удельный вес «упрощенцев» достиг 38,3% от числа всех субъектов малого и среднего предпринимательства (рис. 1).

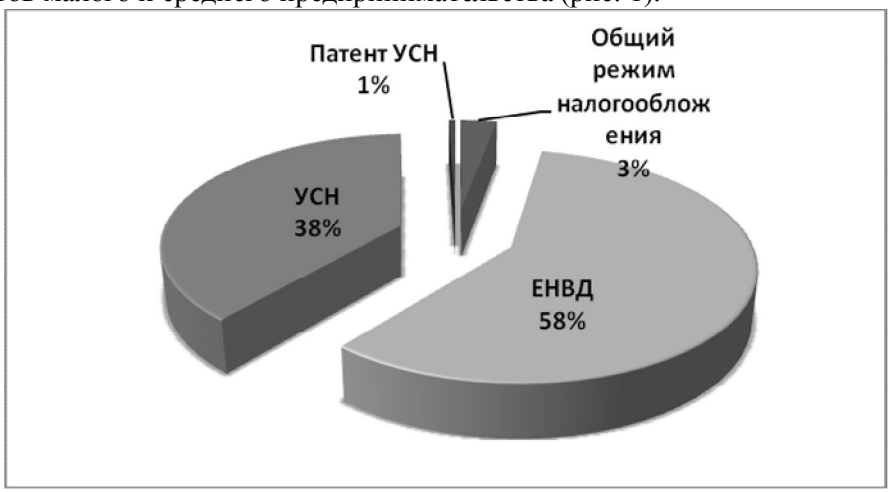

Рисунок 1. Удельный вес субъектов малого и среднего предпринимательства, применяющих соответствующую систему налогообложения, в Мурманской области, %

Прогрессивным также можно назвать возрождение патентной системы налогообложения, что обусловлено расширением перечня видов деятельности, дающих право воспользоваться патентной схемой налогообложения; возможностью привлечения наемных работников; получением отсрочки уплаты большей части (2/3) стоимости патента по окончании налогового периода и др. Однако на сегодняшний день представители предпринимательского сектора еще до конца не оценили всех преимуществ упрощенной патентной системы, о чем свидетельствует низкая доля их участия в патентной схеме: в Мурманской области лишь 0,5% от числа всех субъектов малого и среднего бизнеса пользуются патентным режимом.

Существенные преобразования в направлении снижения налогового давления коснулись и единого налога на вмененный доход (ЕНВД), несмотря на то, что его разработка была связана с необходимостью заставить платить налоги именно те предприятия, в которых был затруднен учет и контроль налично-денежного оборота.

В результате многочисленных изменений и дополнений, вносимых в законодательство о ЕНВД, таких, например, как снижение ставки налога, введение ограничения на установление корректирующего базовую доходность коэффициента К2 (в пределах от 0,005 до 1), вмененный налог перестал играть первоначально предназначенную ему роль - роль фискального инструмента с одной стороны, и преимущественного способа налогового администрирования определенных видов деятельности - с другой, и превратился в дополнительный элемент налогового стимулирования малого бизнеса. Этот вывод подтверждается низкой результативностью ЕНВД. Так, в целом по Мурманской области объем платежей по ЕНВД, приходящийся на одного субъекта малого предпринимательства, в 2,3 раза ниже, чем поступающие налоговые отчисления от плательщика упрощенной системы, которая официально признается льготным режимом налогообложения (табл. 1).

Таблица 1

Результативность специальных налоговых режимов в 2009г. (объем поступлений на 1 субъекта соответствующего вида налогообложения, тыс. рублей)

	ЕНВД	УСН	Патент
Мурманская область	22,1	51,3	1,6
Печенгский район	31,2	45,7	5,7
Кандалакшский район	31,8	63,0	0,8
Апатиты	24,2	21,6	0,3
Мончегорск	20,6	43,9	0,0

Источник: по данным Министерства экономического развития Мурманской области

В основных направлениях налоговой политики на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годы предусмотрено дальнейшее реформирование специальных налоговых режимов. Министерством финансов подготовлены поправки к Налоговому кодексу, в которых, как заявил заместитель директора Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России С.В. Разгулин, рассматривается постепенное сокращение сферы применения ЕНВД до его полного выведения к 2014 году из российской системы налогообложения.

Однако такую позицию разделяют не все и, прежде всего, представители предпринимательского сектора. Ими отмечается основное преимущество ЕНВД – это возможность наращивания доходов от предпринимательской деятельности в условиях фиксированной, предсказуемой и стабильной налоговой нагрузки. Аналогичную точку зрения по сохранению в налоговой системе ЕНВД высказывают некоторые специалисты, мотивируя тем, что посредством единого налога реализуется важнейшая функция - функция налогового администрирования субъектов малого предпринимательства определенных видов деятельности.

Вместе с тем, представители предпринимательского сектора Мурманской области замечают, что отдельные положения данного налогового закона требуют обязательной корректировки. В частности, не решена проблема оптимизации налогового обязательства внутри отдельных видов деятельности. Так, например, значительно различается доходность таких видов деятельности, как стрижка волос и окраска бровей, ресниц в границах предоставления парикмахерских услуг. При этом базовая доходность в федеральном законе не выделяется по подвидам, а представлена для парикмахерских услуг в целом.

Подобная ситуация наблюдается при расчете налогового обязательства в отношении оказания услуг общественного питания для предпринимателей, имеющих и не имеющих в ассортиментном перечне табачные изделия, алкогольную продукцию и пиво, а также в розничной торговле, осуществляемой в объектах стационарной торговой сети, а также в объектах нестационарной торговой сети, реализующих и не реализующих пиво, алкогольную и табачную продукцию и др.

На сегодняшний день решение данного вопроса для местных законодательных органов является сложной задачей, несмотря на предусмотренный законом механизм в виде корректирующего базовую доходность коэффициента К2. Учет разного уровня доходности от ведения предпринимательской деятельности в разрезе подвидов требует использования унифицированного подхода к разработке величины корректирующего коэффициента К2, либо установления на федеральном уровне размера базовой доходности отдельно для каждого подвида.

Практика обнаруживает также другие, не вызывающие одобрения у предпринимателей, примеры по применению корректирующего базовую доходность коэффициента К2, приводящие к неоправданному завышению размера налогового обязательства. Например, фактическая доходность у организаций общественного питания (столовых) фиксируется на более низком уровне по сравнению с организациями, оказывающими автотранспортные услуги при перевозке пассажиров. Однако величина единого вмененного налога по результатам применения корректирующего коэффициента К2 для организаций общественного питания становится, наоборот, в 2,3 раза выше. Эта ситуация еще раз показывает всю сложность процесса и требует более взвешенного подхода к установлению корректирующего коэффициента К2.

Одна из предпосылок успешного развития экономики, обеспечения высоких налоговых поступлений в бюджетную систему, соблюдения социальных гарантий и интересов людей – это ликвидация «серых» схем выплаты заработной платы и попыток уклонения от налогообложения. С этой целью необходимо планомерно воздействовать на предпринимателей, усиливая их

мотивации к выходу из теневого сектора, выработке и реализации здоровых целей хозяйственного развития с помощью инструментов налогового механизма /3/.

В настоящее время органы местного самоуправления г.Апатиты Мурманской области осуществляют попытку воздействовать на работодателей в целях повышения оплаты труда до уровня прожиточного минимума, регулируя величиной коэффициента К2. Однако было бы целесообразно стимулировать работодателей повышать оплату труда не до уровня прожиточного минимума, а выше. В этой связи для тех организаций, которые выплачивают заработную плату своим работникам ниже или в размере прожиточного минимума, установить повышающий коэффициент К2 равный единице. Это позволит не только компенсировать недопоступления по ЕНВД от применения пониженного коэффициента К2, который будет применяться для предприятий, осуществляющих выплаты своим работникам выше прожиточного минимума, но и будет способствовать росту объемов налоговых доходов по другому бюджетообразующему налогу – налогу на доходы с физических лиц.

В отдельных регионах по данному вопросу были приняты более радикальные меры. Так, например, решением Брянского городского Совета народных депутатов еще в 2006 году повышающий коэффициент К2 устанавливался, если уровень среднемесячной заработной платы работников был ниже полутора прожиточных минимумов /3/.

Установленные Налоговым кодексом РФ ограничения значений коэффициента К2 (от 0,005 до 1) не позволяют в полной мере воздействовать на регулирование уровня оплаты труда и вывод из тени скрытых форм оплаты труда. В этой связи будет справедливым рассмотрение вопроса о расширении применения К2 в сторону его повышения. Другой мерой для сокращения числа недобросовестных налогоплательщиков, использования «серых» схем, уклонения от уплаты налогов может стать создание комиссии на региональном уровне по неплатежам, выводу заработной платы из тени и стимулированию ее роста.

Серьезной проблемой, ограничивающей преимущества применения УСН и ЕНВД, становится введение нового порядка исчисления страховых взносов. Установление повышенных тарифов по страховым взносам увеличит нагрузку для субъектов малого предпринимательства - плательщиков единого налога при УСН и ЕНВД – на 20%, в то время как для других хозяйствующих субъектов, функционирующих по общему налоговому режиму, совокупная ставка увеличится лишь на 8%.

Вместе с тем федеральный закон N 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» (с изменениями, внесенными федеральным законом №432-ФЗ) предусматривает льготные условия для организаций и индивидуальных предпринимателей определенных видов деятельности, применяющих упрощенную систему налогообложения /2/. В нем определены 36 позиций по следующим видам деятельности: производство пищевых продуктов, текстильное и швейное производство, производство машин и оборудования, строительство, здравоохранение и предоставление социальных услуг, образование и др. Для таких категорий рост налоговой нагрузки составит лишь 12%.

Вне всяких сомнений новый порядок исчисления страховых взносов вызовет взрыв социальных проблем. Работодатель с целью сокращения затрат прибегнет к использованию режима неполной рабочей недели в отношении наемных работников, сокращению персонала. Возникнет прецедент возврата к использованию «серых» схем выплаты заработной платы. В этой связи для субъектов малого и среднего предпринимательства, применяющих специальные налоговые режимы, целесообразно на федеральном уровне рассмотреть вопрос о поэтапном повышении ставок - аналогично порядку, принятому в отношении плательщиков единого сельскохозяйственного налога (в 2011-2012гг. - ставка 20,2%, в 2013-2014гг. – 27,1%).

Таким образом, практика налогового регулирования свидетельствует о создании благоприятного налогового климата для субъектов малого и среднего бизнеса, функционирующего в пределах специальных налоговых режимов. Вместе с тем, регулярное совершенствование налогового законодательства позволит создать дополнительные условия для

повышения эффективности их деятельности, роста количества занятых и налоговых доходов региональных и местных бюджетов.

Литература:

4. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 27.12.2009) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 06.07.2007).
5. Федеральный закон от 24.07.2009 N 212-ФЗ (ред. от 28.12.2010) «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования».
6. В.Н. Предеха. О налоговом стимулировании малого бизнеса в городском округе // Финансы. – 2009. - N 2. – С. 47.

Literature:

4. The Federal law of 24.07.2007 No. 209-FZ (edited at 27.12.2009) “On development of small and medium-sized entrepreneurship in the Russian Federation” (adopted by the State Duma of RF on 06.07.2007).
5. The Federal law of 24.07.2009 No. 212- FZ (edition of 28.12.2010) “On insurance fees to the Pension Fund of the Russian Federation, the Federal Fund of obligatory medical insurance and territorial funds of obligatory medical insurance”.
6. V.N. Predekha. On tax stimulation of small businesses in a city district // Finances. – 2009. – N 2. – P. 47.

УДК 332.1(470.21)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Победоносцева Г.М.
научный сотрудник отдела экономической политики
и хозяйственной деятельности в районах Крайнего Севера и Арктики
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассмотрены экономические аспекты современного развития Российской Арктики, способствующие устойчивому развитию. Сделан вывод о необходимости добиваться все большого укрепления позиций с помощью ряда мероприятий, предусматривающих устойчивое развитие арктических регионов России.

Ключевые слова: Арктические моря, современные условия, модернизация, шельф, устойчивое развитие экономики

ECONMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC UNDER THE PRESENT CONDITIONS

Pobedonostseva G.M.
researcher of department of economic policy and economic activities
in the High North and Arctic regions
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The article discusses economic aspects of the present development of the Russian Arctic promoting sustainable development. It is concluded that it is necessary to achieve more strengthening positions using a number of measures foreseeing sustainable development of the Russian Arctic regions.

Key words: the Arctic Seas, present conditions, modernization, shelf, sustainable development of the economy

Современное развитие Севера региона считается важным с точки зрения реализации не только промышленного, но и экспортно-импортного потенциала страны.

В регионах Крайнего Севера и Арктики Российской Федерации осуществляется, как и в стране, постепенное восстановление экономических позиций при помощи реализации целого ряда мер, которые предусматривают устойчивое развитие, стимулирование инвестиционной и инновационной активности, экономической безопасности. В настоящее время достаточно благоприятные условия складываются и на мировых рынках сырья и капитала. Медленными темпами, но выполняются мероприятия по модернизации экономики северных и арктических регионов России. Кратко рассмотрим на примере Мурманской области. Предусматривается ввести в эксплуатацию первую очередь нового горно-обогатительного комбината на месторождении «Олений ручей». (предполагается в 2012 году). Объемы, которые были в обрабатывающих производствах северных территорий до мирового кризиса, планируется достичь только в 2012-2013 годах. Активно идет процесс перевооружения Российского Кольского горнопромышленного комплекса. Кроме того, предполагается, что в недалеком будущем Штокмановский проект станет набором самых высоких технологий по добыче и транспортировке газа в условиях Арктики. При этом поставлены условия необходимости добиться таких результатов, чтобы отечественная промышленность поставляла не 30 процентов оборудования, как в Сахалинских проектах, а 50-60, а в последующем и все девяносто процентов.

Север отличается специфичной инновационной экономикой. Север, как правило, не создает, а является потребителем трансфера технологий. В условиях рыночной экономики на северные территории российской Федерации серьезное влияние оказывает экономическое развитие страны, использование инновационного потенциала, который является фактором конкуренции.

На современном этапе развития экономики страны особенно актуальными для Российской Федерации являются задачи конкурентоспособности не только страны в целом, но и каждого регионов в отдельности. Большое количество целей и задач, а также критерии устойчивого развития в принципе являются общими не только для уровня страны, но и для северных регионов России. Арктические территории, по мнению специалистов, для Российской Федерации имеют стратегическое значение, особенно в условиях отсутствия достаточно развитой инновационной системы. Что касается перехода от сырьевой экономики к высокотехнологичной, то этот процесс займет десятилетия. Тем не менее, ускоренные темпы технологической модернизации смогут играть решающую роль при решении многих задач и при разработке новых идей и проектов.

Мурманская область может стать своего рода плацдармом, узловой базой на всем побережье Российской Арктики. Поскольку она является самой удобной территорий в географическом, экономическом, социальном планах. Благоприятное географическое положение Мурманской области и крупная промышленность обусловили развитие всех видов транспорта, сети дорог на территории области. Это в достаточной степени обеспечивает стабильную связь не только с центром РФ, но и возможности дальнейшего развития зарубежных контактов. И самое главное преимущество области для решения поставленных проблем – это глубоководный незамерзающий морской порт, который дает возможность при освоении российской части арктического шельфа вывозить природные богатства. Современная политика России освоения Арктических территорий и Северного морского пути открывает новые возможности для

незамерзающего порта. В этом смысле реализация проектов развития транспортных коридоров и добыча нефти, добыча газа (Штокмановское и другие месторождения) в конечном итоге все равно приведут к увеличению перевозок через город Мурманск (различного оборудования, контейнеров, труб и т.д.). Но надо иметь в виду, что если рассматривать Штокмановское месторождение с позиций государственных интересов, то этот проект даже не столько экономический, а скорее геополитический. Российская Федерация обязательно должна утвердить свои позиции на Арктическом шельфе еще и потому, что в настоящее время Россия отстает в этой сфере от таких стран, как Норвегия и Канада.

Сегодня современная модель экономики ориентирована на приморские субъекты России. И такая «модель стала основным гарантом и практическим механизмом устойчивого социально-экономического роста для большинства прибрежных государств. Именно с таким подходом особого акцента на укрепление своего море - хозяйственного комплекса они легче справлялись с глобальными кризисами и обеспечивали более высокие темпы своего развития»[1]. Известно, что достаточно значительный импульс ускоренного социально-экономического роста при помощи опережающего развития и модернизации своих приморских регионов получили такие страны, как Норвегия, Дания, Япония и многие другие. Обратимся к недавно опубликованным «экономическим запискам» А.Чубайса - идеолога «рыночного либерализма» у которого в одном из разделов записок («хватит ли газа стране, снабжающей газом полмира**?»)** выражена серьезная тревога о продлении стагнации добычи газа.

Кроме того, А.Б. Чубайс отмечал еще в 2009 году, что руководители «Газпрома» в обращении к своим акционерам уверяли, что уже к 2030 году на одном только Ямале будут добывать 360 млрд. куб.м. газа. Но в действительности реализация этого грандиозного проекта была начата только в самом конце 2008 года. А рост суммарной газодобычи по России (с учетом других компаний) сменился спадом. За первое полугодие 2009 года суммарная добыча газа в РФ упала на 20,8 процента по сравнению с аналогичным периодом прошлого года – до 274,3 млрд. куб.

Тем не менее, в стратегической перспективе, большое количество прогнозов утверждают, что мировой спрос на газ будет постоянно повышаться и уже к 2015 году будет настолько высок, что даже при увеличении его производства в Российской Федерации не сможет удовлетворять такой повышенный спрос. Значит, производители озабочены поиском новых источников. Освоение Штокмановского месторождения может стать ресурсной базой для поставок российского газа. Это может стать не только трубопроводным газом в Европу, но может стать газом, который получен с использованием СПГ - технологий на рынки Атлантического бассейна. Такие же тенденции закладывались в Стратегии социально-экономического развития Мурманской области для завода по сжижению природного газа. Конечно, сейчас основное оборудование придется закупать за рубежом. В России его просто никто не производит. Но на базе такого отечественного завода нужно было бы создать особую опытно-внедренческую зону и тем самым обеспечить импортозамещение для других предприятий, которые будут потом создаваться, например, на Ямале и при дальнейшем освоении Арктического шельфа. Безусловно, проект освоения Штокмановского месторождения имеет стратегическое значение не только для «Газпрома», но для страны в целом.

Следует заметить, что современные запасы газпромовского газа составляют 33,1 трлн кубометров, но разведанных и доказанных (по международным стандартам) – меньше, около 20 трлн. кубометров. Составляющие основу потенциала западносибирские месторождения Медвежье, Уренгойское и Ямбургское выработаны более чем на 50 процентов и находятся в стадии падающей добычи.

В «экономических записках», например, обращается особое внимание на то, что недостача газа (прежде всего на внутреннем рынке) может торпедировать столь необходимое возрождение промышленного потенциала России, так как для его возрождения потребуется рост производства электроэнергии. А отечественная электроэнергетика является главным потребителем

газпромовского газа – 32,5 процента. Примерно по 7 процентов забирают агрохимия и металлургия, и 17 процентов – население на личные нужды.

Важным с точки зрения новой разработки считается – Бованенковское месторождение на полуострове Ямал. Но начало работ по обустройству этого месторождения планируются только на третий квартал 2011 года: надо строить систему транспортировки этого газа в Европу. В перспективе только ближайшие десятилетия, если верить отчетным данным «Газпрома», этот газ «станет основой энергообеспечения российской экономики». Первоочередными теперь становятся шельфовые месторождения: Штокмановское и Северо-Каменномысское.

Но и промышленная эксплуатация Штокмановского месторождения пока остается перспективным проектом не слишком близкого будущего. Для исследований таких месторождений по утверждению специалистов необходимы такие суда, которые должны быть оснащены современной сейсморазведочной аппаратурой. Оборудование и технику в настоящее время используют почти исключительно зарубежную, а отечественную отраслевую науку и все конструкторские бюро, разрабатывавшие геофизическую аппаратуру, успели закрыть. А ведь весь разработанный и созданный в советское время потенциал геофизики и геологи выявляли отечественными гравиметрами, магнитометрами, сейсморазведочными станциями.

«Сегодня геолого-геофизическая изученность континентального шельфа РФ по числу пробуренных скважин и плотности сейсмических работ в десятки и сотни раз отстает от Норвегии, Дании, Великобритании, Бразилии и других стран, включая африканские»[2], как в своем докладе отметил Юрий Трутнев (министр природных ресурсов и экологии). Не лучше была и оценка вице-премьера Сергея Иванова, назвавшего «недопустимыми» темпы работ по разведке континентального шельфа РФ в Арктике. Да и вообще за последние 20 лет в акваториях Баренцева и Карского морей российскими компаниями не открыто ни одного нового нефтяного месторождения.

Много нерешенных проблем и в вопросах транспортировки газа – с того же Штокмановского месторождения. Оно находится близ северо-западной оконечности Новой Земли, и газ оттуда по нескольким ниткам трубопровода пойдет на Кольский полуостров, где в поселке Териберка лет через 5 вырастет завод по сжижению природного газа и портовый комплекс – для доставки продукции европейским потребите потребителям. Часть природного газа через Мурманск пойдет по газопроводу на Волхов и Выборг, к «Северному потоку».

Для того, чтобы добыча газа со Штокмановского месторождения и нефти из Приразломного месторождения началась хотя бы в 2013 – 2014 годах, предстоит еще инвестировать и инвестировать. Поднимать морской арктический флот, строить буровые установки – стационарные и плавучие, возникает необходимость научиться еще и защищать эти установки от ледового сжатия и огромных айсбергов. А вот какими средствами государство решает проблему восполнения углеводородных ресурсов. В 2008 году на геолого-разведочные работы из бюджета было потрачено 22 млрд рублей. Из них только по углеводородам – 10 млрд рублей. На работы в Мировом океане из федерального бюджета выделено 2,3 млрд рублей. Частный же капитал в Ледовитый океан пока вообще не спешит приобщаться.

Надо особенно отметить то, что на освоение ресурсов Мирового океана, крайне необходимых уже сегодня средств на освоение, государство в состоянии выделить лишь 2,3 млрд рублей в год. При этом на обустройство офисного квартала с небоскребом на Охте компания «Газпром» (в которой государство владеет контрольным пакетом – 50,002 процента уставного капитала) широким жестом выбрасывает 60 млрд рублей. Собственно говоря, вот они – средства, необходимые для освоения шельфа.

Эксперты отмечают, что если «Газпром» и «Роснефть» будут вкладываться в освоение шельфа теми темпами, которые они взяли в 2008-м, самом успешном, году, то для выполнения программы Минэкономразвития потребуется не 30 лет, а свыше 150. Они считают, что если даже активизировать работу на шельфе сейчас, то отдачу можно будет получить в лучшем случае лет через десять, а то и двадцать.

Таким образом, можно отметить, что при правильно организованной политике промышленно-развитые приморские регионы России (и такие как Мурманская область) могут играть определяющую и возрастающую роль локомотивов роста в социально-экономическом развитии страны. Кроме того, они могут быть и притягивающей территорией для примыкающих к таким регионам территорий. В результате, может быть образовано единое пространство с выгодным географическим и приграничным положением, где морская деятельность относится к формирующим бюджет секторам экономики. Такое пространство обладает еще и богатством и многообразием морской ресурсной базы, в том числе и минеральными, и энергетическими ресурсами континентального шельфа. Такие возможности имели бы положительное воздействие на выявление приоритетов долгосрочного стратегического развития территорий единого пространства, выявления путей специализации хозяйственного морского комплекса этих регионов. Могла бы быть разработана единая научно-методическая база для разработки региональных стратегий с выделением ключевых проблем с точки зрения социально-экономического развития.

Подводя итоги, отметим следующее: если придерживаться энергетической стратегии Российской Федерации, согласно которой основные объемы прироста запасов и природных ресурсов до 2020года Россия намерена осуществлять за счет шельфа Западной Арктики. На перспективу обеспечение Российской Федерации рассчитывается достигать за счет освоения месторождений Арктических морей. Мурманская область, как приморский субъект России, является одним из крупных и экономически развитых регионов Европейского Севера Российской Федерации.

Литература

3. Коновалов А.М. «Подходы к определению путей устойчивого развития приморских регионов», Местное самоуправление в Российской Федерации, март-июнь (3-6) 2009. Изд.М. С.16.
4. Иванов С., Трутнев Ю., «На дне морском», (Режим доступа: http://www.newsru.com/russia/18apr2008/shelf.html)

References

3. Konovalov A.M. “Approaches to defining ways of sustainable development of sea regions”, Local self-government in the Russian Federation, March-June (3-6) 2009. Publishing house P. 16.
4. Ivanov S., Troutnev Yu. “On the Sea Bottom” , Access mode: http://www.newsru.com/russia/18apr2008/shelf.html

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ СЕВЕРА РФ

Рябова Л.А.,
кандидат экономических наук, доцент,
заведующая отделом социальной политики на Севере
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

Рассматриваются вопросы перехода к концепции устойчивого развития как доминирующей парадигме развития российского Севера. Обосновывается роль социальной политики, осуществляемой на местном уровне, как ключевого фактора устойчивого развития

Севера РФ. Определяются основные принципы и компоненты социальной устойчивости на местном уровне.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития, социальная политика, социальная устойчивость на местном уровне.

THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND SOCIAL POLICY FORMATION IN LOCAL COMMUNITIES OF THE RUSSIAN NORTH

L.A. Riabova,
Ph.D. (Econ.), docent,
Head of department of Social Policy in the North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

Aspects of transition to sustainable development as the dominating paradigm of development of the Russian North are discussed. The role of social policy carried out at the local level as the key factor of sustainable development of the Russian North is identified. The main principles and components of social sustainability at the local level are formulated.
Key words: the concept of sustainable development, social policy, social sustainability at the local level

В начале 1990-х годов международное сообщество объявило устойчивое развитие (УР) ориентиром и целью человечества на 21 век. В итоговом документе исторической конференции ООН в Рио-де-Жанейро 1992 г. «Повестка дня на 21 век» под УР понимается *длительный, управляемый и демократический процесс изменения общества на глобальном, региональном и локальном уровнях, нацеленный на улучшение качества жизни для настоящего и будущих поколений.* Это новое видение целей и процесса развития, основанное на интеграции социальных, экономических и экологических аспектов в принятии решений и практической деятельности.

Понятие устойчивого развития эволюционирует[49] (например, более поздняя формулировка Всемирного банка трактует его как управление совокупным капиталом общества в интересах сохранения и приумножения человеческих возможностей), но принципы социальной справедливости[50], экономической эффективности и экологической безопасности – базисные во всех формулировках [2, 3]. Другими основными принципами являются ориентация в будущее и долгосрочное планирование, готовность к длительным действиям; интеграция различных видов деятельности при решении проблем развития; широкое участие, партнерство, всеобщая ответственность[51] [5].

Саммит в Йоханнесбурге 2002 г. дал импульс к появлению второй после Рио волны интереса в мире к проблематике устойчивого развития. Страны-участницы обязались сделать процессы глобализации справедливыми и минимизировать угрозы устойчивому развитию. В 2005 г. ООН объявила Десятилетие образования в области УР. Во многих странах (лидеры в этом

---

[49] Дискуссия об эволюции понятия «устойчивое развитие» представлена в [1].

[50] Социальная справедливость – одно из дискутируемых понятий, не поддающееся строгой дефиниции, поскольку оно не абсолютное, а относительное (по отношению к личности, типу общества и т.д.). Тем не менее, в обществе необходим консенсус по поводу его содержания, так как неопределенность в определении справедливости ведет к ошибкам в социальной политике. В российском «Экономическом словаре» социальная справедливость определяется как «понятие, включающее обеспечение равенства возможностей индивидов участвовать в трудовой деятельности, оплату труда в соответствии с его количеством и качеством, удовлетворение неотложных потребностей населения с использованием общественных благ, недопущение чрезмерной поляризации в распределении доходов, богатства, рациональное применение позитивных способностей людей». Мы во многом согласны с такой трактовкой [4].

[51] Чувство личной ответственности за свое место в жизни и за последствия своей деятельности не только в отдельно взятом месте, но и в глобальном масштабе.

процессе - Англия, США, Канада) приняты новые стратегии УР, в том числе региональные и местные, включающие новые приоритеты. Особый упор делается на проблемах изменения климата, сокращении бедности, повышении уровня здоровья.

Россия, на наш взгляд, пока выпадает из мирового процесса поиска парадигмы и выработки национальной стратегии устойчивого развития. В стране не наблюдается консолидации ни политической элиты, ни общества вокруг этой идеи. Из названий большинства основных стратегических документов всех уровней исчез термин «устойчивое развитие», вместо которого употребляется словосочетание «социально-экономическое развитие». В РФ фактически нет национальной стратегии развития, объединяющей в единое целое социальную, экономическую и экологическую политику, интегрирующей усилия нации по достижению социальной справедливости, экономической эффективности и экологической безопасности. Принятая в 2008 г. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года[52] вряд ли может считаться таким документом, поскольку УР в ней не выступает как базисная парадигма, а функцию таковой исполняет идея о поступательном социально-экономическом развитии. В РФ нет долгосрочной программы перехода к УР, определяющей направления преобразований и виды деятельности по достижению стратегических целей, необходимые ресурсы и механизмы, системы управления и координации на локальном, региональном, национальном и глобальном уровнях. По мнению многих авторов, на протяжении последних лет наше государство и общество скорее отдалялись, чем приближались к идее и к пути устойчивого развития [1, 6, 7].

Усиление глобализации и необходимость эффективного встраивания РФ в мировое сообщество, рост конкуренции и усиление борьбы за ресурсы требуют повышения внимания органов управления к проблемам УР, и, особенно, к его социальной составляющей как к решающему фактору успешного ответа страны и ее регионов на вызовы настоящего и будущего времени. Новая социально ориентированная парадигма развития РФ, о которой заявлено на федеральном уровне, во многом отвечает задачам перехода на путь УР. Но она имеет под собой довольно узкий концептуальный базис (сумма теорий модернизации, инноваций, человеческого потенциала), что ведет к сужению как целей развития, так и поля возможных путей их достижения. Необходима более широкая и системная концептуальная основа форирования, а также новые подходы к практическому осуществлению социальной политики на всех уровнях управления.

Особое значение в этом контексте приобретает местный (муниципальный) уровень, так как именно в местных сообществах[53] рождаются инициативы и начинаются усилия, приводящие к необходимым изменениям в региональных, национальных и глобальном социумах. Хартией устойчивого развития Европейских городов (Ольборг, Дания, 1994) была определена цель устойчивого муниципального развития – достижение стабильной экономики, социальной справедливости и устойчивости окружающей среды через усилия, начинающиеся на местном уровне. С момента ее принятия предложено множество определений УР на местном уровне [см., например, 5]. Учитывая существующие подходы, мы трактуем *УР муниципального образования как сбалансированное социально-эколого-экономическое развитие в целях достижения максимально длительного существования муниципального образования в условиях высокого качества жизни его жителей, эффективного развития экономики и здоровой экосистемы*.

---

[52] «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» - утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

[53] Термин «местное сообщество» (local community) широко употребляется за рубежом как в науке, так и в практике муниципального управления. В РФ употребляется в социологических, экономических, политических исследованиях, но не содержится в федеральном законодательстве. Некоторые регионы и муниципалитеты используют его в своем законодательстве [8]. В научных исследования употребляется во многих значениях. Чаще всего применяется как понятие, описывающее определенное множество людей, проживающих на территории муниципального образования, объединенное общими интересами в решении вопросов местного значения. В этом понимании используется и в данной работе.

Один из главных документов, принятых в Рио – Декларация по устойчивому развитию, – призвал государства разрабатывать программы по Местной Повестке Дня на 21 век (Local Agenda 21). К концу 2002 г. 6400 муниципалитетов из 113 стран имели свои Местные Повестки, что оценивается экспертами как невысокий уровень вовлеченности в процесс [9]. Тем не менее, в зарубежных странах, особенно в Северной Европе, на севере Канады, на Аляске устойчивое развитие является доминирующей парадигмой на местном уровне, ведется активная работа по местному стратегированию и планированию в рамках этой концепции.

На Саммите в Йоханнесбурге был сделан акцент на роль местного уровня в достижении УР. Там прошел Съезд местных органов власти под лозунгом «Действия на местном уровне двигают мир», были приняты Декларация местных властей и Заявление («Йоханнесбургский призыв»), призывающее перейти от Местной Повестки Дня на 21 век к Действиям на местном уровне 21 (Local Action 21).

Главная движущая сила изменений – люди, живущие в местных сообществах. «Что касается устойчивого развития, граждане в местных сообществах являют собой социальную силу с наибольшей способностью сделать возможным немедленное и позитивное изменение» [10]. Поэтому ключевым фактором УР сообществ различных уровней является социальная политика, осуществляемая на местном уровне, поскольку она напрямую связана с изменением качества жизни людей и, опосредовано, с экономическими и экологическими аспектами развития общества.

Социальная политика на местном уровне являет собой проводимую государственными структурами, органами местного самоуправления, предприятиями, общественными организациями, а также самими гражданами систему мер, направленных на достижение социальных целей, связанных с повышением общественного благосостояния, улучшением качества жизни граждан, обеспечением социально-политической стабильности и социального партнерства в обществе. В контексте УР социальная политика отвечает, прежде всего, за обеспечение социальной устойчивости, и далее, на этой основе, – за обеспечение экономической и экологической устойчивости в местных сообществах.

Определения социальной устойчивости многообразны, но, по сути, схожи в трактовке ее содержания [11, 12, 13, 14, 15]. Изучив имеющиеся подходы, мы пришли к выводу, что понятие *«социальная устойчивость» описывает такое состояние общества, при котором обеспечивается высокое качество и уровень жизни, высокий уровень здоровья, социальная справедливость и равенство, социальная вовлеченность граждан, а будущие поколения имеют такой же или более широкий доступ к социальным ресурсам как нынешнее поколение.* Социальные ресурсы, кроме ресурсов, формирующих благосостояние, включают основные права человека, трудовые права, различные культуры и т.д. Взаимосвязь социальной, экономической и экологической устойчивости представлена на схеме «Триада устойчивого развития», базисные элементы которой предложены одним из ведущих авторов издания «Энциклопедия Земли» М. Мунасинге [16] (рис. 1).

• рост
• эффективность
• стабильность

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ

СОЦИАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ

- расширение прав и возможностей социального действия и ответственность
- социальная включенность / партнерство
- институты / управление

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ

- способность к восстановлению / биоразнообразие
- сохранение природных ресурсов
- минимизация загрязнения

Рисунок 1 – Триада устойчивого развития – ключевые элементы и связи[54]
(составлено и дополнено по [16])

Функциональный и пригодный для практической деятельности на местном уровне подход к пониманию социальной устойчивости представлен в работе Р. Гейтса и М. Ли, выполненной для городского совета г. Ванкувера (Канада) [15], рекомендации которой используются в практических действиях городского совета с 2005 г. (Ванкувер, по результатам различных рейтинговых исследований, систематически входит в число городов с наиболее высоким качеством жизни и уровнем комфортности проживания).

В работе обосновано, что социальная устойчивость местного сообщества включает 3 основных компонента: (1) базисные потребности людей, (2) индивидуальный, или человеческий потенциал и (3) потенциал местного сообщества. Определено, что:

[54] В центре треугольника – основные для современного периода проблемы УР: достижение равенства, преодоление бедности, борьба с изменением климата. Интернализация – экономическая стратегия, направленная на сокращение или устранение отрицательных внешних эффектов путем превращения их во внутренние. В контексте УР это значит, что каждый экономический субъект в условиях ограниченности ресурсов должен отвечать финансовыми затратами за свои действия, ведущие к возникновению ограниченности доступа к этим ресурсам других субъектов. Методы интернализации внешних эффектов: 1) переговоры об уровне внешних эффектов, 2) обложение налогом причинителя ущерба (загрязнителя), 3) введение права ответственности за экологический ущерб, реализуемого посредством деятельности специализированных институтов, устанавливающих регламент возмещения ущерба субъектам, пострадавшим от загрязнения.

(1) Базисные потребности на местном уровне обеспечиваются через:

- доступное жилье, удовлетворяющее изменяющиеся потребности (нужды людей с низким или средним доходом, тех, кто находится в особых обстоятельствах или нужды всех по мере их старения);
- доступное здравоохранение, услуги которого могут быть получены непосредственно в месте проживания;
- продукты питания, производимые в местном сообществе, и продаваемые по доступным ценам;
- рабочие места, которые позволяют людям быть продуктивными и использовать их умения и способности;
- достаточный доход для людей, чтобы они могли финансово обеспечивать себя и свои семьи;
- безопасные муниципалитеты и рабочие места.

(2) Индивидуальный, или человеческий потенциал в местных сообществах поддерживается и развивается через:

- возможности развивать способности и повышать образовательный уровень;
- разнообразие возможностей занятости на местном уровне
- возможности развивать и использовать творческие и артистические способности;
- доступное образование в течение всей жизни;
- возможности для людей вносить вклад в благополучие местного сообщества.

(3) Потенциал местного сообщества поддерживается и развивается через:

- поддержку и содействие экономическому развитию;
- развитие местной идентичности как отражение местного разнообразия;
- вовлеченность жителей в общественную жизнь и управление;
- возможности и арены для социального взаимодействия в местном сообществе;
- возможности, ресурсы и арены для культурной и общественной жизни;
- поддержка и развитие общественных организаций и социальных сетей.

В качестве основных принципов социальной устойчивости на местном уровне, которыми необходимо руководствоваться в практической деятельности, мы определяем следующие.

1) Равенство – когда индивидуумы обладают доступом к достаточным ресурсам, чтобы в полной мере участвовать в жизни местного сообщества, имеют возможности для личностного развития и продвижения, и имеет место справедливое распределение ресурсов между местными сообществами, обеспечивающее в полной мере их участие в развитии и сотрудничество.

Неравенства могут быть минимизированы через признание и учет того, что индивидуумы и социальные группы требуют различных объемов поддержки, и что некоторые индивидуумы и социальные группы способны внести больший вклад, чем другие, в сокращение неравенства и в обеспечение справедливости. Результат более низких уровней неравенств в обществе – более высокая продолжительность жизни, меньшие уровни преступности, более высокие уровни гражданской вовлеченности и более сильная экономическая жизнеспособность местных сообществ.

2) Социальная включенность, всеобщая ответственность и взаимодействие – как право, так и возможность участвовать во всех аспектах жизни местного сообщества и взаимодействовать с другими членами сообщества, атмосфера в котором дает возможность индивидуумам проявлять свое разнообразие и действовать в соответствии с их обязанностями и чувством ответственности. Социальная эксклюзия ограничивает уровни вовлечения, создает барьеры для успешного развития индивидуумов и местного сообщества в целом.

3) Безопасность – означает, что индивидуумы и местные сообщества имеют экономическую безопасность и уверенность, что они живут в безопасной, поддерживающей и здоровой среде. Людям необходимо чувствовать себя безопасно, чтобы вносить вклад в собственное благосостояние и быть в полной мере вовлеченными в жизнь сообщества.

4) Адаптивность – способность как индивидуумов, так и сообществ противостоять негативным воздействиям, гибкость (resiliency) и способность реагировать адекватно и творчески на изменения. Адаптивность – процесс созидания на основе того, что уже существует, а также обучение и созидание на основе нового знания, получаемого внутри и вне сообщества.

Вопросы обеспечения социальной устойчивости должны находиться в центре муниципальной политики. Проблемы обеспечения социальной устойчивости особенно актуальны для местных сообществ Севера и Арктики – особых регионов планеты, роль которых в ближайшем будущем и в отдаленной перспективе будет возрастать в связи с поиском новых ресурсов развития человечества, с важнейшей военно-стратегической ролью этих регионов, повышением их значения для изучения проблемы изменения климата и поиска путей ее решения и т.д.

В контексте планетарного Севера зоной, где угрозы устойчивому социальному развитию более серьезны, чем в северных регионах других стран Арктической восьмерки, является российский Север. Это вызвано следующими обстоятельствами.

6. Наличием острых проблем в социальном и институциональном развитии муниципальных образований Севера РФ. Северное законодательство в сфере социальной политики, в том числе муниципальное, нуждается в переработке; развитие специфически северных, в том числе местных, институтов идет медленно; показатели уровня и качества жизни значительно ниже тех, что достигнуты в муниципальных образованиях РФ, находящихся в более благоприятных климатических условиях, и на зарубежном Севере. При том, что по уровню производства ВВП на душу населения большинство регионов Севера опережает остальные регионы РФ, бюджетная обеспеченность северных муниципалитетов находится на парадоксально низком уровне. Большинство северных местных сообществ РФ испытывают высокую степень пространственной социально-экономической несправедливости, выражающейся в неадекватной социально-экономической компенсации населению за работу и проживание в экстремальных условиях.

7. Отсутствием в РФ четкой, соответствующей интересам, как федерального центра, так и северных регионов и местных сообществ, государственной социальной «северной» политики. Социальные аспекты развития Севера в государственных стратегических документах проработаны недостаточно. До сих пор, особенно на практике, доминируют подходы, базирующиеся на отношении к Северу как к сырьевому придатку России, основанные на представлении о нем как территории временщиков. Закономерным результатом является отток населения, преимущественно молодежи и высококвалифицированных кадров. Это создает угрозы не только экономической и социальной устойчивости Севера, но и стратегической безопасности РФ. В условиях отсутствия четко артикулированной и балансирующей интересы основных участников государственной северной политики актуализируются проблемы формирования северными местными сообществами собственной, базирующейся на принципах саморазвития, социальной политики, скоординированной с действиями национального и регионального уровня, глобально-ориентированной и социально устойчивой, направленной на существенное повышение качества жизни населения.

8. Негативным влиянием мирового финансово-экономического кризиса, усугубленным низким уровнем диверсификации местных экономик. Местные северные экономики слабо диверсифицированы, ресурсно-зависимы, часто их судьба напрямую зависит от уровня социальной ответственности национальных и транснациональных промышленных корпораций. Особенно уязвимы монопрофильные поселения. В совокупности с наличием нерешенных социальных проблем и ростом непредсказуемости поведения глобальных сырьевых рынков в условиях кризисов это негативно влияет на возможности их устойчивого развития.

9. Принятием в качестве стратегического выбора России инновационной социально ориентированной модели национального развития, предполагающей активизацию социальной составляющей в развитии всех регионов страны, в т.ч. Севера как опорного мега-региона РФ.

10. Изменением геополитической и геоэкономической ситуации на планетарном Севере. Новая ситуация характеризуется нарастанием взаимных претензий государств по поводу прав на освоение ресурсов планетарного Севера, а также начавшимся широкомасштабным освоением северных месторождений нефти, в т.ч. на шельфе арктических морей. В этих условиях будут нарастать противоречия между интересами местных сообществ и остальных акторов,

участвующих в гонке за арктическими ресурсами: региональных центров, федерального центра, ресурсных национальных и транснациональных корпораций. Это означает, что северные муниципалитеты должны «думать глобально, действовать локально», то есть уметь осознавать и реализовывать свои социальные интересы в новых, формирующихся под действием глобальных факторов, условиях [17].

В связи с этим проблема научного обоснования качественно новой, научно обоснованной, стратегически направленной социальной политики муниципального уровня на Севере и в Арктике, адекватной как социально-экономической специфике Севера, так и новым национальным и глобальным вызовам, представляется остро актуальной.

Развитию концептуальных основ УР посвящены работы таких зарубежных и отечественных авторов как В. Адамс, У. Аллен, Е. Барбье, П. Булангер, В.И. Данилов-Данильян, П. Дасгупта, В.А. Коптюг, А. Ле Кама, В.К. Левашов, Н.Н. Лукьянчиков, Д.С. Львов, Н.Н. Моисеев, Н.Ф. Реймерс, Т. Сэндлер, А.Д. Урсул и многих других.

Исследованию теоретических и методических подходов к УР регионов в РФ посвящены работы А.Б. Бандмана, С.Н. Бобылева, М.Г. Ганопольского, И.П. Глазыриной, А.А. Голуба, А.Г. Гранберга, В.А. Коптюга, В.К. Левашова, В.Н. Лексина, Г.П. Лузина, С.В. Макара, , Н.В. Пахомовой, А.В. Позднякова, В.С. Селина, Н.П. Тарасовой, А.Ш. Ходжаева, Н.В. Чепурных, А.Н. Швецова и др.

Проблемы УР местных сообществ, в т.ч. городов, описаны зарубежными исследователями М. Эмери, М. Карли, Б. Мерфи, К. Флора, Т. Фукс и многими другими. В РФ эти проблемы освещаются в работах таких авторов как А.А. Брудной, А.Л. Гапоненко, А.Г. Гладышев, Ю.Д. Губернский, Е.В. Рюмина, Т.М. Орлова и др.

Среди ведущих современных зарубежных исследователей северных местных сообществ – Ашетер Н., Ауре М., Баренхольдт Й.О., Дахл Й., Йулл П., Йенхофт С., Ошеренко Г., Скаптадоттир У.Д, Туйску Т., Хикс Д., Янг О. и др. В отечественной науке исследования северной проблематики на местном уровне не столь распространены, как за рубежом. В большей степени внимание уделяется проблемам управления на федеральном и, в последнее время, на региональном уровне. Северная местная социально-экономическая проблематика освещается в работах Антоновой Н., Дмитриевой Т., Лексина В., Пилясова А., Шейнгауз А. Вопросы устойчивого развития северных городов РФ затрагиваются в работах В. Дидыка и Л. Залкинд [18].

Проблемы развития северных местных сообществ планетарного и российского Севера в течение 15 лет разрабатываются в Отделе социальной политики ИЭП им. Лузина. Результаты используются в значимых документах международного уровня, например, в Отчете о развитии человека в Арктике, изданном под эгидой Арктического Совета в 2004 г. (см. Л. Рябова в соавт., раздел 8 «Жизнеспособность местных сообществ», [19]).

Однако как в зарубежных, так и, особенно, в отечественных исследованиях в этой области много нерешенных вопросов. Нет целостной теории, определяющей концептуальные основы управления социальным развитием муниципального образования в РФ, в том числе в условиях Севера. Проблемы формирования северной социальной политики на муниципальном уровне в условиях реализации социально ориентированной модели развития РФ и перемещения геоэкономических интересов на Север и в Арктику лишь начинают разрабатываться. В условиях глобализации и растущей мировой конкуренции, смещения геоэкономических интересов на Север возрастает необходимость разработки научно-методического и прикладного инструментария формирования российской северной социальной политики на муниципальном уровне, соответствующего парадигме устойчивого развития, принятой человечеством на перспективу, и новым глобальным и национальным вызовам.

Без надлежащего научного обеспечения социального развития Севера на местном уровне, придания ему стратегической направленности в рамках устойчивого развития как доминирующей парадигмы развития сообществ российского Севера, дальнейшее наращивание производительных сил на Севере и в Арктике может обернуться невосполнимыми потерями человеческого, культурного, этнического и природного потенциала этого уникального мега-региона, гаранта экономической и стратегической безопасности Российской Федерации.

Литература

23. Рябова Л.А. Проблемы применения концепции устойчивого развития в РФ: от национального уровня к северному аспекту // Север и рынок: формирование экономического порядка. №1/2010 (25), с. 44-48

24. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М., Прогресс–Традиция, 2000

25. Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. 2003. т.39, №2

26. Экономический словарь // [Электронный ресурс]. URL: http://www.economslov.ru/article_6184.htm

27. Концепция устойчивого развития и Местная повестка дня на XXI век: Методическое пособие / Под ред. Д.А. Голубева, Н.Д. Сорокина. – СПб.: Издательство «Союз художников», 2003. - 480 с.

28. Панкратов С.А. Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития (теоретический аспект). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук // [Электронный ресурс]. URL: http://vak.ed.gov.ru/announcements/politich/PankratovSA.doc

29. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / Под редакцией А.Г. Гранберга, В.И. Данилова-Данильяна, М.М. Циканова, Е.С. Шопхоева.-М.: ЗАО «Издательство «Экономика». 2002. - 414 с.

30. Белозеров В. Развитие правового статуса городского поселения в условиях муниципальной реформы 1993-1999 гг. // [Электронный ресурс]. URL: www.law-n-life.ru/arch/108_Belozerov.doc

31. Зернова Л. Саммит в Йоханнесбурге: переход к действиям на местном уровне. // [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/e/ekoposelenie_l/ecology1.shtml

32. The Corporation of the City of North Vancouver, British Columbia, Canada municipal government website // [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnv.org/server.aspx?c=3&i=511

33. Sachs, I. "Social Sustainability and Whole Development: Exploring the Dimensions of Sustainable Development." Chapter 2 in «Sustainability and the Social Sciences: A Cross-Disciplinary Approach to Integrating Environmental Considerations into Theoretical Reorientation». Edited by Becker, Egon and Thomas Jahn. London: Zed Books, 1999

34. Redclift, M. "Sustainability and Sociology: Northern Preoccupations." Chapter 4 in «Sustainability and the Social Sciences: A Cross-Disciplinary Approach to Integrating Environmental Considerations into Theoretical Reorientation». Edited by Becker, Egon, and Thomas Jahn. London: Zed Books, 1999

35. Daly, H. Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development. Boston: Beacon Press, 1996 (253 pp.)

36. Edwards, A. The Sustainability Revolution: Portrait of a Paradigm Shift. Gabriola Island, B.C.: New Society Publishers, 2005 (206 pp.)

37. Gates R., Lee M. “Report to Vancouver City Council. Definition of social sustainability”. Policy report. Vancouver. May 10, 2005 // [Электронный ресурс]. URL: http://vancouver.ca/ctyclerk/cclerk/20050524/documents/p1.pdf

38. M. Munasinghe, A. Nadjam "Sustainomics and sustainable development". In: Encyclopedia of Earth. Eds. Cutler J. Cleveland (Washington, D.C.: Environmental Information Coalition, National Council for Science and the Environment). [First published in the Encyclopedia of Earth May 7, 2007; Last revised Date May 7, 2007; Retrieved November 9, 2010 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.eoearth.org/article/Sustainomics_and_sustainable_development

39. Riabova L. Community viability and well-being in the circumpolar North. In: Globalization and the circumpolar North / ed. by L. Heininen and C. Southscott, University of Alaska Press, 2010. Pp. 119-147

40. Дидык В.В., Емельянова Е.Е. Влияние глобального финансового кризиса на социально-экономическое положение городов Крайнего Севера России и развитие социально-экономических систем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2010. - №32 (89)

41. Н. Аарсетер, Л. Рябова, Й.О. Баренхольдт «Жизнеспособность общин», Доклад о развитии человека в Арктике (ДоРЧА), Изд. Ин-та Стеффенсона, под эгидой Арктического Совета. Перевод с англ./Ред. А.Головнев. – Екатеринбург-Салехард. 2007 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.svs.is/AHDR/AHDR%20chapters/Russian%20version/Chapters%20PDF%20Russian.htm

References:

1. Riabova L.A. Problems of implementing sustainable development concept in the RF: from national level to northern aspect // North and market: formation of economic order. №1/2010 (25), pp.44-48. (In Russian).
2. Danilov-Danilian V.I., Losev K.S. Ecological challenge and sustainable development. M., Progress-Taditsiya, 2000. (In Russian).
3. Danilov-Danilian V.I. Sustainable development (theoretical-methodological analysis) // Economika i matematicheskie metody. 2003. Vol.39, №2. (In Russian).
4. Economic dictionary // [Electronic resource]. URL: http://www.economslov.ru/article_6184.htm (In Russian).
5. Concept of sustainable development and Local Agenda 21: Methodical manual / Eds. D.A. Golubev, N.D. Sorokin. – SpB: Soyuz hudozsnikov Publishing house, 2003. – 480 p. (In Russian).
6. Pankratov S.A. Political modernization in Russia in the context of sustainable development (theoretical aspect). Synopsis of doctor of political sciences dissertation // [Electronic resource]. URL: http://vak.ed.gov.ru/announcements/politich/PankratovSA.doc. (In Russian).
7. Strategy and problems of sustainable development of Russia in XXI century / Eds. A.G. Granberg, V.I. Danilov-Danilian, M.M. Tsikanova, E.S. Shophoeva. – M.: Izdatel'stvo "Economika". 2002. -414 c. (In Russian).
8. Belozerov V. Development of legal status of urban settlement in the conditions of municipal reform in 1993-1999 // [Electronic resource]. URL: www.law-n-life.ru/arch/108_Belozerov.doc (In Russian).
9. Zernova L. Sammit in Johannesburg: transition to actions at local level. // [Electronic resource]. URL: http://zhurnal.lib.ru/e/ekoposelenie_l/ecology1.shtml (In Russian).
10. The Corporation of the City of North Vancouver, British Columbia, Canada municipal government website // [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnv.org/server.aspx?c=3&i=511
11. Sachs, I. "Social Sustainability and Whole Development: Exploring the Dimensions of Sustainable Development." Chapter 2 in «Sustainability and the Social Sciences: A Cross-Disciplinary Approach to Integrating Environmental Considerations into Theoretical Reorientation». Edited by Becker, Egon and Thomas Jahn. London: Zed Books, 1999
12. Redclift, M. "Sustainability and Sociology: Northern Preoccupations." Chapter 4 in «Sustainability and the Social Sciences: A Cross-Disciplinary Approach to Integrating Environmental Considerations into Theoretical Reorientation». Edited by Becker, Egon, and Thomas Jahn. London: Zed Books, 1999
13. Daly, H. Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development. Boston: Beacon Press, 1996 (253 pp.)
14. Edwards, A. The Sustainability Revolution: Portrait of a Paradigm Shift. Gabriola Island, B.C.: New Society Publishers, 2005 (206 pp.)
15. Gates R., Lee M. "Report to Vancouver City Council. Definition of social sustainability". Policy report. Vancouver. May 10, 2005 // [Electronic resource]. URL: http://vancouver.ca/ctyclerk/cclerk/20050524/documents/p1.pdf
16. M. Munasinghe, A. Nadjam "Sustainomics and sustainable development". In: Encyclopedia of Earth. Eds. Cutler J. Cleveland (Washington, D.C.: Environmental Information Coalition, National Council for Science and the Environment). [First published in the Encyclopedia of Earth May 7, 2007; Last revised Date May 7, 2007; Retrieved November 9, 2010 // [Electronic resource]. URL: http://www.eoearth.org/article/Sustainomics_and_sustainable_development
17. Riabova L. Community viability and well-being in the circumpolar North. In: Globalization and the circumpolar North / ed. by L. Heininen and C. Southscott, University of Alaska Press, 2010. Pp. 119-147
18. Didyk V.V., Emelianova E.E. Influence of global financial crisis on socio-economic situation in the towns of Russian Far North and on development of socio-economic systems // Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost', 2010.- №32 (89) (In Russian).
19. N. Aarsaether, L. Riabova, J.O. H. Barenholdt "Community viability", Arctic Human Development Report (AHDR), Stephenson Institute under auspice of the Arctic Council. Translation ed. A. Golovnev. – Ekaterinburg-Salekhard. 2007. [Electronic resource]. URL: http://www.svs.is/AHDR/AHDR%20chapters/Russian%20version/Chapters%20PDF%20Russian.htm (In Russian).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ С ПОЗИЦИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Тоичкина В.П.,

старший научный сотрудник отдела социальной политики на Севере
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассматриваются теоретические вопросы формирования демографической политики на муниципальном уровне являющейся ключевым фактором устойчивого демографического развития страны, регионов, которое в свою очередь - основной фактор сохранения и приумножения человеческого капитала. Формулируются: специальные меры воздействия на процессы воспроизводства и миграцию населения, приоритетные направления развития; определяются инструменты реализации демографической политики муниципального образования.

Ключевые слова: устойчивое развитие, демографическая политика, местное самоуправление, программа, территориальное общественное самоуправление

THERETICAL ASPECTS OF FORMATION AND REALIZATION OF DEMOGRAPHIC POLICY FROM THE POINT OF VIEW OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT: MUNICIPAL LEVEL

V.P. Toichkina
Senior researcher of the department of social policy in the North
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The article discusses theoretical issues of formation of demographic policy at the municipal level being the key factor of sustainable demographic development of the country and regions, which in turn is the main factor of conservation and augmenting of human capital. Special measures of influencing processes of reproduction and migration, and priority development directions are formulated; instruments for realization of demographic policy in a municipality are identified.

Key words: sustainable development, demographic policy, local self-government, program, territorial public self-government

Организационной основой формирования и реализации муниципальной политики в демографической сфере с позиций устойчивого развития являются приоритеты федеральной и региональной демографической политики, деятельность социальных институтов, общественных организаций, расположенных на территории муниципального образования, а также само местное сообщество.

Устойчивое развитие муниципальных образований – стратегически направленный процесс развития, отвечающий вызовам, возникающим в глобальном мире, обеспечивающий неопределенно долгое сохранение и приумножение природного, культурного, человеческого, социального, финансового и физического капитала на душу населения, базирующийся на

социально ответственном участии всех представителей социума в его развитии, а также на справедливом распределении результатов этого развития [2].

Человеческий капитал определяет в современной экономике основную долю национального богатства стран, регионов, муниципальных образований. По расчетам Всемирного банка человеческий капитал в национальном богатстве развитых странах составляет от 70 до 80 %, России около — 50 %. Основным фактором сохранения и приумножения человеческого капитала является устойчивое демографическое развитие, сопровождаемое федеральной демографической политикой, которая отстаивает национальные интересы страны

Демографическая политика – это целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения. Воспроизводство населения - постоянное обновление народонаселения в результате процессов рождаемости и смертности, а для регионов Севера и миграции, поскольку миграция, изменяя половозрастную структуру населения, опосредовано влияет и на воспроизводство населения[55]. Сущность демографической политики заключается в формировании (в долгосрочной перспективе) устойчивого процесса воспроизводства населения. Это подразумевает сохранение или изменение тенденций в области динамики численности и структуры населения, темпов их изменений, динамики рождаемости, смертности, семейного состава, расселения, внутренней и внешней миграции, качественных характеристик населения. Будучи частью социально-экономической политики, демографическая политика проводится с помощью специальных мер воздействия на процессы воспроизводства и миграцию населения, и выступает как элемент управления населением. Эти меры могут быть условно разделены на следующие группы:

6. **нормативно-правовые** (законы, указы, постановления и пр.) федерального, регионального, муниципального уровней. «Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г.»[56] - основной государственно-управленческий документ, определяющий содержание государственной политики в области управления демографическим развитием страны, формирующий и приводящий в действие ее механизм. Стратегической целью государственной демографической политики является преодоление сложившихся негативных демографических тенденций (преодоление депопуляции), стабилизация численности населения и создание условий для ее роста, достижение уровня ожидаемой продолжительности жизни[57] соответствующего устойчивому демографическому развитию. В «Концепции» предусматривается дальнейшее совершенствование законодательства РФ в сфере семейного, налогового и жилищного права, здравоохранения, образования, социального обеспечения, трудовых отношений, миграционной политики с учетом мер по реализации демографической политики;

7. **административно-юридические** (например, установление минимального возраста вступления в брак, ответственность родителей за содержание, воспитание детей пока их дети не достигли совершеннолетия и т.д.);

8. **экономические** - система предоставления пособий в связи с рождением и воспитанием детей (включая регулярные пересмотр и индексацию их размеров с учетом инфляции). Дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей, в форме предоставления материнского (семейного) капитала; дополнительная поддержка неполных семей с детьми и многодетных семей с низкими доходами; семей, принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей; а также семей, имеющих детей-инвалидов. Экономические меры стимулирования миграции и закрепления новоселов в определенных регионах и муниципальных образованиях и т. д.;

9. **информационно-просветительские, образовательные, пропагандистские** - поддержка проведения и реализации демографической политики, которая адекватна

---

[55] Прибывшие за 2004-2009 гг. («новое население») в Мурманскую область составили 7,1%, выбывшие – 11,0% общей численности населения региона на 1.01.2010 г.

[56] Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ, от 09.10.2007 N 1351. Доступ из справ. правовой системы «Консультант плюс»

[57] Предельно-критическое значение ожидаемой продолжительности жизни при рождении, принятое в мировой практике для диагностирования устойчивости демографического развития: оба пола – 76,7 лет, мужчины – 74,2 лет, женщины – 79,2 лет.

национальным интересам страны, в средствах массовой информации: выпуск тематических теле- и радиопрограмм, газет и журналов; разработка учебных программ:

- по формированию у подрастающего поколения, мотивации для ведения здорового образа жизни;
- понимания ценностей семьи, материнства и отцовства;
- разъяснительная работа с молодыми людьми, направленная на повышение уровня осознания ими грозящего им риска, связанного с отсрочкой реализации ими своей репродуктивной функции, плохо представляющими себе, что означает снижение плодовитости женщины (т.е. биологической способности к воспроизводству) по мере того, как ее возраст приближается к 40 годам и т. д.;
- по формированию межнационального согласия в российском обществе;

10. **организационные** - формирование специальных структур, занимающихся демографической проблематикой: специализированные системы защиты прав детей, включая дальнейшее развитие института уполномоченных по правам ребенка на региональном и муниципальном уровнях; организация и функционирование общественных объединений (объединения местных сообществ, советы, фонды, службы доверия и др.).

Приоритетными направлениями государственной демографической политики в целях устойчивого демографического развития страны согласно «Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.» и «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.»[58] являются:

- сокращение уровня смертности населения, прежде всего, высокой смертности мужчин в трудоспособном возрасте от внешних причин;
- сохранение и укрепление здоровья населения, увеличение продолжительности активной жизни, создание условий и формирование мотивации для ведения здорового образа жизни;
- повышение уровня рождаемости (в том числе за счет рождения в семьях второго и последующих детей);
- укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений;
- управление миграционными процессами в целях снижения дефицита трудовых ресурсов в соответствии с потребностями экономики;
- обеспечение защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Основные направления с учетом региональных особенностей демографического развития могут быть применены и в программах каждого муниципального образования страны.

Инструментом реализации демографической политики на муниципальном уровне является долгосрочная целевая программа (ДЦП) демографического развития. Решение поставленной стратегической цели демографического развития программно-целевым методом направлено на создание условий и предпосылок для максимально эффективного управления средствами бюджета муниципального образования, бюджетов других уровней и средств из внебюджетных источников в соответствии с приоритетами муниципальной политики в области демографического развития.

Программа как организационная основа реализации муниципальной политики в области демографического развития представляет собой комплекс взаимоувязанных по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления мероприятий, отражающих изменения в структуре и содержании демографических процессов, которые носят межотраслевой характер, включая учреждения и организации, находящиеся в ведении органов (МСУ) местного самоуправления.

Важной задачей является разработка организационной основы процесса реализации демографической политики на муниципальном уровне на основе определения роли органов МСУ, с помощью которого в этот процесс включается большая часть населения, проживающего на данной территории.

Территориальное общественное самоуправление (ТОС) - «самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения»[59] (гл.5,

---

[58] О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ, от 12.05.2009 N 537. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс»

[59] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ, от 06.10.2003 N 131-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».

ст.27) – может стать организационной основой для развития потенциала местных сообществ и инструментом реализации демографической политики на муниципальном уровне.

МСУ (ФЗ № 131 гл.5, ст.27.3) допускает возможность создания ТОС только в поселениях (городского, сельского типа) и городских округах, территория его действия распространяется лишь на часть территории муниципального образования. Целью ТОС является осуществление «собственных инициатив граждан по вопросам местного значения». Это означает, что только сами жители решившиеся объединиться для создания ТОС, могут определить, чем будет заниматься ТОС и какие инициативы осуществлять. Органы МСУ не вправе определять компетенцию (рассматриваемые вопросы и полномочия, задачи и круг обязанностей). Но и жители, объединившиеся в ТОС, ограничены в своих действиях: они могут реализовывать инициативы исключительно в вопросах местного значения поселения или городского округа (ограничена деятельность нормами ФЗ № 131).

ТОС обеспечивает обратную связь между местными органами власти и населением и является особым институтом в системе МСУ, не входя в систему публичной власти, ТОС строится исключительно на началах добровольности и демократии. Организация ТОС может содействовать повышению качества управления территориями муниципальных образований органами власти.

ТОСы по своей инициативе могут решать любые вопросы местного значения, не требующие специального лицензионного разрешения. Также любые вопросы в рамках своей деятельности, вправе вносить в органы МСУ проекты муниципальных правовых актов, подлежащие обязательному рассмотрению этими органами и должностными лицами МСУ, к компетенции которых отнесено принятие указанных актов (гл.5, ст.27.8.3, 8.4.).

Органы МСУ не вправе передавать организациям ТОС осуществление своих полномочий, однако органы местного самоуправления вправе привлекать эти организации к реализации своих решений, к оказанию муниципальных услуг населению. Если реализация решений органов МСУ сопряжена с хозяйственной деятельностью, то они должны заключить гражданско-правовые договоры с ТОС. В этом случае ТОС должно иметь статус юридического лица некоммерческой организации (гл.5, ст.27.5), т.е. право самостоятельно заниматься хозяйственной деятельностью.

Анализ лучших практик деятельности ТОСовского движения на территории РФ показывает, что Волгоградская область стала одним из первых субъектов РФ, где исполнительная власть разработала и внедрила в реализацию повсеместно модель инновационного местного управления, механизм административно-гражданского управления в форме стратегического партнерства. В этой модели наряду с двумя уровнями МСУ, присутствует третий – местные сообщества, а ключевым звеном на этом уровне стали организации территориального общественного самоуправления (ТОСы) [1].

Важной особенность инвестирования является использование результативного, а не затратного метода финансирования. Поддерживается не содержание ТОС, а результаты его деятельности, фактически осуществляя долевое субсидирование результативной деятельности ТОСа, делается это ежегодно на конкурсной основе. Это очень эффективное решение, мотивирующее развитие социальной активности. Рразмер поощрения победителей конкурса ТОС за счет областного бюджета Волгоградской области в 2010 г. в общей сложности составил 210 млн. руб. Ежегодно проводится конкурс среди местных администраций на лучшую организацию по работе с ТОС. Это уже мотивация для муниципалитетов[1].

Направления деятельности ТОС (более ста направлений) сформировались согласно с программно-целевой их деятельностью и договорами с местными администрациями о передаче определенных функций (но не полномочий). Первоочередным предметом деятельности ТОС являлось решение актуальных проблем на своих территориях, создание благоприятной среды обитания. По мере своего развития обозначились вопросы качества жизни населения конкретной территории (проведение мероприятий, пропагандирующих здоровый образ жизни; разработка, организация и исполнение собственных малых ТОСовских программ среди них - «Крепкая семья – сильная Россия», «Спортивное общество – здоровая нация» и др.) [3].

В субъекте РФ Волгоградской области разработан и внедрен инновационный проект, в котором используются новые социальные технологии партнерских отношений административной власти, гражданского общества и бизнеса, методики управленческого сопровождения, контроля, аудита, эффективности, а также порядка поддержки ТОС.

Системный инновационный проект, главным движущим механизмом которого является социальное партнерство, позволил создать в Волгоградской области вместо формального содействия вертикально-административную систему гражданского управления, в которой каждый уровень имеет четкие ролевые функции. Работает эта вертикаль не на принципах руководства и подчинения, а на принципах дополнения и интеграции усилий, стимулирующих инициативу, творчество и взаимную ответственность на каждом уровне [1].

Эффективным инструментом реализации демографической политики с позиций устойчивого муниципального развития должны стать местные сообщества, ключевым звеном которых являются организации территориального общественного самоуправления (ТОСы), которые могут решать вопросы местного значения в демографической сфере. Например, информационно-просветительские, пропагандистские вопросы по проведению и реализации демографической политики в муниципальном образовании:

В области политики снижения смертности и роста продолжительности жизни:

– формирование у различных групп населения, особенно у подрастающего поколения, мотивации для ведения здорового образа жизни.

В области реализации семейной политики направленной на укрепление семьи и повышение уровня рождаемости:

– проведение информационно-просветительской кампании, направленной на понимание ценностей материнства и отцовства, повышение статуса родительства; на переход от малодетной семьи к семье, имеющей не менее двух детей;

– пропаганда ценностей семьи, имеющей нескольких детей, а также различных форм семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в целях формирования в обществе позитивного образа семьи со стабильным зарегистрированным браком супругов, имеющих нескольких детей или принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей.

В области миграционной политики:

– создание условий для интеграции иммигрантов в российское общество и развития терпимости в отношениях между местным населением и выходцами из других стран в целях предотвращения этноконфессиональных конфликтов.

При эффективной организации партнерства, стимулирующей инициативу всех ее участников, потенциал ТОС становится высоким, профессионально поставленное объединение усилий дает результат, определяемый не сложением, а приумножением, оправдывая государственные инвестиции в социальный капитал.

Ключевым фактором устойчивого демографического развития является демографическая политика, осуществляемая на местном уровне напрямую влияющая на изменение демографической ситуации как регионов, так и страны, в целом. Организационной основой демографической политики на муниципальном уровне должна являться государственная демографическая политика РФ, с обязательным учетом региональных и местных особенностей демографического развития.

Инструментами реализации демографической политики на муниципальном уровне являются:

- долгосрочная целевая программа (ДЦП) демографического развития муниципального образования;

- организации территориальных общественных самоуправлений (ТОСы - самоорганизации граждан по месту их жительства), являющихся ключевым звеном местных сообществ, принимающих участие в местном управлении, одним из направлений, деятельности которых являются вопросы качества жизни населения конкретной территории;

- информационно-просветительские, образовательные программы, разрабатываемые и реализуемые местными органами управления, социальными институтами, общественными организациями, расположенными на территории муниципального образования:

- по охране здоровья, оздоровлению образа жизни и среды обитания. Пропаганда здорового образа жизни является одним из важнейших приоритетов политики снижения смертности;

- по пониманию ценностей семьи, материнства и отцовства. Реализация семейной политики является одним из важнейших приоритетов повышения рождаемости;

- по формированию межнационального согласия в российском обществе. Привлечение трудовых мигрантов, в целях снижения дефицита трудовых ресурсов в соответствии с потребностями экономики, в рамках интеграционных процессов на евразийском пространстве в условиях, когда российская экономика, как и мировая, оказалась перед долговременным системным вызовом - возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития, является одним из приоритетов миграционной политики.

Правильно заданный вектор эффективной организации партнерства, стимулирующей инициативу всех ее участников, где исполнительная власть разрабатывает и внедряет в реализацию повсеместно модель инновационного местного управления, в которой наряду с двумя уровнями местного самоуправления, присутствует третий – местные сообщества, позволит реализацию демографической политики сделать комплексной и всеобъемлющей, и получить устойчивую базу позитивных результатов, оправдывая инвестиции вложенные в человеческий капитал.

Литература

42. Максюта Н.К. Место ТОС в системе управления регионом // Местное самоуправление - 2010. - № 4. С. 15-22
43. Рябова Л.А. Проблемы применения концепции устойчивого развития в РФ: от национального уровня к северному аспекту // Север и рынок: формирование экономического порядка. – Апатиты: изд-во КНЦ РАН. - 2010 (25) - № 1. – С.44-49.
44. Волгоградское общественное самоуправление // Местное самоуправление - 2010. - № 4. С. 49-61

Literature

1.Maksyuta N.K. Place of territorial public self-government in the system of regional management // Local self-government. – 2010. – No. 4. P. 15-22

2. Riabova L.A. Problems of implementing the concept of sustainable development in RF: from the national level to the northern aspect // North and Market: formation of economic order. – Apatity: publishing house of KSC RAS. – 2010 (25) – No. 1. – P. 44-49.

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЛАГАЕМЫХ УРОВНЯ ЖИЗНИ

Чупенко Л.В.
научный сотрудник отдела формирования финансовой политики северных регионов
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

Работа посвящена определению инвестиционного потенциала населения Северо-Западного федерального округа с целью обеспечения инвестиционной активности для развития региона. Проведен анализ формирования сбережений и структурных изменений по их видам. Выявлены зависимости между показателями, характеризующими уровень жизни и влияние факторов на улучшение инвестиционной активности.

Ключевые слова: Сбережения населения, организованные сбережения, неорганизованные сбережения, инвестиционный потенциал, инвестиционная активность, покупательная способность населения, денежные доходы, реальный располагаемый доход.

EVALUATION OF INVESTMENT POTENTIAL IN THE LIGHT OF LIVING STANDARD ELEMENTS

Chupenko L.V.

researcher of the department of forming financial policy in northern regions
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The work is devoted to determination of investment potential of the population in the North-western federal district for ensuring investment activities for development of the region. Formation of savings and structural changes by their types are analyzed. Dependencies between indicators characterizing living standard and influence of factors on improvement of investment activities are revealed.

Key words: Savings of the population, organized savings, non-organized savings, investment potential, investment activities, purchasing power of the population, incomes, real disposable income.

Доходы и покупательная способность населения имеют не только социальное значение – как слагаемые уровня жизни, но и весьма значимы, как элемент экономического роста. При этом для устойчивого развития экономики требуется также постоянное стимулирование инвестиционной деятельности. В достижении цели роста финансовых накоплений и повышения инвестиционной активности немаловажное значение имеют сбережения домохозяйств.

Целью работы является определение инвестиционного потенциала Северо-Западного федерального округа (СЗФО), сконцентрировав внимание на изучении домохозяйств, выявлении зависимостей между показателями, характеризующими уровень жизни, т.к. регулирование их инвестиционной активности является одной из важных задач региональной инвестиционной политики. По уровню инвестиционного потенциала СЗФО занимает существенное место среди субъектов Российской Федерации. Оно связано с выгодным экономико-географическим положением доходностью бюджетов регионов, что делает округ привлекательным для инвесторов. В части сбережений населения, трансформируемых в инвестиции, основным фактором, дающим полагать о преимуществе северян по отношению к населению других территорий более высокими денежными доходами.

Инвестиционный потенциал, как одна из составляющих инвестиционной привлекательности, складывается из суммы объективных предпосылок для инвестиций, зависящих от разнообразных сфер и объектов инвестирования, а также состоянием потребительского спроса населения. Показатель «совокупная покупательная способность денежных доходов населения» аккумулирует в себе изменения собственно номинальных денежных доходов населения, а также изменения цен на основные товары и услуги, необходимые для сохранения здоровья и обеспечения жизнедеятельности. В работе воспользуемся им в качестве инструментария.

Результатом расчета является показатель остатка денежных средств в виде личных сбережений, которые граждане либо вкладывают в ценные бумаги предприятий, либо хранят на рублевых и валютных счетах в банках, либо покупают валюту, а часть сбережений остается на руках.

Под инвестиционным потенциалом населения будем понимать ту часть свободных денежных средств, которая остается у граждан за вычетом из доходов всех расходов, в том числе всех обязательных платежей, налогов, взносов и процентов за кредит. Под организованными денежными средствами будем понимать ту часть средств от всего размера сбережений, которая «работает» на экономику, то есть денежные средства, которые размещены в банковских вкладах, инвестированы в ценные бумаги и недвижимость.

Следует уточнить, что мировой экономический кризис, докатившийся до России к концу 2008г., в какой-то мере повлиял на социально-экономические показатели. Поэтому, чтобы выявить тенденции тех или иных явлений, будем рассматривать период 2003-2007 гг., ситуацию в 2008 г. рассмотрим отдельно. Определим ситуацию изменений объемов сбережений на фоне активно растущих, по данным Росстата, номинальных денежных доходов, а также долевое участие совокупных сбережений населения между регионами. Уточним также понятие «совокупные сбережения» - это сбережения, включающие в себя как организованные, так и неорганизованные формы (табл.1, рис.1).

Таблица 1.

Темпы роста (снижения) совокупных сбережений в регионах СЗФО, %

Регионы / Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008	ср.03-07

СЗФО	168,7	120,6	125,1	114,0	104,1	57,1	134,5
Республика Карелия	123,4	101,9	110,1	127,0	95,4	130,7	111,6
Республика Коми	117,4	115,2	106,5	107,6	113,8	104,0	112,1
Архангельская область	122,9	120,5	124,8	113,0	106,0	125,5	117,4
в т.ч. Ненецкий а.о.	213,9	150,3	95,8	124,0	140,4	131,3	144,9
Вологодская область	126,8	111,1	117,0	145,5	109,1	105,1	121,9
Калининградская область	270,0	104,7	208,1	158,6	114,1	83,1	171,1
Ленинградская область	145,2	147,6	91,4	221,3	135,6	91,2	148,2
Мурманская область	118,1	89,4	133,5	123,2	115,0	113,9	115,8
Новгородская область	122,9	120,7	96,9	133,9	147,9	107,4	124,5
Псковская область	135,1	81,5	53,0	248,7	141,3	132,1	131,9
г. Санкт-Петербург	336,1	133,5	136,5	89,0	88,8	-44,0	156,8

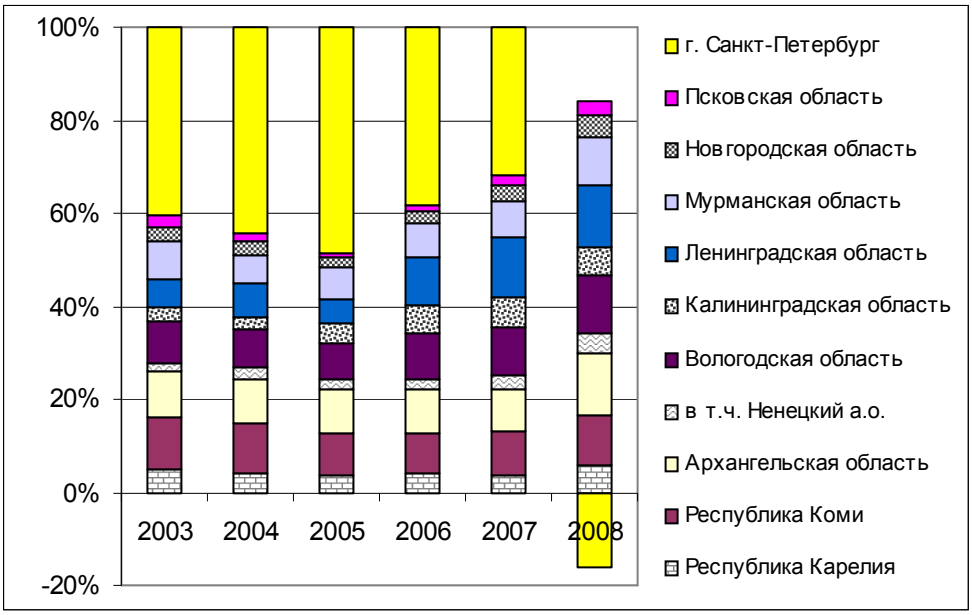

Рис.1. Изменение совокупных сбережений между регионами СЗФО, %

На протяжении 5 лет темпы совокупных сбережений повсеместно росли. Средние значения показателя свидетельствуют о том, что их высокий уровень по Округу в целом обеспечили Калининградская, Ленинградская области и Ненецкий а.о. Однако в отдельные годы наблюдалось и снижение темпов : в 2005г. - в Ленинградской области, в 2007г. – Республике Карелия, в 2006 и 2007 гг. – Санкт-Петербурге (табл.1).

В динамике структурных изменений уровня совокупных сбережений показана существенная роль населения Санкт-Петербурга. В среднем за 5 лет на долю северной столицы приходилось более 40% (в 2007г. – 31,8%) всего объема сбережений. Среди других субъектов значимыми в показателе явились Республика Коми, Архангельская, Вологодская и Ленинградская области (12,9%; 10,4%; 9,4% и 9,2%, соответственно).

В кризисном 2008 г. ситуация кардинально изменилась. Санкт-Петербург лишился былого первенства в уровне положительных инвестиций, теперь превзойдя остальные регионы отрицательными сбережениями. Их уровень оказался настолько высоким, что повлиял на суммарный результат Округа в целом. В то же время для некоторых регионов кризисный год стал исключением в их многолетней вялой динамике. Так, уровень совокупных сбережений более, чем вдвое возрос в Республике Карелия, Ненецком а.о., Архангельской и Псковской областях. Однако эти субъекты (кроме Архангельской) не стали лидерами, а сохранили позиции те субъекты, которые сохраняли первенство в 2007 г. (кроме г. Санкт-Петербурга) – это Архангельская, Ленинградская области (по 20%), а также Вологодская область (18,5%).

Проанализируем, как складывается структура и динамика сбережений населения по Северо-Западному ФО в разрезе регионов по видам сбережений. Условно они разбиты на три вида

организованных сбережений: 1) накопления в банковские вклады и приобретение ценных бумаг, 2) приобретение недвижимости, 3) остаток на руках (табл.3).

Таблица 3

Организованные и неорганизованные сбережения в регионах СЗФО (в % от объема)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Сред. 2003-07 гг.
	СЗФО						
% сбережений от дохода	27,1	26,2	25,1	23,4	20,2	10,2	19,72
Накопления во вкладах и ЦБ	66,8	67,6	71,3	65,4	68,3	101	70,5
Приобретение недвижимости	11,4	11,8	10,4	13,7	13,4	62,7	12,8
Остаток на руках	21,8	20,6	18,3	20,9	18,3	-63,7	16,7
	Республика Карелия						
% сбережений от дохода	29,6	25,9	23,7	24,2	20,2	21,9	24,72
Накопления во вкладах и ЦБ	44,6	44,0	46,8	47,9	35,1	17,4	41,1
Приобретение недвижимости	1,7	3,1	3,0	2,9	4,0	8,2	2,8
Остаток на руках	53,7	52,9	50,2	49,2	60,9	74,4	56,0
	Республика Коми						
% от дохода	30,6	28,6	25,4	23,2	22,0	20,1	25,96
Накопления во вкладах и ЦБ	46,4	45,1	52,8	53,0	45,0	44,3	51,3
Приобретение недвижимости	2,6	3,5	4,7	6,9	7,7	8,5	5,7
Остаток на руках	51,0	51,4	42,5	40,1	47,3	47,3	43,0
	Архангельская область						
% от дохода	30,8	29,6	29,3	27,3	24,0	23,7	28,2
Накопления во вкладах и ЦБ	55,5	56,8	60,8	57,1	53,3	49,8	58,2
Приобретение недвижимости	0,3	1,4	1,4	1,8	4,2	5,1	2,1
Остаток на руках	44,2	41,9	37,9	41,0	42,5	45,1	39,7
	в т.ч. Ненецкий а.о.						
% от дохода	66,1	70,1	63,6	61,6	62,0	63,3	64,68
Накопления во вкладах и ЦБ	11,0	6,6	12,7	5,7	5,3	3,8	7,9
Приобретение недвижимости	0,0	0,6	0,5	2,1	2,3	1,6	1,4
Остаток на руках	89,0	92,9	86,8	92,2	92,4	94,6	90,8
	Вологодская область						
% от дохода	34,3	32,3	31,7	33,7	30,5	27,7	32,5
Накопления во вкладах и ЦБ	71,1	76,8	73,8	43,0	38,7	39,4	62,2
Приобретение недвижимости	4,1	5,3	6,9	7,1	7,5	14,1	7,2
Остаток на руках	24,8	18,0	19,2	49,9	53,8	46,6	30,6
	Калининградская область						
% от дохода	17,0	14,4	22,1	25,3	22,5	16,5	20,26
Накопления во вкладах и ЦБ	105,3	111,1	102,3	71,9	75,1	104,2	78,7
Приобретение недвижимости	9,4	11,8	6,3	6,7	6,7	12,7	6,8
Остаток на руках	-14,7	-22,9	-8,6	21,3	18,2	-17,0	14,6
	Ленинградская область						
% от дохода	23,8	26,7	17,2	26,4	28,2	22,6	24,46

Накопления во вкладах и ЦБ	69,3	77,5	126,2	81,1	66,3	84,5	89,7
Приобретение недвижимости	2,1	3,0	3,5	3,8	3,5	8,4	3,8
Остаток на руках	28,6	19,5	-29,7	15,2	30,1	7,1	6,5
	Мурманская область						
% от дохода	27,2	20,9	22,9	23,3	22,3	20,8	23,32
Накопления во вкладах и ЦБ	45,2	49,8	49,3	46,4	42,6	35,6	54,0
Приобретение недвижимости	0,4	1,9	1,7	3,9	4,0	3,8	3,1
Остаток на руках	54,4	48,3	48,9	49,8	27,3	30,0	42,9
	Новгородская область						
% от дохода	23,9	19,8	19,8	23,9	19,4	17,5	21,36
Накопления во вкладах и ЦБ	71,1	63,1	79,2	56,7	33,6	32,0	50,2
Приобретение недвижимости	3,7	8,7	10,7	12,8	15,8	24,1	10,3
Остаток на руках	24,0	6,7	10,7	48,3	27,3	30,0	39,5
	Псковская область						
% от дохода	19,5	12,9	6,1	11,8	13,7	14,0	12,8
Накопления во вкладах и ЦБ	71,3	92,2	221,3	82,2	66,4	64,3	68,9
Приобретение недвижимости	4,1	5,4	9,8	8,5	7,3	5,0	5,3
Остаток на руках	24,6	2,3	-131,1	9,3	26,3	30,7	25,8
	г. Санкт-Петербург						
% от дохода	26,2	27,2	27,0	20,8	15,5	-6,5	23,34
Накопления во вкладах и ЦБ	77,5	72,1	70,4	76,9	100,6	133,8	73,7
Приобретение недвижимости	24,4	21,0	16,3	26,9	29,0	-203,1	21,6
Остаток на руках	-1,9	7,0	13,3	-3,8	-29,7	436,9	4,7

По проценту сбережений от общего объема доходов по СЗФО в целом за 5 лет снижение произошло на 6,9% (с 27,1% до 20,2%), которое, однако, не помешало Округу сохранить достаточно высокий уровень сбережений в сравнении с Россией. В то же время, несмотря на возрастающую динамику доходов населения СЗФО, сберегательная часть уменьшается за счет возрастания потребления. Причем в потребительских расходах покупка товаров и услуг растет более медленными темпами, чем расходы на обязательные платежи, налоги и взносы. То есть, располагаемые денежные доходы по сравнению номинальными растут более медленными темпами.

Показатели, характеризующие изменения в структуре сбережений, демонстрируют все большее предпочтение населения сберегаемую часть доходов помещать в организованные сбережения, то есть в банковские вклады, ценные бумаги предприятий, в недвижимость и др., а хранение денежных средств на руках становится неактуальным. Отличителен тот факт, что в структуре организованных сбережений заметное место завоевывает такая форма, как расходы на приобретение недвижимости, около 13,5%. Но все же, основной формой в составе организованных сбережений являются банковские вклады и накопления в ценные бумаги, до кризиса их доля в структуре составляла 68%.

Схематично сгруппировать регионы СЗФО по видам сбережений, исходя из средних значений исследуемого периода, можно следующим образом (табл.4):

Таблица 4

Схема группировки регионов СЗФО по видам сбережений

	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
I. Накопления в ценные бумаги, банковские	1. Ленинградская (89,7%) 2.Калининградская	1. Псковская (68,9%) 2. Вологодская (62,2) 3. Архангельская (58,2)	1. Ненецкий а.о. (7,9%)

вклады	(78,7) 3. Санкт-Петербург (73,7)	4. Мурманская (54,0) 5. Р. Коми (51,3) 6. Новгородская (50,2) 7. Р. Карелия (41,1)	
II. Накопления в недвижимость	1.Санкт-Петербург (21,6%) 2. Новгородская (10,3) 3. Вологодская (7,2)	1. Калининградская (6,8) 2. Р. Коми (5,7) 3. Псковская (5,3) 4. Ленинградская (3,8) 5. Мурманская (3,1) 6. Р. Карелия (2,8)	1. Ненецкий а.о. (1,4%) 2. Архангельская (2,1)
III. Неорганизованные сбережения	1. Ненецкий а.о. (90,8%) 2. Р. Карелия (56,0) 3. Р. Коми (43,0) 4. Мурманская (42,9)	1. Архангельская (39,7%) 2. Новгородская (39,5) 3. Вологодская (30,6) 4. Псковская (25,8) 5. Калининградская (14,6)	1.Санкт-Петербург (4,7%) 2.Ленинградская (6,5)

Кризисный 2008 год нарушил относительно стабильные тенденции показателей, характеризующих уровень жизни. Он стал первым годом, явившийся целым рядом показателей с отрицательными значениями. В частности, впервые за рассматриваемый период снизился объем сбережений в целом по России - на 13,4%, несмотря на возросшие (на 18,4%) номинальные денежные доходы. По СЗФО также произошло снижение уровня сбережений, причем его снижение превысило среднероссийское почти вдвое. Процент сбережений от доходов в этом же году составил 10,2% против 20,2% в 2007. В 2008г. в сравнении с предыдущим годом возросли уровни обеих организованных форм в структуре совокупных сбережений: накопления во вкладах и ценных бумагах (на 32,7%), приобретение недвижимости (на 49,3%). Изменения неорганизованных сбережений (денежные средства на руках) зафиксированы с отрицательным значением, за год их уровень упал на 45,4% и составил (-)63,7%, против 18,3% в 2007г.

Из анализа структуры сбережений очевидна тенденция некоторого улучшения инвестиционной активности: процент сбережений во вкладах и ценных бумагах занимает значительную долю в общих сбережениях. Вместе с тем, происходит тенденция уменьшения свободных денежных средств на руках, хотя достаточно высокая в сравнении со среднероссийским уровнем. Причиной снижения доли сберегаемых средств на руках, как упоминалось выше, являются растущие расходы на оплату обязательных платежей, налогов и разнообразных взносов. Кроме того, в данную статью расходов, в соответствии с методологическими пояснениями Росстата, включаются проценты за кредиты. А поскольку в последнее время рынок кредита, в том числе потребительский и ипотечный, получил интенсивное развитие, то вместе с основными платежами, растут и расходы на оплату процентов за кредиты.

Другой причиной снижения свободных денежных средств на руках может являться развитие системы безналичных расчетов. Некоторые экономисты считают, что при максимальном развитии этой системы, ресурсы банковской сферы расширятся примерно на 10% валового внутреннего продукта, и в таком случае денежные средства не выходят из финансового оборота.

Итак, потенциал региона обусловлен состоянием совокупного потребительского спроса домохозяйств. Домохозяйства, в свою очередь, находятся в прямой зависимости от результатов своего поведения: выше затраты труда – выше (как правило) доходы – выше (разнообразнее) потребление, а с растущим потреблением выше и норма сбережения. Поэтому важно знать состояние покупательной способности домохозяйств, как составляющей совокупного потребительского спроса. Покупательная способность денежных доходов определяется количеством товаров и услуг, которое население способно приобрести в соответствии с имеющимися у людей денежными средствами и при уровне цен на товары и тарифов на услуги, сложившемся в регионе.

Поскольку к наиболее представительным и употребимым макроэкономическим показателям, укрупненно характеризующим доходы населения, в настоящее время относят, прежде всего, реально располагаемые доходы домашних хозяйств, приведем данные показатели в разрезе регионов Округа (табл.5).

Таблица 5

Динамика среднедушевых денежных доходов населения (рублей), реальных располагаемых денежных доходов (в % к предыдущему году), индекса потребительских цен в регионах СЗФО

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2007 в % к 2003
СЗФО							
Среднедушевые денежные доходы	136,8	125,6	131,6	123,0	121,1	113,3	336,9
Реальные располагаемые ден. доходы	114,0	109,5	112,3	115,6	109,5	103,6	177,4
Индекс потребительских цен	113,2	112,3	111,2	109,5	112,6	114,1	174,3
Республика Карелия							
Среднедушевые денежные доходы	127,8	117,5	121,2	125,2	114,7	121,1	261,4
Реальные располагаемые ден. доходы	120,1	112,3	118,6	112,1	106,6	100,3	236,7
Индекс потребительских цен	112,9	111,1	110	109,1	113,1	112,7	170,3
Республика Коми							
Среднедушевые денежные доходы	130,3	124,4	121,2	119,0	120,9	114,9	282,6
Реальные располагаемые ден. доходы	105,7	102,8	104,2	113,5	96,3	107,7	257,3
Индекс потребительских цен	118	111	110,8	110	112,3	113,8	179,3
Архангельская область							
Среднедушевые денежные доходы	129,6	126,6	127,5	122,3	121,3	128,1	310,2
Реальные располагаемые ден. доходы	113,6	109,1	107,3	106,9	105,0	97,9	281,8
Индекс потребительских цен	112,7	112,5	109,7	109	112,9	114,1	171,2
Ненецкий а.о.							
Среднедушевые денежные доходы	183,8	141,7	105,6	128,0	139,4	128,6	491,1
Реальные располагаемые ден. доходы	113,6	106,4	112,3	110,8	111,9	107,4	483,3
Индекс потребительских цен	112,7	117,7	112,3	109,2	107,4	118,4	174,7
Вологодская область							
Среднедушевые денежные доходы	129,5	118,9	120,1	137,6	121,1	116,1	308,3
Реальные располагаемые ден. доходы	110,5	104,7	106,3	123,6	105,4	101,8	277,4
Индекс потребительских цен	113,1	111,8	111,3	109,2	112,7	114,3	173,2
Калининградская область							
Среднедушевые денежные доходы	137,2	124,3	136,3	139,0	128,3	113,4	414,1
Реальные располагаемые ден. доходы	107,8	104,9	105,9	124,2	104,8	103,2	373,2
Индекс потребительских цен	117,5	111,7	111,1	107,9	111,2	115,2	175,0
Ленинградская область							
Среднедушевые денежные доходы	124,4	132,2	142,7	144,7	127,3	113,8	432,1
Реальные располагаемые ден. доходы	121,1	105,0	115,7	128,4	115,8	95,0	417,3
Индекс потребительских цен	113	114,9	112	109,9	112,8	114,9	180,3
Мурманская область							
Среднедушевые денежные доходы	128,7	117,3	123,1	122,1	121,0	123,3	274,5
Реальные располагаемые ден. доходы	107,3	118,8	129,1	134,1	112,3	98,3	248,5
Индекс потребительских цен	113,9	110,8	111	108,8	112,5	114,1	171,5
Новгородская область							
Среднедушевые денежные доходы	125,6	117,4	125,6	131,5	119,5	135,2	291,2
Реальные располагаемые ден. доходы	110,7	102,5	110	109,6	107,1	106,1	263,6
Индекс потребительских цен	114,4	113,1	110,3	110,3	111,7	114	175,8
Псковская область							
Среднедушевые денежные доходы	132,7	125,0	113,9	130,5	123,2	130,9	303,8
Реальные располагаемые ден. доходы	109,7	102,5	110,5	120,8	104,8	118,5	274,3
Индекс потребительских цен	112,7	111,6	110,5	108,1	112,5	113	169,0
г. Санкт-Петербург							
Среднедушевые денежные доходы	149,8	129,3	138,1	115,7	119,3	104,6	369,1
Реальные располагаемые ден. доходы	172,3	156,4	283,9	104,5	140,4	176,5	346,7
Индекс потребительских цен	112,2	112,7	112	110	113,2	114,4	176,3

Данные табл.5 свидетельствуют о том, что в СЗФО при тенденции роста номинальных денежных доходов реальные располагаемые доходы не всегда преодолевали пороги индекса потребительских цен соответствующих лет: в 2004, 2007 и кризисном 2008 гг. они были ниже. Внутри Округа регионов с относительно невысокими реальными доходами большинство, из них самые неблагополучные, в которых разрыв между значениями реальных располагаемых доходов и индекса потребительских цен на товары и услуги за рассматриваемый период был самый высокий – Республика Коми, Новгородская и Архангельская области. Превышение реальных доходов над индексом потребительских цен наблюдался лишь в 4 регионах: в Санкт-Петербурге, Мурманской, Ленинградской областях и Республике Карелия. То есть, обобщая ситуацию, можно утверждать, что на самом деле, в СЗФО, несмотря на рост номинальных денежных доходов, практически не происходит роста реальных денежных доходов. Это говорит о сдерживающем факторе не только в сберегательном поведении домохозяйств, но и в потреблении.

Другим показателем, характеризующим покупательную способность, является дифференциация доходов населения. Показатель имеет тенденцию неуклонного роста. Если в 2003г. коэффициент фондов (социального расслоения), который определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами, составлял 14,5 раза, то в 2008г. – уже 16,9.

Таким образом, рассмотренный блок показателей совокупной покупательной способности денежных доходов, как один из инструментов регулирования инвестиционной активности, позволил оценить инвестиционный потенциал населения Северо-Западного района. В соответствии с законом экономической теории, покупательная способность доходов населения имеет прямую зависимость с состоянием сбережений: чем она выше, тем выше норма сбережений. Однако процент сбережений СЗФО в тенденции рассматриваемого периода сильно не меняется. Это объясняется несоответствием темпов роста номинальных доходов темпам роста потребительских цен. В то же время инвестиционный потенциал в регионе продолжает оставаться высоким. Группировка регионов по видам сбережений показала четкое разграничение территорий на города-мегаполисы и города-периферии, которые в силу развития финансовой инфраструктуры, отличаются: первые - высоким уровнем организованных сбережений и низким – неорганизованных, а вторые, наоборот. В нашем округе много городов и регионов со слабо развитой инфраструктурой, что дает возможность региональным властям при условии проведения грамотной финансовой политики рассчитывать на привлечение свободных денежных средств населения.

Литература

6. Бекасова И.Э. Особенности потребительского поведения россиян: факторы выбора, мотивации, лояльность.URL: htt: //www.rk-audit.ru/buhuchet/potrebitelskoe povedenie statiya buhuchet.html.
7. Статистика уровня жизни населения.URL: http://www.rus-lib.ru/book/31/eb/16/419-444.html.
8. Покупательная способность доходов и потребление населения: состояние и перспективы. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0213/analit01.php.
9. Эксперт Северо-Запад: почти привлекательны.URL: http://2kauditspb.ru/smi.php?id=1116
10. Федеральная служба государственной статистики - Центральная база статистических данных [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi

References

6. Bekasova I.E. Specificity of consumer behavior of the Russians: factors of choice, motivation, loyalty. URL: http://www.rk-audit.ru/buhuchet/potrebitelskoe povedenie statiya buhuchet.html.
7. Statistics of living standard. URL: http://www.rus-lib.ru/book/31/eb/16/419-444.html.
8. Purchasing power of incomes and consumption: the condition and prospects. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0213/analit01.php.
9. Expert North-west: almost attractive. : http://2kauditspb.ru/smi.php?id=1116
10. Federal agency of state statistics – Central basis of statistic data [Electronic resource] URL: http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi

ТРАНСПОРТНОЕ ОСВОЕНИЕ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Шпак А.В.,
кандидат экономических наук, доцент,
заведующая сектором экономики и организации товародвижения
отдела региональной и муниципальной политики на Севере РФ
Серова В.А.,.
научный сотрудник сектора экономики и организации товародвижения
отдела региональной и муниципальной политики на Севере РФ
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье рассматриваются вопросы транспортной доступности арктической зоны РФ, представлены основные характеристики транспортной инфраструктуры указанной территории, дается анализ некоторых планово-прогнозных документов развития транспортной отрасли.

Ключевые слова: регионы Севера и Арктики, транспортная доступность, транспортная инфраструктура, грузопотоки, транспортные проекты.

TRANSPORT DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC ZONE UNDER THE PRESENT CONDITIONS

Shpak A.V.,
Ph.D. (Econ.), Docent,
head of sector of economy and organization of commodity flows
of the department of regional and municipal policy in the North of RF
Serova V.A.,
researcher of sector of economy and organization of commodity flows
of the department of regional and municipal policy in the North of RF
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre RAS

The article considers issues of transport accessibility of the Arctic zone of RF, main characteristics of the transport infrastructure of the indicated territory are given, some plan-prognosis documents for developing the transport branch are analyzed.

***Key words*:** regions of the North and the Arctic, transport accessibility, transport infrastructure, cargo flows, transport projects.

Транспорт является одной из системообразующих отраслей экономики, обеспечивающих территориальную целостность и единство экономического пространства страны. Опыт развитых стран доказывает, что инвестиции в транспортную инфраструктуру являются одним из наиболее эффективных инструментов ускорения экономического роста, развития новых рынков, формирования новых возможностей для повышения инвестиционной, деловой и социальной активности в обществе. В итоге транспорт не только обеспечивает пространственное и функциональное единство страны, но и представляет собой мультипликативную отрасль,

активизирующую освоение периферийных территорий. Одной из таких территорий является арктическая зона Севера РФ.

Российская Арктика – регион особых геостратегических интересов государства и долговременных экономических интересов общества, прежде всего с точки зрения освоения и рационального использования природных ресурсов и обеспечения глобального экологического равновесия. несомненно, это обуславливает ее выделение в самостоятельный объект государственной политики. В Арктике сосредоточены стратегические запасы природных богатств, которые во многом будут определять развитие российской экономики. В то же время освоение месторождений Арктики ставит множество проблем и требует значительных инвестиций**.**

В настоящее время транспортная система северного макрорегиона характеризуется крайне неравномерным развитием и слабым уровнем освоенности. Огромные территории Севера и Арктической зоны практически не обустроены в транспортном отношении и не имеют полноценных связей с транспортными магистралями, а также налаженных внутрирайонных коммуникаций. Ограниченная транспортная доступность северных территорий значительно увеличивает затраты на перевозку грузов и пассажиров. Доля транспортных издержек в стоимости конечного продукта Арктической зоны в настоящее время очень высока и достигает 60% [8]. К этому следует добавить технологическую отсталость транспортной инфраструктуры и обвальное снижение грузопотоков, которые не просто сдерживают развитие транспортного комплекса, а вызывают кризис всей арктической транспортной системы.

Значительное уменьшение объемов перевозок грузов представлено на примере автомобильного транспорта в таблице 1.

Таблица 1

Перевозки грузов автомобильным транспортом по районам, полностью или частично относящимся к Арктической зоне, *млн. тонн**

	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2008 к 1990 в %
Архангельская область	125,2	54,8	30,5	30,2	29,4	42,5	35,2	33,9	43,2	37,3	37,2	29,7
в том числе Ненецкий АО	1,7	0,5	0,8	0,8	0,8	0,8	0,9	1,0	1,9	1,6	1,5	88,2
Мурманская область	443,6	18,5	9,6	9,6	8,0	6,3	8,3	18,3	6,2	5,7	5,3	1,2
Ямало-Ненецкий АО	125,9	71,0	47,9	41,0	41,4	52,5	40,0	32,7	39,9	45,2	40,6	32,2
Красноярский край	458,3	294,6	137,7	116,9	102,1	95,3	81,2	85,7	91,3	97,6	107,7	23,5
Республика Саха (Якутия)	563,5	372,0	80,1	72,8	46,1	29,8	32,2	32,0	20,0	21,8	17,3	3,1
Камчатский край	33,0	4,9	4,5	2,8	2,8	2,9	2,5	2,5	2,9	2,6	2,8	8,5
Чукотский АО	48,6	2,6	0,8	1,3	1,7	2,2	2,5	2,6	2,5	1,4	1,2	2,5

* Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 990 с.

Представим основные характеристики транспортной инфраструктуры арктической зоны.

Одним из базовых элементов Арктической транспортной системы является Северный морской путь. Путь морем – практически единственное средство доставки грузов почти в 100

российских пунктов на побережье Ледовитого океана и на островах. И хотя в настоящее время морская транспортная система обеспечивает сократившиеся потребности страны в арктических грузоперевозках, ее депрессивное состояние сохраняется. Особенно это касается восточных районов Арктики.

Сегодня на трассах СМП действуют 10 линейных ледоколов (из них 6 атомных), и более 60 транспортных судов ледовых категорий. Это самый мощный ледокольный флот в мире, с уникальным опытом конструирования, постройки и эксплуатации таких судов. Однако он также требует реконструкции и обновления. В целом эффективность арктического судоходства в работе транспортного комплекса остается сравнительно низкой, в том числе из-за высокой стоимости ледокольных услуг, которые составляют порядка 60-65% портовых сборов, и их размер существенно влияет на конкурентоспособность портов. Вся инфраструктура Северного морского пути, включающая ледокольный флот, метеорологическую и гидрографическую службы, ледовую разведку, авиация, связь, оказалась в состоянии кризиса. В результате деятельность ледокольного флота стала убыточной.

Огромное влияние на функционирование Северного морского пути оказывает портовая инфраструктура. Сегодня, угасание деятельности большинства морских портов арктической зоны России вызывает «замирание» деятельности речных портов, аэропортов, системы «северного завоза», инфраструктуры северных поселений, а в итоге - жизнеобеспечения указанных территорий. Здесь верную «параллель» провел исполнительный директор некоммерческого партнерства по координации использования Севморпути, капитан дальнего плавания В. Михайличенко: «…нет северного завоза - нет людей в поселках - нет грузов, которые можно возить и продавать… Да и реконструкция портов возможна, лишь когда живы прибрежные поселки»[7].

В силу объективных причин неразвитости наземных коммуникаций особая транспортная нагрузка в арктических регионах приходится на речной транспорт. Меридиональное расположение крупнейших сибирских рек позволяет им служить связующими звеньями между Транссибирской магистралью и СМП. Реки Лена, Енисей, Обь и Иртыш в четыре раза превышают протяженность железнодорожных дорог и в одиннадцать раз - автомобильных**.** Разветвленная система речных притоков обеспечивает доступ к самым отдаленным пунктам. В целом, доля внутреннего водного транспорта составляет более трех четвертей от всего объема водных перевозок грузов.

Использованием речного транспорта достигается относительная дешевизна перевозок массовых грузов и минимальное воздействие на окружающую среду. Однако эксплуатационные и экономические показатели речного флота существенно ухудшились: сокращается загрузка судов по причинам падения гарантированных глубин, неритмичного грузопредъявления и неплатежеспособности грузовладельцев.

Другой важный элемент арктической транспортной системы – меридионально-ориентированные транспортные пути, обеспечивающие интеграцию экономики арктических регионов в общероссийское экономическое пространство – имеют устойчивую основу только западнее Урала (в Мурманской и Архангельской областях) и, отчасти, в Западной Сибири. Далее, к востоку, меридиональные транспортные магистрали опираются на речные пути, навигация на которых продолжается не более полугода и зависит от поддержания необходимой глубины судового хода земснарядами. В таблице 2 представлены восточные районы, наиболее слабо освоенные в транспортном отношении.

Таблица 2

Обеспеченность арктических регионов транспортной инфраструктурой

Субъект федерации	**Развитость инфраструктуры**

Субъект федерации	Развитость инфраструктуры
Архангельская область	Развита (обслуживание островов Арктики, морские порты: Архангельск, Мезень, Онега); магистральные автомобильные и железные дороги (участки Северной железной дороги в Архангельской области Коноша-Воркута-Лабытнанги и их ответвления)
Мурманская область	Развита (особенно морской транспорт – ледокольный флот, порты Мурманск (крупнейший незамерзающий порт России), Кандалакша); магистральные автомобильные и железные дороги (участки Октябрьской железной дороги Петрозаводск-Мурманск и ее ответвления)
Ненецкий АО	Развита слабо (главную роль играют воздушный и морской транспорт, порты: Нарьян-Мар, Амдерма),
Ямало-Ненецкий АО	Довольно развита (газопроводный («Сияние Севера», Уренгой-Челябинск, Уренгой - Западная Европа), морской (СМП) и речной транспорт (Обь, Надым, Таз, Пур)); ОАО "Ямальская железная компания»
Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район	Развита слабо (газопровод Месояха-Норильск, транспортная система не связана с общероссийской, основные порты: Диксон, Дудинка, Хатанга); местная железная дорога Дудинка–Норильск
Республика Саха (Якутия)	Развита слабо (порты СМП: Тикси, Зеленый мыс, речное судоходство – 6 речных портов); автозимники
Чукотский АО	Относительно развита (есть трубопроводы, 5 морских портов); железных дорог нет, лишь незначительные узкоколейки на местных предприятиях; автозимники; основные виды транспорта для дальних передвижений — морской и воздушный

В силу неравномерности развития плотность автомобильных дорог в северных регионах различается в десятки, и даже сотни раз. Согласно расчетам, плотность автодорог общего пользования на Таймыре – в 350 раз меньше среднего показателя по РФ, на Чукотке – в 46,2 раза, в Ненецком ОА – в 33,6 раза, в Ямало-Ненецком АО – в 23,1[11]. В некоторых регионах только 10–15% дорожного покрытия соответствуют современным техническим нормативам.

Арктические районы Республики Саха (Якутия) обслуживаются, в основном, автозимниками. Плотность автодорог в Республике Саха меньше среднероссийского показателя в 11 раз, около 80% из них не соответствуют нормативным требованиям. Опорной магистралью автозимников является автодорога Удачный–Мирный–Вилюйск–Якутск–Хандыга–Усть-Нера–Магадан, отдельные участки которой (205 км) находятся в стадии строительства. Главным приоритетом в республике являются дальнейшее строительство и реконструкция автомагистралей «Колыма», «Лена» и «Амга». Снабжение предприятий и населенных пунктов Чукотского округа осуществляется с использованием автозимников между портом Зеленый Мыс (река Колыма), АЭС Билибино, портами Певек, Мыс Шмидта и Эгвекинот. В стадии строительства находится автодорога Зеленый Мыс–Билибино–Певек.

Подобная транспортная инфраструктура еще более «взвинчивает» транспортные тарифы: по оценке Минтранса России себестоимость автомобильных перевозок на Севере в 5-10 раз выше, чем в центральной части РФ и в 1,5 раза выше, чем в аналогичных районах других государств. Дополняет круг проблем большое число бесхозяйных дорог, постепенно теряющих свои эксплуатационные характеристики.

Уместно отметить, что наша страна, даже не затрагивая арктические территории, существенно проигрывает в вопросах транспортного обеспечения. Мы значительно отстаем от США, Финляндии и Швеции по показателям протяженности дорог на душу населения и плотности дорог, по густоте железнодорожных путей. Например, Аляска (площадь 1,7 млн. км^2), уже сравнялась по плотности автомобильных дорог с Мурманской областью и в 15–20 превзошла

Север Сибири. Кроме того, в восточном секторе Арктики нет магистральных железных дорог, которые могли бы существенно влиять на транспортную доступность.

По экспертным оценкам, проблема транспортной неосвоенности обходится российской экономике ежегодно в 10% ВВП. Неразвитость транспортной инфраструктуры способствует высокому уровню транспортной дискриминации и существенным образом ограничивает мобильность населения. Отсутствие сухопутного транспортного сообщения между северо-восточными регионами Севера и остальной частью страны оказывает дестабилизирующее воздействие на социально-экономическое развитие этих территорий.

К числу наиболее серьезных угроз для устойчивого и надежного функционирования транспортной системы Севера относится фактор устаревания основных фондов. Основная транспортная инфраструктура создана еще в советский период, ее изношенность не только не позволяет реализовывать стратегические задачи, но и грозит техногенными авариями и катастрофами.

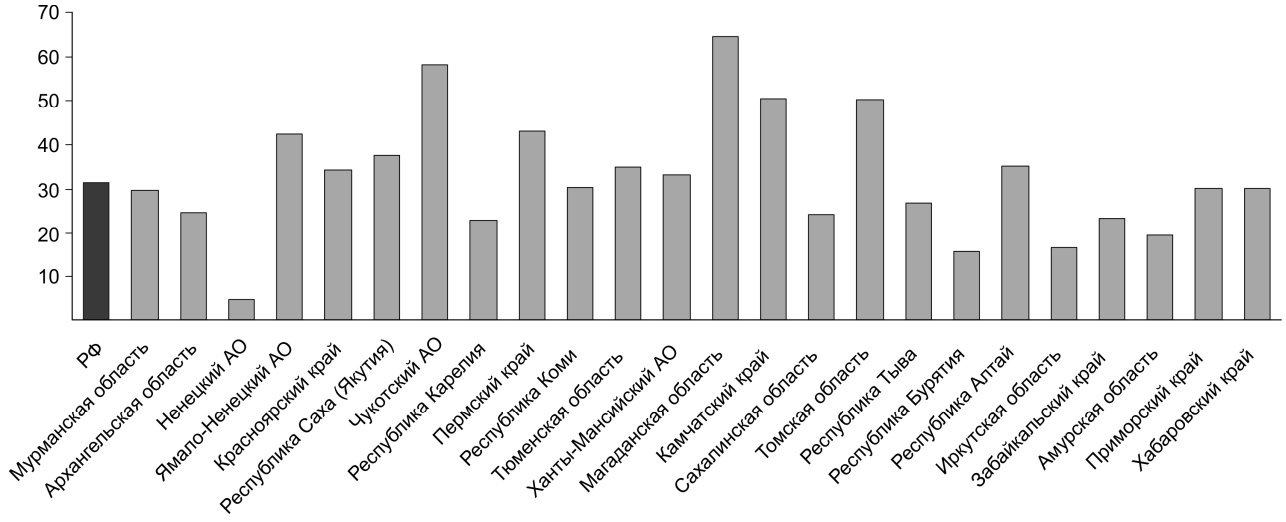

Рис. 1. Степень износа основных фондов (транспорт и связь) по районам Крайнего Севера на конец 2008 г., в %.

В разрабатываемой стратегии социально-экономического развития Арктики до 2020 года заявлена **«Новая природа арктических мегапроектов как государственно-частных партнерств.** В прогнозный период в российской Арктике будет реализовано несколько мегапроектов, на принципиально новых основах – если сравнивать их со стройками советского времени. Важнейший среди них проект освоения ресурсов углеводородов на
шельфе арктических морей продлится несколько десятилетий… Важнейший вызов состоит в том, чтобы использовать арктические мегапроекты для запуска процесса инновационного развития как в самой Арктике, так и в российской экономике в целом» [5]. Естественно, за этим следует и рост грузопотоков. Прогнозная оценка основных арктических грузопотоков на 2010-2020 гг. при пессимистическом и оптимистическом вариантах представлена в таблице 3[4].

Таблица 3

Прогноз грузопотоков в Арктической зоне РФ, *тыс. т*

Грузопотоки	2010	2015	2020	2010	2015	2020
варианты перевозок	*пессимистический*			*оптимистический*		
Экспорт нефти из Белого и	19000	19500	19500	20000	28500	29500

Баренцева морей						
Северный завоз	470	740	890	705	1100	1320
Дудинка	1195	1305	1310	1920	2630	2635
Вывоз из Арктики	720	935	1150	1415	2560	7985
Внутриарктический каботаж	145	210	250	295	460	560
Транзитные перевозки	0	0	0	100	150	250
Импорт	25	35	40	40	50	55
Всего	**21555**	**30725**	**32140**	**24475**	**35450**	**42305**

Согласно Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 г. [10] весь период реализации применительно к Арктическому поясу развития рассматривается как *инновационно-восстановительный*, призванный подготовить производственный потенциал, промышленную и транспортную инфраструктуру, а также трудовые ресурсы к эффективному освоению природных ресурсов Арктики с использованием нового технологического базиса. В целом на сегодняшний день существует множество транспортных проектов развития Арктики и достаточно амбициозных. Многие из них нуждаются в научном обосновании, так как оправдают ли себя огромные финансовые затраты на малонаселенных территориях с суровым климатом – отдельный вопрос.

В то же время, развитие северных территорий всегда происходило скачкообразно, когда одновременно совпадали два условия: появление *прорывных технологий*, а также *инвестиционных проектов* на Севере, которые с помощью этих технологий можно было реализовать [2]. Ледокольный флот и полярная авиация дали толчок в развитии Севера в 30-е годы. Но серьёзный прорыв произошёл лишь в 60-е и 70-е годы с появлением атомных ледоколов и возможностью надёжной караванной проводки судов.

В сегодняшней ситуации, характеризующейся длительностью проводимых реформ, формированием новых экономических отношений, а также влиянием последнего кризиса реализация крупномасштабных транспортных проектов в зоне Севера и Арктики представляется весьма сложной.

Так, согласно «Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года» размер капитальных вложений в транспортную отрасль должен был составить астрономическую сумму: от 140 по энерго-сырьевому до 154 трлн руб. по инновационному варианту развития. То есть, порядка 7 трлн руб. ежегодно в течение последующих двадцати лет [1]. В программах антикризисных мер на 2009 год, а затем и на 2010 год также подчеркивается необходимость поддержки отдельных отраслей экономики, среди которых и топливно-энергетический комплекс и транспорт как обеспечивающие основу для функционирования экономики в целом [1].

В федерально-целевой программе «Развитие транспортной системы России на 2010-2015 гг.», вышедшей в свет в 2008 году планировались самые масштабные инфраструктурные инвестиции за всю историю страны – за 5 лет государство было готово потратить на отрасль 4,65 трлн. рублей (1,9 трлн. из них – в 2010-2012 гг.). Почти все эти средства предполагалось вложить в капремонт и строительство автодорог (в среднем по 650 млрд. рублей в год). Но кризис изменил инвестиционные планы [6].

С учетом оптимизации бюджета, а также с учетом антикризисной поддержки расходы на развитие транспортного комплекса составили в 2009 году 559,9 млрд. рублей, что на 11,4% меньше первоначально утвержденного бюджета [3].

В ближайшие 3 года (2010-2012 гг.) инвестиции сократят почти в 3 раза. Наибольшие потери понесет автодорожная отрасль [6]. По прогнозу Минфина, секвестированию подвергнется каждая вторая целевая программа. Могут быть сокращены как целые подпрограммы, так и отдельные проекты внутри ФЦП [9]. К сожалению, значительная часть стратегических планов превращается в благие намерения.

К сожалению, фантастичность реализации многих заявленных проектов на Севере РФ обусловлена не только объективными факторами (сложные природно-климатические условия, экономический кризис), но и несовершенством современной политикой в области развития транспортной инфраструктуры. Отсутствие системного видения проблемы не просто сдерживает, а фактически делает невозможным развитие современных форм пространственной организации транспорта, тем самым негативно влияя на региональное развитие зоны Севера, территориальную организацию производительных сил и транзитные возможности. Очевидно, решение транспортных проблем Севера сегодня требует принципиально иного подхода. Учитывая колоссальную стоимость строительства транспортных коммуникаций на Крайнем Севере, а также специфику очагового освоения сырьевых месторождений, большую экологическую уязвимость северных экосистем наиболее реальным является сохранении действующей транспортной системы, повышение ее эффективности, а также использование амфибийной техники и техники высокой проходимости, как воздушной, так и наземной. Наряду с этим необходимо перспективное планирование товарных и пассажирских потоков, ясное понимание задач, стоящих перед регионами.

Литература

12. Варнавский В. Вложения в транспортную инфраструктуру необходимо продолжать// Логистика и управление. - 2009. - № 11. – С. 42-46.
13. Гурьев А. Импульс для развития российского Севера (Электронный ресурс): "Парламентская газета" №33-34(2449-2450) от 25.06.2010. URL: http://www.severcom.ru/aboutnorth/item103-1.html
14. ЕВРАЗИЯ. Вести. Развитие транспортного комплекса Российской Федерации в современных условиях. URL: http://www.eav.ru/publ1.php?publid=2009-06a03
15. Национальные экономические интересы и тенденции развития морских перевозок углеводородных ресурсов в Арктике /Отв. Ред. С.Ю. Козьменко, В.С.Селин. – Апатиты: изд. Кольского научного центра РАН, 2009. – 163 с.
16. Пилясов А. Стратегия развития Арктической зоны России на период до 2020 года. URL:http://www.forumstrategov.ru/upload/documents/pilyasov.pdf?PHPSESSID=71e6e567bc9967c95814e67f8926e8d6
17. Расходы на развитие транспортной инфраструктуры в России в 2010-2012 гг. сократятся в 3 раза. URL: http://asninfo.ru/asn/57/16682
18. Севморпуть – это самое настоящее министерство. URL:http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1511280
19. Север как объект комплексных региональных исследований/ Отв. ред. В.Н.Лаженцев. – Сыктывкар, 2005. – 512 с.
20. Скобелев П. В плену у бюджета Правительство вынуждено отказаться от финансирования некоторых ФЦП. "Российская газета". 18.03.2010. №5134 (55)
21. Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. URL:http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php
22. Шестопалов М. Вектор устремлений - Арктика. Проблемы устойчивого развития арктической зоны России. URL: http://www.inoforum.ru/forum/index.php?showtopic=9698

References

12. Varnavskiy V. Investments in the transport infrastructure should be continued // Logistics and management . -2009. – No.11. – P. 42-46.
13. Guriev A. Impulse for the Russian North development (Electronic resource): “Parlamentskaya gazeta” No. 33-34(2449-2450) of 25.06.2010. URL: http://www.severcom.ru/aboutnorth/item103-1.html
14. EUROASIA. News. Development of the transport complex of the Russian Federation under the modern conditions. URL: http://www.eav.ru/publ1.php?publid=2009-06a03

15. National economic interests and development trends of sea traffic of hydrocarbon resources in the Arctic/Edited by. S. Yu. Kozmenko, V.S. Selin. – Apatity: publishing house of the Kola Science Centre of RAS, 2009. – 163 p.
16. Pilyasov A. Development strategy of the Russian Arctic zone for the period to the year of 2020. URL:http://www.forumstrategov.ru/upload/documents/pilyasov.pdf?PHPSESSID=71e6e567bc9967c95814e67f8926e8d6
17. Expenditures for the transport infrastructure development in Russia in 2010-2012 will be cut 3 times. URL: http://asninfo.ru/asn/57/16682
18. The North Sea Route is a real Ministry. URL:http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1511280
19. The North is as an object of complex regional studies/ Edited by V.N. Lazhentsev. – Syktyvkar, 2005. – 512 p.
20. Skobelev P. Because of the budget problems the Government had to give up financing some of the Federal target programs. "Rossiyskaya gazeta". 18.03.2010. No. 5134 (55).
21. Strategy of socio-economic development of Siberia to the year of 2020. URL:http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php
22. Shestopalov M. The striving vector is the Arctic. Issues of sustainable development of the Russian Arctic zone. URL: http://www.inoforum.ru/forum/index.php?showtopic=9698

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ НА СЕВЕРЕ

Ерохина Т.Е., аспирантка ИЭП КНЦ РАН,
преподаватель кафедры менеджмента и экономики
филиала Костромского государственного университета им Н.А. Некрасова

В данной статье рассматривается проблема экономической политики в муниципальном образовании, обоснована необходимость системного подхода к взаимодействию органов муниципальной власти, бизнеса и населения, который в наиболее общем виде можно определить как «социальное партнерство». Отражена необходимость применения стратегического планирования в целях улучшения развития города, показана актуальность формирования стратегического выбора в двух направлениях: разработки имеющейся природно-сырьевой базы и развития туристко-рекреационной деятельности. Рассмотренные действия помогут привлечь в муниципальное образование дополнительные инвестиции и создать новые рабочие места, что, в конечном итоге, приведет к пополнению бюджета города.

Ключевые слова: муниципальное образование, город, экономика, политика, стратегическое планирование, социальное партнерство.

ECONOMIC POLICY AND STRATEGIC PLANNING IN A MUNICIPALITY IN THE NORTH

Erokhina T.E., Ph.D. student of IES KSC RAS,
lecturer of department of management and economics
Branch of Nekrasov Kostroma State University

The article discusses the problem of economic policy in a municipality, there is substantiated the necessity of system approach to interactions between municipal authorities, businesses and the population that in a more general way can be identified as “social partnership”. The necessity of applying strategic planning for improvement of the municipal development is reflected, topicality of forming the strategic choice in two directions: elaboration of the existing natural resource basis and development of tourist-recreation activities is shown. The considered activities will help to attract additional investments to the municipality and to create new jobs that will finally result in additional revenues for the municipal budget.

Key words: municipality, town, economy, policy, strategic planning, social partnership.

Экономическая политика является важнейшим элементом в управлении деятельностью муниципальных образований. Однако нормативная база городов в этой сфере крайне ограничена, как и бюджетные расходные полномочия. Складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны активная экономическая политика необходима для укрепления местных бюджетов, а с другой – инструменты такой политики крайне ограничены. Представляется, что на современном этапе такими инструментами могут выступать стратегическое планирование и социальное партнерство.

В качестве основных направлений муниципальной экономической политики могут рассматриваться:

- вовлечение общественности в процесс стратегического планирования устойчивого развития территории, государственно-частное партнерство и тесное взаимодействие с местным научным сообществом;
- реализация на региональном и муниципальном уровнях приоритетных национальных проектов, поскольку муниципалитеты обеспечивают адаптацию государственной политики, федеральных программ, политических и экономических моделей устойчивого развития к местным условиям;
- выработка экономической стратегии при активном взаимодействии органов государственной власти субъекта Федерации и органов местного самоуправления, преследующей цель достижения качественного экономического роста, как одного из важнейших показателей устойчивого развития соответствующей территории;
- совершенствование межбюджетных отношений в рамках выработки ключевых направлений устойчивого развития является инновационным инструментом построения эффективной региональной и муниципальной экономики и тесным образом связано с финансовым обеспечением функций органов местного самоуправления.
- применение методов адаптивного стратегического планирования.

Решение вышеперечисленных задач на уровне муниципалитета в настоящее время является весьма проблематичным, так как на сегодняшний день еще не решены общегосударственные проблемы, связанные с развитием страны и российского общества в целом. В общем, их можно свести к следующему:

- процесс рыночного реформирования экономики и создания конкурентной среды не завершен;
- в подавляющем большинстве муниципальных образований структурообразующие предприятия находятся в состоянии производственного и финансового кризиса;
- формирование самих муниципальных образований происходит в границах сложившихся административно-территориальных единиц, созданных, зачастую, без учета экономических возможностей их самостоятельного существования;
- процесс формирования муниципальной собственности, в том числе на землю как основной ресурс территориального развития, также далек от завершения;
- не сложилась еще система взаимоотношений и четкого разделения полномочий между субъектами РФ и муниципальными образованиями, входящими в их состав, что увеличивает степень неопределенности, в которой приходится планировать свое будущее большинству административно-территориальных единиц страны;

- до недавнего времени не были определены национальные стратегические приоритеты социально-экономического развития страны.

Отмеченные обстоятельства трудно характеризовать в качестве благоприятных условий для становления стратегического муниципального планирования. Ведь вследствие их влияния у большинства субъектов управления нет осознанной потребности в стратегическом планировании своего развития, устойчивой мотивации к проведению соответствующих прогнозно-аналитических работ.

Не менее важными являются проблемы научного характера, которые вытекают из непонимания научной составляющей стратегии развития города. В ее основу должны быть положены научные методы, позволяющие наиболее адекватно оценить социально-экономическую обстановку в муниципалитете, правильно определить цели развития и разработать комплекс мер по реализации стратегии.

Анализ стратегий развития городов России, а также социально-политических и экономических условий, в которых они разрабатываются и анализируются, изучение специфики властных отношений, дает основание сделать вывод, что почти повсеместно вопросы стратегического развития решаются в отрыве от глубокой реорганизации структур управления, пока еще достаточно слабо используются нормативно-правовые инструменты, хотя в отдельных муниципалитетах принимаются законы или положения о концепции развития, предусматривающие необходимость согласования бюджетных планов и приоритетов развития. Местные сообщества редко и слабо вовлекаются в разработку стратегий развития.

Стратегическое планирование развития муниципального образования пока является новым типом организации управленческой и экономической деятельности в России. В настоящее время происходит активное освоение этого механизма развития муниципальных образований. Вместе с тем существующая организация стратегического планирования требует дальнейшего совершенствования и концептуальной проработки. Для успешного претворения в жизнь стратегических планов необходима выработка четких максимально верно сформулированных стратегических целей развития города. Большинство городов России своих стратегиях прописывают главной стратегической целью повышение качества жизни населения. [1,2].

Исходя из сложившихся общероссийских тенденций в муниципальном образовании г. Кировск постепенно начинается активный этап разработки и принятия стратегического плана. Попытки разработать стратегический план развития города предпринимались и ранее, но, к сожалению, они не привели ни к какому видимому эффекту.

В рамках наиболее эффективного развития муниципальному образованию г. Кировск предлагается формировать стратегический выбор в двух направлениях: развитие традиционных отраслей и развитие инновационных технологий в рамках инновационного подхода.

Традиционным для Кировска является развитие горнодобывающей и горноперерабатывающей промышленности. Для развития данного вида деятельности имеется ресурсная база, присутствует инвестиционная активность бизнеса, как местного, так и российского масштаба. В ближайшие несколько лет ожидается окончание разработки новых месторождений «Олений ручей» и «Партомчорр» ЗАО «Северо-Западная фосфорная компания». Данное предприятие было основано в 2005 г. с целью создания альтернативной рудно-сырьевой базы на месторождениях Кольского полуострова. Это, несомненно, положительно отразится на экономическом и социальном развитии г. Кировска, так как позволит создать определенную конкуренцию на местном рынке труда, а также привлечет дополнительные доходы в бюджет города.

Еще одним направлением экономического развития может стать туристско-рекреационная деятельность. Рекреационный потенциал территории позволяет эффективно развивать инфраструктуру отдыха и туризма, создавать объекты рекреации всех уровней – местного, регионального, федерального значения. Развитие туризма можно отнести как к традиционным, так и к инновационным направлениям развития. Кировск имеет богатый туристический потенциал, о развитии которого говорится в течение многих десятилетий. Однако до сих пор эта сфера

деятельности не приносит муниципальному образованию существенных доходов. Вместе с тем, эффективная совместная работа органов региональной и местной власти привела к высокой степени развития туристической сферы, повышению ее доходности в некоторых регионах России.

Также при разработке стратегического плана необходимо помнить, что достижение целей устойчивого развития, успешная модернизация муниципальной экономики и социальной сферы предполагает выстраивание эффективных механизмов взаимодействия между обществом, бизнесом и властью, направленных на координацию усилий всех сторон, обеспечение учета интересов бизнеса и различных социальных групп общества при выработке и проведении социально-экономической политики и разработки стратегического плана развития города.

Совершенно очевидно, что устойчивое развитие муниципалитета сегодня невозможно без консолидации ресурсов местных сообществ, что в свою очередь, возможно только при согласовании интересов всех уровней власти, бизнеса и некоммерческого сектора.

В Кировске между властью и представителями коммерческих структур (в первую очередь, это градообразующее предприятие ОАО «Апатит») налажен тесный диалог, результатом которого стало активное участие местных предпринимателей в решении социальных проблем города. Средства, перечисляемые коммерческими предприятиями и организациями на социальные нужды, подтверждают готовность предпринимателей покрывать ими же создаваемые социальные риски (зависимость уровня занятости от деятельности нескольких крупных предприятий) и в определенной степени содействовать повышению доходов малоимущих граждан. Взамен представители бизнеса стремятся получить ресурс общественного признания, статус социально ответственных предпринимателей и положительную оценку их активного участия в жизни местного сообщества.

Как уже упоминалось выше, градообразующее предприятие ОАО «Апатит» активно участвует в деятельности местного сообщества, принимая на себя часть расходов по улучшению социальной жизни населения г. Кировска. Перечень и величина данных расходов представлены ниже в таблице 1.

Таблица 1 – Затраты ОАО «Апатит» на реализацию социальных программ в г. Кировске в 2009 г. [3]

№ п/п	Наименование программы	Сумма затрат, млн. руб.
1	Социальная политика	785
2	Оздоровление и отдых трудящихся	43,8
3	Программы развития шефских связей по предпрофильной и профильной подготовке учащихся для самоопределения и выбора будущей профессии	0,65
4	Программа закреплении шефов за дошкольными образовательными учреждениями	1,2
5	Программа популяризации рабочих профессий и профориентации молодежи	0,99
6	Занятия межшкольного факультатива «МВД-проф»	0,15
7	Программа «Дети Кольской Земли» (совместно с Мурманской и Мончегорской Епархией РПЦ)	0,95
8	Программа взаимодействия с подшефными воинскими подразделениями и кораблями Северного флота, через которую для работников предприятия организуются экскурсии на флот	0,6
9	Конкурс социально-значимых проектов «Проблемы города решаем вместе» (было принято 37 проекта, из них 18 получили финансовую поддержку)	2,3

10	Программа «Молодежь XXI века», направленная на социальную поддержку и профессиональную адаптацию молодых работников ОАО «Апатит», организацию их позитивной общественной деятельности в русле социальной политики и решения производственных задач ОАО «Апатит»	3,3
	ИТОГО:	838,94

Для сравнения, в том же 2009 г. на развитие и поддержку социальной сферы муниципалитетом г. Кировска было затрачено 1121,57 млн. руб. [4].

Рисунок 1 – Финансирование социальных программ г. Кировска в 2009 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что предприятие ОАО «Апатит» вкладывает достаточно большие средства в развитие города. При этом доля расходов ОАО «Апатит» немногим уступает расходам самого муниципалитета (рисунок 1), но предприятие старается развивать те сегменты социальной сферы, на которые не хватает средств у городских властей, т.е. дублирование расходов происходит в очень малой степени и оказывается больший спектр социальных услуг.

Сегодня бизнес-сообщество должно стать опорой местной власти при реализации на территории таких приоритетных направлений как: жилищно-коммунальное хозяйство; реконструкция коммунальной инфраструктуры; обустройство дорог; развитие туризма; культура; физическая культура и спорт; молодежная политика; создание рабочих мест и др.

Решение муниципальными образованиями приоритетных вопросов в рамках ограниченных финансовых и организационных возможностей не представляется возможным. Поэтому бизнес должен способствовать привлечению муниципалитетами для решения поставленных задач различных источников финансирования.

Муниципальный и частный секторы могут эффективно взаимодействовать в условиях, когда местные органы власти среди приоритетных направлений социально-экономического развития муниципалитетов определят такие, как: создание благоприятного инвестиционного климата на территории, повышение инвестиционной привлекательности объектов муниципальной собственности, обеспечение частным инвесторам возможности вложения инновационных ресурсов в сферу услуг.

Таким образом, роль бизнес-сообщества в развитии муниципальных образований достаточно значима и обоюдовыгодна: бизнес-среда способствует реализации концепций и программ социально-экономического развития территорий, а муниципальные образования, в свою очередь, обеспечивают развитие различных, в том числе инновационных, направлений бизнеса.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в современном городе должна активно развиваться модель взаимодействия трех секторов местного сообщества: власти, бизнеса и некоммерческих организаций, которая наиболее комплексно определяется категорией «социальное партнерство». Социальное партнерство как система взаимодействия власти, бизнеса и общественных организаций основывается на следующих принципах [1]:

8. Системный характер социального партнерства.
9. Взаимовыгодный характер. Проявляется, прежде всего, в трехстороннем подходе к оценке эффективности.
10. Добровольный характер.
11. Интеграция социального партнерства в деятельность сторон и ответственность.
12. Реальный и прагматичный характер.
13. Разноуровневость социального партнерства.
14. Информационная открытость социального партнерства.

На основе данных принципов должны формироваться приоритетные направления развития социального партнерства на определенной территории.

Одним из таких принципов можно назвать готовность горожан принять личное участие в решении городских проблем, что зависит в свою очередь от их мотивированности к участию в процессе принятия решений, касающихся перспектив развития города, с одной стороны, и от сформированности умений компетентно принимать участие в разработке и реализации этих решений, с другой стороны.

Стратегия взаимодействия бизнеса, власти и общественных организаций должна носить взаимовыгодный характер для всех сторон-участников. В этой связи стратегией социального партнерства следует считать создание на взаимовыгодной основе условий и эффективную реализацию мер властью, бизнесом и общественными организациями по развитию человеческого капитала на определенной территории. Стратегия социального партнерства служит оплотом формирования системы подцелей, тактических и оперативных целей и задач.

Подводя итоги, можно утверждать, что экономическая политика муниципалитета должна формироваться с применением принципов комплексного стратегического планирования на основе расчетных показателей качества жизни с использованием принципа адаптивности, позволяющего сформировать концепцию городского развития с учётом возможных изменений внешней среды, которые могут обусловить корректировку целей, приоритетов и механизмов их реализации. При разработке программы устойчивого развития муниципалитета необходимо обеспечивать включенность в этот процесс представителей бизнес-сообщества и населения, что позволит строить работу по повышению экономического потенциала муниципалитета, улучшению условий жизни населения города.

Литературы:

5. Кузнецова О.Б. Комплексная модель взаимодействия власти, бизнеса и общественных организаций в стратегии развития региона. Режим доступа: http://bali.ostu.ru/umc/arhiv/2006/1/Kuznecova.doc
6. Бузырев В.В., Гаделия Д.Г., Федосеев И.В. Стратегические аспекты развития мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга). // Проблемы современной экономики, №3 (15). Режим доступа: http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=20956
7. http://www.kirovsk-city.ru/ru/news/19122
8. Распределение расходов местного бюджета по разделам, подразделам, целевым статьям и видам расходов функциональной классификации расходов бюджета на 2009 год // Приложение № 5 к решению Совета депутатов города Кировска от 15.12.2009 № 78

УДК 336.025

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ

СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

Зайцева Е.И.,
кандидат экономических наук,
консультант Мурманской областной Думы

В статье рассматриваются современные проблемы формирования бюджетов субъектов Российской Федерации. Особое внимание уделено межбюджетным отношениям и возможностям повышения бюджетной обеспеченности северных регионов РФ.

***Ключевые слова**:* Полномочия, предметы совместного ведения, доходная база бюджетов, расходные обязательства, собственные источники, налоговые поступления, межбюджетные отношения, концепция, современные методики, качество управления, региональные и местные финансы.

PROBLEMS AND WAYS OF INCREASING BUDGET PROVISION OF NORTHERN REGIONS

Zaytseva E.I.,
Ph.D. (Econ.), consultant of the Murmansk State Duma

The article discusses present problems of forming budgets of regions of the Russian Federation. A special attention is paid to inter-budget relations and possibilities of raising budget provision of northern regions of the RF.

Key words: authorities, joint jurisdiction, revenue basis of budgets, expenditure obligations, internal sources, tax revenues, inter-budget relations, concept, modern methodologies, management quality, regional and local finances.

Бюджеты субъектов Российской Федерации, территории которых полностью или частично отнесены к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям (далее - северные регионы), имеют особые, характерные только для них расходные обязательства, связанные с экстремальными природно-климатическими условиями, недостаточной транспортной обеспеченностью, низкой плотностью населения, особенностями обеспечения продукцией, прежде всего топливно-энергетическими ресурсами и продовольствием отдаленных регионов с ограниченными сроками завоза грузов. Этот перечень, показывает высокую степень зависимости жизнеобеспечения северных территорий от уровня достаточности бюджетных средств.

В то же время северные регионы в значительной степени отличаются между собой по уровню обеспеченности бюджетными доходами.

В качестве критерия оценки установлен расчетный уровень бюджетной обеспеченности, используемый при распределении по субъектам Российской Федерации средств федерального бюджета, направляемых на финансовую помощь регионам. По указанным расчетам к обеспеченным регионам, имеющим высокие собственные бюджетные доходы и не получающим финансовой помощи из федерального бюджета (регионы - доноры), в 2011 году относятся 6 из 24 северных регионов (Пермский край, Тюменская и Сахалинская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа). Эти территории имеют высокоразвитую промышленность, прежде всего, по добыче и переработке углеводородного сырья, уровень их бюджетной обеспеченности выше 100%, поэтому в дальнейшем их бюджетная обеспеченность анализироваться не будет. При этом необходимо иметь в виду, что показатели Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов в расчетах межбюджетных отношений учитываются в составе Тюменской области, ненецкого автономного округа – в составе дотационной Архангельской области. Сахалинская область регионом-донором в 2011 году будет впервые, и ее показатели будут учитываться в сравнительном с предыдущими годами анализе [1].

Таблица 1

Бюджетная обеспеченность северных регионов до и после распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности

	2010 г.		2011 г.		2013 г. (для справки)	
	До распределения ФФПР	После распределения ФФПР	До распределения ФФПР	После распределения ФФПР	До распределения ФФПР	После распределения ФФПР
Республика Алтай	0,190	0,641	0,203	0,640	0,185	0,565
Республика Бурятия	0,425	0,669	0,430	0,667	0,443	0,601
Республика Карелия	0,585	0,688	0,596	0,686	0,587	0,622
Республика Коми	0,848	0,882	0,866	0,895	0,898	0,904
Республика Саха	0,351	0,660	0,369	0,660	0,349	0,588
Республика Тыва	0,174	0,640	0,183	0,638	0,169	0,563
Забайкальский край	0,480	0,675	0,530	0,679	0,522	0,612
Камчатский край	0,195	0,642	0,202	0,640	0,200	0,567
Красноярский край	0,821	0,861	0,987	0,990	0,973	0,974
Приморский край	0,549	0,683	0,552	0,681	0,561	0,618
Хабаровский край	0,589	0,688	0,592	0,686	0,595	0,623
Амурская область	0,483	0,676	0,558	0,682	0,596	0,623
Архангельская область	0,537	0,682	0,630	0,710	0,640	0,661
Иркутская область	0,684	0,755	0,814	0,855	0,819	0,829
Магаданская область	0,306	0,655	0,361	0,659	0,335	0,586
Мурманская область	0,878	0,905	0,835	0,871	0,825	0,835
Сахалинская область	0,700	0,767	1,347	1,347	1,380	1,380
Томская область	0,700	0,767	0,694	0,761	0,691	0,709
Чукотский авт. округ	0,539	0,682	0,815	0,855	0,776	0,789

Из таблицы 1 видно, что по расчетам, в 2011 году из остальных 18 северных регионов один регион (Красноярский край) будет иметь бюджетную обеспеченность 99%, четыре региона - от 90% до 80%, два - от 80% до 70% и одиннадцать - от 70% до 60%.

Особую тревогу вызывает то, что в условиях действующей системы межбюджетных отношений в последние годы бюджетная обеспеченность наиболее дотационных северных регионов падает. Причем эта тенденция прогнозируется и в дальнейшем. У 9 северных регионов расчетная бюджетная обеспеченность в 2011 году ожидается ниже уровня 2010 года. В 2013 году расчетная бюджетная обеспеченность ожидается ниже уровня 2010 года уже у 14 северных регионов, у 12 регионов она будет ниже 70 %, причем у 5 из них - ниже 60%. За весь период использования данного способа определения расчетной бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации она никогда не опускалась до такого низкого показателя.

Для оценки потенциала жизнеобеспечения и развития регионов важное значение имеет бюджетная обеспеченность за счет собственных доходов, т.е. без учета межбюджетных трансфертов из федерального бюджета. Таблица 1 наглядно показывает, что три северных региона (республики Алтай и Тыва и Камчатский край) имеют уровень бюджетной обеспеченности до распределения дотаций менее 30%, республики Бурятия, Саха (Якутия) и Магаданская область входят в группу регионов, уровень бюджетной обеспеченности которой колеблется в пределах 30-50%, в группу регионов с бюджетной обеспеченностью от 50% до 70% вошли 7 регионов (Республика Карелия, Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Архангельская и Томская области), уровень бюджетной обеспеченности от 70% до 100% имеют 5 северных регионов (Республика Коми, Красноярский край, Мурманская, Иркутская области, Чукотский автономный округ).

Следовательно, представленные показатели расчетной бюджетной обеспеченности показывают, что большинство северных регионов не имеют достаточных средств для реализации возложенных на них расходных полномочий, не говоря уже о возможности направления средств на меры, направленные на устойчивое социально-экономическое развитие территорий, и, соответственно, на повышение уровня своих бюджетных доходов.

В тоже время, при распределении средств федерального бюджета, выделяемых на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2011 год, размер дотаций, по сравнению с 2010 годом (Таблица 2), сокращен 8 северным регионам (Республика Бурятия, Забайкальский и Красноярский края, Амурская, Архангельская, Иркутская и

Магаданская области, Чукотский автономный округ). Причем у четырех из них расчетная бюджетная обеспеченность после распределения дотаций ниже 70%.

Следует отметить, что фонд финансовой поддержки регионов не выполняет в полной мере функцию выравнивания бюджетной обеспеченности. Во-первых, это связано с его недостаточным объемом. Объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности на 2011-2013 годы сохранится на уровне 2010 года и составит 396995,7 млн. рублей ежегодно. Очевидно, что такого общего объема указанных дотаций недостаточно для снижения уровня дифференциации бюджетной обеспеченности регионов и обеспечения гарантий субъектам Российской Федерации в исполнении их расходных обязательств. Во-вторых, много нареканий вызывает методика распределения средств фонда. Неоднократно отмечалось, что эта методика излишне формализована' и не отражает реальных возможностей регионов по мобилизации налогооблагаемых ресурсов, основывается в основном на показателях прошлых лет и недостаточно учитывает происходящие изменения в экономике и социальной сфере и повышенные бюджетные расходы, вызванные северными специфическими факторами [1, 2].

Таблица 2

Динамика дотаций выделяемых на выравнивание бюджетной обеспеченности

	2009 г.		**2010** г.		**2011** г.	
	всего (тыс. руб.)	к **2008** г.	всего (тыс. руб.)	к **2009** г.	всего (тыс. руб.)	к **2010** г.
Республика Алтай	**5 761 914,20**	**1,31**	**5 849 275,30**	**1,02**	**5 982 034,20**	**1,02**
Республика Бурятия	**12 874 899,30**	**1,23**	**11 587 695,30**	**0,90**	**10 774 731,40**	**0,93**
Республика Карелия	**1 132 362,30**	**0,74**	**2 213 826,60**	**1,96**	**2 765 154,60**	**1,25**
Республика Коми	**453 524,00**	**1,44**	**1 135 021,90**	**2,50**	**1 473 746,10**	**1,30**
Республика Саха (Якутия)	**35 113 715,20**	**1,54**	**39 200 910,40**	**1,12**	**39 771 181,40**	**1,01**
Республика Тыва	**9 451 507,40**	**1,29**	**9 066 421,30**	**0,96**	**9 556 761,30**	**1,05**
Забайкальский край	**7 766 553,40**	**1,23**	**8 317 299,80**	**1,07**	**6 014 887,30**	**0,72**
Камчатский край	**10 680 706,80**	**1,33**	**22 249 700,50**	**2,08**	**29 342 236,60**	**1,32**
Красноярский край	**460 083,40**	**0,13**	**3 187 823,70**	**6,93**	**379 070,40**	**0,12**
Приморский край	**8 472 108,40**	**1,16**	**9 593 939,50**	**1,13**	**10 331 696,80**	**1,08**
Хабаровский край	**5 124 660,90**	**1,08**	**6 269 168,90**	**1,22**	**7 017 002,20**	**1,12**
Амурская область	**6 236 861,30**	**1,07**	**7 049 760,70**	**1,13**	**5 079 561,20**	**0,72**
Архангельская обл.	**5 218 147,90**	**1,11**	**7 598 047,50**	**1,46**	**5 466 546,80**	**0,72**
Иркутская область	**6 503 130,10**	**0,97**	**6 678 309,70**	**1,03**	**4 150 620,80**	**0,62**
Магаданская область	**7 985 985,00**	**1,41**	**8 504 083,40**	**1,06**	**7 614 173,70**	**0,90**
Мурманская область	**1 106 901,40**	**0,9**	**1 072 730,70**	**0,97**	**1 599 383,60**	**1,49**
Сахалинская область	**3 171 263,20**	**1**	**2 854 264,80**	**0,90**	**-**	**-**
Томская область	**1 473 916,50**	**1,12**	**2 369 367,20**	**1,61**	**3 133 509,80**	**1,32**
Чукотский а.о.	**1 762 867,00**	**1,02**	**1 692 724,30**	**0,96**	**466 620,40**	**0,28**
В целом по России	**373 995 657,9**	**-**	**396 995 657,9**		**396 995 657,9**	-

Анализ положения дел показывает, что на настоящее и будущее состояние бюджетной обеспеченности северных регионов в наибольшей степени влияют целый ряд факторов, связанных с проводимыми бюджетной и налоговой политикой, межбюджетными отношениями.

Одним из них выступает высокий уровень зависимости бюджетной обеспеченности многих северных субъектов Российской Федерации от безвозмездных поступлений в региональные и местные бюджеты, основную часть которых составляют межбюджетные трансферты из федерального бюджета.

Анализ данных по структуре доходов консолидированных бюджетов за 2010 год, наглядно показывает, что у двух северных регионов (республики Алтай и Бурятия) доля безвозмездных поступлений в общей структуре доходов консолидированного бюджета превышает 80%, еще у пяти - 50%, у семи регионов составляет от 30% до 50% и у пяти - не превышает 30%.

В связи с этим вызывает тревогу опубликованный Министерством финансов Российской Федерации в Основных направлениях бюджетной политики на 2011 год и плановый период 2012 и 2013 годов подход, предусматривающий уменьшение объема межбюджетных трансфертов, выделяемых региональному уровню бюджетной системы Российской Федерации из федерального бюджета. Так, незначительный (на 2%) рост в 2011 году сменяется последовательным существенным снижением финансовой помощи в 2012 и 2013 годах (соответственно на 17% и на 5%). По важнейшему для абсолютного большинства субъектов Российской Федерации нецелевому виду межбюджетных трансфертов - дотациям на выравнивание бюджетной обеспеченности, также

предусматривается снижающийся в реальном выражении (с учетом инфляции) тренд в части объема выделения из федерального бюджета.

Такой подход не позволит создать условия для полноценной реализации задач, поставленных в Бюджетном послании Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2011-2013 годах, предусматривающих проведение всесторонней модернизации экономики, создание условий для повышения ее эффективности и конкурентоспособности. Решение упомянутых задач невозможно и без формирования в составе региональных бюджетов значительных по объемам «бюджетов развития», на что несомненно оказывает влияние проводимая на федеральном уровне политика сокращения объемов межбюджетных трансфертов [3].

Снижение или прекращение финансирования из средств федерального бюджета ряда социальных расходов начинается с 2010 года, отменено софинансирование из федерального бюджета части обязательств субъектов Российской Федерации. К ним, в частности, относятся:

- предоставление гражданам субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг;
- предоставление мер социальной поддержки отдельным категориям граждан (за исключением реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий);
- выплата компенсации части родительской платы за содержание ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования;
- организация оздоровительных компаний детей;
- обеспечение автомобильными дорогами новых микрорайонов массовой и многоквартирной застройки, а также строительство, модернизация, ремонт и содержание автодорог общего пользования, в том числе, в поселениях в рамках подпрограммы «Автомобильные дороги»)

Отмена субсидий регионам привела к росту дополнительных расходов их бюджетов, так например, на выплату компенсаций части родительской платы в 2010 году из республиканского бюджета Республики Коми было выделено 125,5 млн. рублей.

Соответственно, сохраняется риск значительной несбалансированности региональных и местных бюджетов и невыполнения ими своих расходных полномочий, в том числе, по важнейшим социальным обязательствам.

С 2011 года также вводятся существенные изменения законодательства, приводящие к очередным некомпенсируемым сокращениям доходов или увеличениям расходов бюджетов субъектов Российской Федерации.

Так, например, с 1 января 2011 года значительно увеличена нагрузка на бюджеты субъектов Российской Федерации за счет роста тарифов страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с 26% до 34%. В этой связи, выпадающие доходы консолидированного бюджета республики Бурятия в 2011 году оцениваются в сумме около 770,0 млн. рублей или 5% налоговых доходов. Дополнительные расходы консолидированного бюджета Красноярского края на указанные цели оцениваются в сумме 3,7 млрд. рублей.

Сохраняется практика наделения субъектов Российской Федерации и муниципальных образований полномочиями без финансового обеспечения, либо без достаточного финансового обеспечения.

Много нареканий вызывает объективность Методики распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, и от этого в значительной степени зависит уровень бюджетной обеспеченности северных регионов. Исходя из этого предлагается ряд предложений по изменению порядка распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, в том числе следующие:

- критерием выравнивания бюджетной обеспеченности должен являться гарантированный уровень бюджетной обеспеченности, необходимый для выполнения установленных полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Распределение средств дотаций должно производиться исходя из указанного критерия. Для этого на федеральном уровне необходимо: 1) разработать и утвердить стандарты бюджетных услуг и минимальные нормативы финансовых затрат на их предоставление; 2) производить распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов

Российской Федерации, гарантирующее обеспечение предоставления услуг на уровне минимальных нормативов;

- при расчете дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности предусматривать механизм увеличения объема дотаций на очередной финансовый год до уровня не ниже объема текущего финансового года для субъектов Российской Федерации, у которых уровень бюджетной обеспеченности до распределения дотаций менее 50%;

- утверждать методику распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности на долгосрочную перспективу (три года), поскольку ежегодные изменения подходов к ее распределению, а также изменение объемов, не дают возможности принимать бюджеты субъектов Российской Федерации на три года;

- ввести в расчет индекса бюджетных расходов повышающий коэффициент для территорий с низкой плотностью населения, поскольку обеспечение доступности услуг приводит к увеличению расходов на содержание малокомплектных учреждений;

- увеличить значение показателя - «расчетный удельный вес расходов на жилищно-коммунальное хозяйство и коммунальные услуги, а также других расходов, на формирование которых оказывает влияние стоимость жилищно-коммунальных услуг, в среднем по консолидированным бюджетам всех субъектов Российской Федерации» до действовавшего ранее уровня -0,25, так как снижение удельного веса коэффициента стоимости жилищно-коммунальных услуг в Методике распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации привело к существенному сокращений дотаций для многих северных территорий.

В завершение, необходимо отметить, что низкий уровень бюджетной обеспеченности, несбалансированность бюджетов, ограниченные возможности по наращиванию доходного потенциала многих северных субъектов Российской Федерации не позволяют в полной мере обеспечить закрепленные за ними расходные обязательства и стабильное социально-экономическое развитие. Как показала практика работы, пока не удалось создать эффективной системы межбюджетных отношений, позволяющей обеспечить каждый субъект Российской Федерации объемом бюджетных средств, достаточным для реализации их расходных полномочий и развития.

Литература:

4. О федеральном бюджете на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов: федер. закон Российской Федерации № 357-ФЗ от 13.12.2010//"Собрание законодательства РФ", 20.12.2010, N 51 (1 ч.), ст. 6809 (Закон, прил. 1 - 8, 14), "Собрание законодательства РФ", 20.12.2010, N 51 (2 ч.), ст. 6809 (прил. 11, 16), "Собрание законодательства РФ", 20.12.2010, N 51 (3 ч.), ст. 6809 (прил. 20, 23, 26, 27, 30, 31, 34 - 43).

5. О федеральном бюджете на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 годов: федер. закон РФ № 308-ФЗ от 02.12.2009 // Собр. законодательства РФ. – 2009 № 49 (1ч.). - Ст.5869, № 49 - Ст.5869.

6. Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации о бюджетной политике в 2010-2012 годах: "Парламентская газета", N 28, 29.05.2009

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРА

Симоненков В.П.,
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник отдела промышленной и инновационной политики
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье систематизированы стратегические цели инновационного развития промышленности и в целом регионов Севера. Представлена схема формирования стратегических целей инновационного развития промышленности увязывающая в единое целое все элементы

целевой концепции. Выполнена оценка стратегических целей инновационного развития в плане реализации задачи повышения конкурентоспособности промышленной продукции на внутренних и внешних рынках, а также в сфере модернизации промышленности.

Ключевые слова: стратегические цели, инновационное развитие, целевые ориентиры, приоритетные проблемы, природные ресурсы.

MAIN PRINCIPLES OF THE STRATEGY OF REGIONAL DEVELOPMENT IN THE NORTH

Simonenkov V.P.
Ph.D. (Econ.)
Senior researcher of department of industrial and innovation policy
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The article systematizes strategic goals of innovation development of industry and regions of the North as a whole. There is presented the scheme of forming strategic goals of innovation development bringing together all elements of the target conception. Strategic goals of innovation development are analyzed regarding raising competitiveness of industrial production at domestic and foreign markets as well as in the field of industry modernization.

Key words: strategic goals, innovation development, targets, priority issues, natural resources.

Разработка стратегических целей инновационного развития региона, включая его промышленный потенциал, представляет собой долгосрочные ориентиры, реализация которых обеспечивает переход всего промышленного комплекса Севера в новое качественное состояние.

Стратегия становится ядром концепции стратегического управления инновационным развитием. Стратегия означает программу, постоянно учитывающую перспективную цель (цели), выбор путей и средств, ведущих к достижению установленной цели (целей). В этой связи систему стратегического управления инновационным развитием промышленности региона предлагаем рассматривать с опорой на следующую структуру:

- условия и предпосылки инновационного развития промышленности региона;
- стратегические цели инновационного развития промышленности региона и основные направления их достижения;
- механизм реализации стратегических целей инновационного развития промышленности региона.

Из предложенной структуры следует общая логика формирования инновационных целей промышленности региона. При анализе структуры планирования на передний план выходит точка зрения, в соответствии с которой на практике всегда преследуются одновременно несколько целей. Планирование (формирование) стратегических целей может, следовательно, происходить лишь в рамках некоторой системы целей, которая должна удовлетворять определенным требованиям. Основными из них являются реалистичность, долгосрочность, актуальность, действенность, реализуемость (осуществляемость), соответствие организационной структуре, проверяемость[1].

Вариант системы стратегических целей инновационного развития промышленности Севера, который бы удовлетворял всем перечисленным требованиям, реализовать на практике трудно, так как это предполагает сложные процедуры, для выполнения которых в системе целей отражающих специфику Севера отсутствуют в настоящее время соответствующие методы и средства.

Тем не менее, существующие методические разработки по проблеме создания эффективной системы стратегии развития предприятий (отрасли деятельности) на инновационной основе показывают, что всё их многообразие, по сути, сводится к целевому методу, методу верификации целей и методу обратных связей .

Наиболее приемлемым подходом решения задачи стратегического целеполагания в сфере инновационного развития промышленности является метод обратных связей, так как он в определённой последовательности действий тесно связывает стратегический курс развития экономики региона с системой стратегических целей его инновационного развития. Предложенная нами схема формирования стратегических целей инновационного развития промышленности, увязывает в единое целое все элементы целевой концепции. (см. рис.). На первоначальном этапе производится стратегический анализ социально-экономического развития региона с целью выявления проблем и определения стратегического выбора. Далее, намечаются стратегические цели развития экономики региона и целевые ориентиры по развитию отраслей промышленности с выявлением приоритетных проблем, решение которых предполагает использование передовых технологий. На заключительном этапе производится формирование системы целей инновационного развития промышленности региона на стратегическую перспективу.

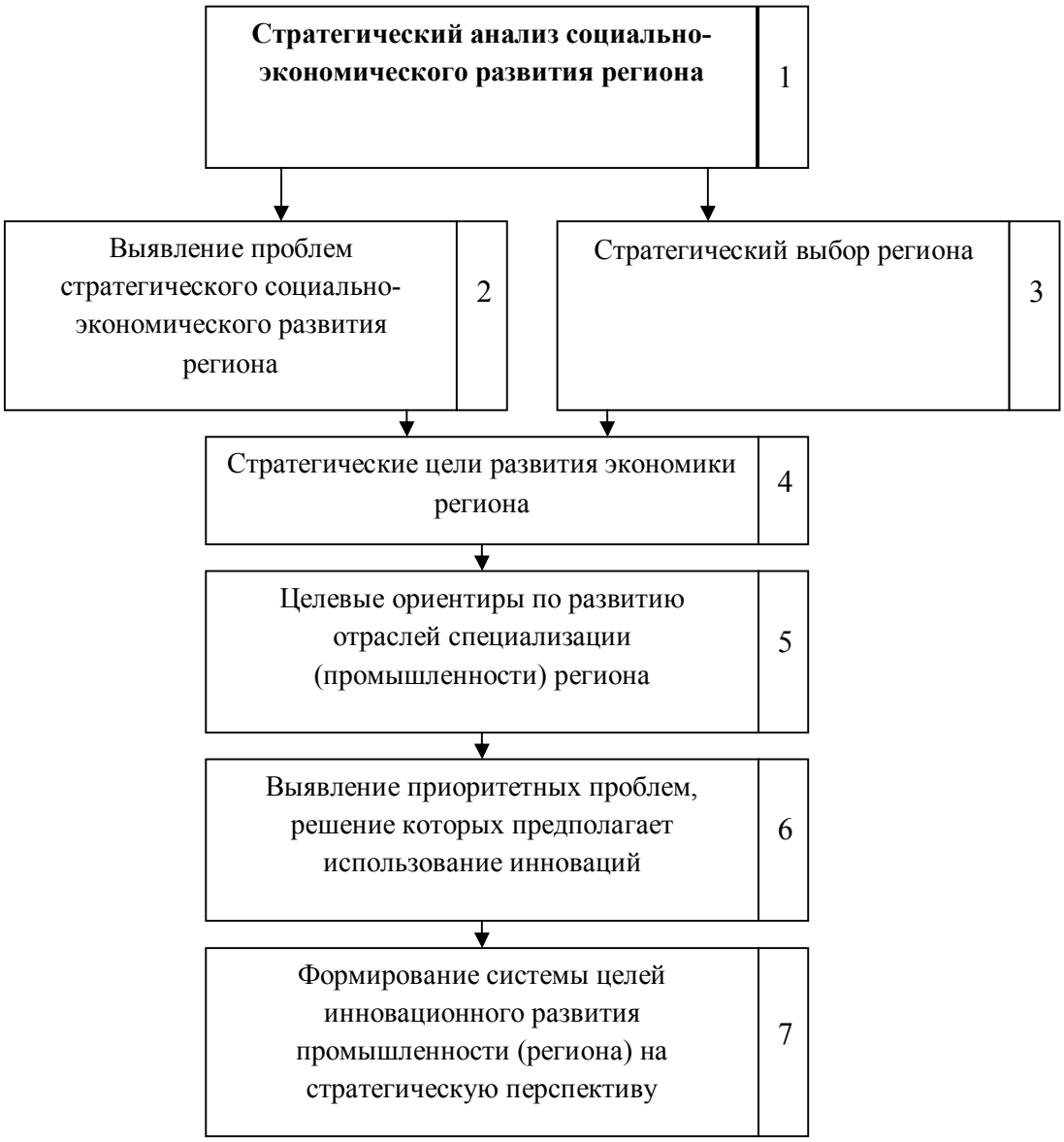

Рис. Принципиальная схема определения стратегических целей инновационного развития промышленности (региона)

Принципиальным положением данной схемы является то, что стратегические интересы отраслей специализации совпадают со стратегическими интересами региона. В свою очередь реализация стратегического выбора региона побуждает промышленность (предприятия) к развитию производств, имеющих инновационный характер и ориентированных на долгосрочную перспективу.

Реализация такого подхода обеспечивает предприятиям промышленности длительное пребывание на рынке. Предпосылкой этому служат стабильные конкурентные преимущества, обеспеченные научно обоснованными рекомендациями стратегического характера.

Обратная связь является средством формирования системного механизма. При выборе целей развития необходимо исходить, прежде всего, из инновационного потенциала и развивать самые многообещающие, перспективные технологии. Поэтому опорой в этом плане будут являться сильные, динамично работающие предприятия промышленности. И в первую очередь необходимо развивать те технологии (проекты), в которых предприятия промышленности могут реализовать наибольший объем добавленной стоимости.

В настоящее время не все российские предприятия Севера РФ включают инновационную составляющую в общую политику управления предприятием по ряду причин, в том числе и из-за отсутствия четкого представления об эффективности инновационной стратегии.

Как было отмечено, цели предприятия (отрасли) могут быть стратегическими в случае, если выбранная цель работает на перспективу, на развитие и использование инновационного потенциала предприятия с целью обновления и усовершенствование товаров, продуктов, технологий, техники и др.

В таблице представлен блок стратегических целей инновационного развития промышленности и в целом регионов Севера, который даёт некоторое представление о перспективах в плане реализации задачи повышения конкурентоспособности промышленной продукции на внутренних и внешних рынках, а также в сфере модернизации промышленности на инновационной основе.

Стратегические цели инновационного развития регионов Севера

Регионы Севра	Стратегические цели региона	Стратегические цели промышленности
Республика Коми [2]	1. Создание эффективной инновационной инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие всех участников инновационного процесса на всех этапах инновационного цикла. 2. Формирование системного спроса на результаты исследований и разработок со стороны предпринимательского сектора.	1. Широкое внедрение современных инновационных методов увеличения нефтеотдачи пластов (тепловых, газовых, химических, микробиологических). 2. Применение принципиально новых технологий разработки высоковязких нефтей Ярегского и Усинского месторождений, обеспечивающих значительное повышение нефтеотдачи пластов. 3. Получение новых виды продукции (сжиженный газ, прямогонный бензин, топливо дизельное летнее и зимнее, топливо нефтяное (мазут) и бензиновую фракцию).

Архангельская область [3]	Эффективное использование научно-технического потенциала региона для обеспечения прогрессивных структурных преобразований в сфере материального производства и повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции.	1. Создание конкурентоспособной специализированной морской техники для освоения континентального шельфа и Северного морского пути. 2. Увеличение доли современной продукции машиностроения в структуре оборота обрабатывающих и добывающих производств. 3. Развертывание программ содействия технологической модернизации и продвижению инновационной продукции судостроительных предприятий на рынки. 4. Реализация уникального по своим масштабам инновационного проекта по производству и использованию биотоплива. В рамках проекта предполагается реконструировать и построить новые котельные с применением новейших технологий, основанных на сжигании биотоплива. Также предусматривается внедрение инновационных технологий в производство и передачу локальными котельными тепловой энергии.
Ненецкий АО [4]	Создание наукоемких, высокотехнологичных. территориальных и производственных кластеров.	Строительство первой в России линии по производству синтетического жидкого транспортного топлива.
Мурманская область [5]	1. Инновационное развитие региона и реализация кластерной политики. 2. Создание условий для появления и вывода на рынок технологических инноваций.	1. Повышение эффективности использования природно-ресурсного потенциала на основе внедрения технологических инноваций, обеспечивающих комплексность использования сырья и экологическую безопасность производства. 2. Увеличение доли инновационной продукции в общем объеме выпуска до 30-40%. 3. Снижение доли работников занятых во вредных и опасных (не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам) условиях, не менее чем в 2 раза за счёт внедрения инновационных технологий.
Ханты-Мансийский АО [6]	1. Создание условий для совершенствования существующих и разработки новых технологий. 2. Обеспечение высокой эффективности деятельности научно-образовательного	1. Переход на наукоемкие производственные технологии нефтедобычи, позволяющие ввести в эксплуатацию как новые, так и ныне бездействующие скважины на выработанных месторождениях. 2. Создание нефтегазохимического

	комплекса систем. 3. Формирование системы венчурного инвестирования высокорисковых наукоемких инновационных проектов.	кластера, основу которого составят новые высокотехнологичные рентабельные производства по переработке углеводородного сырья и выпуску метанола, поливинилхлорида (ПВХ), клеящих и пропиточных меламино-карбамидо-формальдегидных смол, высококачественного битума.
Республика Саха (Якутия) [7]	Создание условий для активного использования инноваций самого широкого спектра направлений – технологий, менеджмента, маркетинга, финансов.	1 Содействие промышленным компаниям в активном использовании инноваций всего спектра направлений – технологических, инноваций в области менеджмента, маркетинга, финансов и др. 2. Создание условий для роста новых малых инновационных, технологически ориентированных предприятий, в том числе выделяющихся из состава научно-образовательных учреждений.
Камчатский край [8]	Формирование инновационной инфраструктуры, которая окажет положительное воздействие на развитии современной городской среды.	1. Создание производств, обеспечивающих развитие высокотехнологичных отраслей в рыбной промышленности, на транспорте, в судостроении и ремонте, в энергетике. 2. Модернизация рыбообрабатывающей промышленности в рамках инвестиционных и инновационных проектов с целью глубокой переработки водных биологических ресурсов.
Магаданская область [9]	1. Обеспечение устойчивого экономического развития Магаданской области с использованием инновационного потенциала. 3. Подготовка нормативно правовой базы, стимулирующей всех участников инновационного процесса к внедрению результатов научно-технической деятельности в различные сферы экономики. 3. Создание единой системы использования результатов научно-технической деятельности, обеспечивающей прохождение инноваций от стадии исследований до стадии коммерциализации	1. Строительство современного предприятия инновационного типа по комплексному извлечению в процессе промывки золота сульфидных материалов, из которых попутно можно извлекать драгоценный металл. 2. Формирование горнодобывающего кластера, развитие которого связано с наращиванием объема добычи драгоценных и цветных металлов с применением инновационных технологий. 3. Организация новых производств в промышленности строительных материалов с применением новейших ресурсно-энергосберегающих технологий для выпуска пеногазобетонных блоков,

	инновационного продукта.	базальтового утеплителя и другой продукции.
Ямало-Ненецкий автономный округ [10]	1. Развитие и эффективное использование научно-технического и инновационного потенциала. обеспечивающего взаимодействие сектора исследований и инновационных разработок с реальным сектором экономики. 2. Организация центров высокой инновационной активности за счет создания инновационных программных территорий, развития сети технопарков, деловых, инженерных центров, развития наукоемких производств	Использование новейших технологий и технологических решений при создании новой газотранспортной системы. В частности, высокопрочные трубы диаметром 1420 мм из стали марки К65 (Х80) с внутренним гладкостным покрытием рассчитанные на рабочее давление 11,8 МПа (120 атмосфер), а также новые технологии и материалы при сварке.

Прежде всего, необходимо отметить, что в экономике регионов Севера превалирует низкое производственное разнообразие. Традиционные отрасли: добыча и переработка полезных ископаемых с акцентом на нефте- и газодобычу, образуют костяк экономики Севера. Новые и высокотехнологические отрасли выступают в лучшем случае символическим приложением к ним. Следовательно, выпуск конкурентоспособной продукции в подавляющем большинстве случаев связан с углеводородным сырьём.

В средне- и долгосрочной перспективе планируется выпуск новых конкурентоспособных видов таких как сжиженный газ, прямогонный бензин, топливо дизельное летнее и зимнее, мазут и бензиновая фракция.

Машиностроительная отрасль в основном предполагает увеличение доли современной конкурентоспособной продукции, но не определилась с конкретными её видами.

В эпоху тотальной экономии энергоресурсов заслуживает внимания стратегически важный проект по производству и последующему использованию биотоплива для котельных. Для северных регионов планируемое к выпуску топливо является остро необходимым, тем более, что к 2020 году возможен значительный рост альтернативных источников топлива.

Регионами, определившимися с выпуском конкурентоспособной продукции, являются Республика Коми, Архангельская область. Часть регионов Севера только декларирует свои намерения по выпуску данной продукции. Среди них Тюменская область, Камчатский край. Остальные регионы не готовы к реализации стратегически важной проблемы - выпуск конкурентоспособной продукции.

В сфере модернизации промышленности Севера целевая стратегия предусматривает её в традиционных отраслях: нефтегазовом комплексе, нефтехимической промышленности, машиностроении и металлообработке и рыбообрабатывающем комплексе.

Модернизация в промышленности позволит перейти на более наукоёмкие производственные технологии. В нефтедобыче это снижение издержек, ввод в эксплуатацию как новых, так и бездействующих скважин на выработанных месторождениях, как следствие-увеличение степени извлечения нефти. Тем самым будет достигнута главная цель – недопущение снижения годовой добычи нефти к 2020 году.

В целом существует понимание того, что без модернизации промышленности невозможно освоение выпуска конкурентоспособной инновационной продукции, ориентированной как на экспорт, так и на замещение импорта.

Стратегические цели промышленности, формирующие инновационную экономику регионов Севера на долгосрочную перспективу условно можно разделить на две группы.

Первую группу целей формируют регионы, перспективы и направления инновационного развития которых достаточно чётко определены. Это Республика Коми, Архангельская область, Саха (Якутия) и Тюменская область.

Во вторую группу входят все остальные регионы, где промышленность плохо воспринимает инновационные разработки, следовательно, в перспективе переход к инновационному развитию не представляется возможным. Но при активной государственной региональной политике они способны внести существенный вклад в стратегическую линию инновационного развития.

Для этого, в настоящее время, необходимо быстрыми темпами осуществляют строительство собственной промышленной индустрии глубокой переработки добываемых углеводородов, стремясь таким образом увеличить эффективность использования своих природных ресурсов.

Углеводородное сырье при комплексной переработке дает начало целым классам химических соединений, стоимость которых от передела к переделу увеличивается в разы. Они являются ценными экспортными продуктами с высокой добавленной стоимостью и, созданные для переработки, дают сотни тысяч рабочих мест, а также дополнительные налоговые отчисления.

Литература

11. Ширенбек Х. Экономика предприятия: Учебник для вузов. 15-изд. / Пер. с нем. под общ. ред. И.П. Бойко, С.В. Валдайцева, К. Рихтера.-СПб.: Питер,2005. – 848с.
12. Стратегия экономического и социального развития Республики Коми на период до 2020 года. (Одобрена постановлением Правительства Республики Коми от 26 января 2009 года). [электронный ресурс]. Режим доступа - law.rkomi.ru/document.php?id=7616&order=19&page...7...
13. Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2030 года (Одобрена распоряжением администрации Архангельской области №278-ра/48 от 16 декабря 2008 года). [электронный ресурс]. Режим доступа -www.arhzan.ru/data/files/docs/replace_1.pdf
14. Особенности формирования и реализации программ социально-экономического развития регионов, находящихся в экстремальных условиях (на примере Ненецкого автономного округа). Выездное заседание Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов. г. Нарьян-Мар, 17 октября 2008 года. [электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.pmconsulting.ru/pub/pub3.php
15. Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2025 года. (Принята Постановлением Правительства Мурманской области от 26 августа 2010 года №383-пп). [электронный ресурс]. Режим доступа -www.kspmo.ru/files/otchet_minekonom_mo_2010.doc
16. Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа до 2020 года (Приложение к распоряжению Правительства автономного округа от 14 ноября 2008 года, №491-рп). [электронный ресурс]. Режим доступа - ftp://lib.herzen.spb.ru/text/vtorushina_114_84_88.pdf
17. Егоров Н.Е. Формирование стратегии инновационного развития республики Саха (Якутия). Проблемы современной экономики, №4 (24) 2007год. [электронный ресурс]. Режим доступа - www.m-economy.ru/art.php3?artid
18. Стратегия социально-экономического развития Камчатского края до 2025 года. Москва,2009 год. [электронный ресурс]. Режим доступа - www.reec.rushydro.ru/.../Development_strategy_Kamchatskyi_kray_2025. pdf
19. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года (Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г., №2094-р). [электронный ресурс]. Режим доступа -www.referent.ru/1/148998
20. Стратегия долгосрочного социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года (Утверждена постановлением Государственной Думы от 9

декабря 2009 года №1990). [электронный ресурс]. Режим доступа - www.minregion.ru/upload/02_dtp/sub_starteg.xls

References

11. Shirenbek H. Economy of enterpise: Textbook for higher educational institutions. 15-ed. / Translation from German. General edition by I.P.Boiko, S.V.Valdaitsev, K.Rikhter.- St.Petersburg,2005. – 848p.
12. Strategy of economic and social development of the Komi Republic for the period to the year of 2020. (Approved by the resolution of the Government of the Komi Republic of January 26, 2009). [Electronic resource]. Access mode: law.rkomi.ru/document.php?id=7616&order=19&page...7...
13. Strategy of socio-economic development of the Arkhangelsk region to the year of 2030. (Approved by the resolution of the Arkhangelsk region administration No. 278-pa/48 of December 16, 2008). [Electronic resource]. Access mode: www.arhzan.ru/data/files/docs/replace_1.pdf
14. Specificity of forming and realization of programs of socio-economic development of regions being under extreme conditions (case study of the Nenets autonomous okrug). Field meeting of the Committee of the Federation Council on issues of the North and minorities. Naryan-Mar, October 17, 2008. [Electronic resource]. Access mode: http//www.pmconsulting.ru/pub/pub3.php
15. Strategy of socio-economic development of the Murmansk region to the year of 2025. (Adopted by the resolution of the Government of the Murmansk region of August 26, 2010 No. 383-pp). [Electronic resource]. Access mode: www.kspmo.ru/files/otchet_minekonom_mo_2010.doc
16. Strategy of socio-economic development of the Khany-Mansiyskiy autonomous okrug to the year of (Enclosure to the resolution of the Government of the autonomous okrug of November 14, 2008, No. 491-rp). [Electronic resource]. Access mode: ftp//lib.herzen.spb.ru/text/vtorushina_114_84_88.pdf
17. Egorov N.E. Forming the strategy of innovation development of the Sakha Republic (Yakutia). Issues of the modern economy No.4 (24) 2007. [Electronic resource]. Access mode: www.m-economy.ru/art.php3?artid
18. Strategy of socio-economic development of Kamchatka kray to the year of 2025. Moscow, 2009. [Electronic resource]. Access mode: www.reec.rushydro.ru/.../Development_strategy_Kamchatskyi_kray_2025. pdf
19. Strategy of socio-economic development of the Far East and Baykal region for the period to the year of 2025 (Approved by the resolution of the RF Government of December 28, 2009, No. 2094-r). [Electronic resource]. Access mode: www.referent.ru/1/148998
20. Strategy of long-term socio-economic development of the Yamal-Nenets autonomous okrug to the year of 2020 (Approved by the resolution of the State Duma of December 9, 2009 No. 1990). [Electronic resource]. Access mode: www.minregion.ru/upload/02_dtp/sub_starteg.xls

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Селин В.С.,
доктор экономических наук, профессор
главный научный сотрудник
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
Кольского научного центра РАН

В статье анализируются некоторые последствия экономического кризиса, рассматриваются основные трактовки понятия «устойчивое развитие», в том числе с позиций его специфики для различных территориальных систем. Анализируется неоднородность экономического пространства Севера России с позиций структуры производственных комплексов. Обосновываются принципы устойчивого развития и их специфические особенности для северных регионов.

***Ключевые слова**:* кризис, устойчивое развитие, территориальные системы, экономика, производственная деятельность, Север, регионы, принципы.

PRINCIPLES OF SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT OF NORTHERN REGIONS

V.S. Selin,
Doctor of economic sciences, professor,
chief researcher
Luzin Institute for Economic Studies
Kola Science Centre of RAS

The main interpretations of the "sustainable development" concept are considered, including that in terms of its specificity for different territorial systems. Heterogeneity of the economic expanse of the Russian North is analyzed in terms of production complexes' structure. Principles of sustainable development and their specificities for northern regions are substantiated.

***Key words**:* sustainable development, territorial systems, economy, production activities, the North, regions, principles.

Понятие «устойчивого развития», получившее свое классическое определение уже более трех десятилетий назад, и поныне вызывает ожесточенные споры как в теоретическом, так и прикладном аспекте. В первую очередь это связано с трудностью перехода от понятия к конкретным параметрам и критериям. Действительно, «обеспечение необходимого уровня жизни сегодняшних поколений» весьма затруднительно уже в том плане, что сам этот уровень отличается в передовых и отсталых странах в десятки раз и этот разрыв в последние десятилетия практически не меняется. Возникает проблема определения критериев уровня жизни в глобальном масштабе, которые были бы приняты мировым сообществом к долгосрочной реализации [1].

Еще больше вопросов возникает ко второй части определения – «не наносящее ущерба будущим поколениям». Не означает ли это, что все население планеты должно постоянно сокращать использование природных ресурсов и вредные выбросы в окружающую среду? Очевидно, что такое развитие в глобальном аспекте вряд ли возможно в условиях, когда необходимо обеспечить опережающий рост уровня жизни бедных стран, а богатые тоже не собираются его «замораживать». Ясно одно, что «сегодняшнее» поколение должно накладывать на себя возрастающие ограничения для блага «будущих» поколений, и что оно к этому вряд ли готово.

Аналогичные проблемы возникают в рамках национальных социально-экономических систем, где различия в уровне жизни в отдельных территориальных образованиях весьма велики и сглаживание их представляет собой достаточно болезненный процесс. Мировой опыт такого выравнивания имеется в основном в развитых странах (Германия, США, Япония), но он не основан на ресурсно-эксплуатирующем типе развития экономики регионов, поэтому в статье рассматриваться не будет. Основной своей задачей автор видит анализсовременных тенденций в экономике северных территорий Российской Федерации, проблем чрезвычайно интенсивной эксплуатации их природных ресурсов, ставящих под сомнение возможность их устойчивого развития в обозримой перспективе.

В зоне Севера расположено около 70% территории России, а разрабатываемые здесь природные ресурсы обеспечивают экономическую и энергетическую безопасность страны, являются основной базой пополнения федерального бюджета и источником валютных поступлений. Достаточно сказать, что северные субъекты РФ перечисляют в государственную

казну в 2 раза больше налогов и платежей, чем получают в виде обратных трансфертов. В районах Севера и Арктики добывается 90% природного газа и более 70% нефти, и в перспективе эти показатели будут только расти.

Широкомасштабное освоение природных ресурсов, которое осуществлялось в советское время при целенаправленной государственной поддержке, в переходной экономике выявило целый ряд проблем экономического, социального и экологического характера. Значительная часть северных территорий оказалась в депрессивном состоянии, которое вызвано снижением федеральной поддержки, ростом транспортных и энергетических тарифов, истощением ряда уникальных и крупных месторождений полезных ископаемых и других причин. Основным индикатором неустойчивости северных систем стал массовый отток населения, который составил за 20 лет около 3 млн. человек или более 20% населения Севера. А провозглашенная как официальная политика «одинаковое отношение ко всем регионам» обернулась совсем «неодинаковым» в отношении Севера, откуда, как уже отмечалось, поступает основная часть рентных платежей, в подавляющем большинстве других регионов просто отсутствующих.

В этой связи можно отметить, что теоретически устойчивое развитие северных территорий может и должно быть обеспечено за счет, как минимум, двух групп факторов. Во-первых, это перераспределение рентных платежей, которые обеспечили бы достойный уровень жизни проживающих и работающих в экстремальных условиях людей. Во-вторых, это диверсификация и инновационная перестройка экономики, которая обеспечила бы конкурентность хозяйственных систем в обозримой перспективе.

На основании изучения феномена устойчивого развития и с учетом полученных результатов в области экономики природопользования и региональной экономики Е.А.Куклина делает вывод о том, что развитие экономических систем соответствует устойчивому развитию в том случае, если выполняются три условия (требования) устойчивости [2]:

– предотвращение ущерба критическому природному капиталу;

– ограничение использования возобновляемых природных ресурсов уровнем, при котором обеспечивается их устойчивость;

– предотвращение необратимых процессов в природной среде.

Оптимальное управление экономическими системами с целью достижения ими устойчивого развития осуществляется на основе следующих двух принципов.

3. Принцип единства экономических, экологических и социальных аспектов. Суть принципа заключается в том, что экономическая система устойчивого природопользования/хозяйствования должна органично дополняться социально-экологическими факторами и критериями.

4. Принцип учета регионального аспекта управления. Суть принципа состоит в том, что обязательным является учет влияния сферы деятельности на социально-экономическое развитие региона при переходе его к устойчивому развитию.

На основе современных методологических и концептуальных представлений, выполненных в рамках изучения феномена устойчивого развития, можно сформулировать три критерия устойчивого развития экономической системы:

– повышение экономической эффективности функционирования;

– улучшение качества жизни населения территории;

– обеспечение равновесия в природной среде, что предполагает максимальное сокращение ущерба критическому природному капиталу, предотвращение необратимых процессов, ограничение потребления возобновляемых природных ресурсов уровнем, при котором обеспечиваются их устойчивость, учет и оценка издержек замещения.

Характеристики устойчивого развития должны охватывать все три сферы (экономическую, социальную и экологическую) и включать следующие показатели: оценку природно-ресурсного потенциала территории; величину поступлений в доходную часть бюджета в результате освоения природно-ресурсного потенциала; количество создаваемых рабочих мест; уровень социально-экономической стабильности; уровень рационального использования природных ресурсов; техногенную нагрузку на окружающую среду; величину экологического ущерба. В условиях

рыночной (или квазирыночной) экономики основным ее сектором выступает финансовая сфера, которая отличается крайне высокой подвижностью, неустойчивостью и подверженности спекулятивным воздействиям. При этом центры реального производства и финансовые центры территориально чаще всего не совпадают, особенно в природно-ресурсных экономиках.

В настоящее время сложились следующие основные типы финансовой модели российских регионов [2]:

1) *регионы со сбалансированным финансовым циклом,* т.е. совокупное сальдо входящих и выходящих финансовых потоков в региональную экономику сбалансировано, устойчиво и имеет относительно невысокое значение по отношению к валовому региональному продукту. При этом равновесны объемы товарного экспорта и импорта: объективный дисбаланс погашается либо за счет федеральных трансфертов и поступлений из других регионов РФ, либо контролируемыми расходами региона за его пределами, прежде всего прямыми инвестициями. Примерами финансовой модели данного типа могут служить экономически сильные регионы центральной и западной части России, Нижегородская и Самарская области, Татарстан и др.;

2) *регионы – финансовые доноры,* у которых объемы вывоза финансовых ресурсов не компенсируются притоком финансовых изменений извне. По всем каналам происходит перманентное «вымывание» денежных средств из экономики. Эта модель характерна для сырьевых, экспортно-ориентированных, экономически стагнационных регионов России;

3) *регионы-реципиенты,* экономика которых базируется на потреблении финансовых ресурсов, поступающих извне. Это - внешние инвестиции, потребительские расходы, расходы других субъектов РФ, налоговые платежи аккредитованных крупных компаний, осуществляющих свою производственную деятельность вне пределов данного региона. Яркий пример финансовой модели такого типа - г. Москва.

Тип финансовой модели определяется базисными экономическими условиями региона и предопределяет количественные соотношения между ее структурными составляющими.

Из этого следует, что объективные преимущества в сфере финансов получают регионы, обладающие значительными природными ресурсами и промышленностью, ориентированной на их добычу и переработку. Регионы, не имеющие такой экономической базы, получают свою долю природной ренты в виде федеральных трансфертов и субвенций. В существующих условиях ни один регион не в состоянии построить эффективную и самодостаточную внутреннюю финансовую систему, поэтому каждая региональная финансовая модель несовершенна.

Очевидно, что регионы Севера исключительно неоднородны как по природным ресурсам, так и по уровню освоенности. Впрочем, это относится и к другим природным зонам. Однако у северных территорий есть характерная особенность – сложные природно-климатические условия, определяющие повышенные издержки их освоения, которые в условиях рыночных отношений могут обеспечиваться только за счет природной ренты. Естественно, исключая случаи внеэкономических отношений, например, когда государство финансирует освоение, преследуя политические или оборонные цели. Впрочем, в реальной действительности все они достаточно тесно переплетены.

Пространственное распределение северных и арктических регионов России в существующей классификации производств достаточно условно. Однако в целом на регионы с преимущественным развитием добычи полезных ископаемых (природно-сырьевые) приходится 79,7% промышленной продукции, на регионы с преимущественным развитием обрабатывающих производств – 18% и на третью группу регионов – 2,3% (таблица 1).

Таблица 1 – Специализация районов Севера по объему отгруженных товаров, работ и услуг, выполненных собственными силами, %

Регионы	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
Всего	75,5	18,1	6,4

Природно-сырьевые регионы			
Ханты-Мансийский АО	93,8	1,9	4,3
Ямало-Ненецкий АО	90,1	6,4	3,5
Ненецкий АО	98,3	0,7	1,3
Республика Саха (Якутия)	79,0	6,6	14,4
Сахалинская область	74,7	11,3	31,5
Магаданская область	61,5	7,0	31,5
Республика Коми	57,2	31,7	11,1
Регионы с преобладающими обрабатывающими производствами			
Архангельская область	0,7	80,4	18,9
Республика Карелия	33,4	64,9	1,7
Мурманская область	29,5	48,2	22,3
Регионы с ведущей отраслью производства электроэнергии, газа и воды			
Чукотский АО	33,0	12,0	55,0
Камчатская область	18,6	37,0	44,4

На Севере России, в силу его ресурсно-сырьевой ориентации, рента может иметь в региональном продукте повышенный удельный вес, однако он вряд ли превысит 10%. Их может оказаться достаточно для возмещения удорожания производства, однако технической трудностью является выделение рентной составляющей в составе себестоимости и цены. Используемые для этого в настоящее время ресурсные платежи, такие, как налог на воспроизводство минерально-сырьевой базы или плата за пользование недрами очень малы по величине и не выполняют компенсационных функций себестоимости продукции. Рентных доходов, которые компенсировали бы удорожание содержания социальной сферы в городах Крайнего Севера, в явном виде не существует. Нечетко определены полномочия и предметы ведения в системе «государственное управление - местное самоуправление – организация» в отношении ресурсопользования.

Для определения уровня освоенности, как базовой характеристики для устойчивого развития, используются различные показатели, как частные, так и интегральные, как качественные, так и количественные. Они обычно рассчитываются на 1 км.кв. территории. Основным производственным фактором, влияющим на характер и степень освоения северных территорий, выступают природные ресурсы. Однако В.Г.Логинов считает более приемлемым признаком освоенности новых территорий степень развития инфраструктуры и, прежде всего, плотность наземной транспортной сети регулярного действия [3, с.24].

Лаженцев В.Н. следующим образом рассматривает освоение территории, его временные этапы [4, с.29]:

– проникновение – спонтанное и постепенное продвижение людей в новые места с целью получения ресурсов жизни, достаточных для ее воспроизводства;

– переселение – организованный скоротечный переезд людей на новое место жительства с надеждой на свободу и выгоды;

– передислокация – перевод производства в другие точки роста в силу истощения ресурсов прежних мест;

– экономическая интервенция – организованный захват территории и ее ресурсов с целью присоединения их к мировому, либо к национальному, либо к корпоративному рынку, а чаще всего ко всему перечисленному;

– управляемая интеграция – специализация отраслей и районов и их кооперация.

В данной классификации устойчивое развитие в его современном понимании может быть присуще только пятому этапу. И дело не в том, что четыре первых представляют собой достаточно кратковременный («скоротечный») период, а не длительное обживание, гарантирующее комфортные условия для больших масс людей. Только интеграция и кооперация производительных сил могут служить основой долгосрочной положительной экономической динамики.

В качестве подтверждения этого вывода можно привести данные, полученные в результате анализа финансовой деятельности Республики Саха (Якутия). Несмотря на то, что этот регион

имеет статус официального реципиента (отношение федеральных трансфертов к доходам бюджета составляет стабильно 6,2-6,3%), анализ первичных финансовых потоков показал, что этот субъект РФ – донор с несбалансированными каналами притока и оттока средств. При этом основными каналами вымывания ресурсов из региональной финансовой системы являются налоги, собираемые на ее территории и зачисляемые в федеральный бюджет; отчисления в федеральные внебюджетные фонды [5].

Можно отметить, что основными объектами анализа и регулирования в региональной экономике выступают, как правило, территориальные образования, являющиеся субъектами управления. В российской экономике – это края, республики и области (в данном исследовании рассматриваются те из них, которые полностью отнесены к районам Севера). Как уже отмечалось выше, по уровню экономического, а, следовательно, и социального развития они крайне неоднородны. Так, в структуре объема отгруженных товаров собственного производства 65,7% приходится на долю Уральского Севера (в т.ч. 51% - на Ханты-Мансийский и 14.4% - на Ямало-Ненецкий округа), в то время как их население составляет только 20%.

Стратегия инвестирования в экономику природно-ресурсного региона должна быть связана с освоением региональных «полюсов роста», созданием экспортно-ориентированных производств, организацией производств с полным циклом переработки и решением проблем ресурсосбережения. Таким образом, инвестиционная стратегия должна базироваться на принципах разумной диверсификации и ресурсосбережения и соответствовать основной цели реализации инновационного процесса региона.

В основу управления процессом устойчивого развития региона должны быть положены такие принципы, как принцип мониторинга; принцип баланса интересов; принцип последовательности; принцип максимального учета внешних факторов [2, 4, 6].

Принцип мониторинга обеспечивает оценку и системный анализ данных по реализации задач устойчивого развития региона, разработку сценариев развития, обоснование рекомендаций для территориальных органов управления по достижению целей устойчивого развития региона.

Принцип баланса интересов предполагает учет интересов всех субъектов рыночных отношений в регионе, включая интересы коренных малочисленных народов.

Принцип последовательности заключается в последовательной работе всех функциональных подсистем (анализ, планирование, реализация, контроль).

Принцип максимального учета внешних факторов обусловлен необходимостью учета всех факторов, влияющих на достижение параметров устойчивого развития региона, что является необходимым условием формирования модели управления, адекватной поставленным целям и задачам устойчивого развития.

Дополнительно для северных регионов могут быть сформулированы следующие положения:

– принцип протекционизма – направлен на создание государством на Севере для населения благоприятных условий проживания и особых отраслей хозяйства – государственного заказа в производимой продукции;

– принцип эквивалентности – означает, что вывоз ресурсов из районов Севера и Арктики должен компенсироваться обратными материальными потоками для развития социально-экономической сферы и финансовыми – для долгосрочных траст-фондов наследия;

– принцип экологичности – регулирование промышленного освоения Севера для бережного использования его природных ресурсов, сохранения и восстановления окружающей природной среды;

– принцип селективности – государственная поддержка должна оказываться организациям, обеспечивающим социальные задачи и выполняющим государственные заказы;

– принцип рационализации численности населения – создание условий для переезда нетрудоспособного и избыточного населения (закрытие гарнизонов, истощение месторождений и т.п.) в районы с благоприятными условиями проживания.

Литература

7. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). – Москва: Прогресс. – 1989. – 370с.
8. Куклина Е.А. Теория и методология устойчивого развития региона на основе управления промышленными комплексами. – СПб.: ИНЖЭКОН. – 2008. – 219 с.
9. Логинов В.Г. Социально-экономическая оценка развития природно-ресурсных районов Севера. – Екатеринбург: Ин-т экономики УРО РАН. – 2007. – 312 с.
10. Лаженцев В.Н. Проблемы Севера: специфика предмета научных исследований // Экономика региона. – 2007. – С.26-31.
11. Финансовые проблемы региона / Т.Н.Гаврилова, В.Т.Царев, А.В.Алексеева и др.; отв.редактор Е.Г.Егоров. – Новосибирск: Наука. – 2002. – 263 с.
12. Кибиткин А.И. Устойчивость сложных экономических систем. – Апатиты: изд-во КНЦ РАН. – 2000. – 203 с.

References

7. Our Common Future. Report of the International Commission on the Environment and Development. – Moscow: Progress. – 1989. – 370 p.
8. E.A. Kuklina Theory and methodology of sustainable development of a region on the basis of industrial complexes' management. – St. Petersburg: INZHECON. – 2008. – 219 p.
9. V.G. Loginov Socio-economic evaluation of developing nature resource-based regions of the North. – Ekaterinburg: Institute of economics of the Ural department of the Russian Academy of Sciences. – 2007. – 312 p.
10. V.N. Lazhentsev Challenges of the North: specificity of the research subject // Ekonomika regiona. – 2007. – P. 26-31.
11. Financial issues of a region / T.N. Gavrilova, V.T. Tsaryov, A.V. Alexeeva et. al.; managing editor E.G. Egorov. – Novosibirsk: Nauka. – 2002. – 263 p.
12. A.I. Kibitkin Sustainability of complex economic systems. – Apatity: publishing house of KSC RAS. – 2000. – 203 p.